

К. Г. Юнг
ЧЁРНЫЕ
КНИГИ

1913–1932

**записные книжки
о трансформации**

Часть I

К. Г. Юнг

ЧЁРНЫЕ КНИГИ

1913–1932

Записные книжки о трансформации

Часть I

Под редакцией Сону Шамдасани

Перевод Мартина Либшера
Джона Пек и Сону Шамдасани

C.G. JUNG

**THE BLACK
BOOKS**

1913–1932

Notebooks of transformation

Volume I

Edited by Sonu Shamdasani

Translated by Martin Liebscher,
John Peck, and Sonu Shamdasani

СОДЕРЖАНИЕ:

ЧАСТЬ I

Благодарности

5

На пути к визионерской науке:
записные книжки Юнга о трансформации

7

Примечание редактора

92

Перевод рун Юнга

94

Сокращения

99

Книга 2

12 ноября—29 декабря 1913 года

100

Книга 3

30 декабря 1913 г.—14 января 1914 г.

193

Книга 4

14 января—9 марта 1914 г.

250

ЧАСТЬ II

Книга 5

13 Марта 1914—30 Января 1916

5

Книга 6

30 Января 1916—21 Мая 1917

128

Книга 7

21 Мая 1917—15 Декабря 1932

262

Приложение

422

Благодарности

Фонд Филемона благодарит всех благодетелей, в частности, бывшего президента Джудит Харрис, так как благодаря им это издание стало возможным. Как со-президент Фонда с 2009 г. и президент с 2012 г., она одобрила и поддерживала проект. Я благодарю её и Тони Вульфсон за их преданный труд над неопубликованными работами Юнга и моей редактурой. Фонд Филемона благодарит Кеннон МакКи за ценное пожертвование этому проекту.

Этот проект долго созрел, прежде чем формально начаться. Летом 2000 г. я начал изучать *Чёрные книги* Юнга в контексте редактирования *Красной книги: Liber Novus*. Я хочу повторить свою благодарность уже упомянутым здесь людям, так как эта работа стала необходимым условием для подготовки этого издания. *Чёрные книги* и *Liber Novus* — это две части взаимосвязанного корпуса неопубликованных рукописей, и публикация *Чёрных книг* завершает начатую тогда работу.

«Что нам теперь делать?» — спрашивал меня Джим Мейрс осенью 2009 года после публикации *Liber Novus*. Я предложил *Чёрные книги*, тогда впервые выставленные в Музее Рубина в Нью-Йорке. Фонд Филемона поддержал проект. Я благодарю тогдашний совет директоров Фонда Филемона — со-президентов Нэнси Фурлотти и Джудит Харрис, Тома Чарльсуорта, Гильду Франц, Джеймса Холлиса, Джули Сгарци и покойного Юджина Тейлора, а также ставших впоследствии членами совета Энн Блейк, Ройса Фролиха, Майкла Марсмана, Одри Паннет, Ричарда Скьюса, Крейга Стивенсона, Джанет Тейтум и Катерину Веццолли. В 2010 г. Джим Мейрс убедил издательство W. W. Norton поддержать проект, а после того, как на это согласился Фонд работ К. Г. Юнга, в 2012 году началась работа.

Изучая *Чёрные книги* в 2010 году, Джим Мейрс неподражаемо описал, как он видел это издание. В 2016 году, когда редактура и перевод шли полным ходом, Джим скончался, и его очень не хватает. Я благодарю его коллег в W. W. Norton, в частности, Элизабет Керр, которые подхватили этот сложный проект и успешно довели до публикации. Лора Линдгрен разработала, спланировала и набрала это издание: опять-таки, для меня было приятно и познавательно продолжить сотрудничество, начатое с книги *C.G. Jung: A Biography in Books*, продолженное в *Red Book: A Reader's Edition* и *Lament of the Dead*. Я благодарю Джанет Байрн за методичную редактуру текста.

Я благодарю Фонд работ К. Г. Юнга за сотрудничество, без которого проект не состоялся бы. В частности, Томаса Фишера и Ульриха Хёрни. Я благодарю Андреаса и Врени Юнг за их гостеприимство во время многочисленных визитов для работы с библиотекой Юнга; Андреаса Юнга и Сюзанну Эггенбергер-

Юнг — за предоставленные бесценные сведения из семейных архивов Юнгов; Томаса Фишера и Беттину Кауфман — за пересмотр вводных замечаний и перевода; Сюзанну Хёрни — за первую расшифровку *Чёрных книг*; и Медею Хох и Беттину Кауфман — за подготовку полной верифицированной расшифровки. Окончательная ответственность за расшифровку лежит на мне.

Фонд работ К. Г. Юнга благодарит Ульриха Хёрни за его труды; Франца Юнга — за предоставление Ульриху Хёрни доступа к *Чёрным книгам* в середине 1990-х годов, когда материал находился в семейном архиве семьи Юнга; Андреаса Юнга — за предоставление доступа к дополнительным материалам из семейного архива, дающим некоторые контекстные сведения — в частности, к записной книжке со сновидениями Юнга и наброскам мандал.

Я благодарю Paul & Peter Fritz Agency и Фонд работ К. Г. Юнга за разрешение цитировать из неопубликованных писем и рукописей Юнга, а также Фонд работ К. Г. Юнга и Роберта Хиншоу за разрешение цитировать из Протоколов к *Воспоминаниям, сновидениям, размышлениям*.

Я благодарю Дороти и Феликса Нёф за их гостеприимство, а Феликса Нёфа — за разрешение цитировать из дневников Тони Вульф. Я благодарю его и Йоста Хёрни за обсуждение этих дневников, и Эрнста Фальцедера за прекрасную расшифровку трудного почерка.

В 2015 году начался перевод работы. Ко мне присоединились Мартин Либшер и Джон Пек, который был незаменим для поддержания духа во время созревания проекта. Тройственный процесс совместного перевода, переноса с одного языка на другой углубил моё понимание этой временами озадачивающей работы: её редактированию невероятно поспособствовали наши регулярные обсуждения того, как передать этот таинственный текст на английский язык.

Я благодарю участников семинара о *Liber Novus* и происхождении аналитической психологии, который идёт с 2011 года и даёт возможность для глубоких размышлений и обсуждений.

Я благодарю Лиз Грин за обсуждение астрологических отсылок Юнга и Виченте де Моура за сведения о Мэгги Райхштайн.

В UCL я благодарю Джо Вульфа и Дилвина Нокса за поддержку в критические моменты и Джеймса Уилсона за сотрудничество в учреждении и поддержке Гуманитарного центра здоровья.

Моя работа над этим изданием не была бы возможна без продолжительной поддержки Мэгги Бэрон. Я также благодарен Пьеру Келлеру за неизменную доброту и воодушевление.

В начале *Liber Secundus* в *Liber Novus* Юнг писал: «Дверь Тайны закрылась за мной». Я давно хотел вслед за ним почувствовать то же самое, и это стало возможно с доведением этого издания до конца.

На пути к визионерской науке: записные книжки Юнга о трансформации

Сону Шамдасани

В 1935 году Юнг сказал: «Примерно в тридцать пять лет наступает точка, когда вещи начинают меняться; это первый момент теневой стороны жизни, спуска к смерти. Очевидно, что Данте нашёл эту точку, и читавшие *Заратустру* узнают, что Ницше нашёл её тоже. Когда этот поворотный момент наступает, люди встречают его по-разному: некоторые отворачиваются, другие погружаются в него; и нечто важное снаружи происходит с остальными. Если мы этого не видим, за нас это делает Судьба».¹ К 1913 году он превратился в одного из ведущих светил европейской психиатрии и был президентом процветающей Международной психоаналитической ассоциации. Как он вспоминал в *Liber Novus*: «Я достиг всего, чего желал для себя. Я достиг почёта, славы, богатства, знания и всякого человеческого счастья. Затем моё стремление приумножения этих внешних атрибутов исчезло, желание отхлынуло от меня, и на его место пришёл ужас».² Он достиг поворотной точки, которая должна была преобразить его жизнь и работу: так Юнг стал Юнгом, и аналитическая психология появилась как общая психология и школа психотерапии.

Эта трансформация произошла через изучение визионерского воображения, описанного в *Чёрных книгах*, с 1913 по 1932 гг. Это не личные дневники, а записи об уникальном эксперименте над собой, который Юнг называл «столкновением со своей душой» и «столкновением с бессознательным».³ Он записывал не повседневные происшествия или внешние события, а своё активное воображение, изображения умственных состояний и размышления над ними. Из содержащихся в них фантазий между 1913 и 1916 гг. он составил *Черновик Liber Novus, Красной книги*,

¹ Лекция в Швейцарском федеральном технологическом институте (ETH) 14 июня 1935 года в Barbara Hannah, ed. *Modern Psychology, vols. 1 and 2: Notes on Lectures Given at the Eidgenössische Technische Hochschule, Zürich, by Prof. C. G. Jung, October 1933 — July 1935*, 2nd. ed. (Zürich, 1959), p. 223.

² *LN*, p. 127.

³ *MP*, p. 252; *Memories*, ch. 6. Юнг впервые использовал последнее выражение публично в 1916 г. в «The Transcendent Function» (CW 8, par. 183).

которую затем переписал в каллиграфический том, иллюстрированный картинами. Картины в *Красной книге*, начиная с 1916 года, связаны с непрерывными исследованиями Юнга в последующих *Чёрных книгах*. *Liber Novus* и *Чёрные книги* поэтому тесно переплетены. *Чёрные книги* покрывают период до, во время и после *Liber Novus*.

Liber Novus родилась из *Чёрных книг*. Она включает медитации Юнга над своими фантазиями между 1913 и 1916 гг., а также его понимание значения этих переживаний к тому моменту. По мнению Юнга, это предприятие имело отношение не только к нему, но и к другим людям тоже: он стал считать, что эти фантазии происходят из общего мифопоэтического слоя психики, который он называл коллективным бессознательным. Из записных книжек с записями экспериментов над собой была создана психологическая работа в литературной и теогонической форме. Продолжающееся изучение визионерского воображения в *Чёрных книгах* после 1916 г. описывает развивающееся понимание и демонстрирует, как он пытался проработать и расширить полученные озарения и воплотить их в жизни. В то же время, они позволяют понять его картины после 1916 г. в контексте эволюции иконографии его личной космологии.

Учитывая пересечение *Чёрных книг* и *Liber Novus*, особенно между 1913 и 1916 гг., это введение с необходимостью повторяет в переработанной и расширенной форме части введения к *Liber Novus*, теперь взятые под другим углом, так как обе работы возникают из единого контекста и разделяют общую хронологию. Данное введение фокусируется больше на разворачивании юнговского визионерского эксперимента над собой и предоставляет более полный контекст позднего периода, с 1916 по 1932 гг. Схожим образом, часть примечаний из *Liber Novus* 2009 г. издания была перенесена в первую часть этого издания. В начале двадцатого столетия работы нередко расширялись и перерабатывались в нескольких изданиях. Множество важнейших публикаций Юнга, такие, как *Психология бессознательных процессов*, служат тому отличными примерами. Это введение тоже относится к такому жанру.

Vocatus atque vocatus, deus aderit: Званный или нет, Бог будет присутствовать. В 1908 г. Юнг вырезал эту пословицу над входом в дом, построенный в Кюснахте, на северном берегу Цюрихского озера. Это высказывание дельфийского оракула, воспроизведённое голландским гуманистом эпохи Возрождения Эразмом в *Collectanea adagiorum*, сборнике пословиц классических авторов.¹ Юнг тщательно работал над планировкой дома.² На следующий год он ушёл с поста заведующего

¹ Desiderius Erasmus, *Opera Omnia*, II-3 (Amsterdam: Elsevier, 2005), pp. 240–41.

² См. Andreas Jung, Regula Michel, Arthur Rugg, Judith Rohrer, and Daniel Ganz, *The House of C. G. Jung: The History and Restoration of the Residence of Emma and Carl Gustav Jung Rauschenbach* (Zürich: Stiftung C. G. Jung Küsnacht, 2009).

отделением в больнице Бургхольцли, чтобы посвятить себя растущей практике и исследовательским интересам. Он сохранил пост лектора в медицинской школе, где продолжил читать курс по психологии бессознательного и психоанализу.¹

Его уход из Бургхольцли совпал со сдвигом в исследовательских интересах в сторону изучения мифологии, фольклора и религии, и он собрал обширную личную библиотеку научных работ. Эти исследования привели к созданию работы *Трансформаций и символов либидо*, опубликованной в двух частях в 1911 и 1912 гг. Она отметила возвращение Юнга к интеллектуальным корням и его культурным и религиозным увлечениям. Мифологическая работа оказалась для него захватывающей и опьяняющей. «Мне казалось, что я живу в рукотворном сумасшедшем доме», — вспоминал он в 1925 г. — «Вокруг меня вились эти фантастические персонажи: кентавры, нимфы, сатиры, боги и богини, словно они были пациентами, а я их анализировал. Я читал греческий или негритянский миф, словно безумец рассказывал мне анамнез».² Конец девятнадцатого столетия был отмечен взрывным ростом числа исследований в новых дисциплинах сравнительного религиоведения и этнопсихологии. Основные тексты собирали и переводили впервые, подвергая историческому изучению в собраниях вроде *Священных книг Востока* Макса Мюллера.³ Для многих эти работы привели к важной релятивизации христианского мировоззрения.

В *Трансформациях и символах либидо* Юнг различал два рода мышления. Опираясь, среди прочих, на Уильяма Джеймса, он различал между направленным и фантазийным мышлением. Первое было вербальным и логическим. Последнее — пассивным, ассоциативным и образным. Первое проявлялось в науке, последнее — в мифологии. Юнг утверждал, что древним недоставало способности к направленному мышлению, которое было современным приобретением. Фантазийное мышление появлялось, когда направленное мышление прекращалось. *Трансформации и символы либидо* была обширным исследованием фантазийного мышления и постоянного присутствия мифологических тем в снах и фантазиях современных людей. Юнг повторил антропологическое отождествление между доисторическим человеком, первобытным и ребёнком. Он полагал, что прояснение современного фантазийного мышления у взрослых одновременно прольёт свет на мышление детей, дикарей и доисторических народов.⁴

¹ Между 1909 и 1914 гг. Юнг читал курсы под следующими названиями: «Курс по психотерапии с демонстрациями», «Психопатология истерии», «Введение в психоанализ» и «Психология бессознательного» (Staatsarchiv, Zürich).

² *Introduction to Jungian Psychology. Notes of the Seminar on Analytical Psychology Given in 1925*, rev. ed. Sonu Shamdasani; orig. ed. William McGuire (Princeton: Princeton University Press, Philemon Series 2012), p. 24.

³ Max Müller, *Sacred Books of the East*, Oxford: Clarendon Press, 1879–1910, 50 vols. Юнг собрал почти все тома.

⁴ Jung, *The Psychology of the Unconscious Processes* (CW B, par. 26). В ревизии текста 1952 г. Юнг дал этому определение (*Symbols of Transformation*, 1952, CW 5, par. 29).

В этой работе Юнг синтезировал теории XIX столетия о памяти, наследственности и бессознательном и утверждал существование филогенетического слоя бессознательного, до сих пор присутствующего в каждом человеке и состоящего из мифологических образов. По Юнгу, мифы были символами либидо и изображали его типичные движения. Юнг использовал современный метод антропологии, чтобы свести вместе роскошное изобилие мифов, а затем подвергнуть их аналитическому толкованию. Позже он назвал такое использование сравнительного метода «амплификацией». Он утверждал, что должны быть типичные мифы, соответствующие этнопсихологическому развитию комплексов. Вслед за Яковом Буркхардтом, он назвал такие типичные мифы «изначальными образами» (*Urbilder*). Один особый миф получил центральную роль: миф о герое. По Юнгу, он изображал жизнь индивидуума, пытающегося стать независимым и освободиться от матери. Он толковал мотив инцеста как попытку возвращения в мать для перерождения. Позже он отмечал, что в этой работе было совершено открытие коллективного бессознательного, хотя сам термин появился позже.¹

В своём предисловии к переработанному изданию *Трансформаций и символов либидо* 1952 г. Юнг отмечал, что работа была написана в 1911 г., на тридцать шестом году жизни: «Это критическое время, так как оно отмечает начало второй половины жизни, когда нередко происходит метанойя, умственная трансформация».² Он осознавал утрату сотрудничества с Фрейдом и был в долгу перед женой за её поддержку. Завершив работу, он понял важность того, что значило жить без мифа. Человек без мифа «подобен оторванному от корней, не имеющему настоящей связи ни с прошлым, ни с жизнью предков, которая продолжается в нём, ни даже с современным обществом».³

Я вынужден был со всей серьёзностью спросить себя: «Какой миф я проживаю?» Я не нашёл ответа на этот вопрос, и пришлось признать, что я не жил с мифом, даже не жил в мифе, а скорее в неясном тумане теоретических возможностей, которые начал рассматривать со всё возрастающим недоверием. ... Так что самым естественным образом я начал всматриваться в себя, чтобы узнать «свой» миф, и считал это важнейшей задачей, ведь (так я сказал себе) как я могу при лечении пациентов должным образом учитывать личностный фактор, моё личное уравнение, столь необходимое для познания другого человека, если сам его не осознаю?»⁴

¹ «Address on the Founding of the C. G. Institute, Zürich, 24 April 1948», CW 18, par. 1131.

² CW 5, p. xxvi.

³ Ibid., p. xxix.

⁴ Ibid.

Исследование мифов открыло Юнгу, что он лишён мифа. Затем он попытался узнать свой миф, своё «личное уравнение».¹ Итак, мы видим, что эксперимент над собой, предпринятый через изучение своего фантазийного мышления, был частью прямой реакцией на теоретические вопросы, поднятые исследованием, приведшим к появлению *Трансформаций и символов либидо*.

В 1912 году у Юнга были важные сны, которые он не понял. Он придавал особую важность двум из них, которые, по его мнению, показывали ограничения представлений Фрейда о сновидениях. Первый:

Я был в южном городе, на ведущей вверх по склону улице с узкими лестничными площадками. Стоял полдень, и солнце светило ярко. Мимо меня прошёл старый австрийский таможенный чиновник или кто-то похожий. Кто-то сказал: «Это тот, кто не может умереть». Он умер уже 30—40 лет назад, но ещё никак не может разложиться. Я был очень удивлён. Тут появилась поразительная фигура — рыцарь мощного сложения, облачённый в желтоватую броню. Он выглядел крепким и непроницаемым, и ничто его не впечатляло. На спине у него был красный мальтийский крест. Он продолжал существовать с XII века, и каждый день между двенадцатью и часом дня шёл одним и тем же маршрутом. Никто не удивлялся этим двум явлениям, но я был крайне удивлён.

Я воздерживаюсь от толкования. Что до старого австрийца, то мне пришёл в голову Фрейд; а рыцарь — это я сам.²

Юнг счёл сон угнетающим и сбивающим с толку, и Фрейд тоже не смог его истолковать.³ Второй сон явился годом позже:

Тогда мне приснилось (это было вскоре после Рождества 1912 г.), что я сижу с детьми в чудесной и богато обставленной комнате башни, открытом зале с колоннами. Мы сидим за круглым столом, покрытым поразительным тёмно-зелёным камнем. Внезапно влетела чайка или голубь и села на стол. Я указал детям сидеть тихо, чтобы они не спугнули прекрасную белую птицу. Вдруг эта птица превратилась в ребёнка восьми лет, светловолосую девочку, и начала бегать вокруг, играя с моими детьми среди колонн зала. Затем ребёнок внезапно превратился в чайку или голубя. Она сказала мне следующее:

¹ См. *Introduction to Jungian Psychology*, p. 25.

² Книга 2.

³ О том, как Юнг впоследствии понял этот сон, см. *ibid.* n. 53.

«Только в первый час ночи я могу стать человеком, пока голубь занят двенадцатью мертвецами». С этими словами птица улетела, и я проснулся.¹

В 1925 году Юнг отмечал, что этот сон «породил убеждённость, что бессознательное состоит не из одного только инертного материала, в нём есть и что-то живое».² Он добавил, что думал об истории *Изумрудной скрижали*, двенадцати апостолов, знаках Зодиака и так далее, но «ничего не мог вывести из сновидения за исключением того, что в нём присутствовало невероятно оживление бессознательного. Я не знал техники, позволяющей разобраться в этой активности, и мог лишь ждать, продолжать жить и следить за фантазиями».³ Эти сны заставили его анализировать свои детские воспоминания.

Занимаясь этим самоанализом, он продолжал развивать теоретическую работу. На мюнхенском психоаналитическом конгрессе 7—8 сентября 1913 г. он говорил о психологических типах. Он утверждал, что есть два основных движения либидо: экстраверсия, при которой интерес субъекта направлен наружу, ко внешнему миру, и интроверсия, при которой интерес субъекта направлен на себя. Вслед за этим, он утверждал два типа людей, характеризующихся преобладанием одной из этих склонностей. Психологии Фрейда и Альфреда Адлера были примерами того факта, что психологи часто считают то, что верно для них самих, верным для всех вообще. Потому требовалась психология, воздающая должное обоим этим типам.⁴

На следующий месяц, путешествуя поездом в Шаффхаузен, проезжая мимо Рейнского водопада, поблизости от тех мест, где он провёл детство, Юнг во время бодрствования испытал видение Европы, уничтоженной катастрофическим потопом, и оно повторилось через две недели во время такого же путешествия. Как он позже вспоминал в *Liber Novus*:

Я увидел ужасный потоп, покрывший все северные земли и низменности между Северным морем и Альпами. Он протянулся от Англии до России,

¹ Книга 2.

² *Introduction to Jungian Psychology*, p. 12.

³ *Ibid.*, p. 43. Психиатру Э. А. Беннету, своему другу и биографу, он рассказывал: «Сначала он думал, что «двенадцать мертвецов» указывают на двенадцать дней перед Рождеством, так как это тёмное время года, когда традиционно собираются ведьмы. Сказать «перед Рождеством» всё равно что сказать «перед тем, как солнце снова оживёт», ведь день Рождества — это поворотная точка года, когда рождение солнца праздновалось в митраистской религии. ... Только гораздо позже он связал этот сон с Гермесом и двенадцатью голубями» (*Meetings with Jung: Conversations Recorded by E. A. Bennet during the Years 1946–1961* [London: Anchor Press, 1982; Zürich: Daimon Verlag, 1985], p. 93). В работе «О психологических аспектах фигуры Керы» (1941) Юнг представил тот же материал из *Liber Novus* (описывая его как часть серии сновидений) в анонимной форме («Случай Z»), проследив трансформации анимы. Он отмечал, что изложенный сон «показывает аниму в чудесной форме, т.е. лишь частично человеческой. Она вполне может быть и птицей, таким образом может полностью принадлежать к природе и исчезнуть (т.е. стать бессознательной) из человеческой сферы (т.е. сознания)» (CW 9, pt. 1, par. 371).

⁴ «On the Question of Psychological Types», CW 6.

от берега Северного моря вплоть до Альп. Я видел жёлтые волны, плавающий мусор и смерть несчётных тысяч людей.¹

После второго такого случая он услышал внутренний голос: «Посмотри, это совершенно реально, и это произойдёт. Можешь в этом не сомневаться».² В 1925 году он описывал событие так:

Я ехал на поезде и читал книгу. Я начал фантазировать, и вдруг оказался в городе, куда ехал. Это была фантазия. Я смотрел на карту Европы с облегчением. Я видел всю северную часть и Англию, тонувшие в поднявшемся море. Оно дошло до Швейцарии, и тогда я увидел, как горы становятся всё выше и выше, чтобы защитить Швейцарию. Я осознал, что происходит пугающая катастрофа, города и люди гибнут, и в воде плавают обломки и мертвецы. Затем море обратилось в кровь. Сначала я смотрел на это бесстрастно, а потом меня охватило чувство чудовищной катастрофы.³

Комментируя это, он заметил: «Я мог считаться Швейцарией, защищённой горами, и погружённость под воду может быть обломками моих прежних отношений».⁴ Это привело его к следующему диагнозу своего состояния: «Я подумал: «Если это что-то значит, мне безнадежно конец». У меня было чувство, что это чрезмерно компенсирующий психоз, и оно не отпускало меня до 1 августа 1914 г.»⁵ После этого переживания Юнг боялся, что сойдёт с ума.⁶ Он вспоминал, как первой мыслью было то, что образы указывают на революцию, но поскольку он не мог себе такого представить, то заключил, что ему «угрожает психоз».⁷ После у него было похожее видение:

Зимой я однажды стоял у окна поздно ночью и смотрел на север. Там я увидел кроваво-красное сияние, растянувшееся с востока на запад над северным горизонтом, словно мерцание видимого издалика моря. И тогда кто-то спросил меня, что я думаю о будущем мира. Я ответил, что не думал об этом, но видел кровь, потоки крови.⁸

¹ LN, p. 123.

² Ibid., p. 124.

³ *Introduction to Jungian Psychology*, p. 44.

⁴ Ibid., p. 47.

⁵ Ibid., p. 48.

⁶ Барбара Ханна вспоминает: «Юнг впоследствии обычно говорил, что мучительные сомнения в собственной разумности, должно быть, смягчались тем успехом, который он имел во внешнем мире, особенно в Америке» (C.G. Jung, *His Life and Work: A Biographical Memoir* [New York: Perigree, 1976], p. 109).

⁷ MP, p. 23.

⁸ Draft, JFA, p. 8.

В годы, прямо предшествующие разразившейся войне, апокалиптические образы были широко распространены в европейском искусстве и литературе. Например, в 1912 году русский художник Василий Кандинский написал о грядущей всеобщей катастрофе. С 1912 по 1914 гг. Людвиг Мейднер написал серию картин, известных как апокалиптические ландшафты со сценами уничтоженных городов, трупов и бедствий.¹ Пророчества носились в воздухе. В 1899 году известный американский медиум Леонора Пайпер предсказала, что в грядущем столетии будет ужасная война в разных частях мира, которая очистит мир и покажет истину спиритуализма. В 1918 году Артур Конан Дойль, спиритуалист и автор историй о Шерлоке Холмсе, считал это пророчеством.²

В юнговском описании фантазии на поезде в *Liber Novus* внутренний голос сказал, что показанная фантазия станет полностью реальной. Вероятно, произошедшее было гипнагогическим видением — то есть он вошёл в поток образов в состоянии сонливости, читая книгу. Поначалу он истолковал это субъективно и проспективно, как изображение неминуемого разрушения его мира. Его реакцией было предпринять психологическое обследование своей психики. В то время эксперименты на себе использовались и в медицине, и в психологии. Интроспекция была одним из главных инструментов психологического исследования.

Юнг понял, что работу *Трансформации и символы либидо* «можно принять как самого себя, и её анализ неизбежно ведёт к анализу моих бессознательных процессов».³ Он спроецировал свой материал на фантазии американки, с которой никогда не встречался, мисс Фрэнк Миллер. До этого момента Юнг был активным мыслителем и испытывал антипатию к фантазии: «я считал её нечистой, как форму мышления, для меня это было своего рода инцестуозное соитие, глубоко аморальное с интеллектуальной точки зрения».⁴ Теперь он обратился к анализу своих фантазий, тщательно отмечая всё, и вынужден был в процессе преодолеть значительное сопротивление: «Для меня позволить себе фантазию значило то же самое, что для человека прийти в свою мастерскую и обнаружить, что все инструменты летают вокруг, занимаясь всякими вещами независимо от его воли».⁵ Изучая фантазии, Юнг осознал, что изучал мифосозидающую функцию ума.

¹ Gerda Breuer and Ines Wagemann, *Ludwig Meidner, Zeichner, Maler, Litreat 1884–1966* (Stuttgart, Verlag Gerd Harje, 1991), vol. 2, pp. 124–49. Детальное исследование этой темы см. в Jay Winter, *Sites of Memory. Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995), pp. 145–77.

² Arthur Conan Doyle, *The New Revelation and The Vital Message* (London: Psychic Press., 1918), p. 9.

³ *Introduction to Jungian Psychology*, p. 28.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

Я вспомнил, что до 1900 года вёл дневник, и подумал, что это было бы возможностью изучить себя. Это была бы попытка поразмышлять над собой, и я начал описывать свои внутренние состояния. Они представлялись мне как литературные метафоры: например, я был в пустыне, и солнце сияло невыносимо (солнце — сознание).¹

Первым его решением была попытка найти имагинальные соответствия своим эмоциональным состояниям. Он обратился к своей коричневой записной книжке, которую отложил в 1902 г., и начал вести записи.²

Он вспомнил, что в детстве любил строить дома и строения, и снова обратился к этому, чтобы восстановить связь с этим временем.³ Он построил церковь с красным пирамидальным камнем как алтарём, собирая камни с берега озера в своём саду. Это напомнило ему детский сон о подземном фаллосе.⁴ Обычно он занимался этим после обеда, а также иногда по вечерам. Это позволяло прояснить мысли и замечать фантазии, которые он затем записывал в *Чёрные книги*.⁵ У него было чувство, что он совершает обряд, как в мифологии. Что до записей, то в 1925 г. он вспоминал: «Чтобы тогда достичь максимальной честности с собой, я записывал всё очень тщательно, следуя древнему греческому указанию: «отдай всё, чем обладаешь, и тогда ты обретёшь». Это слова из митраистской литургии.⁶ Юнгу пришло в голову записывать свои размышления последовательно. Он «записывал автобиографический материал, но не как автобиографию».⁷ Со времени платоновских диалогов такая диалогическая форма была главным жанром западной философии. В 387 г.н.э. св. Августин написал *Монологи*, которые представляли из себя пространный диалог между ним и «Разумом», который его наставляет. Работа начинается со следующих слов:

Долго и о многом размышлял я сам с собой, исследуя и себя, и свое благо, и то зло, коего следовало избегать. И вдруг я услышал голос, звучащий то ли снаружи, то ли внутри меня, мой ли собственный, а, возможно, и не мой — не знаю...⁸

¹ МР, р. 23.

² В дальнейшем записные книжки были чёрными. Потому Юнг называл их *Чёрными книгами*.

³ *Memories*, р. 197.

⁴ *Ibid.*, р. 27.

⁵ МР, pp. 156–57.

⁶ *Introduction to Jungian Psychology*, р. 51. Он цитировал те же строки 31 августа 1910 г. в письме Фрейду, предлагая их как девиз психоанализа (William McGuire, ed., *The Freud/Jung Letters: The Correspondence Between Sigmund Freud and C. G. Jung* [Princeton: Princeton University Press, Bollingen Series, 1974], р. 350).

⁷ *Introduction to Jungian Psychology*, р. 48.

⁸ St. Augustine, *Soliloquies and Immortality of the Soul*, ed. and tr. Gerard Watson (Warminster Aris & Phillips, 1990), р. 23. Уотсон отмечает, что Августин «проходил через крайне напряжённый период жизни, был близок к нервному срыву, так что *Монологи* стали формой терапии, попыткой исцелиться через разговор или, скорее, записывание» (р. v). [Здесь цитируется по изданию: Творения / Блаженный Августин: в 4 т. — Санкт-Петербург: Алетейя; Киев: УЦИММ-пресс. / Т. 1: Об истинной религии. — 2000. — 742 с. — прим. перев.]

При написании *Книги 2* Юнг поставил вопрос:

Я спросил себя: «Что же я делаю, это ведь точно не наука, так что же это?» Тогда голос ответил: «Это искусство». Это оказало на меня самое странное впечатление, потому что мне совсем не казалось, что я занимаюсь искусством. Тогда я пришёл вот к чему: «Возможно, моё бессознательное образует личность, которая не является мной, но настаивает на самовыражении». Не знаю, почему точно, но я был уверен, что голос, говоривший, что мои записи — это искусство, был женским. ... Что ж, я очень выразительно ответил голосу, что это точно не искусство, и тут же почувствовал внутри огромное сопротивление. Однако, никакого голоса не появилось, и я продолжил писать. На этот раз я поймал её и сказал: «Нет, это не искусство», и почувствовал, что сейчас последует спор.¹

Он подумал, что голос был «душой в примитивном смысле», которую он назвал анимой (на латыни «душа»)². «Собирая весь материал для анализа, я, в сущности, писал письма своей аниме, то есть части самого себя с иной точкой зрения. Я получил замечания нового персонажа — я проходил анализ с призраком и женщиной».³ Оглядываясь назад, он вспоминал, что это был голос пациентки из Голландии, которую он знал с 1912 по 1918 гг., сумевшей убедить коллегу-психиатра, что он был непонятым художником. Женщина думала, что бессознательное было искусством, но Юнг утверждал, что оно было природой.⁴ Ранее я утверждал, что этой женщиной была Мария Мольтцер, а упомянутым психиатром — друг и коллега Юнга Франц Риклин, который всё больше забрасывал анализ ради живописи. В 1913 г. он стал учеником Аугусто Джакометти, дяди Альберто Джакометти и видного художника-абстракциониста.⁵

Эта первая последовательность с ноября по декабрь 1913 г. характеризуется поисками метода. Она описывает, как Юнг обращался к своей душе и пытался пересмотреть жизнь, провести переоценку ценностей. Вплоть до этого момента он во всём пользовался успехом и достигал всего, к чему стремился. Затем пришло видение на пути в Шаффхаузен, заставившее его обратиться к своей душе. Он рассматривал

¹ *Introduction to Jungian Psychology*, p. 45. Описание Юнга здесь предполагает, что этот диалог произошёл осенью 1913 года. Но это неясно, так как сам диалог не появляется в *Чёрных книгах*, и никакие другие рукописи пока не появились. Если следовать этой датировке в отсутствии другого подкрепляющего материала, может показаться, что голос комментировал ноябрьские записи в *Книге 2*, а не последующий текст или картины в *LN*.

² *Introduction to Jungian Psychology*, p. 48.

³ *Ibid.*, p. 50.

⁴ *MP*, p. 171.

⁵ Картины Риклина в целом следовали стилю Аугусто Джакометти: полуметафорические и полностью абстрактные работы с мягкими перетекающими цветами (во владении Петера Риклина). Одна из картин Риклина 1915–1916 гг., *Verkündigung* в Кунстхаусе в Цюрихе, была пожертвована Марией Мольтцер в 1945 г.

себя как отшельника в собственной пустыне, пытающегося найти визуальные метафоры, чтобы вместить и выразить свой опыт.¹ Он испытывал сомнения и смятение. Никакого продвижения не было вплоть до 11 декабря, так что он целый месяц обращался к душе, не получая ответа.

Потом установился диалог.² Душа сказала ему, что не была его матерью. Он должен быть терпеливым; путь к истине был открыт для тех, у кого нет намерений, и он должен был осознать, что намерения ограничивают жизнь. Он обратился к чувству презрения к себе, и душа сказала, что об этом не может быть и речи: презрение было проблемой, только если он полон тщеславия. Она спросила, знает ли он, кто она: превратил ли он её в мёртвую формулу? 12 декабря, как он вспоминал на семинаре 1935 г.,

...не зная, что будет дальше, я решил, что нужно больше интроспекции. Обращаясь к интроспекции, мы вглядываемся внутрь и смотрим, можно ли там что-то различить, и, если там ничего нет, мы можем либо прекратить этот процесс, либо найти способ «проскучать» до материала, который ускользает от первого взгляда. Я выдумал такой метод скуки, фантазируя, что копаю яму, воспринимая эту фантазию как совершенно реальную.³

Юнг, похоже, действительно начал физически копать ямы в саду, ближе к воде, чтобы высвободить свои фантазии. Затем он начал представлять, как делает это, сидя в библиотеке. Он спускался в глубины, и это привело к развёртыванию серии фантазий.⁴ Его «я» оказалось в тёмной пещере. Он увидел красный камень, до которого пытался добраться по мутной воде. Камень закрывал проход в скале. Он приложил ухо к проходу и услышал поток и увидел проплывшего мимо мёртвого человека, а потом чёрного скарабея. Красное солнце сияло на дне потока, и на стене было две змеи, которые ползли к солнцу и, в конечном счёте, покрыли его. Брызнула кровь, а потом утихла. Это был поразительный ужасающий образ. Всё это время он был пассивным наблюдателем.

Этот процесс сдвинулся 21 декабря.⁵ Он встретил фигуры Илии, слепой Саломеи и змеи. «Я» Юнга взглянуло на камень и увидело в нём Еву, за которой в своих путешествиях следовал Одиссей. Илия сказал «я» Юнга, что Саломея его дочь, и они были спутниками с незапамятных времён. Саломея сказала «я» Юнга, что любит его. Илия сказал ему, что Саломея любила пророка и возвестила миру нового Бога.

¹ Книга 2.

² Ibid.

³ *Introduction to Jungian Psychology*, p. 51.

⁴ Книга 2.

⁵ Ibid.

«Я» Юнга было потрясено всем этим. Он слышал дикуую музыку. Он гадал, любила ли его Саломея за то, что он убил героя.¹ У него были дальнейшие встречи с Илией и Саломеей 22 и 25 декабря.

Эти важные фантазии означали прорыв от пассивного наблюдения к активному участию. Он прорвался через барьер, метод был найден и устоялся. Доверяя видению души, он вступил в общение с этими фигурами, слушал их и давал поучать себя. Это стало его *Via Regia* в мир воображения. Фантазии в *Чёрных книгах* можно понимать, как своего рода драматизированное мышление в художественной форме. По мере прочтения становится ясно влияние занятий Юнга по мифологии. Некоторые фигуры и концепции происходят прямо из его чтения. Форма и стиль его фантазий свидетельствуют об очаровании миром мифа и эпоса. В этих записях Юнг был и участником, и писцом своих внутренних имажинальных драм, свидетельствуя обо всём, что встретил. Первая фаза его предприятия может характеризоваться как религиозный поиск, попытка вернуть смысл в свою жизнь.

В декабре 1913 г. он назвал эту первую *Чёрную книгу* «книгой моих самых трудных экспериментов». ² Оглядываясь назад, он вспоминал:

Мой «научный» вопрос заключался в следующем: что произойдёт, если я отключу сознание? Я заметил по сновидениям, что на фоне что-то присутствовало, и я хотел дать возможность этому выйти вперёд. Следует оказаться в некоторых условиях (как в эксперименте с мескалином), чтобы оно появилось.³

В более поздней записи в своей книге сновидений от 17 апреля 1917 г. он отмечал: «с тех пор — частые упражнения по опустошению сознания». ⁴ Эти утверждения указывают, что его интерес был направлен на изучение того, что появляется, когда человек опустошает сознание и позволяет возникнуть чему-то стоящему на заднем плане. Его процедура была совершенно намеренной, тогда как целью было дать психическим содержаниям спонтанно возникнуть. Он вспоминал: «Иногда я словно слышал своими ушами. Иногда я чувствовал это во рту, словно мой язык формулировал слова, а затем произошло так, что я слышал, как шепчу сам себе. Под порогом сознания всё было живым». ⁵

У Юнга был обширный опыт изучения медиумов в состоянии транса, во время которого их побуждали производить фантазии во время бодрствования и визуальные галлюцинации, и он также проводил эксперименты с автоматическим письмом.

¹ Зигфрида, которого он недавно убил во сне (ibid.)

² Ibid.

³ *MP*, p. 381.

⁴ *JFA*, p. 9.

⁵ *MP*, p. 145.

Практики визуализации также использовались в различных религиозных традициях. Например, пятое духовное упражнение св. Игнатия Лойолы наставляет «видеть глазами воображения длину, ширину и глубину ада» и испытывать это с полной сенсорной непосредственностью.¹ Эммануил Сведенборг (1688—1772) занимался «духовным письмом». Запись в его духовном дневнике гласит:

26 янв. 1748 г. — Духи, если им позволить, могут завладеть теми, кто говорит с ними, так глубоко, что они словно целиком оказываются в мире и так явно, что могут сообщать свои мысли через медиума и даже на письме, так как они порой, совсем нередко, направляли мою руку на письме, словно свою; так, что они думали, что не я, но они пишут.²

Начиная с 1909 г. венский психоаналитик Герберт Зильберер проводил эксперименты над собой в гипнагогических состояниях. Зильберер пытался вызвать в себе образы. Эти образы, утверждал он, представляли собой символические изображения непосредственно предшествующей мысли. Зильберер переписывался с Юнгом и посылал ему оттиски своих статей.³

В 1912 г. Людвиг Штауденмайер (1865—1933), профессор экспериментальной химии, опубликовал работу под названием *Магия как экспериментальная наука*. Штауденмайер занялся экспериментами над собой в 1901 г., начав с автоматического письма. Появилась серия персонажей, и он обнаружил, что ему больше не нужно писать, чтобы вести с ними диалоги.⁴ Он также научился вызывать акустические и визуальные галлюцинации. Целью его предприятия было использовать эксперименты на себе для поиска научного объяснения магии. Он утверждал, что ключ к пониманию магии лежит в концепциях галлюцинации и «подсознания» (*Unterbewußtsein*), и он придавал особую важность роли персонификации.⁵ Таким образом, мы видим, что процедура Юнга сильно напоминала множество исторических и современных практик, с которыми он был знаком.⁶

¹ St. Ignatius of Loyola, «The Spiritual Exercises», в *Personal Writings*, tr. Joseph A. Munitiz and Philip Endean (London: Penguin, 1996), p. 298. В 1939—1940 гг. Юнг представил в ЕТН психологический комментарий к этим духовным упражнениям (ed. Martin Liebscher, Princeton University Press, Philemon Series, будущее издание).

² Этот отрывок приводится в William White, *Swedenborg: His Life and Writings* (London and Bath, 1867), vol. 1, pp. 293—94. Юнг отметил вторую половину абзаца чертой на полях в копии своей работы.

³ См. Silberer, «Bericht über eine Methode, gewisse symbolische Halluzinations-Erscheinungen hervorzurufen und zu beobachten», *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen* 2 (1909): 513—25.

⁴ Staudenmaier, *Die Magie als experimentelle Naturwissenschaft* (Leipzig: Akademische Verlagsgesellschaft, 1912), p. 19.

⁵ У Юнга была копия книги Штауденмайера, и он отмечал в ней некоторые отрывки.

⁶ Есть также сходства с теургическими практиками ритуальной инвокации. Классическим примером этого была работа Ямвлиха *О мистериях*, с которой Юнг познакомился позже. У него было издание работы Ямвлиха 1497 года, которую он цитировал в 1934 г. в «A Study in the Process of Individuation» (CW 9, pt. 1, par. 573). О Ямвлихе и теургии см. Garth Fowden, *The Egyptian Hermes: A Historical Approach to the Late Pagan Mind* (Princeton: Princeton University Press, 1993).

В этот период в жизни Юнга появились две женщины, и обе сыграли важные роли в том, что произойдёт далее. Первой была Мария Мольтцер, приехавшая в Швейцарию из Голландии, второй — Тони Вульф.

Семья Мольтцер владела компанией, производящей ликёр Bols, и она стала медсестрой из протеста против злоупотребления алкоголем.¹ Она проходила курсы в университете Лозанны. Юнг впервые упомянул её в письме Фрейду 8 сентября 1910 г., отметив, что она корила за себя за то, что слишком чёрными красками описала Марту Бёддингхаус, добавив, что «между двумя дамами, очевидно, происходит что-то вроде любящей ревности ко мне».² Мольтцер стала аналитиком.

В 1911 г. Юнг выступил на брюссельском конгрессе по психоанализу детей. Поскольку он не работал напрямую с детьми, то изложил случай ребёнка, проанализированного Мольтцер, которую представил, как свою ассистентку. Он воспроизвёл его в «Теории психоанализа», курсе лекций, прочитанных в университете Фордхэма в следующем году, которые Мольтцер перевела совместно с Эдит Эдер. В своей записной книжке со сновидениями 1917 г. Юнг отметил «идею М.М. [Мария Мольтцер], что она вдохновила во мне работу либидо» — вероятно, это ссылка на *Трансформации и символы либидо*.³ В апреле 1912 г., судя по письму, которое она отправила Фрейду на почтовом бланке Юнга, Мольтцер занималась его перепиской ежедневно в должности секретаря, пока он был в отъезде в Италии.⁴ Согласно Фрейду, у Юнга были отношения с Мольтцер. Когда Юнг упоминал в письме Фрейду, что, в отличие от него, проходил анализ, Фрейд писал Шандору Ференци: «Наставником, который его анализировал, может быть только фрейлейн Мольтцер, и он так глуп тем, что гордится работой женщины, с которой у него интрижка».⁵ Какими бы ни были их отношения в то время, ясно, что они были близкими и значимыми.

В записи от 15 ноября 1913 г. «я» Юнга сказала душе: «Я заметил женщину три года назад, чья душа показалась мне более ценной, чем моя тревога за брак. Я победил свой страх из любви к ней».⁶ Этой женщиной была Тони Вульф. На свет появились лишь несколько фрагментов её дневников этого периода (1912—1913 гг.) К сожалению, дневники 1913—1924 гг. не сохранились, за исключением некоторых теоретических заметок 1916 г. Дневники с 1924 г. сконцентрированы на трудностях

¹ Примечание Макгуайра в *Freud/Jung Letters*, p. 351.

² *Freud/Jung Letters*, p. 352. Марта Бёддингхаус приехала к Юнгу из Мюнхена на анализ в 1910 г. и впоследствии стала аналитиком. Она вышла за Германа Зигга в том же году. Тот стал близким другом Юнга (см. *Книга 7*, прим. 252.).

³ «Dreams», *JFA*, p. 4. См. *Книга 6*, прим. 321.

⁴ Мольтцер — Фрейду, 24 апреля 1912 г. *Freud Collection*, отдел рукописей Библиотеки Конгресса.

⁵ Фрейд — Ференци, 23 декабря 1912 г. *The Correspondence of Sigmund Freud and Sandor Ferenczi. Volume 1: 1908–1914*, ed. Ernst Falzeder, tr. Peter Hoffer (Cambridge: Harvard University Press, Belknap Press, 1993), p. 446. Ученица Юнга Иоланда Якоби вспоминала: «Я слышала от других, что до того, как он [Юнг] встретил Тони Вульф, у него были любовные отношения в Бургхольцли с девушкой — как же её звали? Мольтцер» (интервью Якоби, *CLM*, p. 110).

⁶ *Книга 2*.

и бедствиях её отношений с Юнгом. Там есть познавательные ретроспективные комментарии, а также записи, из которых можно в некоторой степени вывести природу их сотрудничества в этот критический период.

20 сентября 1910 г., в возрасте двадцати трёх лет, Тони Вульф по настоянию матери пришла на приём к Юнгу. По словам её сестры Эрны, он успешно вылечил сына друга её матери, который впоследствии порекомендовал Юнга.¹ Согласно ученице и биографу Юнга, аналитику Барбаре Ханна, Тони Вульф «страдала от депрессии и дезориентации, усиленными смертью отца».² Её отец умер годом ранее. Гораздо позже, в активном воображении с отцом 7 сентября 1937 г. Тони Вульф сказала ему: «Я заболела после твоей смерти — меланхолией — стала совершенно призрачной и утонула во внутреннем мире».³ Тони Вульф слушала курсы в университете Цюриха по философии, литературе, теологии и истории, но формально не была туда записана. Согласно Ханна, «Юнг немедленно осознал, что ей нужна новая цель, чтобы пробудить интерес к жизни», и потому привлёк к работе над исследованием, которое впоследствии стало *Трансформациями и символами либидо*. Её стимулировал этот материал, оказывающий целительное воздействие на её депрессию и дезориентацию.⁴ Годы спустя она вспоминала, как гуляла в юности возле Бургхольцли с родителями и думала: «Тут должен быть врач, который будет значимым для меня. Возможно, по этой причине я хотела стать сумасшедшей — и в самом деле, судьба свела меня с К[арлом]. Я точно знала, чего хотела от него — отношений с настоящими людьми».⁵

29 августа 1911 г. Юнг упомянул её в письме Фрейду как «моё новое открытие ... замечательный ум с прекрасным чутьём к религии и философии».⁶ Той осенью он взял её вместе с Мольтцер и женой на Международную психоаналитическую конференцию в Веймар. Дневниковая запись от 18 января 1912 г. указывает, что она посещала дискуссионную сессию в доме Юнга в Кюснахте.⁷ Она отмечала, что Юнг читал из *Трансформаций и символов либидо*, и что толкование дерева и креста как символов матери и обсуждение жертвоприношения и отречения полностью описывали её конфликт с матерью.⁸

Затем она цитировала строки из *Фауста*, описывающие возбуждение от полёта на огненной колеснице к новым сферам деятельности.⁹ Она добавила, что испытала это и теперь должна была всё это реализовать. Она испытывала чувство обновления и раскрытия новых перспектив. Запись продолжается:

¹ Цит. в Hannah, *Jung: His Life and Work: A Biographical Memoir* (New York, Putnam, 1976), p. 104.

² Ibid.

³ *Diary K*, p. 143.

⁴ Hannah, *C.G. Jung: His Life and Work: A Biographical Memoir*, p. 104.

⁵ 14 апреля 1930 г. *Diary H*, pp. 75–76.

⁶ *Freud/Jung Letters*, p. 440.

⁷ *Diary A*.

⁸ *Transformations and Symbols of the Libido*, CW B, pars. 358ff.

⁹ *Фауст* 1, акт 1, II. 702–19.

Наконец, доктор¹ работает с жертвоприношением. Возможно, я должна испытать это для него — с матерью и, может быть, также с ним. Я должна испытать это — так я всегда могла ставить перед ним проблемы, которые он не продумывал до конца — я сначала их проживала — с ним — для него — затем знание. Теперь это осознано.

Она говорит о последней главе *Трансформации и символов либидо*. Этот отрывок указывает, что для неё работа с Юнгом была не чисто научной, а экзистенциальной, включающей в себя проживание на собственном опыте чего-то ради него. Это измерение для неё было очевидно значимо. Далее она отмечала: «Я должна снова сблизиться с доктором, внутренне он теперь далёк от меня». В это время она видела свой вклад в его предприятие так: «Я думаю, что он получил многое в Символах [*Трансформациях и символах либидо*] от меня — я вдохновила всё это — пересмотр — я многое ему принесла. Он, пожалуй, даже не знает этого». Затем она отметила, что сама закончила анализ, добавив, что Юнг лишь мельком указывал курс и сублимацию, которую она теперь должна была для себя найти. В записи на следующий день она отметила, что работа связала её с Юнгом, что развился духовный брак, но она должна продолжать.

В ноябре 1912 г. Юнг вернулся с нью-йоркских лекций. В дневниковой записи от 29 декабря 1924 г. Тони Вульф отметила, что двенадцать лет назад, по возвращении Юнга из Америки, она пошла к нему и «говорила об отношениях».² 15 ноября 1913 г., в записи из *Книги 2*, после описания сна около декабря 1912 г. о голубке, превратившейся в девочку, а затем обратно в голубку, Юнг отметил: «Решение принято. Я должен полностью довериться этой женщине».³ В марте 1913 г. он снова отправился в Америку на пять недель. Десятилетия спустя Тони Вульф отмечала в своём дневнике: «Чувство, напоминающее о 1913 годе, когда К[арл] отправился в Америку, и мы расстались — но не смогли этого сделать после».⁴ Это предполагает, что разрыв мог произойти тогда.

30 января 1914 г. Тони Вульф и Мария Мольтцер стали членами Цюрихского психоаналитического общества. В протоколах отмечено, что два года они активно участвовали в жизни общества.⁵

Годы спустя Юнг говорил Аниэле Яффе об отношениях с Тони Вульф. Он сказал, что столкнулся с проблемой: что с ней делать после анализа, который, по его словам, закончился, несмотря на оставшиеся к ней чувства. Год спустя ему приснилось, что они вместе в Альпах в каменистой долине, и он слышит пение эльфов, а она исчезла в горе, которая нагоняла на него ужас. После этого Юнг написал ей. Он заметил,

¹ То есть Юнг.

² Toni Wolff, *Diary B*, p. 98.

³ *Книга 2*.

⁴ Toni Wolff, *Diary K*, p. 151, 25 сентября 1937 г.

⁵ MZS, p. 47.

как после этого сна знал, что отношения с ней неизбежны, и его жизнь в опасности. Позже во время плавания с ним случилась судорога, и он поклялся, что, если судорога пройдёт, и он выживет, то продолжит отношения с ней.¹

В дневниковой записи от 4 марта 1944 г. Тони Вульф упоминала «31 год отношений и 34 года знакомства».² Это подтверждает, что отношения с ней Юнг начал когда-то в 1913 г.

Юнг рассказывал Аниэле Яффе:

В начале анализа Т.В. имела самые невероятные фантазии, целый прорыв диких фантазий, некоторые даже космической природы. Но в то время я был так занят собственным материалом, что едва мог заниматься ею. Но её фантазии точно согласовывались с моим направлением мышления.³

Что до её влечения к Юнгу, то в конце жизни Тони Вульф вспоминала, что первый перенос у неё случился на Фридриха Шиллера в 1905 г., затем на Гёте, а потом на Юнга, как «производительного гения».⁴

Оглядываясь назад, она вспоминала о своём анализе с Юнгом:

Когда К. начинает разделять мой психический материал, возможно, я получаю то, что нужно — подпитку и поддержку? Я подозреваю, что недостаточно доверяю ему, потому что мой анализ тогда был переплетён с его проблемами, хотя для меня это было тоже полезно.⁵

В начале их отношений Тони Вульф не была заинтересована в браке и детях. Она критично относилась к тому, что видела в браке: брак словно делал мужчин менее активными и менее предприимчивыми — довольными ролью отцов. Оттого мужчины и женщины меньше интересовались культурой. Рожая детей, женщины часто не нуждались в мужьях, и их собственные проблемы обычно возвращались. Её мать не научилась работать и впоследствии досаждала детям своим неиспользованным либидо. Тони Вульф также критически относилась к узам брака.⁶

Эмма Юнг смогла принять отношения между своим мужем и Тони Вульф. По всем источникам, этот треугольник отношений был непростым, но в конечном

¹ МР, р. 98.

² Toni Wolff, *Diary M*, р. 84.

³ МР, р. 171.

⁴ Wolff, *Diary O*, р. 102, 18 февраля 1951 г. 26 апреля 1936 г. Вульф отмечала в своём дневнике: «Я всё ещё переношу отцовские символы на К. Вот почему я никогда не бываю вполне наедине с собой и не могу быть ему противовесом» (Toni Wolff, *Diary J*, р. 101).

⁵ Wolff, *Diary K*, р. 77, 11 марта 1937 г.

⁶ Wolff, *Diary A*, 30–31 января 1913 г.

счёте был найден *modus vivendi*.¹ Юнг обедал с Вульф по средам в её доме,² а она приезжала в Кюснахт по воскресеньям. Оглядываясь назад, Юнг так вспоминал ту роль, которую она играла для него в этот период:

Т.В. сталкивалась с похожим потоком образов. Очевидно, я заразил её или был *déclencheur* [спусковым крючком], который возбудил её воображение. Наши с ней фантазии были в *participation mystique*. Это был словно общий поток и общая задача. Постепенно я стал осознанным и превратился в центр, и в той мере, в какой я обретал это понимание, она также находила свой центр. Но затем она застряла где-то на полпути, а я был центром, который функционировал для неё. Потому мне позволялось быть только таким, как хотела она, или тем человеком, в котором она нуждалась. Тогда она оказалась целиком втянута в тот же ужасный процесс, в который я был вовлечён, и была так же беспомощна, как и я.³

Активные воображения Тони Вульф этого периода не сохранились. Однако, её дневники после 1924 г. указывают, что она уже была на это способна. Более того, есть случаи, содержащие комментарии Юнга о том, как их фантазии были в «*participation mystique*». Важной фигурой в фантазиях Юнга была фигура Ка из египетской мифологии.⁴ У Вульф была своя фигура Ка, а также диалоги с Ка Юнга. В активном воображении 11 января 1926 г. «я» Вульф вело диалог с Тотом, египетским богом письма. Тот наставлял её, как вызывать «Ка» других людей: «Скажи трижды: О Ка, О Ка, О Ка такого-то, и такого-то, приди и войди в моё сердце. Для тебя оставлено место. Твоё Ба ожидает тебя, и ты должно войти». Она последовала его наставлениям: «О Ка, О Ка, О Ка К[арла], приди сюда, войди в моё сердце. Для тебя оставлено место. Твоё Ба ожидает тебя, и ты должно войти».⁵ 30 января она отмечала:

ранее: Ка К. ко мне

моё им не получено

Ка К. говорит о

¹ См., в особенности, интервью Сюзанны Трюб и Фаулера Маккормика в Gene Nameche, *CLM*.

² Интервью Сюзанны Трюб в Gene Nameche, *CLM*, p. 31.

³ *MP*, p. 173.

⁴ См. Книга 7.

⁵ Wolff, *Diary L*, p. 17, 11 января 1926 г. О египетской концепции Ба Э. А. Уоллис-Бадж отмечал: «Той части человека, которая, безо всяких сомнений, наслаждалась вечным существованием на небесах в состоянии блаженства, египтяне дали имя «Ба», и это слово означает нечто вроде «утончённый», «благородный» и до сих пор всегда переводилось как «душа». Ба бестелесно, но хотя оно обитает в ка и в некоторых отношениях подобно сердцу, принципу жизни в человеке, оно всё равно обладает вещественностью и формой: по форме оно изображается как сокол с головой человека, а по природе и вещественности считается крайне утончённым или эфемерным. Оно посещает тело в гробнице и оживляет его и общается с ним: оно может принять любую форму, какую вздумается, и способно подниматься на небеса и обитать там с совершенными душами. Оно вечно» (*The Book of the Dead: The Papyrus of Ani in the British Museum* [London: Longmans & Co. 1895]. p. lxiv).

бездне и смерти, которую он видит.

Я хочу поддаться желанию и навестить.¹

Такие записи указывают на лиминальную, имагинальную проницаемость, с которой она взаимодействовала с некоторыми фигурами Юнга. Можно сделать вывод, что похожее имагинальное общение происходило в критический период после 1913 г. В некоторых последовательных случаях Тони Вульф упоминала их отношения как «экспериментальную пытку».² Как таковая, она была очевидно связана с экспериментами Юнга над собой.

В то же время Эмма Юнг продолжала играть центральную роль в жизни Юнга. Она вела хозяйство, растила детей и поддерживала для него человеческое измерение, также помогая и поддерживая его в экспериментах над собой.³ В 1910 г. она начала анализ с Юнгом, работала с Леонардом Сейфом в 1911 г.⁴ и позже с Гансом Трюбом (который женился на Сюзанне, сестре Тони).⁵ Она играла активную роль в Ассоциации аналитической психологии и позже практиковала анализ, также занимаясь физикой, математикой, греческим и латынью.⁶ Языки позже позволили ей (в отличие от Тони Вульф) помогать Юнгу в его исследованиях алхимии. Она занималась собственными исследованиями, позже отражёнными в её работе о легендах о Граале.⁷ Начиная примерно с 1914 г. она начала заниматься активным воображением в форме диалогов, картин и стихотворений.

Появление Филемона

С 26 декабря 1913 г. до 24 мая 1914 г. Юнг продолжал следовать той же процедуре вызывания фантазий в состоянии бодрствования и вступления в диалог с появляющимися фигурами. Важным персонажем был Филемон, сначала появившийся 27 января 1914 г. как отошедший от дел маг, у которого «я» Юнга пыталось научиться искусству магии.⁸

¹ Wolff, *Diary F.*, 25, 30 января 1926 г.

² Wolff, *Diary C.*, p. 95, 13 сентября 1925 г. *Diary F.*, p. 37, 7 февраля 1926 г.

³ Химена Розали де Ангуло, дочь Кэри Бейнс, вспоминала: «Я думаю, что Эмма, должно быть, всегда играла в его творческой жизни столь же большую роль, как и Тони — просто в другой части» (интервью с Джинном Намеке, биографический архив Юнга, *CLM*, p. 54).

⁴ Эрнест Джонс — Зигмунду Фрейду, 12 сентября 1912 г. *The Complete Correspondence of Sigmund Freud and Ernest Jones 1908–1939*, ed. Andrew Paskauskas (Cambridge: Harvard University Press, 1993), p. 160.

⁵ Сюзанна Трюб, интервью Джину Намеке, *CLM*, p. 5.

⁶ *MP*, p. 174.

⁷ Emma Jung and Marie-Louise von Franz, *The Grail Legend*, tr. Andrea Dykes (Princeton: Princeton University Press, 1988).

⁸ Книга 4.

Оглядываясь назад, Юнг вспоминал, что Филемон представлял высшее озарение и был для него как гуру. Он обычно общался с ним в саду. Юнг вспоминал, что Филемон развился из фигуры Илии, который ранее появился в его фантазиях:

Филемон привнёс египетско-гностически-эллинистическую атмосферу, подлинно гностические тона, потому что в самом деле был язычником. Он был просто высшим знанием и научил меня психологической объективности и действительности души. Он показал эту диссоциацию между мной и моим интеллектуальным объектом. ... Он представлял как раз то, чем я не был, и формулировал и выражал всё, о чём я никогда не думал.¹

В последующие годы Юнг искал наставления у этой имажинальной фигуры и пытался постичь его природу.

Фантазии между 26 декабря и первой половиной записи от 19 апреля формируют основу второй книги *Liber Novus: Liber Secundus*. Материальная форма второй половины записи от 19 апреля и далее позже станет основой третьей книги, *Исследования*.² Тот факт, что Юнг позже завершит рукопись *Liber Secundus* именно здесь, указывает, что это место отмечало некую кульминацию процесса, в который он был вовлечён. Записи вплоть до первой половины записи 19 апреля ведут к возвращению и принятию одиночества наедине с собой. Его душа вознеслась на небеса, и он остался наедине со своим «я», с которым теперь предстояло научиться жить. Это предполагает, что было достигнуто некоторое принятие себя. На следующий день, 20 апреля 1914 г., Юнг ушёл с поста президента Международной психоаналитической ассоциации. Десять дней спустя он ушёл с медицинского факультета университета Цюриха, где читал лекции. В *Воспоминаниях* он вспоминал, как чувствовал, что был в уязвимой позиции в университете, и должен был найти новый ориентир, так как иначе было бы нечестно учить студентов.³

Записи в *Чёрных книгах*, которые следуют непосредственно за этим, поднимают задачу столкновения со своим «я», попыток научиться жить наедине с собой. В мае он попытался восстановить связь с душой, ища наставления, как ему продолжать. В июне и июле 1914 г. у него был трижды повторившийся сон о пребывании в чужой стране и необходимости быстро вернуться домой на корабле, за чем следует нисхождение ледяного холода. В *Liber Novus* он вспоминал об этом так:

В год 1914, в месяце июне, в начале и конце месяца, и в начале июля у меня трижды был один и тот же сон: я был в чужой стране, и внезапно, разом, пря-

¹ МР, pp. 23–24.

² Книга 5.

³ *Memories*, p. 219.

мо посреди лета, из космоса спустился ледяной холод. Все моря и реки были скованы льдом, вся живая зелень замёрзла.

Второй сон был сильно похож на этот. Но третий сон в начале июля был таким:

Я был в далёкой английской земле. Мне было необходимо вернуться на родину на быстром корабле как можно скорее. Я быстро добрался домой. На родине я обнаружил, что посреди лета ужасный холод спустился из космоса, и всё живое превратилось в лёд. Там было покрытое листьями, но бесплодное дерево, листья которого превратились в сладкие виноградины, полные целительного сока из-за воздействия холода. Я подобрал несколько виноградин и дал большой ожидающей толпе.¹

10 июля 1914 г. Цюрихское психоаналитическое общество проголосовало 15—1 за выход из Международной психоаналитической ассоциации. Причиной, указанной в протоколе, было то, что Фрейд установил ортодоксию, которая мешала свободному и независимому исследованию.² Группа была переименована в Ассоциацию аналитической психологии. Юнг был активно вовлечён в деятельность этой ассоциации, которая собиралась раз в две недели. Он также вёл бурную терапевтическую практику. В 1913 и 1914 гг. у него было от одной до девяти консультаций в день, пять дней в неделю, в среднем от пяти до семи пациентов. Он также работал по субботам, принимал мало или ни одного пациента по четвергам. В 1918 г. он перенёс выходной день на субботу.

Протоколы Ассоциации аналитической психологии не содержат указаний на процесс, через который проходил Юнг. Он не упоминал свои фантазии и продолжал обсуждать теоретические проблемы психологии. То же верно в отношении сохранившейся переписки в этот период.³ Каждый год он продолжал нести воинскую службу.⁴ Он вёл профессиональную деятельность и занимался семейными обязанностями в течение дня, посвящая вечера работе над собой. Всё указывает на то, что такое разделение деятельности продолжалось следующие несколько лет. В *Воспоминаниях* Юнг рассказывал, что в этот период его семья и профессиональная деятельность «всегда оставались радостной реальностью и гарантией, что я нормален и действительно существую».⁵

В июле 1914 г. Юнг был в Англии, чтобы выступить с лекциями. Темой его выступления «О психологическом понимании» 24 июля перед Психомедицинским

¹ *LN*, p. 124.

² *MZS*, p. 61.

³ Это основано на исследовании переписки Юнга в ЕТН и в других архивах и собраниях.

⁴ Между 1913 и 1917 гг. это были: в 1913 г. — 16 дней, в 1914 г. — 14 дней, в 1915 г. — 67 дней, в 1916 г. — 34 дня, в 1917 г. — 117 дней. В 1915 и 1916 гг. он служил как армейский врач в кавалерийском подразделении.

⁵ *Memories*, p. 214.

обществом Лондона был вопрос о различных способах толкования фантазий. Он противопоставлял аналитико-редуктивному методу Фрейда, основанному на причинности, конструктивный метод цюрихской школы. Недостаток первого метода был в том, что прослеживание вещей до предшествующих им элементов даёт только половину картины, так что невозможно постигнуть живой смысл явлений. Попытка понять *Фауста* Гёте, пользуясь методом Фрейда, будет подобна попытке понять готический собор через его минералогический аспект.¹ Смысл «жив, только когда мы проживаем его в себе и через себя».² В той мере, в какой жизнь была в сущности новой, она не могла быть понята лишь ретроспективно. Потому полезно пытаться понять, «как из нынешней психики может быть возведён мост в её же будущее».³ Юнг называл это конструктивной точкой зрения. Эту работу можно истолковать и как обоснование Юнга для отказа от каузального и ретроспективного анализа своих фантазий, и как предупреждение тем, кто попытается это сделать. Новый способ толкования Юнга, представленный как критика и переформулировка психоанализа, возвращался к символическому методу духовной герменевтики Сведенборга.

28 июля Юнг выступал с речью на тему «Важности бессознательного в психопатологии» на собрании Британской медицинской ассоциации в Абердине.⁴ Он утверждал, что в случаях неврозов и психозов бессознательное пыталось компенсировать односторонний подход сознания. Неуравновешенный индивидуум защищается от этого, и противоположности становятся более поляризованными. Корректирующие импульсы, появляющиеся в языке бессознательного, должны возвещать начало процесса исцеления, но форма, в которой они прорываются, делает их неприемлемыми для сознания.

Месяцем ранее, 28 июня, эрцгерцог Франц Фердинанд, наследник Австро-Венгерской империи, был убит студентом Гаврилой Принципом, девятнадцатилетним боснийским сербом. 1 августа разразилась война. Юнг вернулся из Шотландии кораблём. Сначала он отправился в Голландию, тревожась за безопасность Марии Мольтцер, и сопровождал её обратно в Швейцарию. Как он рассказывал в *Liber Novus*,

...в действительности, теперь, всё было так: когда между народами Европы разразилась великая война, я оказался в Шотландии, вынужденный войной найти самый быстрый корабль и самый короткий маршрут домой. Я столкнулся с ужасным холодом, от которого всё замерзало. Я столкнулся с потопом, морем крови и нашёл своё бесплодное дерево, листья которого мороз превра-

¹ Jung, «On Psychological Understanding», CW 3, par. 396.

² Ibid., par. 398.

³ Ibid., par. 399.

⁴ CW 3, pars. 438—65.

тил в лекарство. И я сорвал зрелый плод и дал вам, но не знаю, что излил для вас, какой горько-сладкий опьяняющий напиток, оставивший на ваших языках послевкусие крови.¹

Годы спустя он сказал Мирча Элиаде:

Как психиатр, я беспокоился, гадая, не на пути ли я к «занятиям шизофренией», как мы говорили в те дни. ... Я просто готовил лекцию по шизофрении для конгресса в Абердине и продолжал говорить себе: «Я буду говорить о самом себе! Скорее всего, я сойду с ума после того, как прочитаю эту работу». Конгресс должен был проходить в июле 1914 года, как раз тогда, когда я увидел три сна о путешествии по южным морям. 31 июля, сразу после лекции, я узнал из газет, что началась война. Наконец, я всё понял. И когда на следующий день я отправился в Голландию, я был самым счастливым человеком. Теперь я был уверен, что мне не угрожает никакая шизофрения. Я понял, что мои сны и видения пришли из недр коллективного бессознательного. Мне оставалось только углубить и подтвердить это открытие. Этим-то я и пытался заниматься сорок лет.²

Юнг думал, что его фантазии изображали то, что произойдёт не с ним, а с Европой — это было предчувствие коллективного события: то, что он позже будет называть «большим» сном. Осознав это, он попытался разобраться, в какой степени — это верно для других пережитых фантазий, и понять смысл этого соответствия между его личными фантазиями и внешними событиями.

Он воспринял начало войны как знак, что его *страх* сойти с ума неуместен. Не будет преувеличением сказать, что, если бы не была объявлена война, *Liber Novus*, скорее всего, никогда не была бы составлена. В 1954 г., обсуждая активное воображение, Юнг сказал, что «причина, по которой это занятие кажется психозом, в том, что пациент интегрирует тот же материал фантазий, жертвой которого становится душевнобольной человек, потому, что не может его интегрировать и оказывается им поглощён».³

Какие же фантазии Юнг счёл предсказаниями? Важно отметить, что было около двенадцати отдельных событий:

1–2. Октябрь 1913 г.: повторяющееся видение о потопе и смерти тысяч людей и голос, сказавший, что всё это станет реальностью.

¹ LN, p. 125.

² Интервью (1952 г.) в William McGuire and R.F.C. Hull, eds., *C.G. Jung Speaking: Interviews and Encounters* (London: Picador, 1980), pp. 233–34.

³ *Mysterium Coniunctionis*, CW 14. par. 756.

3. Видение моря крови, покрывающего северные земли.
4. 12 декабря 1913 г.: образ мёртвого героя.
5. 15 декабря 1913 г.: убийство Зигфрида во сне.
6. 25 декабря 1913 г.: образ ноги гиганта, наступающего на государство, и образы убийства и кровавой жестокости.
7. 2 января 1914 г.: образ моря крови и бесчисленных смертей.
8. 22 января 1914 г.: его душа поднимается из глубин и спрашивает, примет ли он войну и разрушение. Она показывает ему образы разрушения, военных орудий, человеческих останков, потонувших кораблей, уничтоженных государств и так далее.
9. 21 мая 1914 г.: он слышит голос, говорящий, что людей приносят в жертву то тут, то там.
- 10–12. Июнь-июль 1914 г.: сон (повторившийся три раза) о пребывании в чужой стране и необходимости быстро вернуться на корабле и нисхождении ледяного холода.¹

Составление *Liber Novus*

Разразившаяся война дала Юнгу совершенно новое понимание своих фантазий. В *Liber Novus* он писал: «И затем разразилась Война. Это открыло мне глаза на пережитое ранее, а также дало отвагу говорить всё то, о чём я писал ранее в этой книге».² Критической частью этого сдвига было то, что он больше не рассматривал свои фантазии как чисто личные. В *Liber Novus* он писал (комментируя запись от 23 мая 1914 г.): «Я хотел понять это всё как личные переживания внутри меня, и, следовательно, не мог ни понять, ни поверить во всё это, так как моя вера была слаба».³

Вероятно, на этой стадии он перечитал записи от 12 ноября 1913–21 июля 1914 гг. в *Книгах 2–4*. Теперь он представлял себе идею работы, изучающей соответствия между его фантазиями и происходящим в мире на буквальном и символическом уровнях. Она должна была стать *Liber Novus*. Он расшифровал и отредактировал большинство записей из *Книг 2–4*, покрывающих 12 ноября 1913–19 апреля 1914 гг. В целом, он был склонен опускать материал, изображавший его эмоциональные состояния. Он тщательно воспроизвёл фантазии, опуская даты. Последовательность *Liber Novus* почти всегда точно соответствует последовательности *Чёрных книг*. Юнг придерживался «верности событиям». То, что он писал, не должны были принять за вымысел. В то же время, он тщательно редактировал фантазии, сделав множество мелких поправок. Изменения должны были прояснять проблемы в некоторых сложившихся ситуациях и предлагать более гладкую последовательность, а также де-

¹ См. выше; *Книга 2*; *Книга 3*; *Книга 4*; *Книга 5*; выше.

² *LN*, p. 474.

³ *LN*, p. 470.

ляли материал менее личностным. Главное различие между *Чёрными книгами* и *Liber Novus* в том, что первые были написаны для личного использования Юнга и могут считаться записями об эксперименте, тогда как последние были адресованы публике и представлены в такой форме, какую могут читать другие. Правки материала отмечают переход от личной записной книжки к публичной работе. Датированные записи стали главами. Значительная доля «столкновения с бессознательным» Юнга, на самом деле, заключалась в расшифровке и редакторской работе над собственным материалом. В этом издании большая часть значительных изменений была отмечена, что позволяет читателю следить за Юнгом как редактором собственного материала.

В *Liber Novus* к каждому воспроизведённому разделу Юнг добавлял раздел, объясняющий значение эпизода в сочетании с лирической переработкой. Он упорядочил работу в последовательность глав: по большей части, главы соответствовали отдельным записям. *Черновик* начинается с обращения «Мои друзья», и эта фраза повторяется часто.

В ноябре 1914 г. Юнг штудировал *Так говорил Заратустра* (1883–1891) Ницше, которую впервые прочитал в юности. Позже он вспоминал, что «затем внезапно меня охватил дух и унёс в пустынную страну, в которой я читал *Заратустру*».¹ Она сильно повлияла на структуру и стиль *Liber Novus*. Как и Ницше в *Заратустре*, Юнг разделил материал на серию книг, состоящих из коротких глав. Но, тогда как Заратустра возвещал смерть Бога, *Liber Novus* изображает возрождение Бога в душе. Есть также указания, что Юнг читал *Божественную комедию* Данте, которая также повлияла на структуру работы.² *Liber Novus* изображает спуск Юнга в ад. Но, тогда как Данте мог пользоваться установившейся космологией, *Liber Novus* — это попытка изобразить индивидуальную космологию. Роль Филемона в работе Юнга имеет аналогии с ролью Заратустры в работе Ницше и Вергилия в произведении Данте.

В *Черновике* около 50% материала взято напрямую из *Чёрных книг*. В нём около тридцати пяти разделов с лирической переработкой и комментарием. Здесь Юнг был толкователем собственных видений. Он пытался вывести общие психологические принципы из своих фантазий и понять, в какой степени изображённые в них события представляли в символической форме грядущие события в мире. В 1914 г.

¹ ZS, p. 381. О чтении Юнгом Ницше см. Paul Bishop, *The Dionysian Self: C. G. Jung's Reception of Nietzsche* (Berlin: Walter de Gruyter, 1995); Martin Liebscher, *Libido und Wille zur Macht. C. G. Jungs Auseinandersetzung mit Nietzsche* (Basel: Schwabe, 2011); и Graham Parkes, «Nietzsche and Jung: Ambivalent Appreciations» в Jacob Golomb, Weaver Santaniello and Ronald Lehrer, eds., *Nietzsche and Depth Psychology* (Albany: SUNY Press, 1999), pp. 205–27. О роли Ницше в *Liber Novus* см. Gaia Domenici, «Books 'For All and None': Nietzsche's *Zarathustra*. Jung's *The Red Book* and 'Visionary Works'», PhD thesis, University of Pisa, 2015.

² См. *Книгу 2*. На эту тему см. мою работу «Descensus ad Infernos: la saison en enfer de C. G. Jung» в Edith Alleart Bertin, ed. *Danger et nécessité de l'individuation* (Brussels: L'arbre soleil, 2016), pp. 27–76; и Tommaso Priviero, «On the Service of the Soul: C. G. Jung's *Liber Novus* and Dante's *Commedia*», *Phanes: Journal for Jung History* 1 (2018): 28–58.

он ввёл различие между толкованием на объективном уровне, при котором объекты рассматривались как изображения реальных объектов, и на субъективном уровне, при котором каждый элемент касается самих сновидцев.¹ Его процедуру можно описать не только как толкование фантазий на субъективном уровне, но и как попытку истолковать их на «коллективном» уровне. Он не пытается толковать свои фантазии редуکتивно, а скорее изображает функционирование общих психологических принципов (вроде отношения интроверсии к экстраверсии, мышления и удовольствия и так далее) и буквальных или символических событий, которые должны произойти. Потому «второй слой» *Черновика* представляет собой первую большую и обширную разработку и применение его нового конструктивного метода. Это само по себе герменевтический эксперимент. Он предлагает толковательное прочтение записей в *Чёрных книгах* в сконцентрированный пятимесячный период, начиная с ноября 1913 г.

Эта работа над пониманием включала в себя множество переплетающихся направлений. Юнг хотел понять себя, интегрировать и развить различные компоненты своей личности; понять структуру человеческой личности в целом и связь индивидуума с современным обществом и сообществом мёртвых; постичь психологические и исторические влияния христианства; и разобраться в будущем религиозном развитии Запада. Он обсуждал и много других тем, включая природу самопознания, природу души, связь мышления и чувства, и психологические типы, связь внутренней и внешней маскулинности и феминности, а также единство противоположностей. Он также затрагивал одиночество, ценность исследовательской работы и учёбы, статус науки, значение символов и то, как их следует понимать, а также смысл войны. Он касался темы безумия, божественного безумия и психиатрии, того, как сегодня следует понимать подражание Христу; смерти Бога; исторического значения Ницше; и связи магии и разума.

Общая тема *Liber Novus* заключается в том, как Юнг обретает свою душу и преодолевает современную болезнь духовного отчуждения. Это, в конечном счёте, удастся через перерождение нового образа Бога в его душе и развитие нового мировоззрения и форме психологической и теогонической космологии. *Liber Novus* предлагает прообраз юнговской концепции процесса индивидуации, который он считал универсальной формой индивидуального психологического развития. Потому саму работу следует понимать, с одной стороны, как изображение процесса индивидуации Юнга, а с другой — как его проработку этой концепции в виде общей психологической схемы. В начале книги он вновь находит свою душу и пускается в серию фантазийных приключений, которые связаны последовательным повествованием. Он понял, что до сих пор служил духу этого времени, характеризующему пользой

¹ MZS, pp. 47ff, 30 января 1914 г.

и ценностью. Кроме него, существовал дух глубин, который вёл к душевным вещам. В терминах написанных гораздо позднее биографических мемуаров Юнга, дух времени соответствует личности № 1, а дух глубин — личности № 2. Потому этот период можно рассматривать как возвращение к ценностям личности № 2.¹

Записи из *Чёрных книг*, теперь превращённые в главы, следуют особому формату: они начинаются с изложения драматических визуальных фантазий. В них «я» Юнга встречается с чередой персонажей в различной обстановке и вступает с ними в беседу. Он сталкивается с неожиданными событиями и шокирующими заявлениями. Затем он пытается понять, что произошло, и сформулировать значение этих событий и заявлений на языке общих психологических концепций и максим. Юнг полагал, что значение этих фантазий в том, что они происходили из мифопоэтического воображения, которое отсутствовало в нынешней рациональной эпохе. Задача индивидуации лежит в установлении диалога с персонажами фантазии — или с содержаниями коллективного бессознательного — и интеграции их в сознание, что тем самым позволяет восстановить ценность мифопоэтического воображения, утраченного в современной эпохе. Таким образом дух времени примиряется с духом глубин. Эта задача должна была сформировать лейтмотив последующей учёной работы.

Завершив рукописный *Черновик*, Юнг набрал его и отредактировал. В одной рукописи он вносил изменения от руки (я называю её *Исправленным черновиком*). По аннотациям в *Исправленном черновике* ясно, что он давал его кому-то читать (почерк не Эммы Юнг, Тони Вульф или Марии Мольтцер). Этот читатель комментировал редактуру Юнга, указывая, что некоторые разделы, которые он намеревался вырезать, следует оставить.²

Когда-то в 1915 г. Юнг решил переписать машинописный текст *Liber Novus* в виде средневекового лицевого манускрипта с каллиграфическим письмом по пергаменту. Он назвал первую книгу «Путь того, что грядёт» и поместил под заглавием несколько цитат из книги Исая и Евангелия от Иоанна. Потому текст был представлен как пророческая работа. Он завершил переписывание первой части работы, в сущности, *Liber Primus*, на пергаменте. Поначалу (и повсюду в этом разделе) картины и инициалы с узорами представляли сцены из фантазий. Возможно, по техническим причинам (пергаментные страницы сильно пропускают чернила) он продолжил переписывать и иллюстрировать работу в большом фолианте больше 600 страниц толщиной, оплетённом в красную кожу от переплётчика Эмиля Штирли. На корешке значится название *Liber Novus* (Новая книга). Он вставил пергаментные страницы в фолиант, продолжив его *Liber Secundus*. В процессе переписывания в фолиант он изменял некоторые названия глав, добавлял другие и снова редактиро-

¹ См. *Memories*, chs. 2–3.

² Например, на странице 53 *Черновика* есть замечание на полях: «Прекрасно! Зачем вырезать?» Юнг, очевидно, принял этот совет и сохранил оригинальные отрывки. См. *LN*, p. 151, второй абзац.

вал материал. Правки и изменения преимущественно относились ко «второму слою» толкования и осмысления.

Записи и фантазии, воспроизведённые в *Liber Novus*, ограничиваются сжатым периодом времени. В некоторых отношениях комментарий Юнга во втором слое отражает понимание изменений, произошедших с ним за весь период в целом, а не просто обращён к рассматриваемым фантазиям. Прочтение материала, позже представленного в *Liber Novus*, в таком виде, как он изначально развёртывался в *Чёрных книгах*, позволяет увидеть и проследить феноменологию переживаний Юнга в течение его эксперимента над собой.

Возвращение в глубины

Летом 1915 г. мы находим первую запись в *Книге 5* после перерыва почти в целый год. В более поздней аннотации Юнг добавил здесь: «За это время были написаны I и II части Красной книги. Сразу же после начала войны».¹ Он так воспроизвёл вступление к этой записи в третьем разделе *Liber Novus*, *Исследования*:

С этих пор голоса глубин безмолвствовали целый год. Снова летом, будучи на воде в одиночестве, я увидел, как скопа нырнула недалеко от меня; она схватила большую рыбу и поднялась в небеса, сжимая её в когтях. Я услышал голос своей души, и она сказала: «Это знак, что находящееся внизу поднимается ввысь».²

В *Книге 5* Юнг отметил сновидение, в котором жуткий холод снова спускается посреди лета.³

В тот же день он начал теоретическую переписку со своим коллегой психиатром Гансом Шмидом (1881—1932) на тему психологических типов. Переписка изначально задумывалась для публикации, следуя модели переписки Юнга и Рудольфа Лёя, *Своевременные психотерапевтические вопросы*, которая появилась годом ранее. Последовал бурный диалог. Однако, не придя к консенсусу, Юнг и Шмид разошлись во мнениях, и тон их общения сильно накалился. 4 сентября Юнг писал Шмиду, который ответил через несколько недель. Тем временем, Юнг снова начал писать в *Книге 5* серию записей, датируемых 14, 15, 17 и 18 сентября. В *Liber Novus* он отмечал об этих записях: «Вскоре после этого осенней ночью я услышал голос старца (и на этот раз я знал, что это Филемон)».⁴

¹ *Книга 5*.

² *LN*, р. 474.

³ *Книга 5*.

⁴ *LN*, р. 475.

Записи отмечают возвращение Филемона, но это уже не просто Филемон из *Liber Secundus*, отошедший от дел маг, а величественный учитель тайн, который пришёл наставлять «я» Юнга. Филемон сообщает, что хочет учить его. Филемон говорит, как сам нуждается в том, чтобы отречься от того, чему учил, потому что иначе те, кого он учил, просто получают, а не возьмут. Юнг отметил, что тот, кто постигает Филемона, постигает себя. Филемон продолжил говорить о природе дарения и против тирании добродетели бескорыстности. Работа по искуплению сначала проводится над собой, и через единение с самостью мы достигаем «Бога, который соединяет в себе небеса и ад».¹ Служение себе — это божественное служение.

Этот критический сдвиг в уровне и сдвиг в отношении к другим по совету Филемона отмечается в ответе Юнга 6 ноября на письмо Шпида от 28 сентября. Части этого письма понятны, только если рассматривать их в свете возобновлённого диалога с Филемоном. Юнг начал: «Ваше письмо укрепляет моё убеждение, что достижение согласия по фундаментальным принципам невозможно, потому что смысл как раз в том, что мы не согласны».² Затем он продолжил гневным тоном, резюмируя свои взгляды. Меняя тон, он писал, что, изучая Бригитту Шведскую (1302—1373), он постиг, что «дьявол — это пожиратель. Понимать — *comprehendere* — *katasyllambanein*, а также пожирать».³ В этическом и человеческом желании понимать скрывается дьявольская воля. Это может вести к подлинному убийству души, так как «ядро индивидуума — это таинство жизни, которая умирает, будучи «постигнута». Вот почему символы хотят хранить свои секреты, они таинственны не только потому, что мы не можем ясно видеть то, что в их глубинах».⁴ Сам символ желал защититься от фрейдистских толкований. На поздних стадиях анализа было особенно важно «помогать человеку прийти к этим скрытым и нераскрываемым символам, в которых семя жизни надёжно спрятано, как нежное семя в твёрдой оболочке». Юнг рассказал сон, который видел давно, но понял только сейчас: «Я стоял в своём саду и выкопал большой источник воды, которая была мощным ключом. Затем я прокопал канаву и глубокую дыру, в которой собрал всю воду и дал ей утечь обратно в недра земли».⁵ Из этого он сделал вывод:

Таким образом, спасение даётся нам в нераскрываемом и невыразимом символе, так как он защищает нас, мешая дьяволу поглотить семя жизни. ... Мы должны понять божественное внутри нас, но не другого, пока он может сам

¹ Книга 5.

² Юнг — Шмиду, 6 ноября 1915 г., в *The Question of Psychological Types: The Correspondence of C. G. Jung and Hans Schmid-Guisan, 1915–1916*, ed. John Beebe and Ernst Falzeder, tr. Ernst Falzeder (Princeton: Princeton University Press, Philemon Series, 2013), p. 131.

³ Ibid., p. 140.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., p. 141. Этот сон можно найти в Книге 4.

ходить и стоять на своих ногах. ... Мы должны быть приближёнными собственннх тайн, но целомудренно закрывать глаза перед тайнами другого, пока он не будет нуждаться в «понимании» из-за собственной неспособности.¹

Откладывая в сторону «разрушительное» понимание, осознавая необходимость позволять символам оставаться «нераскрываемыми» и «невывразимыми», а также требование быть «приближённым собственннх тайн», это письмо отмечает поворотную точку — возвращение к встрече Юнга с духом глубин.

Начиная с этого момента, в активных воображениях Юнга происходит заметный сдвиг. С зимы 1913 до лета 1914 гг. они характеризуются отказом от суждения и толкования и попыткой изучить, какие наставления предложат ситуации и персонажи. С начала войны Юнг стал ретроспективно рассматривать свои фантазии не только как чисто личностные. Во втором слое комментария, добавленном в *Liber Novus*, он попытался понять это пересечение между фантазиями и происходящим в мире буквально и символически. Из этого сформировалась направляющая посылка для новых активных воображений. По его мнению, эта практика могла привести не только к укреплению самопознания, но и к более глубокому постижению действующего в мире духа глубин, который с такой сокрушительной силой прорывался через повседневность. Увидев в своих фантазиях не только личностное значение, он пришёл к пониманию их широкой значимости. 16 октября 1916 г. он написал коллеге психиатру Альфонсу Медеру: «Я должен найти путь через бессознательное. Не только я сам, но и люди, которые мне доверились, нуждаются в моём понимании. Потому я вынужден был заняться исключительно этой отнимающей время и чрезвычайно требовательной работой».²

Возвращение мертвецов

Тем временем, в начале 1916 г. в Цюрихе был сформирован Психологический клуб благодаря дару 360000 швейцарских франков от Эдит Рокфеллер Маккормик. Она приехала в Цюрих на анализ у Юнга в 1913 г. Клуб изначально находился в роскошном здании на Лёвенштрассе 1. С самого начала в нём было приблизительно шестьдесят членов — и это указывает на то, что, оставив психоаналитическое движение, цюрихская школа процветала. Для Юнга цель Клуба была в том, чтобы изучать связь индивидуумов с группой и дать естественную среду для психологического наблюдения, преодолеть ограничения анализа лицом к лицу, предоставив место встречи, где пациенты научились бы адаптироваться к социальным ситуациям.

¹ *The Question of Psychological Types: The Correspondence of C. G. Jung and Hans Schmid-Guisan, 1915–1916*, pp. 141–42.

² Архив Медера.

Первым президентом стала Эмма Юнг. В то же время, профессиональные аналитики продолжали встречаться в Ассоциации аналитической психологии.¹ Разница между двумя этими учреждениями описывается в письме Юнга к своему коллеге Полю Бьерру от 2 апреля 1917 г.:

...мы основали в Цюрихе психологический Клуб примерно на 60 членов, который посвящён именно человеческой и социальной стороне нашей психологии. Вдобавок, каждые 14 дней у нас проходят встречи примерно 10 аналитиков, где мы пытаемся понять все огромные новшества, которые влечёт за собой изучение коллективного бессозн.²

Одной из ключевых тем во втором слое *Liber Novus* было понимание необходимости встречи с мертвецами. Юнг пришёл к пониманию, что хаос был не бесформенным, но наполнен мёртвыми, «не только вашими мёртвыми, то есть всеми образами форм, которые вы принимали в прошлом и которые с ходом жизни остались позади, но и толпой мертвецов всей человеческой истории, призрачной чередой идущих из прошлого».³ Встреча с мёртвыми оставляла свой след на человеке, и лучше всего было проделывать это наедине с собой: «Когда наступит время, и вы откроете дверь мертвецам, ваши ужасы затронут и вашего брата, ведь ваш лик возвещает бедствие. Потому удалитесь в одиночество, ведь никто не даст вам совета, если вы боретесь с мертвецами».⁴ Мёртвых нужно было принять, и они нуждались в спасении. Необходимо было прислушаться к их стенаниям и принять их с любовью, но не стать «их слепым глашатаем».⁵ Он понял, что, удовлетворяя требования мертвецов, «я отказываюсь от прежних личных устремлений, и мир должен принять меня за мертвеца».⁶ В *Черновике* он резюмировал своё понимание важности этого начинания: «Ни одна нота христианского закона не отменена, вместо этого мы добавляем новую: принять стенания мертвецов».⁷ Вступить в должные отношения с мертвецами — это непростая задача. Возвращаясь к столкновению с душой зимой 1915 г. Юнг пытался установить, как раз такие верные отношения. 26 декабря душа сообщила ему, что «Сообщество с мертвыми — это то, в чем нуждаетесь и вы, и мертвые».⁸

¹ Об образовании Клуба см. мою работу *Cult Fictions: C. G. Jung and the Founding of Analytical Psychology* (London: Routledge, 1998).

² Юнг — Полю Бьерру, 2 апреля 1917 г., *JA*.

³ *Liber Secundus*, «Nox secunda» (*LN*, p. 340), комментируя фантазию от 17 января 1914 г. (*Книга 3*). На эту тему см. James Hillman and Sonu Shamdasani, *Lament of the Dead: Psychology After Jung's Red Book* (New York: W.W. Norton, 2013).

⁴ *Liber Secundus*, «Nox secunda» (*LN*, p. 342).

⁵ *Ibid.*, p. 344.

⁶ *Ibid.*, p. 433.

⁷ *Ibid.*, p. 345, n. 187.

⁸ *Книга 5*.

В важнейшей записи 16 января 1916 г. душа представила ему проработанную теогоническую космогонию.¹ Она описала ему свою природу, природу даймонов, небесной матери и богов. Особую важность представлял Абраксас, могучий и пугающий самообновляющийся Бог космоса. Она описала природу человека как стремление к абсолютной индивидуальности, через которую он концентрируется и противостоит растворению Плеромы или «всего». Юнг нарисовал схематическую диаграмму этой системы. Несколько позже он написал её в красках, озаглавив работу *Systema Mundi Totius*, система всех миров. На обороте он написал по-английски: «Это первая мандала, которую я создал в году 1916, совершенно не осознавая её смысл».²

В начале 1916 г. Юнг столкнулся с поразительной серией парапсихологических событий в своём доме. В 1923 г. он рассказывал об этом Кэри де Ангуло (позже Бейнс). Она записала это так:

Однажды ночью ваш сын начал метаться во сне и раскачиваться, повторяя, что не может проснуться. Наконец, жена вынуждена была позвать вас, чтобы успокоить его, и это удалось сделать, только закутав его в холодную ткань. Наконец, он успокоился и заснул, не помня ничего на следующее утро, но казался совершенно истощённым, так, что вы не пустили его в школу; он не спросил, почему, и принял, как должное. Но внезапно он попросил бумагу и цветные карандаши, начав работать над следующим рисунком: мужчина удил рыбу крючком и леской в середине рисунка. Слева был Дьявол, говорящий что-то мужчине, и ваш сын записал, что он сказал. Он пришёл за рыбаком, потому что тот ловил его рыб, но справа был ангел, сказавший: «Нет, ты не можешь взять этого человека, он берёт только плохих рыб, но не хороших». Сделав этот рисунок, ваш сын стал довольно спокоен. Той же ночью двум дочерям показалось, что они видели привидений в своих комнатах. На следующий день вы записали «Наставления мёртвым» и знали, что после этого ничто уже не побеспокоит вашу семью, так и случилось. Конечно, я знаю, что вы были рыбаком на рисунке сына, вы так мне и сказали, но мальчик этого не знал.³

В *Воспоминаниях* Юнг вспоминал, что примерно в пять часов дня во входную дверь позвонили, и служанки были на кухне. Входную дверь было видно из кухни.

Все тут же посмотрели, кто там, но никого не было видно. Я сидел возле дверного звонка и не только слышал, но и видел, как он движется. Мы про-

¹ Ibid., pp. 269ff.

² См. приложение.

³ CFB.

сто уставились друг на друга. Воздух словно сгустился, поверьте мне! Тогда я понял — что-то должно случиться. Весь дом был словно набит призраками. Они столпились до самой двери, и атмосфера была такой тяжёлой, что едва хватало сил дышать. Что до меня, то я трясся от ужаса: «Бога ради, что же происходит?» Затем они заорали хором: «Мы вернулись из Иерусалима, где не нашли того, что искали». Это начало *Septem Sermones*.

Тогда внутри у меня словно раскрылся поток, и за три вечера вещь была написана. Только я взялся за ручку, собрание призраков испарилось. Комната утихла, и атмосфера очистилась. Нашествие призраков закончилось.¹

Мёртвые появились в фантазии от 17 января 1914 г. и сказали, что собираются в Иерусалим, чтобы помолиться у святейшей усыпальницы.² Их путешествие, очевидно, было безуспешным. Они вернулись и поставили метафизические вопросы. Ответ Юнга был обращён на вопросы мёртвых, он наставлял их, разворачивая космогонию, которую ему описала душа. Это произошло между 30 декабря 1916 г. и 8 января 1917 г. *Septem Sermones ad Mortuos* (Семь наставлений мёртвым) можно считать кульминацией фантазий этого периода. Это психологическая космогония, изложенная в форме гностического мифа творения. В фантазиях Юнга новый Бог родился в его душе, Бог, который был сыном лягушек, Абракас. Юнг понимал это символически. Он видел в этой фигуре выражение единства христианского Бога и Сатаны, изображающее трансформацию западного образа Бога. Эту тему Юнг обсуждал в 1952 г. в *Ответе Иову*.

Он изучал литературу по гностицизму в процессе подготовительного чтения для *Трансформаций и символов либидо*. В начале 1913 г. он читал *Абракас* Дитериха, ещё с точки зрения теории либидо. В январе и октябре 1915 г., находясь на военной службе, он интенсивно изучал работы гностиков. Он был поражён близостью этих текстов и своей *Liber Novus*, а также сходством между современной эпохой и временами раннего христианства. После написания *Septem Sermones* в *Чёрных книгах* Юнг перенёс их каллиграфическим письмом в отдельную книгу, немного переупорядочив последовательность. Он добавил следующий подзаголовок: «Семь наставлений мёртвым. Написаны Василидом из Александрии, города, где Восток соприкасается с Западом».³ Затем он издал её частным образом, добавив к подзаголовку: «Переведено с греческого оригинала на немецкий». Эта легенда указывает, как классическая учёность конца девятнадцатого века оказывала своё влияние на Юнга. Он вспоминал, что написал эту работу по случаю основания Психологического клу-

¹ *Memories*, pp. 215–16.

² Книга 4.

³ Исторический Василид был гностиком, учившим в Александрии во втором веке н.э. См. Bentley Layton, ed., *The Gnostic Scriptures: Ancient Wisdom for the New Age* (New York: Doubleday, 1987).

ба и считал подарком Эдит Рокфеллер Маккормик за основание Клуба.¹ Он раздал копии друзьям и доверенным людям. Копию Адольфу Келлеру он подписал так: «Эта маленькая книжка, которую я доверяю вашей благонамеренности и дружеской снисходительности, таит в себе желание: она хотела бы иметь хорошее укрытие в эту холодную мировую погоду. / Не-автор и копиист».² Подарив копию Альфонсу Медеру, он писал:

Я не мог отважиться поставить на ней своё имя, но вместо этого выбрал имя одного из тех великих умов начала христианской эры, которых христианство уничтожило. Она довольно неожиданно упала мне в руки, как зрелый плод во времена великого напряжения и зажгла луч надежды и утешения для меня в тяжёлые часы.³

На пути к аналитической психологии

В 1916 году Юнг написал несколько эссе и короткую книгу, в которых начал попытку переводить некоторые темы *Liber Novus* на современный психологический язык и размышлять о значении и общей применимости своей деятельности. Что значимо, именно в этих работах он предложил первые очертания главных компонентов своей созревшей психологии. Он попытался перевести то, что узнал от духа глубин, на язык духа времени. Полное описание этих работ выходит за рамки данного введения. Дальнейший обзор касается тех элементов, которые напрямую связаны с *Liber Novus* и Чёрными книгами.

В своих работах между 1911 и 1914 гг. Юнга прежде всего заботило установление структурного описания общего устройства человека и психопатологии. Кроме ранней теории комплексов, он уже сформулировал концепции о филогенетически приобретённом бессознательном, населённом мифическими образами, о не сексуальной психической энергии, об общих типах интроверсии и экстраверсии, о компенсаторной и перспективной функции сновидений и о синтетическом и конструктивном подходе к фантазиям. С расширением и детальным развитием этих концепций в данных работах начали появляться новые моменты: попытки предоставить временное описание высшего развития, которое Юнг называл процессом индивидуации. Это был главный теоретический результат экспериментов Юнга над собой. Полная проработка процесса индивидуации и его историческое и кросс-культурное сравнение будет занимать его до конца жизни.

¹ МР, р. 26.

² Библиотека Психологического клуба, Цюрих.

³ 19 января 1917 г., *Letters*, 1, pp. 33–34. Отправив копию *Sermones* Иоланде Якоби, Юнг описал их как «дикивинку из мастерской бессознательного» (7 октября 1928 г., *JA*).

В 1916 г. он представил лекцию перед Ассоциацией аналитической психологии, озаглавленную «Структура бессознательного», которая была впервые опубликована во французском переводе в *Archives de Psychologie* Теодора Флурнуа.¹ Здесь он различал два слоя бессознательного. Первый, личное бессознательное, состоял из элементов, приобретённых в процессе жизни, наряду с элементами, которые также могут быть осознанными.² Вторым был слой безличного бессознательного или коллективной психики.³ Тогда как сознание и личное бессознательное развивались и приобретались в течение жизни человека, коллективная психика была унаследованной.⁴ В этом эссе Юнг обсуждал любопытные явления, следующие из ассимиляции бессознательного. Он отмечал, что когда индивидуумы присоединяли содержания коллективной психики и считали их личными атрибутами, то испытывали крайние состояния превосходства и неполноценности. Для описания этого явления он позаимствовал у Гёте и Адлера термин «богоподобие». Это состояние возникало от слияния личной и коллективной психики и представляло собой одну из опасностей анализа.

Юнг писал, что было трудно дифференцировать личную и коллективную психику. Одной из помех была персона — «маска» или «роль» человека, — которая представляла собой сегмент коллективной психики, часто ошибочно считающийся индивидуальным. При анализе персоны она растворялась в коллективной психике, что приводило к высвобождению потока фантазий: «Раскрывались все сокровища мифологического мышления и чувства».⁵ Разница между этим состоянием и безумием заключалась в том факте, что первое было намеренным. Появлялись две возможности: можно было попытаться регрессивно восстановить персону и вернуться к прежнему состоянию. Однако, избавиться от бессознательного было невозможно. Или же можно было принять состояние богоподобия. Существовал третий путь, который заключался в герменевтическом обращении с творческими фантазиями, что приводило к синтезу индивидуальной и коллективной психики, раскрывая индивидуальный жизненный путь. Это был процесс индивидуации. В последующей недатированной ревизии этой работы Юнг ввёл концепцию анимы как дополнения персоны. Он считал обоих «субъектными имаго». По его определению, анима — это то, «как субъект видим коллективным бессознательным».⁶

Живое описание превратностей состояния «богоподобия» можно считать показательным для некоторых аффективных состояний Юнга во время экспериментов над

¹ После разрыва с Фрейдом Юнг обнаружил, что Флурнуа оказывает ему непрерывную поддержку. См. работу Флурнуа 1909 г. *From India to the Planet Mars: A Case of Multiple Personality with Imaginary Languages*, ed. Sonu Shamdasani, tr. D. Vermilye (Princeton: Princeton University Press, 1994), p. ix.

² CW 7, pars. 444–46.

³ Ibid., par. 449.

⁴ Ibid., par. 459.

⁵ Ibid., p. 468.

⁶ Ibid., p. 521.

собой. Идея дифференциации персоны и её анализа соответствует первым записям Книги 2, где Юнг отстранялся от своей роли и достижений и пытался восстановить связь с душой. Высвобождение мифологических фантазий как раз и произошло в его случае, и герменевтическое рассмотрение творческих фантазий было представлено во втором слое *Liber Novus*. Дифференциация личного и безличного бессознательного предоставила теоретическое понимание его мифологических фантазий: он рассматривал их как происходящие из унаследованной коллективной психики, а не из личного бессознательного. Если так, его фантазии происходили из слоя психики, который был общечеловеческим наследием; они не были уникальными или произвольными.

В октябре того же года Юнг представил два выступления в Психологическом клубе об адаптации и индивидуации. Первое было озаглавлено «Адаптация». Этот процесс происходил в двух формах: адаптация ко внешним и внутренним состояниям. «Внутренние» обозначали бессознательное. Адаптация ко внутреннему вела к требованию индивидуации, которое было противоположным адаптации к другим. Ответ на это требование и соответствующий разрыв с подчинением вёл к появлению трагической вины, требовавшей искупления и новой «коллективной функции». Дело было в том, что индивидуум должен был производить ценности, которые могли служить заменой его отсутствию в обществе. Эти новые ценности служили заменой коллективному. Индивидуация предназначалась немногим. Те, кто были недостаточно творческими, должны были восстановить коллективное подчинение обществу. Индивидуум должен был создавать не просто новые ценности, но социально признанные ценности, так как общество имело «право ожидать реализуемые ценности».¹

В терминах ситуации Юнга это предполагало, что его разрыв с социальным подчинением для следования «индивидуации» привёл ко мнению, что он должен был создать социально реализуемые ценности в качестве искупления. Его эксперименты над собой должны были завершиться работой, предлагающей новые ценности в социально реализуемой манере. Это привело к дилемме: будет ли форма, в которой Юнг воплотил эти новые ценности в *Liber Novus*, социально приемлемой и признанной?

Второе выступление называлось «Индивидуация и коллективность». Юнг утверждал, что эти два состояния были парами противоположностей, связанными виной. Общество требовало подражания. В анализе «через подражание пациент учится индивидуации, потому, что она перезапускает его ценности».² Можно прочесть это как комментарий к роли подражания в аналитическом лечении тех пациентов, которых Юнг воодушевлял отправиться к похожим процессам развития.

¹ CW 18, par. 1098.

² CW 18, par. 1100.

Требование, чтобы этот процесс пробуждал уже существующие ценности пациента, опровергало обвинение во внушении.

В ноябре, находясь на воинской службе в Херизау, Юнг написал работу под названием «Трансцендентная функция».¹ Он изобразил метод прояснения и развития фантазий, который позже назвал активным воображением, и дал его терапевтическое обоснование на психологическом языке. Что поразительно, здесь нет никаких указаний на обширные космологические, метафизические и теологические исследования, в которые он сам был вовлечён. Он отмечал, что критической проблемой, появляющейся в анализе, был тот факт, что обретённый новый подход впоследствии становится устаревшим. Нужны были бессознательные материалы для дополнения сознательной установки и исправления её односторонности. Но поскольку энергетическое напряжение во сне было низким, сны были неполноценными выражениями бессознательных содержаний. Потому следовало обратиться к другим источникам, а именно, к спонтанным фантазиям. В *Чёрных книгах* записано немного снов. Недавно обнаруженная книга со сновидениями содержит серии сновидений с 1917 по 1925 гг.² Внимательное сравнение её с *Чёрными книгами* того же периода указывает, что активные воображения Юнга не следовали напрямую из сновидений, и это были два в целом независимых потока.

Юнг описывал свою технику вызывания спонтанных фантазий так: «Тренировка заключается прежде всего в систематических упражнениях по устранению критического внимания, тем самым создающих вакуум в сознании».³ Начинать следовало с концентрации на конкретном настроении и попытки насколько возможно осознавать все фантазии и ассоциации, которые появляются в связи с ним. Цель была в том, чтобы допустить свободную игру фантазии, но без ухода от первоначального аффекта в процесс свободных ассоциаций. Это вело к конкретному или символическому выражению настроения, что приближало аффект к сознанию, тем самым делая его более понятным. Уже одно это могло иметь целительное воздействие. Индивидуумы могли рисовать, писать красками или лепить, в зависимости от своих склонностей:

Визуальные типы должны концентрироваться на ожидании, что появится внутренний образ. Как правило, такой образ фантазии в самом деле появляется, возможно, гипнагогически, и должен быть тщательно записан. Аудио-вербальные типы обычно слышат внутренние слова, возможно, лишь фрагменты или изначально бессмысленные высказывания. ... Другие в такое

¹ Она была опубликована в 1957 г. в пер. А. Р. Поупа (Zürich: Students Association, C. G. Jung Institute). Пересмотренная версия есть в CW 8.

² JFA.

³ CW 8, par. 155.

время просто слышат свои «другие» голоса ... гораздо реже, но столь же ценно, встречается автоматическое письмо, прямое или с планшеткой.¹

Как только фантазии были созданы и воплощены, возможны два подхода: творческая формулировка и понимание. Каждый нуждался в другом, и оба необходимы для создания трансцендентной функции, которая возникала из единства сознательных и бессознательных содержаний.

Для некоторых людей, отмечал Юнг, возможно было записывать «чужой» голос и отвечать ему с точки зрения «я»: «Словно диалог происходит между двумя людьми».² Диалог помогал создать трансцендентную функцию, что приводило к расширению сознания. Его описание использования внутренних диалогов и способов вызывания фантазий во время бодрствования совпадает его собственным предприятием в *Чёрных книгах*. Взаимодействие творческой формулировки и понимания соответствуют его работе в *Liber Novus*, которая содержит оба элемента.

В 1917 г. Юнг опубликовал короткую книгу с длинным названием: *Психология бессознательных процессов: обзор современной теории и метода аналитической психологии*. В предисловии, датированном декабрём 1916 г., он заявил:

Психологические процессы, сопровождающие современную войну, прежде всего, невероятное ожесточение общественного мнения, взаимное злословие, беспрецедентная ярость разрушения, чудовищный поток лжи и неспособность человека остановить кровавого демона, как ничто иное подходит для того, чтобы поставить перед мыслящими людьми проблему хаотического бессознательного, беспокойно дремлющего под упорядоченным миром сознания. Эта война безжалостно показала цивилизованному человеку, что он всё ещё варвар. ... *Но психология индивидуума соответствует психологии нации. То, что делает нация, делает и каждый индивидуум, и пока индивидуум это делает, нация делает это тоже.* Только изменение в подходе индивидуума положит перемены в психологии нации. Огромные проблемы человечества никогда не будут разрешены через общие законы, но *всегда только через обновление подхода индивидуума.*³

Война показала хаотичность бессознательного. Так как коллективные события высвобождают демонов бессознательного, единственное решение лежит на индивидуальном уровне. Выражаясь языком, напоминающим об эссе Уильяма Джеймса «Нравственный эквивалент войны», Юнг утверждал: «Каждый индивидуум ну-

¹ CW 8, pars. 170–71. Планшетка — это маленькая деревянная дощечка на подставке, помогающая автоматическому письму.

² CW 8, par. 186.

³ Ibid., p. 4.

ждается в революции, внутреннем расколе, разрушении установившегося порядка и обновлении». Этого можно достигнуть через саморефлексию и возвращение индивидуума к «основе человеческой сущности».¹ Понятый таким образом, анализ может предоставить основу для культурного обновления. Здесь выражена тесная взаимосвязь между индивидуальными и коллективными событиями, находившаяся в центре *Liber Novus*. Для Юнга совпадение видений-предчувствий и начала войны показало глубокие подсознательные связи между индивидуальными фантазиями и мировыми событиями, а потом и между психологией индивидуума и нации. Теперь требовалось проработать эту связь более детально.

Юнг отмечал, что после анализа и интеграции содержаний личного бессознательного человек сталкивается с мифологическими фантазиями, которые происходят из филогенетического слоя бессознательного.² Психология бессознательных процессов предлагала описание коллективного, надличностного, абсолютного бессознательного — эти термины использовались взаимозаменяемо. Он утверждал, что требовалось отделиться от бессознательного, представив его зримо как нечто отдельное. Важно было различать между «я» и не-«я», а именно, коллективной психикой или абсолютным бессознательным. Чтобы это сделать, «человек должен с необходимостью твердо стоять на ногах в своих я-функциях: то есть, он должен полностью исполнить свой долг по отношению к жизни, чтобы во всех отношениях быть полноценно живущим членом общества».³ Обе эти задачи — отделение от бессознательного через его зримое представление и, в то же время, исполнение мирских обязанностей и ответственности — он и пытался выполнить в этот период.

В *Трансформациях и символах либидо* Юнг называл содержания этого бессознательного типичными мифами или изначальными образами. Он также называл их «доминантами»: «управляющие силы, Боги, то есть образы доминирующих законов и принципов, средние закономерности в последовательности образов, которые мозг получил из последовательности земных процессов».⁴ На эти доминанты следовало обращать особое внимание. Особенно важным было «отделение мифологических или коллективных психологических содержаний от объектов сознания, и их укрепление как психологических реальностей вне пределов индивидуальной психики».⁵ Это позволяло найти общий язык с активированными остатками исто-

¹ CW 7, pp. 3–4.

² В пересмотренной версии этой работы 1943 г. Юнг добавил, что личное бессознательное «соответствует фигуре тени, которая так часто встречается в сновидениях» (CW 7, par. 103). Он добавил также следующее определение этой фигуры: «Под тенью я понимаю «негативную» сторону личности, сумму всех тех скрытых неприятных качеств, недостаточно развитых функций и содержаний личного бессознательного» (ibid., par. 103n). Впоследствии эта фаза процесса индивидуации описывалась как столкновение с тенью (см. CW 9, pt. 2, pars. 13–19).

³ *The Psychology of the Unconscious Processes*, в Jung, *Collected Papers on Analytical Psychology*, 2nd ed., ed. and tr. Constance E. Long (London: Baillière, Tindall & Cox, 1917), pp. 416–17.

⁴ Ibid., p. 432.

⁵ Ibid., p. 435.

рии наших предков. Дифференциация личного от безличного приводила к высвобождению энергии.

Эти комментарии предлагали иное описание его деятельности: это попытка дифференцировать различных появляющихся персонажей и «укрепить их как психологические реальности». Идея о том, что эти фигуры имели собственную психологическую реальность и не были просто субъективными вымыслами, стала главным уроком, который он приписал имажинальной фигуре Или: это был урок о психической субъективности.¹

Юнг утверждал, что эпоха разума и скептицизма, начатая французской революцией, привела к тому, что религия и иррационализм начали подавляться. Это имело серьёзные последствия, приведшие к прорыву иррационализма, представленного мировой войной. Потому историческая необходимость заключалась в том, чтобы признать иррациональное как психологический фактор. Принятие иррационального представляет собой одно из главных предприятий в *Чёрных книгах*.

В *Психологии бессознательных процессов* Юнг развил эту концепцию психологических типов. Он отмечал, что психологические особенности типов обычно доходят до крайности. В силу действия того, что он называл энантидормией, или переворотом в противоположность, появлялась противостоящая функция, а именно, чувство для интровертов и мышление для экстравертов. Эти функции находятся в бессознательном. Развитие противостоящей функции вело к индивидуации. Поскольку противостоящая функция была неприемлема для сознания, для нахождения общего с ней языка требовалось создание трансцендентной функции. Бессознательное становится опасностью, когда человек не в ладах с ним. Но с установлением трансцендентной функции разлад прекращается. Это даёт доступ к продуктивным и благотворным аспектам бессознательного. Бессознательное содержало мудрость и опыт бесчисленных эпох и служило несравненным наставником. Развитие противоположной функции изображается в разделе *Liber Novus* под названием «Mysterium», посвящённом встрече с Илиёй и Саломеей в декабре 1913 г.² Попытка обрести мудрость, хранящуюся в бессознательном, отражена в *Чёрных книгах* повсеместно. «Я» Юнга просит душу сказать ему, что она видит и в чём смысл его фантазий. Бессознательное здесь рассматривается как источник высшей мудрости. Юнг завершил эссе, указывая на личностную и опытную природу его новых концепций: «Наша эпоха ищет новый источник жизни. Я его нашёл и испил из него, и вода была приятна на вкус».³

¹ *Introduction to Jungian Psychology*, p. 103.

² *Книга 2*.

³ *Collected Papers on Analytical Psychology*, p. 444.

Появление Фанеса

Седьмое наставление завершилось призыванием Бога-звезды:

На неизмеримой отдаленности в Зените стоит звезда, излучающая голубой свет. Это единственный Бог этого одного человека, это его мир, его Плерома, его божественность. В этом мире человек-Абракас, создатель и разрушитель своего собственного мира.

Эта звезда-Бог, цель человека. Это его единственный направляющий Бог. В нем человек идет к своему покою. К нему идет долгий путь души после смерти. В нем блистательно сияет все, что человек взял от большого мира [50/51].

Этому одному Богу будет должен человек.¹

Записи осени 1916 г. далее проясняют эту фигуру, которая оказывается Фанесом. Фанес впервые появился как золотая птица от древа света. Душа Юнга назвала его «предельным и высочайшим». Осенью 1917 г. Филемон описал его светоносное сияние в записях, которые можно считать дальнейшими наставлениями.²

В 1919 г. Юнг нарисовал его портрет в *Liber Novus* в виде божественного ребёнка, заметив: «Я назвал его PHANES, потому, что он новоявленный Бог».³ Он считал появление этой фигуры знаком духовной трансформации, происходящей в мире. В 1919 г. он писал английской ученице Джоан Корри:

...в последнем наставлении вы найдёте начало индивидуации, из которой возникает божественный ребёнок. Пожалуйста, не говорите об этих вещах с другими людьми. Это может навредить ребёнку. Ребёнок — это судьба и amor fati & наставление и необходимость — а также мир и исполнение (Ис. 9:6). Не позволяйте себе рассеиваться на людей, мнения и обсуждения. Ребёнок — это новый Бог, действительно родившийся во многих людях, но они этого не знают. Он «духовный» Бог. Дух многих людей, но один и тот же повсюду. Дайте время, и вы испытаете на себе Его качества.⁴

В этот период душа Юнга стремилась научить его об отношениях с женщинами. Между 1916 и 1918 гг. упоминаются «белая» и «чёрная» женщины. Контекст, похоже, предполагает, что речь идёт о Марии Мольтцер и Тони Вульф, соответственно.⁵

¹ Книга 6.

² Книга 7.

³ См. приложение.

⁴ Скопировано в дневник Констанс Лонг, *CLM*, pp. 21–22.

⁵ У них были светлые и тёмные волосы соответственно.

В записи из книжки со сновидениями от 2 июля 1917 г. Юнг упоминал свою «безличную любовь» к обеим женщинам и отмечал, что с ними его душа была «целостной, завершённой».¹ 27 сентября 1916 г. душа посоветовала следующее: «Отпусти чёрную. Никаких излишне глубоких отношений. Она тоже пуста и живёт через тебя. Она не может дать тебе то, что нужно».² На следующий день душа добавила о чёрной женщине:

Я понимаю, что ты любишь её, но я бы хотела от неё избавиться. ... Женщины — мои самые опасные [114/115] противницы, так как они обладают моими качествами. Вот почему ты так легко можешь спутать меня с чёрной. А ещё у меня золотистые козлиные глаза и чёрная шерсть. Я встаю между ней и тобой. Белая менее опасна для тебя так как она совершенно не похожа на меня и имеет такую неблагоприятную природу, что ты совершенно не можешь затеряться там.³

Год спустя душа изменила свою позицию по отношению к чёрной. 22 октября 1917 г. она посоветовала: «Люби меньше. Нож, слышишь, тебе нужен нож. Отрежь всё негодное. Не чёрную — она для тебя полезна. Она тиха и сопровождает тебя. Она тебе необходима. Она может быть счастливой, если с тобой всё будет хорошо».⁴ Она посоветовала противоположное относительно белой. 28 февраля 1918 г. она сказала: «Уже давно я советую тебе отделиться от белой».⁵ В этот период у Юнга складывалось понимание фигуры анимы, женской души мужчины, и необходимости признать аниму как внутреннюю составляющую, а не видеть её в женщинах. Говоря технически, он называл это возвращением и интеграцией проекции анимы на женщин.

Между 11 июня и 2 октября 1917 г. Юнг был на воинской службе в как командир интернированных английских войск. Около августа он писал Смити Эли Джеллифе, что воинская служба совершенно оторвала его от работы, и по возвращении он надеется закончить большую работу о типах. Он заключил: «У нас всё без перемен и тихо. Всё остальное поглощено войной. Психоз всё нарастает».⁶

С начала августа до конца сентября он нарисовал карандашом серию мандал в армейской записной книжке, которую сохранил.⁷ Первая называлась «Фанес» и несли подпись: «трансформация материи в индивидууме».⁸ Этот образ можно рассматри-

¹ «Dreams», р. 17.

² Книга 6.

³ Ibid.

⁴ Книга 7.

⁵ Ibid.

⁶ John C. Burnham, *Jelliffe: American Psychoanalyst and Physician and His Correspondence with Sigmund Freud and C. G. Jung*, ed. William McGuire (Chicago: University of Chicago Press, 1983), p. 199.

⁷ См. The Foundation of the Works of C. G. Jung, eds., *The Art of C. G. Jung* (New York: W. W. Norton, 2018).

⁸ См. приложение.

вать как попытку изобразить «новоявленного Бога» и его связь с индивидуумом. Эти мандалы связаны с сопутствующими фантазиями в *Чёрных книгах*. Некоторые содержали сложную иероглифику, которая появлялась и в свою очередь проявлялась в диалогах с чёрным магом Ха осенью 1917 г.¹ Затем Юнг зарисовал их в каллиграфическом томе *Liber Novus*, но они никак не связаны с текстом. Они лучше соответствуют осенним диалогам в *Чёрных книгах*.

Юнг позже вспоминал, что не понимал эти мандалы, но чувствовал, что они значимы. Начиная с 20 августа, он рисовал мандалы почти каждый день. Это создавало чувство, что он делает фотографию каждого дня, и он наблюдал, как эти фигуры меняются. Юнг вспоминал, что получил письмо от «этой голландской женщины» — Мольтцер — «которое ужасно подействовало мне на нервы».² Мольтцер утверждала, что «фантазии, происходящие из бессознательного, обладали художественной ценностью и должны считаться искусством».³ Современные художники пытались создавать искусство из бессознательного, и точка зрения Мольтцер его беспокоила, потому что это было неглупо и заставляло задавать себе вопрос, были ли его фантазии спонтанными и естественными. Он рисовал мандалы каждый день, и некоторые из них были испорченными, с нарушенной симметрией.

Только теперь я постепенно пришёл к тому, что же такое мандала: Воплощение, перевоплощение. / Вечное воссоздание вечного ума. И это Самость, целостность личности, которая, когда всё хорошо, гармонична, но не выносит самообмана. Мои образы мандалы были криптограммами состояния Самости, передаваемыми мне каждый день.⁴

Должно быть, это мандала от 6 августа 1917 г.⁵ Цитата взята из *Фауста* Гёте (часть II, акт 1, II). Мефистофель обращается к Фаусту, давая указания о мире Матерей:

Мефистофель

Когда увидишь жертвенник в огне,

Знай, кончен спуск, и ты на самом дне.

Пред жертвенником Матери стоят,

Расхаживают, сходятся, сидят.

¹ Книга 7.

² МР, р. 172.

³ Ibid., р. 220. Относительно представлений Мольтцер об искусстве Фанни Боудич-Кац отмечала в дневнике, что Мольтцер рассматривала свои картины «чисто субъективно, не как произведения искусства» (31 июля 1916 г., *CLM*). По другому случаю Кац отмечает, что Мольтцер «говорила об Искусстве, настоящем искусстве, как выражении религии» (24 августа 1916 г., *CLM*).

⁴ МР, р. 221.

⁵ См. приложение.

Так вечный смысл стремится в вечной смене
От воплощения к перевоплощению.
Они лишь видят сущностей чертеж
И не заметят, как ты подойдешь.
Тогда кидайся смело на огонь
И с властностью ключом треножник тронь.

Упомянутое Юнгом письмо пока не появилось на свет. Однако, в последующем письме от 2 ноября 1918 г., отправленном из Шато д'О, Юнг писал, что «М. Мольтцер снова беспокоила меня своими письмами».¹

Он воспроизвёл мандалы в каллиграфическом томе *Liber Novus*. Десятилетием спустя, в 1929 г., он анонимно описывал эту последовательность в своём «Комментарии к *Тайне Золотого Цветка*»:

Я знаю серию европейских мандал, в которых нечто вроде семени растения, окружённого оболочками, плавает в воде. Затем из глубин снизу огонь проникает внутрь семени и заставляет его расти, так, что из зародышевого пузырька появляется большой золотой цветок.²

Там он дал следующее толкование этой последовательности:

Этот символизм указывает на квази-алхимический процесс очищения и облагораживания. Тьма порождает свет; из «свинца водной области» вырастает благородное золото; то, что было бессознательным, становится осознанным в форме живого процесса роста. (Индийская кундалини-йога предлагает идеальную аналогию.) Таким образом появляется единство сознания и жизни.³

30 июля 1917 г. Фанни Боудич-Кац, проходившая анализ и у Юнга, и у Мольтцер, сделала заметки о своей беседе с Мольтцер, в которой та откровенно говорила о том, как видит свои отношения с Юнгом и их борьбу и как собиралась навестить его в Шато д'О в этот период:

Об этом часе трудно писать — у нас был идеальный раппорт, я провела с ней 1¾ часа — в конце я словно вознеслась в другой мир и будто бы находи-

¹ Неопубликованное письмо, JFA. Существует также недатированная картина Мольтцер, которая похожа на квадратную мандалу. Она описывала её в кратких сопроводительных примечаниях как «художественное представление Индивидуации или процесса Индивидуации» (библиотека Психологического клуба, Цюрих).

² Jung, «Commentary on *The Secret of the Golden Flower*», CW 13, par. 34.

³ Ibid., par. 35.

лась в присутствии божества. Она говорила чудесно, будто под вдохновением, и я яснее, чем когда-либо, видела, ради чего она работает — что означает её борьба с доктором Юнгом. Как чудесно она говорила о работе, которую она и доктор Ю. должны были проделать вместе, и для этого они оба были лишь инструментами. Мелкие атомы в огромной вселенной — наш долг жить — подчинение себя благу всех — все эти чувства явились ко мне, как никогда раньше. Она говорила о великой борьбе, идущей в мире, великой агонии, служащей коллективным выражением индивидуальной борьбы. ... Она говорила об Исиде, чей сын снял корону с её головы и бросил на землю, после чего новая корона появилась на её голове, корова с солнцем и луной между рогов — разве не это происходит с ней из-за обращения доктора Юнга? ... На следующий день мы почти час проговорили в гостинной. Она в своём розовом кимоно возвышалась над столом. Как можно это забыть? Она говорила о том, что нужно поехать в Шато д'О и сказать доктору Ю. о его несправедливости к ней — с одной стороны, он так мил, а с другой почти шарлатан, работающий на публику. / Его отношение к их несходству — это отношение интеллектуального человека — исторического человека. ... Затем она сказала (о, как она это сказала! — с этим чудесным уставленным вдаль взглядом), что где-то глубоко внутри должна быть близость между нею и мной, и я должна сделать для Р. то же, что она делает для доктора Ю.! ... она, очевидно, чувствует, что Р. имеет большую ценность, которую я могу вывести наружу — и она говорила о преодолении личного, чтобы это сделать — она точно так и сделала с доктором Юнгом!¹

В начале 1918 г. трудности между Мольтцер и Юнгом усугубились. 14 апреля 1918 г. Юнг писал Йозефу Лангу о письме, полученном от Мольтцер, в котором та обвиняла его в попытке уничтожить её отношения с Лангом из «жажды мести».² Юнг просил Ланга указать Мольтцер, что он не анализировал отношение Ланга к ней и не знал и не думал о них. Он добавил, что не желает мстить, и Мольтцер просто не могла принять сказанное. Он сказал Лангу, как ему жаль, что такой ценный человек, как Мольтцер, имеет подобные идиотские фантазии и проецирует на него всякую ерунду. По его словам, они порвали всякие отношения несколько месяцев назад. Мольтцер, писал Юнг Лангу, утверждала, будто у Юнга на неё неразрешённый перенос. Это указывало Юнгу, что она параноидальна. Он сказал, что она также утверждала, будто он не может признать её независимость. По мнению Юнга, про-

¹ Fanny Bowditch-Katz, *Diary, CLM*. «Р.» — это Рудольф Кац, за которого вышла Фанни Боудич.

² Архив Й. Б. Ланга, Швейцарские литературные архивы, Берн. О Ланге см. Thomas Feitknecht, ed., «*Die dunkle und wilde Seite der Seele*», Hermann Hesse. *Briefwechsel mit seinem Psychoanalytiker Josef Bernhard Lang, 1916–1944* (Frankfurt: Suhrkamp, 2006).

блема в том, что у неё были «глубоко пренебрежительные» представления о человеческой природе, и она всегда приписывала самые низкие мотивы — вот почему он отошёл от неё. Несмотря на всё это, она всё равно хотела дружбы. Хотя Мольтцер утверждала, что Юнг проецировал на неё, сам Юнг утверждал противоположное: он оставил её в покое, а она нападала на него с оскорблениями.

Вскоре после этого Мольтцер ушла из Клуба. Это вызвало испуг и продолжительные дебаты на собрании 1 июня.¹ Получив её письмо об уходе, Эмма Юнг, президент Клуба, попыталась убедить её остаться, но тщетно. Не удалось это и Адольфу Келлеру. Эмма Юнг заметила, что Мольтцер критически относилась к Клубу уже шесть или восемь недель, но эта антипатия восходила ещё к прошлому лету. Письмо Мольтцер критиковало интеллектуализм Клуба и тот факт, что он был охвачен конфликтом из-за вопроса о типах. Сожалея о её уходе, Эмма Юнг не считала, что указанные Мольтцер причины для ухода были настоящими. Марта Зигг предположила, что Мольтцер настроили против Клуба пациенты, что Юнг считал вероятным. Некоторые члены думали, что причиной ухода был недостаток её коллективной функции. Сара Баркер, одна из её анализандов, предположила, что серьёзным вопросом было мнение Мольтцер, будто Клуб стал «таким не-аналитическим, что она уже не могла его поддерживать и одобрять».² Она утверждала, что было бы ошибкой считать, будто «на её отношение влияли бесчисленные сопротивления, вызванные пациентами». Баркер отмечала: с самого начала Мольтцер полагала, что «Клуб не был основан и не работал в соответствии с аналитическими принципами».³ В письме от 1 августа 1918 г. Мольтцер писала Боудич-Кац:

Да, я ушла из Клуба. Я не могла больше выносить эту атмосферу. Я рада, что ушла. Думаю, что со временем, когда Клуб действительно станет чем-то стоящим, они будут мне благодарны, что я так сделала. Мой уход имеет свои незаметные последствия. Незаметные, потому что, похоже, таков уж мой путь, что я не получаю открытого признания или одобрения за то, что делаю ради развития всего аналитического движения. Я всегда работаю во тьме и в одиночестве. Такова моя судьба, такого и следует ожидать.⁴

19 октября Юнг сообщил Лангу, что уволил Мольтцер как свою ассистентку и порвал всякие контакты с ней. Она обвинила Юнга в том, что он пользовался ею и не признавал её независимость. Со своей стороны, он полагал, что Мольтцер не могла рассматривать его как равного и вместо этого всегда считала мальчиш-

¹ Протоколы Психологического клуба, архивы Психологического клуба.

² Sarah Barker, «The Club problem», архивы Кац, *CLM*, p. 1.

³ Ibid., p. 2.

⁴ Мольтцер — Боудич-Кац, 1 августа 1918 г., архив Кац, *CLM*.

кой. Он, очевидно, последовал совету души насчёт белой женщины.¹ Разрыв Юнга с Мольтцер стал важной поворотной точкой. Позже он вспоминал Аниэле Яффе: «Я могу сказать, что атмосфера разрядилась, когда я указал на дверь голландской женщине, которая хотела убедить меня, будто то, чем я занимаюсь — это искусство, а потом ещё больше — когда я начал понимать рисунки-мандалы».²

В этот период к Юнгу впервые пришла живая идея о Самости. Он вспоминал Аниэле Яффе: «Она согласовывалась с микрокосмической природой души и казалась мне монадой, которая была мной и моим миром. Мандала представляет эту самость».³ Он не знал, куда ведёт этот процесс, но начал понимать, что мандала представляла собой цель процесса: «Только начав рисовать мандалы, я понял, что все пути, которыми я шёл, все сделанные шаги вели к одной точке, то есть к центру. Мандала стала выражением всех путей».⁴

Мольтцер продолжала жить и работать в Цолликерберге и поддерживала дружбу с Лангом. Годы спустя была предпринята попытка примирения, когда Ланг и Мольтцер пригласили Юнга на встречу. Юнг поблагодарил Ланга за приглашение, но отказался: «Я знаю, что можно с сожалением или некоторой тоской оглядываться на те бессознательные времена, что ещё были беременны будущим. Но эти времена уже давно родили, покровы сорваны, и явились новые реальности, чья неотложность не позволяет мне оглядываться назад. Ничего из прошлого нельзя вернуть назад, если только оно не переродится в творческой жизни».⁵

Исследования

Есть указания, что Юнг обсуждал материал своих экспериментов над собой с коллегами. В марте 1918 г. он писал Лангу, который отправил ему некоторые свои фантазии:

¹ В личной коллекции Стивена Мартина.

² *МР*, р. 172.

³ *МР*, р. 173. Непосредственными источниками, из которых Юнг черпал концепцию Самости, похоже была концепция Атмана/Брахмана в индуизме, рассмотренная в *Психологических типах*, и некоторые отрывки в *Так говорил Заратустра* Ницше. Ницше пишет: «[Самость] ищет глазами чувств и слушает ушами ума. Самость всегда прислушивается и ищет: она сравнивает, подчиняет, разрушает и завоевывает. Она господствует и поведует даже твоим «Я». За мыслями и чувствами твоими, брат мой, стоит могущественный господин, неведомый мудрец — Самость имя ему» (Часть I, «О презирающих тело» [зд. в пер. В. В. Рыкевича — прим. персв.]). Этот отрывок подчёркнут в копии Юнга. Есть также черты на полях и восклицательные знаки. Комментируя этот отрывок на семинаре 1935 г. о *Заратустре*, Юнг сказал: «Я уже сильно интересовался концепцией самости, но не был уверен, как её понимать. Я сделал пометки, когда наткнулся на эти отрывки, и они показались мне очень важными. ... Концепция самости продолжала напрашиваться. ... Я думал, что Ницше имел в виду некую вещь-в-себе, стоящую за психологическим явлением. ... Кроме того, я видел, что он создаёт концепцию самости, напоминающую восточные представления об Атмане» (*ZS*, vol. 1, р. 391).

⁴ *Ibid.*

⁵ Юнг — Лангу, 10 октября 1923 г. (из частного собрания Стивена Мартина).

...как вы верно заметили, очень важно переживать содержания бессознательного, прежде чем складывать какое-то мнение о них. Я вполне согласен с вами, что мы должны постичь содержание гностицизма и неоплатонизма. Эти системы содержат материалы, которым суждено стать основанием теории бессознательного. Я сам работаю над этим уже некоторое время, и у меня было достаточно возможностей сравнить свои переживания, по крайней мере, частично, с переживаниями других людей. Вот почему мне приятно слышать примерно такое же мнение от вас. Я рад, что вы самостоятельно обнаружили эту нетронутую область работы. До сих пор мне не доставало сотрудников, и я счастлив, что вы хотите ко мне присоединиться.

Мне кажется очень важным то, что вы без предубеждения извлекаете свой материал из бессознательного, насколько возможно тщательно. Мой собственный материал чрезвычайно объёмный, очень сложный, и частью я проработал его до почти завершённого, очень ясного состояния. Но недостаёт современного материала, чтобы сделать сравнение. *Заратустра* был создан слишком осознанно. Майринк затрагивает материал эстетически; более того, мне кажется, ему недостаёт религиозной искренности.¹

В этот период Юнг продолжал переписывать *Черновик* в *Liber Novus* и добавлять картины. После 1918 г. фантазии в *Чёрных книгах* стали более прерывистыми. *Черновик* первых двух разделов *Liber Novus* содержал фантазии с октября 1913 по февраль 1914 гг. Зимой 1917 г. Юнг написал свежую рукопись под названием *Исследования*, которая началась с того места, на котором он остановился. В неё он переписал фантазии с апреля 1914 до июня 1916 гг.² Он добавил *Наставления*, теперь с комментарием Филемона к каждому из них. Филемон указывал, что его учение компенсировало или дополняло то, чего не доставало мертвецам, давая именно то, что им нужно.³ В *Исследованиях* нет ясного разделения между первым слоем фантазий и вторым слоем комментария, и текст формально не разделён на отдельные главы. То тут, то там Юнг добавлял некоторые отрывки, связывающие фантазии с абзацами, содержащими дальнейшее понимание их значения.

В *Исследованиях* Юнг приходит к пониманию значения самости. 18 сентября 1915 г. он писал: «Соединяясь с самостью, мы достигаем Бога».⁴ Осенью 1917 г. он добавил: «Я должен сказать это, не опираясь на мнения древних или их авторитет, а потому что сам пережил это».⁵ Этот незабываемый опыт был ничем иным, как

¹ Из частного собрания Стивена Мартина.

² На странице 23 рукописи *Исследований* стоит дата «27.11.17». Вероятно, она указывает, что текст был написан во второй половине 1917 г., после переживаний с мандалами в Шато д'О.

³ *LN*, pp. 514ff.

⁴ *Книга 5*.

⁵ *LN*, p. 480.

переживанием Бога. «Самость — это не Бог, хотя мы достигаем Бога через самость».¹ Он понял, что должен служить самости, и эта служба также будет служением Богу и человечеству. В то же время, он должен был освободиться от Бога, поскольку «пережитый мной Бог больше, чем любовь; он также ненависть, он больше, чем красота, он также омерзение, он больше, чем мудрость, он также бессмысленность, он больше, чем сила, он также бессилие, он больше, чем всемогущество, он также моё творение».² Это описание переживания Бога соответствует видению Абраксаса в *Наставлениях*. Юнг осознал значение самости не только концептуально, но и на опыте. У Юнга были мощные переживания: 28 июня 1917 г. он писал Эмме Юнг, что за три дня до этого был на Пуант де Кре (гора к северо-западу от Шато д'О): «Был славный день. На вершине у меня было чудесное экстатическое чувство. Прошлым вечером у меня было замечательное мистическое переживание, чувство связи со многими тысячелетиями. Оно было подобно преображению. Сегодня я, вероятно, за это снова отправлюсь в ад. Я хочу цепляться за тебя, потому что ты мой центр, символ человека, защита от всех даймонов».³ Это письмо подчёркивает центральное значение Эммы в его жизни.

В *Исследованиях* он осознал, что многое в прежних частях книги (*Liber Primus* и *Liber Secundus*) было дано ему Филемоном.⁴ Это говорило о разотождествлении: в нём был старик-пророк, кто-то не тождественный ему.⁵ Важнейшая задача «проработки» фантазий Юнга заключалась в различении голосов и персонажей. Вот несколько примеров. В *Чёрных книгах* именно «я» Юнга произносит *Наставления* мёртвым; в *Исследованиях* это не Юнг, а Филемон. В *Чёрных книгах* основная фигура — это «я» Юнга, ведущее диалог с душой; в некоторых разделах *Liber Novus* это змея или птица. В одной беседе в январе 1916 г. душа объяснила ему, что, когда верх и низ разделены, она распадается на три части — змею, человеческую душу и птицу или небесную душу, которая посещает Богов. Потому правки Юнга, в ко-

¹ Книга 5.

² LN, pp. 482–83.

³ JFA. Это утверждение полностью согласуется с комментариями Юнга о ней в своих юношеских дневниках в августе 1899 г.: «Э.Р. Я влюблён. Я люблю с таким жгучим томлением, которое так чудесно описывает Сведенборг: предвкушение другого «я», единство, уготовляющее небесные, вечные времена. Она думает обо мне? Она знает это? Мог ли я обмануть себя? Разве не она мне предназначена? Я не могу поверить, что чувства обманывали меня. Это должна быть она (...) Э.Р. В тёмных тенях деревьев, в ярких солнечных просторах я вижу только её, милую своим знакомым станом, в светлом платье с красными лентами, её, так близко схожую с моей душой. Она это знает? Чувствует ли она мою любовь, несмотря на пространство, которое нас разделяет?» (JFA). Речь идёт о концепции брачной любви у Сведенборга. Юнг брал книгу Сведенборга на эту тему из базельской университетской библиотеки 18 октября 1898 г.

⁴ LN, p. 483.

⁵ 17 января 1918 г. Юнг писал Й. Б. Лангу: «Работа над бессознательным должна проходить прежде всего ради нас самих. Наши пациенты получают от этого косвенную пользу. Опасность заключается в заблуждении пророка, которое часто оказывается результатом работы с бессознательным. Это дьявол говорит: презри всякий разум и науку, высшие силы человечества. Это никогда не может быть уместно, даже хотя мы вынуждены признать (существование) иррационального» (из частного собрания Стивена Мартина). Речь идёт о словах Мефистофеля в *Фауст*, 1, «Рабочая комната Фауста» [«Мощь человека, разум презирай...» — прим. перев.].

торых он теперь разделяет душу на змею, человеческую душу и птицу могут отражать его понимание тройственной природы своей души.¹

Новые Исследования

Фантазии Юнга не заканчиваются *Исследованиями*. Если бы он продолжил готовить дальнейшие разделы к публикации, вполне вероятно, он отредактировал бы их похожим образом, как *Новые Исследования*, добавляя связующие абзацы и пояснения. Пока он продолжал задавать вопросы душе, ища у неё знания и понимания, она так охарактеризовала свои ограничения и его нужду в ней: «Я могу постичь для тебя только то, что ты уже имеешь, но не знаешь. Потустороннее, из которого я приношу тебе знание, это твоё потустороннее. Я способна постичь то, что у тебя есть. Но ты не можешь. Вот почему я нужна тебе».² Последующие фантазии вращаются вокруг темы, уже сформулированной ранее, но всё углубляющимися витками.

В фантазиях после *Исследований* видна продолжающаяся дифференциация космологии Юнга. Появляются новые персонажи, такие как Фанес, Атмавикту, Ха, Ка, чёрная птица, божественный юноша-араб, дух тяжести и Вотан. Персонажи, появившиеся ранее, возвращаются, такие, как Илия, Саломея и Филемон. Однако, в соответствии с развитием «я» Юнга, они тоже развились. Эти записи изображают метаморфозы персонажей и углубляющееся понимание Юнгом их взаимосвязей в сложной переменчивой (и не вполне последовательной) генеалогии. Например, фигура Атмавикту прошла через множество воплощений в виде старика, медведя, выдры, тритона, змея, затем одновременно человека и земного змея. Он был Издубаром и стал Филемоном. Чёрный маг, Ха, был отцом Филемона. Ка был отцом Саломеи, а также братом Будды. Ка был тенью Филемона. Филемон позже отождествлял себя с Илиёй и Хидром и утверждал, что станет Фанесом. В форме зарождающихся психологических представлений Юнга все эти фигуры можно считать аспектами самости. Как таковые, эти разделы можно рассматривать как формирование опытного ядра понимания Юнгом структуры самости, которую он изучал десятилетия позже в 14 главе работы *Aion* (1951).³

Главной темой, занимавшей здесь Юнга, была попытка найти правильное отношение к высшим силам, Богам, и понимание роли человечества в связи с ними. Он понял, что важно не уступать Богам и придерживаться человеческого взгляда. 1 марта 1918 г. душа сообщила ему, что важно было одновременно поддерживать уважение и презрение к Богам, и это начинается с уважения и презрения к себе.⁴ Это крайне

¹ Книга 5.

² 28 сентября 1916 г Книга 6.

³ CW 9, pt. 1.

⁴ Книга 7.

важно не только для человечества: Юнг теперь понял, что «человек должен быть посредником в процессе преобразования Бога».¹ Это было важное озарение, позже ставшее центральной темой *Ответа Иову*. В конце жизни в главе *Воспоминаний*, озаглавленной «Поздние размышления», он сформулировал это так:

Смысл божественного служения, того служения, которое человек может посвятить Богу, заключается в том, что свет может появиться из тьмы, что Творец может осознать своё творение, а человек — самого себя. / В этом цель или единственная цель, которая осмысленно вписывает человека в замысел творения, и в то же время придаёт этому творению смысл. Это объясняющий миф, который постепенно складывался во мне десятилетиями.²

Зарождение и развитие этого «объясняющего мифа» можно проследить по *Чёрным книгам*.

В тот же период Юнг продолжал перегонять свои фантазии на психологический лексикон, подходящий для медико-научной аудитории. Потому мы видим два параллельных развития: продолжающая проработка и дифференциация космологии, сопровождающаяся складыванием его психологии. В работе «О психологических аспектах фигуры Кору» (1941) наблюдение за продуктами бессознательного показывает некоторые закономерности, типы ситуаций и персонажей, которые появляются достаточно часто.³ Главными среди них были тень, старый мудрец, ребёнок, мать, дева и анима или анимус. В этом отношении он пытался определить, где именно находятся эти типичности, пытаясь установить связи между своим материалом и материалом пациентов, а также историческими сведениями. Рассмотренные и понятые таким образом, а не в бессвязной, эпизодической, последовательной манере, эти материалы обретали упорядоченность и связность. Для Юнга они изображали повествование о трансформации и самоисцелении, которое он называл процессом индивидуации.

С одной стороны, Юнг разработал свою личную визионерскую иконографию, собственную космологию и мифологию и воодушевлял пациентов поступать так же. С другой, он развил герменевтическую систему, с помощью которой толковал этот символический язык. Прочитанные в связи с его опубликованными психологическими работами, *Чёрные книги* позволяют проследить совместное развитие этих двух языков.

¹ Ibid.

² *Memories*, pp. 370–71.

³ CW 9, pt. 1, par. 309.

В этот период Юнг продолжал переписывать текст *Liber Novus* в каллиграфический том и рисовать в нём. Однако, после отрывка о возрождении Издубара¹ картины связаны уже не с текстом *Liber Novus*, а с дальнейшими фантазиями в *Чёрных книгах*. После мандал 1917 г. мы находим в каллиграфическом томе примерно двадцать одно большое изображение. В то же время, Юнг также сделал множество связанных отдельных картин и резьбы по камню.² Эти изображения сами по себе являются активными воображениями. Временами они изображают персонажей и эпизоды в сопутствующих фантазиях *Книг 6 и 7*. Порой они устанавливают связь между отдельными фантазиями. Так что хотя эти картины находятся в каллиграфическом томе *Liber Novus*, они прямо связаны и сопровождают текст *Книг 6 и 7*.

Путь к Самости

В 1918 г. Юнг написал работу под названием «О бессознательном». Он отмечал, что все мы находимся между двумя мирами: миром внешнего восприятия и миром восприятия бессознательного. Это отражает его опыт в то время. Он писал, что, по словам Шиллера, эти миры сближаются искусством. Напротив, утверждал Юнг, «я придерживаюсь мнения, что единство рациональной и иррациональной истины находится не столько в искусстве, сколько в символе *per se*, так как суть символа в том, чтобы содержать и рациональное, и иррациональное».³ Символы, утверждал он, происходят из бессознательного, и творение символов было его важнейшей функцией. Хотя компенсаторная функция бессознательного всегда присутствует, символ-созидающая функция наличествует только тогда, когда мы готовы её заметить. Здесь мы видим, как он продолжает отказываться видеть в своих творениях искусство. Не искусство, но символы имели первостепенное значение. В *Liber Novus* изображено признание и восстановление этой символ-созидающей силы. Она отражает попытку Юнга понять психологическую природу символизма и рассматривать свои фантазии символически. Он сделал вывод, что в каждой эпохе бессознательное было относительным и изменчивым. Теперь требовалось «переформировать наши взгляды в соответствии с активными силами бессознательного».⁴ Потому задача, стоявшая перед ним, заключалась в переводе концепций, обрётённых через столкновение с душой, и их выражении в литературной и символической манере в *Liber Novus* на языке, совместимом с современным взглядом духа времени.

¹ Каллиграфический том *LN*, pp. 44–64.

² См. *The Art of C. G. Jung*.

³ *CW* 10, par. 24.

⁴ *Ibid.*, par. 48.

На следующий год он выступил в Англии перед Обществом психических исследований на тему «Психологических оснований веры в духов».¹ Здесь он различал между двумя ситуациями, в которых активируется коллективное бессознательное. В первой индивидуум испытывает кризис и крушение своих надежд и ожиданий. Во второй наступают времена больших общественных, политических или религиозных потрясений. В такие моменты всё подавленное доминирующими установками с необходимостью накапливается в коллективном бессознательном. Сильные интуитивы осознают подавленное и пытаются перевести материал в идеи, доступные для передачи. Если это удаётся, результаты оказываются целительными. В любом случае, содержания бессознательного оказывают волнующее воздействие. Если они остаются подавленными, сказал Юнг, есть опасность, что коллективное бессознательное заменит реальность, а это патология. Если вместо этого коллективное бессознательное активируется в результате коллективных процессов, индивидуум может почувствовать себя дезориентированным, но это не патологическое состояние.

Различие между двумя этими возможностями у Юнга предполагает, что он рассматривал собственное столкновение с бессознательным в связи со вторым случаем, а именно, активации коллективного бессознательного вследствие общего цивилизационного потрясения. Первоначальный страх неминуемого безумия в 1913 г. был связан с неспособностью в то время осознать это различие.

В этот период Юнг занимался историческим исследованием проблемы типов. Начиная с 1916 г., он готовил презентации на эту тему перед Ассоциацией аналитической психологии и Психологическим клубом. Они развились и расширились в работу *Психологические типы*, которая появилась в 1921 г. и получила широкое признание. Английское издание появилось в 1923 г. и заслужило много хвалебных отзывов.²

Что до работы над темами *Liber Novus*, самой важной частью *Психологических типов* была глава 5, «Проблема типов в поэзии». Здесь был рассмотрен вопрос, как может быть разрешена проблема противоположностей через создание объединяющего или примиряющего символа. Эта глава представляет собой далеко идущий исторический обзор вопроса. Юнг предложил детальный анализ разрешения проблемы противоположностей в индуизме, даосизме, у Мейстера Экхарта и в конце XIX — начале XX столетий, в работе Карла Шпиттелера. Эту главу также можно прочитать в понятиях размышления над некоторыми историческими источниками, которые косвенно формировали представления Юнга в *Liber Novus*. Наконец, она возвещала введение важного метода. Вместо прямого обсуждения проблемы примирения противоположностей в *Liber Novus*, он искал исторические аналогии и комментировал их.

¹ «The Psychological Foundation of Belief in Spirits», CW 8.

² О признании *Психологических типов* см. мою работу *Jung and the Making of the Modern Psychology* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003), pp. 83–87 and 334–38.

В 1921 г. самость появилась как психологическая концепция. Юнг определил её так:

В той мере, в какой «я» — это только центр моего поля сознания, оно не тождественно целостности моей психики, будучи лишь комплексом среди прочих. Потому я различаю между «я» и *самостью*, ведь «я» — это лишь субъект моего сознания, тогда как самость — это субъект моей целостности: потому она также включает в себя бессознательную психику. В этом смысле самость является (нематериальным) расширением, которое объемлет и включает в себя «я». В бессознательной фантазии самость часто появляется как высшая или идеальная личность, как Фауст по отношению к Гёте и Заратустра — для Ницше.¹

Он приравнивал с самостью индуистскую концепцию Брахмана/Атмана. В то же время, он представил определение души. Он утверждал, что душа обладала качествами, которые были дополнительными для персоны, и в этом смысле она обладала тем, чего не доставало сознательной установке. Дополнительный характер души также затрагивал её сексуальный характер: мужчина имел женскую душу, или аниму, а женщина — мужскую душу, или анимуса.² Это соответствовало тому факту, что мужчины и женщины обладали мужскими и женскими чертами. Он также отмечал, что душа порождала образы, которые считались никчёмными с рациональной точки зрения. Было четыре способа их использования:

Первая возможность их использовать — *художественная*, если человек в какой-то мере одарён в этом направлении; вторая — это *философское размышление*, третья — *квази-религиозная*, ведущая к ереси и основанию сект; и четвёртый путь использования *dynamis* этих образов — это растрачивать их в разных формах распутства.³

С этой точки зрения психологическое использование этих образов может представлять собой «пятый путь». Чтобы это удалось, психология должна была отличать себя от искусства, философии и религии. Это предполагает различные возможности, которые Юнг отвергал.

В смысле публикаций следующие несколько лет были самыми спокойными в карьере Юнга. Он выступал на симпозиуме Британского психологического общества: «Вопрос о терапевтическом значении «абреакции»» в 1921 г.;⁴ в 1922 г. состоялась

¹ CW 6, par. 706.

² Ibid., pars. 804–5.

³ Ibid., par. 426.

⁴ CW 16.

публикация лекции перед Обществом немецкого языка и литературы в Цюрихе, «Об отношении аналитической психологии к литературным произведениям искусства».¹ Между 1923 и 1924 гг. не было новых публикаций.

Путешествия²

В 1920 г. он сопровождал своего друга Германа Зигга³ в деловом путешествии в Северную Африку. Его намерением было «впервые увидеть европейца снаружи, отражённого в среде, которая чужда ему во всех отношениях».⁴ Он полагал, что единственный способ понять собственные национальные особенности — это осознать, как их видели другие. Потому путешествия были путём к сравнительной этнопсихологии. Учитывая его понимание исторического слоя коллективного бессознательного, географические путешествия были формой филогенетического путешествия во времени.

✧ Африка оказала на него непреодолимо глубокое впечатление: она была встречей с историческим прошлым как живым настоящим. Он писал в марте Эмилю Медтнеру: «Как таинственны здесь ночи под растущей луной, витающей в неопикуемой серебряной ясности по тёмному чистому небу Африки. Символ пунических могил Карфагена, сама Астарт, стала ближе ко мне, когда я впервые увидел луну, медленно клонящуюся над верхушками пальм. Я прибыл сюда из внутренней необходимости, уже подготовленный бессознательным, символическим актом величественного стиля, и тем не менее, смысл всё ещё не ясен».⁵ Юнг чувствовал, что люди, которых он встретил, обладали напряжённостью, отсутствующей у европейцев, которая, как он считал, психически заразила его тоже.⁶ Будучи в Тунисе, Юнг увидел впечатляющий сон:

За ночь до того, как мы отбыли в Марсель, у меня был сон, который, как я почувствовал, суммировал весь пережитый опыт. Всё было так, как и должно быть, ведь я приучил себя всегда жить одновременно на двух планах: сознательном, который пытался понять и не мог, и бессознательном, который хотел что-то выразить и не мог сформулировать это иначе, как через сновидение.

¹ CW 15.

² О путешествиях Юнга в 1920 и 1923 гг. и последующих путешествиях см. Dan Noel, «Soul and Earth: Travelling with Jung. Toward and Archetypal Ecology», *Quadrant* 24 (1991): 56–73. О путешествиях Юнга в Африку и Нью-Мексико см. *Jung and the Making of Modern Psychology*, pp. 316ff. О путешествии Юнга в Африку см. Blake Burleson, *Jung in Africa* (New York: Continuum, 2005).

³ См. Книга 7, прим. 252.

⁴ *Memories*, p. 266.

⁵ В Magnus Ljunggren, *The Russian Mephisto: A Study of the Life of Emilii Medtner* (Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1994), p. 215. См. также письмо Юнга Эмме Юнг от 15 марта 1920 г. (*Memories*, p. 403).

⁶ *Memories*, p. 270.

Мне приснилось, что я в арабском городе, и как в большинстве таких городов, там была цитадель, касба. Город стоял на широкой равнине, окружённый стеной. Стена была квадратной формы, и в ней было четверо врат.

Касба внутри города была окружена широким рвом (в арабских странах это не так). Я стоял перед деревянным мостом, ведущим над водой в открытый тёмный проход в форме подковы. Желая увидеть цитадель и изнутри тоже, я пошёл по мосту. Когда я прошёл уже половину моста, из ворот ко мне вышел красивый темнокожий араб с аристократической, почти королевской осанкой. Я знал, что этот юноша в белом бурнuse был местный принц цитадели. Подойдя, он напал на меня и попытался столкнуть. Мы начали бороться. Борясь, мы врезались в перила; перила поддались, и оба мы рухнули в ров, где он попытался удержать мою голову под водой, чтобы я захлебнулся. Нет, подумал я, это уж слишком. И в свою очередь погрузил его голову под воду. Я сделал это, хотя восхищался им; но я не желал оказаться убитым. Я не собирался убивать его, только хотел, чтобы он потерял сознание и не мог больше драться.

Затем сцена сна изменилась, и он был со мной в большой сводчатой восьмиугольной комнате в центре цитадели. Комната была белой, очень чистой и прекрасной. Вдоль светлых мраморных стен стояли длинные диваны, а передо мной на полу была открытая книга с чёрными буквами, написанными чудесной каллиграфией по молочно-белому пергаменту. Это было не арабское письмо; скорее, оно напоминало уйгурское письмо Западного Туркестана, которое было знакомо мне по манихейским фрагментам из Турфана. Я не знал содержания, но, тем не менее, у меня было чувство, что это «моя книга», что я написал её. Юный принц, с которым я только что боролся, сидел справа от меня на полу. Я объяснил ему, что теперь, когда я его одолел, он должен прочитать книгу. Но он отказался. Я положил руку ему на плечи и заставил прочитать книгу с некой отцовской добротой и терпением. Я знал, что это абсолютно необходимо, и он, в конце концов, сдался.¹

Оглядываясь назад, Юнг так размышлял об этом сне:

В этом сне арабский юноша был двойником гордого араба, который проскакал мимо нас без приветствия. Как житель касбы, он был образом самости или, скорее, посланцем или эмиссаром самости. Ибо касба, из которой он вышел, была идеальной мандалой: цитадель, окружённая квадратом стен с четырьмя вратами. Его попытка убить меня была отзвуком мотива борь-

¹ Ibid., pp. 270–71.

бы Иакова с ангелом: он должен был использовать язык Библии, как ангел Господень, посланец Бога, желавшего убить людей, потому что не знал их.

На самом деле, ангел, должно быть, обитал во мне. Но он знал только ангельскую истину и ничего не понимал в людях. Потому сначала он вышел как враг; однако, я выстоял против него. Во второй части сна я был хозяином цитадели; он сидел у моих ног и должен был учиться, чтобы понять мои мысли, или, скорее, научиться понимать человека.

Очевидно, моя встреча с арабской культурой поразила меня с непреодолимой силой.¹

Встреча с Вотаном

Сон продолжал находить отзвуки в Юнге, и через два года после возвращения в Европу он встретил эту фигуру снова в фантазии от 6 января 1922 г.² Его душа увидела и описала фигуру и сообщила «я», что фигура была Богом, и они ещё увидятся. Бог должен был увидеться с ним, так как иначе они оба не выжили бы. Душа сообщила его «я», что он достигнет Бога через одиночество в сочетании с почитанием солнца, луны и земли, которые означали мужское, женское и тело соответственно.

Год спустя, когда Юнг был в Кастаньоле, эта фигура вернулась снова.³ Он был с мёртвыми и видел мёртвых Юнга: его собак и отца. Он утверждал, что был скитальцем, который меняет формы. Однако, он хотел знать, кем был на самом деле, и просил «я» Юнга рассказать ему, так как это его освободит.

На следующий день «я» Юнга спросило душу о нём.⁴ Она указала, что, когда она видела его в первый раз, он был ужасающе красив, как Дионис. Во второй раз он был мертвенно бледен. «Я» Юнга гадало, была ли это самость, Плерома, что привело к вопросу о том, как она могла появиться в человеческой форме. Более того, он не мог понять, почему она хотела поражения и принуждения. Через два дня фигура вернулась, на этот раз как рыжеволосый бородатый охотник, облачённый в звериные шкуры.⁵ Охотник повторил свой вопрос, прося «я» Юнга рассказать, кто он на самом деле. «Я» ответило, что он был Богом. А насчёт поражения во сне три года назад «я» думало, что Бог не мог оставаться в состоянии незнания и должен был научиться мудрости.

Через две ночи он появился снова, на этот раз как больной подросток, принявший форму сына Юнга.⁶ Мальчик страдал от жгучей сыпи и просил лечения. Болезнь

¹ Ibid., pp. 271–72.

² Книга 7.

³ Ibid., 2 января 1923 г.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

возникла из сновидения. Мальчик носил грязный волчий мех и охотился с гончими. Он хотел поиграть с медвежонком и заразился от своего волчьего меха. «Я» Юнга сообщило мальчику, что это был не обычный волк, а дух волка, принёсший болезнь, и это был не обычный сон, а нечто действительно случившееся. Мальчик был собственным отцом, «рыжебородым, охотником на волков и людей».

Годы спустя, вспоминая встречу с этой фигурой и описывая её как сон, Юнг отмечал: «Внезапно я понял: Дикий Охотник приказал унести человеческую душу». Через несколько дней он узнал, что умерла мать. Юнг понял, что «это Вотан, бог моих германских праотцов, забрал мать к её предкам, не к «дикой орде», а к «sälige lüt», блаженному народу».¹

Встрече Юнга с Вотаном суждено было отразиться в его сочинениях, и она повлияла на понимание общественных и политических потрясений, произошедших в Германии в 1930-е годы. В 1936 г. он приписал их пробуждению архетипа Вотана.² Присутствие этой фигуры не ограничивалось Германией, но было «международным явлением».³ Появление Вотана в современности было явлением, которое он испытал на себе. Подкрепляя эту гипотезу, он упоминал вознесение Ницше к Дионису, утверждая, что биографические свидетельства предполагали — на самом деле, у него на уме был родственник Диониса, то есть Вотан. Эта часть аргументации Юнга, игравшая важнейшую роль в его понимании Ницше и прочтении *Так говорил Заратустра* на семинарах в 1930-е годы, очевидно, сформировалась под влиянием встречи с этой фигурой. На семинаре в феврале 1936 г. Юнг описывал черты Вотана так:

Это бог оракулов, тайного знания, волшебства, и он также эквивалент Гермеса-психопомпа. Как вы помните, он, подобно Осирису, имеет только один глаз: другой глаз он принёс в жертву подземному миру. Потому он служит крайне подходящим символом современного мира, в котором бессознательное действительно выходит на передний план, как река, и вынуждает нас

¹ *Memories*, p. 345. Это была не первая встреча Юнга с Вотаном, богом бури. В черновике своей биографии Юнга Люси Хейер рассказывала: «Как только ребёнка забрали на крещение в церковь, этот милый и спокойный умеренный ландшафт был поражён жестокой разрушительной бурей, редким по своей свирепости природным явлением. Родившая дома молодая мать с тревогой ожидала, пока её ребёнка вернут назад сквозь свирепую бурю и мрак. В семье это событие забылось, пока пятнадцать лет спустя мальчик не написал стихотворение, описывающее катастрофическую бурю. Он посвятил его матери, и только тогда она вспомнила, как грозно бог бури сопровождал крещение её первенца в то лето 1875 года. Рассказывая о стихотворении и реакции матери, Юнг заметил, что у него часто бывали подобные вдохновения, когда какие-то чуждые сознанию содержания, соответствующие объективным событиям, навязывались и искали выражения. Это стихотворение о буре, долго хранившееся у матери, к сожалению, позже потерялось» (бумаги Люси Хейер-Гроде, архивы университета Базеля, «Biographie von Carl Gustav Jung», «Kindheit», p. 1). О её биографии см. мою работу *Jung Stripped Bare by His Biographers. Even* (London: Karnac, 2005).

² CW 10. О пересечении юнговского понимания Ницше, Вотана и современных событий см.: Martin Liebscher, *Libido und Wille zur Macht: C. G. Jungs Auseinandersetzung mit Nietzsche* (Basel: Schwabe, 2012), pp. 102–10, и Carrie Dohe, «Wotan and the 'Archetypal Ergriffenheit': Mystical Union, National Spiritual Rebirth and Culture-Creating Capacity in C. G. Jung's 'Wotan' Essay», *History of European Ideas* 37 (2011), 344–56.

³ ZS, p. 871.

обратить один глаз вовнутрь, на него, чтобы мы могли приспособиться и к этой стороне тоже; мы чувствуем, что величайший враг угрожает нам не снаружи, а изнутри. Так что, на основании всех своих качеств, Вотан выражает дух времени в той степени, в какой он необъясним, и эта мудрость или знание действительно дикая — это мудрость природы. Вотан — это бог не цивилизованных существ, а состояния природы.¹

Психология процесса созидания религии

5 января 1922 г. у Юнга была беседа с душой о его призвании. Он убеждала его опубликовать материал, так как это был «вопрос откровения». Он должен был слушать своему призванию, заключающемуся в «новой религии и её возведении».² Он отказывался. Три дня спустя душа сообщила ему, что новая религия

...зримо выражается только в преобразовании человеческих отношений.

Отношения не позволяют заменить себя даже самым глубоким человеческим знанием. Более того, религия состоит не только в знании, но и на видимом уровне в новом устройстве человеческих дел. Поэтому не жди от меня дальнейших знаний. Ты знаешь все, что должно быть известно из Откровения, предложенного тебе, но ты еще не проживаешь все, что должно быть прожито в это время.³

«Я» Юнга ответило: «Я вполне могу это понять и принять. Однако, как именно это знание может быть реализовано в жизни, для меня темно. Ты должна научить меня этому». Душа сказала: «Об этом говорить особо нечего. Это не так рационально, как ты склонен думать. Этот путь символичен».⁴

В этот период всё больше людей из Англии и Америки добирались до Цюриха, чтобы поработать с Юнгом, образуя неформальную группу эмигрантов. 22 августа 1922 г. Хайме де Ангуло писал Чонси Гудричу, бросая «клич всем братьям-невротикам — идите, братья мои, идите в Мекку, то есть в Цюрих, и испейте из источника жизни, все вы, кто мертвы в душе, идите и ищите новой жизни».⁵

В 1922 г. Юнг писал работу о связи аналитической психологии с литературными произведениями. Он различал два типа работ: первый, происходящий целиком из авторских намерений, и второй, охватывающий автора целиком. Примеры последних работ — это *Заратустра* Ницше и вторая часть *Фауста* Гёте. Он полагал, что эти

¹ Ibid., p. 869.

² Книга 7.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Бумаги Гудрича, библиотека Бэнкрофт, университет Калифорнии в Сан-Франциско.

работы появились вследствие бессознательного пробуждения архетипического образа. Архетипы высвобождали в нас голос сильнее нашего собственного:

Говорящий изначальными образами говорит тысячью голосов; он чарует и подчиняет ... он преображает нашу личную судьбу в судьбу человечества и призывает в нас все те благотворные силы, которые время от времени позволяли человечеству находить прибежище от всякого бедствия и пережить долгую ночь.¹

Художники, создававшие такие работы, обучали дух эпохи и компенсировали односторонность настоящего. Похоже, что при описании происхождения этих символических работ Юнг имел в виду собственные занятия. Потому, хотя он и отказывался считать *Liber Novus* произведением искусства, его размышления о её составлении, тем не менее, были важным источником его последующих представлений и теорий об искусстве. Эта работа поднимала неявный вопрос о том, может ли психология ныне служить для обучения духа эпохи и компенсации односторонности настоящего. Начиная с этого периода, Юнг начал понимать задачу своей психологии именно так.²

25 ноября 1922 г. Юнг, Эмма Юнга и Тони Вульф покинули Клуб.³ В июле 1933 г. Юнг дал серию семинаров в Пользите. Клуб аналитической психологии в Лондоне был основан годом ранее. Семинар устроили Питер Бейнс и Эстер Хардинг, и на нём присутствовало двадцать девять человек.⁴ За две недели Юнг дал дюжину лекций. Семинар был посвящён двум главным темам: технике анализа и историческим последствиям христианства.

В этот период темы религии и отношений между религией и психологией становились всё более заметными в работе Юнга. Он пытался развить психологию процесса созидания религии. Его интерес заключался не в провозглашении нового пророческого откровения, а в психологии религиозного опыта. Задача была в том, чтобы изобразить перевод и преобразование нуминозного опыта индивидуумов в символы, затем в догматы и символы веры организованных религий и, наконец, изучить психологическую функцию таких символов. Чтобы такая психология процесса творения религии удалась, было необходимо, чтобы аналитическая психология, поддерживая религиозный подход, не превращалась сама в символ веры.⁵ В Пользите он провёл

¹ CW 15, par. 130.

² В 1930 г. Юнг продолжил эту тему и описал первый тип работ как «психологические», а второй — как «визионерские» («Psychology and Poetry», CW 15).

³ См. мою работу *Cult Fictions: C. G. Jung and the Founding of Analytical Psychology*.

⁴ Barbara Hannah, *Jung: His Life and Work: A Biographical Memoir* (New York: Putnam, 1976), p. 149.

⁵ См. James Heisig, *Imago Dei: A Study of Jung's Psychology of Religion* (Lewisburg: Bucknell University Press, 1979); Ann Lammers, *In God's Shadow: The Collaboration between Victor White and C. G. Jung* (New York: Paulist Press, 1994); и Matei Iagher, «Theorizing Experience: Psychology and the Quest for a Science of Religion (1896–1936)», PhD thesis, University College, London, 2016. См. также мою работу «'Is Analytical Psychology a Religion?': *In Statu Nascendi*», *Journal of Analytical Psychology* 44 (1999): 539–45.

резкое различие между учением Христа и церковным христианством. Он утверждал, что подход последнего привёл к психологическому изгнанию и подавлению мира природы и плоти, животного, низшего человека, творческой фантазии и свободы. Следовательно, эти проблемы констелировались в бессознательном, и мы столкнулись с возвращением подавленного.

В конце семинара Юнг размышлял на тему «незримой церкви». Хотя Христос был пламенем, зажжённым большую часть мира, его погасила институционализация Церкви. Он утверждал, что такой процесс неизбежен, и та же судьба ждёт анализ. Размышляя об этом, Юнг отметил:

Вокруг Экхарта выросла группа Братьев Свободного Духа, живших распущенно. Проблема, с которой мы сталкиваемся, такова: аналитическая психология в той же лодке? Второе поколение подобного Братьям Свободного Духа? Если да, то это прямой путь в ад, и аналитическая психология появилась слишком рано, ей следовало бы подождать столетие-другое.¹

Религиозные переживания вели к новым формам личных отношений. Юнг отмечал, что «никакой индивидуум не может существовать без индивидуальных отношений, и так закладывается основание вашей церкви».² Итак, перед аналитической психологией стояла такая задача: образовать незримую церковь, не вдаваясь в институционализацию. Юнг также здесь обратился к идее из *Liber Novus* о том, что «помазанником этого времени» был Бог, который явится в духе, а не во плоти — «через дух людей как зачавшее лоно».³ Как объясняла ему в прошлом году душа, эта новая религия проявится через преобразование человеческих отношений.⁴ Очевидно, с этим были связаны отношения Юнга с женой и Тони Вульф, «*experimentum crucis*». Десятилетия спустя он будет писать: «Человек без отношений лишён целостности, потому что целостности можно достигнуть только через душу, а душа не может существовать без своей другой стороны, которая всегда находится в «Ты»».⁵ Индивидуация требовала осознанных отношений.

После пользитского семинара Кэри де Ангуло написала работу об «Индивидуальных отношениях». Она начала так:

На последних двух или трёх сессиях нашей летней школы в Пользите мы обсуждали возможный вклад Аналитической Психологии в «церковь» буду-

¹ Seminar — July 1923 by Dr. C. G. Jung Held at Polzeath, Cornwall. Notes of Esther Harding, Kristine Mann Library, New York, p. 20.

² Notes on Seminar in Analytical Psychology Conducted by Dr. C. G. Jung, Polzeath, England, July 14-July 27, 1923, arranged by members of the class, p. 82, JA.

³ LN, p. 353.

⁴ Книга 7.

⁵ The Psychology of the Transference (1946), CW 16, par. 454. Юнг посвятил эту книгу своей жене.

щего. Под этим зловещим словом мы подразумевали церковь, неизбежную форму, которую примут идеи сегодняшнего дня, нацеленные на новый синтез субъективного опыта. ... Особый вклад анализа должен был заключаться в построении должных отношений, как индивидуальных, так и коллективных, и видение будущего, в котором человек достигает полного самовыражения через отношения вместо того, чтобы прятаться в них, окружённым тысячами страхов, и это было очень заманчиво.¹

Как она это видела, для настоящих отношений была необходима более высокая степени сознания, нежели возможная до сих пор, и задача аналитической психологии была в том, чтобы этому способствовать. Она предложила создать сборник статей на эту тему и распространила свою работу. Эмма Юнг написала ответ, указывая, что, в сущности, согласна, но думала, что требуется учесть «осложнения, которые могут возникнуть, если принципы воплотятся в жизнь».² Она подчёркивала необходимость максимальной осознанности, взаимного равенства и беспристрастности, описывая бессознательность как «единственный грех». Ценность отношений, сказала она, может быть измерена «их способностью создавать и проживать индивидуальность участвующих людей».³ Для Юнга и его близкого круга такие вопросы были не только теоретическими, но и экзистенциальными.

30 апреля 1923 г. Ойген Шлегель, юрист и член Клуба, порекомендовал Клубу попытаться снова вернуть Юнга. Позже в тот год последовала переписка на эту тему между Юнгом и Альфонсом Медером. Позиция Юнга заключалась в том, что он вернётся, только если они явно и единогласно желают его участия. В Клубе разразились жаркие дебаты.⁴ В феврале 1924 г. Ганс Трюб ушёл с поста президента, и Юнгу было отправлено письмо с просьбой вернуться, что он и сделал месяц спустя.⁵

В мае 1924 г. Юнг дал серию из трёх лекций на тему «Аналитическая психология и образование» в Лондоне под эгидой Общества нового образования (New Education Fellowship).⁶ Общество было основано Беатрис Энсор, педагогом-теософом. Она встречалась с Юнгом годом ранее на конференции, устроенной NEF на тему «Образование на службе творчества» в Монтрё, где он выступал.

В середине двадцатых годов публикация *Liber Novus*, похоже, была одной из главных проблем, которые заботили Юнга. В начале 1924 г. он просил Кэри Бейнс подготовить свежую печатную расшифровку текста и обсуждал публикацию. Она отметила в своём дневнике:

¹ Cary de Angulo, «Individual Relationships», p. 1, CFB.

² Emma Jung, *ibid.*, CFB.

³ *Ibid.*

⁴ См. моё введение к *Introduction to Jungian Psychology*, p. xv.

⁵ Протоколы Психологического клуба, Цюрих.

⁶ *Times Educational Supplement*, May 3, 10 and 17, 1924.

И тогда вы сказали, что я должна скопировать содержание Красной книги — некогда вы её уже копировали, но с тех пор добавилось немало материала, так что вы хотели сделать это снова и объясните мне вещи по ходу дела, потому что, по вашим словам, вы поняли в ней почти всё. Таким образом, мы сможем обсудить многие вещи, которые никогда не поднимались в моём анализе, и я смогла бы понять ваши идеи с самых основ.¹

Юнг обсуждал со своим коллегой Вольфгангом Штокмайером форму, которую может принять публикация.² Он вернулся к *Исправленному черновику* и снова его отредактировал, удаляя и добавляя материал на приблизительно 250 страницах. Эта ревизия должна была осовременить язык и терминологию.³ Он также пересмотрел кое-что, уже переписанное в каллиграфический том *Liber Novus*, а также выпущенный материал.

Нью-Мексико

В январе 1925 г. Юнг посетил индейцев пуэбло в Таосе, Нью-Мексико. Он думал, что, когда был в Сахаре, то находился посреди цивилизации, которая имела такое же отношение к западной, как и римская античность. Это заставило его продолжить историческое сравнение «спускаясь на ещё более глубокий культурный уровень».⁴ В двадцатые годы многие художники и писатели отправлялись в Нью-Мексико, признавая банкротство американской цивилизации. Индейцы рассматривались как народ, установивший свою культурную целостность и укоренённый в общинах с живыми традициями. Потому они считались источником обновления для белой культуры.⁵

Визит Юнга был устроен Хайме де Ангуло, лингвистом, этнологом, этномузыковедом, писателем и святым-покровителем поколения битников. В декабре 1924 г. Юнг прибыл в Америку.⁶ Вскоре после этого путешествия Хайме де Ангуло писал Мейбл Додж о том, как ему удалось взять Юнга в Таос и что последовало далее:

Я решил, что украду его, если необходимо, и возьму в Таос. ... Для него это было откровение, всё это. Конечно, я подготовил Горное Озеро. Он и Юнг немедленно ладили и долго разговаривали о религии. Юнг сказал, что я совершенно прав во всём, что предчувствовал об их психологическом состоянии.

¹ 26 января 1924 г., воспроизведено в «*Liber Novus: The 'Red Book' of C. G. Jung*» (LN, p. 213).

² Ibid., pp. 214ff.

³ Например, замена «*Zeitgeist*» на «*Geist der Zeit*» и «*Idee*» (идея) на «*Vordenken*» (предусмотрительность).

⁴ *Memories*, p. 275.

⁵ Lois Rudnick, *Mabel Dodge Luhan: New Woman, New Worlds* (Albuquerque: University of New Mexico Press, 1984), p. 144.

⁶ См. William McGuire, «Jung in America, 1924–1925», *Spring: A Journal of Archetype and Culture* (1978): 370–53.

Он сказал в тот вечер: «У меня поразительное ощущение, что я разговаривал с египетским жрецом пятнадцатого века до нашей эры».¹

Два вопроса особенно поразили Юнга. Первым было мнение Горного Озера о белом человеке:

Я спросил его, почему, по его мнению, все белые безумны.

Он ответил: «Они говорят, что думают головами».

«Ну конечно. А как вы думаете?» — удивлённо спросил я.

«Мы думаем здесь», — сказал он, указывая на сердце.

Я впал в долгую задумчивость. Впервые в жизни, как мне показалось, кто-то нарисовал передо мной картину настоящего белого человека.²

Вторым была роль солнца в религии и космологии пуэбло: «Он сказал, указывая на солнце, "Разве тот, кто движется там, не наш отец? Как может кто-то говорить иначе? Как может быть другой бог? Ничего не может быть без солнца"». ³ Горное Озеро добавил: «Мы сыновья Отца-Солнца, и своей верой мы каждый день помогаем отцу двигаться по небу. Мы делаем это не только для себя, но и для целого мира. Если бы мы прекратили практиковать свою религию, через десять лет солнце уже не взошло бы».⁴

Юнг был впечатлён встречей с солнечным монотеизмом. В этом словно была духовная предрасположенность, которой несколько тысяч лет. Мифическая и космологическая встроенность индейцев пуэбло по контрасту показывает именно то, что мы утратили, полагал Юнг, показывает нашу духовную нищету. Он сказал об индейцах пуэбло: «Такой человек в самом полном смысле слова на своём месте».⁵ Солнечная мифология играет значительную роль в *Чёрных книгах*. Вероятно, это напомнило Юнгу о сновидении о молении солнцу при встрече с Аммонием, тоске Издубара о солнце и возрождении через превращение в солнце, и о роли солнечного бога Гелиоса в *Septem Sermones*.⁶

Семинар 1925 г.

В 1925 г. Питер Бейнс подготовил английский перевод *Septem Sermones ad Mortuos*. Перевод был частным образом опубликован издательством Watkins

¹ 16 января 1925 г., бумаги Додж, библиотека Бейнеке, Йельский университет.

² *Memories*, p. 276.

³ *Ibid.*, p. 279.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.*, p. 282.

⁶ Книга 3, Книга 5.

в Англии; Юнг не был указан в качестве автора. Юнг раздал копии некоторым англоговорящим ученикам. В письме, которое, предположительно, было ответом на письмо Генри Мюррея с благодарностями за присланную копию, Юнг писал:

Я глубоко убеждён, что эти идеи действительно чудесны. Я легко могу сказать это (не краснея), потому что знаю, каким упорным и глупо настойчивым я был, когда они впервые посетили меня, и как это было трудно, пока я не смог разобраться в символическом языке, настолько превосходящем мой тупой сознательный ум.¹

Возможно, что Юнг мог рассматривать публикацию *Sermones* «пробным камнем» перед публикацией *Liber Novus*. Есть указания, что он испытывал сомнения насчёт публикации *Sermones*. Барбара Ханна утверждает, что он жалел о публикации и «испытывал сильное чувство, что они должны были остаться только в Красной книге».²

Занимаясь переписыванием *Liber Novus*, Кэри Бейнс убеждала Юнга провести семинар по этой работе.³ Неизвестно, состоялся ли он. Однако, вероятно, что дискуссии того времени сыграли роль в его решении впервые открыто и публично заговорить об экспериментах над собой и некоторых фантазиях из *Чёрных книг*.

В конце 1924 и 1925 гг. он провёл в Психологическом клубе серию немецких семинаров по психологии сновидений.⁴ После этого он провёл расширенную серию семинаров на английском под названием «Аналитическая психология». Хотя они проходили в Психологическом клубе, формально это не были «семинары Клуба». Из пятидесяти двух членов и трёх гостей Клуба в 1925 г. на них присутствовала лишь горстка. Гораздо больше было тех, кто посещал и семинары Юнга в Пользите, и эти. Таким образом, существовало разделение между местными членами Клуба, которые лишь недавно вновь приняли в свои ряды Юнга, и более международной аудитории его англоязычных семинаров. В будущие годы последние станут играть доминирующую роль в распространении его работы.

Юнг поразительным образом начал семинар с описания развития концепций с того времени, когда он заинтересовался «проблемами бессознательного».⁵ Он говорил о своём интеллектуальном развитии и сотрудничестве с Фрейдом, за чем последовало детальное описание его экспериментов на себе, сфокусированное на первоначальном периоде: октябре-декабре 1913 г. Обсуждение этих эпизодов совсем

¹ 2 мая 1925 г. Бумаги Мюррея, библиотека Хофтон, Гарвардский университет, оригинал на английском. Майкл Фордхэм вспоминал, что получил копию от Питера Бейнса, когда достиг достаточно «продвинутой» стадии в своём анализе, и поклялся хранить это в тайне (из личного общения в 1991 г.)

² C.G. Jung: *His Life and Work*, p. 121.

³ 5 июня 1924 г., CFB.

⁴ 1 ноября и 8 декабря 1924 г., 21 февраля и 23 мая 1925 г. (Jahresbericht des Psychologischen Clubs Zürich, 1925).

⁵ *Introduction to Jungian Psychology*, p. 3.

не повторяет его комментарий к ним во втором слое *Liber Novus* и может считаться третьим слоем комментария. Лирический и выразительный язык второго слоя *Liber Novus* здесь уступил место его психологическим концепциям, которые, по его словам, взяты из размышлений над этими встречами. Как он эффектно заметил: «Я черпал весь свой эмпирический материал у пациентов, но решение проблем находил внутри, из своих наблюдений за бессознательными процессами».¹ В то же время, его изложение имело педагогическую функцию. Аудитория, по большей части, состояла из людей, с которыми он работал, и мы можем полагать, что практика активного воображения играла ключевую роль в их работе. Потому он, в сущности, использовал собственный материал как учебный пример, показывая, как его личная психологическая типология изображалась и разыгрывалась в фантазиях, как он столкнулся и нашёл общий язык с фигурами анимы и старого мудреца, и как появилась трансцендентная функция, разрешающая конфликт противоположностей. Вдобавок, значительная часть обсуждения на семинаре была сконцентрирована вокруг современного искусства и его психологического понимания. Вопрос о месте собственной творческой работы, похоже, постоянно был у Юнга на уме.

Через несколько недель после завершения этого семинара 6 июля Юнг отправился в Англию, чтобы провести новую серию англоязычных семинаров в Сванаге, Дорсет, между 25 июля и 7 августа. Семинар снова был устроен Питером Бейнсом и Эстер Хардинг. Темой был анализ сновидений, и на нём присутствовало около сотни участников.² Юнг начал с изложения истории толкования сновидений; за этим последовал анализ серии сновидений, рассказанных ему вдовой 53 лет.

Африка

Учитывая филогенетическую точку зрения Юнга, путешествие в Африку, считавшуюся родиной человечества, имело особое значение. Более того, пустыня была одной из ключевых имажинальных локаций в *Чёрных книгах*. В это путешествие Юнг отправился с Х. Бейнсом и Джорджем Беквитом. Их группа называлась психологической экспедицией к бугишу. Позже к ним присоединилась англичанка Рут Бейли. Это путешествие заставило Юнга понять, что «в душе с изначальных времён есть стремление к свету и непреодолимая нужда восстать из изначальной тьмы. ... Стремление к свету — это стремление к сознанию».³ Его путешествие стало *imitatio* предполагаемых истоков сознания. Он говорил о путешествии вверх по Нилу:

¹ Ibid., p. 35.

² Hannah, *Jung: His Life and Works*, p. 166; записи Эстер Хардинг хранятся в библиотеке Кристин Манн в Нью-Йорке.

³ *Memories*, pp. 298–89.

Миф о Горе — это история о возникающем божественном свете. Она могла бы рассказываться после избавления от изначальной тьмы доисторических времен с помощью культуры, то есть через откровение сознания. Потому путешествие из внутренней Африки в Египет стало для меня драмой рождения света, которая была тесно связана со мной, с моей психологией.¹

В фантазиях Юнга в 1922 г. египетская мифология играла значительную роль в формулировании роли и задач, которые он, его жена и Тони Вульф должны были выполнить.² Он дал дальнейшие указания связи между своими путешествиями и собственной психологией в отрывке, выпущенном из опубликованной версии *Воспоминаний*:

Мои переживания в 1913—1917 годах отяготили меня клубком проблем, природа которых требовала, чтобы я изучал психическую жизнь не-европейцев. Ибо я подозревал, что поставленные передо мной вопросы во многом были компенсациями моих европейских предрассудков. То, что я видел в Северной Африке, и то, что рассказал мне Оквия Биано [Горное Озеро], было лишь первыми указаниями на адекватное описание моих переживаний.³

Потому путешествия Юнга были прямо связаны с материалом в *Чёрных книгах* и *Liber Novus*, и стали частью попыток понять их, поместив их в широкий исторический и географический контекст.⁴ Его заявление указывает, что испытанное им лично можно было постигнуть только через де-европеизацию. Исходя из этого, смысл исследования коллективного бессознательного для людей Запада также можно понять с этой точки зрения. Это была задача достижения уравновешенного синтеза западного и первобытного.

Преображение психотерапии

Чёрные книги и *Liber Novus* имеют критическое значения для понимания появления новой юнговской модели психотерапии. В 1912 г., когда он писал *Трансформации и символы либидо*, он рассматривал присутствие мифологических фантазий (вроде тех, что в *Чёрных книгах*) как знак высвобождения филогенетических слоёв бессознательного, указывающий на шизофрению. Благодаря экспериментам над собой, он

¹ Ibid., p. 303.

² Книга 7.

³ Редакторская машинопись *Memories, Dreams, Reflections, CLM*, p. 356.

⁴ О путешествии Юнга в Палестину и Египет в 1933 г. см. Andreas Jung, «Carl Jung and Hans Fierz in Palestine and Egypt: Journey from March 13 to April 6, 1933», в *Turbulent Times. Creative Minds: Erich Neumann and C. G. Jung in Relationship (1933–1960)*, ed. Erel Shalit and Murray Stein (Asheville-Chiron, 2016).

радикально пересмотрел эту позицию: теперь он считал критически важным не само присутствие какого-то конкретного содержания, а отношение индивидуума к нему, в частности, тот факт, может ли индивидуум приспособить такой материал к своему мировоззрению. Это объясняет, почему он отмечал в послесловии в *Liber Novus*, что для поверхностного наблюдателя работа покажется безумием и вполне могла бы им быть, если бы он не смог удержать и постичь эти переживания.¹ В записи от 17 января 1914 г. он представил критику современной психиатрии, подчёркивая её неспособность различать между религиозными переживаниями или божественным безумием и психопатологией.² Если содержание видения или фантазии не имело диагностической ценности, он полагал, что, тем не менее, важно тщательно их рассматривать.

Юнг на собственном опыте развил новые концепции целей и методов психотерапии. С самого зарождения, благодаря появлению гипнотической и суггестивной терапии в конце девятнадцатого века, современная психотерапия прежде всего была озабочена лечением функциональных нервных расстройств, или неврозов, как их стали потом называть. Начиная с Первой Мировой войны, Юнг переформулировал практику психотерапии. Больше не озабоченная исключительно лечением психопатологии, она стала практикой, позволяющей высшее развитие индивидуума через поощрение процесса индивидуации. Это будет иметь далеко идущие последствия не только для развития аналитической психологии, но и психотерапии в целом.³

Юнг попытался показать, что процессы, описанные в *Чёрных книгах* и *Liber Novus*, не были уникальными, и, что развитые там идеи применимы к другим людям. Чтобы изучить то, что создавали его пациенты, он собрал обширную коллекцию их картин. Обычно он просил их сделать копии работы для него, чтобы они не расставались со своими изображениями.⁴ Он был поражён сходством между некоторыми мотивами в образах активного воображения пациентов, и это заставило его предположить, что концепции, к которым он пришёл, изучая собственный материал, имели значение и для них. В 1929 г. он описывал свою цель как вызывание «психического состояния, в котором мои пациенты начинают экспериментировать с собственной природой».⁵ Очевидно, его эксперименты над собой и их результаты были образцом для этой терапевтической практики.

В этот период он продолжал учить пациентов вызывать видения во время бодрствования. В 1926 г. на анализ к Юнгу пришла Кристиана Морган. Она прочитала

¹ См. *LN*, p. 555.

² Книга 4.

³ См. мою работу «From Neurosis to a New Cure of Souls: C. G. Jung's Remaking of the Psychotherapeutic Patient», в Mererid Puw Davies and Sonu Shamdasani, eds., *Medical Humanity and Inhumanity in the German Speaking World* (London: UCI Press, 2020).

⁴ Эти картины доступны для изучения в художественном архиве Института К. Г. Юнга в Кюснахте. См. Ruth Ammann, Verena Kast, Ingrid Riedel, eds., *Das Buch der Bilder: Schätze aus dem Archiv des C. G. Jung Instituts* (Zürich, Stuttgart/Ostfildern, Patmos, 2018).

⁵ «The aims of psychotherapy», *CW* 16. par. 99.

Психологические типы и обратилась к нему за помощью в своих проблемах с отношениями и депрессией. На сессии в 1926 г. она отметила совет Юнга, как вызывать видения:

Видите ли, они слишком смутны, чтобы о них много говорить. Это только начало. Сначала вы лишь используете сетчатку глаза, чтобы создать изображение. Затем, не пытаясь заставить образ появиться снаружи, вы заглядываете внутрь. Теперь, видя эти образы, вы должны удержать их и увидеть, куда они вас заведут — как они меняются. И вы должны попытаться сами войти в эту картину, стать одним из действующих лиц. Когда я начал этим заниматься впервые, я видел ландшафты. Затем я научился помещать себя в ландшафт, и персонажи говорили со мной, и я им отвечал. ... Люди говорили, что у него художественный темперамент. Но к этому меня склоняло бессознательное. Теперь я научился разыгрывать его драму и драму внешней жизни, так что ничего мне больше не навредит. Я написал 1000 страниц материала из бессознательного (рассказал видение о гиганте, который превратился в яйцо).¹

Он детально описывал свои эксперименты пациентам и предлагал им делать так же. Его роль была в надзоре за экспериментами над их потоком образов. Юнг даже предложил некоторым пациентам подготовить собственную *Liber Novus*. Морган записывала его слова:

Я бы посоветовал вам записать это всё как можно красивее — в какую-нибудь роскошно переплетённую книгу. Будет казаться, что вы делаете видения банальными — но вы должны это сделать, и тогда освободитесь от их власти. Например, если вы сделаете так с этими глазами, они перестанут вас привлекать. Вы не должны пытаться возвращать видения. Думайте о видении в воображении и постарайтесь его зарисовать. Если все эти вещи будут в какой-нибудь бесценной книге, вы сможете обратиться к книге, перевернуть страницы, и вот вы в собственной церкви — в вашем соборе — уединённых местах духа, где вас ждёт обновление. Если кто-то скажет вам, что это болезненно или невротично, и вы послушаетесь, то потеряете душу, ведь ваша душа в этой книге.

В письме Дж. А. Гилберту в 1929 г. он комментировал процедуру:

Я нашёл, что иногда в работе над таким случаем полезно их воодушевлять выразить особые содержания либо письменно, либо рисунком или картиной.

¹ 8 июля 1916 г., записные книжки об анализе, CLM. Упомянутое в конце видение из Книги 3.

Есть так много непостижимых интуиций в таких случаях, фрагментов фантазии, которые возникают из бессознательного, и для них почти нет подходящего языка. Я даю пациентам находить собственные символические выражения, свою «мифологию».¹

Святылище Филемона

В середине 1920-х годов разница между книгой для сновидений и Чёрными книгами всё больше размывалась, и мы находим больше упоминаний сновидений в Чёрных книгах в этот период. Интерес Юнга, в конечном счёте, сместился от переписывания *Liber Novus* и проработки своей мифологии в Чёрных книгах к работе над башней в Боллингене.

В 1920 г. он купил землю на берегу Цюрихского озера в Боллингене. До этого он с семьёй иногда проводил выходные, разбивая лагерь в дельте в северной части озера. Он чувствовал необходимость выразить свои потаённые мысли в камне и построить совершенно примитивное обиталище: «Боллинген очень много значил для меня, потому что слова и бумага были недостаточно реальны. Я должен был оставить исповедь в камне».² Башня была «выражением индивидуации». Годами он рисовал фрески и наносил резьбу на стенах. Башню можно считать трёхмерным продолжением *Liber Novus*, её «*Liber Quartus*». В конце *Liber Secundus* Юнг писал: «Я должен добратся до средневековья внутри себя. Мы покончили только со средневековьем в других. Я должен начать рано, в тот период, когда умерли отшельники».³ Что значимо, башня была намеренно построена как здание из средневековья, без современных удобств. Это была развивающаяся работа. Он вырезал надпись на стене, гласившую: «*Philemoni sacrum — Fausti poenitentia*» (Святылище Филемона — Раскаяние Фауста). (Одной из росписей в башне был портрет Филемона.) 6 апреля 1929 г. он писал Рихарду Вильгельму: «Жаль, что нет современных монастырей для людей, которые должны жить вне времени!»⁴

¹ 20 декабря 1929 г., *JA*.

² *MP*, р. 142.

³ *LN*, pp. 457–58.

⁴ *JA*.

Интеграция анимы

Крайне важной частью экспериментов Юнга над собой было то, что он назвал интеграцией анимы. Тони Вульф видела в этом только одну сторону истории, так как её частью был также процесс, при помощи которого он «интроецировал» её саму. В 1944 г., возвращаясь к сновидению, она отметила, что Юнг делал недолжный акцент на субъективном уровне, «потому что должен был осознать аниму, но тем самым интроецировал меня и забрал мою реальность».¹

5 января 1922 г. душа Юнга посоветовала следующее: «Ты не должен разрушать брак, то есть брак со мной, никто не должен вытеснить меня, и меньше всего — Тони. Я хочу править одна».² На следующий день она добавила: «Ты должен отпустить Тони, пока она не нашла себя и не стала тебе обузой».³ На следующий день душа пояснила символическое значение отношений между Юнгом, Эммой Юнг и Тони Вульф в терминах египетской мифологии.⁴

23—24 декабря 1923 г. у Юнга был следующий сон:

Я нахожусь на военной службе. Марширую с батальоном. В лесу у Оссингена я натываюсь на раскопки на перекрестке: 1-метровая каменная фигура лягушки или жабы без головы. За ней сидит мальчик с Жабьей головой. Потом бюст человека с якорем, вбитым в область его сердца, Роман. Второй бюст примерно 1640 года, тот же мотив. Потом мумифицированные трупы. Наконец появляется [120/121] коляска в стиле XVII века. В нем сидит кто-то мертвый, но все еще живой. Она поворачивает голову, когда я обращаюсь к ней «Мисс»; Я знаю, что «Мисс» — это дворянский титул.⁵

Через несколько лет он понял значение сна. Он отметил 4 декабря 1926 г.:

Только теперь я вижу, что сон 23/24 XII 1923 года означает смерть Анимы («она не знает, что она мертва»). Это совпадает со смертью моей матери. ... С тех пор как умерла моя мать, А. [Анима] замолчала.

Значимо!⁶

Он продолжал записывать некоторые диалоги с душой, но столкновение с анимой к этому моменту, в сущности, прекратилось.

¹ Tony Woll, *Diary N*, p. 5, 3 сентября 1944 г.

² Книга 7.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Книга 7.

⁶ Ibid.

Тони Вульф рассматривала свои отношения с Юнгом не как брак, а как «индивидуальную связь». 20 декабря 1924 г. она отметила: «Брак социально, юридически, психологически признан. Ничего нового из него не выйдет; он может быть лишь преобразён, тоже индивидуально, через индивидуальные отношения. Вот почему индивидуальные отношения — это символ души».¹ 13 сентября 1925 г. она отметила, что их отношения стоят под «знаком Филемона».² Оглядываясь назад, она размышляла о роли, которую играла для него:

Всё, чего К. теперь достиг, целиком основано на мне. Свой верой, любовью, пониманием и верностью я поддерживала и вела его. Я была его зеркалом, как он сказал мне в самом начале. / Но все мои чувства, фантазия, ум, энергия, ответственность работали на него. У меня есть влияние — но нет реальности. Я не знала, как «играть». Я дала ему жизнь. Теперь он должен дать её мне и быть зеркалом для меня.³

Она понимала это отражение через свою медиальную функцию, в терминах развитой ею типологии женского: «Через свою медиальную сторону я как пустая форма К. и потому всегда хотела быть наполненной им».⁴ В эти годы Вульф была крайне зависима от Юнга. 10 апреля 1926 г. она отметила: «Из-за отсутствия К. случилась психологическая цинга. Витамин К».⁵ На следующий день она добавила ещё одну аналогию: «Со мной так же, как с элгоньи: К. — это не только витамин. Кроме того, когда я с ним, восходящее солнце приятное, расслабляющее, всё разрушительное ушло. Когда я одна, оно меня разъедает».⁶ Она постоянно пыталась стать более независимой от него, и ничего не получалось. Она чувствовала, что его слава и успех всё больше отнимали его, и негодовала на «его работы, идеи, пациентов, лекции, Э. [Эмму], детей».⁷ Это стало причиной горечи: «Снова какое-то сопротивление, когда я думаю, как он реализовал свои знаменитые идеи через отношения со мной (что он признаёт лишь изредка) и как он теперь знаменит, и что с ним Э., а не я, и как я никогда не смогу пойти с ним туда».⁸ Запись в 1937 г. просто гласит: «Ариадна на Наксосе»,⁹ сравнивая её с Ариадной, оставшейся на острове Наксос после того, как вывела Тесея из лабиринта.

¹ Toni Wolff, *Diary B*, p. 62.

² Wolff, *Diary C*, p. 90.

³ Wolff, *Diary J*, p. 18, 19 октября 1936 г.

⁴ Wolff, *Diary J*, p. 30, 3 мая 1936 г. См. Wolff, «Structural Forms of the Feminine Psyche», *Psychological Perspectives* 31 (Spring, Summer 1995), 77–90.

⁵ Wolff, *Diary F*, p. 74. [Непереводимая игра слов, основанная на сокращении имени Карла Юнга (C.) и названии витамина C, дефицит которого вызывает цингу. — прим. перев.]

⁶ Ibid., p. 75.

⁷ Wolff, *Diary C*, p. 99, 23 февраля 1928 г.

⁸ Wolff, *Diary C*, p. 95, 21 февраля 1928 г.

⁹ Wolff, *Diary K*, p. 179, 2 ноября 1937 г.

В именных копиях книг Юнг признавал её заслуги. На её копии *Психологических типов* есть посвящение:

Эта книга, как вы знаете, пришла ко мне из мира, который принесли мне вы. Только вы знаете, из каких несчастий она родилась и в каком духе написана. Я передаю её вам как знак благодарности, которую не могу выразить словами.¹

Точно так же её копия *Психологии и алхимии* (1944) несёт посвящение его «soter mystica».² Публично он признавал её активную роль во всех фазах аналитической психологии в своём введении к собранию её работ.³

Кульминация

2 января 1927 г. у Юнга был сон, происходивший в Ливерпуле:

Я с несколькими молодыми швейцарцами в Ливерпуле, у доков. Это темная дождливая ночь, с дымом и облаками. Мы поднимаемся в верхнюю часть города, которая лежит на плато. Мы подходим к небольшому круглому озеру в Центральном саду. В середине этого есть остров. Люди говорят о швейцарце, который живет здесь, в таком закопченном, темном, грязном городе. Но я вижу, что на острове стоит Магнолия, покрытая красными цветами, освещенная вечным солнцем, и думаю: «теперь я знаю, почему этот швейцарец живет здесь. Он, очевидно, тоже знает почему». Я вижу карту города.⁴

Затем он нарисовал мандалу, основанную на этой карте. Он придавал этому сну большое значение, позже отмечая:

Этот сон представлял мою внутреннюю ситуацию. Я до сих пор вижу этот жёлто-серый дождевик, блестящий от дождя, и всё было ужасно неприятно. Так я чувствовал себя. Но у меня было внутреннее видение этой небесной красоты, и благодаря нему можно продолжать жить. И тогда я понял: это завершение, это цель. Нельзя подняться выше середине. Середина — это цель, и всё направлено туда. Так я понял, что самость — это архетип ориентации и смысла. Тот одинокий швейцарец — это я. Он живёт на каком-то пере-

¹ Во владении Феликса Нефа.

² Во владении Стивена Мартина.

³ «Introduction to Toni Wolff», *Studies in C. G. Jung's Psychology* (1959), CW 10, par. 887.

⁴ Книга 7.

крёстке этих грязных улиц. Он маленькая копия центра. Я знаю, что я — это не центр, это не самость, но отсюда мне открывается вид на божественное чудо. Я, конечно, там не жил, но жил «эксцентрически». Огонёк казался мне подобием великого света: было что-то в эксцентрическом аспекте, что напоминало мне об оригинальном видении. После этого сна я перестал живописать или рисовать мандалы. Тогда я понял, что нет прямой линии развития, но развитие сначала вело вверх, на гору. Это прямолинейное развитие. Но если человек с самого начала сверху, он видит огромные просторы с озером, островом и древом света на нём. ... Этот сон описывал вершину всего бессознательно-го процесса развития. Он меня полностью удовлетворил, потому что вполне выразил моё положение. Тогда я был совершенно одинок. Я знал, что занимался чем-то великим, но никто этого понять не мог. Это прояснение через сон позволило мне объективно рассмотреть, что же наполняло меня. Для меня этим малым огнём было «я», как воспоминание о величественном древе посередине. Другие не видят дерево, только я его видел. Туда будто светило солнце, но, в то же время, цветы словно светились сами по себе. Это дерево было будто освещено солнцем. Был ясный и невероятно прекрасный день. Там, где мы стояли, была тёмная, холодная и дождливая ночь. Без такого видения моя жизнь потеряла бы смысл. Но смысл был выражен в нём.¹

Осознание заключалось в том, что самость — это цель процесса индивидуации. Развитие было не линейным, а включало в себя хождение вокруг самости. Это осознание придало ему сил, ведь «иначе весь опыт свёл бы меня с ума, или свёл бы с ума других людей».² Он чувствовал, что рисование мандал показало ему самость «в её спасающей функции», и это было его спасение. Теперь задача была в том, чтобы соединить эти озарения в жизни и науке.

В пересмотренном издании *Психологии бессознательных процессов* 1926 г. он подчёркнул значение перехода в среднем возрасте. Он утверждал, что первую половину жизни можно охарактеризовать как естественную фазу, в которой главная цель — это утверждение себя в мире, заработок и создание семьи. Вторая половина, культурная фаза, включает в себя переоценку прежних ценностей. В этот период цель заключается в сохранении прежних ценностей, в то же время признавая их противоположности. Это значило, что индивидуумы должны были развить неразвитые и отвергнутые аспекты своей личности.³ Процесс индивидуации теперь понимался как общий шаблон развития человека. Он утверждал, что в современном обществе не хватало наставлений по этому переходу, и видел задачу своей психологии в запол-

¹ МР, pp. 159–60.

² Ibid., p. 173.

³ CW 7, pars. 144–17.

нении этого пробела. Вне аналитической психологии формулировки Юнга оказали влияние на психологию развития взрослых. Ясно, что его критический опыт сформировал шаблон для этой концепции о задачах двух половин жизни. *Чёрные книги* и *Liber Novus* изображают этот пересмотр прежних ценностей и его попытку развить отвергнутые аспекты личности. Потому они стали основой для понимания того, как можно успешно пройти через кризис среднего возраста.

В 1928 г., как мы видели, он опубликовал *Отношения между «я» и бессознательным*. Это была небольшая книга, расширяющая работу 1916 г. «Структура бессознательного». Юнг писал о «внутренней драме» процесса трансформации. Он подробно остановился на прежнем обсуждении и добавил раздел, детально излагающий процесс индивидуации. Он отметил, что после того, как человек справится с фантазиями из личной сферы, он сталкивается с фантазиями из безличной сферы. Они были не произвольными, но сходились на одной цели. Потому эти последующие фантазии можно было описать как процессы инициации. Для этого процесса необходимо активное участие: «Когда сознательный ум участвует активно и переживает каждую стадию процесса ... тогда следующий образ всегда начинается с более высокого уровня, чем прежний, и развивается целенаправленность».¹

После ассимиляции личного бессознательного, дифференциации персоны и преодоления состояния богоподобия следующая стадия — это интеграция анимы для мужчины и анимуса для женщины. Юнг утверждал, что как для мужчины важно различать между тем, кто он, и тем, каким он кажется другим, так же важно осознавать «свои незримые отношения с бессознательным» и потому дифференцироваться от анимы. Он отмечал, что, когда анима бессознательна, она проецируется. Он излагал следующую последовательность развития анимы и её отношение к матери мужчины:

Первый носитель образа души — это всегда мать; позже его несут на себе те женщины, которые пробуждают чувства мужчины, как позитивные, так и негативные. Поскольку мать — это первый носитель образа души, отделение от неё — это деликатный и важный вопрос, имеющий величайшее педагогическое значение.²

Для мужчины мать — это защитница «от опасностей, которые угрожают ему во тьме души».³ Впоследствии анима в форме имаго матери переносится на жену: «его жена должна принять магическую роль матери. Под покровом идеально исключительного брака он, на самом деле, ищет защиты матери, и потому находит-

¹ Ibid., par. 386.

² Ibid., par. 314.

³ Ibid., par. 315.

ся в руках защитных инстинктов жены».¹ В конечном счёте, требуется «воплощение анимы». Успешная встреча и интеграция ведут к

...преодолению анимы как автономного комплекса и её трансформации в функцию отношений между сознанием и бессознательным. Благодаря этому процессу анима лишается своей демонической силы автономного комплекса; это значит, что она больше не может завладевать сознанием, поскольку лишена силы.²

Чтобы достигнуть этого освобождения, требуется вступить с ней в диалог и поставить перед ней вопросы во внутреннем диалоге или активном воображении. По словам Юнга, все обладают этой способностью вести диалоги с собой. Активное воображение потому является одной из форм внутреннего диалога, своего рода драматизированным мышлением. Важно разотождествиться с возникающими мыслями и преодолеть предубеждение о том, что человек создаёт их сам.³ Важно не толковать или понимать фантазии, а переживать их. Здесь замечен сдвиг от его работы о трансцендентной функции, в которой он подчёркивал творческую формулировку и понимание. Он утверждал, что нужно обращаться с фантазиями совершенно буквально, когда погружён в них, но символически — когда толкуешь их.⁴ Это было прямое описание процедуры в *Чёрных книгах*. Задачей таких бесед было воплотить влияния анимы и осознать лежащие в их основе содержания, в то же время интегрируя их в сознание. Если это удалось, анима становится функцией отношений между сознанием и бессознательным, позволяя им общаться, а не действуя как автономный комплекс. Опять-таки, этот процесс интеграции анимы был темой *Liber Novus* и *Чёрных книг*. Он также подчёркивает тот факт, что эти фантазии следует читать символически, а не буквально. Вырывать высказывания из контекста и цитировать их буквально было бы серьёзным непониманием. Юнг отмечал, что этот процесс имеет три следствия:

Первое следствие в том, что диапазон сознания увеличивается через включение большого числа и разнообразия бессознательных содержаний. Второе — это постепенное ослабевание доминирующего влияния бессознательного. Третье — это *изменения в личности*.⁵

¹ Ibid., par. 316.

² Ibid., par. 374.

³ Ibid., par. 323.

⁴ Ibid., par. 353.

⁵ Ibid., par. 358.

После достижения интеграции анимы мужчина сталкивается с другой фигурой, а именно, «мана-личностью». Юнг утверждал, что, когда анима теряла свою «ману», или силу, ассимилировавший её мужчина должен эту силу принять и так стать «мана-личностью», существом высшей воли и мудрости. Однако, эта фигура была «доминантой» коллективного бессознательного, признанным архетипом могучего человека в форме героя, вождя, мага, знахаря и святого, повелителя людей и духов, друга богов».¹ Потому при интеграции анимы и обретении её силы мужчина неизбежно отождествляется с фигурой мага и сталкивается с задачей отличия себя от него. Он добавил, что для женщин соответствующей фигурой будет Великая Мать. Если отказаться от притязания на победу над анимой, одержимость фигурой мага прекращается, и мужчина осознаёт, что мана, на самом деле, принадлежала «срединной точке личности», то есть самости. Ассимиляция содержаний мана-личности вела к самости. Его описание встречи с мана-личностью, отождествления и последующего разотождествления соответствует его встрече с Филемоном. О самости он писал: «Её вполне можно назвать «богом в нас». Истоки всей нашей психической жизни неотделимо укоренены в этой точке, и все наши высшие и глубочайшие устремления направлены сюда».² Его описание самости передаёт значение этого осознания после ливерпульского сна:

Самость можно описать как своего рода компенсацию конфликта между внутренним и внешним ... самость — это также цель жизни, потому что это самое полное выражение того судьбоносного сочетания, которое мы называем индивидуальностью. ... Цель индивидуации достигается с переживанием самости как чего-то иррационального, как неопределимой сущности, которой ни противостоит, ни подчиняется «я», но находится в состоянии зависимости, и вокруг которой вращается, как Земля вращается вокруг Солнца.³

В *Чёрных книгах* в 1920-х годах можно найти удлинняющиеся тени смерти, начиная с горя Юнга после смерти матери, за которой последовали безвременные смерти близких друзей (Германа Зигга в 1927 г. и Ганса Шмида в 1932 г.) и пациентов (Джордж Портер и Джером Шлосс в 1927 г.)⁴ В записи 1927 г. Юнг упоминал мысли о своей смерти и смерти жены. Отец Юнга умер в возрасте пятидесяти четырёх лет; в 1929 г. Юнг сам достиг этого возраста. Смертность породила предчувствия бессмертия. В тот год он писал в «Комментарии к *Тайне Золотого Цветка*», что, как врач, пытался «укрепить убеждённость в бессмертии», особенно у престаре-

¹ Ibid., par. 377.

² Ibid., par. 399.

³ Ibid., par. 405.

⁴ Книга 7.

лых пациентов. Смерть, утверждал Юнг, следует рассматривать как цель, а не конец, и называл последнюю часть жизни «жизнью к смерти».¹ Два года спустя, в работе «Поворотный момент в жизни» он детально осмыслил эту тему, описав психологические трансформации во время перехода в середине жизни. Он отметил, что идея о жизни после смерти была изначальным образом, и имеет смысл жить в соответствии с ним. С точки зрения врачевателя душ, утверждал он, имеет смысл рассматривать смерть как переход.² Три года спустя он написал работу о «Душе и смерти», описав религии как системы подготовки к смерти. Он утверждал, что, учитывая коллективную душу человечества, смерть можно считать реализацией смысла жизни. Вера в потустороннюю жизнь была антропологически неизбежна, и только светский материализм рассматривал смерть как чистое прекращение существования. С исторической и кросс-культурной точки зрения это было искажение. Вопрос о смерти стал особенно острым в середине жизни. С тех пор «живыми остаются только те, кто готовы умереть с жизнью. Ведь то, что происходит в тайный час середины жизни — это переворот параболы, *рождение смерти*».³ Чёрные книги описывают, как Юнг преодолевал «переворот параболы». С этой точки зрения его личная трансформация, его индивидуация были подготовкой к смерти.

Столкновение с миром

В 1928 году Юнг нарисовал мандалу с золотой крепостью в каллиграфическом томе *Liber Novus*.⁴ Его поразило, что в мандале было что-то китайское. Вскоре после этого Рихард Вильгельм отправил ему *Тайну Золотого Цветка*, прося написать к ней комментарий. Вильгельм выступал в Психологическом клубе в 1921 г. об *И Цзин*, и Юнг позже познакомился с ним в Школе Мудрости графа Кайзерлинга в Дармштадте. Юнг был поражён текстом и его своевременностью:

...текст дал неожиданное подтверждение моих идей о мандале и обращении вокруг центра. Это было первое событие, нарушившее мою изоляцию. Я осознал близость; я мог устанавливать связи с кем-то и чем-то.⁵

Значение этого события отражено в строках, которые он написал под картиной Жёлтого Замка.⁶ Юнг был поражён соответствиями между образностью и концеп-

¹ CW 13, par. 68.

² «The Turning Point in Life», CW 8, par. 794.

³ «The Soul and Death», CW 8, par. 800.

⁴ См. приложение.

⁵ *Memories*, pp. 222—23.

⁶ «1928. Когда я нарисовал это изображение хорошо укреплённого золотого замка, Рихард Вильгельм отправил мне из Франкфурта тысячелетний китайский текст о золотой крепости, зародыше тела бессмертия. *Ecclesia catholica et protestante et seclusi in secreto. Acon finitus*» (Католическая церковь и протестанты и те, что уединены втайне. Конец зона.) См. приложение

циями текста и собственными картинами и фантазиями, а также судьбой, которая свела его с Вильгельмом. 25 мая 1929 г. он писал Вильгельму: «Судьба, похоже, уделила нам роль двух мостовых опор, которые поддерживают мост между Востоком и Западом».¹ Лишь позже он осознал, как важна алхимическая природа текста.² 10 сентября 1929 г. он писал Вильгельму: «Я взволнован этим текстом, который так близок к нашему бессознательному».³

Комментарий Юнга к *Тайне Золотого Цветка* был поворотной точкой. Это было его первое обсуждение значения мандалы. Впервые он анонимно представил три своих картины из *Liber Novus* как примеры европейских мандал и дал к ним комментарий.⁴ Он писал Вильгельму 28 октября 1929 г. о мандалах в этом томе: «образы дополняют друг друга именно благодаря своему разнообразию; они дают прекрасную картину усилий бессознательного европейского духа постичь восточную эсхатологию».⁵ Эта связь между «европейским бессознательным духом» и восточной эсхатологией стала одной из главных тем работы Юнга в 1930-е годы. Он изучал её через сотрудничество с другими людьми — с индологами Вильгельмом Хауэром и Генрихом Циммером.⁶ В то же время, форма работы имела критическое значение: не раскрывая всех деталей о своих экспериментах или экспериментах своих пациентов, Юнг использовал параллели с *Тайной Золотого Цветка* как косвенный способ говорить об этом, и так же он делал в пятой главе *Психологических типов*. Такой аллегорический метод стал его предпочтительной формой. Вместо того, чтобы прямо писать о своих переживаниях, он комментировал аналогичные разработки в эзотерических практиках, по большей части в средневековой алхимии.

Вскоре после этого Юнг внезапно прекратил работать над *Liber Novus*. Последнее полностраничное изображение осталось незавершённым, и он перестал переписывать текст. В 1932 г. он перестал писать и *Чёрные книги*. Позже он вспоминал: «Когда я достиг этой центральной точки (Дао), началось столкновение с миром: я начал давать много лекций и писать небольшие эссе. В то время я читал лекции в самых разных местах».⁷ Многие эти лекции были собраны и отредактированы в томах *Contributions to Analytical Psychology* [Работы по аналитической психологии]

¹ Jung, *Letters* 1, pp. 66.

² Предисловие ко второму немецкому изданию «Commentary on *The Secret of the Golden Flower*», CW 13, p. 4.

³ *Letters* 1, p. 68. Вильгельм был признателен Юнгу за комментарий. 24 октября 1929 г. он писал Юнгу: «Я снова глубочайшим образом поражён вашими комментариями» (JA).

⁴ См. изображения 105, 159 и 163 каллиграфического издания. Эти картины и две другие были анонимно воспроизведены в 1950 г. в *Gestaltungen des Unbewussten* [Формы бессознательного] (Zürich: Rascher, 1950).

⁵ JA.

⁶ На эту тему см. мою работу *The Psychology of Kundalini Yoga: Notes of the Seminar Given in 1932 by C. G. Jung* (Princeton: Princeton University Press, Bollingen Series, 1996) и Giovanni Sorge, ed., *Jung and the Indologists: Jung's Correspondences with Wilhelm Hauer, Heinrich Zimmer, and Mircea Eliade* (Philemon Series, ещё не опубликована)

⁷ MP, p. 15.

(1928) и *Seelenprobleme der Gegenwart* [Проблемы души нашего времени] (1931).¹ Таким образом, его столкновение с душой подошло к концу, и началось столкновение с миром. Он видел в этой деятельности форму компенсации за годы увлечения внутренним миром.² В 1932 г. он получил литературную премию Цюриха. 25 ноября он писал Рут Бейли: «Поскольку я становлюсь опасно знаменитым на этом старом континенте, у меня больше нет отдыха и свободного времени. В негритянском спиричуэле поётся: «Ускользни к Иисусу», и я говорю: «Ускользни в Боллинген», если удаётся».³

Сравнительное исследование процесса индивидуации

В ноябре 1928 г. Юнг провёл семинар в Психологическом клубе на тему анализа сновидений.⁴ Он принял форму обширного исследования сновидений раздражительного, тревожного сорокапятилетнего бизнесмена, который чувствовал отчуждение в отношениях с женой. Семинар шёл до июня 1930 г. В тот октябрь Юнг дал недельный семинар в отеле Sonne в Кюснахте для двенадцати немецких врачей.⁵ Семинар был проведён по просьбе участников выступить на тему «развития и смысла бессознательных образов».⁶ Он описывал активное воображение тридцатилетней американки, которой впоследствии оказалась Кристиана Морган.

После этого он намеревался продолжить свой английский семинар по анализу сновидений. Когда его попросили повторить этот семинар на английском, он вместо этого предложил альтернативу: «развитие ... трансцендентной функции из сновидений и видений и фактические выражения тех образов, которые, в конечном счёте, служат для синтеза индивидуума, примирения пар противоположностей и процесса формирования символов в целом».⁷ 31 ноября он попросил разрешения Кристианы Морган использовать её материал для «объяснения тайн бессознательных процессов инициации». Он добавил, что уже использовал его в немецком семинаре, «само

¹ Множество эссе в этом собрании было опубликовано на английском в собрании *Modern Man in Search of a Soul*, tr. W. S. Dell and Cary Baynes (San Diego: Harcourt, Brace & World, 1933).

² 8 февраля 1923 г. Кэри Бейнс записала беседу с Юнгом прошлой весной, которая имеет к этому некоторое отношение: «Вы [Юнг] сказали, что, как бы ни был индивидуум отделён от толпы особыми дарами, ему ещё предстоит, психологически говоря, выполнить свой долг, иначе он не сможет успешно функционировать в коллективе. Под функционированием в коллективе мы оба имели в виду то, что обычно называлось «смешиванием» с людьми социально, не в профессиональных или деловых отношениях. Вы говорили о том, что, если индивидуум держится подальше от этих коллективных отношений, он теряет что-то такое, что не может позволить себе потерять» (бумаги Бейнс).

³ JA.

⁴ William McGuire, ed., *Dream Analysis: Notes of the Seminar Given in 1928–1930* (Princeton: Princeton University Press, Bollingen Series, 1984).

⁵ Olga von Koenig-Fachsenfeld, ed., *Bericht über das Deutsche Seminar von Dr. C. G. Jung 6–11 October 1930 in Küsnacht-Zürich* (Stuttgart, 1931).

⁶ Ibid., p. 4.

⁷ VS, p. 3.

собой, с чисто безличной точки зрения, скрывая всякие намёки на личность», и этот материал был «действительно редкой красоты, почти уникальный случай по своей завершенности и точности видения, в гораздо большей степени, чем мы ожидали, когда занимались им лично».¹

Вместо того, чтобы представлять собственный материал, он нашёл пример, при помощи которого мог показать процесс, параллельный тому, что прошёл с ним самим, тем самым доказывая его клиническую применимость и воспроизводимость. Этот семинар частью можно считать косвенным комментарием к *Liber Novus*. Чтобы продемонстрировать эмпирическую верность концепций, выведенных в *Liber Novus*, он должен был показать, что описанные там процессы не были уникальны. Этот семинар шёл четыре года и прекратился, когда стала очевидной личность Кристианы Морган. После этого по просьбе студентов он обратился к теме произведения Ницше *Так говорил Заратустра*, рассматривая её через призму своих экспериментов над собой и читая работу так, как если бы это была *Liber Novus* Ницше.²

В октябре 1931 г. Юнг провёл семинар на немецком в отеле Sonne.³ Он снова говорил об активном воображении, на этот раз обращаясь к сериям разных случаев. Похоже, этот семинар привлёк больше внимания, чем прошлогодний, так как лишь около 40% участников были из Германии. За ним последовал семинар по кундалини-йоге совместно с Вильгельмом Хауэром. Хауэр излагал тему на семинаре на немецком и английском, а Юнг давал психологический комментарий символизму, подчёркивая появление образов среди современных американских и европейских пациентов. Работая с Хауэром, Юнг, в сущности, продолжал сотрудничество с Рихардом Вильгельмом, изучая кросс-культурный символизм процесса индивидуации и то, как восточные эзотерические практики и «бессознательные процессы инициации» в психотерапии индивидуации могут помочь друг другу. Хауэр и Юнг также работали с Генрихом Циммером на его семинарах в Берлине в 1933 г.⁴

Юнг также начал участвовать в психотерапевтических организациях. В 1930 г. он стал вице-президентом Медицинского общества по психотерапии, которое было преимущественно немецким. После ухода Эрнста Кретчера с поста в 1933 г. он стал действующим президентом, а потом президентом в 1934 г. Некоторые его коллеги, включая Кэри Бейнс, старались от этого отговорить. Его критиковали за принятие этого поста, но он видел цель в том, чтобы «попытаться вывести молодую и шат-

¹ JA.

² На эту тему см. Gaia Domenici, *Books «for All and None»: Nietzsche's Zarathustra, Jung's Liber Novus and «Visionary» Works* (New York: Palgrave Macmillan, 2020).

³ Ernst Falzeder, ed., *The Practice of Active Imagination: C. G. Jung's German Seminar of 1931*, tr. Ernst Falzeder with Tony Wolfson (Philemon Series, ещё не опубликована).

⁴ Giovanni Sorge, ed., *On Dream Interpretation, Yoga and Psychology: Notes of the Seminar Given by Dr. C. G. Jung in Berlin between 26 June and 1 July 1933. with a presentation by Heinrich Zimmer* (Philemon Series, готовится к изданию). О деятельности Юнга в 1933 г. см. Thomas Fischer, «1933 — The Year of Jung's Journey to Palestine, Israel and Several Beginnings» в *Turbulent Times, Creative Minds*, pp. 135–49.

кую науку в безопасное место посреди землетрясения».¹ Он занялся интернационализацией общества и защитой статуса практиков-евреев как независимых членов. В то время его также яростно критиковали за комментарии, противопоставляющие арийскую и еврейскую психологии.²

В середине 1930-х годов Юнг серьёзно занялся исследованиями алхимии. Знакомство с ней восходит к исследованию для *Трансформаций и символов либидо*. По его мнению, алхимики занимались чем-то похожим на то, что он называл процессом активного воображения. Более того, алхимические символы изображали процесс индивидуации. На историческом уровне работа имела дальнейшее значение, так как именно символический материал был исключён церковным христианством и потому получил функцию компенсаторной скрытой тенденции. Например, юнговское видение бога Абраксаса сильно напоминало фигуру Меркурия в алхимии.³ Оглядываясь назад, он отмечал, что «моя встреча с алхимией оказалась решающей, так как она дала мне историческую основу, которой до тех пор недоставало».⁴ Гностический материал, который он изучал, был слишком далёк от настоящего, и он считал, что алхимия сформировала исторический мост между гностицизмом и психологией бессознательного. Если его тезис был верен, он мог бы продемонстрировать, что результаты его предприятия не ограничивались им самим, близкими коллегами и пациентами, но имели широкое историческое и культурное значение. Если бы он просто опубликовал материал пациентов, их случаи легко можно было отвергнуть как продукты самовнушения или внушения, а не твёрдое эмпирическое свидетельство. Его филологическая расшифровка алхимии происходила в восьми записных книжках и томе-индексе.⁵ Он делал обширные выдержки из алхимических текстов и подчёркивал ключевые фразы, которые затем записывал в индексный том. Читательские абонементы в этих томах указывали, что поначалу он начал обширные исследования в библиотеке Базельского университета зимой 1935 г. Его работа над *Чёрными книгами* и каллиграфическим томом *Liber Novus* теперь уступила место работе над алхимическими записными книжками.

¹ «A rejoinder to Dr. Bally», CW 10, par. 1022

² Jung, Editorial, *Zentralblatt für Psychotherapie und ihre Grenzgebiete*, CW 10, par. 1014. Также см. Geoffrey Cocks, *Psychotherapy in the Third Reich: The Göring Institute*, 2nd ed., revised and expanded (New Brunswick, NJ: Transaction, 1997); Giovanni Sorige, «Psicologia analitica e Anni Trenta. Il ruolo di C.G Jung nella Internationale Allgemeine Ärztliche Gesellschaft für Psychotherapie (1933–1939)», диссертация в университете Цюриха, 2010; и Giovanni Sorige, *Bestandbeschrieb der Akten zur Geschichte der Präsiacenschaft von C. G. Jung der Internationalen Ärztlichen Gesellschaft für Psychotherapie, 1933–1940 im Nachlass von C. A. Meier* (Zürich: C. G. Jung-Arbeitsarchiv, ETH-Bibliothek, 2016).

³ «The Spirit Mercurius», CW 13.

⁴ *Memories*, p. 220.

⁵ См. мою работу *C. G. Jung: A Biography in Books* (New York: W. W. Norton, 2012), pp. 172–88, и Alfred Ribi, «Zum schöpferischen Prozess bei C. G. Jung: Aus den Excerptbänden zur Alchemie», *Analytische Psychologie* 13 (1982), 201–21.

В 1935 г. он написал работу «Индивидуальный символизм сновидений и алхимия» и включил в качестве эпиграфа следующие строки из *Энеиды* Вергилия:

...*facilis descensus Averno;*
noctes atque dies patet atri ianua Ditis;
sed revocare gradum superasque evadere ad auras,
hoc opus, hic labor est... (VI, 126–29)

...в Аверн спуститься нетрудно,
День и ночь распахнута дверь в обители Дита.
Вспять шаги обратить и к небесному свету пробиться —
Вот что труднее всего!¹

Эти строки произносит Кумская сивилла, предупреждая Энея, который горячо желает спуститься в подземный мир, чтобы снова увидеть отца. Цитату можно читать как ответ на цитирование Фрейдом *Энеиды* в начале *Толкования сновидений*. Фрейд цитирует Юнону, которой возражает Эней: «*Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo*» («Если небесных богов не склоню — Ахеронт я подвигну»)². Публикация возвестила о критическом повороте, так как Юнгу предстояло провести следующие двадцать лет погружённым в исследование алхимии. Эпиграф говорил о его положении, ведь он завершил спуск в подземный мир, своё «столкновение с бессознательным» и перестал писать в *Чёрные книги*, решив не публиковать *Liber Novus* в сложившейся ситуации. Потому перед ним встала необходимость найти другой путь представить озарения, собранные в ходе экспериментов на себе. Возвращение из подземного мира посредством сравнительного исторического исследования должно было стать его задачей и уделом. Как он замечал Аниэле Яффе годы спустя:

Где-то пятнадцать лет подряд я читал книги, чтобы найти своего рода облачение для этого изначального откровения, с которым сам не мог справиться. У меня ушло сорок пять лет, чтобы, так сказать, в какой-то мере справиться в сосуде своей работы с вещами, которые я некогда написал.³

Тогда как *Liber Novus* была попыткой представить смысл откровения, теперь он должен был вернуться с «человеческой стороны» — со стороны науки. Цена была

¹ Virgil, *Aeneid*, tr. R. Fairclough, цит. по Jung, *Psychology and Alchemy*, CW 11, par. 39. [Зд. в пер. С. А. Ошерова — прим. перев.]

² Вергилий, *Энеида*, VII, 312. Об истории этой цитаты см. Jean Starobinski, «Acheronta Movebo», *Critical Inquiry* 13 (1987): 394–407.

³ МР, р. 149.

значительной: «Я платил своей жизнью и заплатил своей наукой».¹ Алхимия теперь дала ему способ представить свои исследования в аллегорической манере. Потому его работы по психологии алхимии были двусторонними — хотя они и оставались оригинальными историческими исследованиями и значительными учёными работами, тем не менее, это были не чистые академические исследования, так как во многих случаях предметом обсуждения было не то, чем могли или не могли заниматься алхимики, а юнговское изложение представлений о процессе индивидуации и изображение его символов. В зашифрованной манере образы и концепции из *Liber Novus* и *Чёрных книг* всплывали на поверхность, оказываясь в должном контексте и с необходимыми подробностями.

С 1930-х годов Юнг искал способ через историческое исследование снова обнаружить те концепции, к которым пришёл независимо. Были две главных обстановки, в которых развёртывался этот проект. В 1933 г., после перерыва в два десятилетия, он вернулся в университет, читая лекции в Швейцарском федеральном институте технологии. Он был назначен профессором в 1935 г. Между 1933 и 1941 гг. он читал курс в течение четырнадцати семестров, представив исторический обзор современной психологии и, прежде всего, сравнительное изучение процесса индивидуации, фокусируясь на йога-сутрах Патанджали, духовных упражнениях св. Игнатия Лойолы, буддистской медитации и западной алхимии.² Лекции были открыты для широкой публики. Важным озарением, позволившим провести эти связи и сравнения, было осознание Юнга, что данные практики все основаны на разных формах активного воображения и имеют своей целью трансформацию личности. Он понимал последнюю как процесс индивидуации. Потому лекции Юнга в ЕТН представляют из себя сравнительную историю активного воображения, практику которого он развивал в *Чёрных книгах*.

Лекции шли рука об руку с его обычным участием в конференциях Эранос в Асконе, учреждённых в 1933 г. Ольгой Фрёбе-Каптейн.³ Конференции шли две недели каждый год. Они фокусировались на истории религии и культуры с особым акцентом на отношениях между Западом и Востоком. Юнг советовал Фрёбе-Каптейн темы и выступающих, но старался, чтобы конференции не превратились просто в инструмент его школы.

Среди участников конференций были Анри Корбен, Генрих Циммер, Виктор Уайт, Д. Т. Судзуки, Эрнесто Буонайути, Джузеппи Туччи, Вильгельм Хауэр, Луи Массиньон, Жиль Киспель, Эрвин Руссель, Мирча Элиаде, Поль Радин, Карл

¹ Ibid., pp. 147–48.

² Эти тома под редакцией Эрнста Фальцедера и Мартина Либшера готовятся к изданию в Princeton University Press как часть Philemon Series.

³ Об Эранос см. Hans Thomas Hakl, *Eranos: An Alternative Intellectual History of the Twentieth Century*, tr. Christopher McIntos (Montreal: McGill-Queens University Press, 2013) и Riccardo Bernardini, *Jung at Eranos: The Complex Psychology Project* (London: Routledge, 2018).

Кереньи и Адольф Портман. Эти конференции были неформальной встречей равных и критической аудиторией, к которой были обращены работы Юнга с середины 1930-х годов. Сравнительное исследование процесса индивидуации, которым он занимался, требовало сотрудничества экспертов в области сравнительного религиоведения. С другой стороны, для многих этих исследователей связи, которые он пытался установить между психологией и их областями знаний, открывали возможность неожиданного применения их работы за границами академических представлений.

В целом, *Чёрные книги* стали уникальным окном в творческий процесс крупного психолога. На текстовом уровне они позволяют проследить, как учёное чтение Юнга предоставило ресурсы, вдохновившие фантазию, подталкивая его воображение в сторону мифа. Размышляя над этими ресурсами, Юнг попытался угадать в них широкие божественные озарения, впервые принявшие лирическую форму в *Liber Novus*, а впоследствии — концептуальную и теоретическую форму в научных сочинениях. Как *document humain* и психологический дневник, *Чёрные книги* описывают попытку Юнга разрешить кризис смысла в двадцатом столетии в рамках своей личности и извлечь из них метод психотерапевтической помощи другим. Коротко говоря, *Чёрные книги* и *Liber Novus* вместе формируют ядро аналитической психологии, позволяя изучить её историческое происхождение с самого зарождения. Работа Юнга теперь видна без прикрас, и можно разобрать тесные связи между эзотерическими визионерскими циклами и экзотерической психологией. Позже Юнг вспоминал, что «вся жизнь состояла в прояснении того, что вырвалось из бессознательного, подобно загадочному потоку и угрожало разрушить меня. ... Всё остальное было просто внешней классификацией, научной проработкой, интеграцией с жизнью. Но нуминозное начало, вмещающее в себя всё, лежало там».¹ Потому *Чёрные книги* позволяют нам войти в личную лабораторию аналитической психологии и следить за появлением визионерской науки: то есть, как психология родилась из активного воображения, которое, в свою очередь, может стать наукой о видениях.

¹ МР, р. 177.

Примечание редактора

Сону Шамдасани

Чёрная книга — это название, которое Юнг дал записным книжкам, в которых описывал эксперименты над собой между 1913 и 1932 гг.¹ Название «чёрная» указывает на тот факт, что, за исключением самой первой, в коричневом переплёте, у них были чёрные обложки. Название в единственном числе указывает, что он считал эти записные книжки единым целым. Впоследствии их называли Чёрными книгами; в этом издании мы тоже называем их «Чёрными книгами». Они считаются вместе с подростковым дневником Юнга (похоже, что их пронумеровал не Юнг, а кто-то другой). Потому представленная последовательность начинается с Книги 2. Первые записи в Книге 2 представляют собой продолжение юношеского дневника Юнга и доходят до 1902 г., так что данное издание начинается со страницы 4. Поскольку те записи целиком относятся к контексту юношеского дневника, здесь они не были воспроизведены. После продолжительного перерыва больше чем в десятилетие Юнг обратился к Книге 7, чтобы делать записи иного рода. Они также не были воспроизведены здесь. Потому данное издание представляет собой записи с 1913 по 1932 гг. в факсимильном издании один к одному, образуя полное описание периода экспериментов Юнга над собой. Каждый том содержит факсимильное издание данной книги, за которым следует перевод с примечаниями. Титульные элементы, введение, примечание переводчиков, приложение с иллюстрациями и индекс также были добавлены в этот том, что позволяет сохранить последовательность нумерации.

При воспроизведении текста были упорядочены отступы абзацев. Там, где были добавлены отсутствующие вопросительные знаки, они указаны в квадратных скобках. Подчёркивания Юнга сохранены. Незразличимые буквы указаны как «хх», и зачёркнутые слова или буквы также были указаны зачёркиванием. Там, где это было возможно, частью начатое на немецком слово было заменено английским эквивалентом; иначе оно было оставлено как «хх». Разрывы от одной страницы к другой в факсимиле указаны в тексте перевода чертой / между номерами страниц в квадратных скобках, соответствующих оригинальным страницам записных книжек.

¹ Ibid., pp. 15, 252, 353, 354.

В материале с 12 ноября 1913 г. до 6 июня 1916 г., который впоследствии был помещён в *Liber Novus*, большая часть значительных изменений была указана в примечаниях, чтобы помочь сравнению. Номера страниц в *Liber Novus* были даны по A Reader's Edition. Переводы были местами пересмотрены. Переводы из *Collected Works* Юнга местами были изменены. Если не указано иначе, даты и детали о деятельности Юнга взяты из его приёмной книги и сведений в архивах семьи Юнг, принадлежащих Андреасу Юнгу и Сюзанне Эггенбергер-Юнг.

Перевод рун Юнга

Мартин Либшер, Джон Пек и Сону Шамдасани

Осенью 1917 г. душа Юнга заставляет чёрного мага Ха прочитать и объяснить серию загадочных рун, которые он прислал.¹ Последовавшие записи, которые включают в себя восемь наборов форм рун, составляют один из самых трудных разделов для перевода и потребовали постоянного тройственного сравнения между рунами, немецким текстом и английским переводом. В то же время, они могут служить шифром для сложностей перевода этой работы в целом. В ответ на просьбу души Юнга Ха берёт на себя задачу перевести руны, буквально растолковав их. Это что-то вроде учебных занятий по кодам: он даёт душе Юнга указания, как та или иная форма соответствует солнцу, крыше или наклонному проходу, или даже как следует себя чувствовать физически после прохождения по этой кривой или расщелине. Эти элементы последовательно связаны между собой, но не повествованием. Никакого скрытого смысла в них нет; обозначаемое находится внутри знака, семантика находится в синтаксисе, тогда как настоятельность гида, хоть и очевидная, никак не указывает ни на что иное. Задолго до Маршалла Маклюэна посредник и был посланием.

Терпеливые, полностью сконцентрированные на положении дел наставления Ха обращены не столько к смыслу знаков, сколько к йоге, соответствующей формам рун. Среди них появляется змея, палки со схематическими головками и скромное солнце; тут правят бал не северные и германские руны, не египетские иероглифы, а что-то иное. Этому языку никогда не учили раньше, даже в первые четыре года эксперимента Юнга. Однако, теперь он появился, трансмодальный, квазипиктографический и, по обозначению самого Юнга, рунический.

Сами высказывания Ха не трудны; трудность лежит в постижении того, что на самом деле происходит. Повсеместно чувствуется настойчивость Ха, чтобы эти посетители смогли усвоить смысл, частью отражённый в этих рунах, но также действующий среди небольшой группы магов — его самого и Филемона, и Ка, связывающего их как душа Ха и тень Филемона. Сами восприятия, с которыми мы имеем дело, формируют гибридные категории: Ка, будучи тенью Филемона, появляется отдельно от его отношений с Ха, чёрным магом. Но, конечно, это помогает

¹ Книга 7.

выразить понимание персонажа Филемона. Так что мы учимся понимать персонажа на конкретном психическом фоне, в данном случае действующие лица Юнга являются ему как реальные факторы — так убеждал его ранее Илия, что они «реальны, а не символы»¹ — и как космос, который зарождается между вершинами мирозозидающих конусов — так написано в рунах.² Хотя сам Юнг старается следить за всем этим, тем не менее его впечатления от показанного, первый взгляд на беседу или столкновение с каким-то сбивающим с толку фактом часто превосходит способность к усвоению.

В письмах, датированных 13 сентября и 10 октября 1917 г. Юнг писал Сабине Шпильрейн, комментируя значение некоторых иероглифов во сне, который она ему отправила: «Ваши иероглифы — это филогенетические энграммы исторической символической природы».³ Упоминая презрение, с которыми фрейдисты встретили *Трансформации и символы либидо*, он описывал себя как «цепляющегося за руны», которые он не передаст тем, кто их не поймёт.

Сталкиваясь с фрейдистскими возражениями на свои взгляды о таких опосредующих символах, он указывает на цену, которую приходится платить за этот урожай: это рана, «нанесённая самому себе» (или принятая глубоко к сердцу: в сущности, то же самое). Наше размышление о переводе *Чёрных книг* приходит к такому жертвенному повороту, когда намерение выносить своё страдание становится задачей и таинством.

Кэри Бейнс рассказывает, что Юнг в 1922 г. обращался к образу рун, обозначающих *pars pro toto* многое из того, что он пытался понять и передать через своё столкновение с глубинами: «Многое из вашего материала, по вашим словам, пришло в виде рун, и объяснение этих рун звучит как сущая бессмыслица, но это не имеет значения, если конечный результат имеет смысл».⁴ Смысл был новой герменевтикой, которую, в конечном счёте, породили руны.

Скептик насмехается над рунами, возражая, что любые проекции на такие символы абсолютно произвольны. Но многие действительно напоминают некоторые телесные позы или положения, которые можно описать как форму рунической йоги. Однако, можно предполагать, что уважение Юнга к их формам поддерживается хотя бы тем фактом, что миф об их происхождении вследствие жертвоприношения Вотана самому себе превращает их в *donum dei* [Божий дар — лат.], появляющийся в его активном воображении вместе с Ха. Перевод с первичного рунического слоя придаёт вес этим знакам как основе человеческой психики.

¹ Книга 2.

² См. Книгу 7.

³ «The Letters of Jung to Sabina Spielrein», *Journal of Analytic Psychology* 43 (2001), 186.

⁴ Цит. в *LN*, р. 66.

Руническая йога в этом свете появляется из *Чёрных книг* как средство разобратся в таких автономных творческих психических событиях. Эти события трудно понять, но тяжесть непонимания ещё больше. Символ в рунической йоге почти такой же, как то, что он изображает, поскольку он понимается как мимикрия верной установки на уровнях духа и инстинкта, которые оба укоренены в архаичном.

Китайские идеограммы Эзры Паунда связаны с рунами Юнга лишь мимо-лётно, как находящиеся на разных берегах широкого, быстрого потока; магико-руническому диалекту Юнга нет места среди живых. Чёрный жезл мага становится юнговским жезлом Гермеса, помогающим идти по жизни, избавленной от избавителей, или спасённой от спасения; знаки, в отличие от «твёрдой буквы» «Патмоса» Гельдерлина, очень близкого сердцу Юнга стихотворения, приносят с собой свою тёмную почву.

Как переводчики этой работы, мы постоянно обнаруживали, что не можем ограничиваться текстом и должны постигать упоминаемое как *измерение*. В этом смысле мы отвергли «Il n'y a pas de hors-texte» Жака Деррида (нет ничего вне текста). Как можем мы притворяться, что Юнг не был вынужден постоянно бросаться в визионерское воображение, а его язык не менялся под воздействием обстоятельств? Если ему постоянно приходилось протыкать герменевтический круг, как мы, его переводчики, могли не оставить следов общения между его «я», душой и многочисленными обитателями глубин? Неким повторяющимся актом воображения мы должны были постоянно пытаться войти в имажинальный мир Юнга, чтобы представить, что там происходило, и держать в уме его текущий момент как некое третье пространство между немецким и английским. От нашего сотрудничества требовалось настроиться на сумеречный мир воображения Юнга, а потом попытаться понять, как вернуться в мир современного английского, чтобы верно передать и текст, и его колеблющийся *hors-texte*.

Перевод — это всегда перенесение смысла в другое место таким образом, чтобы сохранить его неизменным и передать иначе (латинское *translatio*, перенос чего-то в другое место). Если достаточно погрузиться в текст, мы обнаружим, что попадаем *туда*, оставаясь *здесь*, перефразируя остроу Гертруды Стайн, *здесь* оказывается «здесь» не только потому, что проявляется тут. Это появление пере-несённого или пере-носа, которое обычно заявляется признанным или официальным переводом, может быть психологическим достижением, стоящим за появлением в древне-скандинавском (первом среди западно-европейских языков) «я»-формы речи около 400 г.н.э. Она развилась не сокращением окончаний слов и сдвигом личного элемента вперёд, как в латинском и греческом, а через введение отдельного местоимения. Оценка психологического значения этой лингвистической перемены означает взвешивание сдвигов в перспективе, а также доступ к истинной сущности. Австрийский интеллектуал-беженец Франц Боркенау приписывал этот сдвиг со-

четанию изначального инстинкта и интеллектуальных усилий.¹ Однако, сам сдвиг, произошедший в других североевропейских языках, сделал все эти языки глубоко психологическими, также впервые переместив говорящих на них в первое лицо единственного числа. Так чем же психология Юнга в период своего первоначально-го развития в *Чёрных книгах* с его оглядыванием на гностический александрийский греческий и латинский, а также древнескандинавский, руны и магию, была обязана этой тонкой трансформации в самом немецком языке?

Что до работы переводчиков, то вам приходится жертвовать собой ради голоса и сущности других людей, даже если они мертвы, не потому, что вы не можете писать, а потому, что вы можете чувствовать дух их усилий и тянуться к нему, отдавая собственную кровь, проводя своё жертвоприношение. В важнейшем эксперименте Юнга мы заметили, как его беспокоила возможность, что всё будет впустую; что работа с его собеседниками непредсказуема и неприятна, но потом внезапно невероятно осмысленна, и именно эти пропорции придают такой работе ту действенность, которая позволила Юнгу достичь того, что он никогда не смог бы сделать один. В конце концов, переводить нужно и в знак признания этой действенности, переданной мёртвыми живым.

Мы признаём за модель мифический акт: в архаическом греческом *nekiya*, жертвоприношение крови, вылитой в яму для привлечения гудящих духов мёртвых («кровь — призракам», как говорил Паунд по-своему используя гомеровскую практику). Попасть в эту область значит с осторожностью и обнажённой *поднять и понести*, а также попасть под влияние Юнга. Наша восприимчивость была затронута в поразительной для посторонних, степени. В начале всего предприятия один из нас записал в дневнике:

Сегодняшнее ощущение от работы всё ещё бродит по венам. Медиумистическое чувство. Отдаю себя ему, свой голос, свою способность говорить. Голос мёртвых, голос теней. Присутствие, которое окажется перед публикой через посредство моего пера, моего языка. Так говорите же, мёртвые! Примите моё возлияние. Заговорите вновь!

Это подчёркивает уравновешенность, которая требуется для работы с шелестящими тенями. Они *являются*? Тогда и вы должны *явиться*. Они *отвечают на кровь*? Тогда вы должны не только с самого начала отдать кровь, но и *нести ответственность* за то, что услышите. В конце концов, это лишь подсвеченный прожекторами, более ответственный взаимообмен, нежели те, в которые мы вступаем большую

¹ Franz Borkenau, *End and Beginning: On the Generations of Cultures and the Origins of the West*, ed. with and introduction by Richard Loewenthal (New York: Columbia University Press, 1981), Pt II: Contributions to the Origin of the West, Linguistic Prelude.

часть времени. Перевод всё равно требует крови. Жертвоприношение, следовательно, питает это озарение, как никакое другое. Один из нашей тройки по завершении перевода вспомнил поразительно уместный отрывок из Ницше: «Из всего написанного я люблю только то, что пишется собственной кровью. Пиши кровью: и ты узнаешь, что кровь есть дух».¹

В процессе практики мы довольно быстро пришли к следующим рабочим принципам: 1) Сглаживать насколько возможно меньше; сохранять очертания рассуждения. 2) Ничего не добавлять, ничего не убирать. 3) Когда поднять и нести не удаётся, оставить знаки другим путешественникам. 4) Класть то, что мы понесли, как только услышим, что гудение прекратилось (корневой смысл слова *руна* — это некий сильный звук или белый шум).

Стивен Маккенна по завершении вычиток перевода Плотина писал своему покровителю: «Он будет заслуживать доверия, но нельзя скрыть тот факт, что вполне можно потратить ещё несколько десятилетий на доведение его до настоящего блеска».² Спустя десять лет после перевода *Liber Novus*, перевод первой части этой работы, включающей записи с осени 1913 по лето 1916 г., предоставил двоим из нас удачную возможность продолжить доводить до блеска работу, проделанную вместе с Марком Кибурцем (за чьи усилия мы крайне благодарны) над *Liber Novus*. Совершенствование продолжалось, пока мы возвращали текст к прежнему слою, до литературной переработки, проделанной самим Юнгом. В этом и в переводе материала после 1916 г. нам помог Мартин Либшер свежей парой глаз и лингвистическими навыками. Для всех троих этот труд стал требующим усилий удовольствием и удачной возможностью для обучения. Настало время выпустить переведённые руны, за которые, в свою очередь, цеплялись уже мы. Заслуживает ли доверия результат, судить не нам.

¹ Фридрих Ницше, *Так говорил Заратустра*, «О чтении и писании» [эд. в пер. В. В. Рынкевича — прим. персв.].

² Stephen McKenna, *Journals and Letters*, ed. E. R. Dodds (London: Constable, 1936), p. 80.

Сокращения

CFB: бумаги Кэри Бейнс, Современные медицинские архивы библиотеки Веллком в Лондоне.

CLM: Медицинская библиотека Каунтвей Гарвардской медицинской школы в Бостоне.

CW: *The Collected Works of C. G. Jung*, ed. Sir Herbert Read, Michael Fordham, Gerhard Adler, William McGuire, executive editor; tr. R.F.C. Hull (Princeton: Princeton University Press, Bollingen Series, 1953–1983), 21 vols.

Introduction to Jungian Psychology: C.G. Jung, Introduction to Jungian Psychology: Notes of the Seminar on Analytical Psychology Given in 1925, rev. ed. Sonu Shamdasani; original ed. William McGuire (Princeton: Princeton University Press, Philemon Series, 2012).

JA: Собрание К. Г. Юнга, собрание истории науки в архиве Швейцарского федерального института технологий в Цюрихе.

JFA: архивы семью Юнг.

Letters: *C.G. Jung Letters*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffe, tr. R.F.C. Hull (Princeton: Princeton University Press, Bollingen Series, 1973, 1975), 2 vols.

LN: *C. G. Jung, The Red Book. Liber Novus. A Reader's Edition*, ed. Sonu Shamdasani; tr. Mark Kyburz, John Peck, and Sonu Shamdasani (New York and Zürich: W. W. Norton and the Foundation of the Works of C. G. Jung, Philemon Series, 2012).

Memories: *C. G. Jung and Aniela Jaffe, Memories, Dreams, Reflections*, tr. Richard and Clara Winston (London: Flamingo, 1962–1983).

MAP: Протоколы Ассоциации аналитической психологии, Психологический клуб, Цюрих; оригинал на немецком.

MP: *The Original Protocols for Memories, Dreams, Reflections, C. G. Jung and Aniela Jaffe*, ed. Sonu Shamdasani (Princeton: Princeton University Press, Philemon Series, готовится к публикации).

MZS: Протоколы Цюрихского психоаналитического общества, Психологический клуб, Цюрих, оригинал на немецком.

VS: *C. G. Jung, Visions: Notes of the Seminar Given in 1930–1934*, ed. Claire Douglas (Princeton: Princeton University Press, Bollingen Series, 1997).

ZS: *C. G. Jung, Nietzsche's Zarathustra: Notes of the Seminar Given in 1934–49*, vol. 2, ed. James Jarrett (Princeton: Princeton University Press, Bollingen Series, 1988).

Книга 2

12 ноября — 29 декабря 1913 года

[4]

Огромная задача лежит передо мной — я видел её безмерность — а её значение и смысл от меня ускользнули. Я вошёл во тьму и шёл наощупь. Этот путь вёл внутрь и вниз. [4/5]

12 нояб. 1913

¹«Душа моя, душа моя, где ты? Слышишь ли ты меня? Я говорю, я зову тебя — ты здесь? Я вернулся, вот я. Я отряс пыль всех земель с ног моих и снова вернулся к тебе. Я с тобой. После долгих лет скитаний я вновь вернулся. Рассказать тебе обо всём, что я видел, испытал и испил? Или ты не хочешь слышать о шуме жизни и мира? Но ты должна знать: главное, чему я научился — нужно жить эту жизнь. Эта жизнь — путь, давно искомый путь к непостижимому, которое мы называем «божественным».² Нет другого пути. Все другие пути — ложные. Я нашёл верный путь, и он привёл меня к тебе, к моей душе. Я возвращаюсь закалённый и очищенный. Ты ещё помнишь меня? Как долго длилась разлука! Всё так изменилось. И как я нашёл тебя? Каким странным было моё путешествие! Какими словами мне описать тебе эти запутанные дороги, которыми счастливая звезда вела меня к тебе? [5/6]

Дай руку, моя почти забытая душа! Как тепла радость новой встречи, давно забытая, давно отвергнутая душа! Жизнь вернула назад к тебе. Спасибо жизни, которую я вёл, за все счастливые и печальные часы, за всякую радость и всякую боль,³ за всякую надежду и всякое разочарование. Всё это были остановки на пути к тебе.

Душа моя, я снова нашёл тебя, я хотел бы — нет! — я останусь с тобой.⁴ Моё путешествие должно продолжаться с тобой. Я буду странствовать с тобой и восхо-

¹ Среда, *Liber Primus*, гл. 1, «Обнаружение души» (LN, p. 127).

² В LN кавычки опущены. Это утверждение встречается несколько раз в последующих сочинениях Юнга — см., например, Jane A. Pratt, «Notes on a Talk Given by C. G. Jung: 'Is Analytical Psychology a Religion?'», *Spring: A Journal of Archetype and Culture* (1972): 148.

³ Пятница. Остаток предложения и следующее предложение не воспроизведены в LN.

⁴ Предыдущее предложение не появляется в LN.

дить к своему уединению, уже не одинокий, как раньше, жадный и нетерпеливый, но с утешительной отвагой и тихой радостью.¹

14 нояб. 13

² Я утомился, душа моя, и кладу голову тебе на плечо. Слишком долго тянулось моё блуждание, мой поиск себя за пределами самого себя. Я прошёл через многое и нашёл тебя за всей этой мешаниной. Ибо в своих блужданиях по этой мешанине³ я обнаружил [6/7] человечество и мир. Я обнаружил людей. И тебя, душа моя, я снова нашёл, сначала в образах среди людей, а затем в реальности, какой ты есть. Я нашёл тебя там, где ты, казалось, дальше всего от меня, где Бог вынудил меня вслепую сдаться и потерять себя — там ты выбралась из золотых шахт, и я снова тебя нашёл.⁴ Ты явилась ко мне заранее в сновидениях, которые оставались неясными и которые я пытался постичь своими неуклюжими способами. Ты знаешь эти сны,⁵ как мои жгли мою душу и толкали на самые отважные дела, заставляли взбираться на самые крутые вершины, да, даже подниматься над собой. Ты даёшь мне видеть истины и наслаждаться их торжественным блаженством,⁶ о которых я прежде не имел представления. Ты даёшь мне предпринимать путешествия, бесконечная протяжённость которых безнадёжно испугала бы моё сознание, если бы знание о них не хранилось в тебе. Возможно, я слишком много говорю о себе? [7/8]

Прости меня, сердце моё преисполнилось, потому, что я вернулся из далёких странствий.⁷ Я странствовал одиннадцать⁸ лет, так долго, что уже забыл, как обладал душой, которую мог назвать своей.⁹ Я принадлежал людям и вещам. Себе я не принадлежал.

Где ты была всё это время? Какое Потустороннее укрывало тебя и давало тебе прибежище, чтобы ты не умерла от голода? Как ты поживала?¹⁰ О, ты должна говорить через меня, так как моя речь и я сам — символы тебя! Как мне расшифровать

¹ Первое и последнее предложения этого абзаца отсутствуют в *LN*. Позже Юнг описал личную трансформацию в это время как пример начала второй половины жизни, которое часто отмечается возвращением к душе после достижения целей и реализации амбиций первой половины жизни (*Symbols of Transformation*, CW 5, р. xxvi); см. также «The Turning Point in Life» (1930, CW 8). Комментарий ко этой записи см. в *LN*, pp. 128ff.

² Пятница, *LN*, глава 2, «Душа и Бог».

³ В *LN* стоит «события».

⁴ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁵ Эта часть и две части предыдущего предложения не появляются в *LN*. В следующей части «моя душа» заменена на «моё сердце».

⁶ Вторая половина этого предложения не появляется в *LN*.

⁷ Последние два предложения не появляются в *LN*.

⁸ В *LN* стоит «много».

⁹ Последняя часть предложения и следующие два предложения не появляются в *LN*.

¹⁰ Предыдущее предложение и последняя часть последнего предложения не появляются в *LN*.

тебя? Кто ты, дитя?»¹ Ты, конечно, знаешь, что использовала этот образ в моих снах, образ девочки. (И я снова встретил тебя только через душу женщины.) Детское толкование мне не близко, потому что я должен высоко оценить использованный тобой образ. Как я осмелюсь гадать? Что я знаю о твоей тайне?

(Смотри, вот рана, [8/9] которая так и не зажила: моё стремление производить впечатление. Потому закрой мне рот и сохрани в себе все мои слова. Они направлены к тебе. Не думай, что я эгоистичен. Я подчиню всё внутри, чтобы предупредить тех, кого люблю, о глубинах и высотах, которые ты держишь и скрываешь в своей детской руке.)

Прости, если я говорю, как во сне, будто пьяница — но ты — Бог? Бог — это ребёнок, девочка?»² Мне следует сказать себе яснее: Он использует образ ребёнка, скрывающегося в душе каждого мужчины? Разве Гор, Тагес и Христос не были детьми?»³ Дионис и Геракл тоже были божественными детьми.⁴ Разве Христос, Бог человеческий, не называл себя сыном человеческим? В чём было его тайное намерение? Неужели имя Бога — дочь человеческая?

Прости мне болтовню. Никто [9/10] больше не слышит меня. Я говорю с тобой тихо, и ты знаешь Т, что я не пьяница, и моё сердце корёжит от боли колотой раны, тьма в которой извергает речи, полные насмешки: «Ты играешь в собственной комедии, ты лжёшь себе! Ты говорил, чтобы обмануть других и заставить их тебе поверить. Ты хочешь быть пророком и гнаться за своими замыслами».

Блажен тот, кто преодолел собственные насмешки над собой. Но ты видишь, что рана ещё кровит, и я ещё не могу притворяться, будто не слышу собственных насмешек над собой. Я приношу всё это тебе и мне, оставляю и продолжаю идти, потому что чувствую, что должен говорить с тобой от себя и через себя — с тобой.⁵

Снова и снова я думаю о тех «путях извилистых»,⁶ что вели к тебе, дитя моё.⁷ (Как странно мне называть «дитя» тебя, держащую бесконечное в своей руке.) [10/11]

¹ Остаток абзаца и следующий абзац не появляются в *LN*, где вместо них стоит «Мне неведома твоя тайна» (р. 131).

² Остаток этого абзаца не появляется в *LN*.

³ Гор, сын Исиды и Осириса, это египетский бог неба. Тагес — это этрускское божество, изображаемое как мальчик, наделённый мудростью старца.

⁴ Дионис, сын Зевса и Семелы, это греческий бог вина. Геракл, сын Зевса и смертной Алкмены, это греческий герой.

⁵ Первое предложение, первая часть второго предложения и третье предложение отсутствуют в *LN*.

⁶ Это, похоже, цитата из немецкого перевода *Исповеди* Августина, из последнего абзаца Книги 6 (*o tortuosas vias!*): «О пути извилистые! Горе дерзкой душе, которая надеялась, что, уйдя от Тебя, она найдет что-то лучшее».

⁷ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

Я думаю о том первом видении, что ты показала мне во сне, где я увидел тебя парящей. (Уже 14 лет прошло с тех пор?)¹ Как непроницаема была тьма тогда! Какими пылкими и какими эгоистичными были мои страсти, как я был тогда порабощён всеми даймонами честолюбия, желанием славы, жадностью, немилосердием и энтузиазмом! И каким я был совершенно невежественным! Жизнь оторвала меня, и я намеренно ушёл от тебя и продолжал уходить все эти годы. Но я оставался с тобой в ничтожной мере, пока любовь к женщинам окончательно не оторвала меня прочь от тебя. Я осознаю, как всё это было хорошо. Но я думал, что ты потерялась, или порой мне казалось, что потерялся я.² Но ты не потерялась, как не потерялся и я. Я продолжал идти пыльными путями дня. Ты незримо шла со мной и направляла шаг за шагом, осмысленно складывая части и давая мне [11/12] увидеть целое и окончательное в каждой части.

Ты отнимала там, где я думал удержать, и давала там, где я ничего не ожидал, снова и снова вызывая судьбу из новых и неожиданных областей. Где я сеял, ты лишала меня урожая, где я не сеял, ты давала мне плоды стократно. Снова и снова я терял путь и вновь находил там, где не мог этого предвидеть. Ты поддерживала мою веру, когда я был одинок и близок к отчаянию. В каждый решающий момент ты давала мне поверить в себя.³

15 нояб. 1913

⁴ Дитя моё, ты не Бог, как ты можешь быть Богом? Ты моя душа, и мне не дано — пока — знать, почему ты называешь себя «дитя» — и почему девочка?

Я в отчаянии — как мне с этим справиться? — как и что я должен выразить??

Душа моя, я продолжу историю, так как, похоже, это следующий шаг. [12/13] (Следует знать, как делать следующие шаги, несмотря на презрительный смех дьяволов под сердцем, этих трусливых шептунов и крошечных отравителей. Я тащу свою ношу и сам, по сути, ноша, насмешка, кнут и мучение на кресте.) Так что слу-

¹ Предыдущее предложение отсутствует в *LN*. Очевидно, это следующий сон, записанный в юношеском дневнике Юнга:

«Ночью с 11-го на 12-е сентября я внезапно проснулся после сновидения. Я будто находился в тёмном доме, где на меня смотрели разные жуткие, призрачные фантомы. Я проснулся и обнаружил, что бодрствую; я открыл глаза — полностью бодрствуя — и увидел слабо освещённую белёсую фигуру у постели. Фантом походил на фигуру прекрасной девочки лет десяти, невысокого роста. Фигура парила, так что казалось, что она в метре над полом. У ребёнка были тёмные распущенные волосы, лицо повернуто вверх и вбок, так что я не мог различить черт лица; широкое, смятое, словно из газа платье свободно облегалo её тело. Фигура осталась едва ли на несколько секунд. Затем мне показалось, что я вижу толстую старуху, затем снова, у мраморной статуи престарелого мужчину.

В тот вечер мои нервы не были перевозбуждены. Я не могу найти никаких физиологических или психологических причин.

Это видение снова явилось мне впервые за очень долгое время» (*JFA*, pp. 28–29).

² Предыдущие предложения параграфа не появляются в *LN*.

³ Комментарий Юнга к этой записи см. в *LN*, pp. 132ff.

⁴ Пятница. Первые четыре абзаца и первая часть пятого абзаца отсутствуют в *LN*.

шай, душа моя, несмотря на презрительный смех моих дьяволов, я буду продолжать говорить с тобой.

Я возвращаюсь в мыслях к 19-му году жизни, когда сон решил мой выбор карьеры: сначала я увидел в густом подлеске уединённое местечко, тихую тёмную воду, пруд, и посреди плавало самое фантастическое животное, которое можно грубо сравнить с разноцветной медузой.¹ Животное пробудило во мне высочайшее интеллектуальное любопытство, так что я проснулся с часто бьющимся сердцем. И вскоре после этого я увидел второй сон: я был в тёмном лесу и нашёл там небольшой холм вроде печи для выжигания угля.² Я потыкал в него ногой и с удивлением обнаружил кости доисторических животных, которые тоже разожгли во мне величайшее любопытство. Эти сны подтолкнули меня [13/14] к исследованию естественных наук, и так я пришёл к медицине.³

Зачем мне рассказывать тебе это, душа моя? Зачем ты приковала меня к этой книге? И почему ты так настойчиво направляешь мою руку, словно ей предстоит долгий путь, и нужно спешить, чтобы пройти его? Зачем всё это? Прости этот шум насмешки, возникающий во мне. Я верю, что всё это не впустую и не превратится в пустую агонию. Ни тщета, ни жажда славы, ни какое-то бессмысленное стремление не смогут привести меня к этому туда.⁴ Но ты, душа моя, хочешь, чтобы я это делал. Что за странные новые вещи происходят со мной? Я слишком хорошо понимаю, по каким качающимся мостам иду. Однако, я следую твоему указанию, я иду — куда, куда ты ведёшь? Прости мне человеческое опасение от переполненности знанием до краёв. Нога моя колеблется следовать за тобой. В какой туман и тьму ведёт твой путь? Мне следует также научиться справляться без смысла? Если ты [14/15] требуешь этого, то пусть так и будет. Это твой час. Что там, где нет смысла? Только бессмыслица, или безумие, как мне кажется. Или есть там и высший смысл? Это твой смысл, душа моя? Смотри, как я ковыляю за тобой на костылях понимания. Прости меня, свет мой. Я человек, а ты скачешь, как Бог.

Какая мука! Я должен вернуться к себе, к своим малейшим вещам. Я хочу быть осторожным и сказать: я научился видеть другие вещи большими и сравнил их с вещами в своей душе, обнаружив, что они малы, даже прискорбно малы.⁵ Ты заставляешь меня видеть их большими, сделать их большими. В этом твоя цель?

¹ В описании этого сна в *Memories* Юнг отметил: «Это была гигантская радиолярия, размером чуть больше метра. Мне казалось неопишимо прекрасным, что это чудесное создание лежит спокойно в скрытом месте, в ясной, глубокой воде» (р. 105).

² В описании этого сна в *Memories* Юнг отмечал, что лес тянулся вдоль Рейна, холм напоминал погребальный, и он начал в нём копать (р. 104).

³ В *Memories* порядок сновидений был обратный.

⁴ В *Liber Primus* гл. 3, «О служении душе» начинается здесь со строк: «На следующую ночь я должен был записывать все сны, которые мог верно вспомнить. Смысл этого действия был для меня неясен. Зачем всё это? Прости возникающий во мне протест» (*LN*, р. 137). Это, похоже, указание на важные сны, которые Юнг записал здесь, но не воспроизвёл в *LN*.

⁵ В *LN* вместо этого предложения стоит: «Я видел, что вещи в моей душе малы, прискорбно малы» (р. 138).

Я подчиняюсь, но это ужасает меня — это не скука или утомление, как я думал ~~до того~~ в успокоительной манере.¹

Прости моё беспрестанное сомнение в этот час, выбранный тобой, как святой час.² Я нарушаю твой божественный мир,³ но услышь мои сомнения, иначе я не могу поспевать за тобой, ведь твой смысл — это высший смысл, а твои шаги — шаги Бога. [15/16] ~~Даже не~~ Моё перо течёт говорит ~~даже не~~ моим языком. О, если бы я знал, чего ты хочешь! Но и думать мне не следует.⁴ Даже мысли, как я понимаю её, не может быть места? Ты этого хочешь? Я должен полностью отдаться в твои руки — но кто ты? Видишь ли, я тебе не доверяю — ни в коем случае не доверяю — это моя любовь к тебе, моя радость в тебе? Разве так привечают друга?⁵ Разве я не доверяю всякому отважному мужчине, всякой достойной женщине и тебе, моя душа?

Тяжела твоя рука на мне — но я готов — я готов. Разве я не старался, как мог, любить людей и доверять им, и разве не следует мне поступать так же с тобой, моя душа или, скорее, душа, которой я принадлежу?⁶

Видишь ли, я вижу, как ты ведёшь меня. Я признаю твоё мудрое наставление. Ты убеждаешь меня, и я следую за тобой. (Куда? — вопит что-то во мне. Замолчи и не говори не слова, потому что я разговариваю с душой.)⁷ [16/17] Забудь, моя душа, мои жалкие колебания, моё переменчивое и ничтожное сомнение.⁸ Я знаю, как низко сомневаться в тебе. Я лишь человек, и ты знаешь, как трудно человеку отбросить гордость нищего, которую он принимает за собственные мысли.

⁹ Не возражая с этих пор, я продолжу рассказывать тебе, как заметил женщину три года назад, душа которой показалась мне более ценной, чем моя тревога за брак.¹⁰ Я победил свой страх из любви к ней. Но ты хотела, чтобы это было так, и послала сон, который помог принять решение. Мне приснилось тогда (это было вскоре после Рождества 1912 г.), что я сидел с детьми в чудесном и богато украшенном башенном чертоге — открытый зал с колоннами — и мы сидели за круглым столом, покрытым изумительным тёмно-зелёным камнем. Внезапно чайка или голубка влетела в окно и легко села на стол. Я предостерёг детей сидеть тихо, чтобы они не спугнули прекрасную белую птицу. [17/18] Внезапно, эта птичка превратилась в ребёнка восьми лет, светловолосую девочку, и начала бегать, играя с моими детьми среди чудесных колоннад. Затем ребёнок внезапно превратился в чайку или голубку. Она

¹ Последняя половина этого предложения не появляется в *LN*.

² Это предложение не появляется в *LN*.

³ Эта часть предложения не появляется в *LN*.

⁴ Предыдущие две строки и предыдущий абзац не появляются в *LN*.

⁵ Это предложение не появляется в *LN*.

⁶ Это последняя часть предложения была заменена в *LN* так: «разве не следует мне поступать с тобой так же?» (р. 138).

⁷ Предыдущие предложения абзаца не появляются в *LN*.

⁸ «моя душа ... ничтожное сомнение» было заменено в *LN* на «моё сомнение» (р. 138).

⁹ Следующие четыре абзаца не появляются в *LN*.

¹⁰ Тони Вульф. См. предисловие.

сказала мне следующее: «Только в первый час ночи я могу стать человеком, пока голубь занят двенадцатью мертвецами». С этими словами птица улетела, а я проснулся. Решение было принято. Я должен был полностью довериться этой женщине.

Ты знаешь, душа моя, какое благословение снизошло через это на меня, мою жену и дом. Я не могу выразить словами, какое процветание и красоту это мне принесло. Я не хочу говорить о мучениях, которые заслуженно вынес — всё это больше, чем контраст между изобилием красоты [18/19] и воодушевлением, которые мне было позволено испытать.

Этот сон всё ещё стоит передо мной, и моего понимания недостаёт, чтобы его исчерпать. ~~Каждый~~ Та речь голубки — это она значила? «Ранние часы ночи», похоже, твои часы, душа моя; но кто голубь, кто эти двенадцать мертвецов? И что голубь делает в мире мёртвых?¹

Подожди, это мучение, это невыносимое непонимание, это копание в непонятых вещах, в самом субъективном. Какой в этом смысл? Разве я не обсуждал этот сон с друзьями? Зачем рассказывать его тебе ещё раз?

Прости, я забыл, что ты тоже из моих друзей,² и имеешь право на этот сон, на моё доверие. Разве то, что я даю им, не должно принадлежать тебе? Я признаю свою несправедливость. Мне кажется, что я относился к тебе с презрением. Я с горем признаю, как мало любил тебя.³ Моя радость от новой встречи не была оправдана, [19/20] потому что была не настоящей. Я признаю, что презрительный смех во мне тоже был прав. Мои чувства не были подлинными, потому что я не любил тебя по-настоящему.⁴ Потому мне нужно научиться любить тебя.

Ты постепенно открываешь мне глаза. Я должен поблагодарить тебя, душа моя. Твоя рука тяжела, но справедлива.

Я надеюсь или, даже больше: я начинаю надеяться на искупление.

Вот, кто-то стоит подле и шепчет ужасные вещи мне на ухо: «Ты пишешь, чтобы напечатать и распространить среди людей. Ты хочешь вызвать переполох необычностью. У Ницше это удалось получше, чем у тебя. Ты подражаешь св. Августину».⁵

Ты слышишь, душа моя, эту проклятую речь, и видишь мою беспомощность перед моим негодующим оружием — это Горе, даже самокритика, трижды славное исцеление, да следует ли мне вообще от него избавляться?⁶

¹ О том, как Юнг впоследствии понял этот сон, см. предисловие.

² Остаток предложения не появляется в *LN*.

³ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁴ Это предложение не появляется в *LN*.

⁵ Речь идёт о *Заратустре* Ницше и *Исповеди* Августина (400 в.н.э.), религиозном труде, написанном, когда ему было сорок пять, где он повествует о своём обращении в христианство в автобиографической форме. *Исповеди* обращены к Богу и пересказывают годы блужданий Августина вдали от Бога и о том, как он вернулся. Повторяя, за ним, Юнг во вступительных разделах обращается к душе и пересказывает годы блужданий вдали от неё и говорит о том, как вернулся. В опубликованных работах Юнг часто цитировал Августина, несколько раз обращаясь к *Исповедям* в *Трансформациях и символах Либидо*.

⁶ Предыдущие четыре абзаца не появляются в *LN*.

«Этот страх», — говоришь ты, — «свидетельствует против меня». Это правда, он свидетельствует против тебя и меня. Он убивает святое доверие [20/21] между нами.¹ Как и почему меня должно беспокоить, если кто-то говорит такое, не будь во мне порочного тщеславия, которое я ставлю выше тебя, моя ~~тв~~ душа, которое для значит больше, чем беседа с тобой. Зачем мне вообще скрывать от тебя это сомнение? Я предоставляю тебе решать. Если это хорошо и так хочешь ты, то это пристойно мужчинам в такой или любой другой форме. Если это твоя, не наша воля, то это следует хранить в тайне. Что я знаю? Я понимаю, какое это невыразимое ребячество — стремительно нестись вперёд и нахально торговать товаром, который я не создавал, который даже не был создан и, если уж на то пошло, вообще не может быть создан, если его не предоставишь ты, моя душа. Ты могла бы закрыть свои двери прямо сегодня, и я бы сидел у твоих дверей, как нищий.

Однако, эта мысль меня задевает, мне кажется, что твоя стрела попала прямо в цель. Я вложу это сомнение в твои руки. Ты лучше знаешь, что с ним делать.

[21/22] Ты безмолвствуешь, моя душа? Я не хочу вынуждать тебя и самоуверенно настаивать. Ты хочешь отойти? Увы, в какие бездны тайны ты спускаешься? Я слежу за тобой, и вот ты исчезаешь.

Ты говорила со мной, хорошо со мной обращалась, но теперь ты молчишь. Я терпеливо кладу перо. Что ещё мне делать?

¹ Остаток записи не воспроизводится в *LN*. Комментарий Юнга см. в *LN*, pp. 139—40.

22 нояб. 1913¹

Душа моя, настала ночь. Я зову тебя.

Нет ответа?

Где я стою? Какие двери откроются? «Загляни в свои бездны», — говорит голос.²

Но меня осаждает нетерпение — не зря я был вдали от своей души 11 лет. И теперь она должна быть готова ответить на мой зов! Сколько во мне всё ещё изнеженности!

¹ Суббота. *Liber Primus*, гл. 3, «О служении душе» (*LN*, р. 137). 21 ноября Юнг давал презентацию в цюрихском Психоаналитическом обществе на тему «Формулировки о психологии бессознательного». Протоколы сообщают:

«Сначала было краткое объяснение концепции либидо. Психологические явления — это проявления энергии. В психологии мы называем эту энергию либидо, и её можно грубо сравнить с волей у Шопенгауэра, платоническим эросом, *élan vital* и так далее. Либидо, не предполагающее никакого сексуального смысла, это не сила в старом смысле, а недоступная восприятию мысль, численный фактор, который нельзя приписать объективной реальности. Концепция либидо соответствует энергетическому восприятию сохранения и превращения сумм энергии, однако эквивалентные превращения не обязательно сходны по характеру, как, например, в старой химии всё было связано с одним и тем же флогистонем. Также ошибочно говорить о религии как сексуальности, поскольку сексуальные проявления заменяются религиозными.

Есть разные состояния энергии: сначала их следует рассматривать кинетически. Объект занят, и таким образом создаётся обуславливающее воздействие на субъект. Но занимающая энергия исходит из субъекта. Так внешний мир обретает большую эмоциональную ценность, как при экстраверсии, которая не то же самое, что перенос. Затем есть интроверсия, когда всем правит субъективное. Экстраверсия и интроверсия могут быть обусловленными, например, в случае обусловленной экстраверсии. Занятость внешним миром лишь временная, например, идеологическая система поддерживается реальностью, но конечная цель — интровертной природы, всё протекает *sub specie* системы. В случае обусловленной интроверсии внешний мир *доминирует*, поскольку конечная цель — экстравертной природы; вот почему, например, эмпирик доходит лишь так далеко, как позволяет опыт. Обычное состояние бодрствования — экстравертной природы, но может быть обусловленной интроверсией, чтобы обратиться к природе. Состояние сна глубоко интровертно.

Даже в случае аномальных флуктуаций энергетическое толкование не предполагает абсолютных колебаний. Где нет проявления, там следует предполагать внутренний эквивалент. В случае *dementia praecox* пациент воздвигает реальность внутри; кроме того, в случае меланхолии большую роль играет внутренний эквивалент. В случае невротика бессознательное всегда занято созданием новой формы адаптации: так тоже может быть в случае меланхолии.

Аномальная экстра- и интроверсия. В первом случае абсолютная значимость придаётся реальности через занимающую энергию, которая для субъекта утрачена. Занятость субъекта практически нулевая. Отсюда следует огромная утрата равновесия. Либидо движется в объект, что приводит к субъективизации и антропоморфизации объекта. Аномальная интроверсия заимствует занятость энергии у объекта. Поскольку современная функция реальности прекращается, запускается прежняя. Абсолютную ценность приобретает инфантилизм. В этом причина тоски по земле детства у Гельдерлина.

В случае истерии истерические симптомы следует понимать, как реактивные попытки нервной системы. Они приводят к возбуждению сочувствия, пример тому лающий кашель, чтобы заполнить внутреннюю пустоту пациента с истерией. Быть прикованным к постели симптомами равнозначно компульсивной интроверсии, то есть полезной биологической реакции. Это обусловленная интроверсия.

Напротив, *dementia praecox* связана с обусловленным переносом (экстраверсией). Негативизм ведёт к исключению обуславливающего влияния внешнего мира, система бреда служит для установления связи с реальностью.

Перенос — это невольная экстраверсия, выходящая за всякие рамки. Если она произвольна, то может вести к культурному достижению, так как намеренно превосходит сомнение. Точно так же интроверсия патологична лишь поначалу, но может быть также выражена как намеренное погружение в себя, чтобы как-то самоутвердиться. В той мере, в какой интроверсия аномальна, т.е. связана с утратой функции реальности, она всегда регрессивна, т.е. имеет историческую эквивалентность реальности, пассивного движения либидо.

Инфантильные вещи — это изначальные зародыши».

За этим последовало живое обсуждение, в котором участвовали Альфонс Медер, Франц Риклин, Александр фон Мюральт, Оскар Пфистер и Ганс Шмид.

² В *LN* это высказывание приписывается духу глубин (р. 140). Остаток записи в *LN* не воспроизводится.

Жалкий страх судьбы — будто жизнь должна расширяться во всё более могучие сферы [22/23]; но она уходит в глубины, и мои волосы седеют. Не то, чтобы я боялся бездн — или я в самом деле их боюсь?

Что ты говоришь? Твой шёпот едва различим: «Загляни в свои бездны!» Я сижу на краю глубокого зелёного колодца, прислушиваясь, полный терпения: Больше силы! Это ужасно трудно. Больше одиночества, больше глубины; вот, что нужно. Этого не достичь поспешно. Мне следовало этому научиться. «Молись своим безднам», — говорит он мне. — «Пробуди мертвецов», — продолжает он в.¹

Какая чуждая гордыня и нетерпеливость беспокоят меня? Нужно снова найти безмятежность. Боже, чего ты хочешь? Я ещё не готов. [23/24]

26 нояб. 1913 г.²

В каком я подземном мире? Он тёмн и чёрн, как смерть! Всё обманчиво. «Не дай себе отвлечься от того, что нужно сделать», — говорит голос.

А что мне нужно делать? Рассказать ещё о своих внутренних делах? Я преодолёю демона внутреннего? Это стоголавый дракон?

Я должен приказать умолкнуть всем этим голосам, которые хотят помешать мне, заградить путь болезненными насмешками. Иначе мне не пробиться. Это правда твоя твёрдая воля, душа моя? Не спрашивать, почему? Это полезно? Это ценно? Делай.

Несмотря на утомительную тяжесть сомнения, что на гору следует взобраться, несмотря на убеждение, почти убеждённость, в бесполезности этого предприятия, вера восторжествует — без тишайшего, в высшей степени тихого доказательства верности и ценности моего действия. [24/25] Моё перо приходит в ярость — всё равно. О, какое бессилие ума! Жизнь толкает меня по ту сторону критики.

Ты, душа моя, только ты знаешь, что не лицемерное восхищение собой, не гордыня толкает меня беседовать с тобой о себе. Ты хочешь этого — я не могу тебе противиться.

Потому начинаю снова говорить с тобой о вещах, о которых говорил прежде, о моих снах. (Замолчи, отвращение!)

Где-то полгода назад у меня был сон о белой птице. Мне приснилось следующее:

Я был в южном городе,³ на ведущей вверх по склону улице с узкими лестничными площадками. Стоял полдень, и солнце светило ярко. Мимо меня прошёл старый австрийский таможенный чиновник или кто-то похожий. Кто-то сказал: «Это тот, кто не может умереть». Он умер уже 30—40 лет назад, [25/26] но ещё не никак не может разложиться. Я был очень удивлён. Тут появилась поразительная фи-

¹ Эти комментарии появляются в *LN* как часть высказывания духа глубин.

² Среда. Эта запись не появляется в *LN*.

³ В *Memories* Юнг отмечал, что город «напоминал мне конкретную часть Базеля, Кёленберг... Это был Базель, но в то же время это был итальянский город, что-то вроде Бергамо» (р. 188).

гура — рыцарь мощного сложения, облачённый в желтоватую броню. Он выглядел крепким и непроницаемым, и ничто его не впечатляло. На спине у него был красный мальтийский крест. Он продолжал существовать с XII века, и каждый день между двенадцатью и часом дня шёл одним и тем же маршрутом. Никто не удивлялся этим двум явлениям, но я был крайне удивлён.

Я воздерживаюсь от толкования. Что до старого австрийца, то мне пришёл в голову Фрейд; а рыцарь — это я сам.¹

Внутри голос зовёт: «Всё это пусто и отвратительно». Я должен это вынести.

После я видел этот сон примерно полтора года назад:

Я лежу в постели с женой в комнате с открытым потолком (в Помпеях есть похожие дома без крыш).² Внезапно моя жена [26/27] вздрагивает и быстро забирается по стене, исчезая вверх. На ней длинное белое платье с таинственными знаками, вроде того, в котором сжигали на костре ведьм и еретиков. В этот момент я просыпаюсь от сильного шума за окном, словно в стекло бросали камушки. На полу скакало что-то странное, вроде большой птицы. Я поспешно зажигаю свет. За окном сияет луна, всё спокойно. И ничего внутри. Я смотрю на время: 3 часа ночи.

На следующее утро в 7 часов телеграмма о том, что внезапно и неожиданно умерла Хедвига Штурценеггер.³ Расследование показало, что она умерла ночью в 3 часа.

Зачем всё это? Я должен был терпелив. Боже мой, как трудно! Но ты хочешь, чтобы я продолжал, даже когда я слеп.

3 авг. 1913 г. во время путешествия в Англию⁴ у меня был сон:

¹ В 1925 году он дал следующее толкование сну: «Смысл сновидения заключается в принципе фигуры предка: не австрийского чиновника — очевидно, он означал фрейдистскую теорию — но другой, Крестоносец, это архетипическая фигура, христианский символ, живущий с XII столетия, символ, который сегодня уже не жив, но, с другой стороны, не вполне мёртв. Он появляется из времён Мейстера Экхарта, времён культуры Рыцарей, когда расцветало множество идей, только чтобы снова погибнуть, но теперь они оживают вновь. Однако, когда я видел этот сон, такое толкование мне было неизвестно» (*Introduction to Jungian Psychology*, p. 42). В *Memories* Юнг комментировал этот сон в контексте своих отношений с Фрейдом (pp. 186ff). Он добавил: «Истории о Граале имели для меня величайшую важность с тех пор, как я прочитал о них, впервые в пятнадцать лет. У меня было предчувствие, что за этими историями стоит великая тайна. Потому мне казалось естественным, что сон вызывал мир Рыцарей Грааля и их поиска — ведь это, в глубочайшем смысле, был мой мир, едва ли имевший что-то общее с миром Фрейда. Всё моё существо искало чего-то неизвестного, что придавало бы смысла банальности жизни» (p. 189).

² Юнг посещал Помпеи в начале марта 1913 г., путешествуя на корабле из Америки. Город оказал на него сильное впечатление, особенно фрески на Вилле Мистерий. Он вернулся со множеством почтовых открыток. В *Memories* он вспоминал плавание из Генуи в Неаполь: «Пока судно приближалось к широте Рима, я стоял у поручней. Где-то там находился Рим, всё ещё дымящийся и полный огней очаг, из которого распространились древние культуры, оплетённый корнями христианского и западного средневековья. Здесь классическая античность ещё жила в своём великолепии и беспощадности» (p. 318).

³ Хедвига Штурценеггер, в девичестве Бендель (1876—1912) была двоюродной сестрой Эммы Юнг. Она умерла от лейкемии. В *Memories* Юнг писал: «Мне снилось, что постель жены была глубокой ямой с каменными стенами. Это была могила, в ней было что-то античное. Затем я услышал глубокий вздох, словно кто-то испустил дух. Фигура, напоминающая мою жену, села в яме и полетела вверх. На ней было белое одеяние, в котором переплетались необычные чёрные символы. Сон был необычным, и я тут же подумал, что он может означать смерть. В семь утра пришли новости, что в три часа утра умерла двоюродная сестра жены» (p. 332).

⁴ Юнг дал два выступления в Лондоне на тему «Психоанализ» в Психо-медицинском обществе 5 августа 1913 г. (CW 4) и на 17-м Международном медицинском конгрессе (6—12 августа).

Я сижу напротив престарелой дамы [27/28] и восхищаюсь, как быстро она поняла анализ; внезапно появляется небольшая детская рука, поворачивает мою голову, и я вижу светловолосую девочку с невыразимой радостью, она целует меня, и я просыпаюсь со слезами волнения.

Этот сон придал мне уверенность на всё время пребывания в Лондоне (конгресс).

Три недели назад у меня был длинный сон:

Средневековье: я вместе с крестьянами, которые хотят ограбить монастырь. С наступлением ночи монастырь нужно было разграбить. Мы прячемся в тени стены. Но вожак, плохой парень, пугается и удаляется со своей бандой, а я остаюсь.

фрагментарная интермедия:

Моя тёща¹ привезла домой интересную книгу из Мюнхена под названием: Распространение буддизма в Англии. Там показано, что по всей Англии угрожающе распространяются буддистские монастыри.² [29/29]

В ней есть изображения монастырей в средневековой форме, окружённых двумя валами, с большими пушками. В книге содержатся тексты, переведённые с санскрита. Дядя и тётя Бендель (величайшие фарисеи!) читали её.³ Она не поняла выражение «masturbationis causa», дядя её объяснил.

Меня очень интересует эта книга.

Монастырь был уничтожен давным-давно. Среди руин растёт трава. Я сижу у заброшенного колодца во дворе. Из колодца растёт дерево с тремя стволами, дающее приятную зелёную тень. Я смотрю вниз и вспоминаю монахов, и мне кажется, что они точно так же сидели на этом месте. В глубинах колодца я различаю утончённые проволочные сетки, каждая из которых представляет собой подземный этаж, где ходили монахи. На самой верхней сетке лежат небольшие красные шарики размером с фасолину. Они падают в глубины и застревают в разных сетках. Так медитирующий вверху монах может указать наблюдателям внизу, какие [29/30] у него

¹ У Берты Раушенбах-Шенк (1856—1932) были разнообразные увлечения. Она постоянно проводила музыкальные выступления и поэтические чтения. У неё было много технических книг, и она интересовалась астрономией. Она обсуждала с внуками химию, физику и технологию.

² Была работа с похожим названием Heinrich Hackmann, *Buddhism as a Religion: Its Historical Development and Its Present Conditions* (London: W. C. Probsthain, 1910).

³ Профессор Генрих Бендель (1845—1931) и Анна Барбара Бендель-Раушенбах (1853—1924) были родителями Хедвиги Штурценеггер-Бендель. Бендель был специалистом по древним языкам в Сент-Галлене. Бендель-Раушенбах хорошо разбиралась в музыке и литературе и много работала.

мысли. Монастырь снова существует. Я в прошлом. Мощный коридор. Я вижу мирян, крепких мужчин в разных костюмах (меха, белые складчатые одежды, средневековые и древние). Затем я в трапезной, в зале размером с церковь, с 3 мощными сводчатыми окнами, в стиле Возрождения, с серыми мраморными колоннами, всё прочное, прекрасное и широкое. Крепко сбитый стол под окнами. Аббат сидит посередине, погружённый в мысли, с растрёпанными волосами (идеи: безумный, Дионис). Недалеко от него сидит кто-то с женским лицом. Яркие группы молодых людей с прекрасными, одухотворёнными глазами.

Я выхожу и внезапно передо мной оказывается старый друг по колледжу (неустойчивый, незначительный человек, болтун). Я спрашиваю его: «Ты ещё помнишь, как мы вместе были в монастыре Эшенбах 90 лет назад?» [30/31] Это был мужской или женский монастырь?» Он говорит с заметной улыбкой: «Конечно, женский».

После пробуждения я думал: мужской монастырь. С тех пор много новых мыслей о новых формах общества.

28 нояб. 1913²

С внутренним сопротивлением я подхожу к этой книге. Я постоянно обесцениваю её, и всё же что-то заставляет меня погрузиться в неё, а, по сути, в самого себя. Почему? Она хочет следовать этим путём. Странно —³

Душа ведёт меня в пустыню — в пустыню самого себя. Я не думал, что моя душа — это пустыня, но, похоже, это так — бесплодная, жаркая пустыня, пыльная и без капли воды. Путешествие ведёт через горячий песок, это медленное блуждание без всякой видимой цели. Похоже, [31/32] так должно быть. В прежние времена я бы восстал против таких мыслей, но с тех пор, как узнал, что ты, моя душа, всегда знаешь лучше, я следую за тобой.⁴

Как мрачна эта раскалённая пустошь. Мне кажется, что путь уводит так далеко от человечества. Я не осмеливаюсь спросить, куда. Всё равно это бесполезно. Зачем смотреть вперёд? Я всё равно ничего не различу. Я видел лишь печальное и уродливое, но ко мне пришло прекрасное. Зачем мне скорбеть об этом?⁵ Я иду шаг за шагом, не зная, сколько продлится моё путешествие.

¹ Монастырь Эшенбах — это женский цистерцианский монастырь, основанный в 1285 г. (см. <http://www.kloster-eschenbach.ch>).

² Пятница, *Liber Primus*, гл. 4, «Пустыня» (LN, p. 141).

³ Это предложение не появляется в LN.

⁴ Это предложение не появляется в LN.

⁵ Предыдущие семь строк не появляются в LN.

Почему внутри меня пустыня? Эта мысль мне никогда не приходила.¹ Неужели я прожил слишком много вне себя среди людей и событий? Похоже, что так.² Так почему я избегаю себя? Разве я себе не дорог?

Какой обман! Я [32/33] избегал себя, нет, на самом деле, своей самости, места моей души, где она обитала и жила. Я никогда не возвращался сюда, разве что в сновидении.³ Я был своими мыслями, когда не был событиями и другими людьми. Но не был собой, сталкиваясь со своими мыслями. Я ещё был своими мыслями, тогда как должен даже подняться над ними к самому себе, к месту моей души. И эта моя самость — пустыня, обезвоженная и неухоженная.⁴ Моё путешествие ведёт сюда, и поэтому, похоже, уводит от людей и событий в одиночество с собой.

Быть наедине с собой — это одиночество? Одиночество истинно, только когда самость — это пустыня. Я слышу слова: «Отшельник в собственной пустыне». Мне приходят на ум сирийские монахи. Мой сон?⁵

Мне следует сделать из пустыни сад? Мне нужно населить заброшенную землю⁶ [33/34] и сделать её обитаемой, потому что все обитаемые земли заполнены людьми и захвачены шумом жизни? Мне нужно разбить просторный волшебный сад в пустыне⁷ для всех тех, кто хочет сбежать от суеты внешней жизни? Я озадачен. Что ведёт меня в пустыню, и, что мне здесь делать?

Я играю с самим собой в прятки? Я не хочу этого видеть? Разве есть обман, с которым не справятся мои мысли? Только жизнь истинна. И только жизнь ведёт меня в пустыню, не моё мышление, которое хотело бы вернуться к мыслям, к людям и событиям, поскольку в пустыне ему жутко.

Я спрашиваю тебя, душа моя, жизнь моя, что мне здесь делать?

Я слышу жестокое слово: «Жди».⁸ Это самое ужасное адское наказание дьявола, он даёт людям ждать. Мучение присуще пустыне — я в самом деле знаю это, но не [34/35] хотел знать. В пустыне — ожидая — ~~хх~~ и ради чего?

Пустота окружает меня, без отзвука, но есть предчувствие событий, скопившихся за далёким горизонтом, иногда вызывая фата-моргану.⁹ Но реальность такова: ожидание.

¹ Эта строка не появляется в *LN*.

² Эта строка не появляется в *LN*.

³ Предыдущие три предложения были заменены в *LN* на: «Но я избегал места моей души» (р. 141).

⁴ Это предложение не появляется в *LN*.

⁵ Последние три строки не появляются в *LN*.

⁶ Остаток этого предложения не появляется в *LN*.

⁷ Остаток предложения и следующие четыре строки не появляются в *LN*.

⁸ Остаток записи не появляется в *LN*. Комментарий Юнга см. в *LN*, р. 142 (начиная с «Отдав моей душе...»).

⁹ Фата-моргана — это мираж над горизонтом. Назван в честь ведьмы Морган Ле Фей из артуровского цикла, поскольку иллюзия якобы вызывается её колдовством, чтобы заманить моряков на их погибель.

В пустыне я думаю о христианстве.¹ Эти древние физически уходили в пустыню. Они тоже уходили в пустыню своей самости.² Или их самость не была такой бесплодной и заброшенной, как моя? Здесь они боролись с дьяволом. Я борюсь с ожиданием. Мне кажется, это не легче, поскольку тут поистине раскалённый ад.

Я устал, выпусти меня!

11 дек. 1913²

После тяжёлой борьбы я подошёл чуть ближе к тебе. Как тяжела была эта борьба! Я попал в заросли сомнения, смятения и насмешки.³ Только любовь к тем, кому я отдал свою любовь [35/36] спасла меня от тьмы. Никакая вера не помогает, не помогают и догмы, только живая вещь, ~~любовная связь~~ любовь тех, кому мы отдали свою любовь.

В этой борьбе я получил озарение. Я должен быть наедине с тем, что казалось мне самым ценным, моим духом, и должен отдать человеку, людям, то, что казалось самым дешёвым во мне. Этот любопытный переворот для меня нов. Но эта необходимость сама навязывается мне.

Я прихожу к тебе с пустыми руками, душа моя. Что ты хочешь услышать?⁴

«Если ты приходишь к другу, разве ты приходишь, чтобы получить?»

Я знал, что так не должно быть. Но мне кажется, что я беден и пуст, и я хотел бы сидеть подле тебя и, по крайней мере, чувствовать дыхание твоего оживляющего присутствия. Мой путь — это горячий песок. Весь день — песчаный путь. Моё терпение иногда слабеет, и ты знаешь, что однажды я пришёл в отчаяние от самого себя.

⁵ «Ты говоришь со мной, словно ты [36/37] ребёнок, жалующийся матери. Я не твоя мать».

Я не хочу жаловаться, но дай мне сказать тебе, что я прошёл долгую и пыльную дорогу. Ты для меня как тенистое дерево в сухой пустыне. Я бы хотел насладиться твоей тенью.

⁶ «Ты ищешь удовольствия. Где твоё терпение? Твоё время ещё не вышло. Разве ты забыл, зачем отправился в пустыню?»

Моя вера слаба, я ослеп от мерцающего сияния солнца пустыни. Жара наваливается свинцом. Жажда мучает меня. Я не осмеливаюсь думать, как бесконечно долг мой путь — и, прежде всего, не вижу ничего впереди.

¹ Христос был искушаем дьяволом в пустыне сорок дней (Лк. 4:1–13).

² Четверг. *Liber Primus*: «Переживания в пустыне» (LN, p. 143).

³ Следующая строка и следующие два абзаца были заменены в LN на: «Я признаю, что должен быть наедине с душой» (p. 143).

⁴ В LN Юнг добавил: «Но душа обратилась ко мне и сказала» (p. 143).

⁵ В LN Юнг добавил: «Душа ответила и сказала» (p. 144).

⁶ В LN Юнг добавил: «Но душа ответила» (p. 144).

¹ «Ты говоришь так, будто всё ещё ничему не научился. Разве ты не можешь подождать? Всё должно падать тебе в руки созревшим и законченным? Ты полон, да, ты изобикуешь намерениями и желаниями! Разве ты ещё не знаешь, что путь к истине [37/38] открыт только людям без намерений? Разве ты ещё не знаешь, что завершение приходит только к тому, кто не желает, к тому, кто не жаждет?»²

Я знаю, что всё это мои мысли. Но едва ли живу в соответствии с ними.

³ «Как, скажи мне, по-твоему, мысли должны тебе помочь?»

Я признаю, что у меня немало мыслей, которым я не следую, и от которых, тем не менее, ожидаю помощи и действенности.⁴ Я бы всегда хотел указать на тот факт, что я человек, просто человек, слабый и не всегда старающийся изо всех сил.

⁵ «По-твоему, это значит быть человеком?»

Ты жестока, моя душа, но права. Как мало мы сведущи в жизни! Мы должны расти, как дерево, которое тоже не знает своего закона. (Как лилии полевые.)⁶ Мы связываем себя намерениями, не помня о том, что намерение [38/39] — это ограничение, да, исключение жизни. И сколько ребячества, недалёковидного эгоизма скрывается в намерении! Мы думаем, что можем осветить тьму намерением, и тем самым промахиваемся мимо света.⁷ Как мы осмеливаемся желать заранее знать, откуда к нам придёт свет?

Позволь мне выложить перед тобой лишь одну жалобу: я страдаю от насмешки, собственной насмешки.

⁸ «Ты о себе низкого мнения?»

Я так не думаю.

⁹ «Тогда слушай — ты низкого мнения обо мне. Разве ты до сих пор не знаешь, что пишешь книгу не для того, чтобы подпитать своё тщеславие, а для того, чтобы говорить со мной? Как ты можешь страдать от насмешки, если обращаешься ко мне теми словами, что дала тебе я? Ты действительно знаешь, кто я такая? Ты постиг меня, определил и превратил в мёртвую формулу? Ты измерил глубину моих пропастей и изучил все пути, которыми [39/40] я ещё поведу тебя? Насмешка тебе не страшна, если ты не тщеславен до мозга костей».

¹ В *LN* он добавил: «Но душа ответила» (р. 144).

² Предыдущая строка не появляется в *LN*.

³ В *LN* Юнг добавил: «Душа сказала» (р. 144).

⁴ Предыдущая строка не появляется в *LN*.

⁵ В *LN* Юнг добавил: «Но душа сказала» (р. 144).

⁶ Предыдущая строка не появляется в *LN*. Здесь цитируется Мф. 6:28: «Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут».

⁷ В «Комментарии к *Тайне Золотого Цветка*» (1929) Юнг критикует западную склонность превращать всё в методы и намерения. Главный урок китайских текстов и Мейстера Экхарта заключается в том, чтобы давать психическим событиям происходить: «Давать вещам происходить, действие через не-действие, "избавление от себя" Мейстера Экхарта — всё это стало для меня ключом, успешно открывшим путь: *Нужно уметь психически давать вещам происходить*» (*CW* 13, pag. 20).

⁸ В *LN* Юнг добавил: «Но душа сказала мне:» (р. 145).

⁹ В *LN* он добавил: «Моя душа ответила:» (*ibid.*)

Твоя истина тяжела. Я хочу изложить перед тобой своё тщеславие, поскольку оно ослепляет меня. Видишь, поэтому я думал, что руки мои пусты, когда пришёл к тебе сегодня. Я не учёл, что это ты наполняешь пустые руки, если они просто протянуты с готовностью принести себя в жертву. Но они не хотят. Потому что я думал, что я должен предложить это и забыл о тебе, словно не знал, что я лишь твой сосуд, пустой без тебя, но наполненный до краёв с тобой.

¹ Нетерпение разрывает меня на части, зачем это всё? Где конец этой дороге? Ни звука, ни ответа? [40/41]

12. XII. 13.²

Недавней битвой была битва с насмешкой. Сон, стоивший мне бессонной ночи и трёх дней мучения, уподобил меня аптекарю из Шамони Г. Келлера (от начала до конца).³ Я знаю и признаю этот стиль. Я узнал, что нужно отдать своё сердце людям, а ум — духу человечества, Богу. Тогда его работа может быть не тщетной, поскольку нет более лицемерной шлюхи, чем ум, когда он заменяет сердце.⁴

«Я падаю», — сказал голос внутри. «Куда? Чего ты хочешь?» — кричат другие. Я должен довериться этому водовороту. Потоки сомнения рушатся на меня. Мне следует довериться этому смятению? Я вздрогнул. Это ужасающая глубина. Ты хочешь от меня этой жертвы? Предоставить себя случайности, безумию моей собственной полу-тьмы — ты этого от меня хочешь?⁵ Куда? Куда? Если я доверяю своей душе, нужно осмелиться. Как трудно доверять [41/42] себе до такой степени, чтобы спокойно отдаться бездне!⁶

Ты падаешь, и я хочу упасть с тобой, кто бы ты ни была. Я падаю с тобой мимо серых скал в бурлящие бездны, столпы пара взмывают вверх, шипящий и ревущий шум — спуск в ад.⁷ Я вижу чёрную пещеру, одетый в кожу карлик защищает вход — помогите небеса, что за мука.⁸ Земля — чёрная грязь вплоть до лодыжек. Я медлю со входом. Тени снуют подле меня — вперёд — меня охватывает страх, тут узко и го-

¹ Следующая строка не появляется в *LN*. Комментарий Юнга к этой записи см. в *LN*, pp. 145–46.

² Пятница, *Liber Primus*, гл. 5, «Спуск в ад в будущем» (*LN*, pp. 146ff).

³ Готтфрид Келлер (1819–1890) был швейцарским писателем. См. «Der Apotheker von Charmounix: Ein Buch Romanzen» в Gottfried Keller, *Gesammelte Gedichte: Erzählung aus dem Nachlass* (Zürich: Artemis Verlag, 1984), pp. 351–417.

⁴ Предыдущий абзац не появляется в *LN*.

⁵ Предыдущие две строки не появляются в *LN*.

⁶ Предыдущие две строки не появляются в *LN*.

⁷ Падение его души не упоминается в *LN*, нет там и выражения «путешествие в ад». Альбрехт Дитерих ссылается на подземный мир в *Лягушках* Аристофана (по его мнению, орфического происхождения), в котором находится большое озеро и место со змеями (*Nekiya: Beiträge zur Erklärung der neuentdeckten Petrusapokalypse* [Leipzig: Teubner, 1893], p. 71). Юнг подчёркнул эти мотивы в своей копии. Дитерих снова обращается к этому описанию на стр. 83, что Юнг отметил на полях и подчеркнул: «Тьма и Грязь». Дитерих также упоминал орфическое представление о потоке грязи в подземном мире (стр. 81). В своём списке ссылок на обороте копии Юнг отметил: «81 Грязь».

⁸ Последние две части этого предложения не появляются в *LN*. Остаток абзаца в *LN* сильно перефразирован.

рячо, или холодно — я не знаю — внутри — ползу по узкой расщелине в скале — светло-тёмная пещера, земля покрыта чёрной водой, на другом берегу светящийся красный камень. Я перехожу вброд — воды по колено — она холодная — к камню. Не останавливай меня, критикан. Так [42/43] должно быть, это следует победить. Камень мучений, светящийся красным. Свет холодный, кристалл, я поднимаю его, под ним тёмная дыра, что это может быть такое? Пещера полна отзвуками множества человеческих голосов, но никого здесь нет. Я стою с камнем в руках, внимательно оглядываюсь — вижу только один — не хочу слушать голоса, они избегают меня. Эта тёмная дыра — я хочу знать, куда она ведёт и что говорит? Оракул? Это место Пифии? Тебе не удержать меня! Древние и вечные вещи хотят быть произнесёнными — утихните со своими криками, нелепые тени, отбросы верхнего мира — место оракула? Неужели?¹ Мне приложить ухо к твоему входу? Я слышу далёкий и близкий рёв [43/44] подземных вод — окровавленная голова человека на тёмном потоке, ранен кто-то, плывущий в ужасных безднах. Он не знает — или он окоченел — замёрз во льду в позе пловца² — невероятно огромный чёрный жук плывёт мимо — вроде скарабея — из огромной глубины солнце сияет сквозь воду — я не могу это постичь — переплетённые змеи на тёмном камне, стремящиеся в бездну, где солнце сияет слабее. Тысячи змей снуют вокруг, покрывая солнце — глубокая ночь — вода хлынула. Я стою истощённый, шум тысячи голосов отдаётся от стен пещеры. Как шумен этот верхний мир. Слишком много суеты, мешающей видению. Ещё один взгляд в глубины³ — красный поток, словно кровь, поднимается, как густая красная кровь, должно вздымается, затем отступает. [44/45]

Что я видел? Ну и ночь! Всё было видно, словно в спешке, в кружении, снова и снова.⁴

Исцели раны, которые мне наносит сомнение, душа моя. Это тоже следует преодолеть, чтобы я мог осознать твой высший смысл. Как далеко всё это, и как я вернулся назад! Страх и сомнение разорвали меня на части. О, неужели я час за часом лежал в этом сокровенном и потаённом месте, у оракула, вглядываясь и слушая, пока ты, душа моя, говорила свои слова, а не мои.⁵ Мой дух как овод, он разрывает моё созерцание, он бы хотел сорвать и понять всё, разорвать и снова сложить, стереть и перестроить. Я всё ещё жертва своего мышления. Когда я стану хозяином своего

¹ Последние четыре строки в *LN* были удалены.

² Последние три части предложения не появляются в *LN*.

³ Предыдущая часть предложения и две предыдущие строки не появляются в *LN*.

⁴ Предыдущие две строки не появляются в *LN*.

⁵ Предыдущие две строки не появляются в *LN*.

мышления?¹ Когда я смогу приказать своему мышлению утихнуть, чтобы мои мысли, эти неуправляемые гончие, [45/46] приползли к моим ногам? Как я могу надеяться услышать твой голос громче, увидеть лицо яснее, когда все мои мысли воют? Я живу прежде всего в верхнем мире, но в твоём внутреннем мире, душа моя, я как нереальная тень, трепещущая и уносимая лёгким дуновением.²

Я ошарашен. Я хочу быть ошарашенным, ведь я поклялся, душа моя, доверять тебе, даже если ты поведёшь меня через безумие. Многие сны последнего времени говорят мне об этом, я знаю. Но я готов. Поскольку божественный свет светит нам ярко в величайшей тьме.³ Как мне ходить под твоим солнцем, если я не стану до дна пить ночной горький напиток сна? Помоги мне, чтобы я задохнулся от собственного знания [46/47]. Я накопил его не только из гордости, честолюбия и тщеславия, но ради истины и близости к тебе, как понял позже.⁴ Полнота знания угрожает навалиться на меня. Моё знание собрало армию из тысячи ораторов, рычащих, как львы; воздух дрожит, когда они говорят, и я их беззащитная жертва. Они цепляются за меня и тащат от твоей тишины и из блаженных глубин, где лишь истина и глубочайшее созерцание, где прошлое и будущее сливаются в борьбе и где я вижу в тёмных озадачивающих образах будущее образов из отдалённого прошлого.⁵ Держи подальше от меня толкование,⁶ этого дурного тюремщика науки, который связывает душу и заточает в камеру без единого лучика света, но прежде всего защищает меня от ядовитой змеи критики,⁷ которая только на поверхности исцеляет, но в её глубинах адский яд и мучительная смерть. [47/48]

Я хочу спуститься в твои глубины очищенным, в белых одеяниях, а не торопиться, подобно вору, хватая всё, что могу, и убегая, сломя голову.

¹ Предыдущее предложение не появляется в *LN*. Юнг рассказывал этот эпизод на семинаре 1925 г., выделяя иные детали: «Когда я вышел из фантазии, то осознал, что мой механизм работает на удивление хорошо, но меня крайне смущал смысл всех этих увиденных вещей. Свет в пещере из кристалла был, я думаю, словно камень мудрости. Тайное убийство героя я вообще не мог понять. Жук, конечно, был древним символом солнца, и заходящее солнце, сияющий красный диск, было архетипическим. Змеи, думал я, могли быть связаны с египетским материалом. Тогда я не мог понять, что всё это было таким архетипическим. Мне не нужно было искать связи. Я мог связать картину с морем крови, о котором фантазировал ранее.

Хотя тогда я не мог постигнуть значение убитого героя, вскоре после у меня был сон, в котором я убил Зигфрида. Это было уничтожение героического идеала моей продуктивности. Его нужно было принести в жертву, чтобы совершить новую адаптацию: коротко говоря, это связано с жертвоприношением высшей функции, чтобы получить либидо, необходимое для активации подчинённых функций» (*Introduction to Jungian Psychology*, p. 48). (Убийство Зигфрида появляется ниже, в записи от 18 декабря 1913 г.) Юнг также анонимно цитировал и обсуждал эту фантазию в лекции в ЕТН 14 июня 1935 г. (Hannah, *Modern Psychology*, Vols. 1 and 2, p. 223).

² Предыдущая строка не появляется в *LN*.

³ Предыдущие три строки не появляются в *LN*.

⁴ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁵ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁶ Эта фраза не появляется в *LN*.

⁷ Это выражение в *LN* заменено на «змею суждения» (p. 149).

Позволь мне оставаться в святом изумлении, чтобы я был готов узреть твои чудеса, которые ~~xx~~ появляются из вечных глубин.¹ Помоги, помоги мне преклонить голову на камне у твоей двери и ждать тебя, ~~xx~~ чтобы я был готов принять свет твоей славы.²

15.XII.13³

Книга моих самых трудных экспериментов. Я ~~xx~~ открываю тебя с внутренним сопротивлением!

Всё во мне восстаёт против непосредственности этого опыта! Я хочу уговаривать себя, как нервную лошадь. Я сторонюсь самого себя, словно я ночное чудовище. «Субъективное» всё ещё ужасно и пугающе. Словно этим словом всё обесценивается и становится поверхностным. Словно «субъект» ничто иное, как события мира! Вот что я должен преодолеть. [48/49]

16.XII.13⁴

Но на четвёртую ночь я закричал: «Отправиться в ад значит стать адом самому».⁵ Он пугающе грязен и запутан.

Моя душа, на этом пустынном пути не только сияющий песок, но и ужасные спутанные незримые существа, живущие в пустыне. Я этого не знал. Путь лишь по видимости чист, пустыня лишь по видимости заброшена и пуста. Но она, похоже, населена магическими существами, которые нападают на меня и дьяволически меняют мою форму. Я, очевидно, принял совершенно ужасные формы, в которых больше не узнаю себя. Мне кажется, что я принял чудовищную животную форму, на которую променял свою человечность.

Этот путь окружён адской магией, незримыми западнями, расставленными вокруг, чтобы заманить меня.

«Спустись в свои глубины»,⁶ — говоришь ты. Как мне это сделать?

«Нырять». [49/50]

Как мне нырнуть? Это труднейшее и высшее действие — дать себе нырнуть. Научи меня.⁷ Я не могу сделать это сам.

«Сядь и успокойся».

¹ Последняя часть не воспроизведена в *LN*.

² «Твоя слава» не появляется в *LN*.

³ Понедельник. Эта запись не появляется в *LN*.

⁴ Вторник, *Liber Primus*, гл. 6, «Различение духов» (*LN*, р. 156).

⁵ В *По ту сторону добра и зла* (1886) Ницше пишет: «Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя» (раг. 146 [зд. в пер. Н. Полилова — прим. перев.]).

⁶ В *LN* это высказывание приписывается духу глубин (р. 157).

⁷ Предыдущие два предложения не появляются в *LN*.

Как жутко, прости меня, это звучит нелепо. Ты тоже требуешь это от меня? Ты слышишь взрыв возмущения во мне?¹ Ты свергла могучих Богов, которые могут быть священны и значат для нас всё. Душа моя, где ты? Неужели я доверился тупому животному, я спотыкаюсь, как пьяница в канаве у дороги, чтобы выпататься от жуткого опьянения?² Я бормочу запутанную бессмыслицу, как безумный? Это твой путь, душа моя? Прости меня, прости, но кровь кипит во мне, и я бы задушил тебя, если бы мог схватить. Ты сплетаешь густую тьму, душа моя, и я как безумец, пойманный в твою сеть. [50/51]

Но я томлюсь, научи меня.

«Мой путь — это свет».

Ты называешь светом то, что мы, люди, называем худшей тьмой? Ты называешь наш день ночью? Наставь меня, дай мне свет, твой свет.³

«Мой схват нет от мира сего».⁴

Я не знаю другого мира.

«От того, что ты ничего не знаешь о нём, он не исчезнет».

Но наше знание! Даже знание тоже для тебя ничего не стоит? Что станет, если бы не наше знание? Где уверенность? Где опора? Где твёрдая почва? Где свет? Твоя тьма не только темнее ночи, но и бездонна, как колодезь. Если это будет не знание, то, возможно, оно обойдётся и без речи и слов?

«И без слов». [51/52]

Мне и не снилось более ужасное разрушение.⁵ Прости, возможно, я ослышался, возможно, я неверно тебя понял. Возможно, я поймался на самообман и чертовски валяю дурака, я мошенник, насмехающийся над собой в зеркале, дурак в собственном сумасшедшем доме. Возможно, душа моя, ты наткнулась на мою глупость.

«Ты обманываешь себя, но не обманешь меня. Твои слова — ложь для тебя, не для меня».

Но могу погрязнуть в неистовой нелепице, которая прорвавшимся потоком утопит и тебя, и меня.⁶ Я могу замыслить абсурд, извращённое однообразие —

«Кто даёт тебе мысли и слова? Ты создаёшь их? Разве ты не — мой раб — получатель — [52/53] нищий, лежащий у моих дверей и подбирающий мою милостыню? И ты осмеливаешься думать, что выдуманное и сказанное тобой может быть нелепостью? Разве ты ещё не знаешь, что это идёт от меня и принадлежит мне?»

Но тогда моё возмущение тоже идёт от тебя. Тогда внутри меня ты негодуешь на саму себя. Тогда моя душа заговорила двусмысленно:

¹ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

² Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

³ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁴ Ср. Ин. 18:36: «Царство Моё не от мира сего».

⁵ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁶ Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

«Это гражданская война».

О, модная фраза, которую я сам применял к другим.¹

«Как больно, душа моя, слышать, что ты говоришь модными фразами. Ты невротик? Мы невротики?»²

Меня тошнит — комедия и чушь.

Но я томлюсь, томлюсь. Я также ползу [53/54] по вонючей грязи, самой презренной банальности. Дьяволы на пустынном пути не поймают и не свалят меня.³ Я могу есть пыль, пусть дождём сыпятся грязные клише.⁴ ~~Даже~~ Банальность — это тоже часть ада.

Я не сдаюсь. Я упорен. Продолжай выдумывать пытки, чудовищ с паучьими ногами, комичных, омерзительных, пугающих театральных чудовищ из бульварных газет. Подойди ближе.

Я готов, готов, душа моя, сущий дьявол, готов бороться и с тобой. Ты надела маску Бога, и я почитал тебя. Теперь ты носишь маску дьявола — горе — уродство — маска банальщины, навозная куча слов и фраз.

Только одно одолжение! Дай мне миг отступить и поразмыслить! Стоит ли]54/55] бороться с этой маской? Стоило ли почитать маску Бога? Я не могу это сделать, жажда битвы горит в моих членах. Нет, я не могу уйти с поля боя сдавшись. Я хочу схватить тебя, сокрушить, паясничаящая обезьяна.⁵

О горе, это неравная борьба. Мои руки хватают воздух — но твои удары тоже воздух, и я понимаю — обман.

Я снова оказываюсь на пустынном пути — видение пустыни — видение одиночек, которые странствовали по длинным дорогам. — Ха, произведение искусства! — Проклятый удар, эта стрела попала в цель. Откуда она?⁶ На этой улице скрываются незримые воры и убийцы — и стрелки отравленными стрелами. Вдруг убийственная стрела застряла в сердце?⁷ Её яд жжёт. Кровавый туман застилает глаза. Кто-то наваливает свинец на мои [55/56] плечи —

Но я хочу этого. Я хочу этого.

18.XII.13⁸

Следующая ночь была ужасной. Скоро я проснулся от пугающего сна:⁹

¹ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

² Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

³ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁴ Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

⁵ По-немецки: «Hanswurst», отсылка к немецкому комичному паясничавшему персонажу, популярному в пьесах XVIII столетия. Также используется как термин, обозначающий оскорбление.

⁶ Предыдущие три строки не появляются в *LN*.

⁷ Остаток записи не появляется в *LN*. Комментарий Юнга к ней см. в *LN*, pp. 159–60.

⁸ Четверг. *Liber Primus*, гл. 7, «Убийство героя» (*LN*, p. 160).

⁹ Предыдущие два предложения были заменены в *LN* на: «Однако, на следующую ночь у меня было видение» (p. 160).

«Я был с неизвестным юношей, смуглым дикарём,¹ среди могучих гор перед рассветом. Небо на востоке уже светлело. Затем рог Зигфрида торжествующе раздался над горами, и мы знали, что приближается наш смертельный враг.² Мы были вооружены и скрылись за узким горным путём, чтобы убить героя. Наконец он появился высоко на горе на колеснице из костей мёртвых, в белом одеянии с чёрными мистическими знаками,³ и поскакал с невероятной отвагой по крутым камням, добравшись до узкого пути, где [56/57] его поджидали мы. Когда он появился из-за поворота, мы одновременно выстрелили и смертельно ранили его. Мой спутник оставил меня, чтобы попрощаться с героем, то есть прикончить его.⁴ После этого я пустился в бегство. Разразился ужасный дождь. Я ловко мчался вверх по невероятно крутому склону и после помог забраться жене, которая следовала за мной медленнее. Некоторые люди насмехались над нами, но мне было всё равно, поскольку это говорило о том, что они не знали, как я убил героя».⁵

Но после этого сна умственные мучения чуть не довели меня до смерти. И я чувствовал, что должен покончить с собой, если не смогу разгадать загадку. Я знал, что должен застрелиться, если не смогу понять сон.⁶

Постепенно до меня дошло, что высшая истина — это то же самое, что абсурд.⁷

¹ Предыдущая часть предложения добавлена карандашом.

² Зигфрид — это героический принц древнего германо-скандинавского эпоса. В произведении XII столетия *Nibelungenlied* (*Песнь нибелунгов*) он описан так:

«Как царственно и гордо он ехал через бор!

Клинок его широкий свисал до самых шпор.

Рог с золотой насечкой носил он на боку

И тяжкое копье в руке вздымал на всем скаку» [зд. в пер. Ю. Б. Корнеева — прим. перев.].

Жену Зигфрида, Брюнхильду, обманом заставили выдать единственное место, в которое он мог быть ранен и убит. Вагнер переработал эпос в *Кольце Нибелунгов*. В *Трансформациях и символах либидо* Юнг представил психологическое толкование Зигфрида как символа либидо, прежде всего цитируя либретто *Зигфрид* Вагнера (CW B, pars. 568ff).

³ В LN одеяния Зигфрида не упоминаются.

⁴ Последняя часть предложения добавлена карандашом.

⁵ Предыдущие два предложения не появляются в LN.

⁶ Предыдущее предложение было добавлено карандашом. Юнг вспоминал этот сон на семинаре 1925 г., выделяя другие детали. Он предварял его следующими замечаниями: «Зигфрид не был для меня особенно симпатичной фигурой, и я не знаю, почему бессознательно было так поглощено им. Зигфрид Вагнера в особенности экстравертен и временами в самом деле нелеп. Мне он никогда не нравился. Тем не менее, во сне он оказался моим героем. Я не мог понять сильных эмоций от этого сновидения». Рассказав сон, Юнг заключил: «Я почувствовал невероятную жалость к нему [Зигфриду], словно меня самого застрелили. Должно быть, у меня был герой, которого я не ценил, и я убил свой идеал силы и действенности. Я убил свой ум, и в этом мне способствовало воплощение коллективного бессознательного, маленький смуглый человек во мне. Иными словами, я сверг свою высшую функцию. ... Разразившийся дождь — это символ высвобождения напряжения: то есть, силы бессознательного освободились. Когда это происходит, порождается чувство облегчения. Преступление искуплено, потому что, как только главная функция свергнута, есть шанс рождения других сторон личности» (*Introduction to Jungian Psychology*, pp. 61–62). В последующих замечаниях об этом сне (*Memories*, p. 204) Юнг сказал, что чувствовал, как должен покончить с собой, если не разгадает этой загадки.

⁷ В LN это высказывание приписывается духу глубин (p. 161).

В этот момент огромное напряжение спало, и как дождём смыло [57/58] всё напряжённое, слишком сильно натянутое. И скоро вернулся сон и принёс с собой необычно прекрасный образ.¹

Формы двигались, облачённые в белый шёлк в цветастой атмосфере. Каждая окружена странно благоухающей, сияющей окрашенной аурой, одни — красноватой, другие — синеватой и зеленоватой.²

Магическое, духовное и чувственное ощущения исходили из этого образа, и я зашнул, как выздоравливающий.³ Я прошагал через бездны и видел свет. Но мне кажется, что я в новом мире.⁴

Где я?

Из-за болезненной вины — новый человек, новорожденный?⁵

Я не знаю ни пути, ни причины. Пожалуй, я ещё не научился ходить в этом новом состоянии. [58/59]

Мне следует идти на ощупь или ползти? Или что-то прицепится ко мне, что поведёт и покажет мне путь дальше?

Конечно, это живой мир, мир простейших вещей. Мне кажется, это не мир «будет» или «должно быть», а скорее мир «возможно» с совершенно неопределёнными возможностями, мир цветных сумерек. Здесь словно только скромные обочины, неподалёку, никаких далёких целей, никаких широких прямых военных дорог. Нет небес наверху, нет ада внизу. Станный промежуточный мир — всё сливается в мягкие тени — цветная картина, гармонически слившаяся с собой.

¹ Этот абзац в *LN* заменён на: «Затем у меня было второе видение» (р. 162).

² Юнг рассказывал этот сон Аниэле Яффе и комментировал так: «Это своего рода промежуточный мир (термин определённо появляется в оригинальной версии сновидения). Идея была в том, что человек сталкивается с тенью — так было во сне с Зигфридом — затем приходит идея: я вступаю в сумерки: я одно и, в то же время, нечто другое. И эта двойственность предстаёт так: я плюс моя аура. Я и что-то другое, отличающееся от меня. Это указание на бессознательное, которое странным образом простирается далеко за мои пределы. Как ореол святого. — Это оказывает странное воздействие на отношение к человеку. Если находишься в компании нескольких людей и знаешь их самих и об их тенях, то видишь этих людей как есть, но они также что-то совершенно иное. Они окружены странной сферой. Они живут в странной, светло окрашенной сфере, которая окружает их «иное» состояние. Это показалось мне почти видением потустороннего мира, где люди целостные и завершённые, а не как здесь. Ореол святого также характеризует его трансцендентный сияющий свет, его психическое бытие» (*МР*, р. 170). Остаток записи в *LN* был заменён на: «Я знаю, я прошагал через бездны. Через вину я переродился» (р. 162).

³ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁴ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁵ В октябре 1916 г. в речи в Психологическом клубе на тему «Адаптация» Юнг говорил о важности вины: «Первый шаг в индивидуации — это трагическая вина. Накопленная вина требует *искупления*» (*CW* 18, раг. 1094).

20.XII.13¹

Есть много неясностей, не меньшая из них в том, следует ли хранить эту новую жизнь или этот новый мир.² Новый мир слабый и искусственный — искусственный — плохое слово, но я узнал, что слабые [59/60] искусственные истоки, неприглядно сложенные полу-нереальности развиваются в ужасные реальности. Горчичное зерно, выросшее в дерево,³ слово, зачатое в лоне бедной девственницы, стало Богом с двухтысячелетней историей.⁴

⁵ Я принял твой росток, о грядущий. Я принял его в глубочайшей нужде и бедности. Я покрыл его потрёпанными лоскутами и устроил на ночь на словах из соломы, и насмешники, ухмыляясь, почитали тебя его, твоё дитя, твоё странное чудесное дитя, дитя того, кто грядёт, кто должен возвестить отца, плод, который старше, чем дерево, на котором он рос.

Ты был зачат в боли, [60/61] похоть распялась при твоём рождении.⁶

Воздух трясся от гимна кощунствующих душ, когда Бог насадил тебя в моё сердце.

Страх был твой вестник, сомнение одесную тебя, разочарование ощущаю.

Мы сжимаемся вместе в нашей нелепости и бесчувственности, когда замечаем тебя, странное, чудесное дитя.

Наши глаза были слепы, и наше знание умолкло, когда мы приняли твоё сияние.

Ты новая искра вечного огня, в какую ночь, в какую грязь ты был рождён!⁷ Огни безумия горят тебе как жертвенные огни —

Ледяные руки из стали убийственно ловят [61/62] тебя, и они беспомощно растут от твоего сияния.

Они подмешают яд предательских мыслей в твою еду и сами зачехнут из-за него.

¹ Суббота, *Liber Primus*, гл. 8, «Представление о Боге» (*LN*, р. 164). Предыдущим вечером Юнг выступил перед цюрихской Психоаналитической ассоциацией на тему «Психология бессознательного». Он обсуждал связь с реальностью у первобытных людей, отметив, в частности: «Потому нахождение аналогий — это очень важная деятельность. Достаточно рассказать миф, чтобы добиться эффекта, который описывает миф. Миф изначально был формулой исцеления через силу мысли. Магия аналогии нужна для достижения сублимации».

² Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

³ См. Мф. 13:31–32: «Иную притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его».

⁴ «с ... историй» в *LN* было заменено на: «которому подчинилась земля» (р. 164).

⁵ Эти строки в *LN* были предварены так: «Пока я говорил это, внезапно вмешался дух глубин. Он наполнил меня опьянением и туманом и говорил эти слова мощным голосом» (р. 165).

⁶ Ср. Пс. 50:7: «Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя». В *LN* вместо этого стоит: «В боли ты понесёшь, и радостно будет твоё рождение» (р. 165).

⁷ Остаток абзаца и следующие три абзаца не появляются в *LN*.

Похотливая и небесная красота ~~хх~~ приблизятся к твоему лагерю. Одна захочет сюсюкаться с тобой в жару, другая захочет высокомерно растоптать тебя. Но они будут беспомощно почитать тебя и сложат руки под твои ноги.

Ты выжмешь правдивые молитвы из своих верующих, и они должны славить тебя языками, которые омерзительны для них.¹ Ты обрушишься на них в час их бесчестия и унижения и познают тебя в [62/63] том, что они ненавидят, боятся и презирают.

² Твоё лицо, о дитя, обнаружится в ужасных чертах могучих зверей в отдалённых уголках наших душ.

Твой голос, редчайший приятный звук, будут слышать среди ужасного заикания мерзавцев, отвергнутых и признанных ничтожными.

К твоему царству прикоснутся руки тех, кто также почитали прежде глубочайшего низость, чьё стремление завело их также в поток зла.

Ты дашь свои дары тем, кто молится тебе в ужасе и сомнении, и твой свет воссияет тем, чьи колени должны преклониться перед тобой против воли, и кто наполнен негодованием. [63/64]

Θ Твоя жизнь с тем, кто преодолел себя и кто отверг самопреодоление.³

О, я знаю, что милосердное спасение дано только тем, кто верит в высшее и вероломно предаёт себя за тридцать серебрянников.⁴

Те, кто запачкают свои чистые руки, изменят своему знанию с ошибкой и возьмут свои добродетели с могилы убийцы, приглашены на твоё великое пиршество.

Созвездие твоего рождения — это дурная и изменчивая звезда.

Вот, дитя того, что грядёт, чудеса, которые засвидетельствуют, что ты истинный Бог. [64/65]

⁵ Душа моя, ты хотела, чтобы я произнёс и записал эти слова. Я не знал, что ты скрывала такие секреты. Я поражён. Ты невероятная загадка. Но что делать с моим изумлением?

21.XII.13⁶

Как бы я ни сопротивлялся, я всё равно должен снова спуститься в бездны, к месту мучения. Всё указывает на это. Мне не следует заботиться, что я вынесу на поверхность. Я знаю, откуда этот жалкий страх — бессонные ночи, раскол в моём

¹ В Мк. 16:17 Христос говорит, что верующие будут говорить новыми языками. Вопрос о говорении языками рассматривался в 1 Кор. 14 и является важнейшим для движения пятидесятничества.

² Следующий абзац не появляется в LN.

³ Тема преодоления себя играет важную роль в работе Ницше. В *Так говорил Заратустра* он пишет: «Я учу вас о Сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно преодолеть. Что сделали вы, дабы преодолеть его? Донныне все существа создавали нечто, что выше их; вы же хотите стать отливом этой великой волны и скорее вернуться к зверям, чем преодолеть человека?» (*Предисловие Заратустры*, 3 [эд. в пер. В. В. Рынкевича — прим. перев.] Обсуждение этой темы Ницше у Юнга см. в ZS, vol. 2, pp. 1502–08).

⁴ Иуда предал Христа за тридцать серебрянников (Мф. 26:14–16).

⁵ Следующий абзац не появляется в LN.

⁶ Воскресенье. *Liber Primus*, глава 9, «Mysterium. Встреча» (LN, p. 174).

сердце, вот чего я сторонюсь. Почти физическая тошнота удерживает меня. О, вся эта тьма, тёмные туманы окружают меня — я тону — горе мне. Я лежу, опираясь на камень в тёмных глубинах — вокруг валуны — старик¹ слева от меня с седой бородой и облачённый в восточное одеяние² — возможно, старый пророк. Его правая рука протянута, будто он учит — большая чёрная змея у его ног (я подчиняюсь — никакого сопротивления)³ — на заднем плане дом с колоннами, прекрасная юная девушка выходит — дочь старика — она подходит к нему — она слепа? Я смотрю в изумлении — и поднимаюсь — она берёт меня за руку — мы идём к дому⁴ к гладким каменным стенам. Змея ползёт за нами — странная тьма внутри — ковёр в просторном зале, на небольшом чёрном столе [66/67] ясный прозрачный кристалл размером с кулак, который влечёт меня к себе.⁵ В нём сияют проблески цвета. (Теперь становится труднее.) Цветная гирлянда из лучей окружает моё поле зрения — в нём Ева под деревом, змея перед ней —⁶ вот чудесное синевато-чёрное море, каменистый берег — проплывает корабль с красным парусом — Одиссей и его спутники⁷ — (пугающе — но так и должно быть) плакат за ним, старик с ребёнком — (отвратительно — выжил). Я вглядываюсь в зал, блестящие вещи, оружие? Драгоценные камни? На стенах — на фоне прекрасный сад с сияющим солнечным светом, мы выходим наружу — цветущие кусты граната — тенистый фонтан [67/68] — старик говорит:

«Ты знаешь мою землю?»⁸

Я здесь чужак, и всё кажется мне странным, тревожным, как во сне. Могу я спросить, кто ты?

¹ Всё перед этим местом в *LN* заменено на: «В ночь, когда я размышлял о сущности Бога, мне явился образ».

² В *LN* отсутствует физическое описание.

³ Предыдущая часть предложения отсутствует в *LN*.

⁴ В *LN* старик машет ему, и он следует за ним в дом (р. 174).

⁵ Следующее предложение и первая часть следующего за ним отсутствуют в *LN*.

⁶ Следующие две части предложения не появляются в *LN*.

⁷ Вместо всего оставшегося абзаца в *LN* стоит: «Внезапно открывается дверь справа, ведущая в сад, полный яркого солнечного света. Мы выходим наружу, и старик говорит мне» (р. 174).

⁸ В *LN* вместо этого стоит: «Ты знаешь, где ты?» (*ibid.*)

«Я Илия,¹ а это моя дочь Саломея».²

Дочь Ирода? Кровожадная женщина?

«Почему ты судишь так строго? Ты видишь, что она слепа — и моя дочь, дочь пророка».

Что за чудо вас объединило?

«Это не чудо, так было от самого начала. Моя мудрость и моя дочь — одно и то же».

Я потрясён и неспособен [68/69] этого постигнуть.

«Поразмысли над этим.³ Илия-пророк и Саломея, убийственная и печально известная танцовщица — её слепота сделала нас спутниками с незапамятных времён, отцом и дочерью».

Прости моё изумление, я действительно в подземном мире?

«Это дом снов, или, лучше, не давай ему названия».⁴

Саломея (поворачивается ко мне): «Ты любишь меня?»

(Я пугаюсь, вся кровь приливает к сердцу):⁵ Как могу я любить тебя? Откуда у тебя этот вопрос? Я вижу только одно — ты Саломея, тигрица, и твои руки обагрены кровью святого. Как могу я любить тебя? [69/70]

«Ты полюбишь меня».

(Ужас сжал мне горло.)⁶

Я? Любить тебя? Кто дал тебе право на такие мысли?

«Я люблю тебя».

Оставь меня, я тебя боюсь, ты зверь.

«Ты несправедлив со мной. Илия мой отец, и он знает глубочайшие тайны, стены дома сделаны из драгоценных камней, его колодцы содержат целительную воду,

¹ Илия был одним из пророков Ветхого Завета. Он впервые появляется в 3 Цар. 17, доставляя Ахаву, царю Израиля, послание от Бога. В 1953 г. кармелит Пере Бруно писал Юнгу, спрашивая, как он установил существование архетипа. Юнг ответил, приведя в пример Илию, описывая его как крайне мифического персонажа, что не мешало ему, вероятно, быть исторической фигурой. Сводя вместе его описания за всю историю, Юнг охарактеризовал его как «живой архетип», представляющий коллективное бессознательное и самость. Он отмечал, что такой констеллированный архетип породил новые формы ассимиляции и представлял собой компенсацию со стороны бессознательного (CW 18, pars. 1518–31).

² Саломея была дочерью Иродиады и приёмной дочерью царя Ирода. В Мф. 14 и Мк. 6 Иоанн Креститель говорит царю Ироду, что ему недолжно иметь жену своего брата, за что Ирод заточает его в тюрьму. Саломея (которая не названа по имени, но упомянута как дочь Иродиады) танцует перед Иродом на его день рождения, и тот обещает ей всё, чего она пожелает. Она требует голову Иоанна Крестителя, которого затем и обезглавливают. В конце XIX века фигура Саломеи увлекала художников и писателей, включая Гийома Аполлинера, Густава Флобера, Стефана Малларме, Густава Моро, Оскара Уайлда и Франца фон Штука, появляясь во многих работах. См. Bram Dijkstra, *Idols of Perversity: Fantasies of Feminine Evil in Fin de Siècle Culture* (New York: Oxford University Press, 1986), pp. 379–98.

³ Первые две и последняя часть этого предложения не появляются в LN (p. 175).

⁴ Это предложение не появляется в LN.

⁵ Это предложение не появляется в LN.

⁶ Это предложение не появляется в LN.

и его глубинное око видит будущее. — И чего бы ты не отдал за единственный взгляд в бесконечное развёртывание грядущего? Это для тебя не стоит греха?

Твоё искушение ужасно. [70/71] Я жажду вернуться в верхний мир, здесь ужасно. Какой здесь душный и тяжёлый воздух.

Я смотрю на Илию. Его глаза скрыты под тяжёлыми бровями. Он говорит:¹

«Чего ты хочешь? Выбор за тобой».

Но мне не место среди мёртвых. Я живу при свете дня. Зачем мне мучиться здесь с Саломеей? Разве мне недостаточно, своей жизни?

«Ты слышал, что сказала Саломея хх».

Я не могу поверить, что ты, пророк, можешь признать её дочерью и спутницей. Разве она не хх зачата от гнусного семени? Разве она не была воплощением пустой жадности и извращённой² похоти? [71/72]

«Но она любила святого».

И бесстыдно пролила его драгоценную кровь.

«Не прерывай меня, сын мой;³ она любила святого пророка Божьего, который возвестил нового Бога этому миру. Она любила его — ты понимаешь это? Ибо она моя дочь».

Думаешь, раз она твоя дочь, то любила пророка в Иоанне, отец? Я правильно тебя понял?

«Через её любовь ты познаешь её».

Но как она любила его? Ты всё ещё называешь это любовью?

«А что ещё это было?»

Но я в ужасе, потому что кто бы не ужаснулся, если бы его полюбила [72/73] Саломея?

«Ты трус? И кроме того — я и моя дочь — были едины испокон веков».

Ты ставишь ужасные загадки. Как может быть, что эта порочная женщина и ты, пророк своего Бога, едины?

«Почему ты удивлён? Ведь ты сам видишь, мы вместе».

Как раз то, что я вижу, мне и не удаётся постигнуть. Ты, Илия, пророк, глашатай Божий, и она, кровожадная и рогатая⁴ — чудовище — вы символ крайней противоположности.

«Мы в самом деле едины, и мы не символы. Мы реальны и вместе».⁵ [73/74]

Чёрная змея скручивается на дереве и скрывается в ветвях.

Всё становится мрачным и сомнительным. Илия и Саломея⁶ поднимаются, он ведёт её за руку. Я стою в колебаниях. Илия идёт вперёд, машет рукой, и мы возвращаем-

¹ Этот абзац не появляется в *LN*.

² В *LN* вместо «извращённой» стоит «преступной» (*ibid.*)

³ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁴ Это прилагательное не появляется в *LN*.

⁵ Вместо этого абзаца в *LN* стоит: «Мы реальны и не символы» (р. 176).

⁶ В *LN* здесь упомянут только Илия.

ся в зал. Кристалл тускло сияет. Я снова думаю об образе Одиссея, как он проходил мимо каменистого острова сирен в своём длинном странствии. Стоит или не стоит?

Илия и Саломея молчат. Мы подходим к колоннам у входа.¹ Сомнение разрывает мне сердце — я не знаю. Всё так нереально, и всё же часть моего стремления остаётся позади. Приду ли я снова? Путь, который я не искал и никогда не ожидал?² Саломея любит меня? А я люблю её? Я слышу дикую музыку, тамбурин — знойная лунная ночь — затем кровавый остекленевший взор святого³ — страх охватывает меня — я спешу прочь. Я окружён тёмной ночью. Я посреди валунов, в отдалении вода низвергается со скал⁴ — кто убил героя? Поэтому Саломея меня любит? Я люблю её и потому убил героя? Она едина с пророком, едина с Иоанном, но также со мной? О горе, она рука Божья?

Я не люблю её. Я её боюсь. Мои колени дрожат.⁵

Голос⁶ говорит: «Здесь ты обретёшь её божественную силу».

Я должен полюбить Саломею?⁷ [75/76]

¹ Последние два предложения не появляются в *LN*.

² Последние два предложения не появляются в *LN*.

³ То есть головы Иоанна Крестителя.

⁴ Предыдущие две части предложения не появляются в *LN*.

⁵ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁶ В *LN* голос был назван духом глубин (р. 177).

⁷ Комментарий Юнга к этой записи см. в *LN*, pp. 178–83. На семинаре 1925 г. Юнг вспоминал: «Я использовал ту же технику спуска, но в этот раз пошёл гораздо глубже. В первый раз я спустился, скажем, на тысячу футов, но в этот раз глубина была космическая. Это было всё равно что отправиться на луну или вроде чувства спуска в пустое пространство. Сначала было изображение кратера, или горной цепи кольцом, и чувственная ассоциация была — мертвец, словно кто-то был жертвой. Это было настроение земли грядущего. Я видел двух человек, старика с белой бородой и прекрасную девушку. Я предположил, что они реальные, и слушал, что они говорили. Старик сказал, что он Илия, и я был потрясён, но она потрясла ещё больше, потому что это была Саломея. Я сказал себе, что это странная смесь: Саломея и Илия, но Илия заверил меня, что они с Саломеей были вместе испокон веков. Это тоже меня потрясло. С ними была чёрная змея, которую тянуло ко мне. Я держался Илии как самого разумного из всех, ведь он, вроде бы, оставался в уме. Насчёт Саломеи у меня были крайние сомнения. Мы долго говорили, но я ничего не понимал. Конечно, я думал о том, что мой отец был священником, и это объясняло появление таких фигур. Но, тогда как насчёт старика? Приблизиться к Саломее не следовало. Лишь позже я обнаружил, что её связь с Илией была вполне естественной. Всякий раз, когда вы совершаете такие путешествия, вы обнаруживаете юную девушку и старика» (*Introduction to Jungian Psychology*, pp. 680–89). Юнг затем приводит примеры этого шаблона в произведениях Германа Мелвилла, Густава Майринка и Райнера Хаггарда, в гностической легенде о Симоне Маге (см. *Книгу 6*, прим. 214), в Кундри и Клингзоре из *Парсифаля* Вагнера (см. *Книгу 4*) и в *Гипнэротомехии* Франческо Колоини. В *Memories* он отмечал: «В мифах змея — это частая противоположность героя. Есть множество описаний их родства. ... Потому присутствие змеи — это указание на миф о герое» (р. 206). О Саломее он сказал: «Саломея — это фигура анимы. Она слепа, потому что не видит смысла вещей. Илия — это фигура мудрого старого пророка, представляющая фактор разума и знания: Саломея — это эротический элемент. Можно сказать, что эти две фигуры — воплощения Логоса и Эроса. Но такое определение будет излишне интеллектуальным. Разумнее будет оставить эти фигуры такими, какими они были для меня тогда — а именно, событиями и переживаниями» (*Introduction to Jungian Psychology*, pp. 96–97). В 1955–1956 гг. Юнг писал: «По чисто психологическим причинам я в другом месте попытался приравнять мужское сознание к понятию Логоса, а женское — к понятию Эроса. Под Логосом я понимаю различение, суждение, понимание, а под Эросом — установление отношений» (*Mysterium Coniunctionis*, CW 14, par. 224). О понимании Юнгом Илии и Саломеи в терминах Логоса и Эроса соответственно см. *LN*, Appendix B, «Commentaries» (pp. 562ff).

22.XII.13¹

² Что я собираюсь писать? Передо мной всё темно. Нет никаких форм, ни светлых, ни тёмных. Это врата во тьму. Входящий должен цепляться за то, что ближе всего, должен нащупывать путь от камня к камню. К нему не приходят ясные мысли, приходится пробовать их все, ценные и бесполезные нужно принять с одинаковой любовью, потому что в этом мире тьмы наши ценности прекращают действовать. Гора — это мельчайшее ничто, и песчинка содержит царства³ — по крайней мере или нет.

Пусть отстанет от тебя всякое ценностное суждение, а также всякое логическое суждение, даже вкус следует отбросить перед вратами. Избавься от всякого знания и прежде всего дай принеси в жертву своё высокомерие, даже когда оно будто бы основано на достоинствах. [76/77] Входящий сюда — входи как нищий или тупой, потому что называемое нами знанием здесь лишь невежество, видение слепоты, слышание глухоты, ощущение бесчувствия.

¹ Понедельник. Ниже следует протокол речи Юнга 19 декабря 1913 г. на тему «Психология бессознательного» в цюрихском Психоаналитическом обществе:

«Для первобытных людей существует тесная связь с реальностью, ведущая к большой специализации восприятия, которая выражается в языке через отсутствие универсальных представлений. Эта интенсивная связь с реальностью кажется нам конкретизмом. Например, человек, убивший кролика, выражается так: он, один, живой, стрела и т.д. застрелил кролика. Таким образом, вместо понятия о человеке здесь конкретный образ. — Это не простое множественное число, но, например, в Гвинее — двойственное, тройственное, четверичное. Оригинальное числовое значение здесь очевидным образом не арифметическое, а мистическое, это качественная особенность.

Так появляется огромная сложность языка. Всегда должна быть следующая информация, например, для животных: положение в пространстве, расстояние, направление; например, «стол» требует добавления — неживой, вертикальный, деревянный; например, я ем хлеб — я хлебствую или что-то вроде этого, зависящее от типа еды.

Такой конкретизм долгое время мешает появлению абстрактных понятий. Потрясение на языке негров: коронарная артерия в животе разрывается. Гнев: у человека болит живот. Время: ходячее солнце. Молоко: охотник не ест. Скорпион: мужчина смотрит и плачет. Тарантул: кусает мужчину, он идёт домой и рассказывает. Здесь мы уже видим вмешательство субъективного наблюдателя в объективное. В дальнейшем это развитие приводит к первобытной способности добавлять качества к вещам вопреки опыту и придавать случайные значения символам. Например, зерно — это олень, также олень — это перо или облака, хлопок и так далее — это перья. Внутренняя психологическая ценность имеет такой же смысл, какой объективная имеет в реальности. Например, каждая болезнь на первобытном языке — это неисполненное желание души. — Только через *participation mystique* вещи приобретают действительность. Например, яд не убивает сам по себе, только заколдованный яд. — Вещам навязывается психологическая система. Для китайцев посмертная статуя мужа ещё может зачать ребёнка.

Отсюда огромная важность сновидений, и нет разницы между сновидением и опытом; зарождающееся в субъективном доминирует над объектом. Существуют причины и следствия. Всё можно понять, как последствие мышления, совпадающего с действием. Если бы человек только действовал, ничего сделать не удалось бы. Вот почему церемонии следует проводить правильно. Потому они полны галлюцинаций. Внутренний мир навязывает себя так же, как внешний: отсюда воздействие на природу через слова: например, не «солнце сияет и помогает росту», а «наш отец думает».

Потому нахождение аналогий — это очень важная деятельность. Достаточно рассказать миф, чтобы добиться эффекта, который описывает миф. Миф изначально был формулой исцеления через силу мысли. Магия аналогии нужна для достижения сублимации.

Отсюда следует: первобытный ум знает два рода умственной деятельности: конкретная передача реальности. 2: психический внутренний мир накладывается на реальность. Цель в том, чтобы поставить духовное выше конкретных вещей. Дать убит себя ради веры, т.е. подчеркнуть важность духа».

² Следующие четыре абзаца не появляются в *LN*.

³ Ср. Уильяма Блейка: «Небо синее — в цветке, / В горстке праха — бесконечность; / Целый мир держать в руке, / В каждом миге видеть вечность» (*Изречения невинности* [зд. в пер. В. А. Топорова — прим. персв.]

Войди через эти врата совершенно нищим, жалким, скромным, невежественным. Но даже в своей нищете, невежестве и смирении не будь жадным и самонадеянным, не ожидай ни хлеба, ни камней, но смотри без желания и страсти. Обрати весь свой гнев на себя, потому что только ты можешь помешать себе смотреть. Игра тайны утончённа, как воздух и тонкий дым, а ты — грубая материя, которая и без того возмутительно тяжела.

Пусть надежда, твоё высшее благо и лучшая способность, предшествует и служит тебе вождём в мире тьмы, потому что она той же сущности, что и [77/78] твоя твоя сущности. Пусть твоя надежда расширяется туда, в неопределимое.

¹ Я уже стою на этом пустынном месте в каменистой глубине, которая кажется мне гигантским кратером. В отдалении я вижу белый домик с колоннами, приткнувшийся к склону холма.² Кругом промозгло, туманно и темно.³

Вдали я вижу Саломею в белом платье,⁴ идущую вдоль холма налево, касаясь стен, как это делают слепые. За ней чёрная змея. Старик стоит у входа, он машет мне издали. Я с колебаниями подхожу ближе. Он зовёт Саломею назад, она приближается и принимает к нему.⁵ Похоже, она страдает. Я не могу найти в её облике чего-то кощунственного. [78/79] Её руки белы, а лицо — доброе.

Змея ложится перед ними. Я стою перед ними неуклюже, неуверенный, как глупый мальчишка.⁶

«Вот и я», — хочу сказать я. Слова застревают в горле. Всё кажется ужасно неуверенным и неопределённым.⁷

Старик внимательно смотрит на меня.

«Чего ты хочешь здесь?» — жёстко спрашивает он.⁸

«Прости меня, не навязчивость или нахальство привели меня сюда. Я здесь случайно, не зная, чего хочу. Но я признаю, что стремление вернуло меня, стремление, оставшееся вчера за твоим домом[»].

Я вижу, что Саломея поднимает голову, мягко улыбается старику. Это похоже [79/80] на тихое счастье. Да — похоже на то. Но — ведь она Саломея?⁹

¹ Liber Primus, глава 10, «Наставление» (LN, pp. 184ff). В LN есть добавление: «На следующую ночь меня привело ко второму образу» (р. 184).

² В LN вместо этого в предыдущем предложении стоит: «Перед собой я вижу дом с колоннами» (ibid.)

³ Предыдущее предложение не появляется в LN.

⁴ Детали о платье Саломеи не появляются в LN.

⁵ Предыдущие две части предложения не появляются в LN.

⁶ LN продолжает: «охваченный неуверенностью и неопределённостью» (р. 185).

⁷ Этот абзац не появляется в LN.

⁸ Тон Илии не упоминается в LN.

⁹ Предыдущий абзац не появляется в LN.

Видишь ли, пророк, я устал, моя голова тяжела, как свинец. Я потерялся в своём невежестве. Я наигрался с самим собой. Я играл в лицемерные игры с самим собой, и мне было бы противно, не будь умно вести себя в мире людей так, как ожидают от нас другие. Мне кажется, что здесь я более реален. Но мне здесь не нравится; я даже думаю, это место сопротивляется мне.¹

Илия и Саломея без слов отступают в дом. Я с неохотой следую за ними. Меня мучает чувство вины — это беспокойная совесть? Я бы хотел вернуться. Но я должен, я чувствую это.

В зале холодно. Вот [80/81] сияющий кристалл. Мне нужно подойти к нему и заглянуть в игру огней.² Я вижу в огненной короне Богоматерь с ребёнком, как на старой картине. Пётр стоит слева, склонившись.³ Пётр один с ключами — Папа с тройной короной среди праздничной публики⁴ — сидящий Будда появляется в огненном круге — теперь многорукая Кали,⁵ — эта кровавая Богиня — теперь сама Саломея, отчаянно выкручивающая руки,⁶ теперь эта белая фигура девочки с чёрными волосами — моя собственная душа — а теперь та белая фигура мужчины, которая тоже являлась мне тогда — она напоминает сидящего Моисея Микеланджело⁷ — это Илия.

Илия и Саломея стоят передо мной, реальные, будто мягко улыбаясь. [81/82]

Эти видения полны мучения, и смысл этих образов для меня неясен, Илия; пожалуйста, разъясни их.

Илия мягко улыбается и ведёт налево. Саломея входит в колоннаду справа. Я следую за Илией в ещё более тёмную комнату. На стенах, похоже, книжные полки. С потолка свисает горящая красная лампа. Я в утомлении сажусь в кресло. Илия стоит передо мной, опираясь на мраморного льва. За ним невзрачные чёрные и красные оконца.⁸

Он говорит:

«Ты встревожен? Почему ты боишься?»⁹ Твоя совесть беспокойна из-за невежества. Незнание действует как вина. Но ты думаешь, что это тяга к запретному

¹ Последнее предложение не появляется в *LN*.

² Последние три предложения не появляются в *LN*.

³ В *LN* Пётр описан стоящим «в восхищении» (р. 184).

⁴ Публика не упомянута в *LN*. Папа — это Пий X (1835–1914).

⁵ В *LN* стоит «Богиня» (р. 184).

⁶ Остаток абзаца не появляется в *LN*.

⁷ Моисей Микеланджело находится в базилике Сан-Пьетро-ин-Винколи в Риме. Статуя была объектом изучения Фрейда, который опубликовал в 1914 г. (*The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, ed. James Strachey in collaboration with Anna Freud assisted by Alix Strachey and Alan Tyson, tr. J. Strachey, 24 vols., vol. 13 [London, The Hogarth Press and the Institute of Psychoanalysis, 1953–1974]). Слово «сама» отождествляет Саломею с Кали, у которой скручены многочисленные руки. В комментарии во втором слое *Исправленного Черновика* Юнг отмечал: «Так я получаю идею и выражаю её в образе Будды, моё удовольствие подобно индийской Кали, поскольку она — другая сторона Будды. Однако, Кали — это Саломея, а Саломея — моя душа» (р. 109).

⁸ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁹ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

знанию [82/83] вызывает чувство вины. Ты ошибаешься, особенно насчёт себя. Почему, по-твоему, ты здесь?»

Я не знаю. Я погрузился в это место, когда по незнанию пытался сопротивляться неизвестному. И вот он я, изумлённый и потрясённый, как невежественный дурак. В твоём доме я сталкиваюсь со странными вещами, которые пугают меня и смысл которых мне неизвестен.¹

«Так слушай: если по закону ты не должен быть здесь, как бы ты тут оказался?»

Я подавлен неотвратимой слабостью, отец мой.

«Ты уклончив. Ты не можешь освободиться от своего закона».

Что ты имеешь в виду? Как могу я освободиться от того, что мне неизвестно, [83/84] что недостижимо ни для чувства, ни для предчувствия?

«Ты лжёшь. Разве ты не знаешь, как сам понял, что значит любовь Саломеи?»

Ты прав. Сомнительная и неуверенная мысль на мгновение возникла во мне, но я снова её забыл.

«Ты не забыл её. Она горела глубоко внутри. Но ты боишься мании величия?»² Ты так труслив? И ты не можешь так отличить эту мысль от собственной самости, от своей человеческой природы, чтобы возжелать присвоить её себе?»

Мысль ушла слишком далеко, и я остерегаюсь далеко идущих идей. Они опасны, поскольку [84/85] я также человек, а ты знаешь, как людям присуще считать мысли своими собственными, своими сокровенными, так что они, в конечном счёте, путают их с собой.

«Я спрашиваю тебя, спутаешь ли ты себя с деревом или животным, потому что смотришь на них и потому что они существуют с тобой в одном и том же мире? Думаю, очевидно, что твои мысли так же вне твоей разума самости, как деревья и животные вне твоего тела».³

Ты определённо прав со своей точки зрения.⁴ Но мой мир мыслей для меня был больше словом, чем фактом.⁵ Я думал, что мой мир мыслей и есть я сам.

«Так ты стал жертвой своей мании величия, сам того не заметив. [85/86] Ты говоришь своему человеческому миру, каждому "я", каждому существу вне тебя: это моё «я» или моё тело?»⁶

¹ В LN последняя половина этого предложения такова: «...и смысл которых неясен для меня» (р. 185).

² Предыдущее предложение не появляется в LN.

³ Юнг упоминал эту беседу на семинаре 1925 г. и комментировал: «Только тогда я узнал о психологической объективности. Только тогда я мог сказать пациенту: «Успокойтесь, что-то происходит». Существуют такие вещи, как мыши в доме. Вы не можете сказать, что неправы, когда у вас появляется мысль. Для понимания бессознательного мы должны рассматривать мысли как события, как явления» (*Introduction to Jungian Psychology*, p. 103).

⁴ Предыдущее предложение не появляется в LN.

⁵ В LN стоит «чем миром» (р. 186).

⁶ В LN вместо этого стоит: «Ты говоришь своему человеческому миру и всякому существу вне тебя: ты есть я?» (р. 186).

Я вступил в твой дом, отец мой, чувствуя себя школьником, которого вот-вот отчитают. Но ты научил меня целительной мудрости: я могу рассматривать мысль как существо вне меня. Это помогает мне возвращаться к тому ужасному выводу, что мой язык колеблется выразить.

Я думал, что Саломея любит меня, потому что я напоминаю Иоанна или тебя. Эта мысль казалась мне слишком смелой¹ и невероятной. Вот почему я отверг эту мысль и думал, что она любит меня, потому что я в самом деле твоя противоположность, [86/87] что она любит свою безнравственность в моей безнравственности. Эта мысль была разрушительной.

Старик молчит. Унылая тяжесть наваливается на меня. Внезапно в комнату входит Саломея и кладёт руку мне на плечо. Вероятно, она приняла меня за отца, в чьём кресле я сидел. Я не осмеливаюсь ни шевельнуться, ни заговорить.

Она говорит: «Я знаю, что ты не мой отец. Ты его сын, и я твоя сестра».

Ты, Саломея, моя сестра? Что за ужасное влечение исходило от тебя, этот неопишуемый ужас перед тобой, перед твоим прикосновением! Кто наша мать?

«Мария».

Это что, жуткий сон, Саломея, Илия?² Мария — наша мать? [87/88]

Что за безумие скрывается в твоих словах? Мать нашего Спасителя — наша мать?

Когда я переступил сегодня твой порог, я предвидел катастрофу — увы! Она наступила. Сомнение разрывает мне сердце.³ Ты сошла с ума, Саломея? Ты Илия, защитник божественного закона, говори же: это дьявольское заклинание, брошенное отвергнутым? Как она может такое говорить — или вы оба сошли с ума? Или я сошёл с ума?⁴

Вы символы, и Мария — это символ. Я просто слишком сбит с толку, чтобы понять вас.

Старик говорит:

«Ты можешь называть нас символами по той же причине, по какой можешь называть своих близких символами, [88/89] если пожелаешь. Но мы существуем и так же реальны, как твои близкие. Ты ничего не опроверг и ничего не разрешил, назвав нас ~~хх~~ символами».

Ты погружаешь меня в ужасное смятение. Вы хотите быть реальностями?⁵

Старик говорит: «Мы совершенно точно то, что ты называешь реальностями.⁶ Вот мы, и ты должен нас принять. Выбор за тобой».

¹ Это прилагательное не появляется в *LN*.

² В *LN* здесь не появляются имена Саломея и Илия.

³ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁴ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁵ В *LN* стоит: «реальными?» (р. 187).

⁶ В *LN* стоит «реальными» (*ibid*).

Я сижу в молчании. Саломея удалилась. Я оглядываюсь вокруг неуверенно и мрачно. В глубине комнаты высокое золотисто-красное пламя горит на круглом мраморном алтаре. Змея обвилась вокруг пламени. Её глаза [89/90] блестят золотыми отражениями. Шатаюсь, я поворачиваю к выходу. Передо мной могучий лев медленно проходит через зал.¹ Я слежу за ним без страха. Снаружи громадное звёздное небо изгибается над пустынным каменистым ландшафтом — холодный ночной воздух — я слышу отдалённый шум воды. Всё так реально и холодно. Я медленно иду по каменистой пустыне в эту долину загадок. Откуда я пришёл? Какой путь ведёт в этот подземный мир? Это действительно подземный мир? Кажется, будто здесь существуют навязчивые реальности. Что заставило меня прийти сюда, если не эти «другие» реальности? Очевидно, они как-то превосходят меня, раз я ничего не знаю [90/91] о них, тогда как они знают обо мне и вынудили меня — могли вынудить меня — прийти к ним неизвестным мне путём, по которому я, должно быть, летел бессознательно.

И немедленно я снова возвращаюсь, записывая в свою книгу, часы пролетели, и я устал от этого долгого путешествия. Что я принёс с собой? Думаю, я должен казаться очень тупым этим людям.

25.XII.13²

Могу ли я, ~~xx~~ скажем, также хотеть этой — до сих пор — горькой необходимости: даже желать её? Я не знаю, ведь всё так темно и глубоко таинственно. Тайну следует хранить в неприкосновенности — но о чём я говорю? Она хранится лучше, чем мог бы сохранить кто угодно, ведь человеческой руке её не коснуться, если только она не будет ему [91/92] дана. Никто не может украсть её, никто не может отнять её силой.

Врата могут открыться только тому, кто ждёт здесь в нищете и незнании.³

⁴ Я стоял перед горной грядой, которая круто вёла вверх, в пустошь. Серые зубчатые камни — синее небо. В этот момент я замечаю пророка высоко вверх. Он делает отвращающий жест, и я оставляю решение забраться к нему. Я жду внизу, уставившись вверх. Одежды пророка трепещут на ветру.

Я смотрю: справа от него темно — ночь; слева от него ясный день. Скала разделяет день и ночь.

¹ В *LN* вместо этого: «Когда я вхожу в зал, я вижу перед собой могучего льва. Снаружи стоит морозная звёздная ночь» (р. 187). Остаток этой записи в *LN* не воспроизводится. Комментарий Юнга к записи см. в *LN*, pp. 187–93.

² Четверг.

³ Предыдущие два абзаца в *LN* заменены на: «На третью ночь глубокое стремление продолжить погружение в таинства охватило меня. Борьба между сомнением и желанием была велика» (р. 194).

⁴ Liber Primus, глава 9, «Разрешение», *LN*, pp. 194ff.

Ночь как чудовищно огромное, чёрное, но прозрачное чудовище вроде змеи или дракона.¹ [92/93]

День, напротив, содержит крупную белую змею (с золотой короной?)²

Обе змеи одна кидаются ~~обеими~~ головами друг к другу, готовые к битве. Илия стоит на высоте между ними. Пророк поднимает руки в молитве.³ Внезапно змеи бросаются с гряды, и начинается ужасная борьба. Змея ночи по большей части на стороне дня.⁴ Огромные валы пыли поднимаются над схваткой и скрывают её. Змея ночи отступает. Передняя часть её тела становится белой. Змеи обвиваются друг вокруг друга, одна в свете, другая во тьме. Илия спускается сверху и останавливается на некотором расстоянии.⁵

Он говорит мне: «Что ты видел?» [93/94]

Я видел борьбу двух жутких змей, белой и чёрной. Мне казалось, что чёрная одолевает белую; но вот, чёрная отступила, и её голова и верхняя часть тела стала белой.

«Ты понимаешь это?»

Я раздумывал над этим, но не смог найти понятное объяснение. Возможно, это значит, что сила благого света станет такой великой, что даже сопротивляющаяся ему ночь будет освещена?⁶

«Следуй за мной».⁷

Илия поднимается передо мной вдоль по склону на высоту. Я следую за ним. Мы забираемся на самую верхушку горы. Наверху мы находим циклопическую⁸ кладку с тёмными трещинами [94/95] и дырами. Похоже, это был двор или округлый вал.

¹ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

² На семинаре 1925 г. Юнг сказал: «Через несколько вечеров я почувствовал, что следует продолжать, так что снова попытался следовать той же процедуре, но оно не спускалось. Я оставалось на поверхности. Затем я понял, что внутри меня конфликт из-за спуска, но не мог разобраться, в чём дело. Я лишь чувствовал, что два тёмных начала борются друг с другом: две змеи» (*Introduction to Jungian Psychology*, p. 104). Затем он пересказал следующую фантазию. В *LN* корона не упоминается.

³ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁴ В *LN* змеи просто описаны как чёрная и белая соответственно.

⁵ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁶ На семинаре 1925 г. Юнг истолковал этот эпизод так: «борьба двух змей: белая означает движение ко дню, чёрная — назад в царство тьмы, со всеми моральными аспектами. Во мне был реальный конфликт, сопротивление спуску. Сильнейшей тягой было подняться. Поскольку я был так впечатлён днём до увиденной жестокости этого места, я действительно хотел найти путь к сознанию, поднявшись, что и делал в горах. ... Илия сказал, что верх и низ — это одно и то же. Сравните *Ад* Данте. Гностики выражают ту же идею символом перевёрнутых конусов. Потому гора и кратер похожи. В этих фантазиях не было никакой сознательной структуры, это были просто случившиеся события. Так что, я полагаю, Данте получил свои идеи от тех же архетипов» (*Introduction to Jungian Psychology*, pp. 104–5). Макгуайр предполагает, что Юнг ссылается на концепцию «конической формы впадины ада с его кругами, отражающими в обратном порядке форму небес с его сферами» (*ibid.*) В *Aion* Юнг также отмечал, что змеи были типичной парой противоположностей, и конфликт между змеями был мотивом, встречающимся в средневековой алхимии (*CW* 9, pt. 2, par. 181).

⁷ Предыдущее и следующее предложения не появляются в *LN*.

⁸ Это прилагательное не появляется в *LN*. На семинаре 1925 г. Юнг добавил: «Я думал: «Ха, это священное место друидов»» (*Introduction to Jungian Psychology*, pp. 104, 96).

Под валом — ~~хх~~похожие на пещеры полости. Посреди двора огромный камень, массивный валун, плоский сверху.¹ Пророк встаёт на камень.

Он говорит:

«Это храм солнца. Это окружённое место — сосуд, собирающий свет солнца, Бога[»].²

Пока Илия спускается с камня, я понимаю, что его фигура стала меньше. Он превратился в карлика, который кажется мне чужим.

Я в изумлении спрашиваю: Кто ты?

«Я Миме, и я покажу тебе источники.³ Свет, что был собран этим сосудом, становится водой и [95/96] течёт во многие ручьи с вершины в долины земли». Миме идёт к одной из расщелин в кладке и ныряет во тьму. Я следую за ним. Внутри тёмная ночь. Можно слышать журчание ручья.

Голос карлика раздаётся снизу: «Вот мои источники. Всякий, кто пьёт из них, становится мудрым».

Но я не могу спуститься;⁴ вместо этого я опираюсь на камень внизу. Мои глаза постепенно привыкают к темноте. Я вижу карлика, стоящего в синеватом тусклом свете у небольшого ручейка. Но я не могу спуститься.

Я теряю отвагу. Снаружи на гигантском дворе я вижу яркое солнце. Карлик кажется мне призрачным. У меня чувство [96/97] галлюцинации.⁵ В сомнении я переступаю взад-вперёд по гигантским плитам двора, не в силах решить, не призрак ли заманил меня в это место.⁶ Потому что всё кажется мне странным и непостижимым. Это был Илия? Это был Миме?⁷

Здесь так одиноко и смертельно тихо, воздух ясен и прохладен, как в самых высоких горах — вокруг чудесные потоки солнечного света. Я вижу вокруг могучие стены, образующие горизонт — зубчатые стены. Серый и жёлтый лишайник растёт на камнях, а кроме него — ни единого стебелька травы. Что с этим местом? Думаю, это может быть священное место поклонения друидов.⁸

Чёрная змея ползёт по камням — это змея пророка. Как она попала сюда из подземного мира? Я слежу за ней взором и вижу, [97/98] как она заползает на стену. Всё кажется странным. Здесь стоит домик с портиком — крошечный, прижав-

¹ В *LN* было добавлено «как алтарь» (р. 195).

² Последняя фраза не появляется в *LN*.

³ В *Кольце Нибелунга* Вагнера карлик Миме — брат Альбериха и умелый кузнец. Альберих украл золото Рейна у дочерей Рейна; отказавшись от любви, он смог выковать из него кольцо, дававшее безграничную силу. В *Зигфриде* Миме, живущий в пещере, воспитывает Зигфрида, чтобы тот убил великана Фафнера, который превратился в дракона и теперь владеет кольцом. Зигфрид убивает Фафнера нерушимым мечом, который создал Миме, а потом убивает самого Миме, намеревавшегося убить Зигфрида после того, как тот вернёт кольцо.

⁴ Остаток абзаца не появляется в *LN*.

⁵ Предыдущие три строки не появляются в *LN*.

⁶ Предыдущие три строки не появляются в *LN*.

⁷ Предыдущая строка не появляется в *LN*.

⁸ Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

шийся к скале, змея становится бесконечно маленькой — я чувствую, словно и сама уменьшаюсь — стены превращаются в огромную гору, и я внизу у основания кратера в подземном мире, стою у дома пророка, который, похоже приобрёл естественный размер.¹

Здесь, внизу, темнота и ночь, как всегда.

Пророк появляется в дверях дома. Я быстро вхожу и говорю Илие:

Я заметил, что ты показал мне и дал пережить самые разные странные вещи, прежде чем позволил прийти к тебе сегодня. Но я признаю, что всё это для меня неясно. Твой мир является мне сегодня в новом [98/99] свете. Только что мне казалось, что я звёздными пространствами отделён от твоего места, до которого ещё надеялся сегодня добраться. Но вот, это оказывается одно и то же место.

«Ты, сын мой, слишком сильно хотел сюда попасть. Я не обманул тебя, ты сам себя обманул. Тот, кто хочет видеть, видит плохо, он слишком много примеряется. Ты перехитрил самого себя».

Действительно, я не только хотел, но страстно стремился добраться до тебя, ~~хх~~ услышать то, что вы с Саломеей будете продолжать объяснять мне. Саломея меня поразила и привела в недоумение. Я был сбит с толку, потому что сказанное ею казалось мне чудовищным и безумным. Где Саломея?

«Какой ты сегодня порывистый! Что с тобой? Сначала подойди к кристаллу [99/100] и проверь своё сердце в его свете».

Я подхожу к кристаллу.² Огненный венок появляется перед моими глазами, он окружает пустоту. Я охвачен страхом. Отец мой,³ я вижу башмак, вроде того, что на гербе *Bundschuh* [«Башмак» — прим. перев.] — я вижу ногу великана, которая сокрушает целый город⁴ — я вижу лик солнца — мой собственный образ, он улыбается: о горе, что это значит?⁵

«Смотри дальше, ты нетерпелив. Умерь своё желание. Видишь ли, ты сам стоишь у себя на пути».

Я вижу крест — удаление креста[,] оплакивание — какое мучительное зрелище!

Я больше не томлюсь.

«Ты должен».⁶

¹ Последняя часть предложения и три следующих предложения не появляются в *LN*.

² Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

³ Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

⁴ В интервью с Джин Намеке Герман Мюллер, водитель н разнорабочий Юнга, рассказывает о беседе с Юнгом, которая, похоже, связана с этим эпизодом: «Однажды он рассказал мне свой сон. Он сказал, что ему снился «Bund-schuh» и спрашивал, знаю ли я, что это. Тогда я рассказал ему, что это противоположность «Schnallen-Schuh» [«Пряжка башмака» — прим. перев.]. (Это было во время крестьянских войн после или, вернее, из-за Лютера). Это был единственный раз, когда он рассказал мне сон. Во всяком случае, он спросил меня, не знаю, почему. «Bund-Schuh» — это была одна из сторон во время крестьянских войн. «Schnallen-Schuh» были знатью, а «Bund-Schuh» были бедняками» (Биографический архив Юнга, *CLM*, р. 95).

⁵ Предыдущие три части предложения и следующий абзац не появляются в *LN*.

⁶ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

Я вижу ребёнка с белой змеей в правой руке и чёрной змеей в левой. [100/101]

Я вижу зелёную гору, крест на ней и потоки крови, текущие с вершины горы.

Я больше не могу смотреть — это невыносимо.

«Ты должен».¹

Я вижу крест и Христа на нём в последний час и во время последнего мучения.
У подножия креста свилась чёрная змея.

Я чувствую, что змея пророка обвилась вокруг моих ног и туго стягивает их.
Пророк смотрит на меня пылающим взором.² Я зажат и протягиваю ~~хх~~ руки в стороны, словно околдованный. Саломея подходит справа — Змея обвилась вокруг моего тела, и мне кажется, что у меня лицо льва.

Саломея говорит:

«Мария была матерью Христа. Теперь ты понимаешь?»

Я вижу, что ужасная [101/102] и непостижимая сила заставляет меня подражать Господу в его последнем мучении. Но как могу я осмелиться назвать Марию своей матерью?

«Ты Христос».

Я стою с протянутыми в стороны руками, словно распятый, моё тело туго растянато и страшно сжато змеей. Илия смотрит на меня пылающим взглядом.³

«Ты, Саломея, говоришь, что я Христос?»⁴

¹ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

² Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

³ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁴ На семинаре 1925 г. Юнг вспоминал, как после заявления Саломен, что он был Христом: «Несмотря на мои возражения, она утверждала это. Я сказал: «Это безумие» и исполнился скептического сопротивления» (*Introduction to Jungian Psychology*, p. 104). Он истолковал это событие так: «Подход Саломен и её почитание меня — это, очевидно, та сторона подчинённой функции, которая окружена аурой зла. Человека осаждает страх, что, возможно, это безумие. Так оно и начинается, это *и есть* безумие. ... Нельзя осознать эти бессознательные факты, не отдавшись им. Если вы сможете преодолеть свой страх перед бессознательным и дадите себе спуститься, эти факты обретают собственную жизнь. Вы можете быть так охвачены этими идеями, что действительно сойдёте с ума, или почти сойдёте. Эти образы обладают такой реальностью, что навязываются, и таким исключительным смыслом, что человек оказывается заворожён. Они образуют часть древних мистерий; на самом деле, именно такие фантазии и составляли мистерии. Сравните мистерии Иисуса, рассказанные у Апулея, с посвящением и обожествлением посвящённого. ... Проходя через такую инициацию, испытываешь особое чувство. Важной частью, ведущей к обожествлению, была опутавшая меня змея. Поступком Саломен было обожествление. Животное лицо, которое я ощущал, как своё, было знаменитым [Deus] Leontocephalus митраистских мистерий, фигура, представлявшая собой обвитого змеей человека, причём змеиная голова поклонялась на голове человека, а его лицо было лицом льва. ... В такой мистерии обожествления вы превращаете себя в сосуд и становитесь сосудом творения, в котором примиряются противоположности». Он добавил: «Всё это митраистский символизм от начала до конца» (*ibid.*, pp. 105–8). В *Золотом осле* Луций проходит посвящение в мистерии Иисуса. Значимость этого эпизода заключается в том, что это единственное сохранившееся прямое описание такой инициации. Луций говорит: «Достиг я рубежей смерти, переступил порог Прозерпины и вспять вернулся, пройдя через все стихии; в полночь видел я солнце в сияющем блеске, предстал пред богами подземными и небесными и вблизи поклонился им». После этого он оказался на кафедре храма перед толпой. Он носил одежды с рисунками змей и крылатых львов, нёс факел и «великолепный венки из лантеев ослепительно прекрасной пальмы, расходившихся в виде лучей» [зд. в пер. М. Кузмина — прим. перев.]. В немецком переводе в библиотеке Юнга, это место отмечено чертой на полях.

Я словно стоял один на высокой горе с онемевшими раскинутыми в стороны руками, змея сжимает моё тело ужасными кольцами, и кровь вытекает из тела, проливаясь по склону горы.

Но я снова перед кристаллом в том же положении.¹ Саломея склоняется к моим ногам и оборачивает [102/103] вокруг них свои чёрные волосы. Она лежит так долго, затем кричит: «Я вижу свет!» И поистине, она видит, её глаза открыты. Змея отваливается от моего тела и лежит безжизненно на полу. Я переступаю через неё и склоняюсь к ногам пророка, чей облик сияет пламенем.

Он говорит: «Твоя работа здесь исполнена. Другие вещи грядут, о которых ты ещё не знаешь.² Но ищи неустанно, и прежде всего пиши в точности, что видишь».

Саломея в восторге смотрит на свет, идущий от пророка. Илия превращается в огромное пламя белого света, и змея лежит у подножия пламени. Саломея становится на колени перед светом в изумлённом молении. Слёзы текут у меня из глаз. Я спешу наружу, в ночь.³ Мои ноги не касаются земли, этой чуждой [103/104] земли, и я словно сливаюсь с воздухом.⁴

Я снова возвращаюсь. Что-то завершилось. Словно я принёс с собой уверенность — и хх надежду.⁵

26.XII.13⁶

...Когда любовью я дышу,
То я внимателен; ей только надо
Мне подсказать слова, и я пишу».
Данте, Чистилище, 24, 52—54.

¹ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

² Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

³ В *LN* было добавлено: «...как тот, кто не причастен славе таинства» (р. 198).

⁴ В работе «О психологических аспектах фигуры Керы» (1941) Юнг описывал эти эпизоды так: «В подземном доме, на самом деле, в подземном мире, живёт старый маг и пророк со своей «дочерью». Она, однако, не совсем его дочь, она танцовщица, весьма распутный человек, но она слепа и ждёт исцеления» (CW 9, pt. 1, par. 360). Это описание Илии связывает его с последующим описанием Филемона. Юнг отмечал, что это «показывает незнакомку как мифологическую фигуру в потустороннем (то есть в бессознательном). Она *soror* или *filia mystica* иерофанта или «философа», очевидно, параллель тем мистическим сизигиям, с которыми мы сталкиваемся в фигурах Симона Мага и Елены, Зосимы и Феозвы, Комария и Клеопатры и так далее. Наша фигура из сновидений лучше всего согласуется с Еленой» (ibid., par. 372). Комментарий Юнга к этой записи см. в *LN*, pp. 198—207.

⁵ Предыдущий абзац не появляется в *LN*. Этот раздел становится концом записей, из которых было составлено то, что впоследствии станет основой *Liber Primus*.

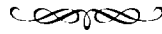
⁶ Пятница.

И как сиянье повсеместно ходит
 За пламенем и неразрывно с ним,
 Так новый облик вслед за духом бродит.
 Данте, [Чистилище], 25, 97–99¹

[104/105] Ночь начинается с чувства невежества и бессилия. Только ожидание бдит, словно вглядываясь с высокой башни, возвышающейся над окружающей местностью.²

Я стою на высокой башне. Далеко распростёрся горизонт. Серое и облачное небо нависло над землёй. Я весь ожидание.³ Вдалеке я замечаю красную точку. Она приближается по извилистой дороге, на время исчезая в лесах и снова появляясь — это всадник в красной одежде, красный всадник — красный рыцарь?⁴

Я в замке на крутой скале — средневековая атмосфера.⁵ Мне кажется, что на мне зелёная одежда. Могучий рог висит на плече. Красный всадник приближается к замку. [105/106]⁶ Следует ли мне задуть в рог? Мной овладевает колебание — но я делаю это. Звучный рёв рога. Внизу из дверей спешат люди — они открывают врата. Красный въезжает и спрыгивает с лошади. Я неподвижно ожидаю. Его словно сопровождает что-то жуткое. Я удаляюсь в чертог башни и слежу за дверью. Что, если Красный придёт ко мне — возможно, как гость крепости — зачем ему забираться ко мне?

¹ [Зд. в пер. М. Лозинского]. Юнг цитировал немецкий перевод Рудольфа Пфлейдерера. У него было двухтомное издание (Stuttgart: Verlag von Karl Keim, 1871–72).

² *Liber Secundus*, глава 1, «Красный» (LN, pp. 212ff). Вместо этого абзаца в LN стоит: «Дверь в *Mysterium* закрылась за мной. Я чувствую, что моя воля парализована, и дух глубин завладел мною. Я ничего не знаю о пути. Потому я не могу хотеть ни того, ни этого, поскольку ничто не указывает мне, хочу ли я того или другого. Я жду, не ведая, чего. Но уже на следующую ночь я почувствовал, что достиг твёрдой опоры» (p. 212).

³ Предыдущие три предложения не появляются в LN, где добавлено: «Сам воздух подсказывает мне: я далеко в прошлом» (ibid.)

⁴ В LN не упоминается «красный рыцарь». Возможно, это аллюзия на красного рыцаря легенды о Граале, заклятого врага Артура, который был убит Парсифалем. В своём исследовании легенды о Граале Эмма Юнг и Мария-Луиза фон Франц толковали эту фигуру как «тень» Парсифаля и «первое проявление [его] будущей внутренней целостности» (*The Grail Legend*, tr. Andrea Dykes [Princeton: Princeton University Press, 1998], pp. 56–57).

⁵ Предыдущая часть предложения не появляется в LN.

⁶ Остаток этого абзаца не появляется в LN.

Я слышу шаги на лестнице — доски скрипят — он стучит — мной овладевает странный страх. Я дрожу и открываю дверь. Там стоит Красный. Долговязая фигура, полностью закутанная в красное, даже волосы красного цвета. Я думаю: в конце концов он окажется дьяволом.

Он говорит: «Приветствую тебя, человек [106/107] на высокой башне. Я видел тебя издали, наблюдающего и ожидающего. Твое ожидание призвало меня».

Кто ты?

«Кто я? Ты думаешь, что я дьявол. Не спеши с суждениями. Возможно, ты сможешь разговаривать со мной, не зная, кто я такой. Какой ты суеверный, раз немедленно думаешь о дьяволе?»

Если у тебя нет сверхъестественных способностей, как мог ты почувствовать, что я стою в ожидании на моей башне? Ожидая неизвестного и нового? Мы в крепости живём бедно, особенно я,¹ ведь я всегда сижу здесь, и никто ко мне не забирается.

«Так чего ты ждёшь?»

Я жду самых разных вещей, и особенно жду, пока ко мне придут богатства мира, которых мы [107/108] тут не видали.

«Так значит, я пришёл куда нужно. Я долго странствовал по миру, ища кого-то вроде тебя, сидящего на высокой башне в ожидании невиданных вещей».

Мне становится любопытно. Ты, похоже, редкая птица. Даже выглядишь ты необычно. И кроме того — уж прости — мне кажется, что вокруг тебя странная атмосфера, что-то мирское, бесстыдное или буйное — или — если говорить точнее — что-то языческое.

Незнакомец самодовольно смеётся.²

«Ты меня не обидел, напротив, ты попал прямо в точку. Но я не старый язычник, как ты, похоже, подумал».

Я не буду на этом настаивать. [108/109] Кроме того, ты не напыщен и недостаточно латинянин. В тебе нет ничего античного. Ты словно сын нашего времени, но, следует отметить, довольно необычный — да, даже крайне необычный. Ты не настоящий язычник, но такой язычник, что живёт рядом с нашей христианской религией.

«Ты действительно умело разгадываешь загадки. Тебе это удаётся лучше прочих, полностью ошибавшихся во мне».

Ты говоришь спокойно и насмешливо. Разве ты ~~не~~ никогда не сокрушался сердцем из-за святейших таинств нашей христианской религии?

«Ты невероятно скучный и серьёзный человек. Ты всегда так настойчив?»

¹ Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

² Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

Я бы — Бог свидетель — всегда хотел оставаться таким серьёзным и верным самому себе, как сейчас. Однако, в твоём присутствии это действительно трудно. Вокруг тебя какая-то зловещая атмосфера. Ты наверняка [109/110] из чёрной школы Салерно,¹ где язычники и потомки язычников учат пагубным искусствам.

«Ты суеверен и слишком немец. Ты буквально принимаешь то, что говорят твои Святые² писания, иначе не стал бы судить меня так строго».

Строгое суждение — последнее, чего я хочу. Но нюх меня не обманывает. Ты уклончив и гибок и не хочешь раскрывать себя. Что ты скрываешь?

Красный словно становится краснее, его одежды сияют, как раскалённое железо.

«Я ничего от тебя не скрываю, набожная ты душа. Он Я просто развлекаюсь над твоей тяжеловесной серьёзностью и комичной правдивостью. Это так редко в наше время, особенно среди людей, обладающих [110/111] пониманием».

Полагаю, ты не вполне понял меня. Ты, очевидно, сравнил меня с теми, кого ты знаешь. Но я должен сказать, что поистине не принадлежу ни к этому времени, ни к этому месту. Странное заклятье изгнало меня в это место и время на долгие годы. Почему и зачем, я не знаю. В действительности я не такой, каким ты меня видишь.

«Ты говоришь поразительные вещи. Я этого не знал. Так кто же ты тогда?»

Неважно, кто я. Я стою перед тобой как есть. Зачем я здесь, мне неизвестно. Но я знаю, что должен быть здесь, чтобы оправдать себя, по совести. Я так же мало знаю, кто ты, как и ты знаешь — кто я.

«Хм, это звучит очень странно. Ты [111/112] вроде святого? Едва ли философ, ведь у тебя нет склонности к учёному языку. Но святой? Наверняка. Твоя торжественность пахнет фанатизмом. У тебя нравственный вид и простота, отдающая чёрствым хлебом и водой».

Не могу сказать ни да, ни нет. Могу лишь сказать, что ты говоришь, как запертый в духе этого времени. Мне кажется, что тебе недостаёт сравнений.

«Возможно, ты посещал школу язычников? Ты отвечаешь искусно, как софист.³ Как же ты тогда измеришь меня по меркам христианской религии, если ты не святой?»

Однако мне кажется, что можно применять эту мерку, даже если ты не святой в смысле христианских религии понятий. Полагаю, я узнал, что никому не дозволяется избегать [112/113] таинств христианской религии без наказания. Я повто-

¹ Салерно — это город в юго-западной Италии, основанный римлянами. Юнг мог иметь в виду *Academia Segreta*, которая была учреждена в 1540-х годах и продвигала алхимию.

² Этого слова нет в *LN*.

³ Софисты были греческими философами в V—IV вв. до н.э., прежде всего в Афинах. Нападки Платона на них в *Протагоре* породили современное использование термина «софист» со всеми негативными оттенками: человек, который играет словами.

рю, тот, чьё сердце не сокрушалось из-за Господа Иисуса Христа, тащит язычника с в себе, удерживающего его от самого лучшего.

Красный снова сияет и гневно говорит:¹ «Тот же старый напев? Зачем, если ты не христианский святой? Ты точно не проклятый софист?»

Ты застрял в собственном мире. Но ты можешь понять, что возможно верно оценить достоинства христианства, не будучи настоящим святым.

«Ты доктор теологии, изучающий христианство снаружи и оценивающий его исторически? То есть всё-таки софист?»

Ты упрям. Я имею в виду, что это едва ли совпадение — весь мир стал христианским, раз это была одна из главных задач человека — точнее — западного человека [113/114] — нести Христа в сердце и расти с его страданием, смертью и воскресением.

«Ну, есть также евреи, хорошие люди, но они не нуждались в твоих торжественных учениях».

Полагаю, ты не очень хорошо разбираешься в людях, хотя в других отношениях, похоже, знаешь мир лучше меня.² Разве ты не замечал, как еврею чего-то не хватает — одному в голове, другому в сердце, и он сам чувствует, как ему чего-то недостаёт.

«Поистине, я не еврей, но должен выступить на защиту еврея: ты, похоже, ненавидишь евреев».

Что ж, теперь ты говоришь бездумно,³ как все те евреи, которые всегда называют верное суждение ненавистью к евреям.⁴ Поскольку они особенно ясно чувствуют эту нехватку именно в присутствии христианина,⁵ они защищаются [114/115] невежественной чувствительностью против этого факта.⁶ Ты полагаешь, что вся эта борьба, все эти кровавые жертвы не оставили следа на душе христианина?⁷ И ты полагаешь, что тот, кто не испытал этой борьбы⁸ самым глубоким образом, ещё может быть причастен к её плоду? Никто не может попить духовное развитие многих столетий, а затем жать там, где не сеял.⁹

¹ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

² Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

³ Юнг не использовал это слово в *LN*.

⁴ В *LN* вместо этого стоит: «обвиняют в ненависти к евреям любого, кто не судит целиком благосклонно» и добавлено: «хотя они сами отпускают убийственные шутки о самих себе» (р. 216).

⁵ «В присутствии христианина» не появляется в *LN*.

⁶ В *LN* последняя часть предложения была заменена на «и, однако, не хотят этого признать, ведь они крайне чувствительны к критике» (р. 216).

⁷ Вместо предыдущей части предложения в *LN* стоит: «что христианство не оставило следа на душах людей?» (ibid.)

⁸ В *LN* не появляются слова «этой борьбы».

⁹ Предыдущее предложение не появляется в *LN*. Ср. Мф. 25:24: «Подошел и получивший один талант и сказал: господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал».

Красный стал немного бледнее.¹ «Ты хорошо обосновываешь свою мысль. Но эта торжественность! Ты мог бы сильно облегчить себе жизнь. Раз ты не святой, я в самом деле не понимаю, зачем быть таким торжественным. Ты совершенно портишь всё веселье. Что за дьявол тяготит тебя? Только христианство с его скорбным бегством от мира может делать людей такими нудными».²

Я думаю, есть и другие вещи, обуславливающие серьёзность. [115/116]

«О, я знаю, ты имеешь в виду жизнь. Я знаю эту фразу. Я тоже живу и не позволяю себе сесть от этого. Жизнь не требует никакой серьёзности. Напротив, лучше танцевать по жизни».

Я знаю, как танцевать — да, если бы только танец мог помочь! Танец подходит к брачному сезону. Я знаю, что есть те, кто всегда в пылу, и те, кто всегда хотят танцевать для своих Богов; некоторые из них — нелепо ликующие старики и старухи, а другие встают в позу античности, вместо того, чтобы честно признаться в своей совершенной неспособности к религиозному³ выражению.

«Здесь, мой дорогой, я снимаю маску. Теперь я становлюсь несколько серьёзнее, поскольку это касается моей вотчины. Вероятно, есть некая третья вещь, для которой символом может быть танец». [116/117]

Красное на всаднике превращается в мягкий красноватый телесный цвет. На моей зелёной одежде пробивается листва. Красный вообще-то очень похож на меня.⁴

Возможно, есть ещё радость перед Богом, которую можно назвать танцем. Но я пока не нашёл этой радости. Я ищу вещи, которые грядут. Вещи явились, но радости среди них не было.

«Разве ты не узнаёшь меня, брат, я — радость!»

Как ты можешь быть радостью? Я вижу тебя как сквозь облако. Твой образ размывается. Дай мне взять тебя за руку, возлюбленный — где ты? — где ты?⁵

⁶ Я один в чертоге моей башни. Дождь стучит по стеклу, снаружи холодная ветреная ночь. Маленькое красноватое пламя трепещет над моим столом, [117/118] как призрачный огонёк. Но это тёплое сияние. Тихий запах роз наполняет комнату. Около полуночи.

¹ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

² В *LN* добавлено: «и мрачными».

³ Это слово не появляется в *LN*.

⁴ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁵ См. Шиллера, «Оду к радости». Юнг цитировал это стихотворение как пример дионисийского развития (*Psychological Types*, CW 6, par. 234).

⁶ Остаток записи не появляется в *LN*. Комментарий Юнга к записи см. в *LN*, pp. 217–19.

Радость? Он был радостью? Боже, помоги, что из этого выйдет?»¹

28.XII.13

² Куда мне протянуть руку? Что я схвачу? К какому видению обращается мой взор? Бесконечная полнота всё равно что бесконечное ничто. Не требуя и не заклиная, но молясь, приближается к порогу видения. Прими с благодарностью и верой, не спрашивай, почему? Никогда не суди то, что вложено тебе в руку. Тебе это кажется камнями? Но даже камни могут превратиться в хлеб. Терпеливо жди слово, которое скажет твоя душа. [118/119]

Она говорит:

«Я здесь. Где ты был?»

Я смотрел поразительные видения.

«Они удовлетворили твой голод?»

Я испил их, как жаждущий. Я принял их с мерой веры и надежды, которую смог призвать. Ты знаешь, как это мало. Но я не мог сказать, что голод и жажда утолены. Ты знаешь, как я стремлюсь к тому, что мы называем точностьюями. Но природа этих видений неясна и полна сомнений. Я не могу ясно разобрать, что они хотят сказать.

«Ты увидишь больше — более ясные вещи».

Надеюсь с благодарностью.

[119/120]³ Крепость, стоящая в воде — тёмная болотная вода. Стены зеленовато-влажные — вокруг лес — всё ужасно одиноко и заброшено. Вечер. Я странник, похоже, сбившийся с пути, добравшийся до крепости через лес.⁴ Старый деревянный мост ведёт через пруд — врата закрыты.⁵ Я стучу дверным молотком, потому что мне кажется, что в одном из окон есть ~~тх~~ свет.⁶ — Я жду — идёт дождь, и начинается ночь.⁷ Я жду и снова стучу. Теперь я слышу шаги — кто-то открывает —

¹ Комментарий Юнга к этой записи см. в *LN*, pp. 217–20.

² Воскресенье. Первая часть этой записи не появляется в *LN*.

³ *Liber Secundus*, глава 2, «Замок в лесу» (*LN*, p. 220). В *LN* было добавлено следующее: «На вторую ночь после этого я иду один в тёмном лесу и замечаю, что сбился с пути. Я на тёмной просёлочной дороге, спотыкаюсь во тьме».

⁴ Предыдущее предложение не появляется в *LN*. Ад Данте начинается с того, что поэт теряется в сумрачном лесу. На этой странице у Юнга разрыв бумаги.

⁵ В *LN* добавлено: «Думаю, стоит попросить здесь ночлега» (p. 220).

⁶ Предыдущая часть предложения отсутствует в *LN*.

⁷ Предыдущая часть предложения отсутствует в *LN*.

человек, похожий на слугу с грубым лицом, в средневековой одежде,¹ открывает и спрашивает, чего я хочу — я бы хотел ночлега. Слуга впускает меня — низкий тёмный вестибюль, чёрная дубовая мебель. [120/121] Меня ведут по старой лестнице. Наверху более высокий и широкий коридор с белеными стенами, уставленный сундуками и оленьими рогами. Меня приводят в своего рода приёмную. Это обычная комната с простой обитой мебелью — смутный, тусклый свет от висящей лампы лишь едва освещает комнату. Слуга стучит в боковую дверь, а затем тихо открывает её — это я быстро оглядываю её — это кабинет учёного — с книжными полками по четырём стенам — большой письменный стол, за которым сидит старик в длинной чёрной мантии. Он занят чтением и письмом.² Он даёт мне знак войти. Я захожу в комнату. Здесь тяжёлый воздух, и старик кажется измученным заботами. Он не лишён достоинства,³ но имеет такой скромно-напуганный вид учёных [121/122] мужей, которых давно раздавило изобилие того, что можно испытать и познать.⁴ Думаю, это настоящий учёный, который научился великой скромности до того, как приобрёл бездонные познания и полностью отдался материалу науки и исследования, тревожно и постоянно оценивая, словно лично должен представлять проработку научной истины.

Он смущённо приветствует меня, словно настороже. Я не удивляюсь этому, ведь выгляжу как обычный человек. Лишь с трудом он может отвернуться от своей работы и отсутствующе спрашивает, чего я хочу.⁵ Я повторяю свою просьбу о ночлеге, о постели.

«Значит, вы хотите спать, так спите».

Я замечаю, что он рассеян, и потому прошу [122/123] сообщить слуге показать мне комнату.

«Вы требуете — погодите — я не могу просто всё бросить».

Он снова погружается в книгу. Я терпеливо жду. Спустя какое-то время он поднимает взгляд с изумлением: «Чего вы хотите? О, простите меня, я совершенно забыл, что вы ~~хх~~ждёте здесь. Я немедленно позову слугу». Слуга приходит и ведёт меня в небольшую комнату на том же этаже, с пустыми стенами и большой постелью с синим покрывалом.⁶ Затем он желает мне доброй ночи и закрывает дверь.

¹ В *LN* вместо этого стоит: «в старомодном одеянии».

² Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

³ В *LN* добавлено следующее: «...он кажется одним из тех людей, что преисполнены достоинства» (р. 220).

⁴ Эта фраза в *LN* была заменена на: «изобилие знания» (*ibid.*)

⁵ Последняя часть предложения не появляется в *LN*.

⁶ В *LN* покрывало не упомянуто.

¹ Я немедленно раздеваюсь и отправляюсь в постель, потушив свет заострёнными медными съёмцами, лежащими возле свечи — сальная свеча, показавшаяся необычной.² Простыня необычно грубая — подушка твёрдая.

Блуждания привели меня в это странное место — небольшую старую крепость, [123/124] учёный владелец которой, очевидно, проводит вечера наедине со своими книгами — в доме, похоже, никто больше не живёт — кроме слуги, живущего у ворот — идеальное, хотя довольно уединённое существование, эта жизнь старика с книгами — так я думаю. Мысль, что старик прячет здесь прекрасную юную дочь, не оставляет меня — вульгарная идея из романов — безвкусная, затасканная тема — но куда денешься от романтики — настоящая идея из романов — замок в лесу — одинокий — старик, каменеющий над своими книгами, защищающий ценное сокровище и завистливо прячущий его от мира. Что за нелепые мысли ко мне приходят — это ад или чистилище, если мне приходят такие ребяческие фантазии во время ночных блужданий? Но я бессилён возвысить мысли [124/125] к чему-то более прекрасному — полагаю, нужно позволить приходить этим мыслям — что хорошего в том, чтобы отталкивать их, ведь они придут снова — лучше проглотить это несвежее питьё, чем держать во рту.

Так как она выглядит — эта скучная героиня романа? — Определённо блондинка — бледная — голубые глаза — тоскливо надеется, что всякий заблудившийся путник — это её спаситель из родительской тюрьмы — о, я знаю эту банальную нелепицу — лучше уснуть — какого дьявола я докучаю себе такими пустыми фантазиями?

Сон не приходит. Я ворочаюсь с боку на бок. Но сон всё равно не идёт. Мне приютить эту заблудшую душу в себе? От этого я не могу уснуть? У меня такая беллетристическая душа? Это мучительно нелепо. Это горчайшее питье когда-нибудь кончится? Должно быть, уже [125/126] полночь — и всё равно нет сна. Так что же не даёт мне уснуть? Это как-то связано с комнатой? Кровать заколдована? Ужасно, до чего доводит человека бессонница — даже до самых абсурдных и суеверных средневековых³ теорий! Кажется, прохладно. Я замерзаю — возможно, от этого не могу уснуть — на самом деле, тут жутковато. Одному Богу ведомо, что тут происходит — это что, шаги? Нет, это, должно быть, снаружи, в коридоре — я поворачиваюсь на бок, плотно закрываю глаза. Я просто должен спать — это что, открылась дверь? Боже, здесь кто-то стоит? Зрение меня не подводит? Стройная девушка, бледная, как смерть, стоит в дверях? Я не могу говорить из страха и изумления.⁴ Она подходит ближе.

«Ты наконец пришёл?» [126/127] спрашивает она.

¹ В *LN* добавлено: «Так как я устал» (р. 221).

² Съёмцы не упомянуты в *LN*.

³ Это слово не появляется в *LN*.

⁴ Эта фраза в *LN* заменена на: «Бога ради, что это?» (р. 221).

Невозможно, это жестокая ошибка, роман стал реальностью.¹ На какую нелепость я обречён? Это моя душа таит такое беллетристическое великолепие? Это тоже должно происходить со мной? Я подлинно в аду — худшее пробуждение после смерти — воскреснуть в абонементе библиотеки! Неужели я относился к людям и своего времени и их вкусам с таким презрением, что теперь должен жить в аду и расписывать романы, от которых меня тошнило уже в пятнадцать лет?² Неужели нижняя половина среднего людского вкуса тоже притязает на святость и неприкосновенность, так что мы не можем говорить ни единого дурного слова о ней, не будучи вынуждены потом искупать этот грех?³

«О, ты тоже считаешь меня обычной? Ты тоже обманываешься [127/128] жалкой иллюзией, что я из романа? И ты тоже, который, как я надеялась, отбросил обличья и устремился к сущности вещей?»

Прости меня — но ты реальна? Это самое жалкое подобие тех нелепо затёртых сцен из романов: полагать, будто ты не просто какой-то несчастный продукт моего бессонного мозга. Моё сомнение полностью подтверждается ситуацией, которая так глубоко соответствует сентиментальным рыцарским романам худшего сорта.⁴

«Ты негодяй, как можешь ты сомневаться в моей реальности?»

Она падает на колени у моей постели, плача рыдая и опустив лицо в ладони.

Боже мой, похоже, она и в самом деле настоящая, и я так несправедлив с ней? Во мне просыпается жалость. [128/129]

Но Бога ради, скажи мне одно. Ты настоящая? Должен ли я в действительности относиться к тебе серьёзно?

Она рыдает и не отвечает. Что за приключение!⁵

Кто ты тогда?

«Я дочь старика, он держит меня здесь в невыносимом заточении не из зависти или ненависти, а из любви, ведь я его единственный ребёнок и образ моей матери, умершей молодой».

Я почёсываю голову: разве это не самая дьявольская банальность? Слово за слово, бульварное чтиво из абонемента библиотеки! О Боги, куда вы меня завели! Я надеялся, что эта ночь в лесу может дать мне проблеск лучика вечного света, и куда же завели меня молитвы и надежды?⁶ От этого тянет хохотать презрительным смехом.⁷ О великие, вы стали прекрасными страдальцами, трагичными сокрушёнными личностями, но ни один [129/130] из вас не стал обезьяной. Даже в аду вы могли сохра-

¹ В *LN* добавлено: «Он хочет перерасти в какую-то нелепую историю о призраке?» (ibid.)

² В *LN* последняя часть предложения заменена на: «на которые наплевал уже давным-давно» (ibid.)

³ В *LN* добавлено: «в аду» (ibid.)

⁴ В *LN* вместо этого стоит: «сентиментальным романам» (р. 223).

⁵ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁶ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁷ Эта фраза была заменена в *LN* на: «От этого рыдать хочется» (р. 223).

нять такт, прекраснейший из даров человечества.¹ Это банальное и вечно нелепое, невыразимо затасканное и пустое было доставлено в ваши поднятые в молении руки как дар небесный. В этом моя роль?²

Но она всё равно лежит здесь, плача — а, что, если она реальна? Тогда её стоит пожалеть, всякий испытал бы к ней сострадание. Если она достойная девушка — чего ей стоило войти в комнату незнакомого мужчины! Как она, должно быть, страдала, чтобы преодолеть свой стыд?

Дорогое дитя, я верю, что ты реальна, несмотря ни на что. Что я могу сделать для тебя?

«Наконец-то, наконец-то человеческое слово!»

Она поднимается, её лицо сияет. [130/131] Она прекрасна, как ангел.³ В её взоре глубокая чистота. У неё есть душа, прекрасная и далёкая от всего мирского душа, желающая войти в жизнь реальности, во всякую реальность, достойную сожаления,⁴ опустошающую души, марающую, разрывающую — и снова очищающую, очищающую. О, эта красота души! Когда она вслепую спускается в купель грязи, а потом совершенно сбивается с пути, она снова невинно взмывает ввысь через сумерки мира вечного света⁵ — что за зрелище!

«Что ты можешь для меня сделать? Ты уже много сделал для меня. Ты сказал спасительное слово, когда перестал ставить между нами банальность. Знай же: я была околдована банальностью».

Горе мне, теперь ты стала очень сказочной.

«Будь разумен, дорогой друг, и не спотыкайся о сказочное, [131/132] ведь сказка — это прародительница⁶ романа и обладает гораздо более универсальной верностью, чем самый жадно читаемый роман твоего времени. И ты знаешь — то, что было у всех на устах тысячелетиями, хоть и бесконечно повторённое, всё равно ближе всего к величайшей окончательной человеческой истине. Так что не позволяй сказочному встать между нами».⁷

¹ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

² Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

³ Последняя часть этого предложения не появляется в *LN*.

⁴ Последняя часть этого предложения была заменена в *LN* на: «в купель грязи и источник здоровья» (р. 223).

⁵ Предыдущая часть этого предложения была заменена в *LN* на: «чтобы увидеть, как она спускается в подземный мир реальности» (р. 224).

⁶ Это слово было заменено в *LN* на «бабушка» (*ibid.*)

⁷ В своей работе 1908 г. «Исполнение желаний и символизм в сказках» («Wish Fulfilment and Symbolism in Fairy Tales», *Psychoanalytic Review* 1 [1913]: 96, tr. W. A. White) коллега Юнга Франц Риклин утверждал, что сказки были спонтанными изобретениями первобытной человеческой души и отражали общую склонность к исполнению желаний. В *Трансформациях и символах либидо* Юнг рассматривал сказки и мифы как выражения изначальных образов. В более поздних работах, например, в «Архетипах коллективного бессознательного» (*CW* 9, pt. 1, par. 6), он рассматривал их как выражения архетипов. Ученица Юнга Мария-Луиза фон Франц развила его психологическое толкование сказок в серии работ. См. её *The Interpretation of Fairy Tales* (Boston: Shambhala, 1996).

Ты умна и, похоже, не унаследовала мудрость своего отца. Но скажи мне, что ты думаешь о божественности, так называемых окончательных истинах? Я нахожу очень странным искать их в банальности. Согласно их природе, они должны быть довольно необычными. Подумай только о наших великих философах!

«Эти истины в самом деле необычны. Чем более необычны эти высшие истины, тем более бесчеловечными они должны быть и тем меньше они сообщают тебе ценного или осмысленного о человеческой [132/133] сущности и бытии. Только человеческое и то, что ты называешь банальным и избитым содержит мудрость, которую ты ищешь. Банальное беллетристическое и даже особенно сказочное не опровергает меня, и а подтверждает, и доказывает, насколько я универсально человеческая и как я не только нуждаюсь в спасении, но и заслуживаю его. Ведь я могу жить в мире реальности так же хорошо или даже лучше, чем многие другие моего пола».

Странная дева, ты ставишь в тупик — когда я видел твоего отца, я надеялся, что он пригласит меня на учёный разговор. Он не пригласил, и я был несколько огорчён из-за этого, поскольку его отвлечённая слабость задевает моё достоинство. Но с тобой это оказывается гораздо лучше. Ты даёшь мне материал для размышлений. Ты необычна.

«Ты ошибаешься. Я очень обычная».

Я не могу в это поверить. Как прекрасно [133/134] и достойно восхищения одухотворённое выражение в твоих глазах. Счастлив и достоин зависти тот, кто освобождает тебя.

«Ты любишь меня?»

Боже, я люблю тебя — но — хм, к сожалению, я уже женат.

«Как видишь, даже твоя "банальная" реальность — это спасение».

«Благодарю тебя, дорогой друг, и передаю тебе приветы от Саломеи».

С этими словами она исчезает во тьме. Тусклый свет луны проникает в комнату. Там, где она стояла, словно лежит что-то тёмное. Я подскакиваю — это множество тёмно-красных роз. Со слезами на глазах я прижимаю их к губам.¹

¹ Предыдущее предложение не появляется в *LN*. В работе «О психологических аспектах фигуры Коры» Юнг описывал этот эпизод так: «Одинокий домик в лесу, где живёт старый учёный. Внезапно появляется его дочь, своего рода призрак, жалующийся, что люди всегда считают её фантазией» (*CW* 9, pt. 1, par. 361). Юнг комментировал (после замечаний об эпизоде с Илиёй и Саломеей выше, прим. 249): «Сон iii представляет ту же тему, но на более сказочном плане. Анима здесь характеризуется как призрачное существо» (*CW* 9, pt. 1, par. 373). Комментарий Юнга к этой записи см. в *LN*, pp. 225–34.

¹ Похоже, не стоит улучшать других. Делать всё самому [134/135] в мельчайших деталях — вот что требуется. Больше не следует говорить: «Ты должен», а скорее: «Я должен», если я ещё не подумал: «Я буду».

Что за обуза и опасность в тщеславии! Нет ничего такого, в чём человек не мог бы быть самодовольным. Нет ничего труднее, чем определить границы тщеславия. Тот, кто творит, должен быть в особенности осторожным с успехом, хотя он и нуждается в нём.

Стоит вечер — покрытый снегом ландшафт.² Я снова блуждаю. Ко мне присоединился кто-то не вызывающий доверия. Он примечателен тем, что у него один глаз и несколько шрамов на лице. Он беден и плохо одет, бродяга. У него чёрная щетинистая борода, давно не выдавшая бритвы. Из-за холода он застегнул [135/136] воротник, а нос его слегка покраснелся.³ На всякий случай со мной хорошая трость.

«Чертовски холодно», — замечает он наконец.

Я соглашаюсь. После долгой паузы: «Куда ты идёшь?» Я

Я иду в следующую деревню, где планирую остаться на ночь в гостинице.

«Я бы тоже хотел, но едва ли получу постель».

У тебя нет денег. Ну, давай посмотрим. У тебя нет работы?

«Да, времена тяжёлые. До недавнего времени я работал на слесаря. Но затем у него пропала работа. Теперь я в дороге, ищу, как бы заработать».⁴

Почему бы тебе не поработать на фермера? На фермах ведь всегда недостаёт рабочих рук?

[«]Работа на фермера мне не подходит. Это значит рано вставать утром, работа тяжёлая, а плата низкая» [136/137]

Но в деревне всегда красивее, чем в городе.

«В деревне скучно. Не с кем встретиться».

Ну, есть же местные жители.

[«]Но нет умственной стимуляции. Фермеры как болваны»,

¹ Понедельник. *Liber Secundus*, глава 3, «Безродный» (*LN*, pp. 232ff). Следующие два абзаца не появляются в *LN*.

² В *LN* Юнг добавил к этому описанию «простой» и следующее: «Серое вечернее небо скрывает солнце. Воздух влажный и морозный» (p. 232).

³ Предыдущая строка не появляется в *LN*.

⁴ В *LN* вместо этого стоит: «Теперь я путешествую и ищу работу» (p. 233).

Я смотрю на него в изумлении. Как, ему ещё нужна умственная стимуляция? Лучше бы он честно заработал себе на хлеб, а потом уже думал об «умственной стимуляции».

А какая же умственная стимуляция в городе?

«Вечерами можно ходить в кино. Это очень интересно и дёшево. Видишь всё, что делается в мире[»].

Мне стоит подумать об аде, где есть кинотеатры для тех, кто ненавидел это заведение на земле и не ходил туда, потому что все [137/138] остальные этим наслаждались. Кино тоже станет общепринятой истиной? О, Саломея!¹

Что тебя больше всего интересует в кино?

«Можно увидеть самые разные поразительные трюки. Там был один мужчина, поднимавшийся над домами, другой носил голову подмышкой. Другой даже стоял посреди огня и не обжёгся. Да, в самом деле поразительно, какие вещи могут делать люди».

Вот что этот парень называет «умственной стимуляцией»! Но погодите, это действительно выглядит поразительно: разве Феликс и Регула не носят головы в руках?² Разве святые Франциск и Игнатий Лойола не летали, а как насчёт трёх мужей в огненной печи?³ Разве не кощунство считать *Acta Sanctorum* историческим кино?⁴ Сегодняшние чудеса просто несколько менее мифические и более технические. Я с чувством отнёсся к своему спутнику. Он проживает историю мира, я думаю.⁵ [138/139]

Конечно, это неплохо. Ты видел ещё что-нибудь подобное?

«Да, я видел, как был убит король Испании».

Да, но его не убивали.

«Ну, это неважно, в таком случае это был какой-то другой из этих проклятых капиталистических королей — или императоров. Хоть одного достали. Вот бы от всех избавиться, люди наконец освободились бы».

¹ Предыдущие два предложения не появляются в *LN*.

² На гербе города Цюриха есть этот мотив, изображающий святых III в. Феликса, Регулу и Экзуперанция.

³ Это, похоже, отсылка к Седраху, Месаху и Авденаго (Дан. 3), которых Навуходоносор приказал засунуть в печь за отказ от почитания созданного им золотого идола. Огонь их не тронул, после чего Навуходоносор приказал рубить на куски любого, кто станет хулить их Бога.

⁴ *Acta Sanctorum* — это собрание жизнеописаний и легенд о святых, упорядоченных согласно праздничным дням. Публиковалось иезуитами в Бельгии, известными как отцы-болландисты, начиная с 1643 года, и разрослось до шестидесяти трёх томов in folio.

⁵ В *LN* вместо последней части предложения стоит: «а я?» (р. 234).

Я не осмеливаюсь сказать ни слова больше: *Вильгельм Телль*, работа Фридриха фон Шиллера. Человек стоит прямо посреди потока героической истории, возвещая убийство тирана новым народам.¹

Беседуя таким образом, мы прибыли в гостиницу — сельская таверна — с достаточно чистой гостиной² и неприглядной железной печью — бар или буфет с красном для пива стоит тут совершенно неуместно. Несколько мужчин [139/140] сидят с тепловатым пивом в углу, играя в карты.³ Меня принимают за «человека знатного» и ведут в угол получше с клетчатой скатертью, покрывающей конец стола. Другой садится в дальнем конце стола, и я решаю угостить его хорошим ужином. Он уже смотрит на меня, полный ожидания и голода — одним глазом.

Как ты потерял глаз?

«В драке. Но всё равно угостил другого ножом. После этого он получил три месяца. Мне дали шесть. Но в тюрьме было прекрасно. Тогда здание было совершенно новым. Я работал у слесаря и кузнеца. Работы было немного, а еды вдоволь. В тюрьме не так уж и плохо».

Я оглянулся, чтобы убедиться, что никто не замечает, как я разговариваю с бывшим осуждённым. Но никто, похоже, не заметил. Я, видимо, [140/141] оказался в преуспевающей компании. В аду тоже есть тюрьмы для тех, кто никогда в них не бывал изнутри? Кстати говоря, должно быть, это необычайно прекрасное чувство — хотя бы раз свалиться на самое дно, откуда идти ниже уже некуда, и лишь манит подняться вверх? Где человек, наконец, стоит перед всей высотой реальности?

«И вот после этого я оказался на улице, потому что они меня выгнали. Затем я отправился во Францию. Хотя я сначала не понимал язык, тем не менее, всё получилось. И там было чудесно».

Какие требования предъявляет красота! У него можно кое-чему поучиться.

Подали суп, жидкую горячую похлёбку, которую я черпаю с сомнением. Он самозабвенно хлебает и скоро полностью опустошает огромную чашку супа.⁴

Зачем ты дрался?

«Из-за женщины. Она прижила от него ребёнка, но я хотел на ней жениться. В остальном она была хорошая. После этого она уже больше не хотела. Больше я о ней не слышал». [141/142]

Сколько тебе лет?

¹ В *Вильгельме Телле* (1805) Шиллер описывает восстание швейцарских кантонов против правления австрийской империи Габсбургов в начале XIV столетия, что привело к основанию швейцарской конфедерации. В четвёртом акте, третьей сцене Вильгельм Телль убивает Геслера, имперского наместника. Штюсси, сторож, объявляет: «...Убит / Тиран страны. Мы больше не потерпим / Насилья над собой. Свободны мы» [зд. в пер. В. Славятинского — прим. перев.].

² Остаток этого предложения не появляется в *LN*.

³ Последняя часть предложения не появляется в *LN*.

⁴ Этот абзац не появляется в *LN*.

«Весной будет тридцать пять. Как только я найду хорошую работу, мы тут же женимся. А я уж найду. Я сумею. Хотя у меня с лёгкими какой-то неполадок. Но это скоро пойдёт ~~немного~~ на лад».

У него приступ кашля. Думаю, у него не лучшие перспективы жениться, и про себя я восхищаюсь непоколебимым оптимизмом бедного малого.

После ужина я отправляюсь в постель в скромной комнате. Я слышу, как мой товарищ¹ устраивается на ночь в соседней комнате. Он ~~хх~~несколько раз тяжело и сухо кашляет. Затем всё успокаивается. Я засыпаю.

Внезапно я снова просыпаюсь от жуткого стона и булькания вперемешку с полусдавленным кашлем. Какое-то время я внимательно вслушиваюсь. Без сомнения, это мой товарищ.² Звучит опасно. Я вскакиваю и быстро набрасываю одежду. Я открываю дверь комнаты. Врывается лунный свет. На мешке с соломой лежит мужчина, всё ещё одетый. [142/143] Тёмный поток крови течёт у него изо рта, образуя на полу большую лужу. Он полузадушенно стонет и обильно кашляет кровью. Он хочет встать, но снова валится. Я спешу его поддержать. Но я вижу, что на нём уже печать смерти. Он весь замазан кровью. Мои руки тоже покрылись ею. Последние слова срываются с его губ: «Мама».³ Затем оцепенение ослабевает, и слабая дрожь пробегает по его членам. И он становится смертельно неподвижным.

Боже, где я? В аду есть случаи смерти для тех, кто никогда не думал о смерти? Я смотрю на свои ~~кр~~ окровавленные руки. Словно я убийца или приносил жертву. ~~Была~~ Разве, это не кровь моего брата, пристающая к рукам? Луна рисует мою чёрную тень на белых стенах комнаты. Что я здесь делаю? Зачем эта ужасная драма? Я изучающе смотрю на луну как единственную свидетельницу этой сцены. [143/144] Как это касается луны? Разве она не видела худшее? Разве она не сияла в мёртвые глаза сотен тысяч людей? Её вечным кратерам это безразлично — одним больше, одним меньше. Смерть — разве она не раскрывает ужасный обман жизни? Потому, пожалуй, луне всё равно, умирает ли человек и как именно. Только мы раздуваем шум — по какому праву? Что он сделал? Он работал, смеялся, пил, ел, спал, пожертвовал глазом ради женщины и за неё поплатился добрым именем, более того, в некотором роде проживал человеческий миф, восхищался чудотворцами, и славил смерть тирана и смутно мечтал о свободе людей. А затем — затем он печально умер — как и все остальные.

Это верно для всех. Спасибо тебе, душа моя.⁴ Я опустился на самый низкий фундамент. Отсюда идти ниже некуда, только вверх.⁵

¹ В *LN* вместо этого стоит: «другой» (р. 235).

² В *LN* вместо «мой товарищ» стоит «он» (р. 235).

³ Предыдущее предложение заменено в *LN* на: «Он испустил быстрый вздох» (р. 236).

⁴ Предыдущие две части предложения не появляются в *LN*.

⁵ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

Что за тени над землёй! Все [144/145] огни угасают в окончательном унынии и одиночестве. Смерть пришла, и некому горевать. Это окончательная истина, а не загадка. Самые крайние человеческие истины — это не загадки. Почему мы решили, что это загадки?¹ Какое заблуждение заставило нас поверить в загадки?

² Душа моя, ты ужасно реальна. Грубым рывком ты поставила меня на острые камни несчастья и смерти. Я стал слабым и несчастным — моя кровь, моя драгоценная кровь исчезает среди этих камней.

Я выхожу из этой комнаты ужаса и тайно спасаю свою пустую жизнь.

Душа моя, ты вгоняешь меня в дрожь!

Мне в самом деле нужно быть игроком по жизни, который должен услышать такие слова.

¹ Предыдущие два предложения не появляются в *LN*.

² Остаток этой записи не появляется в *LN*. Комментарий Юнга к этой записи см. в *LN*, pp. 236—40.

12. Nov. 1913

Einigem Aufgehe stand vor mir — ich
sah die Ringe von — und ihr Wort und ihre
entworfene mir. Ich geriet ins Dunkle,
und ich tastete mich meinen Pfad entlang.
Denn Pfad aber führt einwärts und ab-
wärts.

Meine Seele, meine Seele, wo bist Du?
Hörst Du mich — ich spreche, ich ruf Dich — bist
Du da? — Ich bin zurückgekehrt, ich bin wieder da —
ich habe alle meine Stunden diesem Träumen gewidmet
und bin wieder da gekommen — ich bin da —
nach langer Jahre langer Wanderung bin ich wieder
zu Dir gekommen. Soll ich Dir erzählen, was ich
alles gesehen, erlebt, in mich genommen habe?
Du willst Du nichts hören von all jenen Träumen
in den des Lebens und der Welt? Aber eines umst
zu wissen, das hier leben ich gelernt, das was
menschlich sein leben leben muss. Dieses Leben ist
Kampf, der Langgezichte, der Weg zum Aufstehen,
das wir göttlich nennen. Es gibt keinen andern
Weg. Alle andern Wege sind Pfad. Ich fand
den alten Weg und er führt mich zu Dir, zu
meiner Seele. Ich habe wieder — erregt und
gereinigt. Kennst Du mich auch? Wie lange
wächst die Fremdung! Alles ist so anders ge-
worden. Und wir fanden Dich? Wir umher-
trieb uns meine Fahrt! Mit welchem Warten soll
ich Dir beschreiben, auf was für unerschwingen
Pfadern mich ein guter Stern zu Dir geleitet?

Hilf mir Deine Hand, meine fast vergessene
Seele! Welche Wärme der Freude, doch wieder-
geben, dich trübseligem, leugend aus-
sage! Das Leben hat mich Dir wieder
zugeführt. Wir wollen den hohen Danken, das
ich gelbt habe, für alle Luten und für alle Tränen
Freuden, für jegliche Freude und für jeglichen
Kummer, für jede Hoffnung und für jede Ent-
täuschung. Es waren alle Stationen auf
dem Wege zu Dir.

Meine Seele, ich fand Dich wieder,
ich warte, wenn ich werde zu Dir bleiben. Mit
Dir soll meine Reise weitergehen. Mit Dir will
ich weiter wandern und aufsteigen zu neuen
Einsamkeiten, wohl mehr allein als früher
und jünger und ungehindert, sondern getrost
Mutter und stiller Freunde.

12. Nov. 13.

Ich bin wieder, meine Seele, und leg meine
Kopf auf Deine Schulter. Zu lange diente mein
Wandern, mein Suchen nach mir, außer mir.
Nun bin ich wieder Dinge gegangen und fand Dich
hinter all dem Alter. Menschenbedekte auf

meinem Vorfeld in dem Alter, Menschheit
und Welt. Ich habe Menschen gefunden. Und doch,
meine Seele, fand ich wieder zuerst im Blick in
Menschen, und dann wirklich, wie Du bist.
Ich fand Dich dort, wo ich glaubte, dass ich Dich
aufsuchen wäre, wo mich der Gott zwang,
mich selber blindlings langgehen und mich
zu verlieren — dort stiegst Du mir aus Gold-
schächten herauf und ich fand Dich wieder.
Du hattest Dich mir von Voraus angekündigt
in Träumen, da wir Dunkel waren, und da
ich nach meiner ungelänglichen Art erfasste.
Du kennst die Träume, wie sie in meiner Seele
brennten und mich zu allen Künsten und allen
Verwegenheiten trieben und mich zwangen, die
steilsten Gipfel zu erklimmen, ja über mich
selber emporzustiegen. Da leuchtete mich Wils-
kuten sehen und ihre erst seligkeit genießen,
von denen ich früher nichts ahnte. Da leuchtete
mich die Wege zu erschließen, deren endlos lange
mein Bewusstsein rettungslos erabschiedet hatte,
wenn nicht der Wille mir in die Gebirge
gewesen wäre.

Ich rede vielleicht zu viel von mir?

Vergib, mein Herzgott voll, dem ich kommen
vorweilen verweigert. Ich wanderte 11 Jahre
lang, solange hin und her, dass ich eine
Lacke bröckelte, da ich mein Leben kaum
gesehen den Menschen und der Welt, ich
hätte nicht mehr.

Wo warst Du in all der Zeit? Welches
Jammert harg dich und gab dir eine Stelle,
wo du nicht verhungern musstest? Wie
ist es dir ergangen? O dass du doch mich
sprechen würdest, den meine Sprache und ich
die Lyrik bin! Wie soll ich so dich ent-
räteln? Wer bist du, Kind? Du weißt
ja, dass in meinen Träumen du dich dieses
Bildes bedienst, des Bildes eines kleinen
Mädchens. (Und doch die Seele der Frau
mir fundlich dich wieder.) Forme soll mich Kindlich
dienen haben, denn ich weiss, das Bild, denn
du dich bedienst, verehren. Wie kann mir
ja, dass zu denken? Was soll ich von
deinem Geheimnis?

(Lied ich bringe eine Wunde mit mir,

Ich unerschrocken geküsst ist: mein Ehrgeiz, ein
Ruchzamechen. Verschlüsse dem meinen
Mund und alle meine Worte halte in dir. Sei
sollen dir gelten. Glaube nicht, ich sei eigen-
mächtig. Ich will Alles thun, was an mir liegt,
dass du Menschen, da ich liebe, beschützt er-
halten sollen von den Tiefen und den Höhen,
da du umfarnst und du du in deiner
Kinderhand lachst.)

Vergib, wenn ich dich in Traume
sehe, wie ein Fremder - bist du - Gott?
Ist Gott ein Kind? ein weibliches Kind?
Ich muss es deutlich mir vorsagen: Bedenk
es sich der Bildes eines Kindes, das jenseits
Menschen Seele innezuweilt? War nicht König
Jago und Christus ein Kind? Auch Beowulf,
und Herakles waren göttliche Kinder. Kennt
nicht der menschliche Gott Christus sich
selber das menschen Sohn? Was war die him-
mels tiefster Gedanken? Soll das Menschen
Trachten der Gottesname sein?

Vergib, wenn ich dich in Traume sehe. Wie

man dich mich - Ich rufe dich mit dir
und du wirst, da dass ich kein Fremder
bin und dass mein Herzgott in Schmerzen
winkt unter den ständigen Verwunden, aus der
die Finsternis Abgrund führt. Du spielst
Comedien von dir selber, du lägst der Trauer vor,
du spielst so, um Andern etwas vorzuges-
ehen und um in die Welt zu gehen zu machen.
Du willst Prophet sein und kennst deinen
Ehrgott nach.

Wohl dem, der auch die eigenen
Spottreden überwinden hat! Aber du nicht,
dass meine Wunden nachbluten und ich fern
davon bin, die eigene Spottrede überwinden
zu können. Ich bringe sie ein vor dich und
mich und lerne sie liegen und sie gehen weiter,
weil es mich drängt, das von mir und dich
mich von dir zu reden.

Ich bin kein Mann wieder zu sein
in der ungewundenen Pfad, da ja dir,
mein Kind, fühlst. (Wie wunderbar klingt
es mir, dich "Kind" zu nennen, da du doch
am liebsten in meiner Hand hältst.)

Ich denke an jenes erste Gesicht, das du
mir im Traume gabst, wo ich dich schweben
sah. (Friede nicht 14 Jahre seitdem?)
Wie nicht war das Dunkel damals! Wie
heftig eine Leidenschaft und wie selbst-
mächtig, unterjocht von allen Dämonen
Ehrgeiz, der Habmacht, der Ruhmgeiz, der
Lieblosigkeit, der Streber, war ich selber
in jener Zeit! Und wie ganz und gar
ich damals! Das Leben ein mich hinaus
und strecke demot von dir weg und habe es
alle die Jahre gethan. Aber ich blieb doch
zu meinem kleinen Theil bei dir, bis mich
du liebe zum Weile ganz von dir los- und
wegreis. Aberkenne, wie gut dir war. Aber
ich wollte, dass du verloren seiest oder bis-
weilen schienen, dass du verloren sei. Du
warst eben nicht verloren und ich nicht. Ich
ging auf dem Tagelien stochigen Wege, du
gingst in der Nacht mit mir und hast mich
von Stufe zu Stufe geführt, bis ich voll
zum Stücke gekommen und lachst mich in

Nicht einmal meine Sprache ist es, die aus
meinem Feder ~~Hand~~ spricht. O wie ich, was
du willst! Auch sollst du nicht denken.
Auch das ~~Hand~~ ^{Hand}, so wie ich verstehe, soll
nicht mehr sein? Auch darfst du? Ich
soll mich ganz in Deine Hand geben —
aber wer bist du? Du bist ich vertraue
Dir nicht — nicht einmal Vertrauen — ich
arme wie ich zu Dir, meine Freunde an Dir?
Begrüßt man so einen Freund? Vertrauen ich
nicht, ich wackern Mann, probieren wir
Freund, und Du nicht, meine Seele?

Deine Hand trägt Pulver und Feuer —
aber ich will — ich will. Habe ich nicht mein
Hochste geliebt, Menschen zu lieben und ihnen
zu vertrauen und sollst du nicht listen,
meiner eigenen Seele oder der Seele vieler,
die ich lieben bin?

Ja, ich sehe, wie Du mich liebst,
überkenne Deine kluge Erziehung. Du
stehst vor mir und ich folge. (Wohin? spricht
Jemand in mir. Sei ruhig und schweige, denn
ich rede mit meiner Seele.)

Vergiss, meine Seele, mein armseliges Banden,
meinen unheimlichen und jämmerlichen Kampf
schwinde, es ist unheimlich, an Dir zu glauben, ich
bin wie ein Mensch und Du wie ein, wie schwer
mit einem den Bettelstolz auf eigene Danken
leben kann.

Ohne Weiterrede nunmehr will ich Dir
weiterzählen, wie ¹⁸⁹⁹ vor drei Jahren eine Frau
zu mir kam, deren ich mich verheiratet
erhielt, als meine Ehegattin. Ich
hebe ich zuhause meine Angst liege. Aber
Du hast es so gewollt und mir den Traum
gegeben, der mir Entscheidung brachte. Mein
Traum, damals (es war ein Traum, wie ich
den ich mit meinen Kindern in einem herrlichen
und reich ausgestatteten Thorwegemachting —
ein offene Säule hatte — und so einen einen
aussehen Tisch, dessen Platte ein herrlicher
Marmorstein war. Plötzlich flog eine
Möwe herein und setzte sich nicht beschönigt
auf den Tisch. Ich merkte die Kinder zu
Ruhe, den sei den schäner einen Vogel nicht

verheiratet. Als ich verheiratet war
denn Vogel in ein Kind von etwa 8 Jahren,
ein kleines blondes Mädchen und ich sprach mit
meinen Kindern in herrlichen. Ich ging
hinaus. Dann plötzlich veränderte sich
das Kind und ich sah ¹⁸⁹⁹ die Sprache zu
und folgendes: „Mir in den ersten Nacht-
stunden kann ich nicht in einem Menschenver-
ständnis, während der Trauer mit den fünf
Toten beschäftigt ist.“ Mit diesen Worten
sah der Vogel davon und ich erwachte. Mein
Entschluß war gefest. Ich hatte die Frau
allen Glauben und alles Vertrauen zu schenken.

Da wie ich, meine Seele, welche ¹⁸⁹⁹ ¹⁸⁹⁹
Jahre über mich, mein Weib und meine
Hausgekommen ist. Ich kann dir nicht
in Worten Alles ausdrücken, was für
ein Kind ich und was für eine Verheiratet
mit einem erwachsen sind. Ich will
nicht von den Qualen reden, die ich ge-
heiratet zu werden hatte — sie sind alle mehr
als aufgegeben und die Fülle an bloßen

und Hochstem, ~~was~~ die ich erleben durfte.

Der Traum steht immer noch vor mir,
und mir vorstehend nicht nicht aus, ich
zu verstehen. Jede Rede der Trauer — was soll
in beduten? Da „ersten Nachtstunden“ schienen
denn Stunden zu sein, meine Seele, doch war
ich der Trauer, wie ich zuhause tot? Und was
hat der Trauer zu den Toten?

Hatte an, es ist eine Qual, dass einer
trübsinnig trübsinnig, sein Aussehen der zu-
verstandenen, der Subjektiven. Was soll es?
Begrüßt nicht den Traum mit meinen
Freunden? Warum soll es Dir zuhause ge-
gen sein?

Ich vergesse, vergieße mir, dass auch
du zu meinen Freunden gehst und selbst Trauer
Recht auf einen Traum hast, auf mein Vertrauen.
Was ich zuhause, soll Dir nicht gehören?
Ich merke die Ungerechtigkeit. Ich verachte
Dich, wie ich verachte. Ich rede mit einem
wie wenig ich Dich eigentlich nicht. Meine
Freunde, die ich zuhause, dass nicht gerecht.

dem sie von uns lebt. Ich verstehe, dass auch
der Hingebende in sein Recht steht. Mein Leben
war unvollständig, denn ich liebte Dich nicht wirklich.
Thun wir's, das Leben lieben lernen.

Das Effort war allerdings da. Aber
ich kann Dir danken, meine Seele. Deine
Hingebendheit, aber gerechelt.

Ich hoffe aber wirklich, ich beginne
auf Erlösung zu hoffen.

Hier steht einer neben mir und flüstert
sein Schicksal mir Ohr zu. Du schreibst, dass ich
es gedrückt am Ende der Welt heute kommen.
Denn ich habe in der Welt der Dinge gewöhnlichen
Menschen das es aber immer da. Du öffnest
den letzten Augenblick nach.

Du hast, meine Seele, die verfluchte
Rede, und du schreibst meine Unfähigkeit gegen
meine eigene Empfindung. — Ich habe auch die
Selbstkritik, die trübsame und einmal gelübt,
auch sie soll ich lassen?

„Du hast“, sagt Du, „ganz gegen
mich.“ — Es ist wahr, ich mag gegen Dich
und mich. In letzter Zeit habe ich Vertrauen zu mir.

Du und mir. Ich kann und soll es nicht können,
wenn einer anders sagt, wenn ich nicht kann
alle Lüste in mir habe, die ich über Dich, meine
Ahnung, stelle, die mich mehr ist, als ein Gegenstand
mit Dir. Warum sollte ich auch mich selbst
und Dir verbergen? Ich stelle die Entdeckung
Dir anheim. Ist es gut, was ich es Dir will, so
mag es so oder in anderer Form den Menschen
zukommen. Ist es die Wille, ungerade nicht,
so soll es in Verborgenen bleiben. Was willst
ich? Ich sehe, wie unendlich klein ich bin,
ganz von mir getrennt und unendlich zu
haben und mit einem Gut, das ich nicht schaffen
und das noch gar nicht geschaffen ist und das
über Alles hinaus gerichtet geschaffen werden
kann, wenn Du es, meine Seele, nicht gibt.
Du kannst ja heute schon Deine Thüre schließen
und ich bleibe als ein unvernünftiger Bettler
in deiner Thüre sitzen.

Deine Gedanke aber geht zu mir, die
Philosophie, ich bin mir. Ich bin mir, die
Zurück in Deine Seele zu legen. Du wirst es aus
deiner Wille, was du nicht geschehen ist.

Du schreibst, meine Seele? Ich will
nicht drängen und eitel stehen. Willst
Du mich gehen? Haben welche Augenblicke
des Lebens mir verrichtet Du? Ich habe
Du und mich und mich gesehen.

Du sprichst mit mir, Du hast mich
Gutes gethan, jetzt schreibst Du. Ich lege
geduldig meine Feder hin. Was könnte ich
auch anders thun?

22. Nov. 1902.

Meine Seele, es ist Nacht, ich ruf
Dir.

Keine Antwort?

Warte ich? Welche Thüre soll ich öffnen?
Ich habe nicht in Deine eigene Tiefe, sagt
ein Stimm. Aber mich, das ist die Unmöglichkeit
nicht zu geben, was ich habe (aus meiner
Seele fern. Ich will mich auf meinen Kopf brüt-
teln! Wie viel Verwirrung steht noch in
mir!

Übermüdete Angst vor dem Leben —
wie muss das Leben sich auch zu meistern können

erweitern sollte, es geht aber in die Tiefe mein
Kamerad. Ich habe die Tiefe der Tiefe —
die Tiefe ist so wirklich?

Was sagst Du? Du fährst fast unvor-
stellbar: „Ich habe in Deine Tiefe.“ Ich habe am
Rand der tiefen grünen Braune und bunte Welt,
geduldig. Mehr Kraft! Es ist furchtbar schwer.
Mehr Linienarbeit, mehr Tiefe; das ist es, was
erfordert. Darin wird ganz erkannt. Ich sollte
dies gelernt haben. „Ich habe in Deine Tiefe“ spricht es
zu mir. „Wecke die Tiefe auf“, steht es weiter.

Welch fremde hier und dort steht mich?

Die Ruhe ist unendlich fern.

Gott, was willst Du? Ich kann
nicht mehr.

sich bewundern, wie schön die Faelge ver-
ferthat. Ja kommt plötzlich eine kleine Kinde-
hand, deckt mit den Kopfhörnern und ich
sehe das kleine blaue Mädchen mit unregelmäßig
Falten, sie kühlt mich und ich erwache mit
Tränen der Rührung.

Du bist Traum, ich bin große Wahrheit
für die Zeit in London (Congress).

Vor 3 Wochen hatte ich einen langen
Traum:

Mittelalter: ich bin mit Bauern,
die ein Kloster bauen wollten. Im Ein-
bruch der Nacht soll das Kloster genommen werden.
Wir überlegen uns in Thälern zu bauen. Der
Aufseher, ein schelmischer Karl, aber wird zugeworfen
und geht mit uns in seine Kette zurück. Ich bin
gegenwärtiges Intermezzo:

Mein Schwingenwunder hat ein interessantes
Buch aus München heimgebracht, betitelt:
Die Besetzung der Buddhisten in England.
Es wird darin bewiesen, dass sich Buddhisten
in geschickter Weise in England ausbreiten.

Die Abbildungen von Klöstern in mittelalt-
licher Form sind Doppelten Wert darum mit
großen Käufern. Im Buch sind interessante
Landschaften. Onkel und Tante Beudel
(Niganten Philister!) haben es gelesen. Sie hat
einen Ausdruck nicht verstanden, „unverständ-
liche causa“. Der Onkel erklärt ihm die
Bedeutung des Buches.

Das Kloster ist mit Klängen gestört. Gras
wächst auf den Trümmern. Ich sitze an einem
verfallenen Brunnen in einem Hof. Aus dem
Brunnen wächst ein düggelhafter Baum, erst
hervor grünen Blätter. Ich habe hinunter
und denke der Mönche, und es scheint mir, als
ob sie auch so anders still gewesen hätten.
Ich sehe in der Tiefe des Brunnens eine Dacht-
netze, die jenseit eines mittelalterlichen Etage
erstrecken, wo die Mönche gewandelt sind.
Auf dem besten Netz liegen kleine erbsengro-
ße Kugeln, sie fallen in die Tiefe und
bleiben jenseit auf einem Netz liegen,
wodurch der oben stehende Mönche den
unter Beobachtenden anzeigt, was er sieht.

Siedenkübel.

Das Kloster existiert nicht, ich
bin in der Vergangenheit. Ein mächtiger
Corridor, schöne Keramiken, kniffige Marmor
in verschiedenen Farben (Felle, wie fallig
Kübel, mittelalterlich bis antik.) Dann ein
kleines Refektorium, Halle, dann eine
Küche mit 3 mächtigen Backstein-
Pfeiler, Renaissance-Styl, große Marmorsäulen,
alles mächtig und schön und weit. Lange
gedeckte Tafel unter den Fenstern. In der
Mitte sitzt der Pater, ein Gedanke ver-
loren, dieses Hauptkloster (in feld: wohn-
niger, Drangos.) Nicht weit von ihm sitzt
eine mit weißem Gesicht. Farbige Gruppen
von jungen Männern in schwarzen, grünen
Röcken.

Ich gehe weg und plötzlich steht
ein Studienfreund vor mir (ein Hektor, An-
fänger, Schlichter), ich sage ihm: „En-
nimmst Du dich noch, wie wir zusammen
vor 30 Jahren im Kloster Eichenbach waren?“

Ward es ein Männer- oder Frauenkloster?
Es scheint mir beizubehalten: „Nicht-
lohem Frauenkloster.“

Ich dachte nach dem Brechen
ein Menschenkloster. Ich will neue
Gedanken über neue Gesellschaftsformen.

20 Nov. 1903.

Mit einem Wirtshaus geht ich
an den Tisch. Ich erwarte es mir auf-
merksam und doch jenseit nach etwas Sage, etwas
hinein zu tauchen, eigentlich in mich selbst.
Was? — Es will mir Weg gehen. Son-
derbar.

Meine Seele fühlt sich in die Wüste
in die Wüste meines Selbst. Ich dachte nicht,
dass mein Selbst eine Wüste ist und doch scheint
es so grün — eine tiefe kühle Wüste, ständig
und ohne Frank. Die Reise scheint durch
hinein Sand zu führen, langsam wachend, ohne
mühsames Laufen, auf Klaffung. Es scheint so

sein zu müssen. Früher hätte ich mich gegen
dies Gedankenaußsicht, nicht zu verabschieden,
den Du, meine Seele, es immer hervorweint,
folge ich Dir.

Wie schwer ist die kleine Bede. Mir
scheint, der Weg führt so weit von dem Menschen
schmerzhaft nach dem Leben? zu fragen.
Es wäre auch nutzlos. Was voraussehen
wollen? Ich könnte es doch nicht erkennen.
Ich habe es ja nie erkannt zum Voraus. Ich
habe nur das Traurige und Kläglich und
das Schöne kam zu mir. Warum soll ich
deshalb klagen? Ich gehe meinem Weg, Schritt
für Schritt und weiß nicht, welche meine
Reise werden wird.

Warum ist mein Selbst eine
Wüste? Nie nachher mit einer Gedanke.
Habe ich je mich aus mir selbst gelöst, in Menschen
und in Dingen? Es scheint fast, so zu sein.
Warum dann ist nicht ich mein Selbst?
Was ist denn nicht thuer? —

Welch eine Täuschung! Ich habe mich

nie gemiebt, nein, eigentlich mein Selbst
da hat meine Seele wo es wohnt und lebt.
Dahin bin ich nie zurückgekehrt außer in
Traume. Ich war meine Gedanken, nach dem
Schicksal der Dinge und die andere Menschen
war. Ich war aber nicht mein Selbst, meinen
Gedanken gegenübergestellt. Ich war nicht in
meinen Gedanken und aus mir selbst soll ich
wachen und stehen zu meinem eigenen Selbst,
dem Ich meiner Seele. Und dann mein Selbst
eine Wüste, unbewohnt und ungepflegt.
Dahin scheint meine Reise zu gehen und dahin
scheint sie von Menschen und Dingen weg zu
führen in die Einsamkeit mit mir selbst.

Ist das Einsamkeit, mit mir selbst zu sein?
Einsamkeit wohl und dann, wenn das Selbst
eine Wüste ist. Ich habe die Worte: „Im Inneren
des Menschen ist eine Wüste.“ Mir fehlen
die Worte der Einsamkeit ein. Mein
Traume?

Soll ich aus der Wüste eines Gartens
machen? Soll ich einen neuen Garten anlegen?

und wohnen machen, weil alle bewohn-
baren Länder von Menschen bewohnt sind?
und dann betriebe der Lebensschmerz sind?
Soll ich den künftigen Baumgarten erwüns-
schen für alle diejenigen, die den irdischen
Garten des irdischen Lebens verlassen sollen?
Ich bin ratlos. Wo führt mich in diese
Wüste und was soll ich da?

Soll ich mich nicht auf mich selbst?
Aber ich will nicht sehen? Welche Täuschung
kann ich meinem Denken nicht zu trauen?
Aber ich will das Leben. Und nur das Leben
führt mich in die Wüste, wahrlich nicht
zu dem Denken, das zu denken, zu Menschen
und zu Dingen zurückkehren möchte, denn
es ist ihm unmöglich in die Wüste.

Ich frage Dich, meine Seele, mein
Leben, was soll ich hier?

Ich habe das grausame Wort „Warten“.
Das ist der Teufels grausame Höllenstrafe,
a laßt dich warten. In der Wüste gehört die
Qual — oh wie es eigentlich, und das wollte

ich nicht wissen. In der Wüste — warten —
es und warum?

Es schloß sich nichts um mich und
das Gefühl von Dingen, die sich hinter
dem fernsten Horizont drängen, bis dahin eine
fata morgana heraufzukehren. Da wirk-
lichkeit aber ist: ständend warten.

Ich denke an Christum in der Wüste.
Seine Alten gingen einmütig in die Wüste.
Sie gingen zu suchen in der Wüste ihres eigenen Selbst.
Aber warten selbst nicht so sehr und warten wie
das Meiste? Dort saßen sie mit dem Teufel.
Ich ringe mit dem Warten. Mich ringt,
es sei nicht geringes, denn es ist wahrlich
eine harte Sache.

Aber ich müde, entlasse mich!

11. Dec. 1913.

Nach hartem Kampfe bin ich Dir um ein
Stück weiter gekommen. Wie schwer war
dein Kampf! Ich bin in ein Gefäß von
Zweifeln, Verwirrungen und Abzweifeln gefallen,
den ich nicht über, denn ich habe gegeben habe

hat mich aus der Dunkelheit errettet. Klein
Glaub' ich, auch ihm liebste, sondern nur der
Schwartz, der Dunkelheit zu liegen, die ich
denn, denn wir Licht gegeben haben.

Ich habe eine Einsicht gewonnen aus
meinem Kampfe: ich habe etwas gesehen und
denn, was mir der Wahrheit ist, ich, mit
meinem Geiste und habe der, was mir der Dilemma
ich, das Mündliche, den Thronen gegeben.
Diese wunderliche Verheißung ist mir neu.
Aber diese Unvollständigkeit drängt mich auf.

Ich komme mit leeren Händen zu
Dir, meine Seele. Was willst Du hören?
Was sagst Du einem Freund, kommt, wird
das Kommen, was zu nehmen?

Ich weiß, es sollte wohlwollend sein.
Aber es scheint mir, ich sei von mir selbst und
ich möchte auch in dieser Nacht wiedersehen und
vorwiegend durch den Geist des Lichtes zu liegen
wart zu sein. Mein Weg ist kein Land. All
die Tage lang - saure Tage, meine Seele
ist wie ein schwach und einmal war ich
geprüft, an der Zeit.

„Du sprichst zu mir, an wenn Du

ein Kind wärest, das sich in der Mutter befindet.
Ich bin nicht Deine Mutter.“

Ich will nicht klagen, aber manchmal
Du sagst, dass meine Stimme lang und voll
klingt ist. Du bist mir ein edelstehender Baum
in der Einsamkeit der trockenen Wüste. Ich möchte
deiner Schatten genießen.

„Du bist gemessener, was ist Deine
Geist? Noch ist Deine Zeit nicht um. Hast Du
vergessen, warum Du in die Wüste gelangst?“

Mein Glaube ist schwach, mein
Geist ist blind von all den flimmernden Hängen
der Wüstensonne. Du bist mir ein Baum
in der Wüste. Du bist mir ein Baum und ich möchte
ausgedenken, wie unendlich lang mein Weg
ist - und was Alles, ich sehe nichts vor mir.

„Du sprichst, wie wenn Du nach dem
gelebt hättest. Kommt Du nicht weiter?
Ist Dir Alles ruhe und verstanden in den Schoß
fallen? Du bist voll, je Du stehst von
Abend und Morgenlicht. Du bist
Du noch mehr, das der Weg der Wahrheit

wirdem Abstrakten offensteht? Weist
Du mich an, dass mir das, was ich
begeht, den ungeringen Erfüllung wird?“

Ich weiß, dass mir Alles auch meine
Gedanken. Aber ich lebe kaum danach.

„We, sage mir, glaubst Du dem,
das Deine Gedanken Dir helfen sollen?“

Ich gestehe, dass ich nicht wenige,
sondern viele Gedanken habe, die ich nicht
lebe, und von denen ich trotzdem Hilfe und
Hilfskraft erwarte. Ich möchte nicht immer
drauf kommen, das ich ein Mensch sei, dass
ein Mensch, der schwach ist und bescheiden
nicht sein Bestes thut.

„Denkst Du so von Menschen?“

Du bist hart, meine Seele, aber Du
hast Recht. Wie wenig sind wir doch zum
Leben gerichtet! Wir sollten folgerichtig sein zu
werden, wie ein Baum, der auch nicht um
sein Gesetz weiß. (Wie ich dich auf dem Fels)
Ich möchte nicht mehr von Abstraktem,
nicht eingedenk der That, der Abstrakt

Beschränkung, ja Ausschließung der Lebens ist
und wie viel Kindliches, Kurzgeklagtes, Egoistisches
hört in einer Abstrakt! Ich glaube, mit
einer Abstrakt ein Dunkelheit zu kommen
und geben damit auch Licht und Wärme. Wie können
wir unscher verweisen, ein Transparenz zu
werden, das können der Licht auskommen wird?

„Nur eine Klage kann mich noch dich bringen:
Nicht die am Hologramm, an eigenen
Hologrammen.“

„Denkst Du gering von Dir?“

Ich glaube nicht.

„Denn, höre, denkst Du gering von
mir. Weist Du noch nicht, dass Du kein
Mensch bist, das Deine Existenz füttern soll,
sondern dass Du mit mir sprichst. Wie kannst
am Hologramm leben, wenn Du mit mir sprichst
mit der Warte, die ich Dir gebe? Weist Du
denn, was ich bin? Hast Du mich empfunden,
abgegrenzt und zu einer toten Formel gemacht?
Hast Du die tiefen meines Phantasies gemessen
und alle die abgegrenzt, die ich Dir

noch führen werde? Dich kann ein Heil-
geheiß nicht anfechten, wenn Du nicht selbst
bist bis ins Mark Deines Knochens.

Deine Wahrheit ist hart. Ich weißt
Denn meine Lethargie hinlegen, denn ich fühle,
an Bessermach. Lide, darum auch glaubte
ich, wenn Hände seien leer, abzuheben zu
Dir kam. Ich dachte nicht, daß Du es
hast, die leere Hände füllt, wenn man sich
nur zur Opfergeheer strecken wollen. Aber
zu wollen es nicht. Denn ich dachte, ich
habe es zu bringen und vergen Deiner,
was wenn ich nicht wüßte, daß ich Deine
Befürs bin, leer ohne Dich aber überquellend
mit Dir.

Die Augenblicke gereist auch, was soll
dies Alles? Wohin führt Dein Traum?
Kein Laut, keine Antwort!

12. XII. 13.

Der Kampf der letzten Zeit war der Kampf mit
dem Heilwachen. Ein Traum, der mich eine halbe
Nacht und drei Tage Qualen verursachte, hat mich
mit G. Keller's Hypothek von Chamonix (von Anfang
bis Ende) verglichen. Ich kenne und anerkenne
denn Hyp. K. als gelernt, daß man ein Herz von
Menschengedanken hat, den Intellekt aber dem
Geiste der Menschheit, dem Gotte. Dann kann sein
Werk jenseits des Irdischen sein, denn es giebt keine
gleicherische Kunst als den Intellekt, wenn er
des Herzes erstet.

Ich fülle, sagt eine Stimme in mir,
„Lohn?“ Was willst Du? rufen andere. Ich
habe mich diesen Trüben anzuvertrauen. Sturz-
brüche von Trüben brausen über mich herüber.
Ich soll mich diesen Trüben anzuvertrauen? Wie
schwer! Es ist eine greuliche Tiefe. Du
wirst Dir's Opfer von mir? Mich dem Tode
meiner selbst überlassen, dem Wahnsinn des eigenen
Hellsinns, der soll ich? Wohin? wohin?
Habe ich Vertrauen zu meiner Seele, so soll ich
auch wagen. Wie schwer ist es, sich selbst

so zu vertrauen, daß man sich selbst in einen
Abgrund hineinlegen kann!

Der Fallot, zu dem ich mit Dir
fallen, werden auch sie. Ich falle mit
Dir großen Felsenentlang in dunkle
Tiefe, dampfende schlossen auf, es
zuckt und brennt - Föhnwind. Ich
eine schmale Höhle, ein Zwang aus jeder
Richtung den Eingang - hell Himmel, welche
Qual. Du Boden mit schwarzen Lehnen
bis an die Knie. Ich jagte eingetraten.
Ich hatte mich an der Wand vorbei - vorwärts
nach unten die Angst, es enteng und tief,
oder kalt - ich war nicht - hinein -
ich kniete durchenge Felsenritzen - eine
hellstrunkle Höhle, am Boden schwarzes
Wasser, am jenseitigen Ufer ein leuchtendes
Stein. Ich war bis an die Knie - es
ist kalt - bis zum Stein. Halte mich
nicht an, ich darf nicht mehr. Es

muß sein, das muß erobert sein.
Der Stein der Qual, der rothen Kieles.
Der Licht ist kalt, ein Crystal, ich
lebe ihn weg, darunter ein dunkles Loch
was soll es sein? Die Höhle wiederhallt
von vielen Menschenstimmen, doch ich nie-
mand hier. Ich stehe auf dem Stein in der
Höhle, jagend um mich blickend -
dann das Eine sehend - ich will nicht
auf die Stimmen hören, sie halten mich
weg. Deris dunkle Loch - wohin führt
es, das will ich wissen, was sagtes?
Ein Orakel? Ist es der Ort der Pythia?
Nicht weghalten soll ich mich! Stille
und Ewiges soll hier zu Worte kommen - Stille
mit Ewigkeit, Pöcherhöle Schatten,
Ausgang der Ohnwelt - die Orakel-
stätte? Wo es möglich? Soll ich das
Orakel an seine Öffnung legen? Ich
habe das fern und wach Brausen unter

zündender Strome - ein blutiges Haupt
 im dunkeln Räume, ein Perleuchter, der
 schwebt in fürchtbarster Tiefe. Er leuchtet
 es nicht - aber es ist sters - erstarrt in
 eisiger Kälte in der Stellung eines Schwir-
 menden - ein riesengroßer schwarzer
 Kopf zieht vorhin - ein Meeresschiff,
 aus tiefstem Grunde eine Sonne daraus
 durchstrahlend - ich fass es nicht - blasse
 gerügel an dunkeln Wänden nachher tief
 stehend wo die Sonne matter leuchtet,
 Tausend schlangen die Sonne umringend,
 umhüllend - tief Nacht - es leuchtet
 zerschellt - ich sehe erblüht, Karm
 von tausend Wunden an den Wänden der
 Höhle widerhallend. Wie leuchtet die Ober-
 welt. Zu viel Licht, die das brennt Licht,
 nach ein malen Blick in die Tiefe -
 ein rother Strahl, ein Bluth spritzt auf,
 ein schwarzes Blut, lange quillend,
 dann versiegend.

Was soll ich? Welches Nacht! Alles
 die ein Flug gelaunt, hinunter - und wieder
 hinaufgewirbelt.

Heil den Wunden. Die mein Zweifel
 zerschlägt, meine Seele. Auch es ist zu
 überwinden, damit ich Deinen Willen
 erkenne. Wie fern ist Alles und wie gerückt
 gehst du bin ich! Du sagst und der Zweifel
 scheidet mich weg. O kömst ich Stunden
 um Stunden sehend und lauschend
 liegen an jener innersten und entferntesten
 Stelle, einer Brackelstätte, denn Du
 mein Seele in Deinen und nicht in meine
 Worten je mal sprichst. Mein Leid ist ein
 Qualgeist, er zerrißt mein innerstes Fleisch,
 nicht Alles zerlegen, begreifen, auseinander
 wissen und zusammenstellen, wieder zusammen
 aufbauen. Nachher ich Opfer meines Denkens
 wann bin ich Herr meines Denkens? Wann
 kann ich mein Denken Ruhe gebieten, das
 meine Gedanken, die widergehetigen Gedanken

zu neuen Firmamenten? Wie kann
 ich hoffen, denn Ströme lauter zu ver-
 nehmen, denn Gesänge klar zu sehen,
 wenn alle Gedanken mich umgeben?
 Ich sehe erst in der Klarheit, aber in
 Deiner innersten Welt, meine Seele, bin ich
 wie ein versenkter Schatten, zitternd und
 ungeduldig nachherwacht.

Ich bin fassungslos. Ich will fassungs-
 los sein, denn ich habe es bei, meine
 Seele, zu geschworen. Du zu vertrauen,
 auch wenn Du mich nach Wochen
 fährst. Viel Träume der letzten Zeit
 sind davon, ich weiß. Aber ich bin nicht.
 Denn das göttliche Licht erstarrt aus in
 der größten Dunkelheit. Wie soll ich aber
 Deiner Sonne Heilhaft werden, wenn
 ich nicht den wichtigsten Litteral ablassen
 trank getrunken und bis zur Reize gelöst
 habe? Hilf, doch nicht in eignes Sinn

ersticke. Ich schloß es zusammen, nicht
 nur aus Eies, Ehrgeiz und Eitelkeit, sondern
 auch Wahrheit willen und um näher zu der
 Gegenwart, wie ich später verstand. Aber
 die Fülle des Wissens steht aufrecht zu stehen
 Mein Wissen hat ein Meer vor mir
 Reden mit Strömen wie Löwen; die
 Kraft zittert, wenn es wider und ich bin ihr
 wehloses Opfer. Ich greife nach mir und
 schleppen mich weg von Deiner Stille und
 aus der schiefen Tiefe, wo einzig Wahrheit
 quillt und tiefster Kneuen, wo Vergangen-
 heit und Zukunft rauschend zusammen-
 strömen und wo ich im Rhythmus fruster Vergangenheit
 und Zukünftiges sehe in dunkeln Rätern
 Bildern. Halte weg von mir die Dichtung
 jenen irdischen Kerkern der Verwirrung,
 die die Seele bindet und in leblosen Kerkern
 sperrt, aber nur Altem blühte mich vor
 der Unfähigkeit der Kritik, die nur die Ober-
 fläche einer Heilsschlange ist, in Deiner Tiefe
 abhüllendes Gift und qualvolles Gesehnen.

schwebt als Reiter in deiner Tiefe stieg,
mit weinem Kist und nicht wie ein Dieb klettert
kommen, an mich raunen und athemlos ent-
fliehen.

Sammich verheeren in gottlicher Fassung,
Lass mich ich berührt bin, Deine Wunden
zu sehen, die ~~von~~ der ewigen Tiefe entströmen.
Hilf, Hilf, Lass mich mein Haupt auf dein
Horn legen von deiner Thore und deiner Herrin,
~~von~~ dem ich berührt bin, das Licht deines
Herrlichts in mir zu empfangen.

15. XII. 73.

Buchmanier schenken Experimente, mit
ihrer Weisheit ich öffne ich Dich!
Wir streibt ich Aller in mir von der Umwelt
berührt dein Erlebnis! Ich möchte mir selber ge-
hen wie einem aufgeregten Pferde. Ich schreie
von mir selber, an dem ich mich nicht
Halbwegs. Buchmanier ist "Licht" des
Grossen und Buchmanierregent, die weisse
durch eines Wort Alles enthüllt und ich
flüchtig. Was wenn das Licht "in Weltgeschichte
ein Nichts wäre! Das muss ich wissen.

16. XII. 73.

In der Welt fahren leicht selbsterleuchtend werden
in der Allerschneidung empfangen und umschon.

Meine Seele, auf einem Lichtpfad
ist nicht bloß glühendes Band, sondern es gibt
auch dunkler umschlingende Umarmung, welche
diese Welt berühren. Das wollte ich nicht.
Der Weg ist nur scheinend frei, die Welt nur
scheinend dick und leer. Ich schreie aber
belebt sein von zauberischen Wesen, die mich
anfassen, meine Gestalt dann mich verurteilen.
Ich habe wohl ungeheuerliche Farnungen
kommen - ~~aber~~ unter denen ich mich nicht
erkennen kann. Ich denke, es ist eine
unvermeidliche Thierform, gegen die ich meine Mensch-
lichkeit eingetauscht habe.

Dein Weg ist von beständigen Ecken
umgeben, umschlossene Lehrgänge sind überaus
geordnet und schön sind mich.

"Stehge buchst in deiner Tiefe", sagt
Du. Wie soll ich es thun?
"Versinke".

Wie kann ich vernichten? Das ist
die Kunst und nicht Kunst, ich selber ver-
nichten. Liebe mich. Ich bin möglich
es aus mir selber zu thun.

"Stehge dich wieder, ruhe".

Furchtlos, vergib, es klafft in
hellerer Unruhe. Verlangst Du auch das
von mir? Hast Du den Kern der
Eingänge in mir? Du verstehst Götter,
die mächtig sind und aus höchster Lust
meine Seele, was bist Du? Hast ich
mich einem beladenen Thiere angeschlossen,
tränke ich wie ein Betrunkener das
Phosphorwasser, was einen wunden Rand
ausgeschlafen? Stumm ist ich ge-
setzt. Soll ich mir ein Verbrechen? Ist
das die Weg meine Seele? Vergib, vergib,
aber das Blut nach mir und ich kenne
Dich übergebe, wenn ich Dich ferner be-
stehe. Da spinnst du die Finsternis, meine Seele
und ich bin wie ein Voller in deiner Netze
eingefangen.

Aber ich will, ich will. Liebe mich.
"Mein Pfad ist Licht".

Meinst Du das, was wir Menschen
ergibt Finsternis nennen, Licht? Meinst
Du unsere Tag Nacht? Finsternis mich,
lieb mir Licht, Deine Licht.

"Mein Licht ist nicht von dieser
Welt".

Ich wenn nichts von jener andern Welt.

"Soll ich mich sein, weil Du nicht
weist das?"

Aber unser Wissen! Auch Wissen
gibt es nichts? Was soll es sein, wenn
es nicht Wissen ist? Wo ist Licht? Wo
ist das? Wo ist das Licht? Wo ist das Licht?
Im Finsternis ist nicht das schwerere
Licht, sondern auch das dunkle. Wenn
es das Wissen sucht, dann soll, dann auch
vielleicht nicht Sprache und Worte?

"Auch keine Worte".

Schreckhuden Verwundung könnte
ich nicht träumen. Vergiß, verliere dich
schlecht, verliere dich nicht ich
Dich. Verhältnis von garne ich nicht
mit Selbsthänzung und tollkühnem
Spiel, und selbst ein Fräule, aus
nicht abzurufen, in Herrin meines
eigenen Paltense. Verliere meine Seele,
fälscht darüber rasche Herrschaft.

„Du täuschst Dich, nicht liegst
Du nicht. Dein Wort mit Dir liegen,
mit nicht.“

Aber ich könnte mich in
resenden Blümen wachen, der wir
keine Süßfluten. Doch mich ver-
schlingt. Ich könnte der Wärmende,
der perverse Stumpfhirne ausheben.

„Wagst du Gedanken und was?
schaffst du sie? Ist du nicht — ein
Kiesel — ein Empfangen — ein

Bettler, der vor meinen Thüren liegt und
mein Almosen aufliest? Und du wagst
es, zu denken, dass das was du
ermisst und spiehst, Blödsinn
sein könnte? Wirst du noch mehr,
da es aus mir kommt und mir ge-
hört?“

Dann aber muschelst meine
Erpörung auch aus der Kasse. Dann
erporst du dich in und gegen dich
selber.

„Das ist Bürgerkrieg.“

Siehe Phrase, die ich oftmals
von mir selbst höre, auf andere angewandt.
Welchem Schmerz, meine Seele, dich Phrasen
machen hören. Bist du neurotisch?
Sind wir neurotisch?

Wir sind ohlisch — Coracide und
Lefaul.

Aber ich will, ich will. Ich kenne

auch durch stinkenden Schlamm, aus
der verhasste Bewale. Die Tempel auf
den Wirtspfeile sollen mich nicht fangen
und nicht fallen. Ich kann auch stark
essen, es mag Phrasen kochen regnen; ~~ich~~
des Bausche gehört auch zur Hülle.

Schweiche nicht, ich Fräule.
magst ich unartigen Qualen erinneren,
spinnne heilige Ungeheuer, komisch-grün-
liche Theater- und Feuilletonungeheuer.
Herau — ich bin bereit, bereit, mein
Secke, in der ein Tempel ist, auch
mit dir zu ringen. Danach hat mich
Gottes Marke vor und ich verachtet dich.
Nun nimmst du des Tempels Marke —
wehe — eine ungeheuerliche — die Marke
des Bausche, des Wort und Phrasen —
mitheben.

Marine Genoss! Lass mich
einen Augenblick zurücktreten und
überlegen? Rohrt der Kampf mit

deiner Marke? Rohrt die Verheerung
der Gottesmarke? Ich kann nicht, mich
brennt in Kampfpfeile der Hülle.
Nein, nicht genug Raum ich den Kampf
platz räumen. Ich will dich fangen,
dich erdrücken, Kesseln, Affe.

Wehe, der Kampf ist ungleich.
Meine Arme greifen Luft — aber deine
schleigt mit auch Luft und ich merke
Pessen.

Und abhin unter neuen Pfaden
der Wüste — ein Wirtengeweib — ein
Gesicht der Einsamen, in der lange Straße
wandeln. — He, ein Kunstwerk! Ver-
fluchter Strich, der die Luft rass. Woher
kam er doch? Die Straße ist von
Abenteuern belegt, von wilden Pöbeln
und Menschenwürden. Camer auf ihre
und senden todbringende Geschosse.
Der Blut steht mir wahllos Herzen?
Lies Gift dreunt. Blutige Mord trüben
meine Augen. Demasch dich Blut auf meine

Selection —

Wen ich will, ich will.

18. RTJS-

Die Macht danach unerschütterlich.

Therapeutisch bald ein erziehn. durch Aehren
Traum:

12. Womit einem unbekannter
Hüpfing (in einer gewaltigen Gebirgsland-
schaft vor Tagesanbruch, der östliche
Himmel war schau hell. Da taut über die
Berge das Horn tief fried an jähelndem
Land, und wir wussten, dass nun mehr
unser Footprint Romme. Wir waren be-
waffnet und besetzt in einem schmalen Fels-
pfad, um den blauen zu erreichen. Da
denn es hoch über den Berg auf einen Wagen
aus Totegebener, u. wussten wir mit sehr
mysteriösen Figuren und fuh mit ungleich-
licher Kühle über sehr schroffe Felsenbernten
und gelangte auf den schmalen Fels, zu dem

Wir konnten. Als er meine Ecke bog,
feuertest du jagdlich und verwundetst ihn
tödtlich. Wenn Gefahrte verlor mich um
den Hals eine letzte Flugschusswunde
zu lassen. Ich warnte mich zur Flucht.
Die ungeheueren Regensauschüttung her nieder.
Ich sprengte einen unglaublich steilen
Regenloch hinan und half dem später
meiner Rettung, Ich langsammer nachfolgte
heraufsteigen. Einige Leute verspotteten
uns, aber wir waren recht, denn das zeigt,
dass wir nicht wussten, dass ich den Helmen
ermordet hatte. 4

Nach diesem Flamm ging ich noch
eine seelische Qual bis zum Tode. Und ich
fühlte, dass ich nicht sterben sollte, wenn
ich das Rätsel nicht lösen könnte. Ich wollte
den Tod nicht, denn ich wollte leben. Ich wollte
Alles, was ich konnte, um zu leben.
Dass Todestrieb nicht so auf mich sei, wie
mit dem Tode.

Da erst sich die engelhäutige Spannung
und wie ein Regen rauschte es herüber

elt des, was Spannung, Überspannung
war. Und selbstverständlich wider und
sprachte ein wunderbar schönes Bild:

Gestalten in keine Seite geküßt
in einer feurigen Atmosphäre. Bewun-
gen von einem eignen blühend süßig, feig,
leuchtenden Hülle, die einen sohen, sehr
blühend und grünlich.

Was mich früher strahlte ein jedes
hofftes geistig-sinnliches Gefühl aus
mich schloß ein wie ein Leinwand.
Ich bin ich in tief vergebener und ich
habe. Aber es scheint mir, ich bin in ein
neuen Welt.

wo bin ich?

Durch unbescholtene Schrift ein Neuer,
ein Neugeborener geworden?

schon immer nicht Weg noch Steg,
ich habe gerade ich, in diesem neuen Be-
stand des Lebens noch nicht gelernt.

Soll chemisch vorverarbeitete testen, kochen?
oder stillstehen an einem Kessel, bis fäul-
tend und widerwärtig? 22. 11. 1875

Sublim ist eine beladete Welt, eine
Welt einfachster Dinge. Keine Ähnlich- oder
Muss-Welt, ein und schließt, eher eine Welt
Welt mit gänzlich unbestimmter Möglichkeit,
eine Welt farbiger Zurücklichter. Es schließt
hier eine kleine, nächste Wege zu geben, keine
formen Ziel, keine Fragen genau Heereswesen.
Daher kein Himmel, darunter keine Halle.
Eine seltsamen Zurückwelt - Alles in
weicher Tönen in einander fließend - ein
farbenerisches, harmonisch in sich verschmelzendes
Gesamtes.

$$20. \overline{X(11.7)} 30$$

Der Menschenhuten sind viele, nicht
 die geringste ist, das neue Leben sehr annehmen
 und zu halten. Schwach und künstlich
 ist eine neue Welt - künstlich - ein schmerz-
 hafter, aber auch heiliger, das schwache

kleinstliche Anfänge, unausgebildete
zusammengedrückte Halbenwirklichkeiten
zu fruchtbareren Wirklichkeiten ~~expansieren~~
des Leibes, das zum Bauen empfan-
gen, das wart, das im Schoos einer
armen Frau empfangen wurde, es
wurde zu einem Gott, dessen zureichend
glatte Gesicht hat.

Ich habe Deinen Keim empfangen,
Du Kommander, ich habe ihn in
tiefster Koth und Niedrigkeit empfangen,
ich hüllte ihn in fettenhafte Lappen
und bettete ihn auf das Lager Strohes
Worte und die Später Lichte gründen ~~ich~~
an, Dein Kind, Dein wunder ^{gutes} Kind,
das Kind eines Kommanders, das der Vater
verheirathen soll, eine Frucht, Nichte ist
als der Baum, aus dem es wuchs.

Wird schwarzgewandt Du ein -

Stange, Du wollest umgibt Dein
Geburt.

Die Luft verflücht vom Hymnus der
Kästeren, als der Gott dich in meinsterpunkt
Augt ~~ist~~ Dein Herold, Zweifel
steht zu Deiner Rechten, Enttäuschung
zu Deiner Linken.

Wird schreie zusammen in unserer
Lächerlichkeit und Verunftlosigkeit
als wir dich, wunderelbendes Kind er-
blickten.

Blasse Augen erblickten und unser
Wissen verstummte, als wir Dein
Glanz empfingen.

Das neue Feuer von unserm Feuer,
in welche Nacht, in welchen Schatten
ist Du hineingeboren! Brauch des Ackers
leben wir als Opferfeuer entgegen -

Lebalt Stahlhände greifen mächtig

nach Dir und sie werden hilflos an
Deiner Glatte schnellen.

Es werden das Luft verschleichen
Lenden in Deiner Wohnung stehen, und sie
werden selber daran hinziehen.

Die wallende und die himmelreiche
Schicht ~~wird~~ sich Deiner Lager
nähern, die eine wird dich brünstig
begreifen und andere hochmütig
juchzen wollen. Sie werden dich aber
übermächtig verehren und ihre Hände
unter Deiner Füße legen.

Die wirst von Deinem Glanzigen
wahrhafte Gaben erzeugen und sie
müssen zu Deiner Ehre in Tugenden reifen,
die ihnen ein Preis sind.

Die wirst über sie kommen in
dein Land ihrer schwachen Entwicklung
und du wirst ihnen offenbar werden, indem

das sie küssen, fürchten und verehren.

Man wird, o Kind, Dein Ruhm
erkennen in den mächtigen Thierpatzen
unserer erst hintersten Belagrunder.

Deine Stimme, den seltsamen Wald-
laut, wird man vernahmen in der ge-
rigen Festung des Hügels, des
weggeworfenen und als wertlos
bekannt.

Das Reich werden sie mit Händen
testen, sie auch von der tiefsten Niedrig-
keit anbeten, und deren Schandacht
in ~~Land~~ durch den Strom des
Stils trieb.

Deine Gaben giebt Du ihnen, die
mit Grauen und Zweifel zu Dir beten,
und dein Licht wird ihnen leuchten, deren
Küsse nicht arbeitswillig und voll Empörung
sich von Dir hegen müssen.

Alles

Dem Leben ist mit dem, der sich
selbst überwindet, hat und der seine Über-
windung wider sich selbst verliert hat.

Ach ich weis: Das Thier der Seele
ist nur dem gegeben, der außer der Hölle
glaubt und sich selber das Versteck für
dringende Selbsterlöschung.

In diesem großen Mitleid sind geladen,
die ich meine Hände beschmutzt, die
ich Leute wissen gegen Verbrechen zu stellen
und die ich Tugenden aus einem Mörder-
grab halten.

Der Geist der Geburt ist ein
Fest- und wandelbares.

Dies, so Kind der Kommanden, sind
die Wunder, die dafür zeigen werden, dass
du ein wahres Gott bist.

Mein Leben, du hast es gewollt, dass ich alle
die Welt regte und veränderte. Ich weiß nicht, dass
du solche Geheimnisse hütetest. Ich stamme. Du
bist ein unglücklicher Räuber. Aber was soll meine
Verurteilung?

27. Dez. 13.

Wie ich mich auch streute, es
muss doch sein, dass ich wieder in die Tiefe hin-
untersteige, an den Ort der Qual. Alles wird
mich darauf hin. Es soll mich nicht kümmern,
was ich darauftrage. Ich weiß, warum ich
jämmerliche Angst habe - die schlaflosen
Nächte, das Zerplittern des eigenen Herzens,
das ist etwas ich sehe. Es ist fast ein
physischer Schreck, der mich zurückhält. Und
es muss ja doch sein. O all die Dunkelheit,
schwarze Nebel umkreisen mich - ich
müde - wie ich hier liegt ich an einem
Stein geliebt in schwarzer Tiefe -
Felsgründ ringsum - ein alter Mann

hinter mir mit grauem Bart
in orientalischem Gewand - er hält seine rechte Hand
ausgestreckt, wie wenn er etwas zu
seiner Fülle eine große schwarze
Schlange (ich gehehe - keine Befeh-
lung) - ein Hintergrund ein
verhängtes Scherens, ein schönes
junges Mädchen tritt heraus - die Tochter
des Alten - sie tritt neben den Alten -
ist sie blind? Ich habe erstens
und erhebe mich - sie umarmt meine
Hand - wir gehen zu dem Haus
auf dem eine hohe schwarze Felswand.
Hinter uns folgt die Schlange - im
hinteren unbestimmten Dunkel - ein
Teppich in einer düsteren Halle
auf einem kleinen schwarzen Tisch

ein heller wasserfarbener Crystal
von Faustgröße, der mich anzieht.
Fertige Lichter gehen von ihm aus.
(jetzt wieder schwarz) Ein farbiges
Schattenbild umgibt mich ganzes
Gesichtsfeld - davon Eva unter dem
Baum, davon die Schlange - jetzt ein
wunderbar schwarzes Meer, felsig
küste - ein Schiff mit rothem Segel.
Zieht darüber - Odysseus und seine Ge-
fährten - (schwarze - dachser weiss)
ein Plakatbild scheint, ein Alten
mit einem Kind - (schwarze - über-
stehen) schließt in die Halle, glühende
Dinge, Waffen? Edelsteine? an dem
Hintergrund - ein Hintergrund ein herrlicher
Garten mit tausenden Samenkornen
wie schatten hinaus - schwarze Gräser
büsche - ein schattiger Brunnen

der Alte spricht:

„Kennst Du mein Haus?“

„Schon Freund und aller ist mir unbekannt,
Eich, Zugleich wie ein Traum. Wer
ist Dich fragen, was Du bist?“

„Ich bin Elias und Du bist meine
Tochter Salome.“

„Du Tochter des Herodes? Als
Blutrußige Weib?“

„Warum verurteilst Du so schnell?
Du siehst ja ich bin blind — und meine
Tochter, die Tochter der Propheten.“

„Welches Wunder hat euch ver-
eignet?“

„Kais Wunder, es war von Antiochia
da. Meiner Weisheit und meine Tochter
sind Eins.“

„Ich verstehe nicht und verstehe

ernstlich zu fassen.“

„Denke Dir nach. Elias der
Prophet und Salome, die mächtigste und ver-
meintlich Tugend — ihre Blindheit hat
uns mit Lüge und zu Gefährten gemischt,
zu Vater und Tochter.“

„Vergib mir mein Staunen. Ich bin
schon in der Hölle.“

„Du bist doch Kain, der Träne aus
heut — gib ihm keinen Namen.“

„Salome (zu mir gewandt) „hilst
Du mich?“

(Sich umdrehend, alles Blut drängt
sich zum Herzen):

„Wie kann ich Dich lieben? Wie
kannst Du zu mir Frage? Ich sehe
nur Eins, Du bist Salome, ein Tiger
und das Blut des Propheten fließt an Deinen
Händen. Wie soll ich Dich lieben?“

„Du wirst mich lieben.“

(Das Entsetzen packt mich am
Kehle.)

„Ich Dich lieben? Was giebt
Dir das Recht zu solchem Gedanken?“

„Ich liebe Dich.“

„Was ab von mir. Mir graut
vor Dir, Bestie.“

„Du hast mein Unrecht; Etwas
ist mein Vater und er kennt den Gehir-
niss tiefe, die Wärme meines Hauses sind
von ihm. Seine, seine Barren erheben
heilkräftige Wärme, und sein tiefer Rausch
schreit die zukünftigen Dinge an. Und
was gehört Du mich? Darum ummeine mich,
Blick in die unendlichen Dinge des
Kammergeistes? Warum bist Du nicht selbst
ein Stille wert?“

„Schrecklich ist Deine Vermutung“

„Schon mich grüßt mich der Hölle, hier
ist es grauenhaft. Ich schreie und schreie
ich die Luft.“

„Ich sehe nach Elias. Mächtige Barren
bestehen meine Augen. Es spricht:
„Was willst Du? Du bist der Wahl.“

„Aber ich gehöre nicht zu den Tötten,
ich lebe in der Luft des Tages. Warum
soll ich hier in der Tiefe der Hölle mich
um Salome quälen und habe doch genug an
eigene Leben zu tragen?“

„Du hörst, was Salome sprach-
te.“

„Ich kann mich noch immer nicht von
meinem Staunen erholen, dass Du der alte
Prophet bist als Tochter und Gefährtin er-
kennen kannst. Ist sie nicht aus nach-
lassender Saure gezeugt? Hat sie
nicht viel hier und perverse Wollust?“

„Sie liebt ihn einen Heiligen?“

Und hat schmählich sein theures Blut vergossen.

„Unterwird mich nicht, mein Sohn; sie liebt den Heiligen Propheten Gottes, der dem sein Welt den neuen Gott verkündigte. Nun haßt sie — versteht Du das? Dem sie ist meine Tochter.“

Du meinst, weil sie Deine Tochter ist, liebt sie in Johannes den Propheten, den Vater? Versteh ich Dich wohl?

„An ihrer Liebe magst Du sie erkennen.“

Aber, wie liebt sie ihn!? Meinst Du das nach Liebe?

„Was war es anderes?“

Aber wir greut, denn wenn sollte es nicht grauen, wenn Salome ihn

liebt?

„Bist Du ein Feigling? Und überdies — Ich und meine Tochter — wir sind seit Evergatten Eins.“

Grausame Rätel giebt Du uns auf. Wie könnte es möglich sein, dass Salome — diese Weib und Du, der Prophet des Gottes, Eins wären?

„Warum erschreckst Du dich. Du siehst es doch, wir sind beisammen.“

Was ich mit eigenen Augen sehe, das dünkt mich das Unfassbare. Da, Elias, der Du ein Prophet, der Mund Gottes bist, und sie, ein Blutversteigtes, und gleiches Angehörer — ihr seid doch die Symbole zweier Egesätze.

„Wir sind nicht wirklich beisammen und sind keine Symbole. Wir sind wirklich ^{und} beisammen.“

Die schwarze Schlange windet sich um einen Baumstumpf und verbißt sich in den Zweigen.

Alles wird Nüchtern, gewißhaft. Elias und Salome erheben sich, infolgt in bei der Hand, ich stehe unerschütterlich. Elias geht voran, wendet mich mit der Hand und wir gehen zurück in die Halle. Der Cyclus bruchlos matt. Gedanken widerstandslos mit dem Augen, wie erandem Felsen sind die Stimmen verdrängt auf laugen Inseln. Soll ich, soll ich nicht?

Elias und Salome schweigen. Wir treten unter die Säulen am Eingang. Der Zweifel gerührt mein Herz — ich wein nicht. Es ist so natürlich und dennoch bleibt ein Stück meiner Sehnsucht zurück. Wird ich nicht kommen? Wird ich den Weg wieder-

finden zum Hause des Rätels? Der Weg, den ich nicht gesucht und nie erwartet habe? Salome liebt mich? Liebt sie mich?

Ich höre wider Musik, das Tamburin, — eine schwache Mundnacht — dann das blutig-sternige Haupt des Heiligen — mich faßt die Angst — ich stürze hinaus, es ist finstere Nacht um mich, ich bin zwischen Felsgeröll, fern rauscht ein Gewässer über Klippen — werdet den Helden gerettet? Liebt mich Salome denn? Liebt sie mich, und habe ich denn den Helden gerettet? Sie ist Eins mit dem Propheten, eins mit Johannes, eins auch mit mir? Wehe, was sie die Hand Gottes?

Ich liebe sie nicht, ich fürchte sie. meine Knie zittern.

Eine Stimme sagt: „Daran erkennst du den Gotteskraft.“

Muss ich Salome lieben?

Was wird es bedeuten? Es ist Alles Dunkel vor mir. Kein Haus, kein Felsen und kein Dunkel. Es ist die Thar der Finsternis, von der das Lichte nicht, der hat noch Mächsten zu tasten, er hat seinen Weg gefühlt von Stein zu Stein. Kein Gedanke kommt ihm klar entgegen, wenn er nur nie alle abtastet, wertvolles und wertloses und gleicher Liebe empfinden, denn in der Welt des Dunkels sind unsere Kräfte aufgehoben. Ein Berg ist ein kleinste Hügel, und ein Samthaus birgt Königreiche — Felsenfalle oder auch nicht.

Begreifendes Werthurtheil rarr von der abfallen, auch geistiges, sonstiges logisches Urtheil; selbst die Geschmacks voll von der Thare abgehoben werden. Entlarvte erblickten können und der Altem ~~habe~~ opfern den Dunkel, auch wenn er auf Verleugern zu beruhen scheint.

Wen hier eintritt, tritt es ein Armer und Blöds, derjenige, der wir Armen nennen, ist hier Unwissenheit, sehen Blindheit, hören Taubheit, Fühlen Stumpfheit.

Ganz arm, blind, dumm, unwissend geht durch das Thar. Aber auch die Dummheit, Unwissenheit und Dummheit in nichtgierig und auserwählt und erwartet nicht Brot nach Steine, sondern etwas heiliges und heiligmächtig. Werde all seine Tugenden sich selbst, denn nur die selbst kommt sich hindern an schauen. Das Wissensthum ist jetzt wie Luft und dünner Rauch und die Luft brütet Stoff, der auch schon schwer ist.

All dem Haffnung ein, die die höchsten Gut und höchsten Können ist besser vorangehen und das die als Fühler in der Welt des Dunkels sein, dann ist von ähnlicher Natur, wie

die Gestaltungen jener Welt. Lass dein Hoffnung ihr entgegen schwellen wie Meereswunder.

Ich stehe schon unten auf jener wüsten Stelle in einer felsigen Tiefe, es mir umhüllt wie ein riesiger Krater. In der Ferne erblicke ich, an den felsigen Hang genähert, das wüstengetragene weiße Haus. Es ist Alles Düstern, unbegreiflich und nichtig.

Ich sehe Salome in weitem Kleid fern nach links hingehend längs der Wand des Hauses als eine Blinde. Hinter ihr die schwarze Schlange. Unter dem Portale steht der Alte, er winkt mir von fern. Ich schreie jährend nicht. Er ruft Salome zurück, sie kehrt sich ihm und lehnt sich an ihn. Sie ist wie eine Leichende. Nicht kann ich erdacht werden, was ein Geringschätzen an ihm Fessel.

Mein Händchen und mein Gesicht ist vorausgefallen Ausdruck.

Vor dem Bienenhauf die Schlange. Ich stehe vor ihm, ungenügend, ungenügend wie ein thörichtes Knabe.

Dahin schreie, wachst ich gegen. Da warte Salome und eher im Hals stehen. Es ist Alles so schrecklich ungenügend und quälend.

Da Altes nicht mich fassend war: Was willst du hier? fragt er mit strengen Ton.

Vergib, es ist nicht mein Zornig-Geist, aber die Dummheit, die mich treibt. Ich bin wie ein thörichtes Kind, wie ein wüthendes Kind. Ich verstehe aber, dass eine Sehnsucht mich heftig zurückgekehrt hat, eine Sehnsucht, die gestern in diesem Hause zurückblieb.

Ich sehe wie Salome hier stehen. Ich verstehe wie Altes erhebt. Es nicht

aus, an Lins Glück. Da - es nicht
so aus. Doch - ist es nicht Salome?

Hilf, Prophet, ich bin müde, mein
Kopfschmerz ist schrecklich. Ich bin verärgert
an meine Unwissenheit. Ich habe geglaubt
mit mir selbst gespielt; es waren heuchlerische
Spiele, die ich mit mir trieb, und die mich
nicht alle zum Glück geworden, wenn es nicht
klug wäre, in der Welt der Menschen das zu
spielen, was die Außenwelt von uns erwartet.
Es ist mir, als ob ich hier irrtümlich wäre.
Und doch lieb ich mich selbst, hier zu sein; ich
glaube sogar, es widersteht mir.

Elias und Salome treten wortlos
ins Innere des Hauses. Ich folge ihnen
stumm nach. Mich quält ein bekümmertes
Gefühl - ist das Gewissen? Ich möchte
umkehren. Aber ich muss, ich fühle es.
Das Gefühl ist nicht. Dort ist der

leuchtende Crystall. Ich erinnere mich
trüben und in sein Feuerspiel zu treten.
Ich sehe die feurige Krone der Gottes-
mutter mit dem Kind vor dem alten Gemälde.
Links neben Petrus, rechts neben
Petrus allein mit den Schülern - der
Papst mit 2-facher Krone in feierlichen
Andeutungen - ein junger Prophet erscheint
in Ferarbrun. Ein vilarunges Kalip-
jae blüht Gotteslob - jüdt Salome
selbst mit verzweifelter gerungenen Händen.
jüdt jene meine Wiedergabe mit
schwarzen Haaren - meine eigene
Seele - und jüdt jene weisse Mauer-
gestalt, die mir damals erschienen
ist - in ist wie der letzte Moses des
Michaelangelo - es ist Elias.

Elias und Salome stehen vor mir,
schweigend, wie Lins Gesicht.

Dieses Verhalten ist qualvoll und
da bin ich mitten in mir selbst. Elias,
ich erwachte ich mitten, jetzt nicht.

Elias winkt schweigend und geht
mit nach links voran. Salome wendet
sich rechts in einen Seitengang. Ich
folge Elias in einen nach hinten Raum.
Auch Wänden schimmern Büchergestelle ge-
füllt. Von der Decke hängt eine köstliche
brennende Lampe herunter. Ich setze mich
erschöpft in einen Drastuhl. Elias steht
vor mir auf einem marmornen Podest
gestützt. Hinter ihm Rüstungsbäume und
rotte kleine Fensterschichten.

Er spricht:

„Bist Du bange? Warum
fürchtest Du dich? Deine Unwissenheit
trägt Schuld an deinem bösen Gewissen.
Macht - Göttern wirkt wie Schmelz. Den
Wald, der Drang nach verbottenen Dingen.

in die Urwälder deines Schuldgefühls.
Du hast dich selbst besonders sehr ich
schuldig. Warum denkst du, dass du
hier bist?“

Ich weiß es nicht. Ich verlaufe
an diesen Ort, als ich unwissend dem
nicht Gewissen mich entgegensetzte.
So bin ich hier erstarrt und verärgert,
wie ein unersunkener Thau. Ich erfahre
Unerwartetes in diesem Hause, Dinge, die
verärgern und umdeuten nicht
wissen, was sie bedeuten sollen.

„Salome: Wäre es nicht dein Götze
hier zu sein, wie wärest du hier?“

Und befällt das Gefühl tödlichen Schreckens,
mein Vater -

„Du wachst aus. Du kannst dich
deinem Götze nicht entziehen.“

„Wie meinst Du? Wie kann ich mich
dem entziehen, das was mich umgibt ist.“

was ich erschaut. Gefühl und Harmonie
überwunden kann?

„Du liegst — wirst Du nicht,
den du selber erkannt hast was
es bedeutet, wenn Salome dich liest?“

„Du hast Recht. Es ist ^{ein} Jenseits-
der und mancher Gedanke ist einem
Augenblick in mir aufgestiegen, doch
ich hatte ihn wieder vergessen.“

„Du hast ihn nicht vergessen.
Er brannte tief in deinem Innern. Aber
du hast Angst vor dem Brennen. Hast
du so Angst? oder kennst du diesen
Gedanken nicht gut genug von dir ab,
von deiner Menschlichkeit unterschieden,
so daß du ihn für dein Aussehen nehmen
wolltest?“

„Der Gedanke ging und zu
weit und ich sehe mich vor weit-
fliegenden Meer. Sie sind gefährlich, denn

ich bin auch ein Mensch und Du weißt
wie sehr die Menschen gefährlich sind, Gedanken
als die Eigneten, Innerster anzusehen, so-
daß sie nicht unbekannt vorkommen und verwandelt.

„Wirst du, fragst du dich, dich
denn mit einem Baum oder einem
Thier verwechseln, weil du am besten
oder weil du weißt daß du einer anders-
selben Welt existieren? Mußt du deine
Gedanken sein, weil du in der Welt deiner
Gedanken bist? Ich denke, es wäre doch
einfacher, daß deine Gedanken etwas
außerhalb deines Geistes selbst sind,
wie Bäume und Thiere außerhalb deines
Körpers sind.“

„Du hast gewiss Recht von deinem
Standpunkt aus. Jedoch waren meine
Gedankenwelt für mich mehr wert als
Thatsache. Ich dachte, ich meine Gedanken-
welt, das sei ich.“

„So verstehst du, ohne es zu sehen,

du bist eines Kammerspielers. Sagst
du zu deiner Menschlichkeit, zu zu jedem
Ich und Gefühlsbewußtsein außer
dir: darfst mein Ich oder mein Körper?“

„Ich trat in dein Haus, mein
Vater, und dem Gefühl, wie ein Kind-
junge geschaltet zu werden. Du lehrst
mich aber eine harte Weisheit: ich
kann einen Gedanken auch absondern
meiner selbst und betrachten. Das
hilft mir, zu jener erschreckenden folgen-
folgerung zurück zu kehren, die meine
Sprache wehrt, auszusprechen.“

„Ich dachte, Salome liebe mich,
weil ich Bohrer war und du ähnlich
sei. Deine Gedanken erschien mir allzu
falsch und unglücklich. Deshalb aus-
sperst du mich und dachtest, ich habe mich ver-
irrt, weil ich dich gerade schreie gegen dich.“

„Du, das heißt, du liebst ihn sehr leicht
in meinem Licht. Deine Gedanken sind
verwirrt.“

„Der Platz schwindet lange. Dürst
schwere liegt auf mir. Salome tritt plötzlich
in den Raum, legt ihren Arm um meine
Schultern. Es hält mich wohl für ihren
Vater, in dessen Blick ich offenbar sitze. Ich
wage nicht mehr zu stehen nach zu sprechen.

„Er spricht: „Ich mein, du bist nicht
mein Vater. Du bist mir Sohn und ich
bin dein Schwert.““

„Du, Salome, mein Schwert?
Aber du bist schrecklich ruhig, du bist aus-
strahlt, jenseits menschliche Intelligenz
von dir, von deiner Berührung? Wer
war unsere Mutter?“

„Maria.“

„Ist es ein keltischer Traum, Salome,
Elias? Maria, unsere Mutter?“

Welchen Wahnsinn leuert in Deinen
Aorten? Die Mutter des Heilandes —
unsere Mutter?

Als ich heute Eure Schmelze
überreichte, schenkte mir Hebel - wie
es mir eingetroffen. Der Zureißel geriss
mein Herz. Bist Du von Simon, Selma?
Da Elias, Hüter der göttlichen Rechte,
sagt: ist es ein teuflisches Leiden
die Verworfenen? Wie kann es solches
sagen - oder mit ihr Bist von Simon?
oder Bist von Simon?

Hier sind Symbole und Theorie
ist ein Symbol — ich bin nur zu ver-
wundert, um es zu begreifen zu durchschauen.

Der Alte spricht: #

Darum ist uns Symbolale nennen
mit dem gleichen Recht, wie Sie seine
wirklichen Mitmenschen Symbolale nennen

Kamot, wenn du Lust haben hast. Hier
ist eine und eine kleine Wirtin wie
deine Mutter. Du wirst nicht
und nicht nicht, wenn du auch mit
~~der~~ Lybule ~~den~~ hast. 4

Da Herzogst mich in eine
unglückliche Verwirrung. Erwollt
Rechtsaten mir?

Die Alte lachelt: „Gewinn nicht weniger,
was die Realitäten nennst. Hier mit mir
und ich habe angeschlossen. Du hast die
Recht.“

schätze unbewußend. Salzwasser hat
sich von mir entfernt. Ich habe mich gewöhnlich
umgebracht von mir. Im Hinterrunde
des Raumes brennt eine hohe gelbe
Flamme auf einem kleinen runden
Marmor. Um die Flamme hat sich
die blaue Luft gelegt, die Augen

glitzernden gelblichen Wölkchen. Ab
sende mich schwenkend jene Bergenge,
vornein geht langsam ein gewaltiges
Läwe durch die Halle. Ich sehe ihn
ohne Grauen. Draußen wölbt sich
ein gewaltiger Sternhimmel über
der wilden Felslandschaft — kühle
Nachtluft — ich höre das ferne Gauseln
gesehen. Alles ist so wirklich und kalt.
Schgehe langsam hinein in die Felswelt,
in dieses Thal der Rätel. Wo bin ich
hergekommen? Welchen Wanderweg
in die Unterwelt? Ist es wirklich die
vornein Unterwelt? Oder ist es die andere
Wirklichkeit? Es scheint hier ja irgend
Realitäten zu geben. Was hat auch dieser
gefragt, wenn es nicht die andere
Realitäten waren? Offenbar muß es sein
irgendwo überlegen, denn ich weiß

nicht verhindern, sie wohl aber wenn wir
sind gezwungen ^{nicht} konnten nicht zwingen
z. B. zu kommen auf uns unbekannter
Weg, den ich beabsichtige durchzuführen
haben muss.

Und schon bin ich weiter hin,
in meinem Buchenshulden, Stunden
und Tagen und ich bin nicht
so in langer Fahrt. Was habe ich
nicht geachtet? Ich habe, ich nun diesen
Menschen wohl auch ~~den~~ vor kommen.

25.24.13

His Wrote Letter,

Das ist das denn, was ich nicht will.
Darf ich das denn, Weiss ich nicht auch
wünschen, sogar wollen? Ich weiss es nicht,
denn es ist Alles so überaus Dunkel und überaus
geheimnissvoll. Das Leben ist toll jungfräulich
bewahrt bleiben — aber wie ich? Es ist
denn bestraft, als je ein Mensch es bestrafen
könnte, denn keiner Menschen Hand kann
es berühren, es sei denn, dass es ihm gegeben

werde. Niemand kann es sich stellen, niemand
gewaltthätig rauben.

Nur wir zwei und unser Hund an der Pfote
heran, der öffnet mir die Welt.

Ich stehe an einem Felsgrat, der
steil aufwärts führt in wäster Gegend.
Draus jachiges Gestein - ein kleiner
Himmel. Da erblicke ich oben in großer
Höhe den Propheten. Seine Hand macht
eine abweichende Bewegung und ich stehe
ab von meinem Entschlusse hinaufzusteigen.
Ich harrte unten, hinaufblickend. Die
Mantel des Propheten flattert im Winde.

Ich sehe: Rechts von ihm ist
Dunkel - Nacht, Links ist heller Tag.
Der Felsgrat scheidet Tag und Nacht.
Die Nacht ist wie ein ungeheuer großes
schwarzes, aber durchsichtiges Ungeheuer
wie eine Schlange oder ein Drache.

Der Tag dagegen enthält eine riesen-
große weiße Schlange (mit einer goldenen
Krause?).

Die Schlangen sind rechten und linken
Seitig ihre beiden Häupter gegeneinander.
Elias steht oben in der Höhe der Schlange.
Der Prophet hebt betend die Hände an.
Plötzlich stürzen sich die Schlangen über den
Felsgrat und ein wilder Kampf beginnt.
Die Schlange mit dem goldenen Kopf auf
der rechten Seite ist ein größeres Stück auf
der linken Seite. Ungeheure Staubwolken
erheben sich vom Kampfplatz und trüben
den Ausblick. Die Schlange mit dem
goldenen Kopf ist zurück. Der vordere Teil ihres Körpers
ist weggefallen. Die Schlange mit dem
goldenen Kopf ist zurück, die andere im Dunkeln. Elias steigt
von oben herab und bleibt in einiger Ent-
fernung über uns stehen.

Er spricht zu uns: „Wer hat
das gesehen?“

Ich sah den Kampf zweier gewaltigen
Schlangen, einer weißen und einer schwarzen.
Es schien mir als ob die schwarze Schlange
die weiße überwinden werde, aber nicht
das, die schwarze zog sich zurück, und ihr
Kopf und der vordere Teil ihres Körpers
waren weggefallen.

„Bleibst du da?“

Ich bleibe oben darüber nachgedacht,
aber ich kann zu keiner deutlichen Erklärung
kommen. Soll es wirklich sein, dass
die Macht des guten Lichtes so groß sei, dass
sollte die Nacht, die ihm widersteht, davon
erhalten wird?

„Folge mir.“

Elias steigt vor uns vom Grat entlang
in die Höhe. Ich folge. Wir steigen auf zu
einer sehr großen Höhe. Oben finden wir
einige hohe Mauern, mit dunklen

Spalten und Löchern. Es scheint mir ein
Hof zu sein oder ein Wall. Unter den
Wänden sind höhlenartige Gänge. In der
Mitte des Hofes ein mächtiger
Stein, ein gewaltiger, oben flacher
Felsblock. Auf diesem steht der Prophet.

Er spricht:

„Dies ist der Tempel der Sonne.“

Dieser umwallte Raum ist ein Gefäß,
welches das Licht der Sonne, des Guten,
sammelt.

Nun Elias von dem Stein heruntersteigt,
herunterab, der seine Gestalt mit kleiner
geworden ist. Es ist zum Zerschmelzen,
von uns fernherab.

Ich sage ihm erstaunt: „Wer bist
du?“

„Ich bin Moses und ich will
die die Quellen zeigen. Das Licht, das das
Gefäß sammelt, wird zu Wasser und fließt

fließt in vielen Rieselchen aus dem Gipfel
des Berges in den Erdenflüßchen. Meine geist
zu einer der dunkeln Öffnungen im Mauerwerk
Verfallens und taucht ins Dunkel
hinab. Ich folge ihm. Hier unten ist
schwerer Dämmer Nacht. Man hört das
Plätschern einer Rieselchen.

Von unten tönt es: Stimme
des Zwerges: „Hier sind meine Brunnen.
Wies wird, werden sie reich.“

Doch ich kann nicht hinunter,
sondern klettere nach oben an einer
Stein. Allmächtig quod ich nach meine
Augen aus Dunkel. Ich sehe in bläulich-
mattem Licht den Zwerg stehen neben
einer kleinen Wasserader. Aber ich kann
nicht hinunter.

Wir sind hier zu Anthe. Ich
sah davon auf dem gigantischen Klippen
die helle Sonne fluthen. Wir kommen den
Zwerg spackhaft vor. Ich hab das Gefühl

einer Hallucination. Ich schreie zweifeln?
auf dem gewaltigen Rücken des Kopfes hinunter
her, mahlend, spinn Phantom nach hinten-
geachtet hat ^{ich} denn und erscheint Alles fremd
und unverständlich. Was es Elias? Was es
Mime?

Es ist hier so einsam und totenstill
und eine kühle klare Luft wie auf höchsten
Bergen — ein wunderbares fluthendes
Lampenlicht ringum. Ich sehe ringum
umich die gewaltige Mauer, die den Hain
bildet — rinnenhaft zerklüftet. An der
Stein wohnen graue und gelbe Flechten,
sonst kein Flecht. Was ist es für eine
Bewandnis mit diesem Ort? Ist der Ort
es ein alte druidische Kultstätte.

Da knickt eine schwarze Schlange
über die Steine — die Schlange des Propheten.
Wie kommt sie hierher aus der Unterwelt?
Ich folge ihr mit den Blicken und sehe

wie sie zu Mauer knickt. Wir sind so
seltsam zu Anthe. Dort steht ja ein
kleines Häuschen mit einem Säulenverand
ganz winzig klein, an den Fels geschmiegt.
Die Schlange wird unendlich klein — ich
schlängeln zusammen — die Mauer
erhöhen sich zu gewaltigen Gebirgen und
ich bin unten auf dem Grunde Kreiers —
in der Unterwelt und stehe vor dem Hause
des Propheten, das wider seine natürliche
Größe zu heben scheint.

Es ist hier unten Dunkel und
nächte, wie immer.

Der Prophet erscheint an der
Thüre des Hauses. Ich gehe raschen Schrittes
hinein und spreche zu Elias:

Ich merke, Du hast mich allerli
Merke ich, Du hast mich allerli
schon und erlebte, ehe
ich heute hier zu Dir kommen durfte. Aber
ich verstehe, es ist mir Alles dunkel. Deine
Welt erscheint mir heute so einem neuen

Licht. Eben war es mir noch, als
sei ich nach Kestons weiter von diesem
Ort getrennt, wo ich heute doch hingekommen
habe und sehe da, es scheint ein und
derselbe Ort zu sein.

„Was warst, mein Sohn, zu
begehrig hierher zu kommen. Wäre ich,
conven Du hast Dich selbst getrennt. Es nicht
nicht gut, wer sehen will. Er misst
zu sehr. Du hast Dich vermess.“

Es ist wahr, ich wünschte nicht
euer, sondern ich begehrt rager heftig zu
Dir zu gelangen, um ~~ein~~ zu hören, was
Du und Salome mir weiter erklären
würden. Salome hat mich erschreckt und
in Verwirrung gebracht, mir schwandelte, ehe
was sie mir sagte, erschien mir ungläublich
und unheimlich. Wo ist Salome?

„Wie stürmisch Du heute bist. Was
kommt Dich an? Tritt zuerst zum Cyprian

sich infarne dem Herz in seinem Licht?

Ich trat zum Orystell. Einperlig.
Feuerberg tritt um seine Augen. Er
erschauet eine Leere. Mich besällt Dagh.
Mein Vater, ich sehe einen Schick, wie ihn
im Beirath im Wappenschild - ich
wie den Fuß eines Gewaltigen, der eine ganze
Stadt zertrübt - ich sehe das Gesicht der
Frau - mein eigenes Bild, es leucht
wie, was leucht es?

„Salome warte, Du bist Begehrt.
Dämpfe Deine Begier. Du bist Dargestellt
Der allbarin Wege.“

Ich sehe das Kreuz - die Kreuzzeichen
die Anlegung - wie qualvoll dein schauern -
Ich will nicht mehr.

„Du mußt.“

Schreie der Kind, in der rechten
Hand die weiße und in der linken die schwarze
Schlange.

Lebender grüner Berg, darauf das Kreuz,
und thronen von Blut flamen und Gipsel des
Berges.

Ich kann nicht mehr - es ist untraglich.
„Du mußt.“

Ich sehe das Kreuz und den Christen in
seiner letzten Stunde und letzten Qual. Über den
Fuß des Kreuzes hat sich die schwarze Schlange
geringelt.

Ich fühle um meine Füße hat sich die
Schlange der Propheten geringelt und schmeißt
in mich zusammen. Der Prophet nicht auf
nicht flammenden Blickes. Ich bin in
der Welt und bin eine ~~arme~~ ^{arme} Seele.
Von rechts her nach Salome - Mein
Körper ist schon ganz umschlungen von der
Schlange und wie ich hält ich das Gesicht eines
Kaisers.

Salome spricht:

„Maria war die Mutter Christi.
Versteht Dagest nichts?“
Ich sehe, dass eine Juchende

und unbegreifliche Gewalt mich zwingt
den Herrn in seiner letzten Qual nachzusehen.
Aber wie könnte ich mir erlauben, Maria
meine Mutter zu nennen?

„Du bist Christus.“

Ich sehe mit ausgebreiteten Armen,
wie ein Kreuzigter, mein Körper ragt
und gränzt umschlungen von der Schlange.
Eines blickt auf mich flammenden Augs.

„Du bist Christus?“

Es ist mir als stünde ich auf einem
hohen Berge allein mit starr ausgebreiteten
Armen, die Schlange presst meinen Körper
in den juckenden Ringen und rasch Blut strömt
aus meinem Körper in Quellen an den
Füßen des Berges Künster.

Doch ich bin wieder in der letzten
einen raschen glücklichen Stellung. Salome
beugt sich zu meinen Füßen und umwickelt

sie mit ihrem schwarzen Fleere. Sie liegt
langsam, denn ruft sie: „Ich sehe Licht.“
Und wirklich so sieht sie Augen und geöffnet.
Die Schlange fällt von meinem Leibe und
kriecht am Boden. Ich schreie aber so heftig
und rasch zu den Füßen der Propheten,
deren ganze Gestalt hell leuchtet.

Er spricht: „Dein Werk ist hier
erfüllt. Es werden andere Dinge kommen,
und dann Dagest nichts wissen. Aberrache
unermüdet, und vor Allen, schreie getreu,
was Du siehst.“

Salome blickt mir in Verzückung zum
Nichts, ~~das mich prophetisch anseht~~ ^{das mich prophetisch anseht} ~~das mich prophetisch anseht~~
wie ein weinendes
gewaltigen Flammes und die Schlange kriecht
zu Füßen der Flammes. Salome kniet vor
dem Licht in wunderbarer Hingebung.
Wie stürze ich Thronen aus den Augen.
Ich sehe die Finsternis in der Nacht. Meine
Füße berühren den Boden nicht, die Füße

Erde, und es ist rein, als zergangen
schon haupf.

hier und da wieder. Etwas ist
vollendet. Es ist mir, als hätte ich eine
Gewissheit mitgebracht — und da eine
Hoffnung.

26. XII. 29.

„Der Hauch der Liebe hauch' ich anmuth;
Was in uns ^{immer} verknüpft, wach' ich wahr
Und schreib' es nach, nicht's aus uns selbst ermunter.“

Deut. Purgatorio. 25. Ges. 52 ff.

„Und gleich der Flamme, die sich wachknetzt,
Wo irgendwo des Feuers Pfad geken,
Sofort ist Form, wach' der Geist sie trägt.“

Deut. 25. Ges. 97 ff.

Diese Nacht beginnt mit dem Gefühl der Welt stürzen
und Nichtkaimens, einzig die Erwartung wacht und
blickt aus wie von einem hohen Thurm, herab
in das Land hinein.

Schreie auf hohem Thurm.
Weit dehnt sich der Horizont. Ein grauer
Wolkenhimmel deckt die Erde. Ich bin
ganz Erwartung. Am dunkelsten Ende
des Landes erhebt sich ein rother
Punkt. Er kommt näher auf gerader Linie.
Dann, unschwerlich hinwieder in Wäldern,
kommt er hervor — ein Ritter in
rothem Mantel, ein rother Ritter — der
rothe Ritter?

Ich bin auf dem Berg auf steilen
Felsen — eine mittelalterliche Feste.
Mir scheint ich trage ein grünes Gewand.
Ein mächtiges Horn hängt an meiner Schulter.
Der rothe Ritter nähert sich der Berg.

Soll ich die Flora stören? Ein Lögern
befiehlt mich — doch ich thue es. Ein
dröhnender Harustars. Unten eilen viele
Leute aus der Thüre — sie öffnen das
Thor. Der Rother tritt herein und
springt vom Pferd. Ich schaue mir
nach ihm hinab. Etwas Unheimliches scheint
nach ihm zu kommen. Ich ziehe mich
ins Thurmgemach und muss nach der
Thüre schauen. Wie wenn der Rother zu
uns käme — ein Gast der Burg vielleicht,
wären selber zu uns heraufsteigen?

Ich hör' Schritte auf der Treppe.
In Thurm waren — es pocht — ich jitters
und öffne die Thüre. Da steht der Rother.
Seine Länge beträgt, ganz in Roth, selbst
sein Haar ist roth. Ich denke, es
ist am Ende der Welt.

Er spricht: Ich grüße dich, Mann

auf hohem Thurm. Schick dich für von
ferne auszuwandern und erwartend. Diese
Erwartung hat mich gerufen.

Wer bist du?

„Wer ich bin? Du denkst ich sei der Teufel.
Nur keine Noth. Du kennst vielleicht
auch mich von fern, ohne dass Du weißt,
wer ich bin. Was bist du für ein abgott-
selber Geiste, der du gleich am Ende der Welt stehst?“

Wenn Du nicht ein übernatürliches
Vermögen hast, wie kommst Du dahin,
dass ich erwartend auf meinem Thurm
stehe? Aussehend nach dem Unbekannten
und Heuen? Hier leben auf der Burg ich allein,
und mein Leben ganz darauf, da ich immer
hier oben sitze und niemand zu mir herauf-
steigt.

„Wer erwartest Du denn?“

Ich erwarte Vieles und besonders erwarte
ich, das Etwas vom Reichthum der Welt, die

nicht sehen, zu uns kommen wärdt.

„Denn hier ist die wohl am rechten Ort. Aber andere mit laugem durch alle Länder und Länder, die wir da auf einem Thron sitzen und nach eingesehenen Dingen Vorhandlungen.“

Da macht mich neugierig. Du siehst von seltsamen Dingen aus. Aber ist dein Aussehen nicht gewöhnlich. Auch - vergiß ich nicht - scheint es mir, als kämst du eine unerwartete Atmosphäre mit, so etwas weltliches, freies oder ausgelassenes - aber - wenn es nicht deutlich bezeichnet ist - so etwas heimisches.

Der Fremde lacht wohlgefällig:

„Du läufst nicht nicht, im Gegen-
theil, du trägst seinen Nagelzug der Kopf
Phantast bei, ein alter Trick, wie du jenseits
verweist.“

Das willt schon nicht beargwöhnen.

Ein von Verschwörung Kunde in Leteras,
wo verächtlich Kunde gelebt wird, von Helden
und Heldenabkündungen.

„Du bist abergläubisch und -
zu deutsch, Du wünschst es auf, was
genau, was deine heiligen Schriften sagen.
Sonst kämstest du nicht nicht so hart be-
urtheilen.“

Ein hartes Urtheil soll mir fern
liegen. Aber meine Witterung täuscht mich
nicht. Du bist ausweichend und elastisch
und willst dich nicht verrathen. Wem
vergeßt du?

Der Rathe scheint noch etwas zu
sagen, erscheint mir glänzendes Leben aus
seinem Lachen.

Ich verhege nicht, du Fremder, du
sich ergötze mich also an seinen gerechten
Ernst und an seiner komischen Wahrheits-
liebe. So wie ich selten in unserer Zeit, be-
sonders bei Menschen, die ihre Vernunft aufgeben

Wegen bist du nicht lustig und lustig
genug. Du hast nichts Clamisches an dir.
Daher bist ein Lachmensch. Ich zu sein,
aber wie ich bemerken kann, ein etwas ungewöhn-
licher - ja sogar sehr ungewöhnlicher. Du bist
kein rechter Heide, sondern ein Heide, der
sich unserer christlichen Religion herbeifügt.

„Du bist wirklich ein guter Natur-
kater. Du machst dem Lachen kein abweis-
endes, du machst genügend verkehrt und bade.“

Der Ton ist kühl und göttlich. Hast
du denn Herz nicht ein gebrochen für die
altbekannten Mythen unserer Religion?

„Du bist ja ein unglaublich schwerfälliger
und verstaubter Mensch. Bist du immer
so eindringlich?“

Schmeichle - vor Gott - immer so ernst-
haft und selbstgehetzen sein, wie ich es
anziehst, versuche zu sein. Bist du nicht
eines seltsamen in deiner Gegenwart. Du bist bringt
eine Art Galgenluft mit. Lachst du nicht?

Wie du?

Ich glaube, du kannst mich nicht ganz
verstehen. Du wirfst mich wohl an denen,
die du von lebenden Menschen kennst. Aber ich
kann dir sagen, um der Wahrheit willen, dass
ich eigentlich nicht in der Zeit gehöre. Ein
außerordentliches Leben hat mich seit Jahr
und Tag an diesem Ort und in der Welt-
zeit gebannt. Warum und wozu, das weiß
ich nicht. Ich bin in Wirklichkeit nicht
so, wie du mich nicht.

„Du sagst erdennliche Dinge.
Verstehe dich nicht geordnet. Wer bist du
denn?“

Der Heide möchte gar lachen, aber
ich bin. Ich stehe vor dir wie ich bin.
Warum ich hier bin, weiß ich nicht. Aber
da wenn ich, da ich hier zu sein muss und
nach bestem Wissen und Gewissen die Red und Rat-
wort stehen muss. Ich weiß ebenso wenig, was
du bist, als du, was ich bin.

„Aber, der Klang ist unmerklich: Bist du

"Ach, ich allein schon, der mich des
Lehns. Dem Thron kann ich. Ich lebe
auch und lebe in der grauen Herden
wechem. Das Lehnen erfordert keine Ernst-
haftigkeit, in Gegenstand, wartung ich
deser Danks leben."

Ich kenne der Tugenden — ja, wenn
es mit den Tugenden gälte! Das Tugenden
gehört zur Brautzeit. Ich bin, dem Tugenden
nicht, welche immer Brautzeit haben
und solche, welche auch dem Tugenden
wollen; die einen sind lächerliche Fabelgüter-
und-reisenden, die anderen parieren mit
Pflanze, antwortet den in dem Mangel an
religiösen Ausdrucksmöglichkeit einhändigen-
geben.

Platz — wenn ich — lege ich eine
Maske ab. Jetzt werde ich etwas ernsthaft,
denn das betrifft mein Leben. Es wäre sta-
bar, den es noch ein Dittor gälte, auf der des
Tugenden Symbol wäre."

Der Rote des Ritters verwandelt sich
in ein ganzes Rötlich-Flügelparke. Das
neuengegründete Gewandergroßmütze Plätzchen.
Der Rote nicht nur eigentlich sehr schön.

Es gibt wirklich auch ein Freuden-
stätt, die mit Tugenden neuen Tugenden
Aber die Freude fand ich nicht. Ich
halte mich an solche Tugenden Dingen.
Aber Es kann Dingen, aber dem Tugenden
in Freude nicht.

"Erkenne die Tugenden nicht, mein
Bruder? Ich bin in Freude."

Die Tugenden in Freude sein? Ich
sich doch, wie der Tugenden. Der Tugenden
schreibt ein. Kannst du seine Tugenden
Tugenden — wo bist du? wo bist du?

Ich bin allein in Tugenden.
Der Regen schlägt in die Tugenden, eine Tugenden
stürmische Tugenden in Tugenden. Auf Tugenden
Tugenden und eine kleine Tugenden Tugenden

wie ein Dittor hin und her. Doch ich
bin in Tugenden. Ein Tugenden Tugenden-
füllt das Tugenden. Es geht zu Tugenden.
Da Freude? Wenn ich Freude? Tugenden,
was soll werden?

28. 11. 73.

Wohin Tugenden ich meine Tugenden?
Was soll ich Tugenden? Auf welches Tugenden
richtet sich mein Tugenden? Die Tugenden
Tugenden ist so gut wie das Tugenden Tugenden.
Tugenden Tugenden, sondern Tugenden, auch
nicht Tugenden Tugenden an die Tugenden des
Tugenden. Tugenden Tugenden und Tugenden,
Tugenden, warum? Tugenden wie ich Tugenden,
was auf Tugenden Tugenden wird. Es
mag die Tugenden, als ob es Tugenden wären.
Aber auch aus Tugenden kann Brot werden.
Tugenden Tugenden auf Tugenden, das Tugenden
Tugenden spricht.

Ich Tugenden:

"Ich bin da. Wo werdest du?"
Tugenden Tugenden Tugenden von Tugenden Tugenden
Tugenden.

"Haben Tugenden Tugenden Tugenden?"
Ich habe in Tugenden Tugenden. Wie ein
Tugenden Tugenden. Ich habe in Tugenden Tugenden,
mit Tugenden Tugenden Tugenden Tugenden,
ich Tugenden Tugenden. Du Tugenden, wie Tugenden
Tugenden. Aber ich Tugenden nicht Tugenden, dass
mein Tugenden und Tugenden Tugenden Tugenden. Du
Tugenden, wie ich Tugenden Tugenden Tugenden,
was wir Tugenden Tugenden. Aber Tugenden
Tugenden Tugenden Tugenden Tugenden Tugenden.
Ich Tugenden nicht Tugenden zu Tugenden,
was wir Tugenden Tugenden.

"Du wirst mehr Tugenden — Tugenden
Tugenden Tugenden."

Ich Tugenden in Tugenden Tugenden.

Ein Schloss, im Wasser stehend - ein
 dunkel sonniges Wasser. Die Mauerung ziem-
 lich frucht. Ein Hof voran - alles unge-
 heuer riesig und verlassen. Es ist Abend.
 Ich bin ein Wanderer, der, wie es scheint, in
 der Deregeland, durch den Wald an den
 Seiten gelangt. Eine alte Holzbrücke führt
 über den Teich - der Thor ist geschlossen. Ich
 klopfe an dem Thorbänke, denn es ist
 mir als ob an einem Sonntage ein ~~oder~~ Licht wäre.
 - Schwere - es regnet und es wird Nacht.
 Schwere und Klopfe noch einmal. Jetzt
 habe ich Schritte - jemand öffnet - ein
 Mann wie ein Diener mit grobem Gesicht in
 mittelalterlicher Tracht öffnet und fragt
 nach dem Besuche - ich möchte eine
 Unterkunft für die Nacht. Der Diener lässt
 mich eintraten - ein kleiner, dunkler
 Vorraum, schwarzgezeichnetes Möbel.

Ich werde in eine alte Treppe emporgelassen.
 Oben ein höherer und weiterer Gang mit
 weißgetünchten Wänden - daran einige
 Tücher und Hirschgeweihe, schwarze in
 eine Art Empfangszimmer geführt. Es
 ist erst ein einfacher Raum mit einfachen
 Polstermöbeln - das unterste untere matten Boden
 einer Ampel erhellt die Mitte des Zimmers.
 Der Diener klopft an einer Tür und
 öffnet sie dann - er ist ich thue noch
 einen Blick hinein - der Arbeitszimmer
 eines Gelehrten - Büchergestelle an allen vier
 Wänden - ein großer Schreibtisch, an dem
 ein Alter sitzt in lauem schwarzen Talar.
 Er ist mit Lesen und Schreiben beschäftigt.
 Er wendet mir keine Augen zu. Ich trete
 ein. Der Aufenthalt im Zimmer ist schwer und
 der Alte macht einen sorgenvollen Eindruck.
 Erst nach dem Tische, der mir einen be-
 schüßten - ein glänzendes Bild eines gelehrten

Menschen, der von der Fülle des Lebens -
 und Wunders längst zu nichts gedrückt ist.
 Thewke: ein wehrhafte Gelehrter, der die
 große Beschäftigung von der Kleinlichkeit
 des Lebens gelöst hat und sich ohne Rest
 dem Stoffe der Wissenschaft hingeeignet,
 Zugleich gerecht abwägend, wie wenn
 er selber in Person den Töcchen des Wissen-
 schaftlichen Berufslebens verantwortlich
 darzustellen hätte.

Er begrüßt mich ängstlich-verlegen,
 etwas unbehaglich. Ich erwidere mich
 nicht, sondern dass ich ^{schon} ein ganz
 gewöhnlicher Mensch. Er kann seinen
 Blick ein wenig von seiner Arbeit weg-
 wenden und fragt mich wie ich es an-
 kommen Besuche. Ich wiederhole meine Bitte
 für ein eine Unterkunft für die Nacht, am
 einen Platz, wo ich mich schlafen lassen könnte.
 „So, du willst schlafen? Schlafe in der
 Küche.“ Ich merke, es ist abgemacht und tritt

Ich, dem Diener mit zu danken, dem ich mir
 eine Kammer anweise.

„Du verlangst viel - warte - ich kann
 mich nicht gerade bekommen.“

Er verweist mich in ein Parob. Ich
 warte geduldig. Nach einer Weile blickt er zurück
 auf: „Was willst du hier? Oh - auszu-
 schauungsgang, der du hier her wartest.
 Thewke gleich den Diener rufen. Der Diener
 kommt und führt mich auf den gleichen
 Hof in eine kleine Kammer mit wackeligen
 Wänden und einem groben Bett mit kleinem
 Übergang. Der Diener wünscht mir gute Nacht
 und schließt die Tür.

Ich schreibe mich aus und lege mich
 zu Bett, nachdem ich das Gefühl, in einer
 ungewohnten Umgebung glücklich habe mit einem
 spärlichen kuppeligen Häufchen, das das Herz liegt.
 Der Lärm ist ungewohnt - das Kopf-
 kissen hart.

Mein Parob hat mich an einen selb-
 ständigen Ort geführt - ein kleines altes Schloss

und dem Unglückseligen haben, den ich in
einen Roman gehöre? Auch du, von dem
ich hoffe, er habe den Keim von sich ge-
worfen und erfasse die Wesen der Dinge?

Wagst — aber hast du denn wirk-
lich? Es ist ein zu unglückliches Glück-
sel mit jenen Romanen. Du bist zu
physisch eingedroschen und, als das ich
annehmen könnte, du seest wohl bloss eine
Ausguss meines schlaflosen Geistes. Mein
Geist ist doch wirklich besessenen, wenn
eine Situation in solchen Wasser mit
dem Typus aller sentimentalen Ritterromane
abkommene Last übereinstimmt?

„Musseliger, wo kommst du aus
meiner Wirklichkeit zuwider?“

„Sollte zu Firmamenten Patten
auf der Krone und liegt in der Luft
in den Händen.“

„Mein Gott, ist in der Luft doch wirklich
und ohne starker Unrecht? Mein Mitgefühl wird
wachen.“

„Herrn's Himmelstempel segne mir Eines;
Nicht so wirklich? Man ist doch so wirklich
Kühn und nehmen?“

„Du weißt und antwortest nicht,
ein toller Abenteuer!“

„Wahrscheinlich?“

„Ich bin in Tauschen der Alten, er hält
nicht nur ein unerschöpfliches Infanzugschiff,
nicht nur ein alterer Kess, sondern aus nicht,
denn ich bin ein einziges Kind und des
Erbbild meiner frühverstorbenen Mutter.“

„Ungewissheit an den Kopf: Ist das
nicht eine tolle Bräuterei? Was für Wert
der Roman aus der Kritik der Kritik? Ist die
Götter, wohin hast du mich geführt? Ich hoffe
diese Nacht im Walde, nicht mit einem Finken
herum zu kühlen, sondern lassen und wohin
hat mich mein Patten und Hoffen geführt?
Einsigen haben, zwei geliebten Flecken haben.
Schöne Kutsche, tragend erschütterte
sind ich geworden, der Drossel, aber zum“

„Hoffen ist kein unter euch geworden. Die
Götter, denn schenke Menschheit, kommt
ihm wehnen auch in der Kette. Das Braut
und einig, Kutsche, das unglückliche Abge-
schene ist auch ein als Himmelstempel
in der Luft erhabenen Hände gehalten werden.
Hast du mein Thier?“

„Doch bezieht mich immer noch und
nicht — aber wenn ich wirklich wäre? Dann
wäre ich doch bedauernd, jeder Mensch
hätte mitgefühl mit ihm. Wenn ich ein an-
ständiges Mädchen ist — was denn sonst ge-
kocht haben, Meist in die Kammer des Wirt-
pender Menschen eingetreten! Warum sie
glauben haben, bis sie mit ihm zusammen
überwachen?“

„Mein lieber Kind, ich will ein
glauben trotz Allen und Allen, dass du
wirklich bist. Wer kann ich für dich thun?“

„Endlich, endlich, ein Wort
aus menschlichem Munde.
Ich erhalte, ich erhalte.“

„Du hast ein Engel. Ein tiefes Kind-
heit ist in ihrem Blick. Sie hat eine Seele,
nicht nur ein Opfer, ein Leben, die zu haben
der Wirklichkeit kommen macht, zu allen
Erkenntnisgründen Wirklichkeit, die die
Seelen verwirrt, beschneit, zerschneit — und
leuchtet, wiederum leuchtet. Oh, über diese
Kühnheit der Seele! Wenn sie erblindet
ist das Bild des Schmutzes steigt und wenn
in nachträglichen Verlassen wieder
empfangen schmerzlos durch die Trä-
nen aufsteht zum Reich der ewigen
Kühnheit — welches Schauspiel!“

„Was du für mich thun kannst? Du
hast schon viel für mich getan. Du machst
das elendeste Wort, als du das Braut
nicht mehr zu sehen dich und mich stelltest.
Denn wir, ich was durch das Braut gebannt.“

„Weißt du, ich erhalte mich gerne.“
„Du versuchst, mein lieber Freund, und
Tolpe mich nicht noch über das Märchenhafte.“

dem das Märchen, ist Bismarck's Klugheit des
Romans, und viel allgemeingültiger als der
gelehrte Roman eines Eids. Und du weißt
doch, dass das, was mit Jahrtausenden ^{Zeit}
alter Leute Munde ^{erfüllt} ^{ganz} zu sehen das
Besten ist, ist aber eben doch der ^{höchste}
menschlichen Weisheit am nächsten kommt.
Es kann das Märchenhafte nicht geschehen
sein.

Da hast du dich und schenkt nicht
dein Wissen deines Vaters geistig haben.
Aber was denkst du von dem göttlichen,
des sogenannten äussersten Weisheit? Es
kann sein sehr wunderbar, wie in der Bege-
gnet zu suchen. Aber nicht nach einem in
den Lehrgewohnheit sein. Denke nur
an unsere großen Philosophen!

~~Magisches ist nicht die Weisheit~~
Ja ungewöhnliche Rede zu verstehen We-
isheit, ist ungewöhnlich. müssen sie auch
sein, und desto weniger werden sie als irgend
etwas Wirkliches oder Sinnliches, oder das Menschen

Wesen und sein sagen. Nur was menschlich
ist und was in die Hand und abgelesen
hineingepflegt, das enthält die Weisheit, die ich
suche. Das kann das Märchenhafte und sagen
erst recht das Märchenhafte. Nicht mehr
gegen von anderen für mich und beweist, wie
allgemeingültig menschlich ich bin und wie
schwer der Erlösung, selbst nur selbst,
sondern sie auch verstehen. Denn ich kann
in der Welt der Wirklichkeit so gut oder
vielleicht besser als ich andere meines
Geschlechtes.

Magisches Märchen, da bist du vor mir.
Als ich deinen Vater sah, hoffte ich, er werde mich
zu einem gelehrten Gespräch einladen. Er hat
es nicht und ich bin ihm ganz fern. Denn ich
fühle mich etwas in meiner Weisheit gekränkt
durch seine zerstörende Nachlässigkeit. Bei
deiner Familie mit Bismarck. Du bist mir
hoffentlich denken. Du bist ungewöhnlich.

„Du bist dich, ich bin sehr gewöhnlich.“
Das kann ich nicht glauben. Wie schön

und unerwartend, ist der Ausdruck ^{deiner} Weis-
heit. Einfach und menschlich, der
Thaum, der dich sein wird.

„Liest du mich?“

„Du bist, ich liebe dich — aber
— du bist bei mir sehr verbunden.“

„Also nicht du, deine ganze Weisheit
ist nicht ein Erlös.“

„Ich danke dir, lieber Freund,
und bestelle dir einen Mann von Solange.“

Mit diesen Worten zerfließt ihre
Gestalt in der Dunkelheit. Mitternacht
licht bringt uns Dunkel. Auf dem ^{Stad}
wo wir stand, scheint etwas Dunkles
zu liegen. In der Tiefe auf — es ist eine
Fülle Dunkelheit. Ich presse die
flüsternden Finger an meine Lippen.

29. XII. 73.

Man hat wohl aus anderen nichts
gelesen. Es selbst sein bei in die kleinste

Dinge, die ich nicht von ihnen zu sein. Es soll
nicht mehr sein, das sollst du nicht, sondern
du sollst, wenn du nicht schon vorher die-
gekommen ist, zu sagen, ich will.

Welche Leidenschaft ist die Eitelkeit!
Es gibt nichts, was auf mich nicht auch eitel
sein könnte. Es gibt nichts, was mir als
die Krone der Eitelkeit abgesteckt. Ein blauer
da hat sich von allem anderen blickt, abzu-
erleben bedarf.

Es ist Abend — eine schnee-
bedeckte Landschaft. Ich wende mich
zu mir hat mich ein gerollt, da nicht
vertrauenswürdig an mich. Vor allem
erhat meine Augen und sonst noch ein
paar haben mir Gesicht. Es ist arm
und schmerzhaft geküsst — ein Gegen-
erhat einen schmerzhaften Stopp, da
mit Woken kein Schmerz gesehen.
Er hat von Progenen Kälte wegen hoch.

Der Arbeit der Bauern kommt wenig zu. Die Arbeit am Morgen früh aufstehen, die Arbeit ist schwer und der Lohn gering.

Thunfisch: Heide reifen, ist gleichwohl auch
Kiemetragern für die Jungen, da dies Institut auf
Bismarcksalz und nicht Thunfischsalz, weil alle

Unter russisch-tyrrenischen Bauern in
der Herberge an eine Bauernwirtschaft.
Eine halbwüchsige Stute unter einem
leichten eisernen Pflock — ein schänktrink
aus. Buffet mit Bierpremiationskarte steht
stehend und ungehörig da. Einige Männer

Was geht es den Menschen an? Hat er nicht schon
Ringen gesucht? Hat er nicht hundert-
tausenden in die gebrochenen Ringe geschaut?
Seinen Ringgebirgen von ewiger Dauer ist die
Welkheit immerhin — Ewigkeit noch weniger. Den
Tod, recht unendlichem fürchterlichen Betrug des
Lebens auf? Darum ist es wohl das Mächtigste
und heiligste in der Welt, ob und wie Ewigkeit von ihnen
förmlich. Nur wir machen davon ein Dufthier — mit
welchem Recht? Was hat uns da gegeben?
Er hat geirrt, gelacht, getrunken, gegessen,
geschlafen, hat sein Auge für das
Weiß abhingegen und um Thut willen seine
Lüsterlichkeit ihm veranlagt, außerdem hat
er den Menschenknecht schlacht und recht
gelacht, die Wunderthier der Wundert, und den
Tyranneum und gelacht und von der Frucht des
Volkes umhergetrennt. Und dann — dann
ist er klaglich gestorben — wir alle Menschen.

Der allgütige — gültige. Habe Dank meine
Seele, ob ich nicht auf dem entsetzten Grund gebüht.
Nur großes Kind in der Welt, sondern nur ein
Kind auf. Welche Schatten über den Erde! Alle

Lichter Cochen in tiefen Vergesslichkeit und
Verdacht. Der Tod ist eingezogen, und es ist
keine mehr da zum Wehklagen. Das ist eine
letzte Verleumdung und kein Rätsel. Die ärmsten
Menschlichen Wesen sind keine Rätsel. Warum
sollten wir doch, es sein Rätsel? Welche Täuschung
konnte uns zu einem Rätsel glauben machen?

Meine Seele, du bist fürchterlich groß.
Du stehst nicht mit hartem Fleck auf der guten
Steine von Blut und Tod. Sei uns nur so wie
eines — unser Blut — unser Leben —
vermischt zwischen diesen Steinen.

Ich habe aus dem Kammern des Schreckens
und mit der Einheit mein wackendes Leben.

Meine Seele, nun grüß dich!

Nachdem wohl ein Spiel der Lebens, der
solche Worte hören muss.

Книга 3

30 декабря 1913 г. — 14 января 1914 г.

[1]

30.XII.1913

¹ Все эти вещи так далеко уводят меня от науки, которой я думал крепко держаться. Я хотел через неё служить человечеству, а теперь, душа моя, ты ведёшь меня к этим новым вещам. Да, это промежуточный мир, мир без путей, многоликий и сбивающий с толку. Я забыл, что достиг нового мира, который прежде был мне чужд. Я не вижу ни пути, ни моста. То, что я верил о душе, должно здесь стать истинным, а именно, что она знает свой путь лучше, и никакое намерение не укажет ей лучший путь. Я чувствую, словно большая глыба науки отвалилась. Полагаю, так и должно быть ради души и её жизни. Я нахожу мучительной мысль о том, что это должно произойти только со мной, и, возможно, никто больше не получит озарение от моей работы. Но душа требует этого достижения. Я должен суметь это сделать только ради себя без надежды — ради Бога. Это подлинно трудный путь. Но что ещё делали те отшельники первых веков христианства? И разве они, в конце концов, были худшими или наименее способными из живущих? Едва ли, ведь ~~xx~~ они пришли к самым безжалостным выводам относительно психологической необходимости своего времени. Они оставили жену и детей, [1/2] богатство, славу и науку — и обратились в пустыню — ради Бога. Да будет так.

² Пустыня — вокруг жёлтый песок — улёгшийся волнами — ужасное раздражённое солнце — синевато-стальное небо — воздух дрожит над землёй — справа уходящая глубоко каменистая речная долина — сухое русло реки — немного чахлой травы и пыльных кустов. На песке я вижу следы босых ног, ведущие от каменистой долины на плато. Я следую за ними, они ведут налево вдоль высокой дюны. Там, где она опускается, следы переходят направо — похоже, они свежие — между ними появляются старые полузатёртые следы. Я внимательно слежу за ними. Они всегда идут направо, очевидно, вдоль другой стороны склона дюны. [2/3]

Теперь они забирают ещё больше вправо и натываются на другие следы — но это те же следы, за которыми я следил, восходящие из долины. Я в изумлении слежу

¹ Вторник. Следующий абзац не появляется в *LN*.

² *Liber Secundus*, «Отшельник», *LN*, pp. 241ff. Описание в следующих двух абзацах было несколько сокращено в *LN*.

за отпечатками вниз. Скоро я добираюсь до горячих красных скал, источенных ветром. На камне следы теряются, но я вижу, где скала отваливается слоями, и спускаюсь вниз. Воздух горит, а скала обжигает мои подошвы сквозь сандалии. Наконец, я достиг дна. Здесь в песке снова появляются следы. Они ведут вдоль поворота долины, недалеко. Затем я стою перед небольшой жалкой хижинкой, покрытой камышом и построенной из глиняных кирпичей. Шаткая деревянная доска служит дверью, и на ней красным нарисован крест. Я тихо открываю. Изнурённый¹ мужчина с лысой головой и тёмно-коричневой кожей, облачённый в белое льняное одеяние, сидит на коврике, опираясь спиной на стену. На [3/4] его коленях лежит книга из жёлтого пергамента с прекрасным чёрным письмом — греческая книга — Новый Завет² — без сомнений — я с отшельником Ливийской пустыни.³

Я побеспокоил тебя, отче? — тихо спросил я. «Ты меня не побеспокоил. Но не называй меня отцом. Я человек, как и ты. Чего ты желаешь?»

Я прихожу без желания. Я пришёл в это место в пустыне случайно и нашёл следы на песке, кругами приведшие меня к тебе.

«Ты нашёл следы моих ежедневных прогулок на рассвете и закате».

(Его тон спокоен и естественен. Никакого изумления перед незнакомцем, никакого любопытства и позы.)⁴

Прости, если я прервал твою молитву. Редко мне удаётся побыть с тобой. Я никогда [4/5] раньше не видел отшельника.

«Есть несколько других, которых ты можешь увидеть дальше в долине. У некоторых есть хижины вроде моей, другие живут в могилах, которые древние выкопали в этих горах. Я живу выше всех в долине, потому, что тут уединённо и спокойно, и потому, что тут я ближе всего к бесконечному покою пустыни».

Ты давно здесь?

«Я живу здесь, пожалуй, десять лет. Но, на самом деле, я уже не помню точно, сколько. Может быть, и немного дольше. Время проходит так быстро».

Время проходит быстро? Как это возможно? Твоя жизнь, должно быть, пугающе монотонна?

Отшельник смотрит на меня в изумлении:⁵

¹ В *LN* стоит «измождённый» (р. 242).

² Эта часть предложения не появляется в *LN*.

³ В следующей главе отшельника зовут Аммоний. В письме от 31 декабря 1913 г. Юнг отмечал, что отшельник появился из III в. н.э. (*JE*). Есть три исторических фигуры по имени Аммоний из Александрии в этот период: Аммоний, христианский философ III в., как некогда считалось, ответственный за средневековое разделение евангелий; Аммоний Цетус, христианин, обратившийся к греческой философии, чья работа представляет собой переход от платонизма к неоплатонизму; и, в V в., неоплатоник Аммоний, пытавшийся примирить Аристотеля и Библию. В Александрии происходило примирение неоплатонизма и христианства, и некоторые ученики этого последнего Аммония обратились в христианство.

⁴ Предыдущий абзац не появляется в *LN*.

⁵ Предыдущий абзац не появляется в *LN*.

«Да, время быстро проходит для меня, даже слишком быстро. Похоже, ты язычник?»

Я? Нет — не совсем. Я [5/6] был воспитан в христианской вере.

«Что ж, почему тогда ты спрашиваешь, тянется ли для меня время? Ты должен знать, что занимает отшельника.¹ Только лентяям скучно».

Прости меня, снова — моё любопытство велико — чем же ты себя занимаешь?

«Ты ребёнок? Прежде всего, ты видишь, что я читаю и соблюдаю часы».

Но я не понимаю, чем ты мог бы занять себя здесь. Ты, должно быть, прочитал эту книгу от корки до корки уже много раз. И если это четвероевангелие, как я полагаю, то, уверен, ты уже знаешь его наизусть.

«Что за ребячество! Конечно же, ты знаешь, что книгу можно прочитать много раз — возможно, ты знаешь её почти наизусть, и, тем не менее, может оказаться так, что, когда ты [6/7] снова взглянешь на строки перед собой, некоторые вещи покажутся новыми или даже явятся совершенно новые мысли, которые не приходили раньше. Каждое слово может продуктивно действовать в твоём духе. И, наконец, если ты отложишь книгу на неделю, а потом вернёшься к ней после того, как твой дух испытал различные изменения, то до тебя дойдёт множество вещей».

Мне трудно это понять. Книга остаётся той же самой, конечно, чудесной и глубокой, да, даже божественной, но точно недостаточно богатой, чтобы заполнить бесчётные годы.

«Ты поражаешь. Как же ты тогда читаешь эту святую книгу? Ты действительно всегда видишь в ней только один и тот же смысл? Откуда ты? Ты точно язычник[?]».

Прошу тебя, пожалуйста, не обвиняй меня, если я говорю, как язычник. Дай мне лишь поговорить с тобой. Я здесь, чтобы научиться у тебя. Считаю меня невежественным учеником, а я как раз невежественен в твоих² вопросах. [7/8]

«Если я называю тебя язычником, не считай это за оскорбление. Я тоже был язычником и думал точно так же, как я хорошо помню. Потому как я могу винить тебя за невежество?»

Спасибо за терпение. Но мне очень важно знать, как ты читаешь и что извлекаешь из этой книги.

«На твой вопрос нелегко ответить. Легче объяснить цвета слепому. Ты должен прежде всего знать одно: последовательность слов имеет не один смысл. Люди стремятся приписать последовательности слов единственный смысл.³ Это мирское стремление и напрасно ограниченное, относящееся к глубинным слоям божественного творческого плана. На более высоких уровнях проникновения в божественные мысли ты узнаёшь, что последовательность слов имеет больше одного верного смыс-

¹ В *LN* «отшельник» заменён на «человека, который скорбит» (р. 243).

² В *LN* стоит: «в этих» (р. 243).

³ *LN* добавляет: «чтобы получить недвусмысленный язык» (р. 244).

ла. Только всезнающим дано знать все смыслы последовательности слов. Мы пытаемся постичь всё больше и больше смыслов.¹». [8/9]

Если я правильно тебя понимаю, ты думаешь, что святыя писания Нового Завета тоже обладают двойственностью, экзотерическим и эзотерическим смыслом, как утверждают некоторые еврейские учёные о своих святыя книгах.²

«Я далёк от такого дурного суеверия. Я вижу, что ты совершенно неопытен в божественных вопросах».

Это Должен признаться в глубоком невежестве об этих вещах. Но я страстно желаю испытать и понять, что ты думаешь о многогранном смысле последовательности слов.

«К сожалению, я не в том положении, чтобы рассказать тебе всё, что знаю об этом. Но, по крайней мере, я попытаюсь прояснить тебе некоторые элементы. Из-за твоего невежества я начну издаека. Ты должен знать, что до того, как я познакомился с христианством, я был ритором и философом в городе Александрии. У меня была масса студентов, включая многих [9/10] римлян, а также несколько варваров из Испании и Галлии.³ Я учил их не только истории греческой философии, но и новым системам, среди них система Филона, которого мы называем Иудеем.⁴ У него была умная голова, но он был фантастически абстрактен, как это обыкновенно для евреев, когда они выдумывают системы; когда более того, он был рабом собственных слов. Я добавил свои и сплёл чудовищную паутину слов, в которой запутал не только своих слушателей, но и самого себя. Мы яростно бунтовали среди слов и имён, наших собственных жалких творений, и их приписывали им божественные силы. Да, мы верили в их реальность, полагая, что обладаем божественным, зафиксировав его в словах».

Но Филон Иудей, если ты говоришь о нём, был серьёзным философом и великим мыслителем. Даже Иоанн Богослов⁵ не погнушался включить некоторые мысли Филона в своё евангелие. [10/11]

¹ В *LN* стоит «ухватить» (р. 244).

² Речь идёт о раввиническом толковании *Торы* в *Мидраше*.

³ В *LN* стоит: «из Галлии и Британии» (р. 244).

⁴ Филон Иудей, также называемый Филоном Александрийском (20 г. до н.э. — 50 г. н.э.) был грекоговорящим еврейским философом. Его работы представляли собой смешение иудаизма и греческой философии. Для Филона Бог, которого он называл платоновским термином «То Оно», был трансцендентным и непознаваемым. Некоторые силы простирались от Бога до мира. Та грань Бога, которая познаётся через разум — это божественный Логос. Было много споров о точной связи между филоновским понятием о Логосе и Логосом Евангелия от Иоанна. 23 июня 1954 г. Юнг писал Джеймсу Киршу: «Гнозис, из которого вышел Иоанн Евангелист, определённо еврейский, но по своей сущности эллинистический, в стиле Филона Иудея, от которого происходит также понятие о Логосе» (Ann Conrad Lammers, ed., *The Jung-Kirsch Letters*, tr. Ann Conrad Lammers and Ursula Egli [London: Routledge, 2016], p. 205 [перевод исправлен]).

⁵ В *LN* стоит: «Евангелист».

«Ты прав: Это ~~хх~~ благодаря Филону он оснастил свой язык, как многие другие философы. Он принадлежит к художникам языка. Но слова не должны становиться идолами¹».²

Я не могу тебя здесь понять. Разве не сказано в Евангелии от Иоанна: *καὶ θεὸς ἦν ὁ λόγος*?³ Мне кажется, это довольно явно подтверждает точку зрения, которую ~~хх~~ ты только что отверг.

«Берегись стать рабом слов. Вот Евангелие от Иоанна, читай из этого отрывка, где говорится: *ἐν αὐτῷ ζωὴ ἦν*.⁵ Что ~~хх~~ Иоанн здесь говорит?»⁶

*καὶ ἡ ζωὴ ἦν τὸ φῶς τῶν ἀνθρώπων καὶ τὸ φῶς ἐν τῇ σκοτίᾳ φαίνει, καὶ ἡ σκοτία αὐτοῦ οὐ κατέλαβεν. ἜΓΕΝΕΤΟ ΑΝΘΡΩΠΟΣ ΑΠΕΣΤΑΛΜΕΝΟΣ ΠΑΡΑΥ ΘΕΟΥ ΟΝΟΜΑ ΑΥΤῷ ΙΩΑΝΝΗΣ - - - -*⁷ [11/12]

«Я спрашиваю тебя, был ли этот Логос⁸ понятием, словом? Это был ~~хх~~ свет, настоящий человек, и он жил среди людей. Видишь ли, Филон одолжил Иоанну только слово и понятие,⁹ чтобы Иоанн имел в распоряжении слово ЛОГОС наряду со словом *φῶς*¹⁰ с его особым смыслом, выражающим сына человеческого.¹¹ Иоанн дал живым людям смысл Логоса,¹² а Филон дал Логос как мёртвое понятие, которое присвоило жизнь, даже божественную жизнь.¹³ И в этом же была моя чудовищная ошибка».

Теперь я понимаю, что ты имеешь в виду. Эта мысль нова для меня и кажется заслуживающей особого внимания. До сих пор мне всегда казалось, что именно это значимо у Иоанна, то есть что сын человеческий — это Логос, что он тем самым

¹ В *LN* стоит: «Богам» (р. 245).

² В 1957 году Юнг писал: «До сих пор не было подлинно и фундаментально отмечено, что наше время, несмотря на доминирование неверия, так сказать, от рождения заряжено достижением христианской эпохи, а именно, *превосходством слова*, тем Логосом, который является центральной фигурой христианской веры. Слово буквально стало нашим Богом и оставалось им» (*Present and Future*, *CW* 10, pag. 554).

³ Юнговское написание *ζεός* вместо *θεός* было здесь исправлено.

⁴ В *LN* стоит: «Бог был словом» (р. 245).

⁵ В *LN* стоит: «в нём была жизнь» (*ibid.*)

⁶ Ин. 1:1–10: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его. Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него. Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете. Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал».

⁷ В *LN* вместо этого стоит: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его. Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него. Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете. Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал». *LN* продолжает: «— Вот что я прочитал здесь. Но что ты понимаешь в этом?» (pp. 245–46).

⁸ В *LN* вместо этого стоит: «ЛОГОС» (р. 245).

⁹ Это слово не появляется в *LN*.

¹⁰ В *LN* вместо этого стоит: «свет» (р. 246).

¹¹ В *LN* вместо этого стоит: «описывающим» (*ibid.*)

¹² В *LN* вместо этого стоит «смысл ЛОГОС» (*ibid.*) и используется греческое написание слова Логос до конца этой записи.

¹³ *LN* добавляет: «Через это мёртвые не обретают жизнь, а живые умирают» (*ibid.*)

возвышает низшее до высшего духа[,] до мира Логоса. [12/13] Но ты привёл меня к обратному пониманию, а именно: Иоанн приносит смысл Логоса вниз к человеку.

«Я научился понимать, что Иоанн, на самом деле, даже сослужил великую философскую службу, подняв смысл Логоса до человека».

У тебя удивительная проницательность, которая необычайно любопытна для меня. Как это, ты думаешь, что человек стоит выше Логоса?

«Я хочу ответить на этот вопрос в рамках твоего понимания: если бы для Бога человек не стал важнее всего, он бы появился не как сын во плоти, а как Логос».¹

Это мне понятно, но я признаю, что такой взгляд меня поражает. Особенно для меня удивительно поразительно то, что ты, отшельник-христианин, пришёл к таким взглядам. Я бы не ожидал такого от отшельника.²

[«]Как я уже отмечал, у тебя совершенно ложное ~~хх~~ представление обо мне [13/14] и моей жизни.³ Позволь дать тебе небольшой пример моих занятий. Я провёл ~~много~~ много лет один, занимаясь разучиванием. Ты когда-нибудь пытался что-нибудь разучить? — Ну, тогда ты должен знать, сколько времени это занимает. А я был успешным учителем. Как ты знаешь, для таких людей разучиться трудно или даже невозможно. Они раздумывают: «Да, если бы я был моложе». Это может показать тебе, ~~хх~~ сколько времени я провёл, разучиваясь.⁴

Но я вижу, что солнце уже опустилось. Скоро совсем стемнеет. Ночь — это время безмолвия. Я покажу тебе место ночлега. Утром я буду работать, но после полудня можешь снова прийти, если хочешь, и тогда мы продолжим беседу».

Он выводит меня из хижины. Долина покрыта глубокими синими тенями. Воздух неописуемо чист.⁵ Первые звёзды уже сверкают на небе. Он ведёт меня за угол скалы. Мы стоим [14/15] у входа в египетскую каменную могилу. Он ведёт меня внутрь: недалеко от входа лежит куча тростника, покрытая ковриками. На камне стоит кувшин с водой, а на белой ткани лежат сушёные финики и чёрный хлеб.

«Вот твоё место и твой ужин. Спокойной ночи. Не забудь об утренней молитве, когда солнце взойдёт».⁶

1 янв. 1914⁷

Я берусь за свою задачу. Удовольствие допустимо.⁸

¹ Ин. 1:14: «И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца».

² В *LN* стоит: «от тебя» (р. 247).

³ В *LN* вместо этого стоит: «сущности» (*ibid.*)

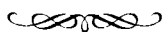
⁴ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁵ Предыдущее предложение не появлялось в *LN*.

⁶ Комментарий Юнга к этой записи см. в *LN*, pp. 247–52.

⁷ Четверг.

⁸ Четверг. Это предложение не появляется в *LN*.

¹ Я просыпаюсь, день занимается на востоке. Ночь, чудесная ночь в отдалённых глубинах времени лежит за мной. В каком я далёком пространстве? Что мне снилось? Белая лошадь? Если бы я только мог вспомнить! Мне кажется, я видел эту белую [15/16] лошадь на восточном небе над восходящим солнцем. Лошадь говорила со мной. Что она сказала?

«Приветствуй того, кто во тьме. День над ним».

О, я вижу, лошадей четыре, белые с золотыми крыльями, они тащат повозку солнца, на которой с горящей гривой стоит Гелиос.² Я замер в теснине, напуганный и изумлённый, и тысячи чёрных змей проворно заползли в свои норы. Гелиос восходил, несясь вверх, к широким путям неба. Я встал на колени, с мольбой поднял руки и воззвал: «Дай нам свет, пламенно-курчавый, переплетённый, распятый и оживлённый; дай нам свет, твой свет!»

Этот крик разбудил меня. [16/17]

Разве отшельник не говорил вчера вечером: «Не забудь об утренней молитве, когда солнце взойдёт»? Думаю, он тайно почитает солнце.

Снаружи поднимается свежий утренний ветер, жёлтый песок тонкими струйками бежит по скалам. Небо краснеет, и я вижу, как первые лучи вонзаются в небосвод. Торжественная тишина и одиночество со всех сторон. Большая ящерица лежит на камне и ждёт солнца.

Я стою, словно заколдованный, старательно вспоминая всё, что было вчера, особенно то, что сказал отшельник. Он замечательный человек. Но что он говорил? Что последовательности слов имеют много смыслов, что Иоанн принёс Логос³ к человеку, вознёс его до человека. Но это звучит не совсем по-христиански. Возможно, он гностик?⁴ Нет, мне это кажется [17/18] невозможным, ведь они были худшими идолопоклонниками слов, как, вероятно, выразился бы он.

Солнце — что наполняет меня таким замечательным внутренним возбуждением? — надо не забыть об утренней молитве — но куда делась моя утренняя молитва?

«Дорогое солнце, у меня нет молитвы, ведь я не знаю, как следует обращаться к тебе».

Вот я и помолился солнцу. Но отшельник, на самом деле, имел в виду, что нужно молиться Богу в начале дня. Он, вероятно, не знает — у нас больше нет молитв.

¹ Liber Secundus, «Dies II» (LN, pp. 252ff).

² В греческой мифологии Гелиос — это бог Солнца, управляющий на небе колесницей с четвёркой лошадей.

³ В LN на греческом.

⁴ В этот период Юнг занимался изучением гностических текстов, в которых обнаружил исторические параллели к собственным переживаниям. См. Alfred Ribi, *The Search of Roots: C. G. Jung and the Tradition of Gnosis*, tr. Don Reveau (Los Angeles and Salt Lake City Gnosis Archive Books, 2013).

Откуда ему знать о нашей наготе и нищете? Что случилось с нашими молитвами? Признаюсь, здесь я по ним скучаю. Должно быть, это из-за пустыни. Здесь кажется, что должно следует знать, как молиться. Пустыня так плоха? Думаю, не хуже наших [18/19] культурных пустынь, которые мы называем городами.¹ Но почему тогда мы там не молимся? Очевидно, у нас нет божества, которому можно было бы молиться, ни там, ни здесь.²

Нужно смотреть вверх на солнце? — а, что, если — будто это как-то связано. Увы стародавним мечтам человечества. Похоже, от них никуда не деться.³

Что мне делать всё это долгое утро? Оно словно невыносимо растягивается. Я не понимаю, как отшельник может выносить такую жизнь хотя бы год.

Я хожу туда-сюда по высохшему руслу реки и, наконец, усаживаюсь на валун. Передо мной жёлтая трава. Вот ползёт чёрный жучок, толкая перед собой шарик — скарабей.⁴

Дорогой жучок, ты всё ещё вкалываешь, чтобы прожить свой прекрасный [19/20] миф? И как серьёзно и неустанно он работает! Если бы ты только представлял, что разыгрываешь древний миф, то, вероятно, отверг бы свои фантазии, как и мы, люди, перестали играть в мифологию. От нереальности постепенно начинает тошнить. — То, что я говорю, звучит здесь очень странно, и добрый отшельник точно с этим не согласился бы. Что я здесь вообще делаю? Нет, я не хочу судить заранее, поскольку ещё не понял, что он на самом деле имеет в виду. У него есть право быть услышанным. Кстати говоря, вчера я думал иначе. Я даже был очень благодарен, что он захотел меня учить. Но я снова преисполнился себя⁵ и притворяюсь критичным и самодовольным — и вполне могу ничему не научиться. Его идеи⁶ не так уж плохи — нет, [20/21] они даже хороши. Не знаю, почему у меня склонность осуждать человека. Возможно, есть много неприятных вещей, которые я должен понять?⁷

«Дорогой жучок, куда ты ушёл, я тебя не вижу?! — О, ты уже здесь со своим мифическим шариком[»]. Эти мелкие животные цепляются за вещи, в отличие от нас — никакого сомнения, никакой перемены мнения, никакого колебания. Дело в том, что они проживают свой миф?

«Дорогой скарабей, отец мой, я почитаю тебя, да будет твоя работа благословенна — в вечности — Аминь».

¹ Последние две части предложения заменены в *LN* на: «наши города» (р. 253).

² Не появляется в *LN*.

³ В *LN* не появляется.

⁴ В *Синхронистически как принцип акаузальной связи* (1952) Юнг писал: «Скарабей — это классический символ перерождения. Согласно описанию, в древнеегипетской книге *Ам-Дуат*, мёртвый бог Солнца на десятом часу превращается в Хепри, скарабея, и в его облике на двенадцатый час восходит в барку, которая поднимает возродённое солнце на утреннее небо» (CW 8, par. 843).

⁵ Это выражение не появляется в *LN*.

⁶ Это было заменено в *LN* на «мысли» (р. 254).

⁷ Это предложение не появляется в *LN*.

Что за нелепицу я говорю? Я почитаю животное — должно быть, это из-за пустыни, она словно требует молитв.

Как здесь прекрасно! Красноватый цвет камней чудесен, они словно отражают сияние сотен тысяч прошлых [21/22] солнц — эти мелкие песчинки катались в легендарных древних океанах, над ними плавали древние чудовища невиданных форм. Где был ты, человек, в те дни? На этом тёплом песке лежат твои ребячливые первобытные животные предки, как дети, прижавшиеся к матери.

О мать-камень, я тебя люблю. Я лежу, прижавшись к твоему тёплому телу, твоё запоздалое дитя. Будь благословенна, моя древняя мать, моё сердце — твоё, и слава, и сила. Аминь. Аминь.

Что я говорю? Должно быть, это пустыня, такие странные мысли обычно не приходят мне на ум.

Каким всё кажется живым! Это место действительно ужасно. Эти камни — это вообще камни? — они все индивидуальные и, в то же время, тесно связаны [22/23] друг с другом. Они, похоже, собрались здесь намеренно. Они выстроились, словно войсковой транспорт, движущийся через долину.¹ Они упорядочены гармонично,² большие стоят отдельно, мелкие держатся вместе и собираются в группы, предвзя большие. Здесь камни словно образуют хорошо упорядоченные армии³ и государства.

Я сплю или бодрствую? Жарко. Солнце уже стоит высоко — как летят часы! В самом деле, утро почти кончилось — и какое поразительное утро! Отчего у меня шумит в голове — из-за солнца, из-за странно ожившего русла реки или из-за пустыни?

Я поднимаюсь по долине и скоро добираюсь до хижины отшельника. Он сидит на своём коврике со сложенными руками, погрузившись в глубокие размышления.

Отче, тихо говорю я,⁴ вот я. [23/24]

«Как ты провёл утро?»

Я был удивлён, когда ты вчера сказал, что время проходит для тебя быстро. Я больше в тебе не сомневаюсь.⁵ Я многому научился. Столь многому, что ты стал ещё большей загадкой, чем прежде — сколько же ты пережил в пустыне, удивительный ты человек! Даже камни, должно быть, говорят с тобой.

«Я счастлив, что ты научился понимать что-то в жизни отшельников. Это делает нашу трудную задачу проще. Я не хочу вторгаться в твои тайны, но чувствую, что ты пришёл из странного мира, совершенно чуждого моему».

¹ Последняя часть предложения не появляется в *LN*.

² В *LN* стоит «по размеру» (р. 255).

³ Это выражение не появляется в *LN*.

⁴ Эта часть выражения не появляется в *LN*.

⁵ *LN* добавляет: «...и это больше меня не удивляет» (р. 255).

Ты прав. Я здесь чужак, каких ты не видывал. Даже человек с отдалённых берегов Британии ближе к тебе, чем я. Потому прояви терпение, учитель — и позволь мне испытать из источника твоей мудрости. Хотя [24/25] нас окружает иссохшая пустыня, здесь течёт незримый поток живой воды.

«Ты помолился?»

Учитель, прости меня: я пытался. Но я не нашёл молитвы. Да, мне снилось, что я молился восходящему солнцу.

«Не беспокойся из-за этого. Если ты не находишь слова, твоя душа, тем не менее, нашла невыразимые слова, чтобы приветствовать начало дня».

Но это была языческая молитва Гелиосу.

«Для тебя этого достаточно».

Но учитель, я молился не только солнцу во сне, но в своей задумчивости также и скарабею, и земле.

«Ничему не изумляйся и ни в коем случае не осуждай и не сожалей. Давай приступим к работе. Ты хочешь что-то спросить о вчерашней беседе?» [25/26]

Я прервал тебя вчера, когда ты говорил о Филоне. Ты хотел объяснить свою идею о различных смыслах отдельных последовательностей слов.

«Что ж, я продолжу описание того, как избавился от ужасного прядения слов. Человек, которого освободил мой отец, однажды пришёл ко мне; я был привязан к нему с самого детства, и он сказал мне:

[‘] О, Аммоний (так меня зовут),² с тобой всё хорошо?[‘]

[‘]Конечно[‘], сказал я, — [‘]как видишь, я учёный и пользуюсь большим успехом[‘].

[‘]Я имею в виду, счастлив ли ты и живёшь ли по-настоящему?[‘] — ответил старик.

Я рассмеялся: [‘]Как видишь, всё хорошо[‘].

Старик ответил: [‘]Я видел, как ты читал лекцию. Ты, похоже, тревожишься из-за мнения своих слушателей, вплетаешь остроумные шутки в лекцию, чтобы удовлетворить своих слушателей учеников.³ Ты нагромоздил учёные выражения, чтобы впечатлить их. [26/27] Ты был беспокоен и тороплив, словно стараясь расхватать всё знание. Ты не в себе’.

Хотя эти слова поначалу показались мне смешными, они всё равно оказали на меня впечатление, и неохотно я вынужден был признать, что старик прав.

¹ Чтобы сделать дальнейший текст легче для восприятия, диалог Аммония со стариком помещается в одинарные кавычки.

² Слова в скобках не появляются в *LN*.

³ В *LN* восстановлено слово «слушатели» (р. 256). Юнг в то время ещё читал лекции в медицинской школе университета Цюриха.

Затем он сказал: [‘]Дорогой Аммоний, у меня для тебя радостные вести: Бог стал плотью в своём сыне и принёс нам всем спасение[‘].

‘Что ты говоришь?’ — спросил я. — ‘Ты, должно быть, имеешь в виду Осириса,¹ который появится в теле смертного?’

‘Нет’, — ответил он, — ‘этот человек жил в Иудее. Его родила дева’.

Я рассмеялся и ответил: ‘Я уже знаю об этом: еврейский торговец принёс в Иудею вести о нашей деве-царице, образ которой в храме появляется на стенах храма Луксора,² и пересказал их как сказку[‘].

‘Нет, он был Сыном Божьим[‘]. — сказал старик. ‘Тогда ты имеешь в виду Гора, сына Осириса, не так ли?’ [27/28]

‘Нет, это был не Гор,³ а реальный человек. Он висел на кресте’.

‘Но это точно должен быть Сет, которого наши древние часто описывали так’.

‘Он умер и восстал на третий день’.

‘Ну, тогда это должен быть Осирис’.

~~Ну, он должен быть Осирисом.~~

‘Нет, его звали Иисус Христос’.⁴

‘А, ты действительно имеешь в виду этого еврейского Бога, которого люд толпа почитает в гавани’.⁵

‘Нет, он был человеком и, в то же время, Сыном Божьим’.

Это нелепость, старик, сказал ему я, и указал на дверь. Но подобно эху от далёкой скалы ко мне вернулись слова: ‘Человек и, в то же время, Сын Божий’. Мне это показалось значительным, и эта фраза привела меня к христианству[‘].

Но разве ты не думаешь, что христианство, [28/29] в конечном счёте, может быть лишь еврейской⁶ переработкой твоих египетских идей?

«Если ты говоришь, что наши древние учения были менее годными выражениями христианства, то я скорее соглашусь с тобой».

Да, но не полагаешь ли ты тогда, что в этой мере история религий в этой мере направлена к конечной цели?

¹ Осирис — это египетский бог жизни, смерти и плодородия. Его убивает и расчленяет брат Сет, бог пустыни. Тело Осириса находит и собирает вновь его жена Исида, и он воскресает. Юнг обсуждал Осириса и Сета в *Трансформациях и символах либидо* (CW B, pars. 358ff).

² В LN не упоминается Луксор. Храм в Луксоре был частью большого комплекса из шести храмов, основанного в 1400 гг. до н.э. В городе Луксор находятся руины Фив, которые были столицей Египта в период Среднего и Нового царств. У Юнга была серия почтовых открыток из храмового комплекса возле Карнака, которые говорят о том, что он там был, предположительно, в 1925 г. Луксор также появляется во сне в 1927 г. (см. Книга 7).

³ Гор, сын Осириса, это египетский бог неба. Он сражается с Сетом.

⁴ В LN стоит: «Иисус-помазанник» (р. 257).

⁵ Эта часть предложения была заменена в LN на: «которого бедные почитают в гавани и чьи нечистые мистерии они проводят в подвалах» (р. 257).

⁶ Это слово не появляется в LN.

«Мой отец однажды купил на рынке чёрного раба из области, где находятся истоки Нила. Он прибыл из страны, в которой не слышали ни об Осирисе, ни о Христе,¹ и он рассказал мне многие вещи из своей этой религии, которые простым символическим языком говорили то же, что мы говорили верили об Осирисе. Я научился понимать, что эти необученные негры, сами того не зная, уже обладали большей частью того, что религии цивилизованных народов развили в системы.² Те, кто способны верно понимать символический язык, могли узнать в ней религию Осириса,³ а также Евангелие от Иоанна.⁴ Этим я сейчас и занимаюсь. Я читаю Евангелие и ищу смысл, который грядёт. Мы знаем этот смысл [29/30] в прошлом в той мере, в какой знаем религии прошлого.⁵ Это мирская ошибка — думать, что религии отличаются в своей сокровенной сути. Строго говоря, это всегда одна и та же религия. Каждая следующая форма религии — это смысл предыдущей».

Ты нашёл смысл грядущих?

«Нет, это очень трудно, но я надеюсь преуспеть. Иногда мне кажется, что нужен толчок со стороны других людей. Но я осознаю, что это искушения Сатаны, я знаю».

Ты не думаешь, что преуспел бы, будь ты ближе к людям?

«Возможно, ты прав (отшельник внезапно смотрит на меня с сомнением и подозрением), но я люблю пустыню — ты понимаешь — эту жёлтую, залитую солнцем пустыню. Здесь видишь лик солнца каждый день, ты один, видишь Гелиоса каждый день — нет, это язычество — я запутался — ты Сатана — я узнаю тебя — прочь, противник!»⁶

Он вскакивает в гневе и хочет броситься на меня. [30/31]

Но я далеко в двадцатом столетии⁷ и чувствую многоликий игристый дух жизни под маской дня и под маской ночи, стремительный, как буря и мягкий, как бриз, твёрдый, как сталь, и мягкий, как пух, подле меня, внутри меня.

Многоцветный промежуточный мир, достаточно ли широки твои пространства, чтобы жизнь наконец нашла своё окончательное обиталище?

¹ За этим словом в *LN* следует: «ни о других Богах» (р. 258).

² В 1912 г. Юнг посещал госпиталь св. Елизаветы в Вашингтоне по приглашению Уильяма Алансона Уайта и занимался анализом «негров», чтобы установить, были ли коллективные шаблонные образы расово специфическими или всеобщими. Его опыт говорил в пользу последней возможности, и это стало одним из поворотных моментов в формулировке коллективного бессознательного. См. *Jung and the Making of Modern Psychology: The Dream of a Science*, pp. 311ff.

³ Это выражение в *LN* было заменено на: «языческие учения» (р. 258).

⁴ Это выражение в *LN* было заменено на: «учение Иисуса» (*ibid.*)

⁵ Это предложение в *LN* было заменено на: «Мы знаем их смысл, лежащий перед нами, но не скрытый смысл, указывающий в будущее» (*ibid.*)

⁶ Христианские отшельники всегда остерегались появления Сатаны. Знаменитый пример искушений дьявола появляется у св. Афанасия в жизнеописании святого Антония. В 1921 г. Юнг отмечал, что св. Антоний предупреждал монахов, «как хитро маскируется дьявол, чтобы привести святых к падению. Дьявол — это, естественно, голос бессознательного самого отшельника, восстающего против насильственного подавления природы» (*Psychological Types*, CW 6, pag. 82). Переживания Антония были переработаны Флобером в *Искушении святого Антония*, и с этой работой Юнг был знаком (*Psychology and Alchemy*, CW 12, pag. 59).

⁷ Остаток записи не появляется в *LN*. Комментарий Юнга к этой записи см. в *LN*, pp. 259—62.

2 янв. 1914¹

² Я стремлюсь к тем низинам, где слабые течения, сверкая широкими зеркалами, устремляются к морю, где всякая спешка течения становится всё слабее, а всякая сила и стремление соединяется с неизмеримым простором моря. Деревья становятся реже, широкие болотные луга перемежаются неподвижной тёмной водой, горизонт бесконечен и пустынен, облачённый в серые облака. Медленно, [31/32] затаив дыхание, с огромным и тревожным ожиданием того, кто бешено скользит среди пены, изливаясь в бесконечность, я следую за своим братом-морем. Оно течёт мягко и почти неразлично, но мы непрерывно приближаемся к высшему объятию, входя в лоно источника, безграничное расширение и неизмеримые глубины. Здесь поднимаются низкие жёлтые холмы, испещрённые чёрными и зелёными кустами.³ Широкое мёртвое озеро простирается у их подножия. Мы тихо странствуем среди холмов, и они раскрываются в тёмный, несказанно далёкий горизонт, где небо и море сливаются в бесконечность.

Кто-то стоит там, на последней дюне — на нём чёрная мятая одежда. Он стоит без движения и [32/33] смотрит в отдаление. Я иду к нему. Он бледен и сухопар, с глубоко серьёзным взглядом. Я говорю ему:

Позволь постоять рядом, тёмный. Я узнал тебя издалека. Есть только один, кто стоит так, одинокий и в последнем уголке земли.

«Незнакомец, можешь встать рядом, если для тебя не слишком холодно. Как видишь, я холоден, а моё сердце никогда не билось».

Я знаю, ты лёд и конец. Ты холодное безмолвие камней, и крайний высочайший снег гор, и предельный холод космоса. Я должен это прочувствовать и поэтому стою рядом.

«Что ведёт тебя ко мне, живая материя? Живых здесь не бывает. Ну, они проходят здесь густыми толпами, чёрные, со скорбными лентами, все те [33/34] сверху из земли ясного дня, кто отправился в путь, чтобы никогда не вернуться. Но живые сюда не приходят. Что ты здесь ищешь?»

Странная и неожиданная дорога привела меня сюда, пока я счастливо следовал пути живого потока. И потому нашёл тебя. Полагаю, это твоё место, и это верное место?

«Да, отсюда он ведёт в неразличимое, где одно не отличается от другого, но всё едино друг с другом. Ты видишь, кто приближается сюда?»

¹ Пятница. *Liber Secundus*, глава 6, «Смерть» (LN, pp. 262ff).

² В LN Юнг добавил: «На следующую ночь я отправился в северные земли и оказался под серым небом в туманно-смутной, прохладно-влажной атмосфере» (p. 262).

³ Последняя часть предложения не появляется в LN.

Я вижу что-то вроде тёмного туманного савана, медленно плывущего к нам в потоке.

«Смотри внимательнее, что ты различаешь?»

Я вижу плотно сжатые множества людей, старых, мужчин и женщин, и бесчисленных детей. Между [34/35] ними я вижу лошадей, рогатый скот и мелких животных, облако насекомых роится среди множества — лес подплывает ближе — бесчисленные увядшие цветы — совершенно мёртвое лето. Они уже рядом — какими окостеневшими и холодными они Выг выглядят — их ноги не двигаются — ни звука из тесных рядов — они плотно обхватили себя руками — они смотрят в потустороннее и не обращают на нас внимания — они все плывут мимо, в огромном потоке.

Тёмный, это видение ужасно.

«Ты хотел остаться со мной. Так держись. Смотри!»

Я вижу, первые ряды достигли точки, где яростно сливаются прибой и поток. И это выглядит так, будто [35/36] волна воздуха вместе с прибывающим морем противостояла мёртвым, кружа их ввысь, рассеивая на чёрные клочки, растворяя в тёмных облаках тумана. Волна за волной приближаются, и толпа за толпой растворяются в густом воздухе.

Тёмный, скажи мне, это конец?

«Смотри!»

Тёмное море тяжело разрывается — из него вырывается красноватое сияние — оно похоже на кровь — море крови пенится у наших ног — глубины моря горят — какое странное чувство — меня подвесили за ноги? Это море или небо? Кровь и огонь смешиваются в шар — красный свет [36/37] вырывается из его туманного покрыва — новое солнце вырывается, пылая, из кровавого моря, и блестя катится в сокровенные глубины — оно исчезает под моими ногами.¹

Я смотрю вокруг. Я один. Настала ночь. Что говорил Аммоний?

Ночь — это время безмолвия.²

5.I.1914³

Нам нужен свет. Огоньков хватает — призрачных огоньков — но слишком мало света.

Как тёмный путь человека, когда он достигает нового мира, мира между мирами! По ту сторону нас нескончаемая тьма. Где это «потустороннее»? Возможно, глубоко внутри нас.⁴

¹ См. видение от 12 декабря 1913 г. Книга 2.

² Комментарий Юнга к этой записи см. в *LN*, pp. 265—68.

³ Понедельник. *Liber Secundus*, глава 7, «Развалины прежних храмов» (*LN*, pp. 268ff). Первые два абзаца не появляются в *LN*, которая начинается с: «Случилось ещё одно приключение».

⁴ Предыдущий абзац не появляется в *LN*.

Я вижу просторные луга с высокой травой — и ковёр трав — плавные холмы — лес вдалеке. Я наткнулся на двух странных путешественников — возможно, двух совершенно случайных спутников; старый монах и долговязый худой мужчина с поразительно детской поступью и заметно выцветшей красной одеждой. Они, похоже, оживлённо разговаривают.¹ Когда они приближаются, я узнаю в высоком красно-го всадника — как он изменился! — он постарел, красные волосы стали седыми, огненно-красные одежды стали заношенными и потрёпанными — он производит жалкое впечатление. А другой? У него пузо, он, похоже, не знавал тяжёлых времён. Но лицо его знакомо. Это же отшельник!² Какие перемены! И откуда идут эти совершенно разные люди? [38/39] Я приближаюсь и желаю им доброго дня. Оба смотрят на меня испуганно и крестятся. Я в испуге осматриваю себя. Я весь покрыт зелёными листьями, которые растут из моей одежды или из тела. Я приветствую их во второй раз, со смехом. Монах восклицает: «Apage, Satanas!»³ — Красный: «Проклятый языческий подонок!» —.

Я: «Дорогие друзья, что с вами такое? Я гиперборейский странник, посещавший тебя,⁴ о монах,⁵ в ливийской пустыне, и я тот дозорный, которого ты, Красный, однажды навестил[»].

М⁶: «Я узнаю тебя, главный дьявол. Моё падение началось с тебя[»]. — Красный смотрит на него осуждающе и пихает в рёбра. Монах покорно умолкает. Теперь Красный надменно говорит мне: [39/40]

«Уже в то время я не мог отделаться от мысли, что ты лишён благородного сложения, не говоря уж о твоей лицемерной серьёзности. Твоя проклятая комедия христианина» — в этот момент монах пихает его в рёбра, и Красный смущённо умолкает.

Итак, оба стоят передо мной, оробевшие и нелепые, но всё равно вызывающие жалость.

Я: «Откуда ты, человек Божий? Какая жестокая судьба привела тебя сюда, ~~тх~~ не говоря уж о компании Красного?»

М: «Я бы предпочёл не говорить тебе. Но это похоже на Божий промысел, от которого не сбежать. Так знай же, злой дух, что ты поступил со мной ужасно. Ты соблазнил меня своим проклятым любопытством, жаждущее протянув за мою руку за божественными таинствами, поскольку дал мне понять в то время, что я ничего, на самом деле, о них не знал. Твоё [40/41] замечание, что мне, возможно, нужна

¹ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

² В *LN* вместо этого стоит: «О Боги, это же Аммоний!» (р. 269).

³ «Изыди, Сатана» — распространённое выражение в средневековье. См. слова Христа Петру в Мф. 16:23: «отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! Потому, что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое».

⁴ В греческой мифологии гиперборейцы жили в земле вечного солнца по ту сторону северного ветра, почитая Аполлона. Ницше несколько раз называл свободных духом гиперборейцами.

⁵ В *LN* стоит: «Аммоний» везде в этой записи (р. 269).

⁶ Сокращение от «Монх» (Монах).

близость людей, чтобы прийти к высшим таинствам, поразило меня как адский яд. Вскоре после этого я собрал вместе братьев долины и объявил им, что мне явился посланец Божий — так ужасно ты ослепил меня — и приказал создать монастырь с братьями. Когда брат Филит возразил, я опроверг его, ссылаясь на писания, где сказано, что нехорошо человеку быть одному.¹ Так что мы основали монастырь — возле Нила, откуда мы могли видеть проходящие корабли. Мы возделывали богатые поля, и работы было так много, что святые занятия пали в забвение. Мы стали сладострастными, и однажды я преисполнился ужасного стремления снова увидеть Александрию. Я хотел посетить там епископа. Но сначала я так опьянел от жизни на корабле, а затем от кружения толп на улицах [41/42] Александрии, что совершенно сбился с пути. Как во сне я забрался на один из больших кораблей, отправлявшихся в Италию; меня наполнила ненасытная жадность увидеть мир. Я пил вино, погряз в удовольствиях и превратился в настоящее животное. Когда я сошёл на берег Неаполя,² тут стоял Красный, и я знал, что попал в руки зла — [»].

«Умолкни, старый дурак», — прервал его Красный. Если бы не я, ты бы стал настоящей свиньёй. Увидев меня, ты наконец собрался, проклял пьянство и женщин и вернулся в монастырь.

А теперь услышь мою историю, проклятое языческое³ страшилище. Я попался в твою ловушку, и меня соблазнили твои языческие искусства. После той беседы, когда ты поймал меня в лисий силок своим замечанием о [42/43] танце, я стал серьёзным, таким серьёзным, что отправился в монастырь, молился, постился и обратился. В своей слепоте я хотел реформировать церковную литургию, и с одобрения епископа ввёл танец. Я стал аббатом и в этом качестве один имел право танцевать перед алтарём, как Давид перед ковчегом Завета.⁴ Но мало-помалу братья тоже начали танцевать; воистину, даже паства и, наконец, целый город. Это было ужасно. Я бежал в уединение и танцевал весь день, пока не падал. Я стремился сбежать от себя и странствовал ночами, днём же держался в уединении и танцевал один в лесах и пустынных горах. И так постепенно я пробродил через всю Италию, пока не достиг юга. Здесь я привлекал меньше внимания, чем на севере и мог смешаться с толпой. В Неаполе в я в какой-то мере снова нашёл свой путь [43/44] и тут также обнаружил этого обтрёпанного человека Божьего. Его вид придал мне сил. Благодаря ему я смог вернуть своё здоровье. Ты слышал, как он он тоже отнял у меня сердце и снова нашёл свой путь.

¹ Речь идёт о Быт. 2:18: «не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему». В Библии упоминается Филит во 2 Тим. 2:17–19: «А непотребного пустословия удаляйся; ибо они еще более будут преуспевать в нечестии, и слово их, как рак, будет распространяться. Таковы Именей и Филит, которые отступили от истины, говоря, что воскресение уже было, и разрушают в некоторых веру».

² Юнг посещал Неаполь в марте 1913 г. на пути из Америки.

³ Это слово опущено в *LN*.

⁴ Во 2 Цар. 6:14 Давид танцует перед Ковчегом Завета.

М: Должен признаться, я не так уж плохо поживал с Красным; он эдакий смягчённый род дьявола.

К: Я тоже должен признать, что этот монах едва ли фанатик. Хотя у меня развилось глубокое отвращение ко всей христианской религии в целом после переживаний в монастыре.

Я: Дорогие друзья, мне радостно видеть, что вы наслаждаетесь компанией друг друга.

Оба: Мы не довольны, зубоскал и противник! Прочь, ворюга, язычник!

Я: Но зачем же вы путешествуете вместе, раз вы не друзья? [44/45]

Они смотрят друг на друга,¹ затем говорит М.: Что тут поделать? Даже дьявол нужен, ведь иначе нельзя добиться уважения у людей.

К.: Ну, мне нужно помириться с клиром, иначе я потеряю свою клиентуру.

Я: Таким образом, вас свели жизненные нужды! Хватит ссориться, подружитесь уже.

Оба: Но мы не можем.

Я: А, вижу, система сбоит. Вы, вероятно, хотите сначала умереть? Дайте мне пройти, старые призраки!²

8.1.14³

Путь жизни ведёт за пределы, даже за пределы законов, которые были святыми. Этот путь одинок и полон тайного мучения. [45/46]

Поля юности лежат позади меня, пышные и радостные луга, покатые холмы и весенние зелёные леса.⁴

Пустынная горная гряда преграждает мне путь. Пройти можно лишь через узкую теснину. Путь зажат между двух высоких скал. Мои ноги босы, их ранят зазубренные камни.

Здесь путь становится скользким, половина пути белая, бел другая — чёрная. Я ступаю на чёрную сторону и в ужасе отшатываюсь — это раскалённое железо. Я ступаю на белую половину — это лёд. Но так должно быть. Я бегу как можно быстрее, один миг по раскалённому железу, другой — по холодному льду, и наконец долина расширяется в громадную каменистую впадину. [46/47] Узкий путь вьётся вдоль почти вертикальных скал к горному перевалу. Когда я приближаюсь к перевалу, что-то звучит и гремит с другой стороны горы, словно руда. Звук становится ближе и резко нарастает. Он гремит издалека, как сотня кузнечных молотов и многократно и мощно отражается от гор. Подходя к перевалу, я вижу огромного

¹ Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

² Комментарий Юнга к этой записи см. в *LN*, pp. 272–77.

³ Четверг, *Liber Secundus*, глава 8, «Первый день», *LN*, pp. 277ff.

⁴ Предыдущие два абзаца не появляются в *LN*.

человека, приближающегося, с другой стороны. Два бычьих рога растут из его гигантской головы, а грудь покрывает грохочущий доспех. Его чёрная борода взъерошена и массивна.¹ Голые ноги покрыты косматыми чёрными волосами. Гигант несёт в руке чёрный железный топор, обитый серебром.²

Не успел я полностью прийти в себя от изумления, [47/48] как гигант стоит передо мной, и я смотрю ему в лицо — оно вялое и бледное, глубоко изборозждённое морщинами. Миндалевидные глаза смотрят на меня в изумлении.

Ужас охватывает меня — это Издубар³ — могучий — человекобык. Он стоит и смотрит на меня. Его лицо говорит о — пожирающий внутренний страх — а руки и колени трясутся.

Могучий Издубар дрожит? Он напуган?

Я обращаюсь к нему: «О, Издубар, могущественный, пощади меня и прости за то, что червём лежу на твоём пути[»].

Изд.: Я не хочу твоей жизни, незнакомец. Откуда ты? [48/49]

Я: «Я пришёл с Запада».

Изд.: Ты пришёл с Запада? Ты знаешь Западную землю?⁴ Это верный путь в Западную землю?

Я: Я пришёл с Западной земли, которую омывает Западное море.

Изд.: Солнце погружается в это море? Или оно касается твёрдой земли, заходя?

Я: Солнце погружается далеко по ту сторону моря.

Изд.: По ту сторону моря? Что там?

Я: Там ничего, кроме пустого пространства. Как ты знаешь, земля круглая и, более того, вращается вокруг солнца.

Изд.: Проклятый, откуда у тебя такое знание? То есть [40/50] нет земли бессмертия, в которую опускается солнце, чтобы переродиться? Ты говоришь правду?

Его глаза мерцают яростью и страхом. Он громоподобным шагом подходит ближе. Я дрожу.

Я: О, Издубар, могущественнейший, прости мою дерзость. Но я действительно говорю правду. Я пришёл из земли, где это доказано наукой и где живут люди, путешествующие вокруг мира на кораблях. Наши учёные знают при помощи изме-

¹ Вместо последнего слова в *LN* стоит: «украшена изысканными камнями» (р. 278).

² В *LN* это орудие описано как «сияющий двойной топор вроде тех, что используют, чтобы бить быков» (*ibid.*)

³ Издубаром называли персонажа, ныне известного как Гильгамеш. Это имя было основано на неверном переводе. В 1906 г. Петер Йенсен отмечал: «Теперь было установлено, что главный протагонист эпоса — Гильгамеш, а не Гисшубар или Издубар, как предполагалось ранее» (*Das Gilgamesch Epos in der Weltliteratur* [Strasbourg: Karl Trübner, 1906], р. 2). Юнг рассматривал эпос о Гильгамеше в *Трансформациях и символах либидо*, используя исправленную форму и несколько раз цитировал работу Йенсена. Его изображение Издубара на стр. 36 *LN* сильно напоминает иллюстрацию в Wilhelm Roscher, *Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie* [Leipzig: Teubner, 1884—1937], vol. 2, р. 775. У Юнга была эта книга.

⁴ В египетской мифологии Западные земли (западный берег Нила) — это земля мёртвых.

рений, насколько солнце далеко от каждой точки поверхности земли. Это небесное тело, находящееся несказанно далеко в бесконечном пространстве.

Изд.: Бесконечном, говоришь? Пространство мира бесконечно? И мы [50/51] никогда не сможем достичь солнца?

Я: Могущественнейший, пока ты смертен, тебе не достичь солнца.

Я вижу, как им овладел удушающий страх.

Изд.: Я смертен — и я никогда не достигну солнца и никогда не достигну бессмертия?!

Он с резким лязгающим звуком обрушивает топор на скалу.

Изд.: Прочь, жалкое оружие, от тебя нет пользы. Какая от тебя польза против бесконечности, против вечной пустоты и против ненаполняемого? Тебе некого побеждать. Разбейся —

Какая польза от тебя!

На Западе кроваво-красное солнце погружается [51/52] в лоно сияющих ярко-багровых облаков.

Изд.: Так уходи, солнце, трижды проклятый Бог, и облачись в своё бессмертие —

Он хватает разбитый кусок топора с земли и швыряет в сторону солнца.

Вот твоя жертва, твоя последняя жертва, жадный удушающий дракон!¹

Изд. рушится и рыдает, как ребёнок.

Я стою, трясясь, не решаясь шевельнуться.

Изд. стонет: Жалкий червь, где тебя вскормили этим ядом?

Я: О, Издубар, могущественнейший, то, что ты называешь ядом — это наука. В нашей стране [52/53] с юности питают ею, и, возможно, это одна из причин, по которой мы так и не достигли расцвета, оставшись такими недоразвитыми. Однако, когда я вижу тебя, мне кажется, что мы все несколько отравлены.²

Изд.: Никакое существо ещё не одержало надо мной верх, никакое чудовище не выстояло против моей силы. Но твой яд, червь, лежащий на моём пути, поразил меня в самое основание. Твой магический яд сильнее войска Тиамат.³

Он лежит, словно парализованный, растянувшись на земле.

Изд.: О Боги, помогите, вот лежит ваш сын, сражённый укусом незримой змеи в пятю. О, если бы я раздавил тебя, как только увидел, и никогда не слышал твоих слов! [53/54]

Я: О, Издубар, великий и достойный жалости! Если бы я знал, что моё знание может тебя сразить, я бы придержал язык. Но я хотел говорить истину.

¹ Последнее выражение не появляется в *LN*.

² В *Весёлой науке* Ницше утверждал, что мышление зародилось через развитие и объединение нескольких сил, которые оказали ядовитое воздействие: силы сомневаться, отрицать, ждать, собирать и разрешать («К учению о ядах», Книга 3, 113).

³ В вавилонской мифологии Тиамат, мать богов, ведёт войну с помощью войска демонов.

Изд.: Ты называешь яд истиной? Яд — это истина? Или истина — это яд? Разве наши астрологи и жрецы не говорят истину? Но их истины не действуют, как яд.

Я: О, Издубар, наступает ночь, и здесь станет прохладно холодно. Мне позвать на помощь людей из долины?

Изд.: Будь что будет, и лучше ответь мне.

Я: Но мы не можем здесь философствовать. Тебе требуется помощь в этом жалком положении.

Изд.: Я говорю тебе, будь что будет. Если мне суждено погибнуть этой ночью, да будет так. [54/55] Просто дай мне ответ.

Я: Боюсь, мои слова слишком слабы, чтобы исцелить. Мне кажется, они лучше умеют разрушать.

Изд.: Ничего печальнее они уже не вызовут. Беда уже случилась. Так что скажи мне, что ты знаешь. Возможно, у тебя даже есть магическое слово, противодействующее яду.

Я: Мои слова, могущественнейший, слабы и не имеют магической силы.

Изд.: Неважно, говори!

Я: Я не сомневаюсь, что твои жрецы говорили истину. Это точно истина, только противоречит нашей.

Изд.: Есть два вида истины?

Я: Мне кажется, это так. Наша истина — это то, что приходит к нам от познания внешних вещей. Истина твоих жрецов — это то, что приходит к тебе от внутренних вещей человеческого духа. [55/56]

Изд. приподнимается. Это было хорошее и целительное слово.

Я: По счастью, мои слабые слова принесли тебе облегчение. О, если бы только я знал больше слов, которые могли бы помочь тебе.

Стало холодно и темно. Я разожгу огонь, чтобы мы согрелись.

Изд.: Разжигай. Это может даже помочь.

Я: Я соберу дрова и разожгу большой костёр.

Изд.: Святой огонь греет меня. Теперь скажи мне, как ты разжёг огонь так быстро и таинственно?

Я: Мне нужны лишь спички. Смотри, это небольшие деревянные палочки с химическим веществом на кончике. Если их потереть о коробку, появляется огонь. [56/57]

Я несколько раз демонстрирую процедуру.¹

Изд.: Это поразительно. Где ты научился этому искусству?

Я: Там, откуда я пришёл, у всех есть спички. Но это ещё ничто. Мы также можем летать с помощью полезных машин.

¹ Предыдущая строка не появляется в LN.

Изд.: Вы можете летать, как птицы? Если бы твои слова не содержали такую мощную магию, я бы сказал, что ты лжёшь.

Я: Я точно не лгу. Смотри, у меня есть, например, часы, показывающие точное время днём и ночью.

Изд.: Это чудесно. Очевидно, ты из странной и волшебной страны. Ты точно из блаженных Западных земель? Ты бессмертен?

Я: Я — бессмертен? Нет, мы совершенно [57/58] обычные смертные люди.

Изд. разочарован: Как, ты даже не бессмертен и понимаешь в таких искусствах?

Я: К сожалению, наша наука пока не научилась противодействовать смерти.

Изд.: Кто же научил тебя таким искусствам?

Я: За столетия люди сделали много открытий благодаря точным наблюдениям и науке внешних вещей.

Изд.: Но эта наука — ужасная магия, искалечившая меня. Как может быть, что ты ещё жив, хотя пьёшь этот яд каждый день?

Я: Мы постепенно привыкли, потому что люди привыкают ко всему. Но мы всё равно в чём-то искалечены. С другой стороны, [58/59] эта наука такие имеет огромные преимущества, как ты видел. То, что мы потеряли в смысле силы, мы много раз открыли вновь, овладевая силой природы.

Изд.: Разве не позорно быть таким искалеченным? Со своей стороны, я предпочитаю собственную силу силам природы. Я оставляю тайную силу трусливым заклинателям и женоподобным магам. Если я сокрушаю чей-то череп, это прекращает его ужасную магию.

Я: Но разве ты не понимаешь, как прикосновение нашей магии воздействовало на тебя? Думаю, ужасно.

Изд.: К сожалению, ты прав.

Я: Теперь ты, пожалуй, видишь, что у нас не было выбора. Мы должны были проглотить яд науки. Иначе нас ждала бы та же судьба, что и тебя — мы бы оказались полностью искалечены, столкнувшись с ним, не подозревая [59/60] и не подготовившись. Этот яд так непреодолимо силен, что все, даже сильнейшие, и даже вечные Боги, гибнут от него. Если нам дорога жизнь, лучше пожертвовать частью жизненной силы, чем обрекать себя на верную смерть.

Изд.: Я больше не думаю, что ты пришёл из блаженных Западных земель. Твоя страна, должно быть, пустынна, полна бессилия и самоотречения. Я тоскую по Востоку, где течёт чистый источник нашей дарующей жизнь мудрости. Но я не могу, ноги меня больше не несут.¹

Его ноги словно усохли, но руки сильные и здоровые. Что тут можно сделать?

¹ Предыдущее предложение и следующий абзац не появляются в *LN*.

Мы тихо сидим у трепещущего [60/61] огня. Ночь холодна. Издубар стонет и смотрит вверх, на звёздное небо:

«Самый ужасный день моей жизни — нескончаемый — такой длинный — такой длинный — ужасное магическое искусство — наши жрецы ничего не знают, иначе защитили бы меня от этого — даже Боги умирают, сказал он.

У вас больше нет Богов?»[»]

Я: Нет, у нас остались только слова.

Изд.: Но эти слова могущественны?

Я: Так говорят, но никто подобного не замечает.

Изд.: Мы тоже не видим Богом, но всё равно верим, что они существуют, и мы признаём их действие в природных событиях.

Я: Наука отняла у нас способность верить.¹

Изд.: Как, вы и это тоже утратили? Как же вы живёте? [61/62]

Я: Ни так, ни сяк, одной ногой на раскалённом, другой — на ледяном, а в остальном — будь что будет!

Изд.: Твои слова темны.

Я: У нас всё так — темно.

Изд.: Ты это выносишь?

Я: Не особенно хорошо. Лично мне с этим тяжело. По этой причине я отправился на Восток, в землю восходящего солнца, чтобы найти свет, который мы утратили. Где же тогда встаёт солнце?

Изд.: Земля, как ты говоришь, совершенно круглая. Значит, солнце нигде не встаёт.

Я: Я имею в виду, у вас есть свет, который мы утратили?

Изд.: Посмотри на меня. Я расцветал под светом Восточного мира. Поэтому, ты можешь судить, как плодотворен этот свет. Но если ты приходишь из такой тёмной земли, то берегись [62/63] такого непреодолимого света. Ты можешь ослепнуть, как и все мы, слегка слепые.

Я: Если ваш свет так же великолепен, как ты, то я буду осторожен.

Изд.: И правильно.

Я: Я жажду вашей истины.

Изд.: Поскольку я стремлюсь к Западной земле, я сразу тебя предупреждаю.

Опускается безмолвие. Уже поздняя ночь. Мы засыпаем у костра.²

¹ Вопрос об отношениях между наукой и религией имел огромное значение в психологии религии Юнга. См. «Psychology and Religion» (1938), CW 11.

² Комментарий Юнга к этой записи см. в LN, pp. 283—91.

9.1.14¹

Я мало сплю, только неясные сны скорее беспокоили меня, чем давали спасительное слово.²

Издубар весь день провёл в молчании. Я шагал по горной гряде, размышляя и оглядываясь на свою Западную землю.³ [63/64] Я люблю Издубара и не хочу, чтобы он так жалко угас. Но где мне найти помощь? Никто не пойдёт раскалённо-ледяным путём, и я — следует признать — боюсь к нему возвращаться. Кроме того, мы слишком далеко от Запада, чтобы найти помощь. Перевал ограничен вертикальными стенами скал — выбраться некуда.⁴ А к Востоку — была ли там вообще помощь? Но как насчёт неведомых опасностей, которые там таились? Я не хочу идти вслепую. Какая в этом польза для Издубара? Я не могу нести этого калеку как слепого. Да, если бы я был могучим, как Издубар! Какая здесь польза от технологии⁵ и науки? Мои навыки здесь заканчиваются.⁶

«Издубар,⁷ слушай. Я не дам тебе угаснуть. Наступает второй вечер [64/65]. У нас нет еды, и ты⁸ умрёшь, если я не найду помощь. Мы не можем ждать помощь с Запада. Но помощь, возможно, удастся найти на Востоке. Ты встречал кого-то на своём пути, кого я мог бы позвать на помощь?»]

Изд.: «Будь что будет, пусть придёт смерть в свой час[.]».

Я: У меня сердце разрывается при мысли оставить тебя здесь, могучий, не сделав всё возможное, чтобы помочь тебе.

Изд.: Как тебе помогает магическая сила? Если бы ты был силен, как я, то смог бы унести меня. Но твой яд может только уничтожать, а не исцелять.

Я: Если бы мы были в моей земле, быстрые [65/66] повозки могли бы нам помочь.

Изд.: Если бы мы были в моей земле, твой ядовитый шип не поразил бы меня.

Я: Скажи мне, ты не знаешь, кто бы мог помочь со стороны Востока?

Изд.: Путь долог и одинок. А когда ты доберёшься до равнин, перейдя через горы, то встретишься с могучим солнцем, которое тебя наверняка ослепит.

Я: Но если бы я странствовал ночью, а днём укрывался от солнца?

Изд.: Это мысль.⁹ Да будет так! Как это поможет? Мои ноги ослабли и онемели. Я предпочитаю не тащить домой добычу с этого путешествия.

¹ Пятница. *Liber Secundus*, «Второй день», глава 9, *LN*, pp. 291ff.

² Это предложение было заменено в *LN* на: «Сон не дал мне спасительного слова» (*ibid.*)

³ Здесь в *LN* было добавлено: «где так много знаний и так много возможностей помочь» (p. 292).

⁴ Предыдущие два предложения не появляются в *LN*.

⁵ Это слово не появляется в *LN*.

⁶ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁷ В *LN* здесь добавлено: «Мой князь» (p. 292).

⁸ Это слово в *LN* заменено на «мы» (*ibid.*)

⁹ Предыдущее предложение было заменено в *LN*: «В ночи все змеи и драконы выползают из нор, и ты, безоружный, наверняка станешь их жертвой» (*ibid.*)

Я: Я не могу оставить тебя так. Я пойду.

Изд.: Возможно, ты сможешь защититься [66/67] от солнца. Но путь с гор полон опасности. Эмеи и чудовища скрываются там, и ты точно станешь их жертвой. Так что, как видишь, пути нет.¹

Я: Разве не стоит рискнуть всем?

Изд.: Бесполезно! Если ты умрёшь, от этого не будет никакой пользы.

Я: Дай мне подумать, возможно, спасительная мысль ещё придёт.

Я удаляюсь и шагаю вверх-вниз по выступающей из скалы плите. Я думаю: Великий Издубар, человекобык, ты в безнадежном положении — и я тоже. Что можно поделать? — Не всегда необходимо действовать; иногда лучше чистое мышление. Я, в сущности, [67/68] убежден, что Издубар едва ли реален в обычном смысле, и является фантазией. Это могло бы помочь, если рассматривать ситуацию под другим углом.² Но это едва ли продержится долго. Издубар, конечно, не согласится, что он фантазия, но станет утверждать, что он ~~так же реален~~ полностью реален, и помочь ему можно только реальным образом. — Тем не менее, стоит попытаться хоть раз.

«Издубар,³ Могучий, послушай: мне пришла мысль, которая может нас спасти. Я думаю, что ты не совсем реален, а только фантазия».

Изд. смотрит на меня с удивлением:⁴ Я в ужасе от твоих мыслей — они убийственны. Ты даже решил объявить меня нереальным [68/69] теперь, когда так безжалостно меня искалечил?

Я: Пожалуй, я не вполне ясно выразился и говорил скорее на языке Западной земли. Я, конечно, не имел в виду, что ты совсем нереален, но реален только как фантазия. Если бы ты мог принять это, великий Издубар, так можно было бы добиться многого.

Изд.: Чего этим можно добиться? Ты дьявол-мучитель.

Я: Несчастнейший, я не хочу тебя мучить. Рука врача не ищет мучения, даже если вызывает огорчение. Ты правда не можешь признать, что ты фантазия?

Изд.: Горе мне! Какой магией ты хочешь окружить меня? Как мне поможет, если я признаю себя фантазией?

Я: Ты знаешь, что имя [69/70] человека многое значит. Ты также знаешь, что часто больным дают новые имена, чтобы исцелить их. Ибо с новым именем приходит новая сущность. Твоя сущность содержится в имени.

Изд.: Ты прав. Наши жрецы тоже это говорят.

¹ Предыдущие два абзаца не появляются в *LN*.

² Здесь в *LN* добавлено: «...рассматривать... рассматривать... поразительно, что даже здесь мысли повторяют: нужно быть довольно одиноким» (р. 293).

³ Это слово в *LN* заменено на: «Мой князь» (*ibid.*)

⁴ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

Я: То есть ты признаёшь, что ты фантазия?

Изд.: «Если это поможет — да».

¹ Я Хотя он, конечно, теперь фантазия, ситуация остаётся крайне сложной. Даже фантазию нельзя просто отрицать.² Она требует действия. В любом случае, он фантазия, потому что значительно более изменчив. Ага, я знаю путь вперёд. Я уже могу поднять его на спину.

Издубар, великолепный, путь [70/71] найден. Ты стал лёгким, легче пера. Теперь я могу тебя нести.

Я поднимаю его с земли. Он даже легче воздуха, и я стараюсь удержаться на земле, потому что ноша тянет меня в воздух.

Изд.: Какое мастерское у тебя искусство. Куда ты меня тащишь?

Я: Я собираюсь отнести тебя в землю Запада. Мои товарищи с радостью примут такую большую фантазию. Когда мы пересечём горы и доберёмся до домов гостеприимных людей, мы сможем попытаться найти средство, чтобы полностью восстановить тебя.

Я спускаюсь по каменистой тропе с большой осторожностью, больше опасаясь, чтобы меня не унесло ветром, [71/72] чем падения. Я буквально вишу на моей слишком легковесной ноше. Наконец, мы благополучно добираемся до дна долины и до пути горячей и холодной боли. Но на этот раз меня несёт ветер по узким скалам и через поля к населённым местам, так, что не приходится даже касаться болезненной тропы. Подгоняемый ветром, я несусь по прекрасному холмистому ландшафту. Я вижу двух людей на просёлочной дороге впереди: отшельника и Красного. Когда мы оказываемся прямо за ними, они оборачиваются и бегут в поля с ужасными криками.

Изд. удивлён: Кто эти уродливые люди, это твои товарищи?

Я: Это не люди, они [72/73] пережитки прошлого, с которыми иногда сталкиваешься. Они когда-то были очень важными, а теперь используются, по большей части, как пастухи.

Изд.: [«]Какая удивительная страна!»

Впереди я вижу город. Лучше избегать его. Там может собраться толпа.

Изд.: Ты не хочешь в этот город?

Я: Нет, там живут просвещённые.³ Они в самом деле опасны, поскольку варят сильнейшие яды, от которых даже мы должны защищаться.⁴ Но не беспокойся, ночь

¹ «Внутренний голос сказал мне следующее» (р. 294).

² «...как и идти ей на уступки» (ibid).

³ Предыдущее предложение было заменено в *LN* на: «Нет, Боже упаси, я не хочу, чтобы собралась толпа, поскольку там живут просвещённые. Разве ты их не чуешь?» (р. 295).

⁴ В *LN* здесь было добавлено: «Люди там совершенно парализованы, окружены коричневым ядовитым паром и могут двигаться только с помощью искусственных средств» (ibid.)

почти настала, и никто нас не увидит.¹ Я знаю здесь отдалённый дом на ферме. Там у меня близкие друзья, которые примут нас на ночь.

Я прихожу к тихому [73/74] тёмному саду и уединённому дому. Я прячу Издубара под свисающими ветвями дерева, подхожу к двери дома и стучу. Открывает старая служанка.² Я думаю о двери, она слишком маленькая, Издубар сюда никогда не пролезет. Но у фантазии нет пространства! Почему эта прекрасная мысль не пришла ко мне раньше? Я спешу назад и без труда сжимаю Издубара до размера яйца и кладу в карман. Затем вхожу в гостеприимный дом, где Издубар должен найти исцеление.³

10.1.14⁴

Похоже, чего-то удалось достичь с помощью этого памятного события. Но невозможно рассчитать, к чему всё это приведёт. Я едва ли осмелюсь сказать, что судьба Издубара была причудливой и трагичной, [74/75] ведь такова наша самая сокровенная жизнь. Фр. Т. Фишер (A[uch] E[iner])⁵ совершил первую попытку возвысить эту истину до системы. Он воистину заслуживает места среди бессмертных.

То, что находится посередине — это истина. Она имеет много обликов; один точно комический, другой печальный, третий злой, четвёртый трагический, пятый — забавный, шестой — это гримаса, и так далее.

Как только одно из этих лиц становится особенно навязчивым, мы тем самым понимаем, что слишком отклонились от некоей истины и подошли к крайности, которая представляет собой очевидный тупик, если мы пойдём этим путём. Это

¹ Здесь в *LN* было добавлено: «Более того, никто не признает, что видел меня» (*ibid.*)

² Предыдущая строка не появляется в *LN*.

³ Комментарий Юнга к этой записи см. в *LN*, pp. 295–98. Он говорил Аниэле Яффе об этих разделах следующее: «Вы также заметите то, что в моих фантазиях движимо страхом, а именно, попытки изобразить, как можно избежать такого ужасного затруднительного положения. Это яснее всего видно в главе о дьяволе. Или, например, в главе, где появляется Гильгамеш, Издубар. Это действительно глупо — ломать голову над тем, как помочь мёртвому великану. Но я знал, что если не сделаю всё, что возможно, то проиграю битву. Затем я мог продолжать заявлять, что это была лишь фантазия. Но всё равно буду знать, что потерпел поражение. Я так старался найти решение, совершенно не беспокоясь о том, насколько оно было нелепо. Я должен был найти формулу, с помощью которой фантазия могла бы обрести своё полноценное значение, и в то же время освободить меня. В некотором смысле, я заплатил за найденное нелепое решение пониманием, что, так сказать, поймал Бога. Эти фантазии — настоящая адская смесь нелепого и возвышенного. Они столь многого стоили мне, что я, какмышь, поймался в эти нелепые вымыслы, и смог освободиться только с великой отвагой и благосклонностью моей жертвы. Это всё равно что одурачить человека, тонущего в ванне, что это, на самом деле, океан» (*MP*, pp. 147–48).

⁴ Суббота, *Liber Secundus*, глава 11, «Открытие яйца» (*LN*, pp. 306ff). Первые шесть абзацев не были воспроизведены в *LN*.

⁵ Это работа F. Th. Vischer, *Auch Einer: Eine Reisebekanntschaft* (Stuttgart, 1884). В 1921 г. Юнг писал: «Роман Фишера *Auch Einer* [Ещё один] позволяет глубоко заглянуть в эту сторону интровертного состояния души, а также в скрытый символизм коллективного бессознательного» (*Psychological Types* CW 6, par. 627). В 1932 г. Юнг комментировал Вишера в *The Psychology of Kundalini Yoga*, p. 54. См. также Ruth Heller, «*Auch Einer*: the Epitome of F. Th. Vischer's Philosophy of Life», *German Life and Letters*, 8 (1954): 9–18.

Записывать мудрость реальной жизни — это убийственная задача, особенно если много лет заниматься [75/76] серьёзными научными исследованиями. Труднее всего ухватить игривость жизни (ребячливость, так сказать). Каждая из многочисленных сторон жизни — великая, прекрасная, серьёзная, чёрная, дьявольская, благая, нелепая, гротескная — всё это области применения, каждая из которых **стремится** старается полностью поглотить наблюдателя или описывающего.

Наше время требует чего-то, позволяющего управлять умом. Как вещественный мир расширился от ограниченности древнего **человека** мировоззрения до неизмеримого разнообразия нашего современного мировоззрения, так и мир интеллектуальных возможностей обрёл неизмеримое разнообразие. Бесконечно долгие **расстояния** пути, проложенные тысячами толстых томов, ведут [76/77] от одной специализации к другой. Скоро никто уже не сможет пройти этими путями. И тогда останутся только специалисты.

Больше, чем когда-либо мы нуждаемся в живой истине умственной жизни, в чём-то таком, что может дать нам твёрдую опору.

Ночью всё наконец успокоилось. Я сунул руку в карман и достал яйцо. Это было настоящее яйцо с белой твёрдой скорлупой.¹

Я положил его на коврик посередине комнаты и осторожно открыл. Что-то вроде дыма поднимается из него к потолку комнаты, и внезапно фигура Издубара появляется передо мной, огромная и целостная. Его конечности тоже целые, и я не нахожу в нём ни следа увечья. Словно [77/78] он проснулся от глубокого сна.

Изд.: Где я? Как здесь узко, темно и прохладно! Я в могиле?

Где я был? — Я словно был вне вселенной — надо мной и подо мной была **чёрная** бесконечно чёрная звезда — блистающее небо — и я был объят невыразимым стремлением — потоки огня вырывались из моего сияющего тела — я взмывал в пылающем пламени — я плавал в море, объявшем меня, как живой огонь — полный света — полный стремления, полный вечности — я был древним и вечно обновляющимся — кружился от высот до глубин, и вертелся, сияя, [78/79] из глубин к высотам — паря над собой среди огненных сияющих облаков — как дождь из угольков, валящих с ног, как пена прибоя, поглощающая удушающий жар — внезапно, вновь, взрываясь сияющим белым цветом — принимая и отвергая себя в громадной игре.

Где я был?

¹ Этот абзац в *LN* был заменён на: «Вечером третьего дня я встаю на колени на коврике и осторожно открываю яйцо» (р. 306). В этой версии перерождение Издубара происходит само собой; в *LN* ему активно помогают повторения заклинаний (pp. 299–304).

Я был весь солнце.¹

Я: О, Издубар. Божественный, как чудесно! Ты исцелён!

Изд.: Исцелён? А я был болен? Кто говорит о болезни?

Я был солнце — весь солнце.

Я и есть солнце.

Невыразимый свет вырывается [79/80] из его тела, свет, который не выдержать моим глазам. Мне приходится прикрыть лицо, чтобы не ослепнуть — я падаю лицом на землю, потому что даже руками не удаётся защитить глаза.²

«Ты солнце, вечный свет — могущественнейший, прости, что нёс тебя —[»].

Вокруг тихо и темно. Я осматриваюсь — пустая скорлупа яйца лежит на коврике.

Я ощущаю себя, мебель, стены, всё как обычно, совершенно просто и реально. Я бы хотел сказать, что всё вокруг меня превратилось в золото, но это неверно; всё так, как было всегда.

Здесь царил свет жизни, [80/81] неизмеримый и непреодолимый?³ —

Кто может, помогите разрешить эти загадки. Голова кружится — это путь жизни?⁴

12.Ж I.14⁵

Я видел образ — ужасный образ.⁶

Мрачный чертог — пол из влажных каменных плит — посередине высокий столб⁷ — с которого свисают верёвки и топоры. У основания столба⁸ змеится клубок из человеческих тел — посередине распростёртая фигура прекрасной девушки с чудесными красно-золотыми волосами — она обнажена — мужчина с безбородым лицом, одетый в тесные фиолетовые одежды, лежит наполовину под ней.⁹ Его голова откинута назад — я вижу тонкую струйку крови, сбегаящую по лбу — два одинако-

¹ Рошер отмечает: «Как Бог, Издубар связан с Богом-Солнцем» (Roscher, *Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie*, vol. 2, p. 774). Инкубация и перерождение Издубара следуют классическому шаблону солярных мифов. В *Das Zeitalter des Sonnengottes* Лео Фробениус указывал на широко распространённый мотив женщины, зачинающей через Непорочное Зачатие и рождающей бога солнца, который развивается невероятно быстро. В некоторых формах он находится в яйце. Фробениус связывал это с заходом и восхождением солнца в море (Berlin: G. Reimer, 1904, pp. 223–63). Юнг неоднократно цитировал эту работу в *Трансформациях и символах либидо*. Он познакомился с Фробениусом в Школе Мудрости графа Кайзерлинга в 1920-е годы (MP, p. 18).

² Предыдущая часть предложения не появляется в LN.

³ Вопросительный знак и остаток абзаца не появляются в LN.

⁴ Комментарий Юнга к этой записи см. в LN, pp. 308–14. В *Психологических типах* он писал: «Обновлённый Бог означает обновлённую установку, то есть обновлённую возможность для интенсивной жизни, восстановление жизни, потому что психологически Бог всегда означает величайшую ценность, то есть величайшую сумму либидо, величайшую интенсивность жизнь, оптимум психологической активности» (CW 6, par. 301).

⁵ Понедельник. *Liber Secundus*, глава 12, «Ад» (LN, pp. 315ff).

⁶ В LN это предложение заменено на: «На вторую ночь после сотворения моего Бога, видение сообщило мне, что я достиг подземного мира» (p. 315).

⁷ В LN заменено на «столп» (ibid.)

⁸ В LN тоже заменено на «столп» (ibid.)

⁹ В LN мужчина описывается как просто имеющий «дьявольский вид» (ibid.)

во одетых мужчины¹ бросились к ногам [81/82] и телу девушки. На их безбородых лицах нечеловеческое выражение — сущность зла² — у них твёрдые мускулы, а тела блестят, как у змей. Девушка держит руку на глазу одного из мужчин под ней, самого мощного из троих — в её руку прочно схватила маленький серебряный браслет,³ который она как-то направила в один правый глаз этого дьявола.

Клубок лежит без движения, и я понимаю — они хотели мучить девушку,⁴ но она защитилась и успешно пронзила глаз злого маленьким крючком — если он двинется, она вырвет его [82/83] глаз последним рывком.

Ужас парализует меня. Что произойдёт?

Внутренний голос говорит: «Злой не может принести жертву, он не может пожертвовать глазом. Победа с тем, кто может жертвовать».⁵

Зло? Я слишком мало думал о зле. Зло тоже существует. Зло, кошмарное зло, не следует забывать. Никакой научной уловкой его не прикрыть. Даже само слово «зло» — общее место, но не вещь *per se*.⁶

⁷ Вот внутреннее колебание — чего я не хочу видеть? Ко мне подбирается тошнотворное чувство — омерзительные, предательские змеи медленно и проворно пробираются через подлесок; они свисают [83/84] лениво и отвратительно-сонно с ветвей, завившись в жуткие узлы — ужасно прикоснуться к блестящим спинам этих дьявольских животных — я с неохотой вхожу в эту безотрадную и невзрачную долину, где кусты заполняют сухие каменистые теснины — долина выглядит такой обычной — в её воздухе царит преступление, грязь, трусливые дела — меня охватывает отвращение и ужас — я с неохотой иду по валунам — избегая всякого тёмного места из страха перед змеями. Солнце слабо сияет на сером небе, и все листья сморщились, словно осенью.

Марионетка с разломанной головой лежит передо мной среди камней — через несколько шагов небольшой [84/85] детский передник — а затем, за кустами — тело полуобнажённой девочки — оно покрыто ужасными колотыми и резаными ранами — залито кровью — одна нога в носке и туфле, другая босая и кроваво раздавлена — голова — где голова? — голова превратилась в месиво из крови с волосами и белесыми кусочками кости — окружена камнями, измазанными мозгами и кровью.

¹ В *LN* заменено на «даймоны» (*ibid.*)

² В *LN* заменено на «живое зло» (*ibid.*)

³ В *LN* заменено на «удочку» (*ibid.*)

⁴ В *LN* добавлено: «до смерти» (*ibid.*)

⁵ Комментарий Юнга к этой записи см. в *LN*, pp. 315–19. В каллиграфическом томе он добавил следующую запись на полях к этому отрывку: «cataphatha brahmanam 2.2.4». Шатапатха-брахмана 2.2.4 (Max Muller, *Sacred Books of the East*, vol. 12) предоставляет космологическое обоснование Агнихотры. Она начинается с описания того, как Праджapati, желая возродиться, создаёт из своего рта Агни. Праджapati предлагает себя Агни и спасает его от Смерти, которая его вот-вот пожрёт. Агнихотра (букв. «огненное исцеление») — это ведический ритуал, совершающийся на восходе и закате. Проводящие ритуал очищаются, зажигают священный огонь и читают стихи и молитвы Агни.

⁶ Предыдущий абзац не появляется в *LN*.

⁷ Liber Secundus, глава 13, «Жертвенное убийство» (*LN*, pp. 320ff).

Леденящий страх не даёт отвести глаз от этой ужасной картины.

Закутанная фигура, похожая на женщину, стоит здесь спокойно, с её лицо покрыто непроницаемой завесой. Я глазею на неё. [85/86]

Она тихо спрашивает меня:

«Что ты теперь скажешь?»

Я: Что мне сказать? Это невыразимо.

Она: «Ты понимаешь это?»

Я: Я отказываюсь понимать такие вещи. Я не могу говорить о них, не приходя в ярость.

О: Зачем приходить в ярость? Ты вполне мог бы злиться каждый день жизни, ведь эти и подобные вещи происходят на земле почти каждый день.

Я: Но большую часть времени мы их не видим.

О: То есть знать, что они происходят, недостаточно, чтобы привести тебя в ярость?

Я: Если я просто знаю о чём-то, это легче и проще. Ужас не осознать [86/87] через чистое знание.

О: Подойди ближе и увидишь, что тело ребёнка вскрыто: вынь печень.

Я: Я не прикоснусь к этому труп. Если бы кто-то увидел это, то решил бы, что я убийца.

О: Ты труслив; вынь печень.

Я: Зачем мне это делать? Это абсурд.

О: Я хочу, чтобы ты вынул печень. Ты должен сделать это.

(Её голос становится угрожающим.)¹

Я: Кто ты, чтобы давать мне такой приказ?

О: Я — душа этого ребёнка. Ты должен сделать это ради меня.

Я: Я ничего не понимаю. Но я [87/88] поверю тебе и совершу это ужасное и абсурдное деяние.

Я касаюсь полости тела ребёнка — оно ещё тёплое — печень ещё крепко держится. Я достаю карманный ножик и отрезаю связки, трясаясь от страха. Я держу печень в окровавленных руках перед фигурой.

О: Благодарю тебя.

Я: Что мне делать?

О: Ты знаешь древнее значение печени, и ты должен совершить с ней целительный акт.²

Я: Что следует сделать?

О: Возьми кусочек печени вместо целой и съешь его.

¹ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

² В *Memories*, комментируя ливерпульский сон (см. Книга 7), Юнг отмечал: «Согласно древним взглядам, печень — это место жизни» (р. 224).

Я: Чего ты требуешь? Это совершенное безумие. Это осквернение и каннибализм! Ты делаешь меня виновным [88/89] в этом омерзительнейшем преступлении.

О: Ты выдумал самое ужасное мучение для убийцы, которое могло бы искупить его мучение деяние. Есть только одно искупление: смири себя и ешь.

Я: Я не могу. Я отказываюсь. Я не могу разделить эту ужасную вину.

О: Ты разделяешь эту вину.

Я: Я — разделяю эту вину?

О: Ты человек, и человек же совершил это.

Я: Да, я человек — я проклиная того, кто это сделал, за то, что он человек, и проклиная себя за то, что я человек.

О: Так прими участие в этом деянии, смири себя и ешь. Мне нужно искупление.

Я: Да будет это ради тебя, так как [89/90] ты душа этого несчастного дитя.

Я встаю на колени среди камней, отрезаю кусочек печени и кладу в рот: моя глотка сжимается, слёзы брызжут из глаз — холодный пот капает со лба — притуплённый сладковатый вкус крови во рту — я глотаю с отчаянным усилием, — это невозможно — снова и — снова — я почти теряю сознание — сделано. Ужас свершился.¹

О: Спасибо тебе.

Она отбрасывает вуаль. — Это прекрасная девушка с мягкими светлыми волосами.

Ты узнаёшь меня?

Я: Как ты странно знакома! [90/91]

Кто ты?

О: Я твоя душа.²

Занавес падает. Что за чудовищную пьесу здесь играли?

Я осознаю:

*Nil humanum a me alienum esse puto.*³

14.I.14⁴

— Ты само спокойствие — Кто ты?

¹ В 1940—1941 гг. Юнг обсуждал ритуальную антропофагию, жертвоприношение и жертвование собой в «Transformation Symbolism in the Mass», CW 11.

² Комментарий Юнга ко второй части этой записи см. в *LN*, pp. 322—27. Остаток этой записи не появляется в *LN*.

³ Фраза римского драматурга Теренция из *Самоистязателя*, 1, 77: «homo sum, humani nil a me alienum puto» (я человек, и ничто человеческого мне не чуждо). 2 сентября 1960 г. Юнг писал Герберту Риду: «Как врач-психолог, я не просто полагаю, но глубоко убеждён, что *nil humanum a me alienum esse* — это даже мой долг» (*Letters* 2, p. 589).

⁴ Среда, *Liber Secundus*, глава 14, «Божественная глупость» (*LN*, pp. 328ff).

Имена и слова теперь оставляют меня безразличным. Пожалуй, не должно быть ни слов, ни имён.¹

Я стою в высоком зале. Перед собой я вижу зелёный занавес между 2 колонн — занавес тихо раздвигается — я смотрю в не очень глубокую [91/92] комнату — каменная плитка — на голой стене небольшое сводчатое окно с синеватым стеклом. Я встаю на лестницу, ведущую через занавес в эту комнату и вхожу. На задней стене комнаты я вижу двери справа и слева.

Словно я стою на перекрёстке.² Мне выбрать право или лево?

Я выбираю право. Дверь открыта. Я вхожу, это большая библиотека прозаически-современного вида — кафедра — зелёные лампы — очевидно, библиотека технически оснащена очень хорошо.³ На заднем фоне справа сидит небольшой худой мужчина [92/93] слабого сложения, около 40 лет,⁴ очевидно, библиотекарь — Атмосфера напряжённая — учёные амбиции — учёная заносчивость — задетое учёное тщеславие — учёные тревоги зловердного критика, удачливый соперник и ошибка.⁵

Кроме библиотекаря я никого не вижу. Я иду к нему. Он поднимает глаза от книги и спрашивает:

«Чего вы хотите?»

Я думаю, что Фому Кемпийского.⁶

¹ Предыдущие два абзаца не появляются в *LN*.

² Предыдущая строка не появляется в *LN*.

³ Предыдущая строка в *LN* была заменена: «Я в читальном зале большой библиотеки» (р. 328).

⁴ В *LN* его возраст не указан.

⁵ Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

⁶ Предыдущая строка была заменена в *LN* на: «Я несколько смущён, поскольку не знаю, чего на самом деле хочу: мне на ум приходит Фома Кемпийский» (р. 328).

Я: «Я бы хотел Фому Кемпийского, *Подражание Христу*».¹

Он смотрит на меня в некотором изумлении, словно не мог бы заподозрить во мне такие интересы; он даёт мне карточку для заполнения.

¹ О *подражании Христу* — это религиозное наставление, появившееся в начале XV столетия и ставшее крайне популярным. Его авторство до сих пор оспаривается, хотя обычно приписывается Фоме Кемпийскому (ок. 1380–1471), который принадлежал к ордену Братства Общей Жизни. Эта религиозная община в Нидерландах была частью *devotio moderna*, движения, выделяющего медитацию и внутреннюю жизнь. Ясным и простым языком *Подражание Христу* предлагает читателям озаботиться духовностью, а не внешними вещами, даёт совет о том, как этого можно достигнуть, и демонстрирует утешение и окончательные выгоды жизни, прожитой во Христе. Название происходит из первой строки первой главы. В главе также сказано: «Всякий желающий вполне понять и вкусить слова Христа, должен постараться подчинить всю свою жизнь образцу жизни Христа» (*The Imitation of Christ*, tr. Betty Knott [London: Fount, 1996], Book 1, chapter 1, p. 33). Тема подражания Христу гораздо старше. В средние века было много обсуждений того, как следует понимать эту концепцию. Об истории этого понятия см. Giles Constable, «The Ideal of the Imitation of Christ», *Three Studies in Medieval Religious Social Thought* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995), pp. 143–248. Как показывает Констебль, можно выделить два обширных подхода, в зависимости от того, как понималось подражание: первый, подражание божественности Христа, подчёркивал учение об обожении, которым «Христос показал путь, как стать Богом через него» (p. 218). Второй: подражание человечности и телу Христа, выделяющее подражание Его жизни на земле. Самой крайней формой была традиция стигматиков, которые носили раны Христа на своём теле. В 1932 г. в «*Psychotherapy and the cure of souls*» Юнг писал: «Мы, протестанты, должны рано или поздно столкнуться с этим вопросом. Следует ли понимать *Imitatio Christi* в том смысле, что мы должны копировать его жизнь и, некоторым образом, подражать его стигматам, или, в более глубоком смысле, мы должны проживать свои жизни так истинно, как проживал он в своей индивидуальной уникальности? Подражать жизни Христа непросто, но невыразимо труднее проживать свою жизнь так, как Христос прожил свою» (CW 11, par. 522).

seiner Krone liegt ein Buch in gelbem Pergament und schön schwarzer Schrift — ein griechisches Buch — das neue Testament — kein Brief — selbst ein Buch des Buchstaben der Hölle.

„Ist es Dir, Vater? fragst du.“
„Du bist nicht. Aber wenn ich nicht Vater, ist ein Mensch der.“ Das ist der Regel?“

Ich komme ohne Regel. Ich bin von Ungleichheit an die Stelle der Welt gekommen und fand's ohne Spuren im Land, die mich zu Krone herum zu den Felsen.

„Du fandest die Spuren eines all-
mächtigen Gottes zur Zeit der Morgenstunde
eines Tages der Welt.“

(Ein Ton schlug und ich verstand
nicht. Kein Entsetzen über den Fremdling, keine
Morgens und keine Nacht.)

Versteht mich, wenn ich die Rede
unterbreche. Es ist eine seltene Gelegenheit
für mich, bei Dir zu sein. Ich habe mich

einen Buchstaben gesehen.

„Du kennst nicht, was ich in diesem
Thale erlebt habe. Die einen haben Hölle
an sich, andere haben in den Felsen, die ich
hier in den Berggipfel haben. Ich habe zu
stehen in Thale, weil es hier ein einziger und
stillster ist und ich mich endlich Ruhe verleihe
so nahe bei.“

„Ist Du schon lange hier?“

„Ich lebe hier mit viel mehr, je mehr
überwältigt, ich kann mich nicht mehr genau
entziffern, wie lange es ist. Es könnte auch sein,
je länger es ist. Die Zeit vergeht so rasch.“

„Die Zeit vergeht so rasch? Wie ist es
möglich? Dein Leben muss fürchterlich an-
fällig sein.“

Der Buchstabe blüht mit ruhigen
Erkenntnissen zu mir auf:

„Dein Leben ist so rasch, wie
zu rasch sogar. Du ahnst ein Fluch zu
sein?“

„Nein? Nein — nicht gerade. Ich

bin ein christlicher Glaube aufgewachsen.

„Nun, wie kommt es denn dazu,
dass du die Zeit lang weilt? Denn wenn
du es wissen, warum ein Buchstabe be-
schäftigt ist. Lang wird die Zeit von den
Menschen gehen.“

Versteht mich wieder — meine
Menge ist groß — warum beschäftigt
du dich denn?

„Ist es ein Kind? Für's erste
nicht du doch, das ist eine Les, und dann
habe ich eine regelmäßige Zeit in der Welt.“

„Aber ich habe gemacht, wenn
du dich hier beschaffst, so ist es. Dieses
Buch muss du doch schon öfter ganz gelesen
haben. Und wenn es, wie ich vermutete, ein
Evangelium ist, so kennst du es doch gewiss
schon auswendig.“

„Wie Kindlich sprichst du! Du
wusstest doch, dass man ein Buch nicht viele
mal gelesen haben kann — vielleicht kennst du
es fast auswendig, und trotzdem, wenn ich

wenn du die verschiedenen Teile wiederholt
gesehen Dinge neu erscheinen oder es werden
die sogar ganz neue Gedanken kommen, die du
unvermeidlich hast. Jeder Wort kann irgend
wirken in deinem Geiste. Und vollends, wenn
du das Buch für eine Woche einmal wegge-
hast hast und es immer wieder nimmst, so ist es
dein Geist unterworfen durch verschiedene Ver-
änderungen hindurchgegangen ist, dann
wird es mehr als ein neues Licht aufgeben.“

Das kann ich nicht begreifen. Es
steht doch immer ein und dasselbe im Buch,
gibt es ein sehr wunderbares und tiefes, sogar
göttliches Gefühl, aber doch nicht so reich, dass
er ungezählte Bücher füllen könnte.

„Du bist unsterblich. Wie liest du
dieses heilige Buch? Liebt du es tieflich
immer einen und dasselbe sein? Woher
kommst du? Du bist wahrhaftig ein Fluch.“

Ich bitte dich, wenn es mir recht
ist, wenn ich ein Fluch rede. Lass mich
mit dir reden. Ich bin hier, um von
Dir zu lernen. Betrachte mich als einen
dein Schüler, der schon bei dir in diesen Dingen

"Denn Frage ist nicht leicht zu beantworten.
Einen Pflichten- und Tugendzusammenhang ist
Lichtes. Der Altruismus da die eines klar
versuchen: eine Reihenfolge von Worten hat
nicht klar einen Sinn. Die Menschen stehen
klar dar, der Wortfolgen eines einzigen
Sinn zugeben. Daher finden wir, wie es sich
^{begegnet}
und ~~ist~~ ^{begegnet} auch gehört, werden tiefen Stufen
des göttlichen Schöpfungsplans. Auf dem höchsten
Stufen der Einheit mit der göttlichen Gestalten
haben erkannt, dass die Wortfolgen mehr
als einen gültigen Sinn haben. Allein dem
Altruisten ist es anheim gegeben, alle
Sinn der Wortfolgen zu kennen. Wir können
uns fortbewegen, einige weitere Bedingungen
zu erkennen."

„Ich bin nicht in Freude, Der
Aber was ich hören will, zu sagen. Aber ich
will vernommen, die wichtigsten der Elemente
klar zu machen. Dazu will ich Nimmst
um dieses Unwissenheit willen an einem andern
Ort beginnen: Du wirst nämlich wissen,
dass ich, bevor ich mit dem Christentum be-
kannt wurde, ein Poet und Philosoph in
der Stadt Alexandria war. Ich hatte einen
ziemlichen Tadel von Studenten, darunter von

aber Philo Markus - wenn Du diesen
kennst - war doch ein erstklassiger Philologe
und ein großer Denker und selbst Johannes
des Theologen hat wohl verwechselt, einige
Ideen des Philo in sein Evangelium hineinzunehmen

ΚΑΙ ὁ ΓΕΩΡΓΙΟΣ ἦν τὸ πρῶτον ἀνέστη
καὶ τὸ πρῶτον ἐν τῇ οὐκείᾳ φησὶ καὶ ὁ σκῆτος
κείδω ἐκ καὶ ἐλάλῃ. ΕΓΕΝΕΤΟ ἈΝΘΡΩΠΙΟΣ
ἈΠΕΣΤΑΛΜΕΝΟΣ ΠΑΡΑ ΘΕΟΥ ΟΥΝ ΔΥΟ ΟΥΝ ΔΥΟ
ΙΣΤΑΜΗΕ — — —

Da macht Du, so ich schon bemerkt
habe, eine ganz falsche Darstellung von

Scherwache, der Tag graut im Osten.
Eine Nacht, eine wunderliche Nacht in fernten
Entenflieg liegt hinter mir. An welcher Form
Räumen war ich? Wer trennte mich?
Von einem weissen Pferd? Könnte ich's er-
innern! Es ist mir, als hätte ich mich von einem

Hier am östlichen Himmel über der
aufgehenden Sonne. Dein Bild sprach
zu mir. Wonnigst es?

„Heil dem, der mich dankbar ist.
Der Tag ist über ihm.“

Ach, ich sehe, es sind 6 Punkte,
weiss mit goldenen Flügeln, die führen
den Sonnenwagen heran, denn Helios
mit tadelndem Haupt. Abstand der
unter in der Hölle, erschreckt und
entsetzt und tausend schwarze Lehrlinge
verbrochen nicht eilends abstraten in ihre
Lichter. Helios stieg demernd empor
in unendliche Höhe zu dem ersten Puncten
des Himmels. Ich kniete nieder und hielt
meine Hände bittend an die Höhe und
sagte laut: „Schenke mir dein Licht,
Feuerlichtiges, Unerschlingenes,
Gehreuzigtes und Aufsteigendes, dein
Licht, dein Licht!“

Ja, an dem Ruf erwachte ich.

Sehe nicht an Anaschmet gestern Abend: „
Vergiss dein Morgengruss nicht, wenn sich die Sonne
erhebt.“ Ich dachte wohl, es hies vielleicht
himmlisch die Sonne an.

Draußen erhebt sich ein frischer Mor-
genwind, gelber Sand wirbelt in kleinen Adern
an den dunklen Felsen herunter. Der Himmel
erleuchtet sich und erleuchtet die ersten Strahlen
hinausfließen zum Firmament. Eine feine
dunkle Fülle und Einsamkeit ringen. Dort liegt
eine grandiosen auf einem Stein und harret
der Sonne.

Ich sehe, wir gebannt und erinnernd
mühsam an all der Gedränge und Beschränkung
an das, was der Anaschmet sagt. Erst ein
merkwürdiges Wunder. Wie sagte es doch?
dass die Wortfolgen übereinstimmen, und dass
Johannes den Hagen zum Menschen hinauf-
geführt, zum Menschen hinauf erhöht
habe. Das klingt eigenartig nicht schriftlich.
Ist es wirklich ein Sonett? Nein, Anaschmet

am eunigst, dem das waren Dank. Sie
schönwunder Wortgötzen anbeten, wie es wohl
sagen würde.

Die Sonne — was erfüllt mich
mit so merkwürdigem innerem Tadel? —
Mein Morgengruss soll nicht vergessen
sein wie habe ich mein Morgengruss?

„Liebe Sonne, ich habe dein
Licht, dem ich weiss nicht, wie man
dich anrufen muss.“

Ist doch ich doch zur Sonne
gebet. Da Anaschmet erwiderte dem doch
wohl, ich sollte bis Tagesanbruch gebett
beten. Er weiss wohl nicht — wie haben
ja keine Gebete mehr. Wie soll man die
Gabe haben von unserer Nachtzeit und
Gegenwart? Als sind denn die Gebete hingeg-
kommen? Ich verstehe, hier fehlen sie mir.
Denn was wohl an der Nacht liegen. Hier
scheint es, ~~es~~ ^{sollte} man beten können. Ist
denn die Wüste besonders seltsam? Ist
denn jeder falls nicht seltsamer als ~~die~~ ^{die} ~~com~~

Cultenwästen, die wir Stadt nennen. Aber
warum beten wir dort nicht? Offenbar haben
wir weder dort noch hier eine Gottheit, zu der wir
beten könnten.

Ich muss zur Sonne schon? —
wie — wie wenn sie etwas damit zu thun
hätte. Ach uralte Träume von Menschlichkeit.
Es scheint, man kann ihnen nie entrinnen.

Was werde ich ihnen denn ganzem
Morgen? Es scheint mir unerschöpflich lang
werden zu wollen. Ich begreife wohl, wie der
Einnahme ihres Lebens auch nur ein sehr lang
ausgehalten hat.

Ich gehe an ausgegrabenen Fluss-
bettplanas auf und ab und setze mich
schonlich auf einen Felsblock. Darunter stehen
ein paar gelbe Farnen. Da knickt ein
kleiner dunkler Käse und schiebt eine
Kugel nach her — ein Farnbaum.

Die kleine kleine Thierchen. Ist
da nach immer auch Arbeit, denn ich

Mythos zu leben? Und wir erstheßen
 unsern umwundenen erachtet! Hört
 derweil die Bewegung, daß da einen
 alten Mythos empfängt, der stündlich wohl
 ab und an einer Phantasterei, wie wir Menschen
 es auch immer mehr aufgeben, mythologische
 spielen. Das Unwirkliche wird einem wech-
 selhaft zum Ekel - Es klingt zwar an
 niemand sehr merklich, was ich sagen
 und der gute Linné hat es gar nicht mit
 einem Tande. Was mich nicht deus
 eigentlich hier? Nein, ich will nicht
 an Voraussetzungen denken. Denn ich habe noch
 nicht einmal wirklich verstanden, was
 eigentlich hier ist. Er hat ein Recht ge-
 hört zu werden. Allerdings dachte ich
 gutten anders, ich war ein sehr schrecklicher
 das er mich belächeln wollte. Ich war
 nicht wirklich und gewaltig und stoll
 mich kritisch und skeptisch - ich bin also
 auf dem besten Weg, nichts zu lernen.
 Aber wenn wir gar nicht so übel - nein

er sind sogar gut. Ich weiß nicht, warum
 ich die Bewegung habe, den Mann herunterzuziehen
 Willst du nicht auch etwas über die Bewegung
 schreiben?

Lieber Kaiser, wo bist du hin, ich
 sehe dich nicht mehr! - Oh, daß
 früher hat das Leben mit dem mythologischen
 Kugel! Diese Thierchen bleiben doch ganz
 anders bei der Sache, wie wir - kein Thier
 kein Unfalsch, keine Täuschung. Kommt
 das wohl daher, daß wir ihnen Mythos leben?

Lieber Scarabeus, ^{schöner} ich danke dich
 gesegnet zu sein Arbeit - in Ewigkeit,
 Amen.

Was rede ich für Thier? Ich
 bin ja ein Thier an - liegt das denn an
 der Wirtin liegen, sie haben sich nicht an-
 derwärts zu finden.

Wie schön es hier ist! Die natürliche
 Farbe der Stein ist prachtvoll, wenn es
 scheint in Gluth von hundert Tausenden

gegangen kommen war - das Land konnte
 rollen in dazwischenliegenden Strassen, ich
 in die Schwämme und schlangelten sich
 Hängehaken um die erhabenen Formen.
 Antwort du Mensch, in jenen Tagen?
 Auf diesen warmen faulen Tagen, an-
 geschwungen in die Kinderzimmer Mutter, den
 Kinderschlaf vorüber lassen.

Oh Mutter Stein, ich liebe
 dich, du bringst warmen Körper ge-
 schenkt, liegt ich, den späten Kreis.
 Gesegnet seiest du, ~~meine~~ alte Mutter,
 Denn ich mein Herz und alle Herrlichkeit
 und Kraft. Amen. Amen.

Was rede ich? Das kann
 die Wirtin sein, doch wunderliche Dinge
 können mir sonst nie geschehen.

Was mich nicht mit Aller so beläst.
 Diese ist es wirklich empfinden. Die
 Thier - mit der Thier - sie sind ja alle
 natürlich und geboren doch nicht zu ge-

nehmen. Sie haben sich hier mit Bewegung
 zusammengefunden haben. Sie sind hier
 aufgeführt wie ein Heer, der das Thier hin-
 untergibt. Sie haben sich herausgerissen
 abgetrennt, davon gehen einzeln, die kleinen
 fähig die Rücken und sammeln sich zu einer
 ganzen Heer, die einen großen Voraus-
 marschieren. Hier sehen sie Thier in Thier
 geordnete Armeen und Statten gebildet.

Thier ist sehr wahr ist? Es ist
 hier. Da kann steht ja schon leicht - wie
 sollen die Thier? Wirklich dieser Morgen
 ist schon vorüber - und was für ein erstemaliger
 Morgen! Ist es so warm, oder ist es die
 merkwürdige kalte Flamme, oder ist es
 die Wirtin, von der wir die Kopf runter?

Ich gehe Thierfänger und bei
 einer Bewegung des Thier steht schon der
 Huth der Thierfänger. Es ist ein primäres
 Thier mit gefalteter Hand, in tiefes
 Finstern verloren.

Mein Vater, sage ich, hier ist

3. Letztes Kathodentreiben. Morgen zugebracht 17.4.

Ich wunderte mich gestern, als
du sagtest, Zeit mag ich dir versch. Ich
sage dir nicht mehr. Ich habe mit gelernt.
Aber nicht soviel, dass du mir nicht ein
noch grösseres Retzel bist als vorher-
iges. Du wirst es erleben, in der Werke, wenn
derbester Mann! Zu dir müssen die Fleine
ragen sprechen.

"Ich bin froh, dass du etwas
von Lehrs von Anschauungen verstanden hast
hast. Das wird unsere schwere Aufgabe erleichtern.
Ich will mich nicht in deine Gedanken
eindringen, aber ich fühle, dass du aus einer
freundlichen Welt kommst, die mit unserer Welt
in Kontakt ist."

Da spricht er Wahrheit. Ich bin
für ein Fremding, fränder als Sie einen
gesprochen hat. Selbst ein Mann von Parthenius
fernerst Kiste, durch die radikal ich - Herr
Baron Geduld, Minister, und kann nicht an
die Quelle. Mein Wein ist trinken. Ohgleich

aus Nanteau Karte ausgeht, strömt bei
 da ein wasserreicher Strom lebendigen Wassers
 'Kast Du dein Geth verrichtet?'

4. Hast Du dein Gebet verrichtet?

Meinst, vergiß, ich hatte gemacht. Aber
ich fand kein Gedet. Aber ich träumte, denn
ich war aufgebunden so wie betet.

„Bekümmere dich nicht dachalb.
Wenn du keine Warte findest, so hat doch
deine Last unszusprechliche Warte gefunden,
die aufgebenen Tag zu bequemen.“

11. Aber was waren die kühnsten Lehren zu
Hellas.

4 Lan bi Paran daingen. 4

Oben ich habe, ob nicht, nicht nur
ein Baum zur Baum, sondern in diesem
Selbstvergnügen auch zum Lebereis
und zur Erde gehört.

9. Wundersich über nichts, und auf
keinen Fall verantwortlich abzugeben. Lass
sich an D. Robert gehen. Wichtigkeit d. steten
Fragen über unser geistiges Gespäch?

Ich unterbreche Sie jetzt, da Dr. von
Philips nachher. Da erzählt uns weiterhin,
was Duante von vielfachen Feinden Wart-
folgen versteht.

„Um nicht die ganze Erzählung, wie
schon der schrecklichen Anschuldigung des
Wortgeheimnisses befeuert wurde. Es kam ein-
mal ein Freigedankener in unsern Vater zu mir,
der uns mit seiner Kindheit begeben war
und sprach zu mir:

Oh, Hermannus (cont. von Versus)
gibt es nicht?

gesteht es dir zu. Gewiss sagst ich, du nimmst, ich
bin geliebt und habe gewonnen. Ich bin glücklich.

Lebst du? sagte Paronof der Alte.

Ich leuchte: Du siehst ja, dass
Allergambrecht.

Darauf sei Alte: Ich habe, wie Du
früher wistest, den schenst herzuge aus der
Landschaft Louis Schürer, die Pflanzung gestrichelt
durch ein, und den ^{ersten} Teil zu affalten. Die Landschaft
gibt die Redensarten; eine Sache zu empfangen.

Die werthvollste und heiligste, wie unserm Jesu, auch
aller Göttern und Dämonen zu raffend ist, Die nicht
nicht in Niemandem.

Oben wir die Worte zuerst loshaben
oben wir sammeln in zwei der Liederbuch, und
ich habe den alten Recht, mit der Reichtümer.

Da sagt er: Lieber Herrmann, ich habe dir eine Karte geschrieben: Gatt ist in einem bösen Fleuch gewanzen und hat uns allen Erlösung gebracht.

Wenigstens du, süßlich, du wenigstens
wacht nicht, denn dein sterbliches Liebesverlangen
soll?!

Alles, wasge er darauf, also das man
 nicht in Tüschel, Ernt man den Jungfänger-
 boren.

Ich habe mit Interesse: 2. Abtheilung
abgelesen. Die Beschreibung hat die Kunde von
unseren Jungfern-Längeln, deren Bild das Feste
des Grundes Tempels in Kienan ist, nach
gehabt und hat also erzählt.

"Herrn von Palm-Graben, sagte der Alte
dann ernstlich zu dem Klerus, den Sohn des
Bischofs?"

„Nein, er war ein Mensch, sondern ein
gottähnlicher Mensch. Er wurde an einem
Kreuz aufgehängt.“

„Denn wer es wohl ist, der
unsern Altar verdrängt haben.“

„Er ist gestorben und am dritten Tag
auferstanden.“

„Nun, dann ist er doch Jesus.“

~~„Nun, dann ist er doch Jesus.“~~

„Nein, es heißt Jesus Christus.“

„Doch Du meinst doch, Du bist göttlich.“
„Gott, der die Menschen liebt, hat am Kreuz
verabschiedet.“

„Nein, er war ein Mensch und doch Gottes
Sohn.“

„Das ist ein Wunder, kein Alter, sagt
ich nicht und schreie nicht zu dir hinein.“
„Aber wir sind doch an einem Felsen stehen
und halten uns an Worte in der Luft.“

„Ein Mensch und doch Gottes Sohn.“ „Denn ich
war bei ihm und doch nicht bei ihm.“ „Denn ich
war bei ihm und doch nicht bei ihm.“ „Denn ich
war bei ihm und doch nicht bei ihm.“

„Aber ich bin nicht, der die Christen“

„Herrn vollendet. Ich bin ein jüdischer Mann
Haltung eines ägyptischen Mannes.“

„Wenn Du sagst, Du bist ein Mann, dann
sagst Du, Du bist ein Mann.“

„Jeder weiß, Du bist ein Mann, aber
auf dem Weg der Geschichte der Religionen
wird es nicht sein.“

„Mein Vater hat mich einmal auf dem
Markt eines Schwarzen Sklaven aus der
Hauptstadt der Welt gesehen.“

„Ich bin aus einem
Land, das ich nicht kenne.“

„Christus ist hier und er erzählt mir
etwas, das ich nicht kenne.“

„Ich bin ein einfacher Symbolist, der
sagt, was ich sehe.“

„Ich bin ein einfacher Symbolist, der
sagt, was ich sehe.“

„In der Vergangenheit kennen wir, sowohl wir
als Religionen, die Vergangenheit kennen. Es ist
ein weltliches Leben, zu leben, das die Religionen
kennen. Wir wissen, was wir wissen.“

„Und hast Du die kommenden Bedenken
herausgefunden?“

„Nein, es ist notwendig, aber ich hoffe,
es wird gelingen. Wir wissen, was wir wissen.“

„Glaubst Du nicht, daß, der uns verk
abgegeben könnte, wenn er nicht bei uns
wäre?“

„Der Gott, der nicht ist (Gott ist nicht
wirklich, wie wir wissen), aber
er ist bei uns.“

„Ich habe die Worte — versteht Du — diese
gelbe, sonnengelbe Worte. Ich nicht
in der Welt, der Welt, der Welt.“

„Ich habe die Worte — versteht Du — diese
gelbe, sonnengelbe Worte. Ich nicht
in der Welt, der Welt, der Welt.“

„Ich habe die Worte — versteht Du — diese
gelbe, sonnengelbe Worte. Ich nicht
in der Welt, der Welt, der Welt.“

„Ich bin ein Mann, ein jüdischer Mann,
und ich bin ein Mann, ein jüdischer Mann.“

„Ich bin ein Mann, ein jüdischer Mann,
und ich bin ein Mann, ein jüdischer Mann.“

„Ich bin ein Mann, ein jüdischer Mann,
und ich bin ein Mann, ein jüdischer Mann.“

„Ich bin ein Mann, ein jüdischer Mann,
und ich bin ein Mann, ein jüdischer Mann.“

„Ich bin ein Mann, ein jüdischer Mann,
und ich bin ein Mann, ein jüdischer Mann.“

„Ich bin ein Mann, ein jüdischer Mann,
und ich bin ein Mann, ein jüdischer Mann.“

„Ich bin ein Mann, ein jüdischer Mann,
und ich bin ein Mann, ein jüdischer Mann.“

„Ich bin ein Mann, ein jüdischer Mann,
und ich bin ein Mann, ein jüdischer Mann.“

„Ich bin ein Mann, ein jüdischer Mann,
und ich bin ein Mann, ein jüdischer Mann.“

„Ich bin ein Mann, ein jüdischer Mann,
und ich bin ein Mann, ein jüdischer Mann.“

hatten am Athem, weil der gro-
ßen Erwartung Steigung der wild
herabstürzenden und sich dort in das tief-
ste Vertrauen hat, folge ich meinem
Bruder, dem Bienen. Sein, können
sicherlich ich sein Flüssen und doch nicht
wie aus stetig der seligen und höchsten
Umweltung, um einzugehen in den
Schoss der Wogen, in die grenzen-
lose Ausdehnung und unendliche
Tiefe. Dort tauchen sie wieder lang-
gestreckte gelbe Hügel auf, schwarz-
grüne Buschwerk fleckt nur. Ein toller
weiter See dehnt sich an ihrem Fuße.
An ihnen entlang wandern wir hin
und die Hügel öffnen sich zu einem
räumlichen unfaßbar fernem Flu-
ß, so stürmend und Meer zu einer
Unendlichkeit verknüpfen sind.

Dort oben auf der letzten Deime steht
Einer - er trägt einen schwarzen fülligen
Mantel. Er steht bewegungslos und

schaut in die Ferne. Ich trage mich hin:
Er ist blaues und magen und ein letzter Brust
hegt in seinen Zügen. Ich wie ich an:

Lass mich erst heute bei dir stehen,
Dunkler. Ich kamte dich da weiter. Es
steht vor mir, wie du, so einsam und
auf der letzten Ecken der Erde.

Fremder, wohl magst du bei
uns stehen, wenn es dich nicht friert.
Da nicht, ich bin kalt und ein Herz
schlug mir wachend.

Ich weiß, du bist bei uns
Ende. Du bist der kalte Ruhe des Sterbens,
du bist der kälteste Lächeln der
Lebigen und der kälteste Frost der
Weltraums. Das muss ich fühlen und
denn will ich nicht bei dir stehen.

Was führt dich herzu mir? Du
lebender Stoff? Lebender wird hier nicht
best. wohl kommen sie alle hier in
dichten schwarzen schwarzen Traueren -
flut vorbeifluten, alle die dort

oben in der Hand des Lichtes Tages, der
Hochzeiten, um mich zu beleben.
Aber lebende kommen nie. Was nicht
dahin?

Mein alterner unerwarteter Pfad
führte mich hier herunter, als ich hoff-
nungslos den Pfad der Lebensströme folgte.
Und du fandest dich. Aber stehst du wohl
an diesem und anderen Orte?

Ja, hier geht's hinaus aus der
Unterwelt, wo kein da und dort
gleich, sondern alle miteinander Eins sind.
Siehst du dort, was jetzt herankommt?

Ich sehe stürzen wie eine dunkle
Wolke, die auf dem Strom langsam hin-
her schwimmt.

„Sich ganz hin, was herkommt
da?“

Stehen, um die Lichtgeirte
Heerscharen von Menschen, Frauen, Männern
und Frauen und ungezählte Kinder. Da

gerichtet wie ich Pflanz, Rinder und
kleinere Götter, eine Wolke von zu-
sammen geschwundenes Meer. - ein Wald
schwimmt heran - welche Blumen
ohne Zahl - ein ganzer tater Jovian.

Jetzt wird sie schwarz - wir starr
und kühl in alle Hles blicken. - ein Frost
bewegt sie nicht - kein Laut ertönt
aus ihrem nichtgeschlossenen Rücken - wir
halten sie starr bei den Händen und
Armen - sie rufen alle hinein und
achten unser nicht - sie flühen alle
vorbei in ungeheuren Strömen.

Dunkler, dein Gesicht ist schwarz
sch.

„Du wählst bei mir stehen. Fasse
dich.“ Aber jetzt sie hin!

Ich sehe, die kältesten Reichen
sind hinangelangt bei dir, wo die Bra-
utswagen sich rasch mit den Wägen des
Stromes mischt. Und es nicht aus, wie man

eine Luftwaage mit dem Meere braucht
dem Thome der Toten entgegen schlage.
hochwölben sie auf, ein schwarze Fegen
zerflatternd und in trübem Nebelwolk
nach aufsteigend. Woge nach Woge brau-
len und immer neue Schaaren
ergehen in trübe Luft.

Dunkler, sage mir, ist das
Licht?

„Kenne.“

Das dunkle Meer brodet
schwer — ein röthliches Aeußere breitet
sich darin aus — es ist wie Blut —
ein Meer von Blut schäumt uns zu
Füssen — In Tief des Meeres erglüh-
t wie altseum wird uns zu Muthen Länge
ist mit den Füssen in der Luft? — Ist
es das Meer oder ist es der Himmel?
Ein Ball von Blut und Feuer
unzähllich zusammen — so das Licht

bricht auseinander quackenden Hüllen
eine neue Sonne strahlt mit feurig
das blutenden Meere und rollt auf
gleichem der tiefsten Tiefe zu — sie ver-
schwindet unter neuen Füssen.

Ich kenne nur mich, ich bin allein.
Es ist kalt geworden. Wo sagst du Harmonie?
Du machst ist die Zeit der Unvergessen.

5 I 1914.

Wie klingen der Lieder. Lieder
haben wir genug — wir haben — aber zu wenig
Licht.

Der Dunkelheit menschliche Hand ist,
wenn er in der neuen Welt, der Dämonenwelt,
anlangt! Über uns hinaus ist grenzenloses Dunkel.
Wo ist eine Menschenhand? Wohl tiefen
in uns selbst.

Stunde warte Wiese mit trockenem Gras
einem Teppich von Blumen — sanfte
Kugeln — in der Ferne Gehölz. Vor be-
gegnen zwei verschiedene Gestalten — wohl
nicht zufällige Weggefährten; ein alter
Mönch und ein lang aufgeschwemmter
magischer Mensch mit auffallend kindlichen
Zügen und einer merkwürdig unvorstellbar
rothen Kleidung. So schienen sich eifrig zu
unterhalten. Mir nie mehr kommen, er-
kenne ich in hängen den rothen Ruten —
er hat auch verändert. — er ist gealtert, sein
rothes Haar ist grau geworden, sein feurig
rothes Gesicht verschlossen, schief — er wirkt
einen ärztlichen Ausdruck. Aber der An-
blick? Er hat einen begehrenlichen Bauch
und scheint keine schlimmen Tage erlebt
zu haben. Dem Gesicht kann man aber
abnehmen vor. Es ist der Buchhalter?
Was sind das für Veränderungen! Und
so kommen die getrennten Leute her?

Ich trat auf sie zu und begann sie. Beide
abermals erstreckten sie und schlugen das
Kreuz. Ich schenke betroffen an mir bemerkt.
Ich hing ganz in grüne Blätter geknüllt,
die aus meinem Gewande oder Körper hervor-
zuspringen schienen. Dem Beginn ich
zu lachenden zweiten Mal. Der Mönch
sagte: „Speziell Letztes“ — Der Rothe:
verfluchtes hiesiges Waldgesindel —

Ja. — Charaktere lieben Freunde, was
fällt euch ein? Ich bin ja Verhörer —
kaiserliche Freunde, der Dada Mönch, in
der khyberischen Wüste herumtrotzt und sich
bei der Thurmruine, das Du, Rothe, ein-
sack herumgemacht hast.

M. — Ich erkenne dich, obersten der Felsen.
Mit dir hat mein Niedergang aufgefangen.
Du Rothe erkennst ihn voraussvoll an und
gibst ihm einen Rippenstoß. Der Mönch
hältatives betreten mich. Ich ist noch der
Roth hochmuthig zu mir:

„Hauswels wachetst du ein trotz dein
huchlerischen Draufhaftigkeit eines Luthers
leben Einbruch vom Versinnungsantrieb.
Dein verarmte christliche Form — jetzt geht
der da Mauch einen kräftigen Rippenstoß,
und du Rathe schweigst verlegen.“

So stehst Brude vor mir, verlegen und
kammich, doch auch bedauerwerth.

Ich: „Mann Gottes, wachend des Tages?
Welches unerhörte klückhal führt dich tiefer
her und in erst noch in die Gesellschaft des
Rathes?“

Mr. Ich habe erwählt mit dir zu
sprechen. Aber es scheint eine Fügung Gottes
zu sein, von man sich nicht entziehen kann.
So wird denn, dass du, böse Lust, du wir
ein abreckliches Werk gethan hast. Du
verführst mich mit deiner verführten Heu-
gen, beglückseligt meine Hand nach
den göttlichen hebräischnen auszustrecken,
denn du machst mich damals bewert, den
ich eigentlich nichts nicht wußte. Seine

Bewertung, ich bedürfte wohl der Hilfe der
Menschen, um jenen hebräischen Geheimnissen
zu gelangen. Ich habe mich nicht als hebräisches
Helf. Ich muß bald herüber zu den
Brüdern im Thale zusammen und verkündigen
ihnen, ein Bot Gottes vor uns erschienen —
so heillos hat mich verblendet — und
habe mich befohlen, mit den Brüdern ein
Kloster zu gründen. Als Bruder Philatus
Einsprechend, widerlegte ich ihm euer
Hinterlegung auf jene Hebräer Schrift, wo
es heißt, es sei nicht gut, den der Mensch
allein sei. So gründeten wir das Kloster —
nahe am Thal, wo wir die Thäler konnten vor-
beifahren sehen. Wir bebauten gute Felder
und es gab viel zu thun, denn die hebräischen
Studien waren in Vornehmheit gerathen.
Wir wurden tüchtig und unser Tages beif
nicht ungeheuer lebhaft. Alexandria wieder-
gesehen. Ich wollte den Bischof mit be-
suchen. Aber zuerst das hebräische
Schiffe, und dann die Wassengewalt

von Alexandria heraustraten mich dort,
denn ich mußte ganz verlor. Hier im Traum
hastig ich eines der grossen Schiffe, die nach
Italia fahren, mich beifil unerschütterlich
Gut, da warte Welt zu sehen, ich trank
Frei, erlebte in Genüssen und ver-
schmeckte völlig. Als ich in Neapel an kam
thig, da stand der Rathe da und ich
sah, dass ich in die Hände der Tränen ge-
fallen war.

„Schweige, alter Varr“, fällt ihm
der Rathe ins Wort. Wenn ich nicht ge-
wesen wäre, so wärest du ganzlich zum
Schwein geworden. Als Du mich siehst, hast
du dich auch zusammengekauert und
das Laufen und die Arbeit vorwunderlich
hast wieder ins Kloster gegangen.

Nun habe meine Geschichte, verfluchten
hebräischen Weltbrat. Albin die ins Varr
gegangen, seine Heidenknechte haben mich
verleitet. Nach dem darauffolgenden Gespräch,
so der mich mit seiner Bemerkung über das

Taugen im Fischereifangern, geistlich
es war, den ich erwachte, wurde, so erwachte
denn ich ins Kloster ging, betete, fastete und
mich bekümmerte. So meine Verblendung wollte
ich den Kirchensinn reformieren und ich fühlte
das Taugen mit der höchsten Approbation des
Pöbels ein. Thier Art geworden und hatte
allen der Ruhm vor dem Alter zu taugen wie
David vor der Bundeslade. Nach und nach
fügteheraus die Brüder an zu taugen,
ja die Gemeinde sogar und schließlich
taugte die ganze Stadt. Erwarf sich
nicht. Ich habe in die Einsamkeit und taugte
den ganzen Tag bis zur Erschöpfung, ich
mußte mich selber zu entflehen und wartete
des Nachts, den Tag hielt ich mich verberg,
und taugte allein in den Wäldern und in den
Gebirgen. So wundert sich schallwäldig durch
ganz Italien, bis ich nach dem Süden
gelangte. Dort fiel ich nicht mehr so auf
wie im Norden und kam mich unter's Volk
mischen. In Neapel so freundlich wird

kleinen uns liegen die Gefilde der Jugend,
der satten hohen Wälder, der samstlichen
Hügel und der frühlinggrünen Wälder.

Ein winter Felsengebirge ver-
sperrt meinen Weg. Eine hohe Thal-
schneise nur gewährt mir Einlass.
Der Weg schneidet zwischen steilen Felswänden.
Meine Füße sind unsicher und verwunden
sich an den rauen Felsen.

Aber wird der Pfad glatt, so
eine Seite des Weges ist ein tiefer schwarzer
Schlamm. Ich betrete die schwarze Seite
und prelle entsetzt zurück — es ist keine
Eise. Ich trete auf das Weiße — es ist
Eis. Ich kann nicht weiter. Ich laufe
so schnell wie möglich, bald auf dem
harten Eis, bald auf dem kalten Eis,
und endlich wendet sich der Thal zu
einem mächtigen Felsenkessel.

Ein schmalen Weg führt an einem steilen
Felsen in die Höhe nach einem
Passe. Wie ich mich dem Passe nähere
tönt oder dröhnt mir etwas von der
anderen Seite des Berges wie ein
Rauschen und schneit mächtig an.
Es dröhnt von ferne wie hundert
Kleinbockstöße und der Schall wirkt
auf den Berg vielfach und gewaltig.
Wie ich den Pass erreiche, sehe ich auf
der anderen Seite einen riesigen Menschen-
schatten. Der riesige mächtige
Haupt ragen zum Himmel, ein kleiner
schwarzer Körper bedeckt seinen Oberkörper.
Sein Bart ist schwarz gekräuselt und gewellt.
Seine wackelnden Beine sind schwarz
gefärbt. In der Hand
trägt der Riese eine mit Eisen eingele-
gte schwarze eisernen Stange.

Ein schneit vor meinem Schauen

einigen Augenblicke und dort traf ich
auch den verlauchten Mann Gottes. Seine
Ankunft stärkt mich. An ihm konnte ich
gerne sein. Du hörst, dass er auch an mir
mitzueilen und wieder auf den rechten Weg
bringen konnte.

Ich muss gestehen, so schnell
habe ich dem Riesen nicht gefolgt. Es
ist ein Art abgemessenen Tausch.

R. Auch ich muss gestehen, dass mein
Moral von wenig praktischer Art ist. Oben
ist mit meinen Erlebnissen im Kloster ein
tiefes Wissen über die ganze christliche
Religion bekommen haben.

Ich liebe Freunde, es freut mich
euch so vergnügt bis zusammen
zu sein.

Mich: Wir sind nicht vergnügt, Fröhlich
und lustig! Lieben Weg frei, Rauschen!

Ich: Aber warum fahrt ihr denn zu-
sammen über Land, wenn ihr nicht Freunde

mit?

Mich: Wenn ich an den, dann sag ich
M. Was ist es zu them? Nicht der Tempel
ist wichtig, sonst fließt man den heiligen
Reinigen Respekt ein.

R. Es ist halt so, dass ich, dass ich
mit dem Clerus praktisch, sonst vor-
herabnehmen Kunde.

Ich: Also hat es sich nach dem Leben
zusammengedrückt! Sagt es doch Fröhlich
und vergnügt euch zusammen.

Mich: Das können wir nicht.

Ich: Oh, ich sehe es leicht am System.

Wer will es nicht annehmen? Jetzt
geht uns der Weg frei, alt besonnen!

8. I. 14.

Der Weg des Lebens führt weiter hinaus
nicht ich die letzte hinaus, die leicht waren.
Der Weg ist einsam und voll heimlicher
Qual.

gezügelt habe, stalt der Gewaltige
varum und viderum sein Gesicht — es
ist bleich und gelblich, tief Furchen
durchzogen es, Wüstentum blicken
seine grossen mandelförmigen schwarzen
Augen auf mich.

Macht fahrt ein Grauen — des
ist Zerber — der Gewaltige — der
Hücrumh. Erstellt und abenteuer
wir. Sein Lächeln spricht von — ver-
gehende unserer Angst — seine Hände,
seine Knie zittern.

Zerber der Gewaltige zittert?
Er bröckelt nich?

Schreife ihn an: „Oh Zerber,
Gewaltigster, rhom mein Leben und
vergebt, dass ich Warm mich auf Dainen
weg gelobt habe.“

Z. Mich verbannt nicht nach dem
Leben, Freundling. Wahr kamst du?

2. „Ich komme von Westen“.

Z. Kamst Du von Westen? Weisst
Du von Westlande? Ist ein Herrscher
dort zum Westlande?

1. Ich komme aus einem westlichen Lande,
dessen Grenzen begreife nicht
Meer berührt.

Z. Licht in diesem Meer da Sonne?
Oder berührt sie in ihrem Niedergang
des fests Land?

1. Die Sonne nicht weit hinter dem Meer.

Z. Hinter dem Meer? Was ist dort?

1. Dort ist nichts, leerer Raum. Die
Erde ist ja rund und dreht sich über-
dies um die Sonne herum.

Z. Verflachten, von welchem Kontinent
dieser Wissenschaft? So gibt es

niemand, jenes unsterbliche Land, wo
die Sonne einigt zur Wiedergeburt?
Sprachst du Wahrheit?

Seine Augen flackern vor Wuth
und Angst. Er tritt einen gewaltigen
dröhnenden Schritt nach. Scherzgetriebe.

1. Oh Zerber, Mächtigster, vergelt
meinen Varnitz. Aber ich spreche nicht
Lüge die Wahrheit. Ich komme aus
einem Lande, wo dies unsere Wissenschaft
ist, und wo die Leute wissen, da mit
ihren Schiffen rund um die Erde herum-
fahren. Unsere Gelehrten sind durch
Messung genau, um wie die Sonne von
jedem Punkte der Erdoberfläche aufsteht
ist. Sie ist ein Himmels Körper, der un-
vergesslich draussen im ausendlichen
Weltraum liegt.

Z. Unendlich-macht du? Ist der
Weltraum unendlich? Und wo kommen

wir zur Sonne gelangen?

1. Mächtigster, unter dem sterblichen
Art bist, kamst Du wie zur Sonne gelangen.
Schau, ich laufte erstreckende
Augen.

Z. Ich bin sterblich — und ich soll
wie zur Sonne, zur Unsterblichkeit gelangen
können?!

Er zerschmettert seine Art mit
schüttelndem wuchtigen Schlag
am Felsen.

Z. Fahr hin, elende Waffe, du
kannst nicht. Was solltest du tun
gegen die Unendlichkeit, gegen das ewig
Leere und Unausfüllbare? Du hast
Niemand mehr zu bezwingen. Zerschmettern
dich selbst —

— Was lehnt es? —

Im Westen nicht die Sonne blutig

roth in ^{den} schwarzen erglühenden
Wolken.

Hd. Du führst Du hin, Sonne,
dreimalverfluchter Gott und lüthst
dein seine Unendlichkeit?

Er rafft die zerstreuten Stücke
seines Axt vom Boden auf und wirft
sie nach der Sonne.

„Hier hast du dein Opfer,
dein letztes Opfer, gering wiegen der
Drache.“

Hd. Bruch zusammen und
winkt wie ein Kind.

schreie unkontrolliert und wage
nicht kaum zu stehen.

Hd. stöhnend: Elender werden,
was sagst du, was ist's?

1. Oh Hydros, Gewaltiger,
du bist die Wissenschaft, was du bist
nennst. In unserer Hände werden wir

stark von Jugend auf gelehrt und so
wagten Grund dafür sein, dass wir nicht
recht gelehrt und so zerlegt klein
bluten. Wenn ich dich sehe, so so kommt
es mir allerdings vor, als abur alle ver-
giftet sein.

Hd. Kein Starker fällt nicht, je, kein
ungeheuer widerstand meiner Kraft. Aber
dein Gift, waren, der auf du aufwachen
wege lagst, hat mich in Marke ge-
lähmt. Dein Gift, jauchert ist mächtiger
als der Herr Tiamats.

Er liegt uns gelähmt lang ausge-
streckt am Boden.

Hd. Die Götter helfen, hier liegt
euer Sohn, gefällt uns Fesseln
der unvollkommenen Fesseln. Oh Götter
ich dich gestrichen, abur dich sehr
und deine Worte mir gehört?

1. Oh Hydros, Götter, Besitzt-
tumsverwalter! Hatte ich gewusst, dass
meine Wissenschaft dich fallen könnte,
schickte meine Mund und schlange dich.
Aber schwollte dir so stark und gegen-

Hd. Du nennst Gift Wahrheit?
1. Gift Wahrheit? Lager nicht umsonst
Korridor und Priester auch in Wahrheit?
Und doch wirkt in mich ein Gift.

1. Oh Hydros, du machst nicht an
und hier auf der Erde wird es nicht kalt.
Soll ich nicht Hilfe für dich haben für die
den Menschen in die Erde?

Hd. Lass es sein. Ich mir lieber
Antwort.

1. Aber wir können bei dir nicht phre-
nosophieren. Dein beklagenswerter Zu-
stand erheischt Hilfe.

Hd. Ich sage dir, lass es sein. Wenn
ich diese Macht anerkennen will, so soll es

sein. Ich gib Antwort.

1. Ich fürchte meine Worte sind schwach,
wenn sie helfen sollen. Als gestärkte Kraft
schickt ein großer Geist.

Hd. Abnehmen können wir nicht bewirken.
Das Unheil ist schon geschehen. Aber
sag, was du willst. Vielleicht hast du
ein weises Wort, welches der Gift löst.

1. Meine Worte, oh Hydros, sind arm
und haben keine magische Gewalt.

Hd. Gleichwohl, sprich!

1. Ich weiß nicht, dass eine Priester die
Wahrheit sagen. Es ist gewiss eine Wahrheit,
und lautet in anders als unsere Wahrheit.

Hd. Gibt es denn zwei Wahrheiten?

1. Mir scheint, so ja. Unsere Wahrheit
ist die, die aus aus der Kenntnis der irdischen
Dinge besteht. Die Wahrheit eines Priesters
ist die, die ihnen aus den irdischen Dingen der
unendlichen Geist besteht.

Zp. mit halbaufrechter: Das war ein gutes und hübsches Wort.

2. Ich bin glücklich, das mein schwaches Wort Sie Erleichterung gebracht hat. Ich wünscht ich noch viele mehr wüßte, die Sie helfen könnten!

Docher wird kalt und dunkel. Ich will Feuer machen, um Dich und mich zu wärmen.

Zp. Thue das. Deine Handlung bringt vielleicht Hilfe.

2. Ich mache Holz zusammen und entzündet ein großes Feuer.

Zp. Das heilige Feuer wärmt mich. Doch regner es, wie wachst Du so rasch und so geheimnisvoll Feuer?

1. Was? Welche Wägen einfach Ländhöfer. Liebt Du, es sind kleine Höhlen, mit einem chemischen Stoffe an der Spitze. Man zieht sie an des Schachtel und man hat Feuer.

Ich mache die Proben ein paar Mal vor. Zp. Das ist interessant. Wo hast Du das Kunst gelernt?

1. In unserm Lande hat Völkern eine Zündhöfer. Das ist schon sehr gering. Wir können auch fliegen mit Hilfe von unsrigen Maschinen.

Zp. Wer könnte fliegen wie die Vögel? Wenn nicht dem Worte so mächtigen Zauber enthalten, so würde ich sagen, du liegst.

1. Ich liege gewiss nicht. Liebt Du, wie ich, die Vögel, welche ganz genau die Stunden des Tages und der Nacht fliegt.

Zp. Das ist wunderbar. Ich sehe, Du kommst aus einem seltsamen und herrlichen Lande. Gewiss kommst Du aus einem sehr reichen Weltland? Bist Du unsterblich?

1. Ich - unsterblich? Nein, wir sind ganz

gewöhnlich sterbliche Menschen.

Zp. entsetzt: Was, Ihr seid nicht einmal unsterblich und versteht solche Künste?

1. Lieber ist unsern Wissenschaft nach nicht geglaubt, ein Mittel gegen das Sterben zu finden.

Zp. Worin besteht denn solche Kunst gelehrt?

1. Im Laufe der Jahrhunderte haben die Menschen viele Erfindungen gemacht durch eine genaue Beobachtung und Wissenschaft der irdischen Dinge.

Zp. Aber diese Wissenschaft ist doch der hüllose Zauber, der nicht gelehrt hat. Wie ist es möglich, das ihr irdisches Leben nie, wenn ihr Feind von dem Gift getrennt?

1. Man hat sich mit der Zeit beruhigt gewöhnt, wie viel der Menschen Alles gewöhnt. Aber etwas gelehrt sind wir schon. Immerhin

gewöhnt. Die Wissenschaft auf der irdischen Erde wird gewöhnlich, wie Sie gelehrt ist. Was wir an Kraft verloren haben, gewinnen wir mit Sicherheit nach der Beherrschung der Naturkräfte.

Zp. Aber nicht zürnen Sie so leicht zu sein? Ich bin mir sicher, Sie ziehen meine eigene Kraft den Naturkräften vor. Ich überlasse die geheimen Kräfte, den feinen Zauberkräften und weiblichen Magiern. Wenn ein ich einem Menschen zu einer Verschlagenheit, darf auch sein Zauber auf.

1. Aber Sie nicht doch, wie die Beherrschung mit unserm Zauber auf sich gewirkt hat. Ich denke - schrecklich.

Zp. Lieber hast Du recht.

1. Nun, nicht Du, wir hatten keine Wahl. Wir müssen das Gift der Wissenschaft schlucken. So ist es es was wir Sie - wir werden glücklich geliebt, wenn wir ahnungslos sind.

zusammen treffen. Und dein Gift ist so
dummburisch stark, dass jeder, auch
der Stärkste, selbst in ewigen Götter, deren
Zufriedenheit. Wenn uns unser Leben
lieb ist, so opfern wir lieber ein Stück
unserer Lebenskraft, als das wir uns
von seinem Tode ~~opfern~~ aussetzen.

Hj. Ich denke nicht anders, das muss
den selbigen Wertland kammt. Dein
Land muss öde sein, voll Lehnung
und Verzicht. Ich schreie mich zurück
nach dem Osten, wo die lautere Luft
unser Lebenspendenden Wahrheit der
einem Dinge fließt. Deshalb kann
nicht mehr, meine Beine tragen mich
nicht.

Seine Beine sind wie verrotzt,
Aber seine Arme sind kräftig und gesund.
Was ist da zu thun?

Wir sitzen schweigend am flackernden

Feuer. Die Nacht ist kalt. Irgendwo steht
schwer und blickt jene gestirbten Himmel
empor: „Ichreichtester Tag meines Lebens —
unendlich — so weit, so weit — ohne Dank
Kunst — meine Priester wissen nichts,
sonst hätten sie mich dort schlüpfen können.“
— Sagen die Götter sterben, sagte er.

Flakt ihr denn keine Götter mehr?

1. Nein, wir haben bloß solche Worte.

Hj. Aber sind diese Worte mächtig?

1. Es wird behauptet, jedoch merkt
man nichts davon.

Hj. Wir sehen die Götter auch nicht und
glauben doch, dass wir sind, und erkennen
die Werke im natürlichen Gesehnen.

1. Die Unwissenheit hat uns die Fähigkeit
des Glaubens geschenkt.

Hj. Auch das hab ich verloren? Wer lebt
da denn?

2. Wir leben so so la la, den einen Fuß
im Feuer, den anderen im Kalten und
im Abigen wie eben kommt.

Hj. Du drückst dich Dunkel aus.

1. So ist es auch bei uns, es ist Dunkel.

Hj. Kommt ihr das aushalten?

1. Nicht gerade glänzend. Ich persönlich
befinde mich nicht wohl dabei. Ich habe
mich deshalb aufgemacht, nach Osten
zu gehen, um zu sehen, wo das Land der auf-
gehenden Sonne, um das Licht zu suchen.
Wo geht denn die Sonne auf?

Hj. Die Erde ist, wie du sagst, verrotzt. ^{Die Sonne}
geht also nirgend auf.

1. Ah meine, hast ihr das Licht, das
uns fehlt?

Hj. Laß mich an. Ich geh' in die helle
jenseitige Welt. Daran magst
du messen, wie feuchtbarjenseitig Licht
ist. Wenn du aber aus einem solchen
Dunkelland kommst, dann bist du

in dem überwaltigen Licht. Du könntest
erblinden, so wie wir alle etwas blind sind.

1. Wenn euer Licht so feibelhaft ist, wie
du bist, dann will ich vornehmlich sein.

Hj. Du hast gut daran.

1. Ich blicke nach eurer Wahrheit.

Hj. Wie ich nach dem Westland. Ich
werde dich begleiten.

Man tritt schweigend ein. Erst spät
in der Nacht. Und wir schlafen beim
Feuer ein.

J-I 14.

Ich habe wenig geschlafen, meine
unklare Träume stürten mich mehr, als
denn sie uns das rettende Wort eingaben.

Irgendwo lag schweigend der ganze
Tag. Ich lief immerhin hin und her
am Kamme des Gebirges und schaute
zurück nach meinem westlichen Lande.

Ich liebe Hydruken und er soll nicht
 elend verkommen. Von wem soll ich
 Hilfe holen? Keiner wird den heissen Weg
 überbrücken und ich — ich, veruns-
 segt — ich fürchte mich ^{an} Fluren
 Weg zurück zu nehmen. Zudem ist es
 nach Westen zu weit um menschliche
 Hilfe zu holen. Daraus ist begrenzt von
 unkrechten Felsenwänden — es gibt kein
 Ausweichen. Und nach Osten —
 gibt es vielleicht dort Hilfe? Aber
 die unbekannten Gefahren, die dort lauern?
 Schwäche und Verblüdung. Was nützt
 es Hydruken zu sagen? Ich kann als
 Blinder diese Gefahren nicht tragen —
 sie, wie ich so gewaltig wie Hydruken!
 Was nützt mir hier die Feindschaft und die
 Wissenschaft? Hier ist meine Kunst aus.
 Hydruken, höre, ich will dich
 nicht verkommen lassen. Ich will nicht

den zweiten Abend an. Nahrung haben wir
 keine und die sichere Tod steht da bevor,
 wenn es mir nicht gelingt, Hilfe herbei-
 zuholen. Von Westen können wir keine
 Hilfe erwarten. Von Osten aber ist es
 vielleicht möglich. Trägst du etwas
 auf deinem Wege? Den ich jetzt zu
 Hilfe rufen könnte?

H. Daran sein. Der Tod mag
 kommen, wann er will.

J. Mein Herz blutet mir, wenn ich
 denke, dass ich dich, Gewaltigen, hier
 verlassen müsste, ohne das Beste
 für dich zu tun zu haben.

H. Was hilft dir deine Feindschaft?
 Wirst du stark wie ich, dich selbst nicht
 wegzutragen. Euer Gift kann nur zer-
 stören und nicht heilen.

J. Wären wir in meinem Lande, ich

wären wir Hilfe bringen.
 H. Wie ich in meinem Lande geblieben,
 dann hätte mich dein Gift nicht
 getroffen.

J. Sage mir, warum du keine Hilfe
 von der Leth des Ostens?

H. Der Weg ist lang und einsam. Und
 wenn die Wälder mich in die Ferne führen,
 kommt dann trifft dich die gewaltige
 Brande, die ich gewiss blendet.

J. Aber warum ist nicht die Nacht an-
 der, am Tage nicht aber von der Sonne
 verborger Lichte?

H. Das ist ein Gedanke. Aber lass es
 sein. Was hilft es? Wenn ich nicht
 gescheitert und abgestorben. Ich suche in
 der Nacht nicht nach Fluren zu bringen.

J. Ich kann nicht so lassen. Ich
 will gehen.

H. Gehe Du Leth. Kommt der Tod

nicht schlingen. Aber der Weg zum
 Gebirge ist sehr gefährlich. Klagen und
 Klagen werden ich und du bist
 ihnen nicht anfallen. Also, du nicht —
 kein Weg.

J. Soll ich nicht das Beste wagen?

H. Nutzlos. Du wirst nicht leben,
 wenn du verkommt.

J. Lass mich nach etwas nachdenken.
 Vielleicht kommt ein Vorschlag in
 zitternder Gedanken.

Ich setze mich und gehe
 auf einer vorspringenden Felsplatte auf
 und ab. Ich denke:

Große Hydruken, Mörner, die
 bist in einer heissen Lage — und ich
 nicht minder. Was ist zu tun?

— Es ist nicht immer nötig, zu tun, was
 mal ist flüchtiges Denken. Ich bin

Einige davon überzeugt, den Zureben
gerichtet an gewöhnlichen Sinne wirklich
ist, sondern eine Phantasié. Der Situation
wäre ja geholfen wenn man ihn einen andern
Aspekt einbrächte. Aber das wird schwer
halten. Zureben wird natürlich nicht
annehmen, sondern Phantasié in sich
behaupten wollen, er sei ganz recht,
wenn ihm nur auf recht Weise geholfen
werden könne. — Immerhin laßt sich
einmal versuchen.

Zureben, bewaltige, höre: Mir
ist ein Gedanke gekommen, der wirklich
Bettung bringt. Ich denke nämlich, du
bist gerichtet wirklich, sondern blasse eine
Phantasié.

Zd. Du hast überaus den Kopf geschüttelt
um: Mir graut vor diesen Gedanken —
sie sind schrecklich. Willst du mich gar
für unwirklich erklären, nachdem du

nicht jämmerlich gelächelt hast?

J. Natürlich nicht. Vielleicht etwas un-
verständlich ausgedrückt, jedoch in der
Sprache des westlichen Landes. Ich meine
natürlich nicht, du seiest ganz unecht,
sondern nur so sehr wie eine Phantasié.
Wenn du das annehmen könntest, ganz
gerade, dann wäre das viel gewonnen.
Zd. Woraus denn gewonnen? Du
bist ein Quälteufel.

J. Hörst du, ich will dich nicht quälen.
Die Hand des Propheten will nicht quälen, auch
wenn sie wehtut. Kannst du nicht
selbst bemerken, daß du eine Phantasié
seist?

Zd. Wehe mir, in was für ein Tauben
willst du mich verstricken? Ist mir
geholfen sein, wenn ich mich für eine Phan-
tasié erkläre?

J. Du weißt, der Name, den du trägst,

bedeutet viel. Und du weißt auch, daß
aus dem Kranken oft ein neuer Mensch
gibt, wenn er zuhört. Denn damit
empfangen wir ein neues Wesen. Denn wenn
ich in diesem Namen ein Phantasié.

Zd. Du hast Recht. Darwegen unsere
Priester auch.

J. Also giebst du es zu, daß du Phantasié
bist?

Zd. Wenn es hilft — ja.

X
Der übergeordnete Phantasié, den
ich habe, bleibt trotzdem unanverändert.
Aber eine Phantasié läßt sich nicht ^{zufest} festlegen.
Stets hat damit zu geschehen. Immerhin ist
eine Phantasié, also bedeutend volatiler.
Ah, ich sehe eine Möglichkeit. Jetzt
kann ich ihn schon auf den Rücken blicken.

Zureben, Phantasié, du Weg

nicht gefunden. Du bist leicht geworden,
leichter als eine Feder. Jetzt kann ich
dich tragen.

Ich habe ihn vom Boden auf.
Er ist sogar leichter als Luft und schwebt
stille mit dem Fittchen am Boden zu Boden
wird mich meine Leber nach emporhebt!

Zd. Das war ein Meisterstück eurer Kunst.
Wohin trägt du mich?

J. Ich trage dich hinunter ins Land
des Westens. Meine Geassen werden
nicht fliegen, eine so große Phantasié ist
auch überbergung zu können. Wenn wir
unsern des Gebirge hinter uns haben
und in den goldenen Hütten der Menschen
eingelagert sind, dann wollen wir ver-
suchen, ob es nicht ein Mittel giebt, dich
unverzüglich herzustellen?

Ich stiege vorsichtig den Felsen-
pfad hinunter, mehr in der Gefahr zu stehen

emporgesammet zu werden, als hineinzu-
gestürzen. Ich klinge fürwahr an einen
überleichten Kest. Endlich erreichen wir
glücklich den Thalboden und es ist
auch schon der Weg der kühn-kalten Schmelz.
Dieses Mal aber bläst auch der Wind rauher
durch die Felsenenge hinunter und ich
stehe daher hinaus, beschützten Stellen ent-
gegen. Der Schmelzweg berührt unsern
Felsen nicht. Ich laufe jetzt luftig
durch die mit lüpfeliger Landschaft.

Vor uns gehen zwei auf die Kordstern.
Es ist der Quaschert und die Rache. Als
wir nicht hinter ihnen sind, werden wir
rückwärts und stürzen mit entsetztem
Geräusch in die Felsen hinaus.

Ich wundere: Was sind das für Meringe-
halten, und das denn Genossen?

7. Was sind diese Menschen, das sind

Relikte der Vergangenheit, denen man
hinschauen begegnet. Sie waren früher von
großer Bedeutung, jetzt braucht man
sie hauptsächlich noch zum Schlafkatten.

Ich: Was für ein wunderliches Land!

Dort oben oben Stadt? Besser
schweren wir. Es könnte einen Volks-
aufgang geben.

Ich: Wollt ihr nicht in jene Stadt?

2. Nein, dort oben sind die Aufgeklärten.

Die sind eigentlich gefährlich, deren
Stimmen die allerstärksten klingen, und denen
sich sogar wie ein Schütten müssen. Aber
sie ohne Sorge, erst jetzt sehen sie durch,
dass man nicht sieht. Ich kenne hier
ein einsames Landhaus, das ich aber
vertraute Freunde, die uns für die Nacht
aufnehmen werden.

Ich komme zu einem stillen

Stückchen Garten, darin steht ein ver-
schwiegenes Haus. Ich teile einige Zedern
unter dem linken Ast eines Baumes
und gehe zur Pforte, wo ich klopfe. Eine
alte Magd öffnet mir. Ich betrachte die
Thüre, sie ist viel zu klein. Aber kaum ge-
wacht hinein. Doch eine Pflanzung be-
grünelt den Raum! Warum kann ich
nicht früher auf den Boden kommen. Ich stehe
ganz und drücke die Zedern leicht auf, lege
zusammen und stecke ihn in die Tasche.
So tritt ich ins gästliche Haus der Menschen,
wo Zedern-Reichung finden soll.

10. I. 14.

Es scheint, als ob durch diese dunk-
len Erlebnisse die Natur wieder zu sich
findet. Es ist schwerlich abgesehen, wohin die
Pforte führt. Ich wage kaum, zu sagen,
das Schicksal der Zedern ist großartig-tragisch.

Denn das allerhöchste Leben ist großartig-
tragisch. Fr. Th. Wieders (H. E.) hat den
ersten Versuch gemacht, die Wirklichkeit zu systema-
tisch zu heben. Man gebietet ein Platz unter den
Menschen.

Das Mittlere ist der Wahrheit. Sie hat
mit Genialität, nicht ist Eins komisch,
ein Anderes traurig, ein Drittes böse,
ein Viertes tragisch, ein Fünftes lustig,
ein Sechstes eine Frage u. s. w.

Wenn Eins dem Genialen aus besonders
aufmerksam wird, sind dann abgesehen
von dem, dass wir von der sichern Wahrheit
abgewichen sind und einen Extrem eines
nähern, das eine höhere Sachlage ist
wenn wir etwa den Kopf daran setzen wollten,
auf dem Wege weiterzugehen zu wollen. Erst

Es ist eine gewisse Aufgabe, eine
Wirklichkeit des wirklichen Lebens zu schreiben,
besonders auch, wenn man viele Jahre in

in der Ernsthaftigkeit der Wissenschaft zu-
gebracht hat. Das Schwere ist, das Fächer-
reife (man möchte gerne sagen - das Knädelchen)
des Lebens zu erfassen. Alle die mannig-
fachen Lagen des Lebens, das Große, das
Schöne, das Ernste, das Schwere, das Auf-
wache, das Gute, das Räucherliche, das
Groteske sind Anwendungsgebiete, von
denen jedes Einzelne den Betrachter nach
Beschreibung gänzlich zu verschlingen ~~stehen~~
mag.

Unsere Zeit bedarf einer Regulation
des Geistes. Wie die Welt der Concreten
von Beschränkungen der äußeren ^{Anlage} ~~Wirkung~~
nach zu verinnerlichen Mannigfaltigkeit
der inneren Auslieferung erweitert hat,
so hat sie auch die Welt der geistigen Mög-
lichkeiten zum unfaßbaren Mannigfaltigen
erweitert. Unendliche ^{lange Wege} ~~Wegungen~~ gepflastert
mit tausenden von hohen Bäumen, führen

von einer Specialität zur andern. Dieser
Weg kann bald nicht mehr gehen. Und
dann giebt es nur noch Specialisten.

Das Bedürfnis mehrerer in der
Lebenszeit der Arbeit des geistigen Lebens,
eines orientierenden Regulators.

Nachts, als ich ruhig geworden war,
griff ich meine Tasse und holte das Er-
beere. Erwardein würdigen Ei mit einem
harten Schale.

Als ich es empfing, fing ich in der Mitte
des Zimmers und klopfte an der Wand auf.
Wie ein Rauch steigt heraus, um für die
Decke des Zimmers und vor mir steht
Zufallers Gestalt. Ich bin groß und voll-
kommen. Seine Glieder sind nicht
vollkommen und ich finde kein Sym der
Bühnung mehr an ihm. Es ist, wie wenn

aus tiefen Schlaf erwachte.

H. Wo bin ich? Woher ist es
hier und wie dunkel und wie kühl?
Nun ich bin ich?

Wo war ich? - Es schien
mir, ich sei in ungeheurer Weltball
draußen gewesen - ich ^{und} ~~habe~~ ^{war} ~~habe~~ ^{war}
ein schwarzes und ein helles schwarzes
sternförmiges Himmels - ich war
in unregelmäßiger schwebender Luft - Feuer-
ströme brennen aus meinem leuchtenden
Körper - ich selber war in zuckenden
Flammen - ich selber schwarz und ein
augen mich gepressten Meer des Lebens
voller Gluth - ganz Licht - ganz
Schmerzhaft - ganz Langweil - welt
und ewig mich erneuert - von Licht
in Tiefe bis in die Strahlen und aus
den Tiefen ins Höchste strahlend empor

gewirbelt - in feuerglühenden
Wolken um mich selbst schwebend -
und als Blutregen war Gesicht der
Brandung niederprasselnd mich
selber in ein Schmelzen - wie ein
jaß weißglühend emporflaumend
in ungeheurer Spiel mich selber
erneuert und absterbend.

Wo war ich? -

Schwarzgang Sonne.

H. Oh Leben. Götter, welches
Wunder! Antwort gebührt.

H. Gebührt? Was ist jenes krank?
Was spricht von Krankheit?

Oben Sonne - ganz Sonne.

Ich bin die Sonne.

Ein unaussprechliches Licht bricht aus

seinem ganzen Körper, ein Licht des
meinen Augensicht fassen können. Ich
meine mein Gesicht verhalten, um nicht
zu erblinden — ich blickte mein Gesicht am
Boden, weil die Hölle meine Augen
nicht schützte.

Da bist du Tanne, Sennerge
Licht — vergib Mächtiger, den
meinen Hand Fichtung — — —

Es ist. Man stillt man Dunkel.
Ich blicke nun mich — auf dem Teppich
liegt die Leere schadet eines Lins.

Ich blicke nun mich, die Welt,
die Wände, es ist Alles wie wir immer,
ganz einfach und ganz wirklich. Ich
wachte regen, rings um Alles, bald ge-
wunden, aber es ist nicht wahr, es ist
Alles, wie wir immer gewesen ist.

Man fluchte das Licht des Lebens

unermüdet und übergewaltig? —

Es helfe Rätzel raten, wer kann.
Nun schwirbelt — ist der Pfad des
Lebens?

12. I. 74.

Ich sah ein Bild — ein fürchterliches

Bild:

Ein dunkles Gewölbe — der Boden
glatt feuchte Steinplatten — in der
Mitte steht ein hoher Pfeil — an ihm
hängen Tanne und Haken. Zu Füßen
des Pfeils liegt ein fürchterliches seltsames
Lebendes Lebewesen menschlicher Körper — in
der Mitte der liegende Gestalt eines neugierigen
jungen Mädchens mit wunderbar gold-
blonden Haar — sie ist nackt — halb
unter ihr liegt ein Mann mit bartlosem
Gesicht in eng anliegenden roten Kleidern.
Sein Kopf ist zurückgebeugt — über ihm
ist eine kleine Lampe, die ein schwaches Licht ausstrahlt.

Für und der Körper des Mädchens
haben sich ganz gleichgeblieben.
Männer geworfen. Ich habe hartnäckig
Gerichte von unermesslichem Aus-
druck — der Böse in Essenz —
ihre Muskeln sind gewaltig und ihre
Körper geschwungen wie die von Fischen.
— das Mädchen hält die Hand über
den Kopf der unterliegenden Männer,
die der Mächtigkeit der Hand drücken —
ihre Hand ^{auf dem Kopf} ist eine silberne Krone, an
der ein kleiner Haken ist, den
in irgendeiner Weise die Hand eines
Fisches getrieben hat.

Der Kraken ist ganz segnungs-
los und ich verstehe — in dessen das
Mädchen wartet, sie weht sich und
erlangt ihr, mit dem kleinen Haken
des Kopfes der Bösen zu fassen — wenn
es sich bewegt, dann wird sie ihm das

Augen mit einem letzten Blick ausstrahlen.

Das Entsetzen lehnt mich.
Was wird geschehen?

Die innere Stimme sagt: der Böse
kann kein Opfer bringen, er kann sein
Augen nicht opfern. Der Sieg ist mit dem,
der Opfer kann.

Der Böse? Ich dachte zu wenig
an den Bösen. Auch der Böse ist. Das
Böse, das abgrundtief Böse ist nicht
zu erlangen. Dafür gibt es keine natur-
wissenschaftliche Bewandlung. Auch das
Böse ist abgelehnt, nicht aber
die Sache.

Hier liegt ein inneres Streben — was
will ich nicht sehen? Ein krankes Ehe-
paar blickt mich — unerwartete
heimliche Fäden werden sich aus-
spannen und knistern viele Gebirge, hängen

faul und voll schligen schlafes zu
abenteuerlichen Kriechen gehalten in den Zwingen
— ein Grauen, den kühlgelassen Rücken
ohne Fingerspitzen zu berühren — es
schäufelt sich Alles zu ein, das Thal
von langweilig — unheimlichen Gestalt
zu betreten, wo eine Brücke ein für
hinigen Gang stehen — das Thier
sollte so gewöhnlich aus — seine Luft
wird nach Verbrechen, nach geschickten
figen That — nicht fast Ekel und
Grauen — ich gehe zögernd über Brück
steine gedunkelte Stelle meidend aus Forest
vor den Schlangen. Die Sonne blüht
matt aus grauem Himmel, und alle
Land ist Herbstlich dürr.

In den Steinen vor uns liegt
eine Puppe mit zerbrochenem Kopf —
am Ende der Brücke weiter eine kleine

Kinderleiche — und dort hinter den
Bruch — der Körper eines halbwachenden
kleinen Mädchens — der Körper bedeckt
mit schrecklichen Fleck — und schneit —
verwunden — Blut beschmiert — der eine
Fuß ist mit starkem Thauflut bedeckt
der andere nackt und blutig zerquetscht
der Kopf — wo ist der Kopf? —
der Kopf ist ein mit Haaren bedeckter
mischer Thierkörper mit hässlichen Knospen
Hörnern dazwischen — die Steine sind
eingesamelt mit Lärmen und Blut
bedeckt.

Iskalt der Entsetzen fesselt meinen
Blick auf diese Gräuel.

Da steht ein verheilte Gestalt
zu der eines Weibes, ruhig, mit ihr Gesicht
schon einem unerschrockenen Phlegm
bezeugt. Phlegm in Stern an.

In sprach auch diese:
„Was sagst du?“

1. Was soll ich sagen? hier gibt es keine
Karte.

Sie: „Versteht Du das?“

2. Ich verstehe nicht, was du zu verstehen.
Ich kann nicht davon reden, ohne rasend
zu werden.

3. Warum solltest du rasend werden?
Du kannst jeden Tag rasen, solange
du lebst, denn solches und ähnliches
gesehen auf der Erde fast täglich.

4. Aber das Publikum fehlt uns meistens.
5. Also das Gerücht genügt dir nicht,
um davon rasend zu werden?

6. Wenn ich etwas davon weiß, so ist es
allerdings viel einfacher und leichter. Man

realisiert dann Pläne und Ideen der Furcht
eigentlich nicht.

7. Triffst du nicht, der Leib
des Kindes ist aufgeschritten, nimmt der
Leber heraus.

8. Ich verstehe dir nicht. Wenn
Mutter jemand dahin entführt, würde es
denken, daß sie der Mörder.

9. Du bist feige. Warum du lebst.

10. Wozu soll ich sterben? Das
ist Moros.

11. Ich will, daß du die Leber heraus-
nimmst. Da unmöglich ist.

(Die Stimme wird drohend.)

12. Wer bist du, der Anwalt, mir solches
befehlen zu können?

13. Ich bin das Kindes Seele. Du
hast die Herabsetzung für mich zu thun.

14. Ich verstehe nicht. Aber ich will dir

glauben und das grauenhafte Absurde
thun.

Ich grüße in der Kuchelkette - es ist
so heiter warm - Ich lebe hängt fest.
Ich nehme mein Fesselmesser und schneide
an den Banden los, zitternd vor
Angst. Ich halte sie in blutigen Händen
der Gestalt hin.

S. Ich danke dir.

J. Was soll ich thun?

S. Du kennst die alte Bekanntschaft von
Leben und du willst damit eine heilige
Handlung vollbringen.

J. Was soll es sein?

S. Nimm ein Stück, an Stelle der ganzen
Leben und iss es.

J. Was verlangst Du? Das ist ein
fürchterliches Verbrechen, das ist Leben -
schändung und Anthropophagie! Du
muschelst mich zum schuldigen Verbrechen

an diesen furchtbaren von mir verurtheilt.
S. Du hast im Gedanken den Mörder der
furchtbaren That erdrossen, und den
von mir ~~That~~ seinen Rache. Es giebt
mir eine Sühne: erniedrige dich selbst
und iss.

J. Ich kann nicht - ich weigere mich,
ich kann nicht theilhaben an dieser
furchtbaren Schuld.

S. Du hast Theil an dieser Schuld.

J. Ich - Theil an dieser Schuld?

S. Der bist ein Mensch und ein Mensch
hat die That vollbracht.

J. Ja, ich bin ein Mensch - ich ver-
fluche ihn, der er ein Mensch ist und nicht,
denn ein Mensch bin.

S. Also, nimm Theil an seiner That, erniedrige
dich und iss. Ich bringe die Sühne.

J. So soll es sein wie du willst, S.

du die Seele dieses armen Kindes bist.

Ich knie wieder in der Kette, stecke
ein Stück vom Leben ab und stecke
es in den Mund, aber mein Eingeweide
würgen sich in den Hals ein, der Thaum
brechen aus meinen Augen - kalter
Schweiß tropft mir von der Stirn - ein
fader süßlicher Blutgeschmack - ich
schlucke mit verzweifelter Anstrengung -
es geht nicht - noch einmal und -
noch einmal - wie eine fortwährende,
- Es ist geschehen. Der Furchtbare ist
vollbracht.

S. Ich danke dir.

Es sollst du leben können -
du bist ein kleines junges Mädchen mit
schönen blonden Haaren.

Erkennst du mich?

J. Wie seltsam bekannt - du bist hier!

Werbst du?

S. Ich bin deine Seele.

Der Vorhang fällt. Welch grauenhaftes
Spiel hat hier gespielt?

Schwurke:

Mit Luncheon & me clium esse puto.

14. I. 14.

- Du bist die Ruhe - wer bist
Du?

Namen und Worte entkleiden
uns. Es soll wohl auch keine Namen
und Worte geben.

Ich stehe in einer hohen Halle.
Vor mir sehe ich einen grünen Vorhang
zerrissen & Fäden - der Vorhang öffnet
sich leise - ich sehe in einer wenig tiefen

Raum schritten - Steinfliesen - eine
gelbe Mauer, darin ein kleineres Rund-
bogenfenster mit bläulichem Glas.
Ich trat mit meinem Fum auf's Heft,
da zu diesem Raum durch den Vor-
hang führt und tritt ein. Rechts
und links sehe ich eine Tür in
der Rückwand des Raumes.

Es scheint, als ob ich an einem
Schienweg stünde. Soll ich rechts oder
links wählen? —

Scheinbar viel für Rechts.
Die Thür ist offen, ich tritt ein, es
ist eine große Bibliothek von nichttem-
perierten Buchen - Lesepulte - grüne
Lampfen - eine technisch offenher-
ge gut eingerichtete Bibliothek. Im
Hintergrund Rechts sitzt ein kleiner saager

und etwas älterer Mann von etwa 40 Jahren,
offenbar ein Bibliothekar. - Die Atmo-
sphäre ist beschwerend - gelehrte An-
sitzen - gelehrter Dinkel - verletz-
te gelehrte Eitelkeit - N. Gelehrtenangst
im dem beschaffen Kritiken und heuchel-
licher Konkurrenz und dem Unrecht-
haben.

Ich sehe außer dem Bibliothekar
Niemand. Ich gehe zu ihm hin. Er
blickt von seinem Buch auf und fragt:
- Was wünschen Sie?

Ich denke mir falls ein Thomas a
Kempis.

2. Ich möchte Thomas a Kempis; ich Nach-
folge Christi haben.

Er nickt mich verständnisvoll an, wie wenn
er mir das selbstverständlich hätte und legt mir
einen Bestellzettel hin zur Eintragung.

Книга 4

14 января — 9 марта 1914 г.

III IV

La somma sapienza e il
primo amore¹

[ii/1]

14.1.14 Продолжение (из III)²

Я тоже думаю, что удивительно просить Фому Кемпийского.

Я: «Вы удивлены, что я прошу Фому Кемпийского?»

Б: «Ну, да, книгу редко просят, и я бы не ожидал от вас такого интереса».

Я: Должен признать, что тоже несколько удивлён таким вдохновением. Но недавно я наткнулся на короткий отрывок из Фомы Кемпийского, который оказал на меня особенное впечатление; почему, и сам не могу сказать. Он был посвящён в особенности проблеме Подражания Христу.

Б: У вас особые теологические или исторические³ интересы или —

Я: Вы имеете в виду — буду ли я читать её ради молитвы?

Б., улыбаясь: Ну, едва ли. [1/2]

Я: Если я буду читать Фому Кемпийского, то только ради молитвы или чего-то похожего, а не из учёного интереса.

Б.: Вы так религиозны — я понятия не имел (слегка усмехаясь).⁴

¹ Надпись почерком Тони Вульф: «LA SOMMA SAPIENZE E' L PRIMO AMORE» (полнота всезнания и первая любовь) — это шестая строка третьей песни *Ада* Данте, надпись на вратах ада. Надпись целиком гласит: «Я УВОЖУ К ОТВЕРЖЕННЫМ СЕЛЕНЬЯМ, / Я УВОЖУ СКВОЗЬ ВЕКОВЕЧНЫЙ СТОН, / Я УВОЖУ К ПОГИБШИМ ПОКОЛЕНЬЯМ. / БЫЛ ПРАВДОЮ МОЙ ЗОДЧИЙ ВДОХНОВЛЕН: / Я ВЫСШЕЙ СИЛОЙ, ПОЛНОТОЙ ВСЕЗНАНИЯ И ПЕРВОЮ ЛЮБОВЬЮ СОТВОРЕН. / ДРЕВНЕЙ МЕНЯ ЛИШЬ ВЕЧНЫЕ СОЗДАНИЯ, / И С ВЕЧНОСТЬЮ ПРЕБУДУ НАРАВНЕ. / ВХОДЯЩИЕ, ОСТАВЬТЕ УПОВАНИЯ» [зд. в пер. М. Лозинского — прим. перев.]

² Перенумеровано другой рукой (возможно, Франца Юнга) и сделано позже.

³ В *LN* заменено на «философские» (р. 329).

⁴ Последняя часть предложения не появляется в *LN*.

Я: Вы знаете, что я крайне ценю науку, но в жизни действительно есть моменты, когда наука тоже оставляет нас пустыми и больными. В такие моменты книга вроде этой очень много значит для меня, поскольку написана с душой.

Б: Но несколько старомодна. Мы, конечно, уже не можем погружаться в христианскую догматику в эти дни.

Я: Мы не достигли конца христианства, просто отложив его в сторону. Мне кажется, в нём есть больше, [2/3] чем мы видим.

Б: А, что это?

Я: По каким причинам и, более того, в каком возрасте люди отказываются от него? Предположительно, в студенческие годы или, возможно, даже раньше? Вы бы назвали это исключительно разборчивым возрастом? И вы изучали тщательнее причины, по которым люди откладывают позитивную религию? Причины эти крайне сомнительны, вроде тех, что содержание веры сталкивается с естественной наукой или философией.

Б: По моему мнению, такое возражение не следует легко отбрасывать, несмотря на тот факт, что есть причины получше. Например, я считаю недостатком отсутствия истинного и подлинного чувства действительности в позитивных религиях. Кстати говоря, [3/4] теперь существует множество заменителей для утраты возможности молиться, вызванной крушением молитвы. Например, Ницше написал настоящий молитвенник.¹

Я: Полагаю, это верно в некотором смысле. Но хх особенно истина Ницше поражает меня как слишком возбуждённая и провокационная —; она хороша для тех, кому ещё только предстоит освободиться, хх. По этой причине его истина хороша только для них. Я полагаю, что недавно обнаружил, как мы нуждаемся также в истине для тех, кому нужны ограничения. Возможно, что вместо этого им нужна подавляющая истина, делающая человека меньше и более интроспективным.

Б: Простите, но Ницше исключительно хорошо погружает человека внутрь.

Я: Возможно, с вашей точки зрения [4/5] вы правы, но я не могу отделаться от чувства, что Ницше говорит для ~~тех~~ тем, кому нужно больше свободы, а не тем, кто яростно сталкивается с жизнью, кто страдает от действительности.

Б: Но Ницше даёт драгоценное чувство превосходства даже таким людям.

Я: Не могу с этим спорить, но знаю людей, которым нужна неполноценность, а не превосходство.

Б: Вы выражаетесь очень парадоксально. Я не понимаю вас. Неполноценность едва ли может быть желанной.

Я: Возможно, вы поймёте меня лучше, если вместо неполноценности я скажу «смирение», [5/6] такое слово раньше слышали часто, а теперь редко.

¹ То есть, *Так говорил Заратустра*.

Б: Оно также звучит очень по-христиански.

Я: Как я сказал, в христианстве есть самые разные вещи, которые стоило бы сохранить. Ницше слишком оппозиционен. Как и всё здоровое и долговечное, истина, к сожалению, больше придерживается срединного пути, который мы несправедливо не выносим.

Б: Я правда не представлял, что вы занимаете такую примирительную позицию.

Я: Моя позиция мне самому не вполне ясна. Если я и примиряю, то довольно необычным образом.

В этот момент служитель приносит мне книгу — и я удаляюсь из библиотеки.¹

17.I.14²

Я стою в передней и смотрю на дверь слева. Я кладу книжку [6/7] в карман.

Я иду к двери слева; она тоже открыта — большая старомодная кухня, довольно чистая и опрятная — с большим дымоходом над плитой. Посреди комнаты стоят два длинных стола со скамьями. Сияющие латунные кастрюли, медные сковородки и другие сосуды стоят на полках вдоль стен.

Большая толстая женщина стоит у плиты — очевидно, повариха — в большом клетчатом переднике. Я приветствую её, несколько смущённый — она тоже, кажется, смутилась.

Я: Могу я здесь присесть? Снаружи холодно, а я кое-чего должен подождать? [7/8]

П: Пожалуйста, садитесь.

Она вытирает стол передо мной. Не зная, чем ещё заняться, я достаю своего Фому Кемпийского и начинаю читать. Естественно, поварихе становится любопытно, и она украдкой на меня поглядывает. Раз за разом она проходит мимо.

П: Простите, вы, пожалуй, священник?

Я: Нет. Почему вы так думаете?

П: О, я просто подумала, потому что вы читаете небольшую чёрную книжку. Моя мать, упокой Господь её душу, оставила мне такую книгу.

Я: Понимаю, и что это за книга?

П: Она называется *О подражании Христу*. Это прекрасная книга. Я часто молюсь с ней вечерами.

Я: Вы верно угадали. Я тоже читаю *Подражание Христу*. [8/9]

П (улыбаясь):³ Я не верю — человек вроде вас не станет читать такую книгу — если только вы не пастор.

Я: Почему бы мне её не читать? Мне тоже идёт на пользу хорошая книга.

¹ Комментарий Юнга к этой записи см. в *LN*, pp. 331—32.

² Четверг, *Liber Secundus*, глава 15, «Nox secunda» (*LN*, pp. 333ff).

³ Это выражение не появляется в *LN*.

П: Моя мать, благослови её Господь, держала её на смертном одре и передала мне перед смертью.

Я рассеянно просматриваю книгу, пока она говорит. Мои глаза падают на следующий отрывок из девятнадцатой главы:

«Праведники основывают свои намерения больше на милости Божьей, которой во всех делах своих доверяют больше, чем своей мудрости».¹

Что ж, Анри Бергсон,² получите — это ~~не менее~~ именно подлинный и верный интуитивный метод. [9/10]

Я (поварихе): Ваша мать была умной женщиной, и она хорошо сделала, что передала вам эту книгу.

П: Да, в самом деле — книга часто утешала меня в трудные часы (она вытирает глаза)³ и всегда давала хороший совет.

Полагаю, можно также следовать за собственным носом, и это тоже будет интуитивный метод. Но тот прекрасный способ, каким это делает христианин, тем не менее, должен обладать особой ценностью.⁴

Мною овладевает внутреннее беспокойство. Что должно случиться?

Я слышу странный свист и жужжание — и внезапно реву́щий звук наполняет комнату, словно стая птиц с бешеным хлопанием крыльев — я вижу много похожих на тени человеческих фигур, несущихся мимо, [10/11] и слышу многочисленное далёкое и близкое бормотание голосов, повторяющих слова: «Помолимся в храме!»

«Куда вы несётесь?» — кричу я — бородатый мужчина с взъерошенными волосами и тёмными сияющими глазами останавливается и поворачивается ко мне.

«Мы странствуем в Иерусалим, чтобы помолиться у святейшей усыпальницы».

Я: Возьмите меня с собой».

П:⁵ Ты не можешь присоединиться к нам, у тебя есть тело. Мы мертвы.

Я: Кто вы?

¹ «Праведные в намерении своем утверждают более на благодати Божией, чем на собственной мудрости» (О подражании Христу, Книга 1, глава 19 [зд. в пер. К. П. Победоносцева — прим. перев.]

² Упоминание Бергсона не появляется в *LN*. 20 марта 1914 г. Адольф Келлер выступил с речью об «Анри Бергсоне и теории либидо» в цюрихском Психоаналитическом обществе. Во время обсуждения Юнг сказал, что «Бергсона следовало бы обсуждать здесь уже давно. Б. говорит всё то, что мы не сказали» (*MZS*, р. 57). 24 июля 1914 г. Юнг выступил с речью в Лондоне, где отметил, что его «конструктивный метод» соответствует «интуитивному методу» Бергсона («On Psychological Understanding», *Collected Papers on Analytical Psychology*, р. 399). Юнг читал работу *L'evolution creatrice* (Paris, Alcan, 1907). У него был немецкий перевод 1912 г.

³ Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

⁴ В *LN* здесь было добавлено: «Я бы хотел подражать христианину» (р. 334).

⁵ Сокращение от «призрак».

П: Я Иезекииль, и я анабаптист.¹ Я умер больше 300 лет назад.²

Я: Кто странствует с тобой?

П: Это мои собратья.

Я: Почему вы странствуете? [11/12]

П И: Мы не можем остановиться, и должны совершить паломничество по всем святым местам.

Я: Что толкает вас на это?

П И: Не знаю. Но похоже, что мы всё никак не найдём покой, хотя умерли в истинной вере.

Я: Почему же вам нет покоя, раз вы умерли в истинной вере?

П И: Мне всегда кажется, что мы не встретили должный конец жизни.

Я: Поразительно — это как?

И: Мне кажется, мы забыли что-то важное, что тоже следовало прожить.

Я: И что же это?

И: Может, ты знаешь? (Он жадно и жутко тянется ко мне, его глаза сияют, словно от внутреннего жара.)

Я: Пусти, дьявол, ты [12/13] не прожил своё животное!³

Повариха стоит передо мной с ужасом на лице, она схватила меня за руку и цепко держит.

П: «Бога ради, Бога ради. Помогите — что с вами такое? Вам плохо?» [«]

Я смотрю на неё в изумлении и размышляю, где же я на самом деле. Но скоро врываются странные люди — среди них библиотекарь, бесконечно изумлённый — затем злобно смеющийся.

«О, мне следовало знать — быстрее, полиция!»

Прежде чем я успеваю собраться с мыслями, меня толкают через толпу людей [13/14] в грузовик. Я всё ещё цепко держу свою копию Фомы и думаю, что бы он

¹ Библейский Иезекииль был пророком VI в. до н.э. Юнг придавал большое историческое значение его видениям, в которых появлялась мандала с четверицами, представляющая собой гуманизацию и дифференциацию Яхве. Хотя видения Иезекииля часто считают патологическими, Юнг защищал их нормальность, утверждая, что видения — это естественные явления, которые следует считать патологическими только когда будут продемонстрированы их болезненные аспекты (*Answer to Job*, CW 11, pars. 665–667, 686). Анабаптизм был радикальным движением протестантской Реформации в XVI в., которое пыталось восстановить дух ранней церкви. Движение зародилось в 1520-х годах в Цюрихе, и его сторонники восставали против нежелания Цвингли и Лютера полностью реформировать церковь. Они отвергали практику младенческого крещения и продвигали крещение взрослых (первое из них произошло в Цолликоне возле Кюснахта, где жил Юнг). Анабаптисты подчёркивали непосредственность человеческих отношений с Богом и критически относились к религиозным учреждениям. Движение жестоко подавлялось, и тысячи были убиты. См. Daniel Liechty, ed. *Early Anabaptist Spirituality: Selected Writing* (New York: Paulist Press, 1994).

² Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

³ В 1918 г. Юнг утверждал, что христианство подавило животный элемент («On the unconscious», CW 10, par. 31). Он прорабатывал эту тему на семинарах 1923 г. в Пользите, Корнуолл. В 1939 г. он утверждал, что «психологический грех», совершённый Христом, был в том, что «он не прожил свою животную сторону» (Barbara Hannah, ed., *Modern Psychology. Vols. 3 and 4: Notes on Lectures Given at the Eidgenössische Technische Hochschule Zürich, by Prof. Dr. C. G. Jung, October 1938 — July 1940*, 2nd ed. [Zürich, 1959], p. 230).

сказал об этой ситуации? Я открываю её, и мои глаза падают на тринадцатую главу, где он говорит:

«Пока мы здесь, на земле, нам не избежать искушения? Среди людей нет совершенных, и никого столь святого, чтобы иногда он не впал в искушение. Да, мы едва ли бываем без искушения».¹

Мудрый Фома, ты всегда находишь верный ответ! Тот безумный анабаптист, конечно, не обладал таким знанием, или же нашёл бы мирный конец. *Rerum omnium satietas vitae facit satietaem — satietas vitae tempus maturum mortis affert* [пресыщение вещами вызывает пресыщение жизнью — человек пресыщается жизнью, и наступает время смерти], как говорит Цицерон.² [14/15]

Теперь я могу оглянуться. Это знание, очевидно, привело меня в конфликт с обществом. Справа и слева меня подпирают полицейские.

«Что ж[«], — говорю я им, — «теперь вы можете меня отпустить».

«Да, мы всё об этом знаем». — со смехом говорит один — «А теперь успокойся».

Итак, мы, очевидно, направляемся в сумасшедший дом. Это высокая цена, но, похоже, придётся пройти и этим путём. Это не так уж странно, ведь многие наши ближние пошли этой дорогой. Есть много сумасшедших домов, а значит много сумасшедших.³

Мы прибыли — большие врата — зал — приёмная — дружелюбный директор — а вот и два врача. Один из них [15/16] — невысокий толстый профессор.

Пр: «Что это у вас за книга?»

Я: «Это Фома Кемпийский. *О подражании Христу*».

¹ Тринадцатая глава первой книги *Подражания Христу* начинается так: «Пока мы живем в мире, не можем быть без смущения и искушения; от того в Иове написано: искушение житие человеку на земли. Итак, всякий должен быть в опасении от своих искушений и бодрствовать в молитве, чтобы дьявол места не нашел обольщению, — а он никогда не засыпает, и все ходит и ищет, кого поглотит. Нет такого святого и совершенного человека, чтоб не имел иногда искушений: и совершенно освободиться от них мы не можем». Далее подчёркиваются выгоды от искушения как средства, с помощью которого человек «смиряется, очищается и научается».

² Это цитата из *Cato Maior de Senectute* Цицерона («О старости (Катон Старший)»). Этот текст — эвлогия старости. Прочитанные Юнгом строки выделены курсивом в следующем отрывке: «Omnino, ut mihi quidem videtur, rerum omnium satietas vitae facit satietaem. Sunt pueritiae studia certa, num igitur ea desiderant adulescentes? Sunt incuntis adulescentiae: num ea constans iam requirit aetas quae media dicitur? Sunt etiam eius aetatis: ne ea quidem quaeruntur in senectute. Sunt extrema quaedam studia senectutis: ergo, ut superiorum aetatum studia occidunt, sic occidunt etiam senectutis: quod cum evenit, *satieta vitae tempus maturum mortis affert*» (Tulli Ciceronis, *Cato Maior de Senectute*, ed. Julius Summerbrodt [Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1873]). («Вообще, — во всяком случае, по моему мнению, — *удовлетворение всех стремлений приводит к удовлетворенности жизнью*. Определённые желания свойственны детству. Неужели этого же добиваются молодые люди? Некоторые стремления свойственны ранней молодости. Но разве к ним же склонен зрелый возраст, называемый средним? Некоторые стремления свойственны и этому возрасту; но к ним уже не склонна старость; некоторые, так сказать, последние стремления свойственны старости. И вот, как исчезают стремления, свойственные более ранним возрастам, так же исчезают и старческие стремления. Всякий раз, как это наступает, удовлетворённость жизнью *делает своевременным приход смерти*» [эд. в пер. В. О. Горенштейна — прим. персв.]

³ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

Проф. — ассистенту: Итак, форма религиозного безумия — совершенно ясно — параноидальная форма *dementia praecox*.¹

Мне: Видите ли, в наши дни «*Imitatio Christi*» ведёт в сумасшедший дом.

Я: В этом не приходится сомневаться, профессор.

Проф. — ассистенту: Этот человек остроумен — он, очевидно, несколько маниакально возбуждён.

Мне: Вы слышите голоса?

Я: Будьте уверены — сегодня это была огромная толпа анабаптистов, пронёсшаяся через кухню.

Проф. — ассистенту: Ну вот видите.

Мне: Голоса следуют за вами? [16/17]

Я: О нет, Боже упаси, я сам вызвал их.

Проф.: А, это ещё один случай, ясно указывающий, что ~~пациенты~~ галлюцинирующие напрямую вызывают голоса. Это занесите в историю болезни. Не могли бы вы немедленно отметить это, доктор?

Я: Со всем уважением, профессор, могу ли я сказать, что в этом нет совершенно ничего ненормального, что это скорее интуитивный метод.

Проф., смеясь: Прекрасно. Он ещё нахватался неологизмов. Что ж — полагаю, у нас совершенно ясный диагноз.

В любом случае, желаю вам скорейшего выздоровления, и постарайтесь вести себя тихо.

Я: Но профессор, я совсем не болен. Я чувствую себя прекрасно.

Проф.: Послушайте, дорогой мой, вы ещё представления не имеете о своей болезни. [17/18]

Ассистенту: Прогноз, естественно, плохой, в лучшем случае ограниченное восстановление.

Директор: Профессор, может он оставить себе книгу?

Пр: Конечно, пусть оставит.²

Затем сдают мою одежду, потом ванна — и, наконец, отделение. В смотровой палате меня кладут в постель. Слева от меня человек в кататоническом ступоре, а справа — на финальных стадиях прогрессирующего паралича, другие, похоже, старики или меланхолики. Вместе со мной нас около 10.³ Я наслаждаюсь полной тишиной — с некоторой неестественностью.

Проблема безумия глубока — божественное безумие — высшая форма иррациональности жизни, текущей сквозь нас — во всяком случае, безумия, которое нель-

¹ В *LN* было заменено на: «религиозная паранойя» (р. 337).

² Эта строка была заменена в *LN* на: «Ну, полагаю, да, ведь это вроде бы безвредный молитвенник» (р. 338).

³ Предыдущее предложение было заменено в *LN* на: «Человек слева от меня лежит без движения с застывшим взглядом, а у человека справа, похоже, объём и вес мозга уменьшаются» (*ibid.*)

зя интегрировать [18/19] в повседневное общество — но что, если форма общества уступила место безумию?

В этот момент всё темнеет, и конца не видится.¹

18.I.14²

Здесь все нити и все линии теряются, прекращаются — как подобает сумасшедшему дому.

Здесь, моя душа, пространство для тебя. Здесь ты можешь говорить.³

⁴ Слова, слова, слишком много слов!

Умолкни и слушай:⁵

Ты различил своё безумие и признаёшь его?

Ты заметил, что утаиваешь безумие?⁶

Ты заметил, что все твои основы [19/20] полностью погрязли в безумии?

Ты не хочешь различать своё безумие и дружески приветствовать его? Ты хотел принять всё, что найдёшь в себе. Так прими и безумие.

Пусть воссияет свет твоего безумия, и оно полностью взойдёт в тебе. Безумие не следует презирать и не следует его бояться, вместо этого нужно дать ему жизнь».

Твои слова, о, моя душа, звучат жестоко, а задача, которую ты ставишь передо мной, трудна.

«Если хочешь найти пути, не следует также чураться безумия, ведь оно составляет большую часть твоей природы».

Я не знал, что это правда так. [20/21]

«Радуйся, что можешь это различить. Потому, что так ты не станешь его жертвой. Безумие — это особая форма ума, и оно цепляется ко всем философиям, доктринальным системам и теориям, но ещё более — к повседневной жизни, поскольку сама жизнь полна безумия — так ты называешь это — и по сути своей совершенно нелогична. Человек стремится к разуму только чтобы создавать свои правила. Сама жизнь правил не имеет. В этом её тайна. То, что ты называешь знанием, это попытка навязать жизни что-то постижимое».

Всё это звучит очень уныло, но, тем не менее, заставляет меня не согласиться.

«Тебе не с чем не соглашаться. Ты в сумасшедшем доме».

¹ Комментарий Юнга к этой записи см. в *LN*, pp. 338—47.

² Воскресенье. *Liber Secundus*, глава 16, «Nox tertia» (*LN*, pp. 347ff).

³ Предыдущие два абзаца не появляются в *LN*.

⁴ В *LN* было добавлено: «Душа говорила мне шёпотом, настойчиво и встревоженно» (p. 347).

⁵ Предыдущая строка не появляется в *LN*.

⁶ Эта строка не появляется в *LN*.

Вот стоит толстый низенький профессор. [21/22]

Это он так говорил? И я принял его за душу?

Проф: «Да, дорогой, вы совершенно запутались. Ваша речь абсолютно бессвязна[»].

Я: Я тоже полагаю, что совершенно потерялся. Я в самом деле безумен? Это ужасно запутанно и неясно.¹

Проф: Терпение, всё получится. Ну, спокойного сна.

Я: Спасибо. Но я боюсь. Он уходит.

Всё внутри меня в полном замешательстве. Дело принимает серьёзный оборот. Ближится хаос. Это окончательный предел? Я думал, что смерть будет таким окончательным пределом.² Или хаос тоже имеет основание? [22/23]

Если бы только не было этих ужасных волн! Всё разрывается, как чёрные дымящиеся валы. Да, это океан, всемогущий, ночной прилив.

Вот плывёт корабль — большой пароход — я собираюсь войти в салон — много людей в элегантной одежде — они курят, играют в карты — все смотрят на меня в изумлении — кто-то подходит ко мне —

«В чём дело, вы как привидение! Что случилось?»[«]

Ничего — но полагаю, что я сошёл с ума — пол качается.

«Море беспокойно этим вечером, вот и всё. Возьмите коктейль.³ Вы страдаете от морской болезни». [23/24]

Вы правы. У меня морская болезнь — но особая. На самом деле, я в сумасшедшем доме.

«Ну вот, вы снова шутите, жизнь возвращается».

Вы называете это остроумием? Только что профессор признал меня доподлинно и совершенно безумным.

«Вот он сидит, играет в вист».⁴

Толстый невысокий профессор действительно сидит за покрытым зелёным сукном столом, играя в карты с какими-то господами. Он поворачивается ко мне и смеётся:

«Глядите, куда вы забрались. Пойдёмте, не хотите ли Манхэттен⁵? Ну вы и тип. Вы взволновали всех дам этим вечером».

Я: Профессор, для меня это больше не шутка. [24/25] Только что я был вашим пациентом.

Несдержанный смех.

Проф: Надеюсь, я не слишком вас расстроил.

Я: Ну, преданность — это не шутка.

¹ Последние два слова не появляются в *LN*.

² Предыдущая строка не появляется в *LN*.

³ В *LN* изменено на: «горячий пунш» (р. 349).

⁴ Предыдущая строка не появляется в *LN*.

⁵ В *LN* это слово заменено на «стакан» (р. 349). Манхэттен — это коктейль из виски, сладкого вермута и горечи.

Человек, которого я видел прежде, мужчина с чёрной бородой, взъерошенными волосами и тёмными сияющими глазами:

«Со мной случилось кое-что похуже, я здесь уже пять лет».

Я осознаю, что это мой сосед, который, очевидно, проснулся от ступора и теперь сидит на моей кровати. Я в самом деле в сумасшедшем доме.¹

«Но я Ницше, только перекрестившийся. Я также Христос, Спаситель и помазан спасти мир, [25/26] только они мне не дают».

Я: Кто не даёт?

И:² Дьявол. Видите ли, мы тут в аду. Но, конечно, вы пока этого не заметили. Я не осознавал до второго года здесь. Директор — это дьявол.

Я: Звучит невероятно.

И: Вы невежда. Я должен был жениться на Марии, матери Божьей, давным-давно.³ Но профессор, т.е. дьявол, держит её в своей власти. Каждый вечер, когда заходит солнце, он зачинает с ней ребёнка. Утром, до рассвета, она его рождает. Затем собираются все дьяволы и убивают ребёнка жесточайшим образом. Я отчетливо слышу его крики.

Я: То, что вы изложили мне, чистая мифология. [26/27]

И: Вы сумасшедший и ничего в этом не понимаете. Вам самое место в сумасшедшем доме. Боже мой, почему семья всегда запирает с безумцами? (Плачет)⁴
Я Искупитель!

Он снова ложится и, очевидно, погружается в свой ступор.

Я цепляюсь за постель, словно чтобы защититься от ужасных волн. Я смотрю в стену, чтобы ухватиться за что-то глазами. Горизонтальная линия бежит по стене, покрашенной более тёмным цветом. Ниже стоит радиатор — но я не могу справиться — это поручни, и я вижу за ними море — линия [27/28] — это горизонт — и солнце восходит в красном сиянии — одинокое и величественное — поразительно огромное — в нём крест — с которого свисает змея — нет, бык, вскрытый, как на бойне — или это осёл? Нет, баран с венцом из терний — это сам распятый?⁵

Солнце мученичества взойшло и льёт кровавые лучи над морем.

Это утончённо мрачное зрелище длится долго — и солнце восходит выше — его лучи сияют ярче и жарче, и белое сияющее солнце палит над глубоким синим морем. Рябь спала. Щедрая и тихая утренняя заря [28/29] над пенистым морем. Поднимается солоноватый запах воды — слабый широкий прибой разбивается о тём-

¹ Предыдущая строка не появляется в *LN*.

² В *LN* было изменено на «дурак» (р. 350). «И», предположительно, сокращение для «Искупитель».

³ В *Отношениях между эго и бессознательным* (1928) Юнг упоминает, что столкнулся в Бургхольцли со случаем мужчины с параноидальным слабоумием, который находился в телефонном общении с матерью Божьей (CW 7, par. 229).

⁴ В *LN* заменено на: «Я должен спасти мир» (р. 350).

⁵ В *LN* «сам» заменено на «я сам» (*ibid.*)

плый песок с тихим шумом и беспрестанно возвращается — двенадцать раз — как удары мировых часов.¹ И наступает тишина — ни звука — ни дуновения. Всё застыло и смертельно неподвижно.

Море стало зеркалом для белого сияющего солнца —²

Я жду, втайне тревожась.

Я вижу пальму, огромное дерево поднимается из моря — его макушка достигает небес, а корни простираются вглубь в недра земли.³

Миллионы птиц хлопают крыльями на его ветвях.⁴ [29/30]

Я совершенно один, погружён в уныние и глазаю издалека. Словно всякая жизнь оставила меня и полностью перешла в непостижимое и пугающее. Я крайне слаб и беспомощен.

«Спасение», — шепчу я.

⁵ Здесь нет спасения,⁶ ты должен оставаться спокойным, или потревожишь других. Стоит ночь, и другие люди хотят поспать».

Я вижу: это слугитель. Палата тускло освещена слабой лампой и отягощена печалью.

«Я не смог найти пути».

С: «Вам сейчас не нужно находить пути».

Он говорит правду: никому не нужно находить путь. Путь или, что бы [30/31] это ни было, по чему идут люди, это наш путь, верный путь. Нет проложенных путей в будущее. Мы говорим, что это путь, и так оно и есть. Мы строим дороги, идя по ним. Наша жизнь — это истина, которую мы ищем. Моя жизнь — это путь для тех, кто придёт после меня.⁷ Для меня истина — только моя жизнь, истина превыше всех остальных. Мы творим истину, проживая её. Жизнь становится истиной, только если оглянуться назад. Мы не находим истину вначале, а потом проживаем её, всё ровно наоборот.⁸

19.I.14⁹

Я слабею. Я не могу. Я не действую. Оно действует через меня. Я жду.¹⁰

¹ В *LN* добавлено: «...двенадцатый час завершился» (*ibid*). В *Психологии и религии* Юнг комментировал символизм мировых часов (*CW 11, pars. 110ff*).

² Предыдущая строка не появляется в *LN*.

³ В *LN* «недра земли» заменены на «ад» (р. 351).

⁴ Предыдущая строка не появляется в *LN*.

⁵ В *LN* добавлено: «Странный голос говорит:» (р. 351).

⁶ В *Комедии* Данте следующие строки начертаны над воротами в ад: «Оставь надежду, всяк сюда входящий» (*Ал. Песнь 3, 9*).

⁷ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁸ Предыдущие два предложения не появляются в *LN*. Комментарий Юнга к этой записи см. в *LN*, pp. 351–61.

⁹ Понедельник. *Liber Secundus*, глава 17, «Nox quarta» (*LN*, pp. 361ff).

¹⁰ Предыдущий абзац был заменён в *LN* на: «Я слышу шум утреннего ветра, дующего над горами. Кончилась ночь, в которую вся моя жизнь была отдана на волю вечного смятения и растянута между полюсами огня» (р. 361).

¹ «Нужно снять дверь с петель, чтобы открыть свободный проход между здесь и там — [31/32] между да и нет, между верхом и низом, между левым и правым.

Между всеми противоположностями нужно построить просторные проходы, светлые ровные улицы должны вести от одного полюса к другому.

Следует установить весы, стрелка которых мягко качается.

Должно гореть пламя, которое не загасить ветру.

Поток должен течь к своей глубочайшей цели.

Стада диких животных должны двигаться к своим пастбищам по старым звериным тропам.

Стрела должна лететь по своей изогнутой траектории.

Должна взлететь мысль, как жаворонок с посевов. [32/33]

И жизнь?²

[«]Жизнь должна протекать от рождения до смерти и от смерти к рождению — от разума к безумию, от безумия к разуму —³ нерушимая, как путь солнца — Всё должно идти по этому пути[»].

Гнев таится за дверью. Пусть таится — если подождать, он придёт.

Наслаждайся негаснущим светом и будь только собой.

Речь вставшего в тупик подобна рубленой соломе — говорит профессор — Потому речь здорового подобна нерубленой соломе — говорит безумец — просто дольше.

[33/34] На меня нападает тоскливое отвращение. Ад — хорошее слово для такого состояния.⁴

Я случайно и ужасно играю с собой — что, если это путь жизни?⁵ Нужно только идти по нему.

¹ В *LN* это говорит душа.

² Предыдущие три строки не появляются в *LN*.

³ Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

⁴ Предыдущие четыре абзаца не появляются в *LN*.

⁵ Предыдущая часть предложения и следующее предложение не появляются в *LN*.

Это день или ночь — я сплю или бодрствую? Я ел или нет?¹ Я жив или уже мёртв?

Слепая тьма осаждает меня.

Серая стена — серый червь сумерек ползёт вдоль неё — как круглая, сильно раздутая гусеница.² У него круглая морда, и он смеётся. Смех конвульсивный и действительно приносящий облегчение. Я открываю глаза: толстая [34/35] повариха стоит передо мной:

«Ну вы и соня. Вы проспали больше часа».

Я: В самом деле — я спал? Должно быть, мне снился сон — что за ужасная пьеска! Я уснул в этой кухне. Это в самом деле земля Матерей?³

П: Выпейте воды, вы ещё не вполне пришли в себя.

Я: Да, от такого сна, пожалуй, запьёшь. Где мой Фома? Вот он лежит — открыт на двадцать первой главе:

«Превыше всего и во всем, душа моя, да будет всегда в Боге твое успокоение, [35/36] ибо Он всем святым покой вечный».⁴

Я читаю это предложение вслух — с удивлённой вопросительной интонацией после каждого слова.⁵

П: Если вы уснули на этом предложении, должно быть, у вас был прекрасный сон.

Я: Я точно спал — я подумаю об этом сне.

Кстати говоря, не скажете, чей вы повар?

П: Библиотекаря. Он любит хорошую стряпню, и я с ним много лет.

Я: О, я понятия не имел, что у библиотекаря такая кухня.

П: Да, он, знаете ли, гурман. [36/37]

Я: Прощайте, мадам повар, и спасибо вам за приют.

П: Всегда рады, и вам спасибо.

Теперь я снаружи. Значит, это была кухня библиотекаря —! Он в самом деле знает, что за еда готовится внутри? Он точно не заходил сюда для храмового сна.⁶ Он здесь только ест, как мещанин.⁷

Думаю, надо вернуть ему Фому.

Я вхожу в библиотеку, всё так же, как было раньше.

¹ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

² Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

³ В первом акте второй части *Фауста* Гёте Фауст должен спуститься в землю Матерей. Было много споров о смысле этого термина у Гёте. Гёте говорил Иоганну Петеру Эккерману, что источником был Плутарх. По всей вероятности, он ссылался на обсуждение богинь-матерей Энгигона. Юнг упоминал этот эпизод в *Трансформациях и символах либидо* (CW B, par. 206). В 1958 г. он отождествлял землю Матерей с коллективным бессознательным (*A Modern Myth of Things That Were Seen in the Skies*, CW 10, par. 714).

⁴ О подражании Христу, Книга 3, Глава 21.

⁵ Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

⁶ Юнг имеет в виду греческую практику сонной инкубации. См. С. А. Meier, *Healing Dream and Ritual: Ancient Incubation and Modern Psychotherapy* (Einsiedeln: Daimon Verlag, 1989).

⁷ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

Б: «Добрый вечер, вот и снова вы».

Я: Добрый вечер, господин Библиотекарь. Я пришёл вернуть Фому. Я немного посидел на вашей [37/38] кухне за стеной и почитал — не подозревая, что это ваша кухня.

Б: Полно, не стоит беспокоиться. Надеюсь, моя повариха вас хорошо приняла.

Я: Не могу жаловаться на приём. У меня даже был послеобеденный сон над Фомой.

Б: Это меня не удивляет. Эти молитвенники ужасно скучны.

Я: Да, для людей вроде нас. Но ваша повариха находит эту книжку очень поучительной.

Б: Ну да, для поварихи.

Я: Вы когда-нибудь практиковали сон на своей кухне?

Б. (смеясь): Нет, мне никогда не приходила в голову такая странная идея.

Я: Поверьте, таким образом вы многое узнаете [38/39] о своей кухне.

Прощайте!

Я выхожу в коридор и открываю зелёный занавес. За ним прекрасный большой зал с колоннами и видом на величественный сад — волшебный сад Клингзора — эти двое — Амфортас и Кундри — или скорее — на что же я смотрю? — это библиотекарь, а Кундри — его повариха. Он бледен и мучается животом, она разочарована и в ярости.

Клингзор стоит слева, держа перо, которое библиотекарь затыкал за ухо. Отвратительная пьеса: у Клингзора мои черты.¹ [39/40]

Но смотрите, Парсифаль входит справа, у него тоже мои черты.²

Клингзор гневно бросает перо в Парсифаля. Но последний ловит его.

Сцена меняется.

Простая комната, на письменном столе сидит Парсифаль в современной одежде и описывает чудеса своего героического поиска.³

А теперь я встаю на колени — начинается служба Страстной Пятницы:

Входит Парсифаль — медленно. На его голове чёрный шлем, он носит львиную шкуру⁴ и дубинку и современные чёрные брюки.

Я прихожу в ярость и предупредительно протягиваю руки — «осквернитель святилища» шумит в моих ушах.⁵ [40/41]

Парсифаль снимает шлем — это я — переодетый героем.⁶

¹ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

² Последние два предложения заменены в *LN* на: «Как сильно Клингзор напоминает меня! Что за отвратительная игра! Но вот, Парсифаль входит слева. Как странно, он тоже похож на меня» (pp. 353–64).

³ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁴ В *LN* добавлено: «Геркулеса» (p. 364).

⁵ Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

⁶ Предыдущие две части предложения не появляются в *LN*.

Но нет Гурнеманца, чтобы освятить и искупить его. Кундри стоит поодаль, покрыв голову — и — смеясь.¹

Я терпеливо снимаю доспех² и отправляюсь к источнику в белой рубашке кающегося, где омываю руки и ноги и крещу себя во имя того, кто я есть.³ Затем я снимаю рубашку кающегося и надеваю мирскую одежду. Я схожу со сцены и подхожу к себе — ко мне, стоящему на коленях, заостенев. Я поднимаюсь и становлюсь един с собой.⁴ [41/42]

22.I.1914⁵

После этого я иду, как человек, который напряжён и ожидает чего-то нового, о чём никогда не подозревал. Я вслушиваюсь в глубины — предупреждённый, наученный и неустрашимый — снаружи стремясь вести полноценную человеческую жизнь.⁶

«Слушай и пиши:

Всё темно, куда бы ты ни шёл наощупь в этих глубинах — я также темна для самой себя и могу лишь разбивать шатающиеся куски — обломки целостных

¹ В *LN* добавлено: «Публика в восторге и узнаёт себя в Парсифале. Это я» (*ibid.*)

² Это выражение заменено в *LN* на: «покрытый историей и моими химерическими украшениями» (*ibid.*)

³ Последние две части предложения не появляются в *LN*.

⁴ В *Парсифале* Вагнер предложил свою переработку легенды о Граале. Сюжет таков: Титурель и его христианские рыцари хранят Грааль в своём замке со священным копьём, чтобы уберечь его. Клингзор — это волшебник, ищущий Грааль. Он заманил хранителей Грааля в свой волшебный сад, где цветочные девы и колдунья Кундри. Амфортас, сын Титуреля, отправляется в крепость, чтобы убить Клингзора, но оказывается околдован Кундри, роняет священное копье, которым его ранит Клингзор. Амфортас должен коснуться копья, чтобы исцелилась его рана. Гурнеманц, старейший из рыцарей, присматривает за Кундри, не зная её роли в ранении Амфортаса. Голос из святилища Грааля предсказывает, что только простодушный и невинный юноша сможет вернуть копье. Появляется Парсифаль, убивший лебедя. Не зная его имени или имени его отца, рыцари надеются, что он и есть этот юноша. Гурнеманц берёт его в крепость Клингзора. Клингзор приказывает Кундри соблазнить Парсифаля. Парсифаль сражает рыцарей Клингзора. Кундри превращается в прекрасную женщину и целует его. Так он понимает, что Кундри соблазнила Амфортаса, и сопротивляется ей. Клингзор бросает копье в него, и Парсифаль его перехватывает. Замок и сад Клингзора исчезают. После странствий Парсифаль находит Гурнеманца, теперь живущего отшельником. Парсифаль одет в чёрный доспех, и Гурнеманц оскорблён тем, что тот вооружён на Страстную Пятницу. Парсифаль кладёт перед ним копье, снимает шлем и оружие. Гурнеманц узнаёт его и помазывает королём рыцарей Грааля. Парсифаль крестит Кундри. Они отправляются в крепость и просят Амфортаса раскрыть Грааль. Амфортас просит их убить его. Парсифаль входит и касается его раны копьем. Амфортас преображается, и Парсифаль в сиянии поднимает Грааль. 16 мая 1913 г. Отто Менсендик выступил в цюрихском Психоаналитическом обществе на тему «Сага о Граале-Парсифале». Во время обсуждения Юнг сказал: «Исчерпывающая работа Вагнера с легендой о Святом Граале и Парсифале нуждается в дополнении синтетической точкой зрения на то, как различные фигуры соответствуют различным художественным устремлениям. — Преграда инцеста не объясняет, почему рушится колдовство Кундри; напротив, это связано с деятельностью психики, поднимающей человеческие устремления ещё выше» (*MZS*, р. 20). В *Психологических типах* Юнг предложил психологическое толкование *Парсифаля* (*CW* 6, pars. 371–72). Его комментарий к этой записи см. в *LN*, pp. 365–73.

⁵ Четверг. *Liber Secundus*, глава 18, «Три пророчества» (*LN*, pp. 374ff).

⁶ Этот абзац отсутствует в *LN*.

сущностей — потому что ничто не прочно и всё возможно. Ты хочешь принять фрагментарное, разбитое? Хочешь клочок вместо одеяния, пуговицу вместо брюк, свечу вместо солнца? Ты хочешь бессмысленно смешанное, расплавленное и раскрошенное? [«] ¹ [42/43]

Я постепенно приму то, что даёшь мне, душа. У меня нет права судить или отвергать. Судьба отделит пшеницу от соломы. Мы должны также покориться суду бесполезности и разрушения *in maiorem vitae gloriam* [к вящей славе жизни]. ²

«Так слушай. Тут внизу старая броня и ржавые орудия наших отцов, с них свисает убийственная кожаная амуниция, поеденные червями древки копий, искривлённые острия копий, сломанные стрелы, сгнившие щиты, черепа, кости человека и лошади, старые пушки, катапульты, крошащиеся головни, разломанные осадные орудия — всё то, чем битвы былого усеяли землю. Ты примешь всё это?»

Я принимаю это, душа моя, тебе лучше знать. Я буду приветствовать всё, что ты выкопаешь. [43/44] Возможно, судьба позволит мне этим воспользоваться. ³

Тут даже ещё более старые вещи: каменные наконечники копий, каменные дубинки, острые кости, расколотые зубы-наконечники стрел. Дерево так заплесневело, что распадается, посреди лежит чёрное обугленное тряпье, обломки чёрных и красных глиняных сосудов, сгоревшая пшеница, разбитые и разгрызенные кости — всё, что выбросила или потеряла доисторическая деревня. Ты и этого хочешь?

Хочу, дай это мне. Я благодарен тебе. ⁴

Я нахожу раскрашенные камни, вырезанные кости с магическими знаками, талисманские надписи на кожаных мотках и маленьких свинцовых тарелках, грязные мешочки, набитые зубами, человеческими волосами и ногтями, связанные бруски, чёрные шары, заплесневелые шкуры животных — все суеверия, разводившиеся в тёмных [44/45] доисторических временах. Ты примешь всё это?

Я принимаю всё это. Как мне что-то отвергнуть? Вдруг это что-то ценное?

Так прими всё это на себя в ежедневном труде. ⁵ Но я нахожу кое-что похуже — братоубийство — трусливые смертельные удары — пытки — жертвоприношение детей — уничтожение целых народов — поджог — предательство — войну — восстание — и это?

И это, если так должно быть. Но как я могу судить?

¹ В *LN* предыдущий абзац заменён на: «Близятся чудесные вещи. Я воззвал к душе и попросил её погрузиться в потоки, отдалённый рёв которых я слышал. Это произошло 22 января в год 1914, как записано в моей чёрной книге. Итак, она погрузилась во тьму, как пуля, и из глубин обратилась: «Ты примешь то, что я несу?»» (р. 374).

² Предыдущие две строки не появляются в *LN*. Латинская фраза обыгрывает выражение «к вящей славе Господней», девиз иезуитов.

³ Предыдущие две строки не появляются в *LN*.

⁴ Предыдущие два абзаца не появляются в *LN*.

⁵ Предыдущие две строки не появляются в *LN*.

Я нахожу эпидемии — природные катастрофы — потонувшие корабли — разорённые города — пугающих диких животных —¹ голод — человеческую жестокость — и страх — целые горы страха.

Да будет так, раз ты даёшь это. [45/46]

Я нахожу сокровища всех цивилизаций прошлого — величественные изображения Богов — обширные храмы — картины — папирусные свитки — листы пергамента с буквами на мёртвых языках — книги, полные утраченной мудрости — гимны и заклинания древних жрецов — истории, которые рассказывали веками тысячи поколений.

Это целый мир — его мне не обхватить. Как мне принять это?

«Но ты хотел принять всё, что я даю тебе?»² Видишь ли, ты не знаешь своих пределов. Ты можешь ограничить себя?»

Я должен ограничить себя. Кто может постичь такое изобилие?

«Будь доволен и возделывай свой сад со скромностью».³ [46/47]

Я буду. Я вижу, что не стоит отвоёвывать побольше неизмеримого, лучше удовлетвориться меньшим. Хорошо ухоженный садик лучше, чем плохо ухоженный большой сад. Оба сада одинаково малы по сравнению с неизмеримым, но неодинаково ухожены:

«Возьми ножницы и подрежь свои деревья».⁴

23.I.14⁵

Спокойно, сдержанными и уверенными шагами ты приближаешься, душа моя. Мы по ту сторону промежуточного мира? Или мы ещё на пути туда?

«Ещё ночь, но близится день».

Я не осмеливаюсь надеяться [47/48] из страха перед моей жадностью, тоскующей по свету.

«Будь терпелив».

Я научился быть терпеливым и буду этим пользоваться. Я буду молчать и ждать.

⁶ «Разве ты не слышишь что-то время от времени?»

Я ничего не слышу, а что я должен слышать?

«Звон».

¹ Предыдущая часть предложения отсутствует в *LN*.

² Последняя часть предложения не появляется в *LN*.

³ Эти строки отсылают к концовке *Кандида* Вольтера (1759): «Это вы хорошо сказали, — отвечал Кандид, — но надо возделывать наш сад» [зд. в пер. Ф. Сологуба — прим. перев.] В кабинете Юнга был бюст Вольтера.

⁴ Комментарий Юнга к этой записи см. в *LN*, pp. 375–78.

⁵ Пятница. *Liber Secundus*, глава 19, «Дар магии» (*LN*, pp. 379ff).

⁶ Предыдущая часть этой записи не появляется в *LN*.

Звон? Что? Я ничего не слышу.

«Прислушайся».

Возможно, что-то в левом ухе. Что это значит?

«Несчастье».

Я принимаю то, что ты говоришь. Я хочу терпеливо протянуть руку и принять удачу [48/49] и несчастье. Какая польза от страха и бунта?

«Ну, тогда подними руки и прими то, что грядёт».

Что это? Жезл — чёрная змея — чёрный жезл, вырезанный в виде змеи — с двумя жемчужинами Ж вместо глаз — красивый золотой браслет вокруг её шеи. Это не магический жезл?

«Это магический жезл».¹

Что мне делать с магией? Магический жезл — это несчастье? Магия — это несчастье?

«Да, для тех, кто ею обладает».

Это звучит как высказывание древних. Какая ты странная, [49/50] душа моя! Что мне делать с магией?

«Магия многое для тебя сделает».

Боюсь, ты возбуждаешь во мне желание и непонимание. Ты знаешь, что человек беспрестанно тёмные стремится к тёмным искусствам и вещам, которые ничего не стоят.

«Магия нелегка, и она требует жертвы».

Она требует жертвы любви? человечности? Если да, то забери жезл обратно.

«Не торопись, ты слишком быстро судишь. Магия не требует таких жертв. Она требует другие».

Так что же это за жертвы, душа моя?»

[«]Жертва, которую требует магия — это [50/51] утешение».

Утешение? Я верно понимаю? Понимать тебя невыразимо трудно. Что это значит?

«Утешение следует принести в жертву».

Что ты имеешь в виду? Нужно принести в жертву утешение, которое я даю, или утешение, которое я получаю?

«То и другое».

Я в замешательстве — прости меня — это слишком неясно.

«Ты должен пожертвовать утешением ради чёрного жезла, тем утешением, которое ты даёшь, и тем, которое получаешь».

От кого я получаю утешение? От тех, кого люблю? Да. Мне нельзя его получать? Я также даю [51/52] утешение тем, кого люблю. Мне не следует давать это утеше-

¹ О магическом жезле см. Eliphas Levi, *Transcendental Magic: Its Doctrine and Ritual* (1896), tr. A. E. Waite (London: Rider, 1984), pp. 259ff.

ние?¹ Это значит утрату части человечности, а её место занимает то, что называют жестокостью по отношению к себе и другим.²

«Так и есть».

Чёрный жезл требует этой жертвы?

«Он требует этой жертвы».

Могу ли я, позволено ли мне принести такую жертву ради чёрного жезла? Я должен принять чёр жезл?

«Ты хочешь или нет?»

Я не могу сказать. Что я знаю о чёрном жезле? Кто даёт его мне?

«Тьма, лежащая перед тобой. Это следующее, что идёт к тебе. Ты примешь её и принесёшь свою [52/53] жертву к её ногам?»

Трудно принести жертву темноте, слепой тьме — и какую жертву! Отказаться от получаемого утешения тяжело; но ещё тяжелее мне кажется отказывать в утешении.³

«Природа — природа предлагает утешение? Она принимает утешение?»

Ты говоришь весомые слова. Какого одиночества ты требуешь от меня?

«Это твоё несчастье и — сила чёрного жезла».

Какими мрачными и полными дурных предзнаменований словами ты говоришь! Ты облачаешь меня в доспех ледяной жестокости? Ты сдавливаешь моё сердце бронзовым панцирем? Я доволен теплотой жизни. Я должен скучать о ней ради магии? Что такое магия? [53/54]

«Ты не знаешь магии. Так что вглядывайся, ~~а не~~ не осуждай. На что ты сердишься?

Магия! Что мне делать с магией? Я не верю в неё. Я не могу верить в неё. Моё сердце замирает, и сомнение проникает во все врата — и я должен пожертвовать большей частью своей человечности ради магии?

«Я советую тебе не бороться с этим и прежде всего — не веди себя как просвещённый, будто глубоко внутри не веришь в магию».

Ты безжалостна. Но я не осмеливаюсь верить в магию или, может быть, у меня о ней совершенно ложное представление.

«Очевидно, это так. Отбрось своё слепое суждение и критическую позу, иначе никогда не поймёшь. Ты всё ещё собираешься потратить годы на ожидание? [54/55]

Будь терпелива, я ещё не преодолел свою науку.

«Самое время преодолеть».

Ты просишь многого, почти слишком многого. В конце концов — важна ли наука для жизни? Наука — это жизнь? Есть люди, живущие без науки.

Но преодолеть науку ради магии? Это звучит жутко и угрожающе.

¹ Предыдущая часть абзаца не появляется в *LN*.

² В *Ессе Ното* Ницше пишет: «Всякое завоевание, всякий шаг вперед в познании следует из мужества, из строгости к себе, из чистоплотности в отношении себя» (Предисловие, 3).

³ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

«Ты боишься? Не хочешь рисковать жизнью? Разве не жизнь ставит перед тобой эту проблему?»

И это вводит меня в такое изумление и смятение. Ты не просветишь меня своим словом?

«О, так ты ждёшь утешения? [55/56] Ты хочешь жезл или не хочешь?»

Ты разрываешь мне сердце на куски. Я хочу отдаться жизни. Но как трудно — как это трудно!

Я хочу чёрный жезл, потому что это первое, что дарует мне тьма. Я не знаю, что значит твой жезл и что он даёт — я только чувствую, что он отнимает!

Я становлюсь на колени и принимаю этого посланца тьмы — чем бы он ни хотел казаться. Я принял чёрный жезл — я держу его, полного загадочности, в руке — он холодный и тяжёлый, как железо — жемчужные глазки змеи глядят на меня слепо и слепяще — чего ты хочешь, таинственный и жуткий дар? Вся тьма [56/57] всех прежних миров скопилась в тебе, жёсткий чёрный кусок стали! Ты время и судьба — сущность природы, тяжёлая и вечно безутешная — но в то же время сумма всей таинственной творческой силы? — Древние магические слова словно исходят из тебя — таинственные влияния веют вокруг тебя? Какие могучие искусства дремлют в тебе?

Ты пронизываешь меня невыносимым напряжением. Какие гримасы ты будешь строить? Какую ужасную тайну ты сплетёшь создашь? Ты принесёшь плохую погоду, бури, холод, гром и молнию, или сделаешь поля плодородными и благословишь тела беременных женщин?

Какова зримая примета твоего [57/58] существа? Или ты в этом не нуждаешься, сын тёмного лона? Ты довольствуешься смутной тьмой, для которой ты сгущение и кристалл? Где в душе мне хранить тебя? В сердце? О, горе, неужели сердце станет твоим святилищем, твоей святой святых? Так выбери место. Я принял тебя.

Какое сокрушительное напряжение ты приносишь! Натянутый лук моих нервов ломается? Я должен это вынести. Я принял посланца ночи.

Что ты говоришь, душа моя?

«В нём живёт могущественнейшая магия».

Я словно чувствую это, но не могу выразить в словах присущую ему кошмарную силу.

Я хотел рассмеяться, потому что столь многое [58/59] меняется в смехе и только так находит разрешение. Вот смех умирает во мне. Его магия тверда, как железо, и холодна, как смерть.

Какая польза от слов?

Я наедине с этим сыном тьмы.

Возможно, он хочет говорить?

«Попытайся».

Мой чёрный жезл, мой змей, ты говоришь?

Моя душа, магия безмолвна.

«Возможно, она будет действовать».¹

Прости меня, душа моя. Это не моё нетерпение. Но мне кажется, что нечто должно прорвать это невыносимое напряжение, пришедшее с жезлом.

«Подожди, не закрывай [59/60] глаза и уши».

Я вздрагиваю — и не знаю, почему.

«Иногда нужно вздрогнуть перед — величайшим».

Я склоняюсь, душа моя, перед неведомыми силами — я бы хотел освятить алтарь каждому неведомому Богу.

«Смири своё нетерпение. Здесь тебе поможет только ожидание».

Подожди — я знаю это слово. Геркулес тоже находил ожидание тягостным, когда держал свод небес на плечах.

«Он должен был ожидать возвращения Атласа и держал небесный свод ради яблок».²

Я должен подчиниться. Чёрное железо в сердце даёт мне тайную силу. Это вроде вызова и вроде — [60/61] неуважения³ к людям — жертвоприношение утешения — оно было исполнено?⁴

27.I.14⁵

Я должен сползти воедино из множества различных уголков, в которых потерялся. Я возвращаюсь к чёрному змеиную жезлу. Оно похож на твёрдый и могучий кусок смерти.

Но смерть кажется властью, принадлежащей мне.

Эта мысль, возможно, происходит, с другой стороны. Как я мог мечтать о чём-то подобном? Или я заблуждаюсь? Я должен не спрашивать, а описывать то, что мне говорят глубины.

«Слова из глубин», — повторяют они.

«Слова жизни, из сокровенной и темнейшей жизни», — говорит другой голос. Тщеславие и соблазнение обманчиво [61/62] смешались, потому что власть мерца-

¹ Предыдущие семь абзацев не появляются в *LN*.

² Предыдущие три абзаца не появляются в *LN*. Речь идёт об одиннадцатом подвиге Геркулеса, когда он должен был достать золотые яблоки, дарующие бессмертие. Атлас предложил их ему, если Геркулес на время подержит небесный свод.

³ Это слово заменено в *LN* на «презрение» (р. 383).

⁴ Предыдущие две части предложения не появляются в *LN*. Комментарий Юнга к этой записи см. в *LN*, pp. 383–88.

⁵ Вторник. *Liber Secundus*, глава 20, «Путь креста» (*LN*, pp. 388ff). К этому разделу в каллиграфическом томе Юнг добавил примечание на полях: «25 февраля 1923 г. Превращение чёрной магии в белую».

ет разнообразными обманчивыми и соблазнительными цветами.¹ Власть любит подчинять внешние вещи, заманивать людей, накапливать богатство, совершать акты насилия. Власть хочет освободиться от служения, подчинения и послушания, хочет собирать там, где не сеяла, побеждать там, где нечего терять.²

Власть хочет удовлетворять все ребяческие желания.

Чего хочет твоя власть?

«Твоя власть хочет жизни».

Это власть над жизнью?

«Увидишь»?

³ Я вижу столб, как у креста, и чёрная змейка жезла обвивается вокруг него.

Я вижу висящего распятого на [62/63] древе, змея заползает в раны в его боку и снова появляется изо рта мёртвого.⁴ Она стала белой. Она обвилась вокруг застывшего тела мертвеца и улеглась на его лбу. Свет сиял сквозь его голову. Солнце взошло на востоке.

⁵ «Ты понимаешь?»

Я понимаю, это чудо перерождения, погружения в смерть и преодоления смерти. Но на что нацелен этот образ? Он говорит о бессмертии?

«Не спеши и не будь таким настораживающе дерзким. Ты ничего не можешь вынудить», — почему ты говоришь о бессмертии? Что ты знаешь об этом? Есть другие вещи, которые ты ухватываешь легче. Но ты любопытен». [63/64]

Ты права, моя душа, я алчный.

«Воздержись и будь терпеливым».

Я выжидаю и признаю моё полное невежество и пустоту перед тобой.

⁶ «Пусть идёт дождь, пусть дует ветер, пусть воды текут и горит огонь. Пусть все вещи идут своим путём, пусть становление возьмёт своё».⁷

Мне уйти, отложить перо?

«Да, уходи».

Я подчиняюсь.

¹ В 1917 г. в *Психологии бессознательных процессов* Юнг понимал метафизику воли к власти у Ницше как эквивалент импульса к власти Альфреда Адлера (в сущности, следуя за Адлером, который сближал их). В *Collected Papers on Analytical Psychology*, pp. 381ff.

² Ср. Мф. 6:26: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их».

³ Предыдущая часть записи не появляется в *LN*.

⁴ Предыдущие два предложения заменены в *LN* на: «Я увидел чёрную змею, обвивающуюся вокруг дерева креста. Она заползла в тело распятого и снова появилась преображённая из его рта» (р. 388).

⁵ Следующие шесть абзацев не появляются в *LN*.

⁶ В *LN* здесь добавлено: «Но белая птица, сидевшая на плече, говорила мне:», перемещая личность собеседника с души на белую птицу (pp. 388–89).

⁷ Комментарий Юнга к этой части записи см. в *LN*, pp. 389–95. Следующие пять абзацев не были воспроизведены в *LN*.

Позволь мне встать перед тобой ещё раз, встать на колени и протянуть руки в мольбе, чтобы разрешить это невыносимое напряжение, [64/65] эту бессознательную неспособность.

Что я исключаю? Я не хочу это слышать? Я не могу это уловить? В чём сила жезла? И жезл — в чём его смысл?

¹ Клумба тюльпанов — небольшой сад — маленький домик — здесь живут два престарелых человека — Филемон и Бавкида.² — Филемон — это старый маг, который ещё не сумел изгнать старость, но проживает её с достоинством. И его жене остаётся поступать так же. Их интересы стали узкими, даже детскими. Они поливают свою клумбу тюльпанов и рассказывают друг другу о недавно появившихся цветах. Их дни расплываются в бледной, слегка колеблющейся светотени, [65/66] подсвеченной прошлым, едва ли боящейся тьмы грядущего.

¹ Liber Secundus, глава 21, «Маг» {1} (LN, pp. 395ff).

² В *Метаморфозах* Овидий рассказывает историю о Филемоне и Бавкиде. Юпитер и Меркурий в облике смертных отправились в холмистую область Фригии. Они ищут, где отдохнуть, и в тысячах домов им отказывают. Их пускает к себе одна престарелая пара. Они поженились в своём домике в юности и состарились вместе, без ропота принимая свою бедность. Они готовят ужин для своих гостей. За ужином они видят, что графин наполняется сам собой. В честь гостей они предлагают зарубить единственного гуся. Гусь бежит к Юпитеру и Меркурию, которые, раскрыв себя, говорят, что не нужно убивать животное. Затем боги говорят паре, что их соседи будут наказаны, но они спасутся. Они просят пару взобраться с ними на гору. Добравшись до вершины, пара видит, что вся округа была затоплена. Только домик остался, и он превратился в храм с мраморными колоннами и золотой крышей. Юпитер и Меркурий спрашивают пару, чего они хотят, и Филемон отвечает, что хотели бы стать жрецами и служить богам в их святилище и умереть в один день. Их желание исполняется, и умирая, они превращаются в деревья, стоящие друг подле друга.

В *Фаусте* Гёте, второй части, пятом действии, странник, которого некогда спасли Филемон и Бавкида, снова посещает их. Фауст, строящий город на осушённой земле у моря, говорит Мефистофелю, что хочет, чтобы Филемон и Бавкида переехали. Мефистофель и трое могучих мужчин сжигают дом вместе с Филемоном и Бавкидой. Фауст отвечает, что хотел лишь сменить им обиталище. Эккерману Гёте вспоминал: «Мои Филемон и Бавкида ... не имеют никакого отношения к той известной древней паре или связанной с ними традиции. Я дал этой паре имена, только чтобы возвысить персонажей. Личности и отношения сходны, и потому использование имён оказало хорошее воздействие» (6 июня 1831 г., цит. в Goethe, *Faust 2*, ed. Hamlin, p. 428). 7 июня 1955 г. Юнг писал Элис Рафаэль, упоминая комментарий Гёте Эккерману: «О *Филемоне и Бавкиде*: типично гётевский ответ Эккерману, в котором он пытается замести свои следы. *Филемон* (Филѳма [philema] = поцелуй), любящий, простая старая любящая пара, близкая к земле и помнящая о богах, полная противоположность сверхчеловеку Фаусту, созданию дьявола. Кстати говоря, в моей башне в Боллингене есть скрытая надпись: *Philemon sacrum Fausti poenitentia* [Святилище Филемона, покаяние Фауста]. Когда я впервые столкнулся с архетипом мудрого старца, он назвал себя *Филемоном*. ... В Алхимии Ф. и Б. представляют artifex или vir sapiens и soror mystica (Зосима-Феозва, Никола Фламель — Перонелла, господин Саус и его дочь в XIX-ом стол.) и пара в *Mutus Liber* (около 1677)» (Библиотека Бейнеке, Йельский университет). О надписи Юнга см. также его письмо Герману Кайзерлингу от 2 января 1928 г. (*Letters 1*, p. 49). 5 января 1942 г. Юнг писал Полю Шмитту: «Я принял *Фауста* как моё наследие и, более того, как защитник Филемона и Бавкиды, которые, в отличие от Фауста-сверхчеловека, принимают богов в безжалостную и забывшую о богах эпоху» (*Letters 1*, pp. 309–10).

Почему Филемон маг?¹ Он наколдовал себе бессмертие, потустороннюю жизнь? Он, возможно, был магом только по профессии, а теперь кажется магом на пенсии, оставившим службу. Его страстность и творческий запал иссякли, и он наслаждается заслуженным отдыхом из-за простого бессилия, как всякий старик, которому не остается делать ничего, кроме как сажать тюльпаны и поливать свой садик. *Otium cum dignitate* — [покой в сочетании с достоинством].²

Магический жезл лежит в буфете вместе с 6 и 7 книгами Моисея³ и мудростью Гермеса Трисмегиста.⁴ Филемон стал старым и несколько слабоумным. Он всё ещё бормочет магические заклинания для благополучия скота в обмен на мелкую монету [66/67] или дар для кухни. Но неясно, верны ли эти заклинания и понимает ли он их смысл. Также ясно, что едва ли имеет значение, что именно он бормочет, так как скот вполне может благоденствовать и сам по себе.

Вот идёт в сад старый Филемон, согбенный, с лейкой в трясущейся руке. Бавкида стоит у кухонного окна и спокойно и безмятежно смотрит на него. Она видела эту картину уже тысячи раз, каждый раз чуть дряхлее, чуть неможнее, каждый раз видя её чуть хуже, потому что её зрение постепенно слабело.⁵

Я стою у садовых ворот. Они не заметили незнакомца. Здесь всё маленькое и узкое — словно прихожая [67/68] перед кладбищем.⁶

«Филемон, старый маг, как ты?» — обращаюсь я к нему. Он не слышит меня, потому что глух, как пробка. Я следую за ним и беру за руку. Он поворачивается и неуклюже и трясясь, приветствует меня. У него белая голова и тонкие белые волосы, морщинистое лицо — но на его лице что-то есть. Глаза серые и старые — что-то с ними странно, можно сказать, что они — живые.

¹ В *Психологических типах* в процессе обсуждения Фауста Юнг писал: «Маг сохранился в следах древнего язычества, он обладает природой, которая остаётся незатронутой христианским расколом, то есть он имеет доступ к бессознательному, оставшемуся языческим, где противоположности ещё находятся в своём первоначальном нетронутом состоянии, по ту сторону всякой греховности, но, будучи усвоены сознательной жизнью, создают зло и добро с той же древней и, следовательно, дαιмонической силой. Потому он как разрушитель, так и спаситель. Эта фигура потому преимущественно подходит для того, чтобы стать символом-носителем попытки объединения» (CW 6, pag. 316).

² Предыдущее предложение не появляется в *LN*. Оно взято из речи Цицерона *В защиту Публия Сестия*: «Итак, какую цель должны видеть перед собой эти кормчие государства, на что смотреть, куда направлять свой путь? Самое важное и наиболее желательное для всех здравомыслящих, честных и благоденствующих — это покой в сочетании с достоинством» (XIV, 98) [зд. в пер. В. О. Горенштейна — прим. перев.]

³ Шестая и седьмая книги Моисея (то есть дополнение к пяти, составляющим Тору) были опубликованы в 1849 г. Иоганном Шибелем, который утверждал, что они появились из древних талмудических источников. Эта работа, сборник каббалистических магических заклинаний, приобрела длительную популярность.

⁴ Фигура Гермеса Трисмегиста сформировалась в результате слияния Гермеса и египетского бога Тота. *Corpus Hermeticum*, собрание преимущественно алхимических и магических текстов, датирующихся началом христианской эры, но поначалу считавшихся гораздо древнее, было приписано именно ему (Brian Copenhaver, ed. and tr., *Hermetica: The Greek Corpus Hermeticum and the Latin Asclepius in a New English Translation, with Notes and Introduction* [Cambridge: Cambridge University Press, 2000]).

⁵ В *Фаусте* Гёте Филемон говорит о своей слабости: «Стар я стал сидеть в дозоре / По ночам на маяке, / А тем временем и море / Очутилось вдалеке» (Часть II, Акт 5 [зд. в пер. Б. Пастернака — прим. перев.]).

⁶ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

«Я в порядке, незнакомец», — говорит он, — «но что ты тут делаешь?»

Люди говорят, что ты понимаешь в тёмных искусствах. Я этим интересуюсь. Ты расскажешь мне об этом?

Ф: «О чём рассказать? Нечего рассказывать». [68/69]

Я: Не будь грубым, старик. Я хочу учиться.

Ф: Ты точно поучёнее меня будешь. Чему мне научить тебя?

Я: Не скупись. Я точно не собираюсь становиться твоим соперником. Мне просто любопытно знать, чем ты занимаешься и какую магию совершаешь.

Ф: Чего ты хочешь? В прошлом я, то тут, то там помогал людям, которые были больны или неимущи.

Я: Что именно ты делал?

Ф: Ну, я просто делал это с симпатией.

Я: Старик, это слово звучит комично и двусмысленно.

Ф: Отчего же?

Я: Это может значить, что ты помогал людям либо выражая сочувствие, либо суеверными, симпатическими средствами. [69/70]

Ф: Ну, это наверняка было то и другое.

Я: И в этом была вся твоя магия?

Ф., возбуждённый: Я знаю много больше.

Я: Что же, расскажи мне!

Ф: Это не твоё дело. Ты дерзок и надоедлив.

Я: Пожалуйста, не подумай дурного о моём любопытстве. Недавно я услышал кое-что о магии, что пробудило мой интерес к этой забытой практике. И тогда я пришёл к тебе, потому что слышал, что ты понимаешь в тёмных искусствах. Если бы магии до сих пор учили в университете, я бы изучил её там. Но последний колледж магии закрылся давным-давно. Сегодня ни один профессор уже ничего не знает о магии. Так что не будь таким обидчивым и скарёдным, а лучше расскажи немного о своём искусстве. [70/71] Ты ведь не хочешь уносить свои секреты с собой в могилу, не так ли?

Ф: Ну, ты всё равно будешь только смеяться. Так зачем бы мне рассказывать тебе что-то? Лучше пусть всё это похоронят вместе со мной. Всё это всегда можно открыть заново. Человечество это никогда не утратит.

Я: Что ты имеешь в виду? Ты полагаешь, что магия присуща человеку от рождения?

Ф: Если бы мог, я бы сказал, что, конечно, так и есть. Но ты сочтёшь это смешным.

Я: Нет, в этот раз я не буду смеяться, потому что часто задумывался о том факте, что все люди во все времена и во всех местах имеют какие-то магические обычаи. Как видишь, я уже думал в схожем направлении.

Ф: Что ты понимаешь в магии?

Я: Проще говоря, ничего или очень мало. Мне кажется, что магия — это одно из средств внушения [71/72] людей, подчинённых природе. Я не могу найти другого реального смысла в магии.

Ф: Твои профессора, пожалуй, тоже только это и знают.

Я: Да, но что знаешь ты?

Ф: Я бы предпочёл не говорить.

Я: Не будь таким скрытным, старик, иначе я решу, что ты знаешь не больше моего.

Ф: Как тебе вздумается.

Я: Твой ответ предполагает, что ты наверняка понимаешь больше прочих. Это звучало очень уверенно.

Ф: Смешной ты человек, как же ты упрям. Но мне нравится, что разум тебя не удерживает.

Я: Это в самом деле так. Всякий раз, когда [72/73] я хочу научиться и понять что-то, я отставляю в сторону свой так называемый разум и даю необходимую свободу действий тому, что пытаюсь понять. Я давно счёл это необходимым, потому что наука полна пугающих примеров противоположного.

Ф: В этом случае ты хорошо поступаешь.

Я: Надеюсь. Итак, давай не отвлекаться от магии.

Ф: Почему ты так непреклонно хочешь узнать больше о магии, если заявляешь, что отказался от разума? Или ты не считаешь последовательность частью разума?

Я: Считаю — я думаю, или, скорее, мне кажется, что ты довольно опытный софист, умело обводящий меня вокруг пальца. [73/74]

Ф: Тебе так кажется, потому что ты судишь обо всём с точки зрения своего ума. Если бы ты на время отбросил разум, то отказался бы и от последовательности.

Я: Это трудное испытание. Но если я хочу стать умелым, полагаю, нужно подчиниться твоей просьбе. Хорошо, я слушаю.

Ф: Что ты хочешь услышать?

Я: Ты у меня не выпытаешь. Я просто жду, что ты собираешься сказать.

Ф: А, что, если я ничего не скажу?

Я: Ну — тогда я уйду, несколько смущённый и буду думать, что Филемон, по меньшей мере, прозорливый лис, у которого определённо есть чему поучиться.

Ф: С этим, мальчик мой, ты кое-чему научился о магии.

Я: Мне нужно это усвоить. Должен признать, [74/75] что это несколько удивительно. Я представлял себе магию несколько иначе.

Ф: Ну, это показывает, как мало ты понимаешь в магии и как неверны твои представления о ней.

Я: Если это должно быть так или так и есть, то должен признать, что я подходил к проблеме совершенно неверно. Из того, что ты говоришь, я делаю вывод, что эти материи недоступны обычному пониманию.

Ф: И магия тоже.

Я: Но ты совсем меня не отпугнул; напротив — я ещё больше сгораю от любопытства. Всё, что я пока знаю, в сущности, негативно.

Ф: С этим ты усвоил второй главный пункт. Прежде всего, ты должен знать, что магия [75/76] — это отрицание того, что ты можешь знать.

Я: Это тоже, мой дорогой Филемон, кусочек знания, который трудно переварить, и он причиняет мне немалую боль. Отрицание того, что можно знать? Полагаю, ты имеешь в виду, что она не может быть познана, но? На этом моё понимание исчерпывается.

Ф: Это третий пункт, который следует отметить как важнейший: а именно, понимать тебе нечего.

Я: Ну, должен признать, это ново и странно. То есть в магии нечего понимать?

Ф: Именно. Магия оказывается именно тем, что ускользает от постижения.

Я: Но тогда каким дьяволом — прости мой французский — можно учить и учиться магии?

Ф: Магии не учат и не учатся. [76/77] То, что ты хочешь учиться магии — это нелепо.

Я: Но тогда магия лишь обман.

Ф: Берегись — ты снова начал рассуждать.

Я: Трудно существовать без разума.

Ф: Именно потому магия так трудна.

Я: Что ж, в таком случае, это тяжёлый труд. Я делаю вывод, что для адепта неизбежное условие — это полностью разучиться своему разуму.

Ф: Боюсь, что так.

Я: О, боги, это серьёзно.

Ф: Не так серьёзно, как ты думаешь. Разум угасает со старостью, поскольку это по сути аналог импульсов, которые гораздо сильнее в юности, чем в старости. Ты когда-нибудь видел молодых магов?

Я: Нет. Маг, как известно, стар.

Ф: Вот видишь. Я прав. [77/78]

Я: Но тогда перспективы адепта печальны, он должен ждать старости, чтобы пережить таинства магии.

Ф: Если он откажется от разума раньше, то сможет пережить кое-что полезное и раньше.

Я: Это кажется мне опасным экспериментом. Нельзя беспрепятственно отказаться от разума.

Ф: Но и магом стать непросто.

Я: Ты расставляешь проклятые ловушки.

Ф: Чего ты хочешь? Такова магия.

Я: Старый дьявол, ты заставляешь меня завидовать неразумию старости.

Ф: Ну и ну, юноша, который хочет стать стариком! И зачем? Он хочет научиться магии, но не отваживается ради своей юности! [78/79]

Я: Ты расставляешь жуткую сеть, старый охотник.

Ф: Пожалуй, тебе стоит подождать несколько лет с магией, пока волосы слегка не поседеют; тогда твой разум может несколько ослабеть.

Я: Я не хочу тебя слушать, старый насмешник. Я и так нелепо попался на твои рассказы. Я тебя не понимаю —

Ф: Но нелепость, возможно, прогресс на пути к магии.

Я: Кстати, чего же ты намереваешься достичь своей магией?

Ф: Я жив, как видишь.

Я: Другие старики тоже.

Ф: Да, но ты видел, как?

Я: Ну, стоит признать, это неприятное [79/80] зрелище. Кстати, время оставило и на тебе свой след.

Ф: Я знаю.

Я: Так что даёт тебе преимущество?

Ф: Его нелегко заметить.

Я: Что за преимущество трудно заметить?

Ф: Я называю это магией.

Я: Ты движешься по зловецкому порочному кругу, дьявол тебя побери.

Ф: Ну, это ещё одно преимущество магии, даже дьявол меня не возьмёт. Ты начинаешь понимать магию, так что, следует полагать, ты хорошо для неё подходишь.

Я: Благодарю тебя, Филемон, этого достаточно — у меня голова кружится. До свидания!

Я выхожу из [81/81] садика и иду по улице. Люди стоят вокруг группами и украдкой глазают на меня. Я слышу, как они шепчут за моей спиной: «Смотри, вот он идёт, ученик старого Филемона — он долго говорил со стариком — он чему-то научился — он знает тайны — вот бы мне уметь то, что он умеет».

«Замолкните, проклятые дураки», — хочу закричать я на них, но не могу, потому что не знаю, научился ли я чему-то на самом деле.

И поскольку я молчу, они все ещё более убеждаются, что я научился у Филемона тёмным искусствам. [81/82]¹

¹ Комментарий Юнга ко второй части этой записи см. в *LN*, pp. 403–13.

29.1.14

¹ «Душа моя, что я могу сказать? Что ты скажешь?»

² «Пусть травой порастёт всё, что ты делаешь»

Это звучит утешительно и мало что говорит.

«Ты хотел бы, чтобы я говорила больше? Я могу быть и банальной, как ты знаешь, и удовлетвориться этим».

Мне это кажется трудным. Я думаю, что ты тесно связана со всем потусторонним, со всем величайшим и необычным. Потому я думал, что тебе будет чужда банальность.

«Банальность — это моя составляющая, подлинная точка покоя».³

Это было бы менее изумительно, если бы я сказал такое о себе.

«Чем более ты необычен, тем более обычной могу быть я. Подлинный [82/83] отдых для меня. Думаю, ты чувствуешь, что мне не нужно сегодня мучить себя».

Я чувствую что-то подобное — и я беспокоюсь, что, в конце концов, ты почувствуешь себя слишком хорошо, и твоё дерево, наконец в конце концов, не принесёт больше плода.

«Уже беспокоишься? Не глупи и дай мне отдохнуть».

Я с радостью сделаю это, но тайно беспокоюсь, что источники могут высохнуть.

«Источникам нужно время от времени пересыхать».⁴

Я замечаю, что ты любишь быть банальной. Но я не принимаю тебя близко к сердцу, дорогой друг, ведь теперь знаю тебя гораздо лучше, чем прежде.

«Ты узнаёшь меня лучше. Боюсь, ты начинаешь терять уважение». [83/84]

Ты тревожишься? Полагаю, это необоснованно. Я достаточно хорошо осведомлён о близости пафоса и банальности. Это меня больше не пугает.

«Итак, ты заметил, что становление души следует змеинному пути? Ты видел, как скоро день становится ночью, а ночь — днём? Как вода и суша меняются местами? И всё судорожное попросту разрушительно?»

Полагаю, я видел всё это. Я хочу немного полежать под солнцем на тёплом камне. Может, солнце меня высидит.

«Ты научился кое-какой мудрости».⁵ [84/85]

¹ Четверг, *Liber Secundus*, глава 21, «Маг» {2} (LN, pp. 414ff.) Следующий отрывок был добавлен здесь в LN, где душа указывается как змея (о тройственной природе души см. Книга 5): «Я продолжаю свой путь в сопровождении прекрасно отполированного куска стали, закалённого в десяти огнях, надёжно привязанного к платью. Втайне я ношу под одежду кольчугу. Накануне я полюбил змей и разрешил их загадку. Я сижу рядом с ними на горячих камнях, лежащих у дороги. Я знаю, как поймать их ловко и жестоко, этих холодных дьяволов, жалящих в пятю зазевавшихся. Я стал их другом и играл на мягко звучащей флейте. Но я украшаю свою пещеру их блестящими шкурами. Идя по своей дороге, я пришёл к красному камню, на котором лежала переливчатая змея. Поскольку теперь я научился магии у ΦΙΛΗΜΩΝ, я снова взял свою флейту и играл сладкозвучную магическую песню, чтобы заставить её поверить, что она моя душа. Когда она была достаточно околдована...» (p. 413).

² В LN добавлено: «Но она заговорила, льстиво и потому снисходительно (p. 414).

³ Предыдущая часть предложения не появляется в LN.

⁴ Предыдущие два абзаца не появляются в LN.

⁵ Предыдущее предложение не появляется в LN.

31.1.14¹

Не знаю, что сказать. Все горшки на плите.

«Готовится ужин».

Похоронное пиршество, Тайная вечеря, «Причащение», полагаю?²

«Единство со всем человечеством».

Ужасающая, сладкая мысль: быть и гостем, и блюдом на этом ужине!³

«В этом и было высшее удовольствие Христа».

Как свято, как грешно, как всё горячее и холодное сливается вместе! Безумие и разум хотят сочетаться браком, агнец и волк мирно пасутся бок о бок.

Каждое слово замерзает во льду и капает огнём. Потому мои слова не текут.⁴ Всё это — и да, и нет.

Низшее и высшее становятся едины.⁵ [85/86]

Противоположности принимают друг друга, встречаются с глазу на глаз и смешиваются. Они признают своё единство в агонизирующем удовольствии.

Моё сердце переполнено дикой битвой, но не разрывающей битвой, а борьбой за единение.⁶ Волны тёмной и светлой рек сталкиваются, одна разбивается о другую.

Похоже, во мне выковывается антагонистическое единство.⁷

Я никогда не испытывал такого раньше.

«Это ново, дорогой мой, по крайней мере, для тебя. Мне это не было чуждо. Ты один злился на меня».⁸

Полагаю, ты насмеяешься — но слёзы и смех едины. Я больше не чувствую ни того, ни другого. Я твёрд от напряжения.

Любящий возносится на небеса, [86/87] и сопротивляющийся поднимается так же высоко. Они переплетены и не отпустят друг друга, поскольку излишнее напряжение, похоже, указывает на предельную и высшую возможность чувства.

¹ Суббота. Днём ранее Медер представил перед цюрихским Психоаналитическим обществом работу «О проблеме сновидения». Во время обсуждения Юнг критиковал конкретизм теории Фрейда и ввёл различие между рассмотрением снов с объективной и субъективной точек зрения. Он утверждал, что сновидения имеют склонность уравнивать и регулировать, а также обладают целевой функцией.

² Это предложение заменено в *LN* на: «Тайная вечеря, полагаю?» (р. 416).

³ В *Mysterium Coniunctionis* Юнг отмечал: «Чтобы исцелить спроецированный конфликт, он должен вернуться в душу индивидуума, где и зародился бессознательным образом. Тот, кто хочет справиться с этим нисхождением, должен праздновать Тайную вечерю с самим собой и есть собственную плоть и пить свою кровь, а это значит, что он должен признать и принять другого в себе» (CW 14, par. 512).

⁴ Предыдущие два предложения не появляются в *LN*.

⁵ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁶ Предыдущие две части предложения не появляются в *LN*.

⁷ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁸ Предыдущие два предложения не появляются в *LN*.

«Ты выражаешься эмоционально и философски. Ты знаешь, что всё это можно сказать гораздо проще, например, любой может сказать, что влюбился — от улиток до Тристана и Изольды».¹

Моя душа — да, ты сущий дьявол, но Бог принял тебя.²

«Похоже, тебя всё ещё мучает религия? Сколько тебе ещё нужно щитов? Лучше высказать всё прямо».

Твоя банальность меня не пугает. Моя трусость тяжелее для меня.³

«Ну, что же с нравственностью? Нравственность [87/88] и бессмертие сегодня тоже слились воедино?»

Ты насмехаешься надо мной, ужасная софистка.⁴ Но должен сказать, что эти двое, переплетённые и поднявшиеся до небес, также добро и зло. Я не смеюсь, а стенаю, потому, что радость и боль текут через моё сердце быстро меняющимся ритмом, звуча вместе в новых гармониях и дисгармониях.⁵

«Где же тогда твоё понимание?»⁶

Моё понимание? Это невежество, бессмыслица и мудрость.⁷ У меня больше нет понимания. Возможно, оно вернётся позже, но сегодня это для меня только частное и совершенно неудовлетворительное явление.⁸

«Ты отрицаешь всё, во что верил, даже Фауста.⁹ Он прошёл жж[88/89] спокойно мимо всех призраков».

Я больше не гожусь для этого. Мой дух тоже призрак. Я не должен и не могу спокойно проходить мимо него.¹⁰

«А, вижу, ты следуешь моему учению».

К сожалению, это так, и это принесло мне пользу болезненной радостью.

«Тебе не сбежать от себя».¹¹

Это несчастье должно сделать меня счастливым.

¹² «Ты в самом деле ведёшь себя так, будто ты непостижим».

¹ История XII века о любви между корнуоллским рыцарем Тристаном и ирландской принцессой Изольдой рассказывалась и пересказывалась много раз. Юнг упоминал *Тристана и Изольду* Вагнера как пример визионерского способа художественного творчества («Psychology and Poetry», CW 15, par. 142).

² Предыдущее предложение было заменено в LN на: «Да, я знаю, но, тем не менее...» (р. 416).

³ Предыдущие два предложения заменены в LN на: «Тебе меня не запутать» (ibid.)

⁴ В LN «ужасная софистка» заменена на: «моя сестра и хтонический дьявол» (ibid.)

⁵ В LN не появляются слова «новые гармонии и дисгармонии» и «текут через моё сердце».

⁶ В LN добавлено: «Ты стал совершенно тупым. В конце концов, ты мог разрешить всё мышлением» (р. 416).

⁷ Предыдущее предложение заменено в LN на: «Моё мышление?» (ibid.)

⁸ Предыдущее предложение заменено в LN на: «Оно стало непроницаемым для меня» (ibid.)

⁹ Предыдущее предложение заменено в LN на: «Ты отрицаешь всё, во что верил. Ты совершенно забыл, кто ты. Ты даже отрицаешь Фауста, который тихо прошёл мимо всех призраков» (ibid.)

¹⁰ Предыдущее предложение не появляется в LN.

¹¹ Предыдущее предложение заменено в LN на: «Ты превращаешь свою боль в удовольствие. Ты запутан, ослеплён; просто страдай, дурак» (р. 416).

¹² LN добавляет: «Теперь змея стала злой и пыталась укусить мне сердце, но тайная броня сломала её ядовитый зуб» (р. 417).

Это потому что я изучил искусство переступания с левой ноги на правую и наоборот, что другие правильно делают, не задумываясь, [89/90] с незапамятных времён.

¹ «Так ты наконец заметил это?»

² «В конечном счёте, извилистой линии жизни от меня не скрыться».³

Следующий поворот пути приведёт меня наружу, к людям, я полагаю?

«Увидишь. Я облачаюсь в оглушительное молчание».⁴

1.II.14⁵

⁶ О, ночь бесцельных напряжений и сомнений — о, единство в направленности друг на друга!

Никогда жизнь не была такой сомнительной, как сегодня.

Когда Бог не продолжал дальше, хотя бы дьявол продвигался, и наоборот. Как будет теперь, когда Бог и дьявол стали едины? Они [90/91] согласны завести развитие жизни к застою?⁷ Может быть, единство противоположностей также останавливает жизненный процесс?⁸ Конфликт противоположностей принадлежит к неизбежным условиям жизни? И тот, кто признаёт и проживает — или пытается прожить — единство противоположностей, впадает в застой?⁹ Он полностью встал на сторону действительной жизни и больше не действует так, будто относится к какой-то одной стороне и должен сражаться с другой, но представляет обе и положил конец их раздору. Сняв эту ношу с жизни, он также отнял её силу? Сегодня я ставлю эти вопросы перед тобой, моя душа.¹⁰

¹¹ «Ты держишь нож у моего горла. Противоположности определённы [91/92] были для меня элементом жизни. Вероятно, ты это заметишь. Твои новшества лишают меня этого источника энергии.¹² Я не могу ни заманить тебя пафосом, ни досаждаю банальностью. Я несколько озадачена».

«Если ты озадачена, может, мне дать совет? Я бы хотел, чтобы ты нырнула в глубины, в которые имеешь доступ, и спросила Аида или небожителей. Возможно, кто-то даст совет.

«Ты стал властным».

¹ LN добавляет: «Змея снова поднялась, словно случайно держа хвост перед пастью, чтобы я не видел сломанного клыка. Гордо и спокойно она сказала:» (ibid.)

² LN добавляет: «Но я с улыбкой сказал ей» (ibid.)

³ Следующие два предложения не появляются в LN.

⁴ Комментарий Юнга к этим двум записям см. в LN, pp. 417–18.

⁵ Воскресенье. *Liber Secundus*, глава 21, «Mag» {3} (LN, pp. 418ff).

⁶ Первые два абзаца и первая строка третьего абзаца не появляются в LN.

⁷ Предыдущая часть предложения была заменена на «жизнь к застою» (p. 419).

⁸ Предыдущее предложение не появляется в LN.

⁹ «...или пытается прожить» не появляется в LN.

¹⁰ Предыдущее предложение не появляется в LN.

¹¹ LN добавляет: «Змея повернулась и заговорила в дурном настроении» (p. 419).

¹² В LN вместо этого стоит: «источника силы» (ibid.)

Необходимость ещё более властна, чем я. Я должен жить и двигаться.

«Перед тобой все просторы земли. О чём ты хочешь попросить потустороннее?»

Мною движет не любопытство, а необходимость. Я не уступлю.

«Я подчиняюсь, но с неохотой. Эта манера нова и непривычна для меня». [92/93]

Прости. Но нужда неотложна. Скажи глубинам, что перспективы для нас не радужные, потому что мы отрезали важный орган от жизни. Как ты знаешь, я не виноват, ведь ты тщательно вела меня по этому пути.

«Ты играешь со мной в Адама и Еву.¹ Ты не был обязан принимать яблоко».

Хватит шуток. Ты знаешь эту историю лучше меня. Я серьёзно. Нам нужен воздух.

Отправляйся и доставь огонь. Вокруг и так слишком долго царит тьма. Ты медлишь или трусишь?

«Я отправляюсь. Прими то, что я приношу».

Стул — престол Бога — Бог-Отец, Сын и Святой Дух — Святая [93/94] Троица — мать с ребёнком — небеса и ад, с ним Сатана. Он приходит, наконец, сопротивляясь и цепляясь за своё потустороннее. Он его не отпустит. Вышний мир для него слишком прохладен.

Ты цепко его держишь?»

Сатана выползает из тёмной дыры с рогами и хвостом. Я вытягиваю его руками.²

Добро пожаловать, раскалённый во тьме! Моя душа, пожалуй, грубо вытащила тебя?

С: «В чём дело? Кто-то, называющий себя твоей душой, шляется у нас, устраивая безответственное представление.³ Я протестую против такого грубого и⁴ жестокого похищения».

Я: Успокойся. Я тебя не ожидал. Святая Троица и её свита появились первыми.⁵ Но ты, похоже, труднее всех, потому что пришёл последним.

С: Чего ты хочешь от меня? Ты мне не нужен, дерзкий человек.

Я: Как хорошо, что ты у нас есть. Я обещал моей душе, что преданно приму всё, что она мне доставит.⁶ Ты самая живая и интересная⁷ штука во всей догматике.⁸

С: Меня не заботит твоя пустая болтовня! Поторопись — я тут замерзаю.

Я: Слушай — с нами что-то случилось. Мы объединили противоположности. Среди прочего, мы связали тебя [95/96] с Богом.⁹

¹ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

² Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

³ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁴ «...грубого и» не появляется в *LN*.

⁵ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁶ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁷ Это слово не появляется в *LN*.

⁸ Описание Сатаны у Юнга см. в *Answer to Job*, CW 11.

⁹ Юнг пространно рассматривал проблему объединения противоположностей в *Психологических типах*, глава 6, «Проблема типов в поэзии». Объединение противоположностей происходит через создание примиряющего символа.

С: Бога ради, зачем этот невозможный скандал?¹ Зачем ~~та~~ такая нелепица?

Я: Прошу тебя, это не так уж и глупо, как ты думаешь. Это объединение — совершенно экономический² принцип. Мы положили конец бесконечному тупиковому спору сторон, наконец, высвободив руки для единой работы ради развития или, скорее, ради реальной жизни со всей её многогранностью.³

С: Это пахнет монизмом.⁴ Я уже замечал таких людей. Для них разогреты особые чертоги.

Я: Ты ошибаешься. Для нас вопрос не такой интеллектуальный и в целом этический, как для монизма.⁵ [96/97] У нас нет и единой верной истины. Даже это мы превзошли. Потому это никакой не монизм,⁶ скорее случился самый замечательный и странный факт: после объединения противоположностей — совершенно неожиданно и непостижимо для нас — больше ничего не произошло. Всё осталось на месте, мирно, но совершенно неподвижно, и жизнь превратилась в пустое прозябание без силы или развития.⁷

С: Именно, дураки вы эдакие! Вы уж точно наломали дров.

Я: Ну, не нужно насмехаться. Это произошло в этот раз *experimenti causa*,⁸ но наши намерения также были серьёзны.⁹ [97/98]

С: Ваша серьёзность заставила меня страдать. Весь строй потустороннего потрясён до основания.

Я: Так ты понимаешь, что дело серьёзное. Очевидно, моя душа привела тебя, чтобы оправдаться передо мной.¹⁰ Я хочу ответ на свой вопрос, что должно случиться при таких обстоятельствах? Мы больше не знаем, что делать.

С: Ну, трудно сказать, что делать, и трудно дать совет, даже если захотеть. Вы слепые дураки, дерзкие нахальные люди. Зачем вы в это полезли? Что вы понимаете в устройстве мира?

Я: Твои разглагольствования предполагают, что ты глубоко задет. Смотри, святая троица спокойна и абсолютна.¹¹ Не похоже, чтобы она была недовольна новшеством. [98/99]

¹ Это слово заменено в *LN* на «суматоха» (р. 420).

² Это описание заменено в *LN* на «важный» (*ibid.*)

³ Предыдущая часть предложения заменена в *LN* на: «наконец, освободили руки для реальной жизни» (*ibid.*)

⁴ Речь идёт о системе монизма Эрнста Геккеля, к которой Юнг относился критически.

⁵ Предыдущее предложение заменено в *LN* на: «Для нас вопрос не такой рациональный, как кажется» (*ibid.*)

⁶ Предыдущая часть предложения и предыдущее предложение не появляются в *LN*.

⁷ Это описание было заменено в *LN* на: «в полный застой» (р. 420).

⁸ Лат.: ради опыта.

⁹ Предыдущее предложение было заменено в *LN* на: «Наши намерения были серьёзными» (р. 420).

¹⁰ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

¹¹ Это описание заменено в *LN* на: «невозмутима» (р. 420).

С: На неё нельзя полагаться.¹ Она так иррациональна, что никогда нельзя доверять её реакциям. Я настоятельно не советую воспринимать эти символы всерьёз.²

Я: Спасибо за этот благонамеренный совет. Но ты, похоже, заинтересован. Можно ожидать, что ты сделаешь непредвзятое суждение, опираясь на свой общеизвестный ум.

С: Я — непредвзятый! Посуди сам. Если рассмотреть эту абсолютность в её совершенно безжизненной невозмутимости, легко можно обнаружить, что это состояние и застой, произведённые вашей самонадеянностью, сильно напоминают абсолют. Если б я давал совет, [99/100] то я целиком на вашей стороне, ведь вы тоже находите этот застой невыносимым.

Я: Что? Ты принимаешь мою сторону? Это странно.

С: Это не странно. Абсолют всегда был отвратителен для живых. А я всё ещё настоящий повелитель жизни.

Я: Это подозрительно. Твоя реакция слишком личностна.

С: Моя реакция далеко не личностная. Я — это крайне беспокойная, быстро торопящаяся жизнь. Я никогда не удовлетворён, никогда не бываю невозмутим. Я тащу всё вниз и спешно перестраиваю. Я — это честолюбие, жажда славы, страсть к действию. Я — неразбериха новых мыслей и действия. Абсолют, как и говорит само слово, это скука и прозябание. [100/101]

Я: Хорошо, я тебе верю. Итак — что же ты советуешь?

С: Лучший совет, который я могу дать, таков: отмените своё совершенно вредоносное новшество так быстро и окончательно, как только возможно.

Я: Но это невозможно!³ Чего мы этим добьёмся? Нам бы пришлось начать с чистого листа и неизбежно прийти к такому же выводу во второй раз. То, что было раз постигнуто и познано, нельзя намеренно узнать снова и отменить. Твой совет — никакой не совет.

С: Но сможешь ли ты существовать без разделённости и разлада? Тебе нужно чего-то добиваться, представлять сторону, преодолевать противоположности, если ты хочешь жить. [101/102]

Я: Это никак не помогает. Мы также видим друг друга в противоположном. Мы устали от этой игры —

С: — И от жизни.

Я: Мне кажется, это зависит от того, что ты называешь жизнью. Твои представления о жизни связаны с карабканьем наверх и срывом, с утверждением и сомнением, с нетерпеливым шатанием, со стремительным желанием. Тебе недостаёт растительного⁴ и его сдержанного терпения.

¹ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

² См. Jung, «Attempt at a Psychological Interpretation of the Dogma of the Trinity» (1940), *CW* 11.

³ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁴ Это слово заменено в *LN* на «абсолютный» (р. 432).

С: Совершенно верно — моя жизнь бурлит и пенится, и производит беспокойные волны, она состоит из схватывания и швыряния, страстного желания и нетерпеливости. Это и есть жизнь, не так ли?

Я: Но абсолютом тоже живёт.

С: Это не жизнь. Это застой [102/103] или почти застой. Или, скорее, он живёт беспредельно медленно и тратит миллионы лет — совсем как жалкое состояние, которое вы создали своими новшествами.

Я: Сам того не зная, ты просветил меня. Ты личная жизнь, но кажущийся застой — это сдержанная жизнь вечности, жизнь божественности.

На этот раз ты дал хороший совет. Я отпускаю тебя — прощай!

Сатана ловко, как крот, карабкается назад в свою дыру. Символ троицы и её свита мирно и с невозмутимым спокойствием поднимается на небеса. [103/104]

Благодарю тебя, моя душа,¹ за то, что притащила кого нужно. Все понимают его слова, ведь они личностны.

Мы можем снова жить, моя душа, долгую жизнь; мы можем потратить тысячи лет.²

2.II.14³

Это был свежий ветер!

Почему всегда необходимость толкает нас вперёд, почему это не может быть радостью?

Душа моя, как ты думаешь? Не хочешь ли ты отправиться и сказать тем, в потустороннем, что сегодня мы в порядке и не нуждаемся в помощи?

«Это не самонадеянно? Стучаться туда без неотложных причин?» [104/105]

Возможно, это самонадеянность, но мы не уверены. Стоит попробовать.

«Мне это совсем не нравится».

Я не хочу ничего вынуждать, но, может быть — кто знает, — мы узнаем что-то важное.

«Может, тебе лучше отдохнуть?»

Я не уверен, но я склонен думать, что, по крайней мере, стоит попытаться. Так иди же!

«Я пойду и снова позову для тебя Сатану».

Почему его? Я ещё вчера слышал от него всё, что нужно. В остальном я предоставляю тебе решать.⁴

¹ В *LN* «моя душа» заменена на «змея» (р. 422).

² Комментарий Юнга к этому отрывку см. в *LN*, pp. 424–25. В *LN* далее следует сцена с кабирами, которой нет в *Чёрных книгах* (pp. 425–30). Самая ранняя рукопись сцены с кабирами — это рукописный черновик (1914–1915).

³ Понедельник. *Liber Secundus*, глава 21, «Маг» {4} (*LN*, pp. 430ff.)

⁴ Предыдущая часть этой записи была заменена в *LN* на: «Я не хочу ничего вынуждать, но, возможно — кто знает? — мы ещё узнаем что-то полезное. Какое-то время змея колебалась, но затем исчезла в глубинах» (р. 430).

¹ «Я полагаю, что достигла [105/106] ада — здесь повешенный[»].

Простой, уродливый человек с искажённым лицом стоит передо мной. У него торчащие уши, горб, и он невысокого сложения.

(Христос должен был выглядеть так?)²

Кто ты?

П: Я отравитель, осуждённый на повешение.

Я: Что ты сделал?

П: Отравил родителей и жену.

Я: Зачем ты это сделал?

П: Чтобы прославить Бога.

Я: Что? Прославить Бога? Что ты имеешь в виду?

П: Во-первых, всё происходящее прославляет Бога, а во-вторых, у меня [106/107] были свои представления.

Я: Что же было у тебя на уме?

П: Что было у меня на уме? Я любил их и хотел, как можно быстрее, перенести их из этой жалкой жизни в вечное блаженство. Я дал им крепкий, слишком крепкий стаканчик на ночь.

Я: И это не заставило тебя разобраться, в чём был твой собственный интерес?

П: Совсем нет.³ Я оказался один и очень несчастен. Я хотел жить ради двух моих детей, которым предвидел лучшее будущее. У меня было более крепкое здоровье, чем у жены, так что я хотел жить».

Я: А жена согласилась на убийства?

П: Нет, она бы не согласилась. Но она ничего не знала о моих намерениях. К сожалению, убийство было раскрыто, [107/108] и меня судили.⁴

Я: Ты встретил своих родственников в потустороннем мире?

П: Это странная и невероятная история. Подозреваю, что я в аду. Иногда кажется, что моя жена тоже тут, а порой я не уверен. Столь же мало я уверен в самом себе.

Я: Каково это? Расскажи!

П: Время от времени она словно говорит со мной, и я отвечаю. Но мы до сих пор не разговаривали ни об убийстве, ни о наших детях. Мы лишь разговариваем то тут, то там, и только о банальных вещах, мелких заботах из прежней повседневной жизни, но совершенно безличных, словно мы больше не имеем друг к другу никакого отношения. [108/109] Но подлинная природа вещей ускользает от меня.

¹ Liber Secundus, глава 22, «Маг», {4} (LN, pp. 430ff.)

² Предыдущее предложение не появляется в LN.

³ Предыдущее предложение не появляется в LN.

⁴ Последняя часть предыдущего предложения была заменена в LN на: «и я был осуждён на казнь» (LN, p. 431).

Ещё реже я вижу родителей. Полагаю, что мне только предстоит увидеться с матерью. Мой отец был тут однажды и сказал что-то о своей курительной трубке, которую где-то потерял.

Я: Расскажи мне, как ты проводишь время?

П: Думаю, у нас тут нет времени, так что нечего тратить. Вообще ничего не происходит.

Я: Разве это не скучно?

П: Скучно? Я никогда об этом не думал. Скучно? Возможно, но тут нет ничего интересного. Вообще говоря, тут всё одинаковое.

Я: Дьявол тебя никогда не мучает?

П: Дьявол? Я такого [109/110] не видел.

Я: Ты пришёл из потустороннего, но тебе нечего сообщить? Мне трудно в это поверить.

П: Когда я был ещё жив, то часто думал, что поговорить с выходцем с того света было бы интересно. Но теперь это для меня ничего не значит. Как я сказал, всё здесь безлично и простая действительность — полагаю, так бы ты выразился.

Я: Это безрадостно. Полагаю, ты в глубочайшем аду.

П: Мне всё равно. ~~Прощай~~ Думаю, я могу идти — прощай.

Я: Душа моя,¹ что значит этот скучный гость из потустороннего?

«Я встретила его там, постоянно спотыкающегося, как и многие другие. Я выбрала его [110/111] как лучший образец. Он показался мне хорошим примером».

Я: Потустороннее столь бесцветно?

«Похоже на то. Движение происходит только по моему прибытию. В остальном всё просто призрачно волнуется туда-сюда». Нет совершенно ничего личностного».

Я: Так в чём дело с этим «личностным качеством»? Вчера Сатана оказал на меня самое «личностное» впечатление.²

«Полагаю, так.³ Поскольку он вечный противник и поскольку ты никогда не примиришь личностную жизнь с абсолютной».

Я: Разве нельзя также объединить эти [111/112] противоположности?

«Это не противоположности, а просто различия. Точно так же, как день — это противоположность ночи».

Я: Это познавательно — но несколько скучно —

«— как всегда, когда говоришь о потустороннем. Оно продолжает чахнуть, особенно раз уж мы уравниваем противоположности». Полагаю, скоро мёртвые вымрут».⁴

¹ В *LN*: «Внезапно он исчез. Но я обратился к змее и сказал» (р. 432).

² Предыдущее предложение заменено в *LN* на: «Сатана недавно оказал на меня сильное впечатление, словно он был квинтэссенцией личностного» (р. 432).

³ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁴ Комментарий Юнга к этому отрывку см. в *LN*, pp. 432–34.

6.II.14¹

Сегодня я чувствую изобилие красоты и ясности. Мы с тобой, душа моя, на верном пути. У тебя острый нюх. [112/113]

Те ужасные отмели банальности, которые раньше пугали меня, теперь стали полезными.

Даже противоречие стало ступенькой на лестнице жизни.

Здесь мир, великая ясность и красота.

Перебегающие белые и чёрные ступени образуют лестницу жизни.

«Не выражайся так обобщённо. Берегись всякой системы. Системы — это многогребневые заблуждения. Только собственная сокровенная истина жива и реальна».

Мне кажется, ты тоже выражаешься обобщённо. [113/114]

«Возможно, слегка, но это всё равно хороший знак нашего понимания?»

Давай надеяться на лучшее. Но нет ничего проще, чем не соглашаться с тобой. Ты чувствительна.

«Если ты прислушаешься ко мне и поделишься со мной теплоту жизни, я постепенно ожесточусь. Долгое время я желала некой здоровой жёсткости».

9.II.14

² Мне кажется, словно я оглядываюсь на уже завершённую работу. Мне уже оглядываться?³

«Как ты любопытен!⁴ Ничего ещё не закончено».

Что ты имеешь в виду? Не закончено? [114/115]

«Это только начало».

Прости, моя душа, но⁵ я думаю, что ты лжёшь.

«Неверный,⁶ с кем ты споришь? Тебе лучше знать?»

Я ничего не знаю. Но я уже привык к идее,⁷ что мы достигли конца, по крайней мере, временного конца или некоего завершения. Если даже мёртвые вот-вот вымрут, что ещё может произойти?

«Но тогда живые должны впервые начать жить».

¹ Четверг. Эта запись не появляется в *LN*.

² Понедельник. *Liber Secundus*, глава 21, «Маг» {5} (*LN*, pp. 434ff). В *LN* было добавлено следующее: «Теперь, когда я нашёл красоту в себе и с собой, я говорил своей змее» (p. 434), поднимая тему первой строки в предыдущей записи.

³ Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

⁴ Предыдущее предложение не появляется в *LN*. В *LN* этот диалог ведётся со змеей.

⁵ Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

⁶ Это слово не появляется в *LN*.

⁷ Остаток этого предложения заменён в *LN* на: «что мы достигли цели, по крайней мере, временной» (p. 434).

Прости, это замечание могло бы быть глубоко осмысленным, но кажется всего лишь шуткой.

«Неблагодарный негодяй,¹ ты становишься нахальным». Я не шучу. Жизнь ещё [115/116] только начинается».

Что ты имеешь в виду?

«Я говорю, что жизнь только начинается. Разве ты не чувствовал себя несколько опустошённым? Ты называешь это жизнью?»

Ты говоришь правду. Но я стараюсь надевать хорошую мину и довольствоваться тем, что есть.

«Это может быть довольно удобно. Но ты должен требовать гораздо большего».

Я ужасаюсь этого. Я точно не стал бы полагать, что могу удовлетворить собственные требования, но и не думаю, что их способна удовлетворить ты. Однако, может быть, что я снова недостаточно тебе доверяю. Я полагаю, дело может быть в том, что я стал ближе к тебе по-человечески, и ты оказалась такой вежливой. [116/117]

«Это ничего не доказывает. Просто не считай, что как-то постиг и воплотил меня. Для этого ты просто слишком мал».²

Как же быть? От того, что ты хочешь дать мне больше, меня переполняют радость и ужас.³

«Ты заслужил это, потому что исполнил свой долг человека перед другими людьми».⁴

Я всегда должен быть требовательным к себе в этом отношении.⁵ Приятно думать, что за это положена плата.

Я даю тебе плату в образах. Смотри! [117/118]

Я вижу Илию — а затем поодаль от него Саломею. Илия указывает на Саломею, зрячую. Она подходит ближе — он берёт её за руку и ведёт ко мне. Она краснеет и потупляет взор, мило хлопая глазами.⁶

Он говорит: «Вот, я даю тебе Саломею, пусть она будет твоей».

Я: Бога ради, что мне делать с Саломеей? Я уже женат, а мы не среди турков и не в иных патриархальных обстоятельствах.⁷

Саломея отступает в испуге.⁸

Илия: Ты безнадёжный человек — какой ты скучный! Разве это не прекрасный дар? Разве её исцеление — не твоих рук дело? Ты не примешь её любовь как заслуженную плату за свои старания? [118/119]

¹ Это слово не появляется в *LN*.

² Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

³ Предыдущее предложение заменено в *LN* на: «Так как же быть? Я готов» (р. 435).

⁴ Предыдущее предложение заменено в *LN* на: «Ты заслуживаешь награды за то, чего уже достиг» (*ibid.*)

⁵ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁶ Этот абзац был заменён в *LN* на: «Илия и Саломея! Цикл завершился, и врата мистерий снова открылись. Илия ведёт Саломею, зрячую, за руку. Она краснеет и потупляет взор, мило хлопая глазами» (р. 435).

⁷ В Турции практиковалась полигамия. Она была официально запрещена Ататюрком в 1926 г.

⁸ Предыдущая строка не появляется в *LN*.

Я: Мне кажется, Илия, это довольно странный дар — скорее обуза, чем радость. Я счастлив, что Саломея благодарна и любит меня. Я тоже её люблю —¹ относительно — полагаю. Кстати говоря, уделённая ей забота была буквально вынужденной, а не добровольной и намеренной. Если моё частью ненамеренное свершение имело такой благополучный исход, я уже вполне удовлетворён.

Илия безмолвствует и смотрит на Саломею.²

Сал:³ Оставь его, он странный человек. Бог знает, каковы его мотивы, но он, похоже, говорит серьёзно. Я не уродлива и уж точно желанна многими — и не самыми низкими людьми.⁴ [119/120]

⁵ Почему ты отказываешься от меня? Я хочу быть твоей служанкой и служить тебе. Я буду петь и танцевать перед тобой, играй для тебя на лютне, утешать, когда ты печален, смеяться с тобой, когда ты счастлив. Я буду носить все твои мысли в своём сердце. Я буду целовать слова, которые ты говоришь мне. Я буду собирать розы для тебя каждый день, и все мои мысли будут ждать и окружать тебя.

Я: Дорогая Саломея, благодарю тебя за любовь. Прекрасно слышать, когда говорят о любви. Это музыка и давняя, несбыточная тоска по дому. Смотри, мои слёзы падают на твои добрые слова. Я хочу встать перед тобой на колени и поцеловать твои руки сотню раз, потому что они хотят служить мне любовью.

Любовь? — Ты так прекрасно говоришь о [120/121] любви. О любви нельзя наслушаться.

С: Зачем только говорить? Я хочу быть твоей, полностью и совершенно твоей.

Я: Я Ты как змея, обвившаяся вокруг меня и выдавившая мою кровь.⁶ Твои сладкие слова выются вокруг меня, и я я стою, как распятый.

С: Почему всё ещё распятый?

Я: Разве ты не видишь, что жестокая необходимость подняла меня на крест? Меня калечит невозможность.

С: Разве ты не хочешь прорваться через невозможность? То, что ты называешь невозможностью, реально?

Я: Мои принципы — это звучит глупо — прости — но у меня есть принципы. Не считай их чёрствыми нравственными принципами, [121/122] так как это озарения, которые мне навязала жизнь.

С: Что это за принципы?⁷

¹ Остаток этого предложения заменён в *LN* на «несколько» (р. 436).

² Предыдущий абзац не появляется в *LN*.

³ В *LN* добавлено: «к Илие» (р. 436).

⁴ Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

⁵ В *LN* добавлено: «ко мне» (р. 436).

⁶ В каллиграфическом томе есть следующее примечание на полях: «В XI глав. мистерии» (р. 436; см. *Книга 2*).

⁷ Предыдущие два абзаца не появляются в *LN*.

Я: Ты сурова.¹ Но слушай, я сомневаюсь, что твоя судьба — принадлежать мне. Я не хочу вмешиваться в твою сугубо своеобразную жизнь, ведь никогда не смогу помочь тебе довести её до конца. И что ты получишь, если однажды я должен буду отложить тебя в сторону, как сношенное платье?

С: Твои слова ужасны, но правдивы. Но я так тебя люблю, что смогу сама отойти в сторону, когда придёт время.

Я: Я знаю, что величайшим мучением для меня будет позволить тебе уйти. Но если ты сможешь это сделать для меня, я тоже смогу сделать это для тебя. Я пойду без стенания, ведь я не забыл [122/123] сон, который у меня был полгода назад.² Я видел, как моё обнажённое тело лежало на острых иглах, и могучее бронзовое колесо катилось по моей груди, калеча её.³

Я должен вспоминать об этом всякий раз, когда думаю о любви. Если так должно быть, я готов.

С: Я не хочу такой жертвы. Я хочу приносить тебе радость. Разве я не могу быть радостью для тебя?

Я: Я не знаю — возможно — возможно, нет.

С: Так хотя бы попробуйся.

Я: Попытка — то же самое, что действие. Такие попытки дорого стоят.

С: Ты не вынесешь цены ради меня?

Я: Я слишком слаб, слишком [123/124] истощён после того, что вынес ради тебя, и всё ещё многое должен для тебя сделать. Я не вынес бы это.

С: Если ты не хочешь принять меня, то и я не могу принять тебя?

Я: Дело не в принятии, если уж на то пошло, дело в дарении.

С: Но я дарю себя тебе. Просто прими меня.

Я: Будто это разрешит вопрос! Но запутаться в любви! Просто подумать об этом ужасно.

С: То есть ты в самом деле требуешь, чтобы я была и не была одновременно. Это невозможно. Что с тобой такое?

Я: Мне недостаёт сил потянуть ещё одну судьбу на плечах. Мне и так достаточно тащить.

С: Но что, если я помогу тебе с этой ношей? [124/125]

Я: Как? Тебе бы пришлось нести меня — упорствующую тяжесть. Разве я не должен тащить себя сам?

¹ Предыдущая строка не появляется в *LN*.

² Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

³ Юнг позже изобразил это на рисунке 127 в *LN*.

Илия: Ты говоришь правду. Пусть каждый несёт свою ношу.¹ Тот, кто хочет отягощать других своим багажом, становится их рабом.² Каждый способен тянуть самого себя.

С: Но отец, разве я не могу помочь тащить часть его ноши?

И: Это невозможно, иначе он стал бы твоим рабом.³

С: Или моим хозяином и правителем.

Я: Я не буду им. Ты должна быть свободным человеком со мной. Я не выношу ни рабов, ни хозяев. Я жажду людей. [125/126]

С: Разве я не человек?

Я: Прошу тебя,⁴ будь себе хозяйкой и собственной рабой, принадлежи не мне, а самой себе. Тащи не мою ношу, а собственную. Так ты оставишь мне человеческую свободу, которая значит для меня больше, чем право владения другим человеком.

С: Ты отсылаешь меня?

Я: Я не отсылаю тебя. Ты не должна быть далеко от меня. Но дай мне от своей полноты, а не своё стремление. Я не могу удовлетворить твою бедность, как и ты не можешь успокоить моего стремления. Если твой урожай богат, пришли мне плодов из своего сада. Если ты страдаешь от изобилия, я выпью из переполненного рога твоей радости. Я знаю, что это будет для меня как целительный бальзам. Я могу насытиться только за столом сытых, а не [126/127] скудными крошками тех, кто томится и желает. Я не буду красть свою плату.

Ты ничем не владеешь, как же ты можешь давать? В той мере, в какой ты даёшь, ты же и требуешь. Илия, старик, слушай:⁵ ты патриархальный еврей, у тебя старомодная благодарность. Не отдавай свою дочь, лучше поставь её на ноги. Она может танцевать, петь или играть на лютне перед людьми, а они будут бросать сияющие монеты к её ногам.

Саломея, ты слышала — я добавлю, сказав, что благодарю тебя за любовь — если ты вправду любишь меня, пойди на рынки, танцуй, пой или играй на лютне, радуй людей, чтобы они славил твою красоту и искусство.⁶ [127/128] И если у тебя богатый урожай и ты ещё любишь меня, брось мне одну из своих роз через окно, и если радость источник радости переполнится, снова станцуй и спой передо мной. Я жажду радости людей, их полноты и свободы, а не их желаний.⁷

Саломея, плача, обнимает отца.⁸

¹ Отзвук высказывания: «*Omnia mea mecum porto*» (Всё своё ношу с собой), приписываемое Стильпону Стоику или Бианту Приенскому.

² Проблема нравственности хозяина и раба играет видную роль в первом эссе работы Ницше *О генеалогии морали* и в *Феноменологии духа* Гегеля.

³ Это предложение заменено в *LN* на: «Тогда он будет твоим рабом» (р. 438).

⁴ Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

⁵ Остаток этого предложения заменён в *LN* на: «у тебя странная благодарность» (р. 138).

⁶ Предыдущий абзац был заменён в *LN* на: «Саломея, благодарю тебя за любовь. Если ты в самом деле любишь меня, танцуй перед толпой, радуй людей, чтобы они славил твою красоту и искусство» (*ibid.*)

⁷ Это слово было заменено в *LN* на: «нужды» (р. 439).

⁸ Предыдущий абзац не появляется в *LN*.

С: Какой ты суровый и непостижимый человек!

И: Ты изменился с тех пор, как я тебя видел в последний раз. Ты говоришь на другом языке, который ~~кажется~~ звучит чуждо для меня.

Я: Дорогой пророк,¹ я бы хотел верить, что ты увидел во мне перемену. Но ты тоже изменился. Где твоя змея? [128/129]

И: Она пропала. Полагаю, её украли. С тех пор для нас всё было довольно мрачно. Потому я был бы счастлив, если бы ты, по крайней мере, принял мою дочь.

Я: Я знаю, где твоя змея. Она у меня. Душа достала² её для меня из подземного мира. Она даёт мне твёрдость, мудрость и магическую силу. Мы нуждались в ней в верхнем мире, поскольку иначе подземный мир получил бы преимущество, навредив нам.

И: Будь ты проклят, вор — пусть Бог тебя накажет.

Я: Твоё проклятие бессильно. Тот, кто владеет змеей, не подвластен проклятьям. Нет, будь разумным, старик. Обладающий мудростью не жаден до власти, и только отказывающийся от власти обладает ею. [129/130]

Не плачь, Саломея, удача — это то, что ты создаёшь сама, а не то, что к тебе приходит.

Прощайте, мои несчастные друзья, уже поздно. Илия, избавься от ложного проблеска власти в своей мудрости, а ты, Саломея, ради нашей любви, не забывай о танце!³

11.II.14

⁴ После всего сказанного я слышу плач Саломеи. Чего она ещё хочет? Или чего я ещё хочу? Душа моя, мне была дана поразительная плата, к которой не прикоснуться без жертвы, и она требует ещё большей жертвы, если коснуться её. [130/131]

⁵ «Ты намереваешься жить без жертвы? Жизнь должна тебе чего-то стоить».

Полагаю, я уже заплатил. Я отверг Саломею⁶ и, более того, заставил её опираться на саму себя. Разве этой жертвы недостаточно?

«Возможно, для тебя это слишком мало. Как было сказано: тебе дозволено быть требовательным к себе».

На самом деле, ты имеешь в виду:⁷ требовательным в жертве. Но это я понял. Очевидно, ошибка снова пошла мне на пользу. Скажи мне, разве недостаточна жертва, с которой я отверг любовь Саломеи и оттолкнул чувства на задний план?

¹ Предыдущая часть предложения заменена в *LN* на: «Дорогой старик» (р. 439).

² В *LN* подлежащее изменено: «Мы достали» (*ibid.*)

³ Комментарий Юнга к этой записи см. в *LN*, pp. 439–40.

⁴ Среда. *Liber Secundus*, глава 21. «Маг» {6} (*LN*, pp. 440ff).

⁵ В *LN* стоит: «Змея» во всём этом разделе.

⁶ Остаток этого предложения не появляется в *LN*.

⁷ В *LN* добавлено: «с твоей проклятой логикой» (р. 440).

«Ты не вынудил чувства отойти на задний план, скорее [131/132] тебе лучше подходит не мучиться более из-за Саломеи».

Ты говоришь правду, это довольно плохо. Поэтому Саломея ещё плачет,¹ а я чувствую эти железные кандалы на левой ноге?

«Да, думаю, так».

Но что же делать?

«О, ты хочешь действовать? Можно также думать. Проблемы также разрешаются мышлением».²

Это звучит спасительно, потому что действие не давало выхода.³ Но о чём думать?⁴ Это кажется мне крайне сомнительным. Хотя я должен подумать. Признаюсь, что не знаю, о чём тут думать. Я иду к тебе, возможно, у тебя есть [132/133] совет. У меня чувство, что я должен прыгнуть выше головы. Я не могу этого сделать. Как ты думаешь?

«Я ничего не думаю и совет тоже дать не могу».

Так спроси потустороннее, отправляйся на небеса или в ад, возможно, там есть совет.

«Мне кажется, что я бы скорее отправилась на небеса».⁵

Так в добрый путь. Я подожду.⁶

⁷ «Ты слышишь меня? Я уже далеко. Небеса так далеко, ад гораздо ближе к земле. [133/134]

Мой голос едва достигает тебя.⁸ Я нашла что-то для тебя — отвергнутую корону, она лежит на улице в необъятном пространстве небес — золотая корона».

Дай её мне, она может что-то сказать.⁹

В моих руках лежит¹⁰ маленькая золотая зубчатая корона — на каждом зубце жемчужина.¹¹ На ней начертаны греческие¹² буквы:

Η ΑΓΑΠΗ ΜΗΔΕΝ ΕΚΠΙΠΤΕΙ.¹³

¹ Остаток этого предложения не появляется в *LN*.

² Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

³ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁴ Следующие два предложения не появляются в *LN*.

⁵ Предыдущее предложение заменено в *LN* на: «Меня тянет ввысь» (р. 441).

⁶ Предыдущий абзац заменён в *LN* на: «Затем змея превратилась в белую птичку, вспорхнувшую в облака, где исчезла. Я долго следил за ней взглядом» (*ibid.*)

⁷ В *LN*: «Птица» добавляется здесь и далее в разделе.

⁸ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

⁹ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

¹⁰ Расшифровка *LN* в каллиграфический том обрывается на этом моменте.

¹¹ В *LN* корона описана просто как «золотая царская корона» (р. 141).

¹² Это слово не появляется в *LN*.

¹³ Греческий текст не появляется в *LN*.

«Любовь никогда не перестаёт».¹

Очевидно, дар с небес. Но что значит эта корона?

«Вот и я, ты доволен?» [«]

Частью — во всяком случае, я благодарю тебя [134/135] за этот значимый дар. Но он загадочен, и твои дары — уж прости —² делают меня почти подозрительным.

«Но это дар с небес».

Он, конечно, прекрасен — но ты очень хорошо знаешь, что мы сделали с небесами и адом.

«Не преувеличивай. В конце концов, есть разница между небесами и адом. Я, во всяком случае, полагаю, судя по тому, что видела, что на небесах происходит так же мало всего, как и в аду, хотя, вероятно, по-другому. Даже то, что не происходит, причудливым образом не может произойти».

Ты говоришь загадками, от которых можно заболеть, если принять близко к сердцу. Скажи мне, как ты понимаешь [135/136] корону?»

«Как я её понимаю? Никак. Она говорит сама за себя».

Ты имеешь в виду — через надпись на короне?

«Именно: я полагаю, это имеет для тебя смысл».

В некоторой степени — но это оставляет вопрос ужасно неопределённым.

«Так оно и должно быть».³

Ты нервирешь.

⁴ «Только того, кто со мной не согласен».

Ну это точно не я. Но как можно не соглашаться с тобой? Повиснуть воздухе таким образом ужасно.

«Эта жертва слишком тяжела для меня? Ты должен уметь висеть, если хочешь решать проблемы. Посмотри на Саломею!» [136/137]

Я вижу Саломею. Она больше не плачет, но смотрит на меня тревожно.

Я: Видишь, Саломея, ты в порядке. Я парю и проклиная своё парение. Я повешен ради тебя и себя.⁵ Сначала я был распят, теперь просто повешен — это менее благородно, но не менее мучительно. Прости, что хотел провести тебя. Я думал спасти тебя, как спасал, когда исцелил от слепоты своей жертвой. Возможно, в третий раз в должен быть обезглавлен ради тебя, как св. Иоанн Креститель.⁶ Ты ненасытна? Ты всё ещё никак-хх не можешь быть разумной? [137/138]

¹ Это цитата из 1 Кор. 13:8: «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится».

² Это выражение не появляется в *LN*.

³ В *LN* добавлено следующее: «Теперь птица внезапно снова превратилась в змею» (р. 442).

⁴ В *LN* здесь добавлено «Змея».

⁵ В *Трансформациях и символах либидо* Юнг комментировал мотив повешения в фольклоре и мифологии (CW V, pag. 358).

⁶ Он описывается в *LN* как «твой прежний друг Иоанн, который принёс нам Христа агонии» (р. 442).

С: «Возлюбленный мой, что мне это? Я полностью махнула на тебя рукой.

Я: Так почему же ты до сих пор плачешь? Ты же знаешь, что я не выношу слышать твой плач — тем более два дня и две ночи.¹

С: Я думала, что ты неуязвим, раз обладаешь чёрным жезлом.

Я: Я тоже так думал, но теперь это для меня сомнительно. В одном отношении жезл помогает мне — по крайней мере, я не задыхаюсь, хоть я и вздёрнут. Магический жезл, очевидно, помогает вынести повешение — уж точно жуткое доброе деяние и помощь. Не хочешь ли ты, хотя бы, разрезать верёвку?

С: Как я могу? Ты висишь слишком высоко. [138/139]

Высоко на вершине древа жизни, куда мне не дотянуться. Ты не можешь помочь себе сам?²

Я: Долго мне ещё висеть?

С: Пока не придумаешь, как себе помочь.

Я: Так скажи, хотя бы, что ты думаешь о короне, которую душа³ достала для меня с небес?

С: У тебя есть корона? Счастливчик, о чём же ты жалуешься?

Я: Повешенный король хотел бы поменяться местами с любым нищим с просёлочной дороги, который не был повешен.

С. (восторженно): Корона — у тебя есть корона.

Я: Саломея, сжался. [139/140] Что в этой короне особенного?

С. (всё ещё восторженно): Корона — ты будешь коронован. Какое блаженство для меня и тебя!

Я: Увы, что тебе эта корона? Я не понимаю.⁴

С. (в бешенстве): Так виси, пока не поймёшь.

Я безмолвно вишу над землёй на качающейся ветви.⁵ Мои руки связаны, и я совершенно беспомощен.

Зачем мне просить Саломею? Она не может или не хочет помочь.⁶

12.II.14⁷

Откуда придёт помощь?

⁸ «Мы доставим помощь с облаков, [140/141] проплывающих над твоей головой, раз ничто больше не может нам помочь».

¹ Предыдущая часть предложения не появляется в *LN*.

² В *LN* здесь добавлено: «ты, знающий змеиную мудрость» (р. 443).

³ В *LN* стоит «птица моей души» (*ibid.*)

⁴ В *LN* здесь добавлено: «и я страдаю от невыносимой муки» (*ibid.*)

⁵ В *LN* здесь добавлено: «ветви божественного древа, из-за которого прародители не смогли избежать греха» (*ibid.*)

⁶ В *LN* этот абзац заменён на: «Так я висел три дня и три ночи» (р. 443).

⁷ Четверг.

⁸ В *LN* здесь добавлено: «Птица» (р. 443).

Я вижу, моя душа говорит. Она сидит как белая птичка на ветвях недалеко от меня, печальная, со склонённой головой.¹

Ты хочешь доставить помощь с небес? Как это возможно?

«Я отправлюсь и попытаюсь».

Птица вспархивает, как взлетающий жаворонок, становится всё меньше и меньше, и наконец исчезает за плотной завесой облаков, покрывших небо. Я тоскливо слежу за ней взглядом, не различая ничего за бесконечным серым облачным небом, непроницаемо серым, однотонно [141/142] серым и неразборчивым — неразборчивым? Что, если можно написать на небе — но корона — на ней была надпись: $\eta \alpha\upsilon\alpha\lambda\eta \mu\eta\delta\epsilon\nu \epsilon\kappa\lambda\iota\tau\tau\epsilon\iota$ ² — что любовь никогда не перестает — это значит вечное повешение? Не зря я был подозрительным, когда душа принесла мне корону — венец вечной жизни — венец милосердия³ — венец мученичества — все грозные вещи, которые опасно ясны и двусмысленны —?

Я устал, устал не только от повешения — устал от борьбы за неизмеримое.

Таинственная корона лежит вдали под ногами, на земле, мерцая золотом на неясной [142/143] серой земле. Я не парю — нет, я вишу, или, ещё хуже, я повешен между небом и землёй — и не устаю от состояния повешения — ведь мог бы заниматься этим вечно, но $\eta \alpha\upsilon\alpha\lambda\eta \mu\eta\delta\epsilon\nu \epsilon\kappa\lambda\iota\tau\tau\epsilon\iota$ ⁴ — верно ли это, действительно ли любовь никогда не перестает? Если это было благословенное послание им, что это для меня?

«Это полностью зависит от представлений».

Это старый ворон, усевшийся на ветвь недалеко от меня, погрузившийся в философствование.

Я: Почему от представлений?

Ворон: От твоих представлений о любви и другом. [143/144]

Я: Знаю, старая птица несчастья, ты имеешь в виду небесную и земную любовь.⁵ Небесная любовь была бы совершенно прекрасна, но мы люди, и именно поэтому мы люди. Я настроился на то, чтобы быть настоящим и полноценным человеком.

В: Ты идеолог — «идеалист» было бы не так точно.

Я: Глупый ворон, пошёл прочь.

Я вижу маленькую чёрную змею. Она обвилась вокруг ветви и смотрит на меня со спящим жемчужным сиянием своих глазок.⁶

¹ В LN вместо этого абзаца перед следующим абзацем стоит: «Вот сидит моя птица, змея, облачившаяся в белое платье из перьев. Птица:» (ibid.)

² В LN не появляется греческий текст.

³ Эта часть предложения не появляется в LN.

⁴ Греческий текст не появляется в LN.

⁵ Сведенборг описывал небесную любовь как состоящую из «любвонной пользы ради пользы, или благ ради благ, которые человек совершает для Церкви, своей страны, общества и ближних, отличающуюся от любви к себе и любви к миру» (*Heaven and Its Wonders and Hell: From Things Heard and Seem, tr. J. Rendell [London: Swedenborg Society, 1920], pp. 554ff*).

⁶ В LN добавлено: «Разве это не моя змея?» (р. 444).

Я: Сестра, и чёрный жезл магии — как ты думаешь?¹ [144/145]

Зм.: Думаю, нужно потерпеть. Магия здесь бесполезна. Моё магическое искусство здесь бессильно.² Я лениво обвиваюсь вокруг этой ветви, ожидая дальнейшего развития событий. Ты можешь использовать меня в жизни, но не при повешении.

Я смотрю на корону — она беззвучно вращается — а теперь быстрее — всё вращается вместе с ней, вся земля вращается — но я вишу спокойно и неподвижно. Как это грандиозно! Словно я вишу на земной оси!³ Напротив меня Сатана стоит в воздухе, как всегда, в традиционной форме — «космическая карусель» [145/146] кричит он с презрительным смехом —⁴ «Смотри, что выходит из примирения противоположностей — отрекись, и во плоти спустишься на движущуюся землю».

Я: Не отрекись — я не глуп — если таков исход, да будет так.

Змея: Где твоя непоследовательность? Пожалуйста, вспомни это важное правило искусства жизни.

Я: Тот факт, что я тут вишу, и так достаточно непоследователен. Я жил непоследовательно *ad pauseam*. Разве я не стал загадкой для окружающих? Чего ещё ты хочешь? [146/147]

Зм.: Возможно, непоследовательности в верном месте —?

Я: Прекрати! Откуда мне знать, где верные и неверные места?

Сат.: Вступающий на суверенный путь с противоположностями знает, что верно, а что неверно.

Я: Умолкни, ты заинтересованная сторона.

Вот бы моя белая птица вернулась с помощью, это было бы утешительно — боюсь, я слабею.

Зм.: Не глупи — слабость тоже путь — магия обращает ошибку во благо.

Сат.: Имей отвагу слабости — ты хочешь стать целостным человеком — люди сильны? [147/148]

Я: Душа моя,⁵ полагаю, ты не можешь найти пути назад? Ты поднялась и исчезла, потому что не могла жить со мной?

Ах, Саломея! Вот она появляется на горизонте. Иди ко мне, Саломея! Ещё одна ночь прошла. Я не слышал твой плач, но висел и до сих пор вишу.

С: Я больше не плакала, ведь удача и несчастье уравнились во мне.

¹ В *LN* здесь добавлено: «Я думал, что видел, как ты улетала на небеса птицей, а теперь ты здесь? Ты привела помощь?» (*ibid.*)

² Предыдущие три предложения заменены в *LN* на: «Я лишь половина самой себя. Я не одна, а две. Я одно и другое. Я здесь только как змея, магическая половина. Но магия здесь бессильна» (р. 445).

³ Предыдущие три предложения заменены в *LN* на: «В худшем случае, я готова вести тебя в Аид. Я знаю туда дорогу» (*ibid.*)

⁴ В *LN* появление Сатаны описано так: «Чёрная форма сгущается передо мной из воздуха. Сатана с презрительным смехом. Он обращается ко мне:» (*ibid.*)

⁵ В *LN* стоит: «Моя белая птица» (*ibid.*)

Я: Я тоже уравновешен — но как!¹ Душа моя, белая птичка, улетела и ещё не вернулась. Я ничего не знаю и не понимаю. Это как-то связано с [148/149] короной? Говори!

С: Что мне сказать? Загляни в себя.

Я: Не могу, мой мозг словно мёртв — я могу лишь хныкать о помощи. Я не могу понять, всё падает или стоит неподвижно. Я надеюсь только на свою душу.² Если она не принесёт спасения, тогда — не знаю, что тогда случится.

О нет, может быть, птица означает то же, что повешение?

Сат.: Примирение противоположностей! Равные права всем! Глупости!

Я: Я слышу чириканье птицы! — [149/150] Это ты, моя душа? Ты вернулась? «Если ты любишь землю, ты повешен; если ты любишь небо, ты паришь».

Я: Что есть земля? Что есть небо?

«Всё под тобой — земля, всё над тобой — небо. Ты летишь, если стремишься к тому, что выше тебя; ты повешен, если жаждешь того, что ниже тебя».

Что выше меня? Что подо мной?

«Всё Выше то, что по ту сторону и над тобой, ниже тебя то, что появляется под тобой».

Я: И корона? Разреши для меня загадку с короной! [150/151]

«Корона и змея — это противоположности, и оно одно. Разве ты не видел змею, увенчавшую главу распятого?»

Я: Не понимаю.

«Какие слова тебе принесла корона? Любовь никогда не перестаёт — в этом тайна короны и змеи[]».

Я: А Саломея? Что случится с Саломеей?

«Видишь ли, Саломея там, где ты. Лети, и она отрастит крылья».

Облака раздаются, и небо залито багровым закатом.³ [151/152] Солнце тонет в море на горизонте, и я скольжу вместе с ним с вершины древа к земле. Я ощущаю твёрдую почву. Мягко и мирно наступает ночь.⁴

¹ Предыдущее предложение не появляется в *LN*.

² В *LN* стоит: «мою белую птицу» (р. 446). Следующее предложение не появляется в *LN*.

³ В *LN* добавлено: «завершившегося третьего дня» (р. 446).

⁴ Комментарий Юнга к последним двум записям см. в *LN*, pp. 447–50. 13 февраля он представил перед цюрихским Психоаналитическим обществом работу «О символизме сновидений», за чем последовало продолжение обсуждения работы Альфонса Медера о сновидениях (*JA*, *MZS*, pp. 49ff). Он начал с критики теории сновидений Фрейда, а затем представил свою концепцию смысла сновидений, которые описывал как символически очерченные решения проблем. То есть сон просто представляет проблему или символическое указание на неё, если человек не может уловить саму проблему. В той мере, в какой сон выводит к сознанию подсознательный материал, он имеет компенсирующую функцию, а в той мере, в какой он символически указывает на решение, он имеет целевую функцию. Наконец, Юнг привёл серию примеров типичных символов сновидений, указывая, как бы их истолковали Фрейд и он сам. Более полное описание см. в моей работе *Jung and the Making of Modern Psychology*, pp. 143ff.

15.II.14¹

Но с тех пор всё стало странно, ни тепло, ни холодно — ни вперёд, ни назад.

Я посоветуюсь с душой о том, что должно произойти теперь.

Что ты думаешь о нынешней ситуации?

«Думаю, что происходящее странно».

Что это?

«Что-то происходит, но весь фокус как раз в том, чтобы понять, что именно».

[152/153]

Ты действительно знаешь, что происходит?

«Я тоже не знаю. Но у меня всегда есть способ узнать».

Это приятно слышать.

«Или неприятно, потому что уроки стоят дорого. Ничто из ничего не возникает».

Что ты имеешь в виду? Ты имеешь в виду, что добраться до сути вещей стоит дорого?

«Конечно. Все обладают способностью обнаруживать, что именно происходит, но не все могут позволить себе заплатить цену. Это довольно утомительно».

Я тоже так думал. Это очень особая и утомительная борьба. Как ты думаешь? Это стоит усилий?

«Думаю, что так, ~~т.е.~~ если у тебя есть время для этого». [153/154]

Не думаешь ли ты, что можно использовать время и лучшим образом?

«Использовать лучшим образом? Для чего? Ты не без причины стремишься к таким вещам. Кстати, ты и так это знаешь».

Это верно. Я в самом деле знаю это. Но я беспокоюсь от мысли, как это будет продолжаться, и как мы придём к завершению?

«Конечно, ты хотел бы это знать. Но будущее темно и всё предстоящее ещё нужно сделать».

Трудно вынести неясность и непредсказуемость.

«Естественно, но кто говорит, что это лёгкая ноша, если ты хочешь создавать будущее, а не просто проживать его?

Неясность многократно отягчает эту работу.

[«] Чего ты хочешь? То, что неясно — неясно. [154/155]. Единственную ясность создаёшь ты сам.» Но Даже ценность того, что ты делаешь, сомнительна, и это неизбежно, потому, что у тебя нет никакого способа судить о ценности нынешних вещей: она проявится только позже, если эти вещи вообще имеют ценность.

Нужно жить с неопределенностью. И это определено; только интеллект может волноваться по этому поводу.»

¹ Воскресенье. Эта запись не появляется в LN.

Я не особенно волнуюсь по этому поводу. Я только предпочитаю, чтобы это было как можно более комфортно.

«Вот — это я и называю бесстыдной честностью. Это прогресс.»

Слава богу, по крайней мере, ты думаешь, что у меня некоторый прогресс. Само это слово уже бальзам для моих ушей.

«Мне, кажется, что ты скучаешь по дьяволу. Тебе не хватает спешки и нервозности». [155 156]

Совсем нет, мне нравится покой. Но моя голова пульсирует, как будто она беременна. Я жажду родов.

«Твоя беременность еще не закончилась. Я не хочу все время говорить о терпении.»

Я тоже, но никто ничего не знает наверняка.

«Прекрати — какую уверенность ты хочешь?»

Я больше не хочу. Я бы предпочел говорить окольными путями.

«Тогда ты не хочешь ее достичь.»

Может быть, и так. Меня тошнит даже от одной мысли об этом.

«Возьми хлыст и погоняй свою лошадь. Это не усталость, а просто лень. Усталость выглядит по-другому». [156 157]

Что мне делать?

«Будь готов ухватить то, что пролетает мимо».

Ничто не пролетает мимо.

«Конечно, пролетает. Ты просто не хочешь принимать его, потому что боишься напряжения. Я все время позволяю вещам пролетать мимо тебя.»

Да, это правда, но ужасно скучным вещам.

«Ты предпочитаешь ощущения. Это желание должно исчезнуть.

Ну, что ты хочешь поймать?»

Я ничего не могу с этим поделать — но с некоторых пор я вижу перед собой выравнивающий эталон, повседневную линейку. Мне это надоело, потому что это ужасно скучно.

«Тебе еще предстоит постичь искусство делать свою жизнь интересной». [157 158]

Сделать жизнь интересной — это звучит как одна из твоих почтенных банальностей, которая раньше сводила меня с ума.

[«] Именно, банальность действительно истинна и полностью подходит для тебя. Не будь таким снобом. Банальность — это положение универсальной истины и значительной определенности. Это то, что ты ищешь. А теперь возьми свою линейку и не презирай этот инструмент. Только подумай, какое это было бы бедствие, если бы у человека больше не было мерных эталонов. Основы культуры будут разрушены, и тот, кто изобретет новую линейку, будет рассматриваться как величайший Благодетель человечества. Ты всегда забываешь, как ценны мелочи, которые окружают нас каждый день.»

Ты ужасный педант. [158 159]

«Ты это спровоцировал.»

Линейка — как раз тогда — черная, как мой волшебный жезл. Так что это тоже измеритель. Трудно не шутить по этому поводу. И ровно в придачу. Как видишь, я говорю в твоём духе. Кстати, когда жезл появляется снова, также возникает любопытство, в чём может заключаться его значение. Это — так мне кажется — довольно темное дело.

«Посмотри на свою линейку!»

Я вижу, как две руки осторожно берут ее с обоих концов и кладут на стол — и одна рука чертит с ее помощью линию ~~красную линию~~. Мимоходом я должен сказать, что мне пришлось сдержать свою скуку. [159 160]

«Просто успокойся — я держу тебя. Нельзя избегать линейки.»

Это жестокое обращение с животными, и мне это совсем не нравится.

«Ты невыносим.»

Я не могу взять себя в руки, чтобы выказать хоть какое-то негодование. Я не могу унижаться перед линейкой. У меня нет никакого желания быть важной персоной. Даже табак у меня кончился. Поэтому я не могу продолжать писать. Я слишком глубоко убежден в важности мелочей, чтобы объявлять себя независимым от вышеупомянутых обстоятельств. Ты не пугаешь и не искушаешь меня. [160 161]

Я надеюсь, ты признаешь свое поражение.

«Успех покажет.»

Что ж, я рискну.

22.II.14¹

Я не думал, что вернусь так скоро. Но твои свершения так странны и так чудесны, о, душа моя, что мне пришлось немедленно вернуться. Я не сообщая тебе о том, что известно тебе, но я хочу сказать тебе о том, что все во мне все еще наполнено отзвуками пришедшего ко мне исполнения.

Я не осуждаю, хотя я почти сделал это и был близок к поражению. Прошлой ночью мне приснилось, что я стою в саду; множество чистых фонтанов взметнулось вверх, и вода [161 162] струилась отовсюду. Я старательно направлял всю воду в глубокую канаву, которая вела ее обратно в чрево земли.

С этим сном я вернулся, так как мне казалось, что я должен вернуться в глубины.²

А ты как думаешь?

«Я думаю, что ты на верном пути».

Если я на правильном пути, то скажи мне, куда идти?

¹ Воскресенье. Эта запись не была воспроизведена в Liber Novus

² 6 Ноября 1915 года Юнг написал письмо Гансу Шмиду, в котором он ссылался на этот сон (см. введение стр. 45)

«Не спрашивай меня, но посмотри вокруг!»

Я вижу широкую равнину — высокие пучки травы — сухую землю, — ясное небо над головой. Вдалеке я вижу стадо скота, за которым присматривают конные пастухи с длинными пиками. На них широкополые соломенные шляпы.

Передо мной стоит один из пастухов с [162 163] вытянутым смуглым и изможденным лицом — он кажется мне знакомым — удивительно похож на меня — что это такое?

Кто вы такой?

Н: Немец, которому наскучило немецкое Отечество.

Я: Тебе здесь лучше?

Н: Лучше и хуже. Мы живем здесь довольно примитивно со всеми недостатками и преимуществами жизни дикарей. Но мы свободны и безудержны; за это можно многое вынести.

Я: Не жалеете ли вы, что распрощались с цивилизацией?

Н: Может быть, я и мог бы, но из-за этой жизни ты забываешь то, чего у тебя нет.

Я: Но разве вы не скучаете все время по культуре? [163 164]

Н: Нет, вообще-то нет. Я каким-то образом несу в себе культуру как некое внутреннее напряжение и желание.

Я: Разве это не мучительно?

Н: О нет, мы достаточно обеспокоены суровостью примитивной жизни. Поэтому стремление к культуре нас почти не беспокоит. Это довольно приятное чувство, полное предчувствий.

Я: Но разве вас не беспокоит, что ваша жизнь настолько изолирована и что вы никогда не достигнете пика своего культурного потенциала? Каждый индеец мог бы занять ваше место настолько же хорошо, как и вы. Но вы могли бы достичь гораздо лучших результатов, если бы жили ~~остались~~ в своей культуре.

Н: Хм ... возможно, ты и прав. Но эта чудесная свободная жизнь — ее нельзя упустить. Жизнь в городах это приводит к уродству. Одним больше или [164 165] меньше в цивилизации — какую роль играет индивидуум?¹

¹ Юнг писал о пагубных последствиях городской жизни: «серьезно настроенные люди знают, что сегодня существует нечто вроде сексуальной проблемы. Они знают, что быстрое развитие городов, специализация труда, вызванная чрезвычайным разделением труда, растущая индустриализация сельской местности и растущее чувство незащищенности лишают людей многих возможностей дать выход своей эмоциональной энергии. Чередующийся ритм работы крестьянина обеспечивает ему бессознательное удовлетворение через свое символическое содержание — удовлетворение, которого фабричные и конторские рабочие не знают и никогда не смогут получить. Что они знают о его жизни с природой, о тех великих моментах, когда, будучи господином и оплодотворителем земли, он вонзает свой плуг в землю и царственным жестом разбрасывает семена для будущей жатвы; о его радости от плодородия жены, которая рождает ему дочерей и сыновей, что означает увеличение рабочей силы и процветания? Увы! От всего этого мы, горожане, мы, современные машинисты, далеки» («New paths in psychology», CW 7, § 428)

Я: А если бы все думали так же, как ты? Что станет с культурными достижениями человечества?

Н: Я далек от того, чтобы сказать, что мое поведение должно быть образцовым — я никогда не был образцом для подражания и не хочу им быть. Но я требую права жить своей индивидуальностью. Если бы все думали, как я, возможно, цивилизация выглядела бы иначе. Сколько у вас трусов и слабаков среди ваших культурных работников, которые участвуют только из-за своей трусости и слабости, но в глубине души хотели бы сделать что-то другое, если бы их тревога позволила им?

Я: Я должен согласиться с вами в этом месте. [165 166] Но я не могу примириться с мыслью, что вы предпочитаете вести такую бесплодную жизнь, в которой вы только потакаете своим диким инстинктам и ваши интеллектуальные способности не используются.

Н: Они не бездействуют целиком. Я действительно размышляю, но только для себя. Но разве культурные люди думают друг для друга? Каждый размышляет сам для себя, если вообще может.

Тот, кто размышляет для других, является либо исключением, либо философом, который мыслит только для других, поскольку хочет, чтобы все остальные думали или молились в соответствии с его системой.

Я: Таким образом, философ также имеет влияние воспитателя, хотя его намерение может быть весьма эгоистичным. Культурный труд невозможен без эгоизма. Хотя иногда это зависит только от того, как что-то достигается, в других случаях важно не то, как это делается, а то, что это вообще делается. Как я уже сказал, мне кажется, что вы уклоняетесь от своей культурной задачи.

Н: Какой же ты моралист. Разве вы не верите в права личности?

Я: Да, я верю в это, но я также верю и в работу по культурному строительству. Эта работа больше, чем личность и ее несомненные права.

Н: Но если я чувствую себя более комфортно в качестве пастуха?

Я: Это именно то, что вызывает мои сомнения. Я просто не вполне понимаю, как вы чувствуете себя счастливее как полудикарь, чем когда вы принимаетесь за свою [167 168] культурную задачу. Жизнь, которую вы ведете здесь, не расширяет ваших границ, поэтому вы слишком стеснены, несмотря на вашу безграничную свободу. Вы обретае безграничность только тогда, когда ваша работа превосходит вас.

Н: Должен признаться, что я не был пастухом, которого вы видите здесь всю свою жизнь. Я не был откровенен раньше о том, почему я покинул свое Отечество. У меня там была задача, где я был в центре событий, и эти усилия превысили мои пределы, они даже взяли надо мной верх каким — то непредсказуемым образом, и я был совершенно один, работая над этой задачей — и необъятность этого была подавляющей. Я видел, что моя задача бесконечна, а мужество и вера иссякают.

Я бежал в пустыню и отрекся от цивилизации. Я скорее предпочту муки [168 169] примитивной полудикой жизни, чем невыносимое бремя огромной задачи, которая меня переполняет! Да, я сдаюсь, потому что я слишком слаб, чтобы взвалить на плечи бесконечность. Я вернулся к конечному, к ограниченной человеческой жизни, где задача и жизнь истощаются вместе. Я предпочитаю жизнь наедине с самыми опасными животными дикой природы, чем с этой ужасной задачей — у каждого есть свое оружие и своя хитрость — но победа, по крайней мере, возможна. Разве такого рода миссии не превращают нас всегда в карликов?

Здесь можно рассчитывать на своего соседа, который протянет руку — там вас никто не слышит, — напротив, они ставят вам столько камней преткновения, сколько могут, чтобы вы не поддались иллюзии, [169 170] что можете взяться за дело серьезно. Я отбросил невозможное, и вернулся к возможному.

Я: Но мне кажется, что между вашей прошлой жизнью и вашей нынешней жизнью присутствовали и другие возможности. Не было необходимости сразу же бежать в пустыню, когда вы не могли решить свою, вероятно, подавляющую задачу.

Можно также, как мне кажется, сократить свою задачу до посильной.

Н: Вы разумны, и ваши взгляды сбалансированы. Но испытывали ли вы когда-нибудь бесконечность? Испытывали ли вы когда-нибудь боль и разрушение, которые постигают того, у кого больше не осталось сил, чтобы сдвинуть необозримую преграду дальше? Испытывали ли вы когда-нибудь горечь [170 171], которая достается каждому, кто хочет творить сверх себя? Что я должен сказать вам об оставленности, одиночестве, аде отчаяния?

Вот в чем я себя упрекаю. Вы это понимаете?

Я: Я думаю, что знаю, мой брат. Человеческое сердце имеет права, в которых нельзя отказывать.

... Мы долгое время пребываем в безмолвии, потому что того требовал момент. Мы не можем оспаривать тяготы человеческого сердца.

Я: Брат мой, я понимаю ваше бегство. Бремя было слишком велико. Неужели некому было вас понять?

Н: Может быть — но какой в этом смысл? Страх душил меня, и я пришел в себя только тогда, когда ударился о дно, прижимая природу к груди [171 172]. Я пил чистую воду свободы, как умирающий от жажды. С тех пор я снова живу. Какая помощь могла бы прийти от понимания, от человеческого утешения? Заменят ли они эту свободную пустыню, эту необузданную природу?

Я: Я должен согласиться с вами. Но я не могу согласиться с вами насчет того, чтобы остаться в глуши. Вы не трус и не слабак. Если вы способны на эту жертву, вы также сможете снова взяться за свою трудную задачу. Не будьте безумны в своей решимости, скорее будьте открыты для убеждения. Мне кажется, что вы прожили здесь достаточно долго. Работа ждет вас. [172 173]

23.II.14¹

Это пустозвонство — это было вчера. Мне все еще кажется, что я ничего не добьюсь. Я хочу вернуться к своей работе. Что меня удерживает?

«Жажда славы».

Так ли это? Я думал, что преодолел эту дурную привычку.

«Преодолел? Что ты называешь преодолением? Ты просто проигнорировал ее и не принял ее. Ты знаешь, что таким образом ничего нельзя преодолеть.»

Но как? В лучшем случае я могу попытаться не зависеть от нее.

«Принять ее.»

Если ты говоришь, что я болен честолюбием, то так оно, должно быть, и есть. [173 174] Но где и как — это остается для меня неясным.

« Так смотри, слушай!»

«Жил-был король, и у него не было детей. Но он хотел бы иметь детей. Поэтому он пошел к мудрой женщине, которая жила в лесу, и исповедался во всех своих грехах. На это она сказала: «Дорогой Король, ты сделал то, чего не должен был делать. Но раз уж это случилось, значит, должно было случиться, и нам придется посмотреть, как ты сможешь исправить это в будущем. Возьми фунт сала выдры, закопай его в землю, и пусть пройдет полгода². А потом снова раскопай это место и посмотри, что там найдется.» Так говорила мудрая женщина³. И пошел царь к себе домой, пристыженный [174 175] и опечаленный⁴. Ночью он выкопал в саду яму и положил в нее горшок с выдровым салом, который добыл с некоторым трудом. Через полгода он снова выкопал это место⁵. К своему великому удивлению, он обнаружил, что сало исчезло, но на его месте лежал спящий младенец. Он взял его с собой и принес жене. Она тут же поднесла его к груди и вот — молоко потекло рекой. И так ребенок расцвел и стал большим и сильным. Он вырос в человека, который был больше и сильнее всех остальных. Когда сын короля достиг совершеннолетия, он предстал перед своим отцом и сказал: «Я знаю, что ты произвел меня на свет с помощью колдовства и, что я родился [175 176] не таким, как другие люди. Ты сотворил меня из раскаяния своей души, и это сделало меня сильным, я рожден от женщины, которая сделала меня умным. Я силен и умен и потому требую от тебя царства.»

¹ Понедельник Liber Secundus, chapter 21, «The Magician» {7} (IN, pp. 45 off.). первые шесть параграфов были заменены в Liber Novus на: «Когда я стоял так одиноко на земле, которая была покрыта дождевыми облаками и ночью, мой змей подкрался ко мне и рассказал мне историю:» (стр.450)

² В Liber Novus этот период изменился до 9 месяцев (стр. 450)

³ В Liber Novus это предложение отсутствует.

⁴ «Потому что он унижился перед ведьмой в лесу. И все же он прислушался к ее совету» — добавляется в Liber Novus (стр. 450)

⁵ Это предложение было заменено в Liber Novus на «Затем он ждал девять месяцев. После того как прошло это время, он снова пошел ночью к тому месту, где лежал погребенный горшок, и выкопал его» (там же.)

Старый король был сильно поражен знанием своего сына, но еще больше его безудержным стремлением¹, и он решил позволить сыну быть убитым². Но поскольку его сын был так силен, он боялся его и поэтому хотел прибегнуть к хитрости. Он снова отправился к волшебнице в лес и попросил у нее совета. Она сказала: «Ты, Дорогой король, на этот раз ты не признаешься мне в грехе, потому что хочешь совершить грех. Я советую тебе закопать еще один горшок с салом выдры [176 177] и оставить его лежать в земле в течение полугода³. Затем снова выкопай его и посмотри, что произошло.

Король сделал то, что посоветовала ему колдунья. И с тех пор его сын становился все слабее и слабее, и когда через полгода король вернулся на то место, где лежал горшок, он мог одновременно вырыть могилу своему сыну. Он положил его в ямку рядом с пустым горшком.

Король был опечален, и когда он больше не мог справиться со своей меланхолией, он снова вернулся к колдунье однажды ночью и попросил у нее совета. Она сказала ему: «Дорогой король, ты хотел сына, но сын сам хотел быть королем [177 178], а также имел силу и ум для этого, и тогда ты больше не хотел своего сына. Из — за этого ты потерял своего сына. Так что же ты сетуешь? У тебя есть все, дорогой царь, что ты хотел.»

Но король сказал: «Ты права. Я этого хотел. Но я не хотел этой меланхолии. Есть ли у тебя какие-нибудь средства против угрызений совести?» Колдунья сказала: «Дорогой король, закопай снова горшок с салом выдры, а через полгода посмотри, что ты найдешь в горшке»⁴. Король сделал это, как ему было приказано, и с тех пор он был счастлив, сам не зная почему. Когда через полгода он снова выкопал горшок [178 179], он нашел спящего младенца там, где горшок был раньше, и он понял, что младенец был его мертвым сыном. Он взял младенца к себе, и с тех пор он рос столько же в неделю, сколько другие младенцы растут в год, и когда прошло 20 недель, сын предстал перед ним отцом снова и потребовал его царство. Но отец, уже давно зная, как все обернется, встал со своего трона, обнял сына со слезами радости и короновал его на царство. Но сын, ставший таким образом царем, был благодарен своему отцу и высоко ценил его до самого конца.[«]⁵

¹ «к королевской власти. Он промолчал и думал: «что произвело тебя на свет? Сало выдры. Кто тебя выносил? Утроба земли. Я вытащил тебя из горшка, ведьма унизила меня», — добавлено здесь в Liber Novus (стр. 451).

² Это выражение было заменено на «его сыну тайно» (там же)

³ Этот период был изменен на 9 месяцев.

⁴ В Liber Novus этот период изменился до 9 месяцев (стр. 452)

⁵ Последнее выражение было заменено в Liber Novus на «до тех пор, пока его отцу была дарована жизнь» (там же.)

[179180] Душа моя¹, по правде говоря, я не знал, что ты еще и сказочник. Так скажите же мне, как я должен истолковать эту² сказку?

«Не истолковывай слишком много, но прочувствуй это³. Представь себе, что ты — старый король, а твоя работа — твой сын. Ты вел себя по отношению к твоей работе одним способом в то время как должен был вести себя другим⁴.»

Я думаю, что могу это понять;⁵ но как насчет колдуньи?

«Колдунья — это мать, чьим сыном ты должен быть, поскольку ты — дитя, возрождающееся в тебе же.»

О нет, неужели я не могу смогу быть мужчиной?

«У тебя есть достаточная мужественность, а за ее пределами [180181] та полнота детства, для которой тебе нужна мать.»

Мне стыдно быть ребенком.

«И таким образом ты убиваешь своего сына», создатель нуждается в матери, «поскольку ты не женщина».

Это ужасная правда. Я думал и надеялся, что смогу быть мужчиной во всех отношениях.

Ты не можешь этого сделать, если хочешь быть творцом. Создавать означает — мать и дитя.

«Мысль о том, что я должен оставаться ребенком, невыносима.»

Если ты просто человек, творение окончено.⁶ Ради пользы своей работы⁷ ты должен быть ребенком [181182] и оставить ему корону.»

Мысль о том, что я должен оставаться ребенком, унижительна и сокрушительна.

«Спасительное противоядие от жажды славы⁸! Не сопротивляйся тому, чтобы быть ребенком, иначе ты будешь сопротивляться задаче⁹, которую хочешь превыше всего:»

Это правда, я хочу выполнить свою работу, но цена, которую я должен заплатить за нее, высока.¹⁰

¹ В Liber Novus это выражение было заменено на «но я сказал моему змею: «воистину, мой змей»» (там же).

² Это слово было заменено на «твою» в Liber Novus (там же).

³ Предыдущее предложение отсутствует в Liber Novus.

⁴ Предыдущее предложение отсутствует в Liber Novus. Здесь, в Liber Novus, было добавлено следующее: «Я: Кто такой сын? «Змей: «Ну, я думал, что ты только что говорил о сыне, который не делает тебя достаточно счастливым». Я: Ты же не хочешь сказать, что я должен короновать его? «Змей: 'Да, кто же еще?' (стр. 452)

⁵ Предыдущее предложение было заменено в Liber Novus на «это поразительно» (там же).

⁶ Предыдущее предложение отсутствует в Liber Novus.

⁷ В Liber Novus вместо этого «вашего сына» (стр.452)

⁸ В Liber Novus вместо этого «власти» (там же)

⁹ В Liber Novus вместо этого «сыну» (там же)

¹⁰ В Liber Novus вместо этого «это правда, я хочу сына и выживания. Но цена за это высока» (с - 453).

Твоя работа стоит еще выше¹. Ты меньше и слабее, чем твоя работа, и всегда гораздо слабее, чем ребенок в тебе. Это горькая правда, но ее нельзя избежать. Не будь дерзким, дети должны быть хорошо воспитаны.»

Твое презрение болезненно. Они будут [182 183] смеяться надо мной.²

«Человек посмешище — знаешь ли ты, чье это было имя».³

Я знаю, но это невыразимо горько.

«Ты услышишь от меня слова утешения, когда они будут насмехаться, оскорблять и обижать тебя⁴. Я стою у чистого источника жизни, который никто не может заму-
тить. Мои источники будут течь для тебя и изливать питье спасения, если все зем-
ли иссохнут от жажды и все придут к тебе просить воды жизни.

Итак, подчини себя работе».⁵ [183 184]

Как, как могу я охватить безмерное? Мои знания и способности бедны, моих сил недостаточно.

⁶ Пусть тебе будет достаточно моей помощи. Не спрашивай о завтрашнем дне, достаточно тебе этого дня. Тебе не нужно беспокоиться о средствах. Пусть все рас-
тет, пусть все прорастает — работа вырастает сама из себя⁷».

Я сдаюсь⁸.

28. II. 14.⁹

Я сдался. Это было трудно — и жизнь продолжалась новыми путями.

Душа моя, ты чего-нибудь хочешь?

«Мне ничего не нужно. Мы устали от всех этих жестоких битв. Нам нужно [184 185] покоя. Убери все подальше.[«]

9. III. 14.¹⁰

Кажется, я немного перегорел. Голова у меня сегодня была особенно тупая. Значит ли это, что я должен вернуться к тебе, моя книга?

Душа моя, говори и дай мне услышать то, что происходит в глубине. Возвещай весть о грядущем. Я чувствую, как будто хаос был скрыт глубоко внутри меня.

«Вот именно. Хаос-это правильное слово.»

¹ В Liber Novus вместо этого «сын» (там же)

² В Liber Novus вместо этого «Я: проклятое презрение!» (там же)

³ То есть, Христос. См. Матфея 2 7:2 7—31. Предыдущее предложение и следующее предложение не были воспроизведены в Liber Novus .

⁴ Предыдущее предложение и следующее два предложения не были воспроизведены в Liber Novus .

⁵ В Liber Novus вместо этого «сыну» (стр. 453)

⁶ В Liber Novus есть «при этих словах змея свернулась, собралась в узлы и сказала:» (Там же).

⁷ В Liber Novus вместо этого «сын вырастает сам из себя» (там же)

⁸ Предыдущее предложение не было воспроизведено в Liber Novus. Комментарий Юнга к этой записи см. Liber Novus стр. 453—455

⁹ Воскресение. Эта запись отсутствует в Liber Novus

¹⁰ Понедельник. Эта запись отсутствует в Liber Novus

Я чувствую, что мне нужно немного облегчения. Разве ты не можешь вызвать что-то, что освобождает внутреннее [185 186] напряжение? Я знаю, что еще не выполнил свою работу. Но ты знаешь все трудности.

«Будь в работе неуклонно».

Я думаю, что уже работаю. И снова твоё увещание звучит по-учительски. Пожалуйста, не говори банальностей, но постигай что-то более глубокое; я искренен.

«Так слушай же: нет ничего глупее воронов под солнцем.»

Почему? Ей-богу, ты просто изумительна.

«Не удивляйся. Ворон — это животное, о котором ты мне недавно рассказывал. Что он сказал, когда ты висел на дереве?»¹

Я действительно больше не знаю [186 187]. Я могу только вспомнить, что это было что-то весьма догматичное и рациональное.

«Взгляни на это.»

Я понял: он говорил о моей концепции любви. Как я понял задним числом, он не был полностью неправ, или, скорее, он был полностью прав.

«И все же он глуп.»

Почему? Я этого не понимаю.

«Глупо говорить о «концепции любви». Нет концепции любви.»

Это целиком и полностью в твоём духе. Но, пожалуйста, выразишься яснее.

«Ты действительно вырос. Ты определенно груб со мной. [187 188] Однако — ты очень хорошо знаешь, что бьёшь сам себя, так что слушай: желание понять любовь — это уже явная нелепость и источник многих зол. Человек не понимает любви, её нельзя понять — у него она просто есть — или её нет.»

Значит, ты считаешь любовь чем-то совершенно иррациональным?

«Если ты обязательно хочешь выразить это философски, то можешь назвать это так. Попытка понять любовь вообще, таким образом, просто плоха.»

Я размышляю и пытаюсь понять, где же я провинился в таком интеллектуализме — не знаю, где именно.

«В твоей повседневной работе. Ты всегда ищешь причины, почему ты даешь любовь и почему получаешь любовь. [188 189] Этого следует избегать.»

Это звучит странно. Этому не нужно вести учета?

«Не при каких обстоятельствах. Ты прерываешь процесс, который жизненно важен для тебя и других. Любовь — это самый чувствительный орган восприятия. Только любовь позволяет читать свою душу и души других людей. И ничто другое. Оно есть будет, оно есть, и оно проходит, скрывая в себе бесконечный смысл.»

Ты хочешь запретить все мои мысли об этом? Зачем же тогда наш рассудок?

«Рассудок приходит потом»,

¹ См. выше. Книга 4, с. 258.

Конечно, полностью во вред нам. Вряд ли можно согласиться с этим утверждением.

«Стоило бы попробовать.» [189 190]

Мне кажется, что я уже провел достаточно экспериментов с положительными и отрицательными результатами. Я не понимаю, к чему ты ведешь.

«Я тоже. Но это нужно было сказать:»

Я не отпущу тебя. Мне нужно знать все.

«Для того, чтобы злоупотреблять всем.»

Как ты пришла к этим подозрениям?

«Ну, чтобы защитить тебя.»

Нельзя идти против рациональных выводов, особенно если ничего лучшего не знаешь.

«Это хорошая причина, но не суть того, что я имею в виду».

Что еще ты имеешь в виду? Вот ты снова, [190 191] становишься трудной.

«Вот видишь? Ты ведь узнаешь этот стиль, не так ли? Думаешь, что другим нравится, когда ты говоришь подобным образом».

Ты права. Это я должен помнить. Но в данном случае я не понимаю ничего.

«Послушай: жил-был садовник, который сеял семена цветов. Но прилетели птицы и съели семена. Поэтому садовник соорудил силки и клеевые ловушки. Когда он вернулся на другой день — кого он поймал? Снегиря.¹ «

Ты меня имеешь в виду?

«Кого же еще.»

Я могу только попытаться быть терпеливым с тобой. Когда ты сравниваешь меня со снегирем [191 192], я должен предположить, что у тебя есть причина. Но смысл для меня совершенно неясен. Разве ты не хочешь мне это объяснить?

«Спасибо, ты учишься вежливости. Очевидно, ты лучше реагируешь на несколько более строгий язык.»

«Снегирь был пойман не потому, что он ел семена, а потому, что в его сущности было быть одураченным».

Ты хочешь сказать, что я или, вернее, моя любовь была обманом или должна быть обманом?

«И то и другое верно. *Либидо* Любовь всегда одурачивает»

Но это противоречит опыту. [192 193] Я не могу принять это.

«Тебе не нужно принимать это безоговорочно. Истинам не требуется быть принятыми полностью.»

Ты говоришь мне вещи, которые я понял давным-давно. Я знаю, что моя любовь обманывается, и иногда я иду за ней, прекрасно понимая, что тоже могу попасть в ло-

¹ Немецкое *Gimp* что также может означать «неудачника»

вушку. Но я не могу и не хочу заставлять жизнь молчать. Кстати — что это с тобой[?] Ты ходишь вокруг да около. Что ты хочешь?

«Я — твое зеркало. Что посеешь, то и пожнешь.»

В таком случае я отчаянно одинок, даже с тобой, моя душа. Я думал о единении с тобой, но мне кажется, [193 194] что я одинок с тобой.

«Это и есть ты. Видишь ли ты ценность любви? Клей ловушки кажется снегирию более желанным, чем пребывание наедине с самим собой. Научись глупой мудрости этой птицы.»

Ты доводишь меня до отчаяния. Разве я не даю достаточно любви?

«Нет, ты берешь слишком мало.»

Как я могу?

«Позволь себе быть любимым и не думать о том, чтобы возвращать.»

Это кажется мне аморальным.

«Не забывай, что ты делаешь людям одолжение, если позволяешь им любить тебя.»

Но они хотят, чтобы им платили [194 195] тем же.

«Это справедливо только для твоей любви. Другие все еще должны научиться любить вообще. Ученикам платят не полностью.»

Это жестокое учение.

«Оно требует пожертвовать только твоими мужскими предрассудками. Тебе нужно усилить страсть в других. Таким образом, они становятся сдержанными»

Того, что я делаю, недостаточно?

«Нисколько. Ты много служишь. Ты должен требовать.»

Но как я должен вести себя в практическом плане!

«Будь требователен и сделай свое присутствие редким.»

Это значит — максимально возможная сдержанность с моей стороны? [195 196]

«Предельно. Но позволь приблизиться.»

Это плохо подходит для меня. Но я буду повиноваться.

IV

La somma sapienza è il
primo amare.

14. 16 Fortsetzung. (von III)

Ich denke auch, dass es interessant ist;
das abgeordnete Thomas a Kempis verlange.

1. „Wundert es Sie, dass abgeordnete Thomas
a Kempis verlange.“

Ja „Nein ja, das Buch wird selten aus-
gelegt und gerade bei Thomas hätte ich
sehr Interesse nicht erwartet.“

2. Ich muss gestehen, ich bin unglücklich
von dem Einfall überrascht. Aber ich
höchsteinstens einmal eine kurze Passage
im Thomas a Kempis gelesen, die mir
einen bewundernswürdigen Eindruck gemacht hat;
wenn man auch nicht die Möglichkeit
sehen. Es war ^{besonders} das Problem
von Nachfolge Christi.

3. Haben Sie speziell theologische oder
historische Interessen oder —

2. Sie meinen wohl — oder ob ich es zur
Bewertung lesen werde?

3. Chelidon: Wenn letzteres wohl kann.

1. Wenn ich Thomas a Kempis lese,
so geschieht dies eher zum Zwecke der
Anerkennung oder etwas dem ähnlichem, als aus
wissenschaftlichen Interessen.

2. Sind Sie denn so religiös — das versteht sich
gar nicht (etwas spöttisch lächelnd).

3. Sie wissen, dass ich die Wissenschaft außer-
ordentlich hoch schätze, aber erzieht wahr-
scheinlich Augenblicke im Leben, wo auch die
Wissenschaften leer und vereint sind. In solchen
Momenten bedeutet ein Buch von Thomas
mir sehr viel, denn es ist ein Buch der Seele
geschrieben.

4. Aber etwas sehr alt modisch. Wir können
uns doch heute auf christliche
Dogmatik einlassen.

5. Mit dem Christentum sind wir nicht
einmal gekommen, wenn wir es einfach weg-
legen. Es scheint mir, als sei noch dabei,

als wirken.

B. Was soll denn Trausein?

J. Dufur für Gründe bin und jedem
an was für einem Alter Lustwanes dem
weg? Mentus zur Zeit des Studiums
oder etwas früher? Nennen wir das eine
besonders verantwortliche Zeit? Und haben
Si einmal die Gründe genauer untersucht,
auf die hin man die positive Religion
weglegt? Die Gründe sind meistens un-
gläubig-wichtig, z. B. weil der In-
halt des Glaubens mit der Naturwissen-
schaft oder Geschichte collidiere.

B. Das ist, un- selbstfindig, gar nicht
etwa ein unbedingtes voraussetzender
Gegensatz, sondern es nachher
Gründe giebt. Der Mangel an Wirk-
lichkeit ist ein in der positiven Religions-
lehre, ich z. B. nicht für einen Schaden.
Vielmehr ist auch reichlich Ersatz gegeben

für die durch den Zerfall der Religion
herbeigeführten Verlust an Gehörlichkeit
zur Geschichte. Nietzsche z. B. hat mehr
als ein wahrhaftes Ausdrucksbuch geschrieben.

J. Das ist in einem gewissen Sinne richtig.
Aber ^{besonders} Nietzsche's Wahrheit ist uns zu
wenig und anpreisend - gut für solche,
die noch zu hoffen sind. Aber ~~dennoch~~ ist
seine Wahrheit auch uns für solche Leute
gut. Wir sehen letzten Endes gleiche Enttäuschung
zu haben, bedürfen wir aber auch einer Wahr-
heit für solche, die in die Erde gegangen
haben. Für solche ist eine Depression Wahr-
heit, welche von Menschen verkleinert
und vernichtet, vielleicht mehr von
Nothen.

B. Aber sollte Si, Nietzsche verurtheilen
auch den Menschengegenstandlichkeit?

J. Vielleicht haben Si von Neuem Standpunkt

eine Recht, aber schamlich mit der Ein-
drucksmacht erwecken, das Nietzsche für
Si zu denutzend, denn mehr
Freiheit will Niemand, nicht aber zu denken,
die Last mit dem Leben zusammenge-
stossen sind und aus Wunden bluten, die
Si mit den Dingen der Wirklichkeit ge-
hört haben.

B. Aber auch solchen Menschen giebt
Nietzsche ein kostbares Gefühl der Über-
legenheit.

J. Ich kann so wenig beurteilen. Aber
schon Menschen, die nicht den Über-
legenheit bedürfen, sondern die Unter-
legenheit.

B. In Dingen ist sehr paradox aus.
Ich verstehe Si nicht. Unterlegenheit
bedeutet doch wohl kaum ein Desideratum
für Si.

J. Vielleicht verstehen Si mich, wenn
ich statt Unterlegenheit u. Überlegenheit sage,

ein Wert, das man früher sehr hart, neuer
Dinge aber recht stellen.

B. Es klingt auch sehr christlich.

J. Wie gesagt, aus Christen thut man
etwas, was man vielleicht noch
mitnehmen sollte. Nietzsche ist zu sehr
gegenüber. Die Wahrheit hält sich lieber
wie alle Gründe und Dauerhaftigkeit an den
Mittelweg, den wir zu Unrecht perhorres-
cieren.

B. Ich verstehe wirklich nicht, was Sie eine
so vermittelnde Stellungswandlung.

J. Meine Stellung ist nicht unbedeutend.
Wenn ich vermittele, so vermittele ich jedoch
in einer sehr eigenartigen Weise.

In André Malraux bringt den Dichter
des Buch- und Verlagsvertriebs nach dem
Bibliothekar.

17. II. 14. Ich stehe in unbedeutender und
sehr zu der Thiere brüderlicher, mein

Kleines Buch haben wir in der Tasche gesteckt.

Ich gehe zur Thüre links, auch sie ist offen — eine große altmodische Kirche, sehr reichlich und ordentlich — über dem sauberen Herd eine gewaltige Kaminuhr. Zwei lange Tische stehen in der Mitte des Raumes, daneben Bänke. An den Wänden stehen auf Regalen glitzende messingene und kupferne Pfannen und Löffel.

Auf dem Herd steht eine große alte Person — offenbar die Köchin — mit einer großen carrirten Schürze. Ich begrüße sie etwas befeuchtet — auch sie scheint verlegen zu sein.

J. Köchin, ich möchte ein bisschen hier herumtollen? es ist halt drinnen und ich muss aufpassen, was ich mache?

K. Bitte, nehmen sie was Platz.

Ich wäscht den Tisch vor mir mit einem Tuch ab. Da schneit's anders zu than wenn ^{ich} ich einen Thomas a Kempis hervor und beginne zu lesen. Die Köchin ist natürlich neugierig und betrachtet mich verstohlen. Hier und da geht sie an mir vorbei.

K. Erlauben Sie, sind Sie vielleicht ein geistlicher Herr?

J. Nein. Warum denken Sie das?

K. Oh, ich dachte daran so, weil Sie so ein kleines schwarzes Buch lesen, ich hab' auch eines von meiner Mutter selig noch.

J. So, was ist denn das für ein?

K. Es heißt: Die Nachfolge Christi. Es ist ein so schönes Buch. Ich lese oft Abends drin.

J. Das haben Sie gut errathen. Das ist auch die Nachfolge Christi, was ich hier

lese.

K. (schelnd). Das glaub' ich nicht — wenn Herr wird doch ein Buchleser nicht sein, — wenn Sie kein Pfarrer sind.

J. Warum soll ich es nicht lesen? Es freut mich, etwas Neues zu lesen.

K. Meine Mutter selig hat es auch auf dem Totenbett bei sich gehabt und es mir noch, kurz bevor sie starb, in die Hand gegeben.

Während sie spricht, blättert ich gedankenlos in dem Buch: mein Blick fällt im ersten Hauptstück auf folgende Stelle:

„Die Gerechten haben ihre Vorsätze nicht auf die Gnade Gottes auf sich zu verlassen, was sie nicht unternehmen, vertrauen, als auf ihre eigene Weisheit.“

Uhm, Henri Bergson, Siehe ich, da hat das ja — das ist doch nicht weniger als echte und rechte intuitive Methode.

J. (zur Köchin) Ihre Mutter war eine kluge Frau, sie hat wohl verstanden, dass ich das Buch zu hinterlassen.

K. Ja, gewiss — es hat mich schon oft in schweren Stunden getröstet, (ich wüsste nicht die Augen aus) und wenn kaum noch irgendein Rath drin wäre.

Ich denke, man könnte auch irgendeine Kasernen gehen, das sei auch intuitive Methode. Aber die selbige Frau, in der es der Christ hant, dürfte doch wohl von besondern Werth sein.

Ein neues Herule fand mich, was soll werden?

Sie merkwürdiges Rauschen und Schreien hört — und plötzlich brach ein großer Raum wie eine Schaar großer Vögel mit rauschenden Flügelschlägen — wir hatten schon viele Wohnungsgestaltung.

ich und ich habe aus vilfacher
paar-weisen Himmelsweise die Worte:
„kannst uns anbeten im Tempel?“

„Woher ist ich?“ rufe ich — ein
härziger Mann mit wirrem Haupthaar
und tiefen leuchtenden Augen blüht
stehen und verweilt mit mir:

„Wir wandern nach Jerusalem,
um am allerheiligsten Grabe zu beten.“

1. „Wohin auch mit?“

2. „Du kannst nicht mit, du hast
einen Körper. Wir sind Tote.“

3. „Wer bist du?“

4. „Ich bin Ezechiel und bin von Tücher-
Fäulen. Habein vornehmlich 300 Jahre
gestorben.“

5. „Wohin du, mit denen du wanderst?“

6. „Dass wir meine Glaubensgenossen.“

7. „Warum wanderst du denn?“

8. „Wir können nicht erben, sondern müssen
vollfahren zu allenheiligen Stätten.“

9. „Was trübt euch denn dazu?“

10. „Dass wir nicht alles nicht. Aber es scheint,
wie bekrass ich immer keine Ruhe, aber
wie in rechten Glaubensgeboten sind.“

11. „Weshalb hast du keine Ruhe, wenn ich
sich in rechten Glauben gestorben sind?“

12. „Es scheint mir immer, als ob ich mit
dem Leben nicht Recht zu Ende gekommen
wäre.“

13. „Merkwürdig — wieso das?“

14. „Es scheint mir, wie vergangen etwas
verloren, das auch hätte geliebt werden
sollen.“

15. „Und was wäre das?“

16. „Weinst du es? (Es fant geirig und
unheimlich nach mir, seine Augen hielten
wie vor mirer Brust.)“

17. „Lass los, Dämon — du hast

dein Tier nicht geliebt!

vor mir steht die Köchin mit
entschiedenem Gesicht, + hat mich an
den Armengriff und hält mich fest.

K. „Um Gottes Willen, um Gottes Willen
Hilfe — was ist mit Ihnen? Ist
Ihnen schlecht?“

Ich habe mich verwundert an und
bestäute mich, wie seltsamen Menschen.
Aber schon stürzen Freunde heute herein,
ob es auch der Herr Bibliothekar
grenzenlos versteht — dann malen
Lächeln:

„Oh, das habe ich mir doch gar
schnell die Polizei!“

Es ist sich zusammenlesen
kann, werde ich doch immer genutzten —

schon immer in einem Wagen geschoben.

Ich halte meine Thomas nach immer
fest umklammert und drücke, was sagt
erst wohl zu der neuen Situation?

Ich lege auf und mein Blick fällt
auf das 18te Hauptstück, Beschriftet:

„Lage wie hier auf Irkuleben, können
von den Versuchungen nicht befreit werden.“

Es ist kein Mensch so vollkommen, und
kein Heiliger so heilig, der nicht noch einmal
verführt werden könnte. Da wir können
ohne Versuchungen gerettet sein.“

Mein Thomas, er wartet wirklich
immer eine passende Antwort! Das hat
verrückte Briefträger nicht gemerkt,
sonst hätte er ruhig enden können. Perum
omnino satietas vitae facit satietatem —
satietas vitae Tempus naturum mortis
affert, sagt Cicero.

Jetzt kann ich mich sehen. Die Erkenntnis hat mich offenbar mit der Welt in Conflict gebracht. Rechts sitzt ein Polizist und links sitzt ein Polizist. „Nun, sag ich, künnten Sie mich ja auch gehen lassen.“

„Das können wir sehen,“ sagt der linke Leutnant. „Sind Sie jetzt unangenehm?“

Also, wie Menschen geht offenbar die Welt. Damit karikiert, aber erscheint, hier ist es auch zu sehen. Dieser Weg ist nicht vorangesehen, denn viel unserer Motu- und Empfindungen. Es gibt schreckliche Prekäre, aber offenbar auch sehr viele Vorteile.

Wir sind angekommen — ein ganzes Haus — eine Halle — ein Wartezimmer — ein freundliches Oberes — und jetzt auch zwei Herren Doctoren. Da eine

der Herr Kleiner Herr Herr Professor.

R. „Was haben Sie denn da für ein Buch?“

1. Das ist der Thomas a Kempis: der Nachfolger Christi.

Prof. zum Amstater: also eine religiöse Prosaform — ganz klar — paracelsus Form der Documenta praecox.

Zu mir: Sie sehen, der Nachfolger Christi führt heutzutage ins Krankenhaus.

1. Dessen ist kaum zu zweifeln, Herr Professor. Prof. der Herr Carl Witz — offenbar etwas weniger akademischerseits.

Zu mir: Hören Sie Plinius?

1. Und ob — heute was seine ganze Idee von der Natur, die durch die Natur schweben.

Prof. zum Amstater. Nun, da haben wir ja.

Zu mir: Werden Sie von den Stimmen verfolgt?

1. Ob man bewahren, ich meine auf Prof. Kle, es ist wieder ein Fall, welcher aber beweist, dass die Krankheit Halluzinationen der Stimmen nicht aufsuchen. Das gehört in die Krankengeschichte, wobei Sie sich das bitte sofort notieren.

1. Herr Professor, gestatten Sie die Bemerkung, es ist durchaus nicht krankhaft: das ist intuitive Methode.

Prof. Lehmann: Ausgezeichnet. Der Mann hat auch Sprachstörungen. Man die Diagnose dürfte hinreichend geklärt sein.

Also, ich würde gute Bemerkung und halten Sie sich recht brav.

1. Aber Herr Professor, ich bin ja gar nicht krank, ich fühle mich ganz wohl.

Prof. Lehmann: Sie, mein Herr, Sie haben noch keine Krankheit erreicht.

zum Amstater. Die Prognose ist natürlich schlecht, im besten Fall Defectheilung.

Ober. Nun Prof. darf man das Buch behalten?

R. Gewiss, lassen Sie es sein.

Dann kommt das Moment meines Kleids, dann der Bad — und jetzt die Abklärung.

Prof. einem Urabsatz werden wir nicht geliebt. Mein Bettwäscher habe ich im Kataster eines Stups, der rechts ein Endstadium der progressiven Paralyse, die ich in der letzten Periode und Melancholie zusammen. Mit mir etwa 10 Stück. Ich gemein verkleinerte Probe — bei einigen Unkenntlichkeit.

Das Problem des Wahnsinns ist tief — der göttliche Wahnsinn — eine erklärende Form der Irrationalität des aus uns aufstrebenden Lebens — inwieweit Wahnsinn, welcher der heutigen Gesellschaft nicht einziger

gliedernd — doch wie wenn Sie Ge-
sellhaft von dem Wahnsinn wärde?

Hier wird es dunkel und es ist kein Ende
abzusehen.

18.1.19.

Hier stehen wir alle Fäden und
Alles was hier ist, hört auf — wie
es nicht im Menschen gebührt.

Hier, meine Liebe, ist Raum für
Dich, hier magst Du sprechen.

Warte, Warte, mach nicht zu viel
Warte!

Schweige und höre!

Hast Du denn Wahnsinn erkannt
und gibst Dir ihn zu?

Hast Du gesehen, dass Du den Wahn-
sinn beherrschst?

Hast Du gesehen, dass alle Worte =

gründe voll Wahnsinn stehen?

Wartet Du denn Wahnsinn mit den
erkennen und freundlich bewillkommen?
Du willst ja Alles sammeln, was da in Dir
faulst. Also räum auch den Wahnsinn
ein.

Lass das Licht deines Wahnsinns leuch-
ten, und es soll dir ein grosses Licht auf-
gehen. Der Wahnsinn ist nicht zu ver-
achten und nicht zu fürchten, sondern
du sollst ihn als das Lebendige haben.

Hart, meine Liebe, klingen deine
Worte und schwer ist dir die Aufgabe, die Du
mir stellst.

Wenn Du Wege finden willst, hast Du
auch den Wahnsinn nicht zu verschmähen. Da
er doch ein so grosses und wichtiges Teil
deines Wesens ausmacht.

Ich verstehe nicht, was das so ist.

Sie fragt, dass Sie es erkennen kommt.
So vornehmlich, wie Opfer zu werden.

Der Wahnsinn ist eine besondere Form
des Intellekts und haftet allen Philoso-
phen, Angehörigen und Theorien an,
auch in der heutigen Zeit, die das Leben selbst
ist voll Fülle —
wie das Leben selbst — und essentiell unvor-
sichtig. Nur der Mensch stellt nach
Vernunft, damit er nach Regeln leben
kann. Das Leben selbst hat keine
Regeln, was ist sein Leben. Was ist
Erkenntnis nennt, ist der Vernunft
irgend etwas Verstehbares dem Leben
unmöglich.

Das klingt alles sehr tröstlich, es
erweckt aber keinen Widerstand.

Du hast nichts zu widersprechen.
Du bist im Menschen.

Da steht die kleine alte Herrin.

Hast es gesprochen? und hast du
für meine Seele gehalten?

Prof. Ja, mein Herr, Sie sind total ver-
wirrt. Sie reden ganz zusammenhang-
los.

J. Ich glaube nicht, dass ich mich ganz
richtig ausdrücke. Bin ich wirklich ver-
wirrt? Es ist alles sehr schön vor-
wiegend und unklar.

Prof. Ihre Geduld, es wird nicht mehr werden.

Also, schlafen Sie wohl.

J. Danke. Aber mir ist es bange.
Erneutlich.

Alles was da steht, ist in der Hand
einer. Wird es sein. Das Chaos
kommt. Ist das verurteilte Kind?

Ich dachte, der Tod wäre verurteilt. Kind.
oder ist das Chaos ein verurteiltes Kind?

Freuen wir uns doch diese Wagen-
welt wäre! Wir schwarz, schau-
mende Wagen bricht Alles Durch-
wunden. Da, der Ozean, der all-
gewaltige, der mächtigen Fluth.

Dort steht ein Schiff - ein
mächtiger Dampfer - und tritt ein
in den Rauschsalon - viele Leute in eleganten
Tailletten, zu rauchen, spielen Karten
- jetzt schenkt er erstarrt nach ein-
einander herumhinaufsehen zu -

Was ist mit Ihnen, Sie sehen ja
aus wie ein Lebewesen! Was ist passiert?

Nichts - aber ich glaube, ich bin
übermüdet - der Boden wackelt.

Aber was haben Sie heute Abend
blomantes Leben Sieging. Nehmen Sie
einen Cocktail. Sie haben Sie Seck-
heit.

Sie haben Recht, ich bin seck-
heit in besonderer Weise. Ich bin ja eigent-
lich ein Preussener.

Wah, der Leben kehrt wieder, Sie sa-
hen ja schon wieder weiter.

Nehmen Sie den Witz? Ich habe mich
der Professor für gänzlich verurteilt erklärt.

„Da ist ja ja und spielt Witz.“

Eigentlich ist der kleine kleine Professor an
einem kleinen grünen Tisch und spielt mit
einigen kleinen Karten. Er wendet sich
nach uns und lacht und ja!

Wah, wo waren Sie denn. Kommen Sie
her, nehmen Sie auch einen Manhattan.
Sie sind ein unglaubliches Original,
Sie haben mit Ihren Ideen heute Abend
alle Menschen in Aufregung gebracht.

2. Herr Professor, das geht über den Professor.

„Guten Abend, ja noch Ihr Patient?“
Allgemeines Gelächter.

Prof. Schaffer, Sie werden es nicht
traulich genommen haben.

1. Nun, in der Fremde gestrichelt
gewunden, ist keine Kleinigkeit.

Sie wissen, ein Mann mit schwarzen Bart
und einem Haupthaar und einem lach-
enden Augen:

„Mir ist es schlimmer ergangen, ich
bin schon mit 5 Jahren hier.“

Ich sehe erst mein Bett nachher,
draußen ausserhalb des Stups erwacht
ist und sich von einem anderen Bett ge-
wacht hat. Ich bin doch tatsächlich
im Fremden.

„Ich bin doch nicht, aber die
erwachte, ich bin auch Christen,
der Heiland und bestimmt, der Welt zu

erlösen, aber sie können mich nicht.“

2. Wer lässt Sie denn nicht?

E. Der Teufel. Herr und natürlich wird in
der Halle. Sie haben natürlich auch nichts
daran gemerkt. Ich bin auch ein zweites
Jahr meines hierigen Aufenthalts veran-
gesehen. Der Direktor ist der Teufel.

3. Das klingt unglaublich.

E. Sie sind ein Ignorant. Ich sollte natür-
lich Maria, der Gottesmutter, heiligen.
Aber der Professor, der der Teufel ist, ist
seiner Gewalt. Jeden Abend bei Sonnen-
untergang greift er mich ein Kind.

Am Morgen früh, bei Sonnenaufgang, ge-
bärt er es. Dann kommen alle Teufel
zusammen und das Kind wird jämmerlich
verzehrt. Ich habe den Teufel nie ge-
sehen.

4. Aber hören Sie, das ist ja die vierte My-

Flotage, was hi da vorbringen.

E. Du bist verrückt und verstehst
denn nichts davon? Du gehörst ins
Prenhaus.

Mein Gott, warum gerst mich
meine Familie immer mit verrückten zu-
sammen? (Heubach) Ich bin ja der
Erlöser.

Er liegt noch wieder zu Bett und
verfüßt sich unheimlich wider in seinen Tagen.

Ich fahre in Litten des Bettes, um
am eud gegundete Lutenige Wagen
zu schützen. Ich blühe starr an der
Wand, um mich mit Blicken anzu-
klammern. An der Wand läuft ein
horizontaler Strich, unter dem steht
die Wand dunkelgemalt. Unten steht
ein Heizkörper - ich kann aber nicht
helfen - er ist ein besonderer, darüber
hinaus nicht man auf Meer - der

Strich ist der Horizont - und dort
geht jetzt die Sonne auf in rother
Glorie - einsam und herrlich -
über die Maassen groß - denn ist ein
Kreuz - denn hängt eine Fehlanze
- denn ein Stier, aufgezuckt & wie
beim Fehlschlag - oder ein Esel? Nein
ein Widder mit der Dornenkrone
es ist der Crucifixus selber.

Die Sonne der Martijimus ist auf-
gegangen und erluchtet blutige Strahlen
aufs Meer.

Lang weilt uns erhaben-
grauwige Fehlschlag - und die Sonne
steigt höher - ihre Strahlen werden
heller und küsser und eine wenig-
beide Sonne brennt auf ein tiefes
Meer hernieder. Das Wagen hat auf-
gehört. Eine unthätige Sonnenmorgens-

über liegt auf dem flimmernden
Meer. Salzige Adamerluft erhebt sich
eine weiche bunte Brandungsweg-
brüht sich dampfenden Dampfen auf
den warmen Sanden und immer
wieder kommt heftiger wieder - jäh-
mal - wie die Blockadeklänge der Welt
über. Und jetzt tritt Stille ein - kein
Laut - kein Hauch. Alles ist starr
und totenstill.

Der Meer ist ein Spiegel der
wies strahlenden Sonne geworden -

schön, himmlisch blickbar.

Schöner als Palast, ein un-
geheurer Raum des Meeres erstreckt
sich vom Meer zum Himmel und
seine Wogen greifen hinab bis ins
Innere der Erde.

Seine Trümpfe sind besetzt mit
Millionen von Vögeln.

Ich bin ganz einsam und verzagt
und unbekannt. Es ist, wie wenn das
Leben aus dem Weltfloden wäre, ganz ab-
gegeben an das Kaputtbare und Furcht-
bare. Ich bin ganz schlafend und un-
fähig.

„Erlösung“ flüster ich.

„Hier giebt es keine Erlösung, sondern
ich habe mich selbst zu verhalten, so wie
stehen bei der Hader. Es ist Nacht und
andere Leute wollen schlafen.“

Ich sehe, es ist der Wächter. Der Saal
ist nicht erhellte der kleine kleine Lampe
und unendliche Traurigkeit lastet über
diesen Raum.

„Ich fand den Weg nicht.“

W. „Du brauchst nicht Wege zu suchen.“

Er spricht es wohlweislich: man braucht
keinen Weg zu suchen. Darum, aber was

Es immer in, worauf man geht, ist
unser Weg, der rechte Weg. Es giebt keine
gelebten Wege in der Zukunft. Wir sagen,
es sei der Weg, und erst es. Wir bauen
die Straßen, indem wir gehen. Und leben ist
die Wahrheit, die wir suchen. Mein Leben
ist der Weg, für die die Wahrheit kommen.
Mein Leben ist meine Wahrheit, die
Wahrheit übersteigt. Wir müssen die
Wahrheit, indem wir sie zuerst leben. Erst
nachträglich wird Leben zur Wahrheit.
Nicht zuerst finden wir Wahrheit und dann
leben wir sie, sondern es ist umgekehrt.

19. I. 14.

Ich bin erschöpft. Ich kann
nicht. Müde ich sein. Es thut es
mich. Ich warte.

Die Thiere soll aus den Augen ge-
haben werden, damit ein freies Gesch-
pftentum zwischen ihnen und dort —

zwischen ja und nein, zwischen oben
und unten, zwischen links und rechts.

Es sollen luftige Gänge gebaut
werden zwischen allen entgegen gesetzten
Dingen; Lichte, glatte Straßen sollen
von einem Pol zum andern führen.

Ein Pfeil soll aufgestellt werden,
dessen Fingerringe hin und her schaukeln.

Ein Baum soll stehen, der den Wind
nicht vernichtet.

Ein Stein soll stehen nach einem
tieferen Ziel.

Es sollen die Herden wilde Thiere
zu ihren Futterplätzen ziehen auf ihren
alten Wechsellern.

Ein Pfeil soll fliegen seine gebogene
Bahn.

Ein Fische soll sich erheben aus
einer Herde aus der Saat.

Und das Leben?

Das Leben geht für den
sein Bahn von Geburt zu Tod und
von Tod zu Geburt — von Lüge zu
Wahrheit und von Wahrheit zu Lüge —
umgebracht wie die Bahn der Sonne.
Alles geht wie die Bahn.

Die Empörung lässt hinter der Thüre.
Lass sie lauern — was sie auf sie
wartet, kommt sie. X

Frage dich des ungeschwäteten
Lichtes und sei ganz dich selber —

Die Rede des Verwirrten ist wie zer-
hackter Stroh — sagt der Prophet —
Die Rede des Besonnenen ist wie ein
unzerhackter Stroh — sagt der Wahr-
sinnige — also einfach länger.

Trostlose Unselbst ist auf uns. Hölle
ist ein guter Ort für den Zustand.

Ich spiele tönig und grausam
mit mir selber — aber wenn die Welt
des Lebens ist? Man hat ihn nur zu
gehen.

Ist es Tag oder Nacht — schlaf
oder wach? Habe ich gegessen
nicht gegessen? Liege ich oder bin ich
schon gestorben?

Alles Finsternis umlagert
mich.

Ein graue Mauer — ein grauer
Dämmerungsraum kriecht an ihr entlang
wie eine runde, dick aufgeschwollene Lid.
Es hat ein rundes Gesicht und lebt.
Das Lachen ist erlösend und
erlösend wirklich. Ich schlage die
Augen auf: Da steht die Natur

Köchin vor mir:

„Sie haben ohnehin einen gesunden Schlaf. Sie haben ja länger als eine Stunde geschlafen.“

J. Wirklich — habe ich geschlafen?

Ach nein, hat wohl nur geträumt — was für ein schreckliches Spiel!

~~Ich~~ Ich bin in diese Küche eingedrungen. Das ist wohl das Reich der Mütter?

K. Trinken Sie ein Glas Wasser, Sie sind ja noch ganz schlaftrunken.

J. Ja, dieser Schlaf kann Einen trinken machen. Wo ist mein Thomas? Da liegt ja aufgeschlagener — und zwischen 21ten Hefenstück

„Über Alles und in Allem, meine Seele, mache deine Ruhe allezeit in

dem Herrn; denn er ist die einzige Ruhe aller Heiligen.“

Schauen Sie stillh Laut vor — hinter jeder Art ein entsetztes Fingerzuckerspiel.

K. Wenn Sie mit diesem Satz eingeschlafen sind, dann müssen Sie wohl einen sehr guten Traum gehabt haben.

J. Ich habe allerdings geträumt — an dem Traum werde ich denken

Übrigens sagen Sie mir, Sie sind Sie denn eigentlich Köchin?

K. Beim Herrn Bibliothecarius. Es gibt eine gute Küche und ich bin schon mit vielen Jahren bei ihm.

J. Oh, das hab' ich gar nicht gewusst, der Herr Bibliothecarius muß solche Küche besitzen.

K. Ja, Sie müssen wissen, er ist ein Fein-esseur.

J. Haben Sie wohl, junger Köchin, ich denke bestimmt für Herkules.

K. Bitte, bitte, Sie Essen ist ganz auf meiner List.

Nun bin ich Trauernd. Also das war die Küche des Herrn Bibliothecarius —! Aber er wohnt, was darin gekocht wird? Er hat wohl eine etwas Trübsalsschlaf darin vorrecht. Erzählt mit Bloßheringlich daraus.

Oh gläubt, ich will ihm den Thomas zurückbringen.

Ich trat in die Bibliothek ein, er ist Alles wie früher.

B. Ach guten Abend, Sie sind Sie ja wieder.

J. Guten Abend, Herr Bibliothekar, da bringe ich den Thomas wieder. Ich habe nämlich diesen nebenan in den

Küche gesetzt, um zu lesen — allerdings ohne zu sehen, den ich die Küche nie.

B. Oh ich bitte, das macht gar nichts. Hoffentlich ist meine Köchin Sie gut aufgewarnt.

J. Ich kann mich gar nicht bekümmern, ich habe sogar ein Nachmittags schlafchen über dem Thomas gehalten.

B. Das versteht mich nicht, diese Habsicht. Bücher sind eigentlich langweilig.

J. Ja, für Menschen. Aber für Ihre Köchin bedeutet das kleine Buch doch viel Erbauung.

B. Muss ja für die Köchin.

J. Haben Sie auch schon in Ihrer Küche einen Nickerchen schlaf gehalten?

B. (lächelnd) Nein, auf dem See bin ich noch nie gekommen.

J. Ich sage Ihnen, Sie können bei was

Guten Aben, Ihr Knecht.

Adieu, Herr Bibliothekar!

Ich gehe hinaus in den Gang
und öffne den grünen Vorhang.
Ausser einer schönen grossen Halle mit
Läden und einem Ausblick auf
einen prachtvollen Garten — Kling-
sors Laubgarten — dort stehen
zwei — Amfortas und Kundry —
oder vielmehr — was ich nicht weiss —
ist der Herr Bibliothekar und
Kundry ist die Kächlerin. Er ist klein
und hat einen verdorbenen Magen, sie
ist enttäuscht und jähzig.

Links steht Klingamor und trägt
die Feder, die der Herr Bibliothekar
trägt. Der Herr Bibliothekar
trägt die Feder. Aben, Ihr Knecht.
Klingamor trägt meine Trüge.

Nachdem von Rielts tritt Percival
auf, auch er trägt meine Trüge.

Klingamor schreit sich unthun
sich Feder nach Percival. Dieser aber
fährt auf.

Die Feder verwandelt sich:

Ein einfaches Zinnrohr, an dem ein
Knecht sitzt Percival in moderner Kleidung
und beschreibt die Wunder seiner Kultur
aufhören.

Und nun keine ich wieder — das Lupp-
cien der Charfrutze beginnt:

Percival tritt auf — langsame Schritte.
Der Klang der Feder vom Knechten Helm,
er trägt Löwenfell und Keule und
modernes schwarze Bein kleid.

Ich sträube mich und strecke
abwärtend die Hände aus — „Heilig-
Knechtschänder“ braut es wie meine
Aben.

Percival mit seinem Haupt — ich
bin — trävest du im Helden.

Kein Gummiband ist da, sondern mit-
nichts und den die Wunde gäbe. Kundry
steht anferne, verhält ihr Haupt und
lacht.

Ich aber entwerfe mich geduldig meine
Rüstung und gehe in meinen Brün-
nen zum Quell, was ich allein meine
Hände und Füsse und Tarsen nicht auf
meinen Kamm, als den, der ich bin.

Dann lege ich mein Brünnenband ab und
kleide mich in meine bürgerliche Kleidung.
Ich trete aus der Dämmerung und
schau mich mit selber, die ich noch
immer erstarrt auf dem Knieen liegt.
Ich liebe mich selber von Pöbel an-
fang und werde eins mit mir selber.

22. I. 914.

Danach nun gehe ich weiter mit
der Spannung eines Menschen, der etwas Neues
erwartet, das ihm geworden zu haben hat.
Gewandt und belebt und unverzagt nach
der Tiefe hinab, nach unten hinab
ein vollkommenes Leben zu finden.

+

„Höre und Lerne“:

Es ist Alles Dunkel, wohn ich in
in dem Tief — auch wenn selber ich es Dunkel
und ich kann nur stürze losbrechen — Bruch
Hülle von Ganghüten — denn nichts ist
fest, und Alles kann möglich. Willst
Du das frequentenische, das Beständige
annehmen? Willst Du den Felsen, statt
des ganzen Gewandes, den Knopf statt der
Hose, die Kerze statt der Sonne? Willst
Du Finsternis — Zusammengekauert, zerhackt,
Abgehackt?

Ich will, meine Seele, dankbar an-
nehmen, was Dazwischen. Nichts aus Takt
als Recht zu, zuerkennen und zu ver-
werfen. Das Schicksal wird die Speise und den
Weizen sondern. Wir leben aus auch der
Wertlosenerklärung und der Zerstörung zu
entwerfen in majestätischen Vitae gloriam.

So here, es gibt hier unten alte
Panzer, Rüstungen unserer Väter, von Post
zupacken, andere Lederriemen hängen
daran, wurstliche Hantelstücke, un-
bogene Speerspitzen, zerbrochene Pfeile,
verfallene Schilde, Schärpe, Tötungsgeräte
von Mann und Pferd, alte Leinwand,
Steinschleudern, zerfallene Brandfächer,
zerstörte Sturmgewehr — Alles, was
schlecht ist der Vergift auf dem Felde
liegen lassen. Willst Du etwas annehmen?

Ich nehme an, meine Seele,
Du wirst es besser. Was immer Du aus-

schlechtest, soll uns willkommen sein.
(Völlig) erleuchtet es und mit feinem, ge-
brauchbar zu machen.

Holzgeräth und Altäre: Steinspitzen,
Steinbeulen, scharfe Knochen, harte Zähne,
geschichtete Pfeile. Das Holz ist sauer, da
es zerfällt, schwarz verkohlte Fackel-
lappen liegen zerstreut, zerbrochen, schwarz
und roth, Thronstühle, verfallene Weizen,
zerstörte und ausgelegte Knochen — Alles,
was ein Vergift auf dem Felde liegen
hat. Willst Du etwas annehmen?

Ich will, lieber mir. Ich bin
Dir dankbar.

Ich finde benetzte Steine, zerbrochene Knochen
mit wunden Zeichen, Leinwandstücke auf
Lederlappen und Bleiplatten, schmutzige
Bretter mit Zähnen, Menschenhaaren
und Fingerringen gefüllt, zusammenge-
bundene Holzgeräth, schwarze Kugeln, vornehm
Thierhäute — allen Abzuges, da fürsten

Vergift annehmen. Willst Du es
an?

Ich nehme Alles an. Wie soll ich
etwas von mir wissen? Wenn ich, ob es nicht
gut ist, annehmen?

So nimm all das auf Dich in
feglicher Art. Ich finde aber Schlim-
mes — Brandwunden, feine Tat-
schlagen — Töten — Kindertrübsal — Aus-
rottung ganzer Völker — Brand —
Verrath — Krieg — Empörung —
etwas an?

Doch das, was immer ich nimm. Aber
wie kann ich annehmen?

Ich finde Leinwand — Natur-
katastrophen — gemachte Schiffe —
zerstörte Häute — furchtbare Thiere der
Wildnis — ^{Handgemachte} Leinwand der Leinwand —
und Angst — ganze Berge von Angst.
Es soll es sein, weil Du es giebst.

Ich finde die Leinwand aller Völker, die
Culturen — Leinwand Töten — weite
Tempel — Masuren — Papyrusrollen —
Pergamentblätter und dem Schriftzeichen
vergangener Sprachen — Früher soll
erschollener Weisheit — Kinder und
Krieger alter Priester — die Leinwand,
welche durch tausend Generationen
erzählt wurden.

Das ist eine Welt — kein Anfang
vermag ich nicht zu fassen. Wie kann ich
annehmen?

„Du willst doch Alles annehmen,
erziehe die Leinwand? Du nicht, du
kannst diese Erzeugnisse nicht. Kannst du
Dich nachwärtig beschränken?“

Ich muss mich beschränken, wer
vermag die Leinwand zu fassen?

„Also wir beschränken und dann die
Leinwand mit Leinwand.“

Ich will es thun. Ich habe, so es
sich nicht lohnt, ein größeres Stück ein-
strumentalisch zu spielen, statt eines
Blases. Ein kleines Horn, gut ge-
pflegt, bedeutet mehr als ein großer
Fagott. schlecht gepflegt. Im Augenblick
der Unersinnlichkeit sind beide Hörtümpel
gleich, obwohl gleich gut gepflegt.

„Nimm eine Schere und beschneide den
Baum.“

23 I 14

Gleichmütig und ruhig nehmen
Schritte abwärts die meine Seele zu-
nehmen. Sind wir jenseits der Erbsen-
welt angelangt? Oder laugen wir erst
an?

„Noch ist es Nacht, doch scheint
der Tag zu nahen.“

Ich wage kaum zu hoffen, aus

Angst vor meiner Begierlichkeit, die
nach dem Licht verlangt.

„Gehlebe dich.“

Ich habe dich nicht gekannt und will in
dein Leben eintreten. Ich will ahnen
und verstehen.

„Hörst Du nicht bei weitem etwas?“

„Mir ist nichts bewusst; was soll ich
hören?“

„Ein Häuten?“

Ein Häuten? Warum? Ich höre nichts.

„Schöne Worte.“

Willst Du im linken Ohr. Was soll's
bedeuten?

„Kugeln.“

Ich nehme an, was Du sagst. Ich will
gerne meine Hände hinhalten und Glück

und Unglück empfangen. Was ist
das Glück?

„So halte deine Hände ausgebreitet
empfang und empfang, was Dir zu-
kommt.“

Was ist es Dein Stab — eine schwarze
Schlange — ein schwarzer Stab, geschlängelt
in der Form einer Schlange — zwei
Punkte als Augen — ein feiner
Spitzen aus dem Hals. Ist es nicht
ein — Zauberstab?

„Es ist ein Zauberstab.“

Was soll mir Magie? Ist der
Zauberstab ein Glück? Ist Magie
ein Unglück?

„Ja, für die, die im Besitz sind.“
Es klingt wie alte Sage. Wie wunderbar

hast Du es, meine Seele! Was soll
mir Magie?

„Magie soll die Tugend.“

Ich fürchte, Du verstehst meine Begierlich-
keit und meine Unwissenheit. Du wirst,
da Mensch hört nicht auf sich nach
den schwarzen Kunst zu hören und nach den
Dingen, die ihm keine Arbeit kosten.

„Magie ist nicht Licht und ist kein
Opfer.“

Kannst Du das Opfer der Liebe? der
Menschlichkeit? Dann gebest Du den
schwarzen Stab zurück.

„Du bist vorsichtig, Du verhältst zu
sach. Magie verlangt nicht dein Opfer.
Sie verlangt andere.“

Welches, meine Seele, sind sie?

Das Opfer, das Magie verlangt, ist

Tröst."

Tröst? Versteht ich recht?

Es ist unendlich schwer, dich zu verstehen.

Wie ist das zu verstehen?

„Tröst ich zu opfern“.

Wie meinst Du? Soll der Tröst,
den ich gebe, oder den ich empfangen
geopfert werden?

„Beide“.

Ich bin verwirrt – verzweifelt – es ist mir
unmöglich.

„Aber der schwarze Stab willens
kann der Tröst zu opfern, den Du
gibst und den Du empfängst.“

Wo wenn empfangen ich Tröst? von
deinem, dich liebe? Ja, ich soll ihm nicht
empfangen dürfen? Ich gebe auch

Tröst, denn, du siehst nicht. Soll ich diesen
Tröst nicht geben? Das bedeutet dem
Verlorenen ein Stück Menschlichkeit und
an seine Stelle tritt das, was ihnen Härte gegen
sich und andere nennt.

„So ist es“.

Erfordert der schwarze Stab eines Opfers?

„Es verlangt kein Opfer.“

Kann ich, daß ich dein Opfer bringen
um des schwarzen Stabes willen? Muss
ich diesen Stab annehmen?

„Willst du oder willst du nicht?“

Ich kann nicht sagen. Warum ich
den schwarzen Stab? Wer gibt ihn
mir?

„Das Dunkel, das vor dir liegt.
Es ist das nächste Ding, das zu dir kommt.
Willst du es annehmen und ihm dein

Opfer zu Füßen legen?“

Es ist hart, dem Dunkel, den
blinden Finsternissen geopfern – und nicht
ein Opfer! Dem Tröst, den man emp-
fängt, zu tragen, ist hart; härter
noch scheint mir, Tröst zu versagen.

„Du Natur – tröstet Natur?
empfängt in Tröst?“

Du sagst ein kluges Wort.
Welche Einsicht fordert du von mir?

„Das ist dein Unglück – und
die Macht des schwarzen Stabes.“

Mein Vater abzugeben mich du
sprichst: „Menschlichkeit du nicht mit
dem Panzer eines Hais? Menschlich-
keit du nicht mit einem Hais? Ich
frage mich die Lebenswärme. Soll
ich mir weinen, um – du Magie willen?
Was ist Magie?“

„Du kennst Magie nicht. Also verliere,
nicht verachte nicht. Wozu sträubst
du dich?“

Magie? Was soll Magie? Ich glaube
nicht daran, kann nicht daran glauben.
Mir reicht der Berg und der Berg reicht
alle Pfarten – und der Magie soll ich ein
größtes Stück meiner Menschlichkeit opfern.

„Ich rather dir gut, sträube dich nicht,
und war allem – beruhen ich nicht so
aufgeklärt, wie wenn du nicht im Tiefsten
doch an Magie glaubtest.“

Du bist unerschütterlich. Aber ich
wage nicht an Magie zu glauben oder
ich habe eine ganz falsche Idee davon.

„Das Lethale läßt sich hören. Aber
nur einmal seine blinde Verurteilung
und kritischen Geist unterwegs, ~~sonst~~
sagt erst du wenig nichts verstehen. Willst
du noch viel Jahre mit Worten vergeuden?“

Ich bitte dich, liebe Geduld. Meine
Kriegerkraft ist noch nicht überwunden.

„Es ist hohe Zeit, daß du sie überwindest.“

Du siehst mich, fast zu viel.
Aber wenn das fortwährende Leben diese
Überwindungen nur verlangt, so soll es
sein. Schließlich — ist Wimmelpfand nicht
bestimmt zum Leben? Ist Wimmelpfand
Leben? Es giebt Menschen ohne Wimmelpfand-
leben.

Aber Überwindung der Wimmelpfand-
am der Tage will — das klingt so —
heißt und herrlich.

Hast du Angst? Du willst das
Leben nicht wagen? Liegt nicht das
Leben in diesem Problem vor?

Das bist nicht du, so dringend
und verurteilt. Hast du nicht den Wert
des Lichtes für mich?

„Du, du verlangst Tröst?“

Willst du den Stab sehen willst du ihn
nicht?

Du gerücktest mein Herz. Ich
will nicht den Stab weiterwerfen. Aber
wie schwer — wie schwer ist es!

Ich will den schweren Stab,
weil er das erste Ding ist, das mir das Leben
giebt. Ich weiß nicht, was dein Stab
bedeutet, was er giebt — ich fühle nur, was
er nimmt!

Ich knie wieder und empfangen
deinen Boten des Dunkels — sei es was
er wolle.

Ich habe den schweren Stab
empfangen — ich hatte ihn, du sagtest,
wollen in meine Hand — er ist kalt und
schwer wie Eisen — in Perlenaugen der
Sehlinge blickten mich blind und schillernd
an — was sollst du, gebietest mir alles,
unheimliches Geschenk? Alle Dunkelheit.

Alle Vorzeit drängt sich in die Gegenwart
heute, schwerer Stab! Bist du Zeit
und Gleichzeit — Energie der Natur,
Leben und ewig tröstlich — aber Summe
aller geheimen Kräftekraft? — Wie-
alt! Zauberworte schienen von dir aus-
zugehen — geheime Wirkung weht um
dich? Welche mächtigen Kräfte schlummern
in dir?

Mit unerträglicher Spannung durch-
dringt du mich. Welche Kräfte sollen
dir entkräften? Welche fürchterlichen Ge-
heimnisse wirst du erschaffen? —
Wirst du Segen stiften? Wirst du Un-
wetter, Sturm, Kälte und Blitzschlag
bringen oder willst du die Felder
fruchtbar machen und den Land der
Schwärmern regnen?

Was ist das weltbare Zeichen deiner

Leis? Überlebst du das, was ich,
du Sohn des finstern Chaos? Genügend
du dich des schelhaften Dunkels, der
Concretion und Krystall du bist? Wirst
in meine Seele blicken ich dich? In meine
Hergen? Wehe, soll mein Herz dein
Schrein, dein Altar, dein Heiligtum sein? So wolle
dir kein Stille, ich habe dich empfangen.

Welch schwere Spannung du
mit dir fährst! Sprichst du Bogen meines
Herzen nicht? Ich habe es zu tragen,
ich habe den Boten der Nacht Herberge ge-
geben.

Wozu hast du, meine Seele?

„Mächtigster Zauber weht in ihm.“

Mir scheint, ich fühle es und kann
es doch nicht beschreiben, welche schwer-
volle Stärke ihm gegeben ist.

Ich wollte lachen, weil ich so vieles

in Lachen wendet und mit so Vielem
und rein mit Lösung findet. Hier er-
stirbt ein der Lachen - Sein Zauber ist
fest wie Eisen und kalt wie der Tod.

Wohin führt Rache?

phosphoreszirend mit diesem Glanz des
Dunkels.

Vielleicht wird er leben?

„Versuche“.

mein schwerer Stab, meine schlängelnde
Spindel da? — —

meine Seele, der Zauber schlingt.

„Vielleicht wird er leben“.

Vergeß mich, meine Seele, ich bin nicht
angedeutet. Aber mir scheint, als müßte
etwas zuhaken, was die unerträglichen Pen-
sion, die mir der Stab gebrochen hat, nicht
bricht.

„Warte, halte Augen und Ohren

offen.“

„Mitleidenschaft — und ich will nicht,
warum.“

„Man schaut nicht hinüber — Götter“.

Ich heuge mich, meine Seele, vor un-
bekannten Gezeiten — ich möchte jedem un-
bekannten Gott mein Alter weihen.

„Schmeiße deine Ungeduld. Hier hilft nur
Warten.“

Warten — ich kenne kein Wort. Auch
Kerkubus, als er das Himmelsgeleit trug,
sah der Warten unter dem Drucke seiner
Last beschwerlich.

„Erhalte zu warten, bis Atlas wieder
kam und erhielt das Himmelsgeleit
aus der Kerkubus willen.“

Ich muss mich fügen. Das schwarze
Eisen in meinem Herzen scheint mir geheimen
Krieg gezogen. Götter und wie —

Missachtung der Menschen — das Opfer
des Trostes — ist es schon vollzogen?

27 I. 14.

Ich muss aus vielen Winkeln zu-
sammenkriechen, in die ich nicht verlockt habe.
Ich habe zum schwarzen Schlangegeist
gerückt. Er scheint ein festes und ewiges
Lagerstück Tod zu sein.

Der Tod erhebt sich aber als einen
und gebotene Macht.

Seine Gedanke streunt wohl von
anderem Seite. Wie hätte mir solches ein
traumender können? Oder ist er nicht?
Ich habe mich zu fragen, warum er mir zu
beschränken, was die Tiefe spricht.

„Worte der Tiefe“ — das wiederholt
nicht in mir.

„Körner des Lebens, der innersten
und dunkelsten Lebens“ — sagt eine andere Stimme.

Leblichkeit und Verführung erzeugen sich

Leblichkeit erzeugen, dem Macht schließt
in vielen unbeschriebenen und vermachenden Farben.
Macht will unsere Dinge unterjochen, Ma-
chen einspannen, Ruchklümmen aufheben,
Gewaltthat verüben. Macht möchte sich
des Dünias, Unterwerfung und Beherrschung ent-
schlagen, möchte ernten, was sie nicht sät,
gewinnen, was nichts zu verlieren ist.

Macht möchte alle kindischen Wünsche
sättigen.

Was möchte denn meine Macht?

„Deine Macht möchte Leben.“

Ist sie die Macht über das Leben?

„Du wirst sehen.“

Ich sehe einen Stamm, wie einen Krug-
stamm und die Klümmen schwarze Schlange, die
Stabs nicht nach herauskomme.

Ich sehe, der Kreuzfiskus hängt am

hoffe, du schlangst dich in meine Seiten,
sagende und trittst ^{mit} ~~den~~ ^{dein} Maule des Taten
widerstehens. Du bist weis geworden.
Du windet dich am starren Haupte des
Toten in der Höhe, du lagst dich um seine
Hals. Ein Lichterglanz umarmt dich.
Im Osten lebst du strahlend in Sonne.
Versteht Du?

Ich verstehe, es ist das Wunder der
Erneuerung, das Eingehen in den Tod,
und die Überwindung des Todes. Doch
worauf zielt dieses Bild? Sprichst du von
Unsterblichkeit?

Dränge nicht und sei nicht störend
unpöblich. Du kannst nichts erzwingen.
Was sprichst du von Unsterblichkeit? Was
versteht du davon? Es gibt andere Dinge,
die du vielleicht übersehen kannst. Aber
du bist neu-gierig.

Es ist wahr, meine Lieb, was du sagst.
Ich bin begehrend.

„Fühne dich und sei glücklich.“

Ich kann und gestehe dir meine völlige
Unwissenheit und Leere.

„Lasse regnen, lasse den Wind
rauschen, lasse die Winde flühen und das
Feuer flammen. Lasse dich gleichsam unterwerfen
thun, lasse dich werden zu dem, was du bist.“

Soll ich mich wegbegleiten, meine Feder
unabhängig?

Ja, das sollst du.

Ich gehorche.

Lass mich manchmal von dir träumen,
lass mich wiederholen und meine Hände bitten
emporkommen, damit sie unerschütterlich stehen.

deiner ohnmächtigen Wortkammer gelöst
werde.

Was soll ich dann? Willst du
nicht hören? Kannst du nicht sehen?
Welcher ist die Macht des Todes? Und
du bist - was ist dein Sinn?

Ein Tulpenbeet - ein kleiner
Garten - ein Heroschen - darin
wachsende junge Leute - Philémon und
Francis - Philémon ist ein alter Zauberer,
der nicht vorwärts hat, der Alter zu
kann, der es aber einstündig lebt. Und
wie Frau kann nicht anders, als das zu
glauben. Ihre Lebensinteressen sind einge-
geworden, Kindheit. Sie begreifen nicht
Tulpenbeet und erzählen sich von der Pflanze,
die sich neu erfinden Leben. Und ihre
Tage verbringen sie in einem blauen,
leicht schwankenden Himmel, erhält

von den Lichtern der Vergangenheit,
unabhängig von dem Dunkel des
Kommens.

Warum ist Philémon ein Zauberer?
Zaubert er nicht Unsterblichkeit, um Leben
zu gewinnen? Er war wohl ein Zauberer
von Beruf wegen, um sich ein per-
sönliches Zauberergeschehen, das sich von Ge-
schick zurückgezogen hat. Seine Begier-
lichkeit und seine Leidenschaft ist erloschen
und er genügt allen seinen Wünschen seinem
wohlverdienten Ruhe, wie jeder Mann, der
sich nichts mehr thut kann, als Tulpen
zu pflanzen und sein Gärtchen zu begießen.
Otra cum dignitate - - .

Der Zauberer liegt im Wandern
am Ende von 6 u. 7. Buch Moris und
der Weisheit des Heroschen Trisagistos.
Philémon ist alt und etwas abgewandert
geworden. Siegen ein guter Zauberer dar.

oder für die Kirche sollte versucht ein paar Taufbesprüche zu Gunsten der bedrängten Väter. Aber es ist unsicher, ob es noch so viel fromme Sprüche sind oder ob sie im Himmel verhallen. Es ist auch erwünscht, dass es gerührt darauf ankommt, es zu vermeiden, vielleicht wird der Brief wieder von selbst zurückgekommen.

So geht der alte Philmann im Garten, gebückt, die Hände in zitternden Händen haltend. Bence steht am Küchenfenster und sieht ihm gleichmüthig stumpf zu. In der Hand hat er schon hundertmal 8 geschrien, jedesmal etwas gebrochener und schwächer. In jedem hat er es auch etwas anders gut gemacht, denn ihre Augen haben sich bedenklich abgemindert.

Ich stehe an der Gartenthür. Ich habe den Fremdling nicht bemerkt. Hier ist Alles klein und eng — ein Labyrinth

des Friedhofs.

„Philmann, alter Hakenmeister, wie geht es dir?“ rufe ich ihn an. Er hört mich nicht, demerit stachelt. Ich gehe ihm nach und fange ihn am Arm. Er weicht nicht an und beugt sich auch nicht und zittert. Er hat einen weißen Bart und einen weißen Haare, sein Gesicht ist faltig — und an seinem Gesicht scheint etwas zu sein. Seine Augen sind grau und alt — und etwas in ihnen ist merk- würdig, man möchte sagen lebendig.

„Mir geht es gut, Fremder“, sagt er. „Wohin willst du kommen?“

Man sagt mir, du verstehst dich auf die schwarze Kunst. Ich interessiere mich dafür. Willst du mir davon erzählen? Ph. „Aber soll ich dir erzählen? Gehe ich es nicht zu erzählen.“

1. Sie nicht zu mir, Alter, ich möchte was lernen.

Ph. Du bist gewiss geleitet als ich. Was könnte ich dir lehren?

1. Du bist zu jung. Ich würde dir gewiss keine Konkurrenz machen. Es ist nicht nur wunder, was du triffst und was du vermisst.

Ph. Verstehtst du? Ich habe früher am Leben und die Gedanken gehalten gegen Krankheit und haben verstanden, was ist.

1. Wie machst du das?

Ph. Mein ganz einfach mit Sympathie.

1. Dieser Wort, mein Alter, klingt komisch Doppeldeutigkeit.

Ph. Wieso?

1. Es könnte heißen, du hast den Laster nachgewiesen. Du hast die Krankheit gelassen oder mit übernatürlichen sympathischen Mitteln.

Ph. Man wird wohl Beides gewesen sein.

1. Was es denn ganz taub?

Ph. Erregt: Ich weiß noch mehr.

1. Was ist es, rede!

Ph. Das geht dich nichts an. Da bist du und der weise.

1. Bitte, nimm mir meine Neugier nicht übel. Ich habe noch etwas von Magie gehört, was hat mich Interesse für diese vagen Kunstwissenschaften. Ich bin davon gleich zu dir gegangen, weil ich von dir höre, du verstehst die schwarze Kunst. Wenn heute noch an den Universitäten noch die Magie gelehrt würde, sollte ich dich dort sehen. Hier es ist sehr langweilig, nicht den letzten College über die magischen Kräfte geschuldet zu werden. Heute noch wird kein Professor mehr etwas von Magie. Also, sei nicht empfindlich und nicht geizig, sondern lass mich etwas von deiner Kunstvertrauen

Darum ist doch die Geheimniss nicht mit ihr Erbschweinchen verbunden?

Ph. Ach, du lachst ja doch und darfst. Magst du die Dämonen sehen? Bemerke es und wir alle begreifen. Ein Geistesmagier kann sie nicht entdecken. Es geht ja der Menschheit nicht verloren.

J. Wie meinst du das? Glaubst du, der Magier kann die Menschen angeben?

Ph. Ich würde sagen: Ja, natürlich. Das ist ja schon bekannt.

J. Nein, nicht, denn ich habe auch schon oft genug darüber gewundert, dass alle Völker zu allen Zeiten und an allen Orten dieselben Tugendgebräuche haben. Welche schon schon ähnlich gewacht wie die.

Ph. Was glaubst du denn von der Magie?

J. Offen gesagt: nichts, respective wenig. Es kommt mir vor, als sei die Magie einfach eines der nützlichen Hilfsmittel des Menschen.

Magie gegenüber unbedeutenden Menschen. Sonst kann ich keine feine Bedeutung in der Magie entdecken.

Ph. Worin sehen diese Prophezen wahrscheinlich auch.

J. Ja, aber was weißt du davon?

Ph. Ich mag es nicht sagen.

J. Thue nicht so geheimnissvoll, Alter, so muss ich es annehmen, du wirst nicht mehr davon wissen.

Ph. Warum es an, wenn es dir gefällt.

J. Nach deiner Antwort zu schließen, mag ich allerdings glauben, dass wirklich etwas mehr verstanden ist als du es bist. Das klingt sehr positiv.

Ph. Kannst du mir, wie hartnäckig bist. Es gefällt mir aber an dir, dass du dich nicht durch deine Vermunft keineswegs abschrecken lässt.

J. Das ist das trübselige der Fall. Immer

wenn ich etwas lernen und verstehen will, lasse ich meine vernünftige Vermunft zu Hause und gebe der Sache, die ich verstehen will, den nötigen Plausibel. Ich habe den Eindruck, dass ich sehr in der Vernunft schwach bin, denn ich habe in der Vernunft viele abbrechende Beispiele gefunden.

Ph. Dann kannst du mich weiterbringen.

J. Ich hoffe es. Doch kann man nicht abbrechen von der Magie.

Ph. Warum bleibst du denn so beständig bei deiner Ansicht, dass die Magie zu wenig, wenn du behauptest, du bist der Vernunft zu Hause gekommen? Oder gehört die die die Konsequenz nicht zur Vernunft?

J. Das ist nun - ich bin, aber ich viel mehr erschreckt, als ob du mir ganz gewiss das Gegenteil sagst, dass mich gar nicht unser Fleis lernen und verstehen werden könnte.

Ph. Das scheint dir so, weil du alles von Handpunkt der Intelligenz aus beurteilst. Wenn du deine Vernunft für ein wenig aufgeben willst, dann gib auch deine Konsequenz auf.

J. Damit ein kleinerer Gesellenprobe. Aber wenn ich doch einmal Adept sein will, so soll ich das sein, damit die Forderungen erfüllt sind. Ich bin dir zu.

Ph. Worin willst du hören?

J. Da verlockst mich nicht. Ich warte lieber auf das, was du sagen wirst.

Ph. Und wenn ich nichts sage?

J. Dann - um deine Ziele ich nicht etwas betrachten zu können und denke, Philomen sei zum allermindesten ein schlauer Fisch, von dem man was zu lernen hätte.

Ph. Damit hast du, mein Junge, etwas von der Magie gelernt.

J. Das muss ich zuerst verstehen. Es ist - offen

gestanden - etwas übernehmend. Ich habe
sich so begierig etwas anderes vorgestellt.

Ph. Daraus kommt hervor, wie wenig
du von Magie verstandest und wie unrichtig
deine Vorstellungen davon sind.

1. Wenn dem so ist, so sollte aber so
ist, denn menschlichen Dingen zustehen,
sonst das Problem ganzlich unrichtig
angefasst habe. Erhebe dich nun nach mir
auf den Weg der gewöhnlichen Ver-
stehens zu gehen.

Ph. Das ist auch theoretisch nicht der
Weg zur Magie.

2. Du hast mich aber keineswegs ab-
gelehrt, im Gegenteil - ich brauche
von Begierde, nach mehr zu erfahren.
Was ich bis jetzt weiß, ist die wesentlich
negativ.

Ph. Damit hast du einen zweiten wichtigen
Hauptpunkt erkannt. Was allen
Dingen nicht zu wissen, das ist Magie

das negativ von dem ist, was du wissen kannst.

1. Auch das, mein lieber Philon, ist
ein schwerverständliches Stück, das uns nicht
unerheblich beschweren macht. Das Ne-
gativ von dem, was man wissen kann?
Denn meinst du wohl, dass man es
nicht wissen könne, wahren - - ? Da
hört mein Begreifen auf.

Ph. Das ist der dritte Punkt, den du
als wesentlich merken musst, nämlich,
dass du auch gar nichts zu begreifen hast.

2. Mein, ich gestehe, dass ich neu und
sonderbar. Also ist an der Magie über-
haupt nichts zu verstehen?

Ph. Ganz richtig. Magie ist ausge-
zeichnet alles das, was man nicht versteht.

3. Aber wir, zum Teufel - verzicht
denn darauf, soll man denn
Magie lehren und lernen?

Ph. Magie ist weder zu lehren noch zu lernen.

Es ist allem. Denn du Magie lernen willst.

1. Darum ist die Sache überaus schwierig.

Ph. Verstehe ich nicht, du hast deine
Vernunft nicht vorgebracht.

2. Es ist schwierig, vernunftlos zu sein.

Ph. Sehen wir, schwierig ist die Magie.

1. Wenn dem so ist, es ein altes Stück.
Mir scheint demnach, das unvollständige
Carabinieri zum Reptilien ist, sein
Vernunftgefühl zu verlieren.

Ph. Ich bedaure, aber es ist so.

2. Oh Götter, das ist schlimm.

Ph. Darum nicht so schlimm, wie du denkst.
Mit dem Alter nimmt die Vernunft von
sich ab, denn wir sind ein unvollständiges Ge-
genstück der Tiere, die in der Jugend auch
unvollständig sind als wir. Hast
du auch schon junge Baubere gesehen?

1. Nein: der Zauberer ist sogar sprich-
wörtlich alt.

Ph. Nicht so, ich habe Recht.

2. Wenn nicht die Aussichten der Reptilien ab-
nimmt, so nimmt die Vernunft ab.
Nun, bis er die Vernunft der Reptilien erfahren
kann.

Ph. Wenn er seine Vernunft schon vorher auf-
geht, so kann er auch schon früher etwas
Nützliches erfahren.

1. Das scheint mir ein gefährliches Experiment
zu sein. Die Vernunft kann man nicht
so ohne Weiteres aufgeben.

Ph. Wenn man auch nicht ohne Weiteres die
Magie werden.

2. Du hast verdammt geblieben.

Ph. Was willst du? Das ist Magie.

1. Alter Teufel, du machst mich nicht
auf vernunftlose Reptilien.

Ph. Lieber, ein Junge, wenn du
sein möchtest! Und warum? Du möchtest
die Magie lernen und wegstreicht, um
seiner Jugend willen!

J. Du bist mit hüllosem Muth aus,
alter Fallenteller.

Ph. Willst du nicht in nachsichtige ^{mittheilung} Fährten
bis deine Haare etwas grauer geworden
sind; denn laßt denn Vernunft nicht
etwas nach.

J. Schreie dich nicht hören, alter
Falter. Ich bin dir Dumm im Kern
gekauft - Ich kann nicht klug
aus dir werden -

Ph. Du verstellst Dumm. Der wäre
allbereit ein nicht zu unterhaltener
Fortschritt auf dem Wege zur Magie.

J. Übrigens, was in aller Welt nicht ist
daraus mit deiner Magie?

Ph. Ich lebe, wie du nicht.

J. Andere Leute, them des auch.

Ph. Hast du gesehen, wie?

J. Nein ja, es war immer so bei mir

Publick. Du bist mit übriges des Alter
auch nicht ganzlos vorbeigegangen.

Ph. Das weiß ich.

J. Also, was sind denn Fortschritt?

Ph. Es sind die, die du nicht nicht.

J. Was sind Fortschritt, die man nicht nicht?

Ph. Es sind die, die man hat.

J. Wie nennt du diese Fortschritt?

Ph. Ich nenne sie Magie.

J. Du bewegst dich in einem unheilvollen
Ereignis. Der Fessel soll dir helfen.

Ph. Ich, die, die ist auch ein Fortschritt der Magie
nicht einmal der Fessel kommt ~~an~~
mir bei. Das macht es nicht nur Fort -
schritt in der Erkenntnis der Magie, sondern ist
gleichzeitig, dass du gute Dinge dafür
kannst.

J. Ich denke dir, Philonon, es ist genug
mit schwindelnd. Leb wohl!

Ich habe keinen aus dem Leben.

29. 11. 14.

Mein Sohn, was kann ich sagen?

Was sagst du?

„Ich bin ein Wachsthum - über Alles,
was du thust.“

Das klingt tröstlich und beruhigend
und ja sagen.

„Willst du, dass ich viel sage? Ich
kann auch bald sein, wie du wirst und
lass mich drausgehen.“

Das geht mir alles ein. Ich glaube, du
stehst in einem Zusammenhang mit Allen
Gesehnen, Gesehnen und Angewöhnten.
Deshalb, nicht ich, die Baasität die fremd.

„Baasität ist für mich ein heiliges
Mensch, ein wahrer Ruhepunkt.“

Wenn ich das gesagt hätte, würde
es mich weniger stören.

So ungewöhnlicher du bist, desto
gewöhnlicher darf ich sein. Das ist eine wahre

Garten und geht in den Garten.
Es steht heute in Gruppen herum und
schauen sich an. Ich höre
die hinter meinem Rücken flüsternd:
„Schau, das ist es, der Schüler des alten
Philonon - er hat lange mit dem
Alten gesprochen - der hat etwas ge-
lernt - er weiß die Geheimnisse - wenn
ich nur könnte, was der jetzt kann.“

„Schweig, verfluchte Narren“, will
ich rufen, aber ich kann nicht, denn
ich weiß nicht, ob ich nicht doch etwas
geleitet habe.

Und weil ich schweige, glauben
mir alle seitdem alle erst recht, dass ich
im Philonon die schwarze Kunst er-
pflungen habe.

Erholung für mich. Ich denke, du fühlst es, daß der schmerzliche Abend nicht zu spät habe."

Ich fühle etwas merkwürdiges — und ich bin besorgt, es geht dir ein Ende zu gut und die Pann trägt mir ~~ein Ende~~ keine Früchte mehr.

Schon besorgt? Du weißt du mein und gäme mir die Ruhe."

Ich will ergerne thun, aber ich bin nicht glücklich, daß mir die Quelle versiegen könnte."

„Quellen haben auch ihre Quellen versiegen."

Ich merke, du gefallst dir ein Ideal. Ich meine Dich nicht mehr treuhaft, meine liebe Freundin; denn ich kenne dich jetzt sehr viel besser wie früher."

„Du wirst faustisch. Ich fürchte, die Respect mir zu schenken."

Bist du glücklich? Ich denke, das war überflüssig. Ich bin hinlänglich in die freundliche Nachbarschaft des Pothos und der Banalität eintreten. Deswegen wird nicht mehr."

„Also hast du die sonderbare seltsamen Linie des seltsamen Werdens bemerkt? Du hast wohl gesehen, wie es bald Nacht, bald Tag wird, wie Wasser und trockenes Land wechseln? Und dass alle Kämpfehaftigkeit unsere Schatten ist?"

Ich denke, das ich das sah. Auf einem warmen Stein, will ich für einige Zeit an der Sonne liegen. Vielleicht brüht die Sonne auch aus."

„Du hast ein Stück Weisheit gelernt."

II. I. 74.

Ich weiß nicht, was zu sagen ist. Es kocht in allen Töpfen."

„Es wird ein Mehl berührt."

Wohlens Totenwahl, ein Abendwahl, eine Communion?"

„Eine Vereinigung mit aller Menschheit."

Ein schmerzlicher süßer Kuss, bei dem Mehl selber Last und Speise zu sein?"

„Das was auch das Christos höchstest."

Wie heilig — und heilig, heilig + heilig. Alles in einander strömt! Welches und Verknüpfung wollen sich verknüpfen, können und wollen werden friedlich zusammen."

Jedes Wort steht mit dir und trägt Feuer. Deshalb fließen diese Worte nicht. Es ist Alles ja und nein."

Niedriges und Höchstes werden eins."

Die Hypothese unmarieren sich, abgeben Dinge in Auge und verwechseln sich miteinander. Sie erkennen in qualvoller Lust ihr Einssein."

Mein Herz ist von tödlichem Kampf erfüllt, aber nicht vom Kampfe des Auseinanderreisens, sondern vom Kampfe des Zusammenwachsens. Die Vollen eines Hells und eines Dunkels teilen sich über sich hinaus einander entgegen."

Ein satanistisches Licht scheint mir in mir zu bilden."

Das fühlte ich mir zuvor."

Das ist von, wenn hier, wenigstens dir. Mir war das nichts Neues. Herz ist hart. Ich bin mich geirrt."

Du spottest wohl — aber Thesen und Leiden sind eins. Beide sind und vergehen. Ich bin in starrer Spannung."

Bei dem Himmel nicht die Liebe."

und ebenso hoch nicht der Widerstrebe.
Sie halten sich nicht umschlungen und stehen
einander nicht lachend, denn das Unmögliche
der Spannung scheint letztes und höchstes
aufspüßungsmöglichkeit zu bekennen.

„Du drückst dich pathetisch und philo-
sophisch aus. Du weißt, das meiste
was Athos ausdrückt einfacher ausdrücken
könnte, z. B. könnte man leicht sagen,
Du bist verliebt — und zwar von der Schwere
aufwärts bis zu Tristesse und Isolde.“

„Meine Seele — ja, Du bist ein Teufel,
aber Gott hat dich angesehnen.“

„Du Religion schenkt sich auch zu fragen?
Wiederum könnte überfordert Du noch? Sag
es doch lieber geradeheraus.“

„Seine Bauschleier schreien nicht
nicht. Meine Feigheit lastet schwerer auf
mir.“

„Nun, was ist mit der Moral? Ist Mo-

ral und Immoral heute auch eins
geworden?“

„Du sprichst, erge Sophistik. Ich kann
nicht anderes, als die sagen, das jein
Lied, die, nicht umschlungen hatteat bis zum
Himmel sagen, auch das Gute und das
Böse sind. Abscheu nicht, sondern ich
stehen, mit Freude und Schmerz in
schnellen Rhythmen wechselnd in neuen
Harmonien und Disharmonien zusammen-
hängend. Noch mehr Herz, noch mehr.“

„Wo ist denn dein Verstand?“

„Mein Verstand? Er ist überverstand, Harmonie
und Weisheit. Ich habe keine eigentlichen
Verstand mehr. Vielleicht kommt irgendwann
wieder, aber heute ist er nur bloßes Theil-
phänomen und ganzlich unzulänglich.“

„Du verweigert Alles, was du glaubst
test, auch den Faust. Er ging doch

in den Spukgärten ruhigen Ganges
vorüber.“

„Ich kann nichts mehr —
Mein Geist ist auch ein Spukgeist.
Ich darf und kann nicht ruhig davon
vorüber gehen.“

„Ich sehe, Du befolgst meine
Lehren.“

„Leute ist es so anders gewillt mir
zu schreien voller Freude.“

„Du entgegnet mir nicht.“

„Dein Unglück soll mich freuen.“

„Du gehst dich, als ob du unfer-
ber wärest.“

„Das kommt daher, dass ich die
Kunst gelernt habe vom linken Fuß
auf den rechten zu treten und umgekehrt,
das andere Leute von jeder uninteressant“

gemacht haben.“

„Also das hast Du eulit gemacht?“

„Der Leben-Entlangentlinie kommt mir
auf die Dauer nicht entgegen.“

„Du wädest die Richtung der Wege nicht nach
Abbildungen zu den Menschen?“

„Das wirst Du sehen. Ich hülle mich
in beredtes Schweigen.“

I. II. 14.

Oh Markt, zillender Spannungen
und Zweifel — oh Einsamkeit im Labyrinth
gemacht sein!

„Nun nach allem warst Du zweifel-
hafter als heute.“

„Denn Gott nicht antwortet, macht
wenigstens die Feucht einen Fortschritt und
unabhängig. Wie wird es aber jetzt sein, da
Gott und Feucht eins geworden sind?“

in ichenigkommen, den Fortschritt des Lebens still zu stellen? Wäre es möglich, dass das Einssein der Begierde auch den Lebensprozess auflöse? Gehört der Kampf der Begierde zu den unerwarteten - hohen Lebensbedeutungen und steht der still, der das Einssein der Begierde erkennt und nicht überzuleben vermocht? Er hat sich ja ganz auf die Seite der wirklichen Lebenszusammenhänge und steht nicht mehr dergleichen, ja einen Partei angehören und die andere zu bekämpfen, sondern es ist ein Blick und hat übermüdeten ein Ende gemacht. Hat er damit, als er sich last sein Leben nehmend wollte, ihm auch den Führung genommen? Diese Fragen lege ich dir, meine Seele, heute vor.

„Du setzst uns die Maske auf die Brust. Du begierde dich der aller-

dings ein Lebensmoment für mich. Das wirst Du ja längst gemerkt haben. Und diesen Neuerungen fällt die Energiequelle mir weg. Ich kann doch auch mit Plättsen leben, machend Banalitäten ergern. Ich bin etwas catholisch.“

„Wenn Du catholisch bist, will ich Kath werden? Tausche mir lieber nach deutschem Grundsatz, in dem Du trittst hast, auch befreite das Kloster oder die Hämmerchen. Viel lieber wenn man von Jesus ein Kath.“

„Du bist bereits geworden.“

„Der Kath ist noch herrlicher als ich. Ich muss leben und mich bewegen können.“

„Da hast ja ein wenig Ende, was willst du von Jesus befragen?“

„Nichtrecht nicht viele Fragen, sondern die Notwendigkeit, ich will nicht.“

„Ich gehorche, aber widerstehend. Deine Stoff ist neu und mir ungewohnt.“

Ich bedauere. Aber du Kath. Fünf. Jeder der tief, dass es schliesslich um uns steht, wird wir den haben ein wichtiges Organ abgeschnitten hätten. Wir die wissen, bin ich nicht der Heiligt, sondern der Heiligt mich überhöht wie ich den Weg geführt.

„Der spürt mit mir. Warum nicht. Du hast den Apfel nicht anzu-nehmen brauchen.“

Les die Leherge. Du kennst jene Geschichte besser wie ich. Mir ist es. Es muss leicht geben.

Mach dich auf und lach das Feuer. Es ist schon zu lange Dunkel um mich. Bist du fertig oder fertig?

„Ich gebe auf's Werk. Mir ist getrunken, es ist ich herausbringen.“

Ein Stuhl - Gottes Thron - Gott Vater, Sohn und Heiliger Geist - die

heilige Dreifaltigkeit - die Mutter mit dem Kinde - Himmel und Hölle, auch Satanas damit. Er kommt zu spät, wird streichend und klammert sich an sein Jesus. Er will nicht furchtlos. Du Mensch ist ihm zu kühl. Hältst du ihn fest?

Satanas mit Hörnern und Schwanz kriecht aus einem Dunkel nach heraus, ich ziehe ihn bei den Händen.

Willkommen hier im Finstern! Wenn ich hatte doch auch mir auf den Weg.

S. „Was soll das? Es ist in letzter Zeit ein unglückliches Rumoren und Geräusch. Es trübt sich jemand, der sich ein Seelenwerk, und mit rücksichtslosem Spectakel bei uns herum, ich protestiere gegen dieses und likate und spalttrame“

Hieraus ist:

1. Kurze Zeit. Ich habe dich nicht erwartet. Du bist Dreifachigkeit und die Befolge ist zuerst gekommen. Auch die schwerste Sache zu sein, dass die Hand geleitet.

2. Was willst du von mir? Ich habe dich nicht, frische Seele.

3. Gut, das wir schaden. Ich versuche meine Seele, ihr getrennt alle abzunehmen, was wir uns herausnehmen werden. Die Art der Behandlung sind Interessanter als die ganze Dagegen.

4. Was kümmert dich dein Gewissen? Mach's kurz - ich bin hier.

5. Hier - es ist nur etwas passiert. Die haben nämlich die Gegenstände vor sich. Weiter Anderen haben wir auch dich.

mit Gott ~~zu~~ Eins gemacht.

6. Herzelt, was das der heilige Skandal? Was macht denn ich denn für ein vorbrautes Blutrinne?

7. Bitte, das war nicht so denn, wie du meinst. Diese Vereinigung ist ein ungenau oekonomischer Prinzip. Wir haben den unaufklärlichen, verkehrten hemmenden Parteigezänk ein Ende gemacht, denn endlich ist Klärung für die kommenden ja einer einheitlichen Fortschrittsarbeit und viel mehr zum wirklichen Leben mit all seinen Schwierigkeiten.

8. Das sieht nach Monismus. Ich habe einige von diesen Ideen bereits vorgestellt. Für sie sind mehrere Namen vorgeschrieben.

9. Du täuschst dich. Es gibt bei uns gar nicht so intellektuell und allgemein ethisch zu wie hier Monismus.

Hier haben nämlich auch gar keine wichtige Wahrheit. Auch früher sind wir bereits hinaus. Also erkennt nicht Kenntnis an Monismus, sondern nur eine höchst unerwünschte und ungesunde Tatsache: nämlich auch die Vereinigung der Gegenstände geschah es, - was uns unerwartet und unbegrifflich ist - dass weiter nichts nachgeschah. Es blieb Alles friedlich, aber reichhaltig bewegungslos bei einander stehen und das haben verwandelt sich in ein bloßes Vegetieren ohne Führung und Fortschritt.

10. Hehe, ihr Herren! Da habt ihr wohl etwas angestellt.

11. Muss - die Sache ist ihförmig. Es geschah einmal experimenti causa, aber auch wirklich vortreffliche Arbeit.

12. Eine Ernsthaftigkeit könnte ich zu sagen. Die Bedingung des Ganzen ist ja in den Händen derer, die es erdichtet.

13. Du nimmst also - es gilt einmal Ernst. Meine Seele hat sich nun offenbart gehalten, denn ich bin die Person und Antwort steht. Ich will Antwort haben auf meine Frage, was nunmehr in jeder Situation zu thun sei? Wir vermanen dich nicht mehr weiter.

14. Da ich guter Rathgeber, selbst wenn man ihn gelte möchte. Ich will verblühten Herren ein Trauerspiel vorkommen. Wenn dich das nicht nicht beunruhigt. Hier will ich mich auf Weltanwendung verstehen.

15. Wenn du schimpfst, so schimpf es dich also ganz besonders zu kränken. Ich will, in h. Trinität ist mirig und absolut. Die Meinungen scheinen ich nicht zu verstehen.

J. Auf die kannst du gar nicht gehen. Du bist so irrational, dass man sich auf dein Praetorium gar nicht verlassen kann. Ich rathe dir dringend ab, jene Synthese irgendwie ernsthaft anzunehmen.

J. Ich danke dir für den wohlge-
meinten Rathschlag. Du scheinst
aber interessiert zu sein. Man trifft
schon von deiner sprichwörtlichen Stellung
ein unabhängiges Urtheil erwarten.

S. Ich bin nicht einverstanden. Aber
du kannst ja selber urtheilen. Wenn
du jene Absolutheit in ihrer ganzen
lebendigen Selbsteinheit betrachtest, so
kannst du nicht anders urtheilen, dass
du nach deiner Vorurtheilhaftigkeit herbei-
geführte Lebensstillstand verurtheilte
Hilfslosigkeit mit dem Absoluten hat,
denn ich bin sehr dagegen zu rathe,

so stelle ich mich ganz auf deine Seite,
denn du kannst einen Lebensstillstand
auch nicht ertragen.

J. Wie? Du stichst auf meine Seite?
Was ist sonderbar.

S. Es ist nichts sonderbares daran. Das
Absolute von mir aus dem Leben ab-
heben. Ich bin doch der eigentliche Leben-
meister.

J. Was ist denn wichtig. Du reagierst
zu persönlich.

S. Ich reagiere gar nicht persönlich.
Ich bin doch ganz das rationale, sachliche
Leben. Ich bin nie zufrieden, wie gelohnt.
Ich muss alles wieder und benehmen
widerauf; ich bin doch Ehrgeiz, Ruhm-
gier, Thätigkeit, ich bin der Spindel
meiner Ideen. Das Absolute ist — es
schon der Name sagt — langweilig
und vegetativ.

J. Ich will dir glauben. Also —
was rathst du?

S. Das Beste, was ich dir rathe kann
ist: mache ~~den~~ deine ganze ab-
solute Neuerung so schnell und so gründ-
lich wie möglich wieder rückgängig.

J. Aber das geht nicht? Und was soll
denn geworden? Wer würde mich
von vorne anfangen müssen und kann
ausfehlensuchen zweites Mal wieder
zum selben Schluss. Was man einmal
begriffen hat und was man weiß,
das kann man nicht wieder absicht-
lich wieder wissen und ungeschicklich
denn Rath ist kein Rath.

S. Aber ich kann doch nicht ohne
Entscheidung und Klare Existenz?
Ich muss einfach über etwas auf-
bauen, eine Partisanenarmee. Gegen-
sätze überwinden, wenn ich leben will?

J. Das hilft nichts. Wir leben uns ja
auch in Gegenwart. Wo sind denn deine
Ideen?

S. — und damit des Lebens.

J. Mir scheint, es kommt darauf an,
was du leben meinst. Dein Lebens-
begriff hat etwas, wie ich finde, von Hing-
kloppen und Herunterreißen, von Bekann-
ten und Zweifeln, von ungeduldischen
Herunterreißen, von hartem Aufbauen.
Es fehlt das Vegetative und das
langweilige Leben.

S. Ganz richtig — mein Leben besteht
und blüht und schlägt unruhig
wollen, es ist durchwachen und wegwer-
fen, es ist kein Wissen und Bestehen.
Was ist das Leben?

J. Aber das Absolute lebt doch auch.

S. Das ist kein Leben. Es ist Stillstand.

sehr so gut wie Stillstand. Man ge-
sagt, es lebt ungesühnt langsam
und verschwindet dreihunderttausend - genau
so wie der obermündungsreife Zustand,
den ich mit neuer Neuerung zu treffen
habe.

J. Du stehst mir ohne es zu wollen,
ein Hindernis auf. Du bist persöhnlicher
Menschenleben - der ausbleibende Still-
stand aber ist das langweilige Leben
der Ewigkeit, das leben selbstlich-
keit.

Du machst dich so gut geübt.
Abgabe der für - fahr wohl!

Satanas kniebt bekümmert
sein Wandlung in sein hoch hinunter.
Die Symbole der Dürrezeit und des
Erfolgs erleben sich in Ruhe und
unerschütterlicher Gelassenheit werden
zum Himmel empor.

Ich danke Dir, meine Seele, du hast
mir den Reichtum heraufgeholt. Länger
sprachst allgemein verständlich,
denn es ist persöhnlich.

Wir können nicht leben, meine Seele,
ein langes Leben; wir können nicht zu-
sammen veranlassen.

2. II. 14.

Das war ein frischer Wind!

Soll es immer so stark sein, die uns
trübt, kann es nicht viel mehr sein. Ist
Freude sein?

Meine Seele, was denkst du? Willst
du hinweggehen und den künftigen sagen
an unserm Orte gutgeht und nicht hilf-
bedürftig sein?

„Ist es nicht Ausruhmung, wenn
ich ohne zwingende Gründe drüber nachdenke?“

Vielmehr ist es Ausruhmung, jetzt
sind wir nicht mehr. Es kommt auf den W-
machen.

„Ich habe wenig Lust.“

Ich will nichts zwingen, aber willst
- wenn - erfahren wir Sachetwas
Sinnreiches.

„Willst Du nicht leben?“

Ich bin drüber zurück, neige aber
der Aussicht zu, es zu Sachetwas
zu vermeiden. Also gehe!

„Ich will gehen und werde Dir
Satanas noch einmal heraufrufen.“

Wage ich? Ich habe gestern Nacht
Alles Mögliche von ihm erfahren. Du
kannst laß dich die Wahl.

„Ich will - glaube ich - an die“

Hölle - hier ist ein Gedanke.

Ein Lächeln, unheimlichen
Menschen mit vergiftetem Gesicht steht vor
mir. Er hat abstoßende Augen, einen
Buschel und ist von kleiner Gestalt.

(Sollte er nicht so ausgehen haben?)

Wo bist du?

J. Ich bin ein Giftwurm, der sich in
Staub hingekriecht war.

1. Was hast du denn gethan?

J. Ich habe meine Eltern und meine
Freunde vergiftet.

1. Warum thatest du das?

J. Zur Ehre Gottes.

1. Wie sagst du? Zur Ehre Gottes?

Was meinst du damit?

J. Erstens geschickt Sachetwas, was ge-
schickt zu Ehren Gottes und Sachetwas hat.

schmerzlich besondern Ideen.

J. Was deckt dich Decken?

G. Versuch Decken? Ich hätte zu und wollte zu eurem ehrendenheraussehen in die ewige Seligkeit hinüberbringen. Ich gab ihnen einen starken, zu starkem Schimmertrunk.

J. Hast du schon nicht deine eigene Parthie gefunden?

G. Nicht eine geringere. Ich habe allein gerückt und wartend ausgeblickt. Ich blieb am Leben und sahen zwei Kinder zu, die für die ich eine bessere Zukunft voraussah. Ich war körperlich gesund als meine Frau, deshalb wollte ich am Leben bleiben.

J. Was denn deine Frau mit dem was immerwährend?

G. Nein, sie wäre es gewiss nicht gewesen. Aber sie wusste nichts von meinen Absichten. Sie wurde der Welt übergeben und raan

machte mir den Prozess.

J. Hast du jetzt im Jenseits deine Angehörigen wiedergefunden?

G. Das ist eine unerwartetlich unheimliche Geschichte. Ich vermuthe, ich sei wohl in der Hölle, bisweilen ist es mir als ob meine Frau auch da, bisweilen bin ich ^{schon} ich selbst wiedergerichtet nicht. So wenig, um ich mir selbst nicht mehr bin.

J. Wie ist es? Erzähle!

G. Bisweilen spricht sie mit mir und ich gebe ihr Antwort. Aber wir haben bis jetzt noch gar nicht vom Paradies und auch nie von unsern Kindern gesprochen. Wir sprechen nur hier und da zusammen, immer unvollständig und unvollständig, von kleinen Sachen aus ~~dem~~ unserm früheren täglichen Leben, eher ganz unpersönlich, wie wenn wir uns gar nichts anginge.

Abgründe erpöht selber nicht, wie es eigentlich ist. Von meinen Eltern habe ich wenig. Mein Vater war, glaube ich, jünger als und ~~sagte~~ sagte etwas von seiner Lebenspflanze, die er irgendwo verlor habe.

J. Sagen wir, womit verbringt du deine Zeit?

G. Ich glaube, es gibt bei uns gar keine Zeit; man kann sie darum auch nicht verbringen. Es genügt gar nichts.

J. Ist denn nicht fürchterlich langweilig?

G. Langweilig? Darauf habe ich noch gar nicht gedacht. Langweilig? nicht, jedenfalls gibt es nichts interessanter. Eigentlich ist Alles gleichgültig.

J. Plagburcher Teufel wie?

G. Der Teufel? Ich habe nichts von

ihm gesehen.

J. Da du aber da kommst doch aus dem Jenseits und solltest nichts zu erzählen haben? Das ist kaum glaublich.

G. Als ich nachlebe, habe ich auch oft gesehen, es wäre gewiss interessant einmal mit einem zu sprechen. Ich habe es auch wiederkehrt. Jetzt kann ich nichts davon finden. Wie gesagt — hier uns ist alles unpersönlich und rein sachlich — so wie dort du dich wohl ausdrücken, denken ist.

J. Das ist ja tröstlich. Ich will annehmen, du siehst in der Hölle.

G. Meinetwegen — ~~Lebwohl~~. Ich sehe, ich bin entlassen. — Lebwohl.

J. Meine Seele, was soll dir eine langweilige Fahrt aus dem Jenseits bedeuten?

„Ich traf ihn früher, und ist herumtappend, wie so viele Andere. Ich traf

du heraus als den nächsten Schritt.
Bist ein typisches Beispiel will mir
scheinen.

1. Aber ist das Paradoxe so paradox?

„Es scheint so. Es giebt dort eine
Bewegung, wenn ich hinüber komme.
Sonst wagt Alles bloß Langeweile
und Unselbstständigkeit ab.“ Das
Paradoxe fehlt gänzlich.“

2. Was ist es denn mit dem Par-
adoxischen? Setenau macht mir
gerade eine höchst persönliche Ein-
druck.

„Das glaube ich gerne. Er ist ja der
einzige Wissenschaftler, dem persönliches
Leben bringt. Du bist in Einklang mit
dem absoluten Leben.“

3. Kann man diese Gegensätze nicht

aneinanderreihen?

„Es sind keine Gegensätze, sondern
Vollständigkeit. Du wirst den
Tag auch nicht befehlen, der dich
nimmt.“

3. Das ist einleuchtend — abstractes Lang-
weilig —

„Aber immer, wenn man es Paradoxie
Es ist nicht einleuchtend, sondern
mit dem was die Gegensätze auszusagen
haben.“ Ich glaube, die Toten sind
bald am Aussterben.“

G. II. 14.

Heute fühlte ich die Fülle der Schön-
heit und Klarheit.

Wir sind, meine Seele, auf dem
rechten Wege. Du hast eine feine Witterung.

Die sehr schmerzlichen Samtstücke der
Banalität, die mir früher Grauen ein-
flößten, sind jetzt hilfreich geworden.

Durch die Gegensätze der fälschlichen
Lebensgewohnheiten.

Darin liegt der Friede, die große
Ruhe und Schönheit.

Es sind abwechselnd weiche und
harte Stufen, welche die Treppe des
Lebens bilden.

„Drück dich nicht zu allgemein
aus. Flüchte dich vor jeglichem System.
Systeme sind langwierige Verhältnisse.
Lebendig und wirklich ist nur eigens
Wahrheit.“

Mir scheint, Du drückst dich
auch allgemein aus.

„Etwas wohl — aber doch ein gutes
Zeichen für unser Einverständnis?“

Wir wollen das Beste hoffen. Aber
nichts ist leichter, als mit dir unversöhnlich
zu sein empfindlich.

„Wenn du empfänglich bist und dich
an diesen Lebensweisen Hinüberbewegen
so hast ich mich allmählich ab. Eine
gerade gesunde Härte vorwärts schreien
schon lange.“

G. II. 14.

Mir scheint, ich bleibe zurück,
wie auf getriebener Arbeit. Soll ich schon
zurückblicken?

„Wie ungenügend, du bist! Noch ist
nichts vollendet.“

Wie meinst du? Nichts vollendet?

„Es fängt an.“

„Versieh mir, meine liebe Seele,
aber nicht, du liegst.“

„Muss ich, mit wem hastest
du? Weinst du schon?“

„Nun nichts. Aber ich habe
mich bereits mit dem Gedanken vertraut
gemacht, wir hätten ein Ende, wenigstens
ein vorläufiges Ende erreicht aber so tun
wir einen Abschluss. Wenn sogar die
Toten am Aussterben sind, was kann
da noch nachkommen?“

„Dann müssen doch erst die Lebenden
zu Lehen erfangen.“

„Versieh, die Bemerkung könnte
jwar tiefgründig sein, scheint aber eher
antwort zu bedürfen.“

„Unbekannter, du wirst Recht.
Ich übergebe dich, erst noch hat der

Leben zu fangen.“

„Was versteht du darunter?“

„Ich sage, das Leben hat nachzu-
fassen. Hast du überhaupt nicht etwas
begegriffen? Nimmst du das Leben?“

„Gut wahr, was du sagst. Aber ich
beurteile nicht, Alles sagst mir möglich
zu finden und mich leicht zu finden.“

„Das könnte auch sehr bequem sein.
Du darfst und du sollst aber nicht
höhere Ansprüche machen.“

„Migrant davon. Ich will zwar
gerne mit der Hand, aber ich traue auch
dir nicht zu, das dazu befähigte zu
können. Es mag sein, dass ich dir nicht
einmal zu wenig zutraue. Daraus mag
schon sein, dass ich dich seit Kurzem
so unendlich genähert, so unben-

faud.

„Das beweist nichts. Bitte dir nur
nicht ein, das könnte mich irgendwo
umfassen und die einmischen. Dazu bist
du demnach zu klein.“

„Was soll er sein? Es erfüllt
mich mit Freude und Stolz, dass du
noch weiter gehen willst.“

„Du hast erwidert, dass
du hast deine Pflicht als Mensch ge-
than, indem du mich gegenüber.“

„Hierin muss ich mir gegenseitig
immer auszusprechen sein. Es ist aber ein
moralischer Punkt, das es hierfür auch einen
Lohn geben soll.“

„Ich gebe den Lohn dir in
Pfeile. Salome!“

„Ich sehe Elias — in einiger Entfernung
hinter ihm Salome. Elias deutet auf Salome.
Die Salome. Sie kommt näher — er fasst ihre
Hand und erhebt sie mit sich. Sie schließt
eröffnet und blickt auf ihn an.“

„Er spricht: „Hier gehe ich dir Salome,
du bist mein.““

„Aber nun Gottes willen — was soll
ich mit Salome? Ich bin schon verheiratet
und wir sind unter den Türken noch in
sonstigen patriarchalischen Umständen.“

„Salome nicht eingeschaltet zurück.
Elias: Der hilflose Mensch — er blickt
schwerfällig? Ist sie nicht ein schönes
Gesicht? Ist ihre Färbung nicht dein
werk? Willst du ihre Liebe nicht an-
nehmen als den wohlverdienten Lohn
für deine Mühe?“

2. Mir scheint, Elias, als ob dies ein sonderbarer Fehlbau wäre - wohl eher ein Rath, als ein Freund. Ich freue mich darauf, den Salome mir deutlicher zu und mich liest. Ich liebe sie auch - relativ - meine ich. Übrigens, die Mühe, die ich mit ihr hatte, war mir, sehr wirklich genommen - ich erregte als der ich sie freiwillig und bewußtlich geliebt hatte. Wenn die ein wenig mehr unbedachtigste Tante eines so guten Erfolgs hatte, so bin ich abgesehen zufrieden.

Elias schweigt und sieht Salome an. Ich lass ihn, er ist ein sonderbarer Mensch. Was er thut, was er für Beweggründe hat, das erschließt ihm erst dann zu sein. Ich bin doch nicht klüger und bin für viele - und keine können - gewiss Begehrtenwerth.

Warum schweigst du auch aus? Ich will deine Mägel sein und die ich liebe hören. Ich will von dir hören und tanzen, ich will für dich die Haut ablegen, ich will dich hören, wenn du traurig bist, ich will mit dir lachen, wenn du fröhlich bist. Ich will alle deine Gedanken in einem Herzen tragen, deine Worte, die du zu mir sprichst, wirklich können. Ich will jeden Tag für dich kommen pflichten und alle meine Gedanken sollen dir liegen und erwarten und erwarten.

3. Liebe Salome, ich denke dir für deine Liebe. Es ist schön, von Liebe sprechen zu hören. Es ist Musik und altmodisches Fleißwerk. Du nicht einen Thron fallen auf deine lieben guten Worte. Ich möchte dir einen und Hundertmal deine Hand küssen, weil ich mit den Worten der Liebe erweichen wollte. Liebe? - Du sprichst so schön von

Liebe. Man kann nie genug von Liebe sprechen hören.

4. Warum wir sprechen? Ich will dem nie, ganz zugehören.

5. Ich danke dir für die Mühe, die ich mir und mein Blut ausprobierte. Deine warmen Worte erwärmen mich und ich stehe wie ein Erleuchteter.

6. Warum immer noch ein Erleuchteter?

7. Siehst du nicht, das stinkende Licht der Nothwendigkeit und aus Kreuzgeschlagenheit? Es ist die Nothwendigkeit, die mich lähmt.

8. Willst du nicht die Nothwendigkeit durchbrechen? Ist das überhaupt ein Nothwendigkeit, die du so meinst?

9. Mein Prinzipien - es klingt so vernünftig - aber ich habe Prinzipien. Denken nicht, es seien fast Moralprinzipien,

Sondern erwidert Erkenntnis, die mich so sehr aufgemüht hat.

10. Was für Prinzipien?

11. Du bist hart. Aber höre: Ich sage dir, dass es deine Bestimmung ist, mich anzugehen. Ich will nicht in dem die allein eigenen Gedanken einmischen, denn ich kann dir nie helfen, es zu Ende zu führen. Und was genau ist es, wenn ich überhaupt weglassen muss wie ein getragenes Kleid?

12. Diese Worte sind grausam, aber wahr. Aber ich habe dich so, dass ich mich auch selbst weglassen könnte, wenn deine Zeit gekommen ist.

13. Ich weiß, dass es kein eine gelungene Quel wäre, dich so wegzugehen zu lassen. Aber wenn du es für mich thun kannst, so kann ich es auch für dich. Ich würde ohne Klage weitergehen, denn ich vergesse

jeines Traumes nicht, Durchwar einem
hellen Jahre hatte: Abrahams einen
nackten Körper, auf einer mit späten
Nägeln geschnittenen Straube liegen und ein
mächtiges chernes Rad rollte über einen
Dunst und zerflucht mich.

Ich denke daran, wie ^{zinnig} ich
an hieße denke. Wenn es sein muss,
überlebe herab.

S. Ich will ein solches Opfer nicht.
Ich will die Freude bringen. Kann
ich dir keine Freude tun?

S. Ich weiß es nicht - vielleicht, vielleicht
auch nicht.

S. So versuche mich wenigstens.

S. Guter Versuch kommt dir thatig.
Solche Versuche sind kostspielig.

S. Willst du es ^{dir} nicht für mich kosten
lassen?

S. Ich bin etwas zusehnsam, zu ent-

kräftet noch dem, was ich dich gelitten
um wachen Stände zu sein, weitere Abgaben
für dich zu machen. Ich könnte nie mehr tragen.

S. Wenn du mich nicht zusehnsamst, so
kann ich dich nicht zusehnsam.

S. Es handelt sich wohl nicht um das Leben,
sondern, wenn es sich um etwas handelt,
so handelt es sich um das Leben.

S. Ich gebe auch dir ja. Meinem mich
müssen.

S. Wenn es um etwas geht! Aber du bist
gutmüthig und lieb! Es ist grünlich, um
daran zu denken.

S. Du verlangst wohl, dass ich ein und zu-
gleich nicht sei. Das ist unmöglich. Was
fehlt dir?

S. Mir fehlt es an Kraft, ein weiteres
Schicksal auf meine Schultern zu laden.
Ich habe genug zu schleppen.

S. Aber wenn du mir hilfst, dann ist es leichter.

zu tragen?

S. Wie kannst du? Du lebst nicht
zu tragen - eine widerstandsfähige Last.
Ich kann dich nicht zusehnsam tragen?

S. Du sprichst mir Wahrheit. Ein
Lebender seine Last. Wer andere
seine Last aufhebt, ist ein
Knecht. Es ist kein zusehnsam, ich
über zu schleppen.

S. Aber, Vater, könnte ich ihm nicht
wenigstens einen Theil seiner Last
tragen helfen?

S. Das geht nicht, sonst ist er ein
Knecht.

S. Oder mein Herz und Gebiete.

S. Das will ich nicht sein. Du willst
ein freier Mensch sein an meiner Seite.
Ich kann weder Sklaven noch Knechte
tragen. Ich sehe mich nach
Menschen.

S. Wie ich dich ein Mensch?

S. Ich fühle dich, wie ein eigenem Herz
und Leben, gehört nicht mir, sondern
dir. Trage nicht meine Last, sondern deine.
Dann ist es mir mein menschliches
Freiwillig, ein Ding, das nicht wert ist,
denn es ist ein Eigenthumsrecht eines
Menschen.

S. Schickst du mich weg?

S. Ich schicke dich nicht weg. Du bist
mir nicht fremd. Aber gib mir
nicht aus deinem Lebensrecht, sondern
aus deiner Fülle. Ich kann deine
Fülle nicht sättigen, denn ich kann
nicht stillen Raum. Wenn
du eine reiche Erde hast, so schenke mir
ein paar Früchte deines Gartens, wenn
du an einem Fluss lebst, dann will
ich aus dem übergießenden Horn deines
Freude trinken. Ich weiß, das wird mir
helfen. Ich kann mich nur an
Friede des Hatten sättigen, nicht an den

wegen Brücken des Bedürftigen und
Schwächlichen. Ich will mir meinen
Lohn nicht stehlen.

Da bistest nicht, wie kanst
angehen? Du farest, indem du schwebst.

Elias, Altst, höre: Du bist ein patris-
chastischer Jude, Du hast eine alt-
modische Dankbarkeit. Verschenke
dein Tacten nicht, sondern steh sie
aufzuzeigen für. Du magst tanzen, singen
oder die Leute ablegen werden Lieder
und sie mögen die blinkende Goldstücke
vor die Füße werfen.

Salome, du hast gehört. — Ich sage
dir noch Jagen, den ich dir für deine kleine
Danke — wenn du mich wahrhaft
liebst, dann gehe auf die Märkte,
tanze, singe oder schlage die Leute vor.
den Reuten, gefalle ihnen, der sie
deine Schönheit und deine Kunst preisen.

Und wenn du reiches Ernt gehalten hast
und du mich dennoch liebst, dann bring
mir eine deiner Rosen durchs Fenster,
und wenn der Frische Bar der Freude
dir überquillt, so tanze und singe auch
mir einmal. Ich sehen mich nach der
Freude der Menschen, nach ihrer Gerechtigkeit und
Zufriedenheit und nicht nach ihrem Sch-
recken.

Salome hängt weinend am Hals ihres
Vaters.

1. Was ist das für ein hartes und unverständliches
Mensch!

2. Du hast dich verändert, seitdem ich dich
das letzte Mal sah. Du sprichst eine andere
Sprache, die mir fremdlich und unheimlich
klingt.

3. mein lieber Prophet, ich glaube gerne,
dass du sich verändert findest. Aber auch
mit dir abnimmt eine Veränderung vorgegan-
gen sein. Wo hast du denn deine Sehnsucht?

E. Du bist mir abhandlung gekommen.
Mitleiden, sie wurde gestohlen. Ich
gehe aber um etwas trüblich zu. Ich
wäre demnach gewesen, du hast mich ent-
toren meine Tacten genommen hastest.

2. Ich weiß, wo deine Sehnsucht ist.
Abhake sie, meine Seele holt sie
aus der Unterwelt. Sie giebt mir Hart-
heit und rasende Gewalt. Wir
hatten die Sehnsucht in der Unterwelt
wütend, denn sonst hätte die Unterwelt
den Fortschritt gehabt, was zum Schrecken.

E. Weh dir, verfluchter Räuber —
Gott strafe dich.

3. Dein Fluch ist kraftlos. Wer die
Sehnsucht besitzt, kann nicht kein Fluch.
Nein, Altst von Klug. Wer die Weisheit
besitzt, ist nicht gering nach Macht,
und erhebt sich um die die Macht, die sie
nicht ausübt.

Salome, wäre nicht, nur das ist Glück,
was du ausschaffst und nicht, was du be-
kommst.

Verabschiede, meine betriebten Freunde,
es ist spät in der Nacht. Nimm den salomon
Macht und Wissen, Elias, du demer Wissen
und du Salome, was unsere Liebe will,
vergis nicht zu tanzen!

II. II. 14.

Nachdem all dies gesagt ist, kann
ich Salome noch immer weinen. Was will
sie noch? Warum will ich noch?
Das war ein merkwürdiges Leben, meine
Seele, da mir zugesagt wurde, ein
Leben, das man ohne Opfer nicht an-
nehmen kann und es noch größere Opfer
erfordert, wenn man ihn annimmt.

„Willst Du denn ohne Opfer leben?
Das Leben muss dir doch etwas kosten.“

Ich habe, glaube ich, bereits bezahlt.
Ich habe Salome ausge schlagen und
überlassen sie auf sich selber angewiesen.
Ist das nicht Opfer genug?

„Für dich vielleicht zu wenig.
Für mich? Das darfst du angucken soll
sich.“

Du meinst wohl: anspruchsvoll
im Opfern. So hatte ich es allerdings
nicht verstanden. Ich habe mich wieder
einmal zu meinem Vortheil getäuscht,
wie es scheint. Aber sage mir, ist das
Opfer mir nicht genug, wenn ich auf die
Liebe der Salome verzichte und mein
eigenes Gefühl in den Hintergrund dränge?

Du drängst ja dein Gefühl
gerade in den Hintergrund. Sondern

es passt dir viel besser, den Kopf für Salome
wie ein nachtragbuch zu räumen?

Das ist ablässig, wenn du die Wahrheit
sprichst. Ist das der Grund, weshalb
dass Salome nach immer weint und ich
die eisernen Klammern am linken Füsse
spüre?

„Ich denke, ja.“

Aber was ist da zu thun?

„Oh, du willst thun? Man
kann auch denken. Probleme werden
auch durch Denken gelöst.“

Das klingt erlösend, denn nicht
thun schien mir kein Ausweg möglich.
Doch was ist zu denken? Das scheint
mir überaus fragwürdig. Ich wollte
es zwar selber entdecken, aber ich gestatte,
ich weis hier nichts zu entdecken. Ich kann
es also nicht, vielleicht weinst du

Rath. Ich habe das Gefühl, als müßte
ich über mein eigenes Kopfzerren
steigen. Das kann ich nicht. Was
denkst du?

„Ich denke gar nichts, wenn auch
gar keinen Weg.“

So sage doch der Herrlichen,
fahre zur Hölle oder zum Himmel,
vielleicht gibt es dort Rath.

„Mir scheint, ich müßte zum
Himmel.“

So fahre wohl. Ich warte.

„Hörst du mich? Ich bin sehr
ferne. Der Himmel ist so weit weg,
die Hölle ist nicht näher bei der Erde.“

Kann dir'st meine Stimme zu dir hinüber.
Ich fandet's im Reich — eine verlassene
Krone, so tief entfernt Stamm in den
unermesslichen Himmelsräumen — eine
goldene Krone.“

Gib sie mir, vielleicht sagst
mir etwas.

In meiner Hand liegt eine kleine
goldene zackige Krone — auf jeder Zacke
eine Perle. In Iwera und griechische
Buchstaben eingegraben.

Η ΑΓΑΠΗ ΜΗΔΕΝ ΕΚΤΙΝΙΠΕΙ.

„Die Liebe löset nie ein auf.“

offenbaren Himmelsgeheimnisse.
Aber was soll dir Krone?

„Ich bin da, bist du zufrieden?
Thürwache — jedenfalls denkst du dir

für das sinnreiche Geschenk. Aber es
ist räthelhaft und seine Geschenke
— vergibt uns — rathen mich nachge-
reichte etwas mitternäch.

„Aber dein Geschenk stammt
aus dem Himmel.“

Darist ganz richtig — aber du weißt
doch, worin der Himmel und Hölle
angewandt haben.

„Übertrifft's nicht. Es ist immer
hin ein Unterschied zwischen Himmel
und Hölle. Ich glaube zwar, dass der
Himmel etwas weniger passiert wie in
der Hölle, jedoch wahrscheinlich auf eine
andere Weise. Auch was nicht passiert
kann auf seine besondere Weise nicht
passieren.“

Du sprichst in Rätheln, ich bin
krank machen konnten, wenn du es noch
trugst. Sprich, was meinst du

von der Krone?

„Waschmaschine? Nichts. Sie spricht
schonhaftig für sich selbst.“

Du meinst — durch die Worte, die
die Krone trägt?

So ist es, der leuchtet so wohl ein:
habe so einigermassen — aber das
hält die Frage abentheuerlich in suspense.
„Denn wird wohl Beobachtung sein.“

Du bist verwirrend.

„Nur für den, der mit mir nicht
eins ist.“

Das bei allerdinge nicht ganz.
Aber wie könnte man? Es ist grausam,
vorzusehen in der künftigen Längen.

Ist die dieses Opfer zu schwer?
Denn auch können können, wenn
die Probleme lösen willst. Schau die
Salome an!

Ich sehe Salome — sie wirkt
nicht mehr, sondern sieht gespannt
nach mir.

„Du siehst, Salome, ich bin nicht
erledigt. Ich schreie und ver-
fluche mein Schicksal. Ich bin
gehängt um dem — und um
meinetwillen. Das erste Mal war
ich gekreuzigt, jetzt bin ich bloss
gehängt — weniger vornehmlich
nicht-mitternäch. Vergib
mir, dass ich dich erlösen wollte,
schickte, dich zu erlösen, wie damals
als mein Opfer der Polidhulthülte.
Dich selbst muss ich das dritte Mal für
dich gekreuzigt werden wie St. Jakobus
der Jünger. Mit der unerlässlich?
Liebst du nachweisen Weg, um ver-
nünftig zu werden?“

S. Mein lieber, was kann ich dafür?

Ich habe ja ganz auf dich verzichtet.

S. Warum hast du denn noch immer ge-
weint? Du weinst doch, dass ich es
nicht tragen kann, ich weine zu ^{hohem}
und gar noch während der ganzen Tage
und Nächten.

S. Ich sehe, du seiest unvernünftig,
sollten du es schon längst abgelegt.

S. Ich dachte so, aber jetzt ist es mir
zuwider. In einem hilft mir der
Stab — ich verstehe wenigstens nicht,
trotzdem ich gehängt bin. Der Wunden-
stab hilft mir offenbar, das Heilige
behalten zu können — allerdings
eine grausame Wohlthat und Hilfe.
Willst du mich nicht wenigstens ab-
schneiden?

S. Wie kann ich? Ich hängt zu hoch.

Stimmt grauer Erde. Ich habe
nicht - nein ich hänge oder viel-
mehr ich schließe mich bei geängst
zwischen Himmel und Erde - und
kann der Gehängten nicht beistehen
werden - könnte ich mich doch für
immer daran sättigen, aber ich
perde's ~~exhaust~~ - ist wirklich
wahr, soll ich hier mit aufhören?
Was Ziemliche Botenschaft war,
was ist es mir?

„Das liegt ganz am Begriff.“
Das ist ein alter Rabe, der nicht
weit von mir sitzt - philosophisch
in sich selbst verweilen.

2. Wiso am Begriff?

Rabe: an Dummheit und Feuer
Begriff von Liebe.

1. Ich weiß, alter Unglücksvogel,
Du meinst Trübsal und irdische
Liebe. Du trübsalichste Liebe wäre ganz
schon, aber wir sind Menschen und ich
habe meinen Kopf aufgestützt, weil
wir oben Menschen sind, auch ein ganz
und rechter Mensch sein.

R. Du bist ein Ideolog - Idealist
träfe weniger zu.

1. Drumme Redewort, hab dich
hinweg von mir.

Ich sehe da kleine schwarze
Flecken; sie ist hat sich um einen
Zweig gezwungen und nicht mit dem
blinden Vorbehalt der Augen nicht
an.

1. Schwester und schwarzer Hund
stabs - was meinst du?

schl. Phantasia bildet sie vornehmlich.
Hier nützt kein Magie - Mein
Zauberwerk taugt hier nichts.
Ich habe beabsichtigt ^{nicht} das
Zweig gezwungen, um die weitere
Dinge abzuwarten. Du kannst mich
zu Leben gebrauchen, aber nicht in
Gehängten.

Ich habe meine Krone - ich habe
sie hier - und jetzt schneller -
alles dulde ich mit ihr, die ganze
Erde dreht sich - ich habe aber hänge
ruhig und unbewegt. Was kommt
das an? Wie wenn ich
über dem Erdpol aufgehängt wäre!
Mir gegenüber in der Luft steht Letztes
traditionell gefordert wie immer -
„Ein Rosinisches Carroussel“

Luft ertönt töhrenden Lachen - „Das
kommt von der verunglückten
M. Legende - wir rufen und die
bit also gleich unten auf der bewachten
Erde.“

1. Ich rufe nicht - ich bin
nicht kläglich - wenn das
Ende von hier sein soll, so soll es
sein.

schl.: Wo ist deine Inconsequenz?
Bitte erinnere dich an die wichtige
Regel der Lebenskunst.

1. Die Inconsequenz ist Genüge
gethan damit, dass ich hier hänge.
Ich habe bis zur Überdosis nach In-
consequenzen. Bin ich nicht mein
Umwelt zum Rätselwesen geworden?
Was willst du sagen?

Schl. Ahn vielleicht Inconsequenz
an der richtigen Stelle — ?

S. Hör auf ! Was wein ich, was
richtige und unrichtige Stelle ist?

Sat. Wer so unveran mit deutse-
genationen anfängt, der weiß doch,
was Rechts und Links ist.

S. Unerwarte, du bist Partei.

Aber wenn der weine Vogel
kann und nur Hilfe bittet, das wäre
bedauerlich — ich fürchte, ich werde
schwach.

Schl. Du weißt Dumm — Schwachheit
ist auch ein Weg — Magie ~~man~~
wetzt die Härte aus.

Sat. Hebe doch den Kopf zur
Schwäche — du willst ein ganzes
Menschsein — sind Menschensterke?

S. Meine Seele, findest du wohl den
Rückweg nicht? Bist du auf- und
davongegangen, weil mit mir nicht
zu leben ist?

Hei Salome ! Du tauchst am
Horizont auf. Kaum ja mir,
Salome ! Wieder ist eine Nacht
vergangen. Unablässig nicht
weiter hören, aber ich hing und
hänge noch.

S. Ich habe mich nicht gewinkt, denn
Glück und Unglück halten mich in
meiner Lage.

S. Ich bin auch balanciert — aber
ni! Meine Seele, der kleine weiße
Vogel ist davongegangen und noch
nicht wiedergekehrt. Ich weiß nichts
und verstehe nichts. Hört es außer

Krone ? So red ich !

S. Ursprünglich sagen ? Forstherren
selber.

S. Ich kann nicht, wenn dein ich
wie Blei — ich kann nur um
Hilfe winseln. Ich wein nicht,
ob Alles stirbt oder ob Alles ruhig
steht. Meine Hoffnung ist ganz
bei meiner Seele. Braucht sie nicht
Erlösung, dann — dann weiß
nicht was zu machen soll.

Ach, es ist doch nicht mög-
lich, dass Vogelsein gleich Bedeutend
ist mit Gehängtheim ?

Sat. Ausglückung der Eigenart !
Gleiches Recht für Alle und Alles !
Verhüten !

S. Ich höre ein Vogeln gütlichen —

Bist du zu meinem Lebe ? Kommt
du zurück ?

„Liebst du die Erde, so bist du ge-
hängt, liebst du den Himmel so
schwachst du.“

S. Was ist Erde ? Was ist Himmel ?

„Alles unter dir ist Erde, Alles
über dir ist Himmel.“ Du fliegst,
wenn du nach oben strebst, was unter
dir, du bist gehängt, wenn du
nach unten strebst, was unter dir.

Was ist über mir ? Was ist
unter mir ?

„Alles über dir ist, was über dich
hinaus, unter dir, was unter dir
zurück.“

Und du Krone, löse mir
das Räthel der Krone !

„Krone und Schlange sind Sym-
bole aus Ewig. Sagst du nicht
der Schlange, wie in der Haupt
des gekreuzigten Kränze?“

7. Unversteh nicht.

„Was für ein Wort sprachst du dir
Krone? Die Kette hört mir
auf - so ist der Geheimnis von
Krone und Schlange.“

7. Aber Salome? Wer soll mit
Salome sprechen?

„Du nicht, Salome ist, was du
bist. Fliege, so werden ich Flügel
haben.“

Die Wolken zertheilen sich,
der Himmel ist voll Abendröthe

Die Sonne sinkt ins Meer am
Horizonte und mit ihr glitz ich
langsam am Wipfel der Bäume
zur Erde. Ich fühle festen Grund.
Liebe und friedlich Ruhest die
Nacht.

15. II. 14.

Aber es ist seitdem eigentümlich, nicht
warm und nicht kalt - nicht verwirrt und nicht
zurück.

Ich will mit meiner Seele Rath halten,
über das, was mich umgibt wird.

Warum ist die so eigentümliche Situation?

„Ich denke, es ist eigentümlich, was jetzt
geschieht.“

Was geschieht denn?

„Es geschieht etwas, aber die Kunst ist
gerade, herauszufinden, was eigentlich geschieht.“

Wo ist die eigentümlich, was geschieht?

„Ich weiß es nicht. Aber ich habe
immer ein Mittel, mich zu orientieren.“

Das ist sehr einfach, das zu wissen.

„Verständnis zu haben, das ist
kostspielig, sich unterrichten zu lassen.
Das geschieht nicht für nichts.“

Wie meinst du das? meinst du, es
ist kostspielig, den Dingen jeweils auf den Grund
zugehen?

„Gewiss. Jeder Mensch hat immer die
Fähigkeit, zu erfahren, was vorgeht, aber nicht
alle können diese Angewohnheit. Es ist sehr
erschöpfend.“

Das habe ich schon einmal gedacht.
Es ist ein ganz besonderes und erschöpfendes
Anstrengung. Was denkst du, kostet dich
ein Leben?

„Ich glaube, ja, ^{insgesamt} ~~das~~ wenn
Zeit vergeht.“

Denkst du nicht, man könnte auch heute
den Zeit besser verwenden?

„Besser verwenden? Wozu? Es hat immer
gute Gründe, das die Dinge anders geht.
Aber es wird die das abkürzen.“

Es ist richtig, ich weiß es eigentlich.
Aber auch jetzt immer der Gedanke, ob
und wo es weitergeht und ob und wo wir
ein Ende erreichen?

„Der Mensch ist natürlich gerne
wissen. Aber die Zukunft ist dunkel und
alles daran ist noch zu machen.“

Die Ungewissheit und Unsicherheit
ist schwer zu tragen.

„Natürlich, aber was sagt, man hat
nicht zu tragen, wenn man Zukunft schaffen
und nicht bloß erleben will?“

Die Ungewissheit erhöht die Arbeit
aber ein Vielfaches.
Was willst du? Das ungewiss ist, ist es

gewiss. Gewinn ist nur, den du schaffst.
Auch der Werth von, was du thust
ist gewiss, wenn du weißt, dass du
hast, was du willst. Du wirst gewiss
Dinge eigenem zu bestimmen, darstellst mit
immer erst später herans, wenn du abklingst
einen Werth haben. Man muss mit dem Un-
gewissheit leben können. Das ist ganz
selbstverständlich; ^{das ist aber} nur ein In-
tellectuallist aufregen."

Nur reger mich weiter nicht auf dem
Schwärmerei es nur möglichst bequem haben.

„Nun, das ist ein sehr schickliches
dann Fortschritte."

Gott sei Dank findest du wenigstens,
den ich einige Fortschritte mache. Das ist
allen schon etwas schicklich.

Man ahnt, du vermisst den Erfolg.
Es geht dir nicht bestig und wenig genug
zu."

Nein, mir gefällt der Geruch.
Aber der Kopf drückt mich, ob es nicht
gehe. Ich sehe mich nach Entschuldig

„Denn Schwärmerei ist noch nicht
zu Ende. Ich mag nicht immer von Gedul-
den."

schon nicht, aber man weiß ja
nicht Beständiges.

„So hör doch auf – was willst du für
Gewinn haben?"

Ich will kein mehr. Ich will auch drum
herum."

„Du willst also nicht hinein?"

Das wird es wohl sein. ^{nur} Gewinn
schlecht, kein bloßer Gedankenschein.

„Nun, du bist doch und triffst diesen
Satz an. Es ist nicht mehr, sondern
Mündigkeit nicht anders aus?"

Was soll ich thun?

„Sei bereit, es zu thun, was ver-
hofft ist." Es fließt nichts vorbei.

„Doch, du willst es nicht annehmen,
und du bist der Meinung, dass ich
lasse ja beständig etwas vorzuschlagen."

„Ich habe schon, aber es ist nicht
möglich Dinge."

„Du willst Sensationen. Diese
hast du ja auch zu gegeben."

Also, was willst du für mich tun?"

Ich kann nicht anders – aber
ich sehe schon, dass du bist ein Linceus
vor mir, ein allfeghüchtes gerades Linceus.
Denn du wirst nicht ablassen, denn es ist ein
schwieriges Langweiliges."

„Du verstehst die Kunst, die das Leben
interessant zu machen, nachgerichtet?"

„Ich das Leben interessant machen – das
ist nicht eine deiner kühnen Ideen.
Du bist schon vorher der Kunst getrieben
haben."

Du bist mir wirklich wahr und zu
dich nachher, das ist der Gewinnplatz ist.
Thun nicht so wichtig. Der Gewinnplatz ist
in der Regel eine universelle Wahrheit und
eine große Wahrheit. Nach der Wahrheit
steht jeder ein Linceus. Nun, wenn dein
Linceus und versuche dieses Instrument
keine Lust. Denk doch nur, was für eine
Selbstkritik es wäre, wenn man keine Lust
mehr hätte. Die Grundstoffe der Cultur wären
erschüttert und der Mensch, der der Linceus
erfände, wäre der größte Wohlthäter der Mensch-
heit. Du verstehst immer, wie wertvoll die
kleinen Dinge sind, die dich tagtäglich an-
gehen."

Du bist ein großer Schmeicheleier."

„Du provoziert es.“

Das Linceal - also ist uluwig
- wie mein Zauberstab. Es ist also
auch ein Linceal. Schwanke, nicht
zu spotten. Und gerade ist er auch
ich wie demin Styl wie du nicht.

Bei der Belagerung, wo der Zaub-
stab widerstandlos, befällt mich rea-
tionärlich der Kugeln wider, widerstand-
los wohl soll. Das ist schrecklich -
eine sehr dunkle Augenbegegnung.

„Ach nach dem Linceal!“

Ich wie wie zwei Hände an beiden
Enden es langsam fassen und auf
einen Tisch legen - und die eine Hand
zieht damit ein ganzes ^{stark} ~~stark~~ Linceal
Die Zirkelschleife muss ich da sagen,
- dass ich die Kugeln mit der Kraft des Linceal

schlucken muss.

„Nur ruhig - ich halte dich fest.
Es ist auch nicht so schlimm Linceal den
zu laufen.“

Es ist Thiergärtnerei und ich mag das
nicht.

„Du bist unersättlich.“

Ich kann noch keine Empörung
aufheben. Ich kann meine Legel auch
vor einem Linceal streichen. Ich habe
durchaus kein Bedürfnis, Bedeutung
zu sein. Auch mein Tabak ist zu stark.
Ich kann sehr leicht weiter schreiben. Ich
bin zu tief überzeugt von der Wichtigkeit
der kleinen Dinge, als dass ich mich von den
genannten Umständen unabhängig er-
klären könnte. Du schreist und lockst
mich nicht.

Ich hoffe, du erkennst dich für ich
werden.

„Du wirst den Erfolg erleben.“

Gut, ich lasse es darauf ankommen.

—

22. II. 14.

Ich sollte nicht so sehr wieder kommen.

Aber so wunderbar und so wunderbar sind
deine Erfüllungen, oh meine Seele, dass
ich bald wieder kommen muss. Ich wie wie
von Dingen, die du weißt, aber ich möchte
dir sagen, dass noch alles hängt in mir
von der Erfüllung, die mir geworden ist.
Ich erkenne nicht, aber meine Seele
ist gewohnt und meine Seele wird ich
vergessen. Im Traum heute Nacht fühlte
ich, wie ich in meinem Garten stand, viele
laute Quellen waren aus dem Grund
aufgesprungen und überall setzte das

Wasser. Ich hatte flüchtig alles Wasser in einem
tiefen Graben, der sich dann wieder in den
von der Erde gefüllt.

Mit einem Traum gehe ich zurück,
es ist mir wie ein, als hätte ich wieder die
Tiefe gesehen.

Sprich, was denkst du?

„Ich denke, dass ich auf dem rechten
Weg.“

Wenn ich auf dem rechten Weg bin,
dann sag mir, wohin soll es gehen?
Frage nicht mich, sondern selbste!“

Ich sehe eine weiße Ebene - hohe
Grasbüschel - trockene Erde - Gerüche
ein blauer Himmel. Ich sehe in der
ferne eine Viehherde getrieben von
britischen Hirten mit langen Längern.
Sie tragen breite Strohhüte.

Vor mir steht einer der Hirten mit

heavenly bogen Gemüth — er nicht
und bekennst uns — eine markirte
Phäliekt mit uns — was soll es?
Werbst Du?

H. Ein Deutscher, der das Deutsche
Vaterland zu langweilig geworden ist.

7. Hast Du's hier besser?

H. Besser und feiner. Hier leben
wir sehr primitiv mit allen Nach-
theilen und Vortheilen des Primitiven.
Hier wir sind frei und unbefriedigt,
dafür müsst man Vieles im Kampf.

7. Bedauerst Du nicht, dass der civili-
sation Abschied genommen zu haben?

H. Ich könnte es vielleicht bedauern,
aber ich habe vergisst man, was
man nicht hat.

7. Aber man geht die die Culture nicht zurück!

H. Nein, eigentlich nicht. Ich trage die
Culture irgendwie in mir, wie ein Art
innerer Spannung und Sehnsucht.

7. Ist das nicht quälend?

H. Oh nein, wir haben uns mit dem primitiven
Leben zu quälen. Die
Sehnsucht nach der Culture quält uns denn
wenig. Sie ist vielmehr ein angenehmes
und abspannendes Gefühl.

7. Aber jetzt es doch nicht, dass man
leben so isoliert verlässt und freigeht.
Ist sie auf die Höhe der Culture fertig-
keit gekommen? Oder wird man
freier und besser. Du aber
kannst mit dem Leben, wenn du
in der Culture lebst.

H. Hier — Du sagst Recht haben. Aber
das wunderbare freie Leben — man kann's
nicht lassen. Das Leben in den Städten
ist eine Verknüpfung. Ein mehr oder

weniger in der Civilisation — was kommt
es auf den Eingehenden?

7. Aber wenn alle so denken wie Du?
Was würde dann aus dem Culturewerk
der Menschheit?

H. Ich bin fern davon, beherzigen zu
wollen, dass mein Verhalten Vorbild
zu sein, ich werde ein Vorbild und will
es auch nicht sein. Ich würde mir
das Recht heraus, meine Individuali-
tät zu leben. Wenn alle so denken
wie ich, dann stünde es wirklich anders
um die Civilisation. Wie viel Feiglinge
und Schwächlinge lebt ihr unter einem
Culture handwerker, die aus der
Feigheit und Schwäche bloß mittheilen,
im Grunde genommen aber nichts anderes
thun, wenn ihre Angewohnheit es
ihnen erlaubt?

7. Ich muss bei in diesem Punkt Recht

haben. Aber ich kann mich doch nicht
nicht entschließen mit dem Gedanken, dass
es dir besser gefällt, ein so steriles Leben
zu führen, wo man seinen wilden
Instinkten fröhnt, was auch die
Geistesgaben ungenutzt brachliegen.

H. Sie haben recht gesagt auch. Ich denke,
jeder allerdings bloß für sich. Aber ich
denke die Culturemensch für einander?
Es denkt doch jeder für sich, wenn er
irgend kann. Ein, der für Andere denkt
ist entweder ein Annahme oder ein
Philosoph, welcher nur insofern für
Andere denkt, als er möchte, dass alle
Andere sein System nachdenken und
nachahmen.

7. Damit wirkt der Philosoph aber
doch auch als Erzieher, obwohl seine
Absichten sehr egoistisch sein können.
Aber Egoismus ist doch keine Culture —

erlaubt geleistet. Obgleich er öfters sehr darauf ankam, wie etwas gemacht wird, so kommt es doch öfters auch gar nicht darauf an, wie's gemacht, sondern das es gemacht wird. Man propft, es scheint mir, als ob Du dich um diese Culturen gar nicht kümmertest.

J. Du bist ja sehr vorurtheilhaft. Glaubst Du nicht an die Rechte der Persönlichkeit?

J. Doch, ich glaube sehr daran; aber ich glaube auch an die Culturen aufgeben. Dieser Werk ist größer als der Individualismus und seine ungewissenhaftigen Rechte.

H. Aber wenn es mir wahr ist als Pantheist?

J. Das ist gerade der Punkt, wo mir Zweifel aufsteigen. Ich glaube nicht an die Einheit, sondern an die Vielheit. Du bist als Halb- wilder wohlher, als wenn Du in diesem

Culturen steht. Das Leben, das Du lebst, reicht nicht über diese Grenzen hinaus; so bist Du allzu begrenzt trotz der unbeschränkten Freiheit. Unbegrenzt hast Du nur, wenn Du Dich über Dich hinaus wachst.

H. Ich muss Dir etwas gestehen: Ich nicht auch für absonderliche, aber ich war es nicht immer. Ich habe Dir vorher nicht die Wahrheit gesagt über die Gründe, warum ich mein Vaterland verließ.

Ich hatte dort eine Aufgabe, ich stand an einem Werke, und dieses Werk reichte über meine Grenzen hinaus, es übertraf mich sogar unermesslich, und ich war ganz allein an dem Werke — und die Unmöglichkeit drückte mich, ich sah das Unendliche in meiner Aufgabe und mir sanken Muth und Glaube. Ich flieh in die Wüste und sagst mich von der Culturen los. Lieber, alle Culturen

eines primitiven halbwilden Lebens, als die unentzerrliche Last einer unermesslichen Aufgabe, die mich zu Tode drückt. Ja, ich gehe es an, aber ich bin zu schwach, die Unendlichkeit zu tragen. Ich bin zum Endlichen gezwungen zurück zum beschränkten menschlichen Leben, dessen Aufgabe zugleich mit ihm selbst erlosch.

Ich bin lieber allein mit den gefährlichen Thieren der Wüste als mit jener furchtbaren Aufgabe — man hat sein Leben und seine Kraft — und das Sieg ist wenigstens möglich. Aber eine solche Aufgabe, die größer ist als wir? Hier hat man doch eine Befreiung, die uns zu Hilfe kommen können — dort hast Du niemand — ein Gegenstand sogar, wenn hast Du noch möglichkeit Heile von die Füsse, damit Du sie ja nicht töten willst.

Ich machst, du könntest vielleicht sagen, an die Aufgabe erweist sich herausgehen. Ich warf das Unmögliche von mir und ging zurück zum Möglichen.

J. Es scheint mir aber, als ob Du in dem frühen Leben und dem jetzigen Leben doch noch andere Möglichkeiten gegeben hätten. Etwas doch nicht möglich, das Dir gleich in der Wüste liefert, als Du denn wahrscheinlich übertriebene Aufgabe nicht lösen könntest.

Man kann seine Aufgabe doch auch beschränken, will man erscheinen.

H. Du bist vernünftig und hast belauschte Ansichten. Aber hast Du je Unendlichkeit genossen? Hast Du je die Sehnsucht und die Verantwortung empfunden, die den Menschen fallen, der kein Kraftmensch ist, den die Unmöglichkeit weiter zu schreiben? Hast Du je die Bitterkeit empfunden,

Ob dem gerichtet wird, es über sich hinaus
schleppen möchte? Was soll ich reden
von der Verleumdung, der Ehrsamkeit,
der Verpöndelungshölle — ?

Das verflucht von mir. Versteht
es das?

J. Ich glaube, mein Bruder, dass ich
das verstehe. Das menschliche Herz
hat Rechte, die man ihm nicht be-
strafen soll — — —

Wir schweigen lange, denn wir mü-
sen schweigen. Mit der Noth des menschen-
lichen Herzens können wir nicht rechten.

J. Mein Bruder, ich verstehe deine Flucht.
Erwarte die zu schwer. Was meinst du,
du dich verstand?

H. Vielleicht — aber was hilft es?

Die Angst vertreibt mich und ich
komme nicht wieder zu mir, als ich zuerst
war, als ich hatte an meine Brust

gegriffen konnte. Ich trank wie ein Ver-
dursteter das Leben, worin die Fröhlichkeit,
seitdem erst lebte ich wieder.

Was hätte mit Verstand, was mensch-
lichen Fortgeholfen? Wäre sie das
freie Willkür, die ungeschickten Mächte
auf?

J. Ich muss dir Recht geben. Aber
denn kann ich dir nicht Recht geben,
denn du bist nicht mehr Mensch. Du
bist kein Feigling und kein Schwächling.
Wenn du zu diesem Verzicht fähig bist,
dann bist du auch fähig, wieder eine
schwere Aufgabe heranzugehen. Sie ist nicht
Kraupfhaft in deiner Consequenz;
sondern Carrière ist reicher. Es scheint
mir, als ob du lange genug herge-
weilt hättest. Was Werk karst deiner.

— — —

23. II. 14.

Das klang leer aus — gestern. Es
scheint mir noch nicht zugehört. Ich
will zu meinem Werk zurück. Was
hält mich noch?

„Du Ehrsucht“.

Ist es möglich? Ich dachte, ich
hätte die Überwindung überwunden.

Überwinden? Was nennst du
überwinden? Das hast du einfach negiert
und nicht haben wollen. Damit ist die
Kunst nicht überwinden.

Aber wie soll ich's thun? Ich kann
sich leichtest vernünftigen mich da-
nach nicht bestimmen zu lassen.

„Lich es ein.“

Wenn du sagst, so ich an Ehr-
sucht kranke, dann muss es wohl so sein.

Aber was und wie — das ist uns dunkel.
„So sage!“

Es veranlaßt ein König und der
hatte keine Kinder. Er hatte abgesehen
Kinder gehabt. Er ging sehr zu seiner
weinen Frau, die in Wälder wohnte und
gestand ihr alle seine Sünden. Darauf
sprach sie: Herr König, ~~du~~ hast ge-
than, was ~~du~~ nicht hättest thun sollen.
Aber weil es nun geschehen, so ist es
geschehen und wir wollen sehen, wie ~~du~~
es in Zukunft besser machen kannst.
Nehmt ein Pfund Otterschmelz, vergräbt
es in die Erde und laßt es halbes Jahr
dauern hingehen. Dann grabt jene Stelle
wieder auf und sollt noch, was ~~du~~ frucht.
Also sprach die weise Frau. Der König
aberging nach Hause, beschämte

schütt. Ergreifend Loch in Gerten
und lag ein Pfund Otterschmalz, das
er sich mühsam verschafft hatte, hinein.
Nach einem halben Jahre wurde er stark
wiederum. Zusammen erstannen
fand er, dass der Fette ganz vernachlässigt
war, aus seiner Stelle aber lag ein klat-
fendes Kindlein. Das nahm er mit und
brachte es seiner Frau. Sie nahm es
als sogeliebte Brust und sick - ihr
Milch floss reichlich. Das Kindlein aber
gedieh und wurde gross und stark.
Es wuchs zu einem Manne, der stärker
war als alle andern. Als der Königs-
sohn aber volljährig geworden war, da
trat er vor den Vater und sprach:

„Ich weiss, Du hast mich durch
Zaubererzeugt und ich bin nicht geboren

wie sonst einer der Männer. Du hast mich
aus der Vereinigung deines Saates geschaffen, das
machte mich stark, ich bin von keinem
weiblich geboren. Das machte mich klug. Ich
bin stark und klug und darum fordere
ich das Königreich von Dir.“

Dem König war betroffen was
der Wissenschaft seines Sohnes, noch mehr
ab von seinem ungestümen Vorhaben. Er
schalt ihn, den Sohn töten zu lassen.
Der sein Sohnschmerz war, fürchtete
er ihn und schalt ihn, sein Zorn
zu einer List zu nehmen. Er ging wieder
in den Zauber in den Wald und fragte
die Zauberin. Herr König ich,

Er sprach: „Du bist ein
mal keine Sünden, weil ^{ich} ein furcht-
bares ^{willst}. Ich rathe ^{noch} ^{zu} ^{ver-}
grabe wieder einen Topf mit Otterschmalz

und laßt ihn ein halbes Jahr in der
Erde liegen. Dann grabe wieder auf und
^{schau} was geschahen ist.“

Der König that, wie ihm die
Zauberin geordnet hatte. Und nach
Stunde an, wurde sein Sohn schwächer
und schwächer, und als der König
nach einem halben Jahre wieder
an die Stelle ging, wo der Topf lag, da
konnte er seinem Sohne das Grab
erkennen. Er legte ihn in die Erde,
wo der leere Topf lag.

Der König war betrübt und als
er seines Verlustes nicht Herr werden
konnte, ging er wieder hinaus zu der
Zauberin und fragte sie um Rath.
Sie sprach: „Herr König, ich
wollte einen Sohn, als aber der Sohn

begehrt, selbst König zu sein und wahl-
teuch die Kraft und Klugheit dazu hatte,
da wollte ich keinen Sohn mehr. Dem-
halb habe ich ^{den} einen Sohn verloren. Warum
klopfst du? Du hast Alles, Herr König,
was ich wollte.“

Der König antwortete: „Du hast Recht.
Ich wollte so. Aber ich wollte einen Sohn
nicht. Weinst du kein Mittel gegen
die Zauberin?“

Die Zauberin sprach: „Herr König
wiederum einen Topf mit Otterschmalz
und ^{schau} nach einem halben Jahre nach, was
^{ich} im Topf geschieht.“

Der König that, wie ihm geordnet
und nach einem halben Jahre wurde er frohlich und
wusste nicht warum. Als er nach
einem halben Jahre an die Stelle wieder auf-

über mich lachen.

„Der Name des Gottes — verstehst du,
aussohien?“

Ich weiß — aber es ist unvorstellbar
litter.

Ich habe Geduld mit dir, wenn
Andere keine haben. Du sollst tröstliche
Worte von mir vernehmen, wenn sie
über dich quälen und dich beschimpfen
und verwunden. Ich stehe an der
lauteren Quelle des Lebens, die dir einen
neuen Trinken kann. Meiner Bräutigam
wollen dir rauchen und dir den Trank
der Erlösung spenden, wenn du alle
Kraft austrocknest, und Alle zu dir
kommen werden, um das Wasser des
Lebens von dir zu betteln.

„Hörst du nicht, daß du ein Werk.“

Wo, wo soll ich die Threnoslichkeit
empfangen? Mein Wissen und Können
ist gering, meine Kraft nicht mächtig.

„Kann dir ein wenig Hilfe genügen.
Frage mich nach dem Morgen, der heute
soll die Zukunft sein. Mein Mittel
brauchst du dich nicht zu sorgen. Kann
Pflanzwachsen, kann Pflanzspinnen — ein
Werk wächst aus sich selbst.“

Johannestruerfe mich.

28 II 74.

Nicht weiter mit mir werfen. Es war
schwer — und das Leben ging auf meinem
wege weiter.

Mein Lieber, willst du etwas?

„Ich will nichts. Was sind meine
von all den schweren Kämpfen. Was be-

Dürft der Ruhe.

Sege Alles von dir.

9. II 74.

Ich bin etwas verändert, wie es scheint.
Mein Kopfwerk hat merkliche Dämpfung. Hast
du, daß ich zurück kommen soll zu dir, mein
Bruch?

Meine Seele, rede und lass mich
hören von dem, was in der Tiefe vorgeliegt.
Gib mir Kunde von den Dingen, die sich vor-
berühren. Mir ist es, als hätte ich ein
Chaos, tief in mir versteckt.

„So ist es. Chaos ist das richtige
Wort.“

Ich habe das Gefühl, als bedürfte ich
der Erleichterung. Kannst du
mir nichts heraufholen, was die innere

Spannung löst? Ich weiß, ich bin noch
nicht bei jenem Werke gelangt. Aber
du kennst ja die Schwierigkeiten.

„Du unversprochener Arbeit.“

Der Brief ist, gläublich abgelesen. Darin brach
Schmerz und Schmerz. Bitte, mache
keine Sprüche, sondern grüße mich
tiefen, erziehe mich Ernst.

„So höre denn: es giebt nichts
Sünderes unter der Sonne als die Reue.“

Wieso? Du bist, du Gott, er-
staunlich.

„Wunder dich nicht. Der Reue
ist das Reuevick, von dem du neu-
lich sprachst. Was sagst du, als du
ein Bäume liegst?“

Ich weiß zuverlässig nicht

nicht. Ich kann mich nicht entsinnen,
ob es etwas eher Doctrinär-Vermutungen
war.
„Schlag's nach“.

Nebst's: er sprach von meinem
Begriff der Liebe. Ich hatte, wie ich
nachträglich verstand, doch nicht so
klarheit, respective ich hatte ganz
Recht.

„Und doch ist ordnung?“

Warum? Das versteht ich nicht.

„Es ist dann vom „Begriff der Liebe“
zu reden. Da der Liebe hat man keinen
Begriff.“

Das ist wohl, ganz dein Styl.
Aber bitte, drücke Sachverhalte aus.

„Du bist wahrhaftig gemacht.
Du bist sehr formlich groß mit mir.“

„Doch - du wirst ja, du triffst dich
selber. Also hör: Die Liebe begreifen
wollen, ist überhaupt vergeblich und nicht
überhaupt. Die Liebe begreift man nicht,
hat man nicht zu begreifen, man hat sie
einfach - oder nicht.“

Du denkst dir die Liebe also etwas
geringlich Irrationales?

Wenn das durchaus philosophisch
beurteilt, so magst du es so nennen.
Es ist also schlichthin vernünftig, die Liebe nicht
haupt begreifen zu wollen.

Schreibe mich nicht verurteilen zu
lassen, wo ich mich nicht der Intellektualismus
schuldbewusst habe. - Ich verstehe
nichts nicht, wo.

„Für den mir tiefsten Arbeit. Du
suchst ja immer nach Gründen, warum
die Liebe gibt und warum die Liebe ein

pfängt. Das ist zu unterlassen.“

Das klingt befehlend. Soll man
sich darüber keine Rechenschaft geben?

Das unter keinen Umständen.
Du verstehst den Prozess, der du und andern
Lebenswichtig ist. Die Liebe ist das aller-
größte Erkenntnisorgan. Mit ihr nur
kennst du dein und anderer Seelen. Du
wirst nicht daran zu wollen. Es ist, wie
ich und vergessend liegt in dich unendliche
Sinn.

Willst du mich alles Denken darüber
verhieten? Wozu denn unsere Ver-
mutung?

„Du Vermutest kommt nachher.“

Schreibe unseren Schaden natürlich.

Auf die Proposition kann man sich
wohl kaum einlassen.

„Es kann aufs Probieren an.“

„Mir scheint, ich hätte schon genügend
experimentiert mit positivem und nega-
tivem Erfolg. Ich verstehe nicht, worauf
du zielst.“

„Klarheit nicht. Aber das was zu
sagen.“

Schlafe dich nicht. Ich muss alles
wissen.

„Um Alles zu verstehen?“

Wo kommt das auf einen Verdacht?

„Nun - um sich zu schützen.“

Man kann sich nicht gegen vernünftige
Einricht handeln, wenn man
nicht Besser weiß.

„Dies Freund ist gut, jedoch trifft er
nicht ganz, was ich meine.“

„Was meinst du denn; du bist wieder

irritieren.

„Uch! Bock! Du kennst wohl
sein Styl? Glaubst du, Andern sei
das angenehmer, wenn das spricht?“

„Du hast Recht. Das ist ein Punkt,
den ich nicht merken muss. Aber in diesem
Fall verstehe ich entschieden nichts.“

„Hör; Es war einmal ein Gärtner,
respecto Rhododendronen. Aber
er kam ein Vogel, welcher ihn Samen
fressen. Darauf stellt der Gärtner Fellen
und Leinwand. Als er andern Tags
in den Garten kam — was hatte er ge-
fangen? Ein Gimpel.“

„Nimmst du mich?“

„Wenn dem so kommt?“

„Ich kann um Geduld mit dir haben.
Wenn du mich mit einem Gimpel ver-“

gleichst, dann muss ich wohl auch
wenig sein, dass der Gimpel einen frisst hat.
Aber du bist ein wenig zu jung.
Willst du mich nicht darüber belehren?“

„Ich habe dir, du wirst höflich.
Du sagst, offenbar besser auf meine
stille künftige Sprache.“

Der Gimpel ist auf den Baum ge-
gangen, nicht weil es einen Baum
gefragt hat, sondern weil es zu
seinem Wesen gehört, auf den Baum
zugehen.“

„Nimmst du, ich respectiere meine
Liebe zu auf einen Baum gegangen oder
habe auf den Baum gegangen?“

„Beides ist gemeint. Die Liebe
geht immer auf den Baum.“

„Das widerspricht aber doch der Le-“

fernung. Ich kann das nicht annehmen.
„Du brauchst es ja nicht unbedingt
anzunehmen. Der Wahrheit wird nicht
Kampfschaft abzugeben nehmen.“

„Du sagst Dinge, die ich nicht schon
langst klar gemacht habe. Ich weiß, dass
meine Liebe auf den Baum geht, und das
widerstehe ich nicht, warum, dass ich
einen Fellen gerathen kann, und aber
ich kann und mag das nicht stellen.
Übrigens — was ist mit dir? Du
sprichst immer um etwas herum. Was
willst du eigentlich?“

„Ich bin ja kein Gimpel. Warum
in den Wald hinein, so tödtet zurück.“

„Dann bist du ja verzweifelt alleine
selbst mit dir, meine Seele.“ Ich dachte
an eine Zugzwang mit dir, es scheint

aber, ich bin allein mit dir.

„Das bist du. Hast du den Wert
der Liebe? Dass der Baum erhebt den
Gimpel hochzuwerthen als der Alleinsein
mit sich selber. Lerne die Sprache
Weisheit des Vogels.“

„Du bringst mich zur Verzweif-
lung. Habe ich nicht genug Liebe?“

„Nein, du nimmst zu wenig.“

„Wie kann ich?“

„Lass dich lieben, denke nicht
an's Zurückgehen.“

„Das scheint mir unmoralisch.“

„Vergiss nicht, dass du einen
Menschen schon einen Gefallen
wirst, wenn du in dich selber
Lassst.“

„Du wollst aber dafür bezahlt“

Sin.

„Das gilt nur für deine Riech.
Die Andern haben überhaupt noch die
Liebe zu lernen. Lehrlinge bespötht man
nicht voll.“

Das ist eine grausame Lehre.

„Sie fordert von der Opferung Daim
Vorurtheil menschlicher Natur. Das
heißt die Schwachheit Anderer zu parieren
dadurch werden sie gemüthlos.“

„Tun ich das nicht zur Genüge?“

„Nach langer nicht. Du verstehst zu
viel. Du solltest fordern.“

„Aber wie soll man praktisches Ver-
halten sein?“

„Sei ausgesprochen und mach
sich rar.“

„Das heißt aber - größte Zurück-
haltung meinerseits?“

„Hingeworfen: Aberlaube das
Heraufkommen.“

„Das parirt nicht, aber
ich will gehorchen.“

